МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В. И. ЛЕНИНА

Г. А. ХИДОЯТОВ

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX в. (60—70-х гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
Ташкент. 1969

Работа посвящена одному из сложных вопросов международных отношений конца XIX в.— противоречиям между Россией и Англией в Средней Азии. На большом материале, почерпнутом главным образом из английских и русских архивов, разоблачается лживость утверждений британских историков об оборонительном характере английской политики в этом районе. Так называемая политика «обороны Индии» от русской угрозы лишь прикрывала агрессивные замыслы британских империалистов, пытавшихся вытеснить Россию из Средней Азии. Автор показывает, что англо-русские противоречия в Средней Азии в сущности отражали межимпериалистические отношения, складывавшиеся во всем капиталистическом мире в период перерастания капитализма в империализм.

Книга рассчитана на историков, специализирующихся по истории международных отношений, а также широкий круг читателей, интересующихся вопросами истории Средней Азии.

Ответственный редактор
доктор ист. наук *А. Х. Бабаходжаев*

ВВЕДЕНИЕ

В августе 1918 г. английский экспедиционный отряд в составе 28 полка легкой кавалерии и 19 пенджабского полка, имевший первоклассное оснащение и укомплектованный кадровыми офицерами британской армии, под командованием генерала Маллесона пересек границы Персии и вступил на территорию Закаспийской области. Английские войска захватили Ашхабад (бывший центр Закаспийской области) и установили контроль на всем протяжении железной дороги от Ашхабада до Красноводска. В течение более чем полугода они хозяйничали в этой области, и лишь под натиском Красной Армии и местного населения английское правительство было вынуждено вывести войска с ее территории. Явились эти действия британских войск результатом заранее запланированных и подготовленных мер британского правительства или же были «экспромтом», направленным на защиту собственных интересов против внезапно возникшей опасности? Был ли этот шаг актом местного значения или преследовал далеко идущие цели? И наконец, каково политическое содержание этого акта, т. е. имели ли события, связанные с действиями британского командования, исключительно военное значение или же они были частью политики, последовательно проводимой британскими государственными деятелями в Азии на протяжении более ста лет?

Английские историки утверждают, что войска под командованием генерала Маллесона были направлены в Закаспийскую область для защиты британских интересов и в частности для «обороны Индии». По версии, выдвигаемой ими, британские войска вторглись на территорию Туркестана для того, чтобы организовать оборону Индии против возможного наступления со стороны Германии, Австро-Венгрии и Турции: британское

командование должно было создать на территории Туркестана непреодолимый бастион и нейтрализовать таким образом надвигавшуюся на Индию опасность[1]. С другой стороны, британские историки не склонны придавать этому событию серьезного значения и стремятся представить его как незначительный «эпизод», который не имел никакой политической подоплеки, кроме защиты собственных интересов британской короны[2]. Поскольку утверждения о необходимости «обороны Индии» стали частью британской политики в Азии и даже сейчас появляются в книгах английских авторов, стремящихся оправдать политику британских империалистов, важно уточнить, что скрывалось за этими разговорами, какова была их истинная подоплека.

Одна из задач автора настоящей работы — проследить основные моменты в англо-русских отношениях в Средней Азии на протяжении пятнадцатилетнего периода (1865—1881 гг.) и выяснить направление британской внешней политики в Азии, в частности на Среднем Востоке, которую английские государственные деятели прикрывали пресловутой версией «угрозы России» и утверждениями о необходимости «обороны Индии». Международные отношения в Европе в период перерастания капитализма из так называемого «свободного» капитализма в стадию империализма, или монополистического капитализма, в период 60-80-х годов в основных чертах освещены в советской исторической литературе, однако отношения между крупнейшими капиталистическими державами на континентах, которые превращались в колонии, изучены чрезвычайно слабо и, за исключением нескольких работ (среди которых особенно выделяется работа А. Л. Нарочницкого)[3], еще не подвергались обстоятельным исследованиям. История этих отношений интересна в смысле научном, так как проливает свет на очень важные страницы мировой истории, и еще более поучительна в смысле политическом.

Дело в том, что империализм уже в начале эры своего господства использовал различные предлоги для проведения агрессивной политики и всячески маскировал ее.

После второй мировой войны возродились многие традиции империализма, и события последних лет убедительно доказывают, насколько важно разоблачать все ухищрения империалистов, стремящихся оправдать свои агрессивные действия.

---

[1] O. Caroe. Soviet Empire, London, 1953, p. 116; R. Pipes. The Formation of the Soviet Union Cambridge, 1954, p. 180.

[2] C. H. Ellis. The Transcaspian Episode 1918—1919, London, 1963.

[3] А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895, М., 1956.

Глубокое исследование агрессивной политики империалистических держав, методов и конкретных форм, в которых она проводилась, дает возможность разоблачать политику, проводимую западными державами против народов Азии, Африки и Латинской Америки в настоящее время: в англо-русских отношениях в Средней Азии XIX в., как в капле воды, отражены многие стороны политики империалистов.

Наконец, отношения, складывавшиеся между Англией и Россией, на протяжении всего девятнадцатого столетия играли центральную роль в европейских международных отношениях. И сейчас, когда перед европейскими державами остро встал вопрос о европейской безопасности и отношения между СССР и Великобританией могут сыграть решающую роль в утверждении прочного мира в Европе, рассмотрение и научный анализ всех проблем, которые когда-то разделяли обе державы, но не привели к окончательному разрыву между ними, представляет огромный научный и политический интерес. Среднеазиатский вопрос был одной из важнейших узловых проблем в англо-русских отношениях во второй половине XIX в. В ней сплетались многочисленные острые противоречия двух великих держав как политического, так и экономического характера. В отношениях, складывавшихся в Средней Азии между Англией и Россией, следует искать ключ к выяснению многих важных проблем, касающихся не только этих держав, но и отдельных вопросов всей европейской политики в целом.

Англо-русские противоречия в Средней Азии развивались в период все большего обострения англо-германских противоречий, которые в конце XIX в. стали главными в межимпериалистических отношениях. Именно поэтому англо-русские противоречия в Средней Азии не только не привели к вооруженному конфликту, но более того, не помешали постепенному сближению обеих держав, что привело в 1907 г. к заключению соглашения, согласно которому разделялись сферы влияния в этом районе. Страх перед общим врагом в Европе оказался сильнее стремления завладеть новыми территориями в Азии; германская опасность заставила Англию и Россию урегулировать один из самых острых вопросов во взаимных отношениях. Однако, даже заключив соглашение и выступая совместно против кайзеровской Германии, оба государства не забывали о Средней Азии и готовились к окончательному решению вопроса о ней. Вторжение отряда генерала Маллесона на территорию Закаспия в тот период, когда вся Россия была охвачена гражданской войной, а ее внутренние ресурсы подорваны и, казалось, новая власть не сможет оказать должного отпора, явилось первым

шагом на пути к осуществлению британскими империалистами давнишней мечты, связанной со Средней Азией.

Исследование англо-русских отношений в Средней Азии в 70-80-х годах позволяет выяснить политику двух империалистических держав в Азии, их методы и формы борьбы за раздел Азии, раскрыть сущность их дипломатических увертюк и коварство агрессивной политики империализма. Это основные проблемы, поставленные в данной работе. Кроме того, в книге рассматриваются и другие вопросы, способствующие решению главных задач. К ним в первую очередь относятся такие проблемы, как причины и значение завоевания Средней Азии Россией, политика Англии и России на подвластных им территориях Азии, отношения, складывавшиеся с местными народами, влияние среднеазиатских событий на внешнее и внутреннее положение обеих стран.

Хронологически работа охватывает период с июня 1865 г., когда русские войска под командованием генерала Черняева взяли г. Ташкент и таким образом захватили один из самых важных районов Средней Азии, до русско-персидской конвенции 1881 г., установившей границы между Персией и русскими владениями в Средней Азии. Этот период насыщен острой и чрезвычайно сложной борьбой двух стран в Средней Азии. От Кашгара до Лондона: в Афганистане, Персии, Петербурге, Константинополе — английская дипломатия вела ожесточенную борьбу против России, пытаясь остановить расширение русских владений в Средней Азии. Одновременно британская военщина с одобрения и поддержки британской дипломатии предприняла активные действия по расширению влияния Англии и захвату стратегически важных плацдармов в Средней Азии для того, чтобы воспользоваться ими в удобный момент для решения вопроса о Средней Азии. Она двинулась в Кашгар, ввергла афганский народ в пучину второй англо-афганской войны, послала своих лучших офицеров в Туркмению для проведения подрывной работы среди туркмен против России. Но Россия упорно и твердо, шаг за шагом продвигалась в Средней Азии. В 1872 г. она покорила Хиву, в 1876 г. присоединила Кокандское ханство и, наконец, в 1881 г. со взятием Геок-Тепе под властью России оказалась Туркмения. Россия добилась благоприятного решения вопроса о русско-афганской границе. Тот факт, что Англия, несмотря на все усилия, не смогла воспрепятствовать этому, следует расценивать как серьезное поражение ее в Азии. Период 1865—1881 гг., таким образом, можно выделить как особый период англо-русских отношений в Средней Азии. Изучение его как с точки зрения политики обеих держав в Средней Азии, так

и с точки зрения отношений между ними по вопросам, касающимся этого района, позволяет решить задачи, стоящие перед работой.

Географически в данной монографии охвачены события, происходившие на территории, включающей северную и северо-восточную часть Ирана, советскую Среднюю Азию, Афганистан, современный Синь-Цзян и северные районы Индии. Именно исследование сложной группы политических и экономических вопросов и интересов, вставших в отношениях между Англией и Россией на столь обширном пространстве может в полной мере способствовать раскрытию так называемой «среднеазиатской проблемы» и решению других вопросов, которые ставятся в настоящей работе.

Общее содержание работы раскрыто на основе английских и русских архивных материалов, значительная часть которых еще не публиковалась ни в СССР, ни в зарубежных странах. В той части книги, которая касается английской политики в Средней Азии, автор в основном использовал документы из государственного архива Великобритании — «Паблик Рекорд Оффис», где он обнаружил чрезвычайно интересный фонд, числящийся под шифром «Форин Оффис 539». В этом фонде сосредоточена секретная переписка британского Министерства иностранных дел по Средней Азии за период с 1833 г. (т. е. первых шагов британского правительства в Средней Азии) до 1917 г. Все документы за этот период составляют 86 томов, отпечатанных типографским способом. Британские авторы обычно использовали два основных фонда архива: «Форин Оффис 60» (переписка с посольством в Тегеране) и «Форин Оффис 65» (переписка с посольством в Петербурге) — и совершенно не касались фонда «Форин Оффис 539», даже не упоминали о нем. Между тем, в этом фонде, который предназначался только для членов кабинета и никогда не разрешался для публикации в Синих книгах, собраны все секретные документы, в которых наиболее полно раскрывается характер и содержание британской политики в Средней Азии. Здесь представлена вся переписка по среднеазиатским вопросам с посольствами в Тегеране и Петербурге, переписка с вице-королями Индии, донесения консулов и тайных агентов, официальные и секретные документы правительства, письма министров иностранных дел и руководителей индийского департамента. В нашей монографии английская политика в Средней Азии освещена главным образом на основании документов этого фонда. Ссылки на материалы фонда даются под шифром «Ф.О.539».

Кроме фонда «Ф.О.539» в «Паблик Рекорд Оффис», автор использовал личные архивы британских государственных и политических деятелей. Среди них необходимо прежде всего выделить личные архивы лорда Солсбери, хранящиеся в Оксфорде в библиотеке колледжа Крайст Черч, личные письма лорда Солсбери к британским послам за те периоды его жизни, когда он был министром иностранных дел Англии — 1878—1880 гг., 1885—1886 гг., 1887—1892 гг., 1895—1900 гг. Лорд Солсбери широко применял в переписке с английскими дипломатами практику личных писем, где он мог быть предельно откровенным и свободно излагать мысли, называя вещи своими именами, не опасаясь публикации их в «Синих книгах». В связи с этим, личные письма лорда Солсбери представляют гораздо больший интерес, чем официальные депеши послов, и часто только по ним можно судить об истинном содержании британской политики. Большинство британских послов получало в год не более трех—четырех личных писем от лорда Солсбери.

Документы лорда Солсбери представляют еще больший интерес благодаря его признанной репутации лучшего знатока среднеазиатской проблемы и главного руководителя и организатора среднеазиатской политики британского правительства[4]. Солсбери хорошо знал Среднюю Азию, прекрасно разбирался в ее географии, истории, этнографии и уделял Средней Азии большое внимание в своей политике. Профессор Лондонского университета Р. Л. Гривс посвятила его среднеазиатской политике отдельную монографию, построенную в основном на материалах личных фондов Солсбери. Однако она использовала только такие документы и письма, которые могли представить его в благоприятном свете. И вообще британские историки пытаются идеализировать личность кумира империалистической буржуазии Англии, посвящая ему монографии поют дифирамбы его мудрости, кротости, его заботе об азиатских народах и пр.[5] В связи с этим документы лорда Солсбери, приводимые в нашей книге, должны вызвать интерес. Документы лорда Солсбери были в значительной степени использованы и в работе лэди Сэсиль, дочери лорда Солсбери[6], однако по непонятным причинам она опустила наиболее интересные из них, касающиеся Средней Азии. Из 140 томов архивов лорда Солсбери мы использовали 22 тома, которые прямо

[4] R. L. Greaves. Persia and Defence of India 1884—1892, London, 1958.

[5] См. указанную работу Гривс, а также E. Salmon. The Marquis of Salisbury, London, 1901; W. F. Aitken. The Marquis of Salisbury, London, 1901.

[6] G. Cecil. The Marquis of Salisbury, London, IV volumes, 1918—1923.

или косвенно затрагивают среднеазиатскую политику: переписка с послами в Петербурге, Тегеране, Константинополе, с вице-королем Литтоном и различными частными лицами.

Чрезвычайно интересны личные архивы британского посла в Константинополе Лэйярда (1877—1879 гг.), которые хранятся в Британском музее[7]. Лэйярд был одним из главных проводников среднеазиатской политики британского правительства, находясь в качестве посла в Константинополе, где сходились нити британской агентуры в Средней Азии и намечались важные меры, предпринимаемые британскими политиками в Средней Азии. Его переписка с лордом Литтоном, когда тот в качестве вице-короля готовил агрессию против Афганистана, освещает методы проведения британской колониальной политики и отношение к России значительной части британских государственных деятелей. В работе в основном использовались документы, содержащиеся в 234 томе, помеченные грифом «лично», «секретно» и «совершенно секретно» и предназначавшиеся для очень узкого круга лиц. Особенно интересны письма, которыми обменялись в 1877—1878 гг. лорд Солсбери и лорд Литтон по вопросам взаимоотношений с Россией в Средней Азии.

Многие важные сведения по британской внешней политике в целом и, в частности по среднеазиатской политике, почерпнуты из личных архивов Гладстона, хранящихся в Британском Музее[8], и Р. Муриера, британского посла в Петербурге (с 1885 по 1892 г.), который внес значительный вклад в улучшение отношений между Россией и Англией и постоянно выступал за тесное сотрудничество между двумя великими европейскими державами. Наиболее важные документы из архива Гладстона, именно переписка Гладстона с его неизменным министром иностранных дел лордом Гренвиллем[9], опубликованы мисс Агатой Рэмм. Эти письма охватывают в основном период с 1868 г. по 1866 г. и касаются вопросов Средней Азии. В документах Муриера, которые хранятся у мисс Рэмм в Оксфорде, особенно выделяется его переписка с лордом Солсбери, с которым они были близки и чрезвычайно откровенны и в этом смысле письма Муриера и лорда Солсбери к нему представляют большой интерес при исследовании проблемы британской политики в Сред-

---

[7] The Papers of Sir Austen H. Layard, British Museum, Add. Mss. 38 391—39 164.

[8] Gladstone Papers. British Museum, Add. Mss. 44 151—44 769.

[9] The Political Correspondence of Mr Gladstone and Lord Granville 1868—1876, v. I—II. London, 1952, ed. A. Ramm; The Political Correspondence of Mr. Gladstone and Lord Granville, 1876—1886, London, 1961, v. I—II.

ней Азии. Сверка писем лорда Солсбери, хранящихся в Крайст Черч, с теми, которые находятся у А. Рэмм, показала, что расхождений в их содержании нет, за исключением чисто стилистических изменений, которые не отразились на общем содержании. Некоторых писем лорда Солсбери нет в Крайст Черч, в этом случае автор ссылается на документы Муриера.

Указанные выше архивные материалы приводятся автором впервые в исторической литературе и являются главным источником при исследовании вопросов, связанных с английской политикой в Средней Азии. Ценность их заключается в том, что они, являясь сугубо секретными и личными письмами, депешами, дают наиболее полное представление о британской политике в Средней Азии и неопровержимо свидетельствуют о ее главных направлениях.

Кроме архивных документов, в работе использованы официальные публикации британского правительства, документы, представленные парламенту, мемуарная литература, отчеты о парламентских дебатах в издании Хансарда, британская пресса, книги британских авторов биографического характера и пр. Первая категория публичных источников представлена «Британскими и иностранными государственными документами»[10], в которых помещалась обычно вся официальная переписка британского правительства по внешнеполитическим вопросам, «Синими книгами» (отдельные публикации документов по особо важным событиям и вопросам), «докладами», содержавшими сообщения консулов и пр. Публикация официальных документов была особым приемом политики британского правительства: она должна была освещать позицию, занимаемую британским правительством во внешней политике в надлежащем свете. Трудно выяснить критерий, которого придерживалось британское правительство при публикации официальных документов. По свидетельству депутата парламента Бейли, информация в них тщательно замалчивала все, что правительству было угодно скрыть. Еще К. Маркс писал об одной из «Синих книг» по восточному вопросу, что «более чудовищного памятника правительственной подлости и слабоумия, пожалуй, никогда не знала история»[11]. Он приводил характерный пример направленности этих публикаций. В 1839 г. английское правительство опубликовало в «Синей книге» дипломатическую переписку по Афганистану и Персии, пытаясь скрыть провокационную роль Анг-

[10] British and Foreign State papers (BFSP).
[11] К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 10, стр. 55.

лии в развязывании англо-афганской войны и свалить всю вину на А. Бернса, который якобы дезинформировал британское правительство. Однако через некоторое время части переписки А. Бернса, не включенные в «Синюю книгу», были опубликованы его отцом и разоблачили эту махинацию. К. Маркс в связи с этим отмечал, что переписка Бернса не только искажена, но фактически подделана и пополнена вставками с целью — ввести в заблуждение общественное мнение[12].

Особенно широко практиковалась публикация «Синих книг» правительством Дизраэли в период 1874—1880 гг. За эти годы правительство опубликовало около 250 сборников документов[13], побив все известные в Англии рекорды по фальсификации, дезинформации и лжи. Например, «Синяя книга» об англо-афганской войне была опубликована 28 ноября 1878 г., т. е. через неделю после того, как английские войска перешли границы владений эмира кабульского[14]. Документы, включенные в этот сборник, охватывали период с декабря 1873 г. по сентябрь 1878 г. и должны были раскрыть причину возникновения войны с Афганистаном и оправдать действия британского правительства. Здесь представлена переписка генерал-губернатора Туркестана Кауфмана с эмиром Шир Али Ханом, документы, касавшиеся русского продвижения в Средней Азии и военных приготовлений России, а также дипломатическая переписка с русским правительством, донесения из Симлы и Тегерана. Все документы подобраны таким образом, чтобы создать впечатление, что русские вероломны и не раз нарушали обещание не наступать в Средней Азии, коварный эмир заключил с ними негласное соглашение с целью выступления против Индии, и Англия предприняла лишь превентивные меры с целью разрушить этот союз и образумить эмира. Непосвященного читателя «Синяя книга» должна была убедить в правомерности и необходимости действий, предпринятых британским правительством. В действительности вся эта документация явилась чудовищной фальсификацией истории подтасовкой фактов. В ней не была представлена переписка лорда Солсбери с лордом Нортбруком, из которой видно, что Солсбери требовал переговоров с эмиром о разрешении представительства британских офицеров в Герате и Кабуле, опущены инструкции лорду Литтону, согласно которым ему представлялась свобода действий в отношении Афганистана, а также донесения посла в Тегеране Томсона о тайных

[12] К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11, стр. 548.

[13] H. Temperley, L. Penson. A Century of Diplomatic Blue Books 1814—1914, Cambridge, 1938, p. 293.

[14] Correspondence respecting Central Asia, London, 1878.

сношениях с туркменами, стремившегося настроить их против России.

Таким образом, к британским официальным публикациям дипломатических документов необходимо подходить чрезвычайно осторожно, и ссылки на них могут быть обоснованы лишь при сравнении с другими факторами и сопоставлении с секретными документами. Во всяком случае верить им нельзя даже при бесспорности приводимого факта, так как многое зависит от общего содержания сборника документов и места, которое он в нем занимает.

Не менее осторожного подхода требует британская пресса. В работе был использован весь комплект газеты «Таймс» за период с 1870 по 1885 г., отдельные номера газеты «Морнинг Пост», независимых журналов «Девятнадцатое столетие» и «Двухнедельное обозрение». Газета «Таймс» — чрезвычайно важный источник, и без использования ее немыслима работа по теме, касающейся внешней политики Англии. Ее редакционные статьи по внешнеполитическим вопросам, письма в редакцию, публикации сообщений самого распространенного в то время телеграфного агентства «Рейтер», исторические очерки делают газету самым насыщенным источником по исследуемой проблеме. Однако по газете «Таймс» нельзя судить об английском общественном мнении.

«Таймс» никогда не отражала точку зрения определенной партии, ее единственной задачей на всем протяжении истории было оправдать политику правительства и обосновать его действия, представить его в нужном свете и прикрыть истинные цели. Какая бы партия ни находилась у власти, «Таймс» находила оправдание для ее политики. Интересно отметить в связи с этим, что в вопросах русской политики в Средней Азии до 1876 г. «Таймс» категорически отвергала обоснованность каких-либо опасений по поводу русских угроз в отношении Индии, после 1876 г. она стала публиковать панические статьи о реальном существовании «русской угрозы Индии», а после 1881 г. вновь блестяще доказывала необоснованность опасений за Индию и едко высмеивала страхи части британских правящих кругов. Эта газета умела великолепно регулировать антирусскую температуру в стране. У нее всегда были наготове антирусские статьи, которые можно было поместить при каждом удобном случае. Кроме того, ее берлинский корреспондент, профессор славянских языков Абель мастерски писал антирусские статьи, и, по свидетельству газеты «Биржевые ведомости», систематически возбуждал читателей против России[15].

[15] Биржевые ведомости, 25 ноября 1878 г.

Газета «Морнинг Пост» представляла точку зрения крайне экспансионистских кругов Англии, которые требовали открытой наступательной политики в отношении русских, и угрожала России.

Внутриполитическая полемика в Англии по внешнеполитическим вопросам находила довольно полное отражение на страницах двух самых популярных английских журналов: «Девятнадцатое столетие», который выходил ежемесячно, и «Двухнедельное обозрение». На страницах этих журналов печатались статьи представителей различных течений британской буржуазии — от крайних империалистических элементов до вымирающей фритредерской буржуазии. В этой полемике представители британской буржуазии зачастую выдавали самые сокровенные мысли британских империалистов, поэтому в сопоставлении с архивными документами журналы могут пролить дополнительный свет на истинную картину британской внешней политики в Средней Азии. Правда, ни одно из высказываний в них не может расцениваться как официальная точка зрения, хотя в них довольно часто звучало требование таких мер, которые вскоре могли быть практически осуществлены правительством. По-видимому, журналы должны были судить о том, насколько то или иное правительственное мероприятие назрело и отмечать реакцию общественного мнения.

Наконец, важное значение для решения стоящих перед автором задач имела мемуарная литература, или жизнеописания видных английских государственных деятелей, составленные их ближайшими родственниками или близкими людьми. К таким книгам прежде всего следует отнести работу дочери Литтона Б. Бальфур «История индийской администрации лорда Литтона»[16], дочери лорда Солсбери лэди Сесиль «Третий маркиз Солсбери»[17], У. Монипенни и Д. Бакл «Жизнь Бенджамина Дизраэли, герцога Биконсфилда»[18] (в шести томах), фельдмаршала Роберта Кандагарского «Сорок один год в Индии»[19], мемуары бывшего посла в Петербурге (с 1872 по 1879 гг.) лорда Лофтуса[20], опубликованная переписка лорда Рипона — вице-ко-

---

[16] L. Balfour. The History of Lord Lytton Indian Administration, London, 1899.

[17] G. Cecil. The third marquis of Salisbury, v. I—II, London, 1921.

[18] W. Monypenny, G. Buckle. Life of Benjamin Disraeli, earl of Beaconsfield, vol. I—VI, New-York, 1913.

[19] Roberts of Kandahar. Forty one years in India, from subaltern to the Commander-in-chief, v. I—II, London, 1897.

[20] A. Loftus. The Diplomatic Reminiscence of lord Augustus Loftus, London, 1894, v. I—II.

роля Индии с 1880 по 1884 гг.[21] и др. Ценность этих источников в том, что их авторы для оправдания близких родственников, или для их восхваления публиковали документы из семейных архивов, не фигурировавшие ни в одном из официальных архивов, частную переписку, которая иногда бывает гораздо важнее официальных документов и пр. В частности, инструкции лорду Литтону, где ему фактически предоставлялось право взять курс на войну с Афганистаном, встречаются только в работе Бальфур и, возможно, вопреки ее желанию, служат убедительным документом для разоблачения политики Дизраэли—Солсбери.

В той части работы, которая касалась позиции России в Средней Азии, ее внутренней политики в Средней Азии, задача автора в значительной степени была облегчена благодаря заимствованию материала из русских дореволюционных и советских публикаций, а также из работ советских авторов, собравших уже значительный материал по вопросам русского завоевания Средней Азии, внутренней политики, взаимоотношений с сопредельными азиатскими государствами. Из опубликованных русских документов следует прежде всего выделить сборник документов «Афганское разграничение»[22], в котором русское министерство иностранных дел представило полную документацию англо-русских переговоров об установлении границ между русскими владениями в Средней Азии и афганским эмиратом. Сравнение с архивными фондами по этому вопросу, как английскими, так и с русскими, показывает исключительную добросовестность составителей сборника в отборе материала. В сборнике приведены не все документы по указанному вопросу, тем не менее ход переговоров, суть основных событий, позиции стран показаны очень верно. Этот сборник может считаться лучшим источником по вопросу русско-английских отношений в Средней Азии с 1881 по 1885 г.

Ценны в этом отношении российские историко-архивные журналы «Русский архив» и «Исторический вестник», в которых публиковалось большое количество русских материалов как мемуарного, так и официального характера, отражавших политику российского правительства в Средней Азии. Не менее ценными источниками следует считать издававшийся Главным штабом Военного министерства «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», а также штабом Туркестанского Военного округа сборник «Сведения,

---

[21] The Marquis of Ripon. Correspondence with persons in England (Confidential), 1884.

[22] Афганское разграничение, СПб., 1886.

касающиеся стран, сопредельных с туркестанским военным округом». В первом содержались главным образом материалы по истории англо-русских отношений и по русской политике в Азии, во втором — обзор текущих событий в прилегающих к Туркестану азиатских странах. Важная часть обоих сборников — переводы иностранных книг, главным образом английских, затрагивающих проблемы азиатских стран и политику Англии в этих странах.

Гораздо беднее советские публикации истории англо-русских отношений в Средней Азии этого периода. Даже в таком солидном журнале, как «Исторический архив», не опубликован ни один документ по этому вопросу, а в «Красном архиве» помещено лишь несколько документов, которые, разумеется, не могут дать представление об общей картине англо-русских отношений в Средней Азии, правда, в этом издании помещены весьма интересные документы о межимпериалистической борьбе за Персию в 1890—1906 гг.[23]

Наиболее полными и насыщенными публикациями по истории русской политики в Средней Азии и происков британского империализма, истории русско-английских отношений рассматриваемого периода следует считать опубликованный в 1946 г. в Ашхабаде сборник документов «Россия и Туркмения в XIX в.»[24], а также более полный сборник «Присоединение Туркмении к России», изданный там же в 1961 г.[25], в состав которого вошли архивные материалы из центральных Государственных исторических архивов УзССР, Грузинской ССР, Туркменской ССР, Центрального Государственного военно-исторического архива СССР. Опубликованные в нем многочисленные документы в основном отражают весь комплекс русской политики в Туркмении с 1869 г. по 1885 г., т. е. начиная с высадки русских войск в Красноводске и кончая взятием русскими войсками Мерва в 1884 г. Несмотря на некоторые упущения составителей сборника, выразившиеся в отсутствии многих ценных документов из фонда ЦГВИА, в отдельных неточностях в документах, а также неоправданных сокращениях, значение этого сборника настолько велико, что ни один исследователь, занимающийся проблемами русской политики в Средней Азии, не может обойтись без него.

Принимая во внимание все выше названные публикации, как русские дореволюционные, так и советские, и учитывая, что в

[23] См. «Красный архив», 1933, № 56.

[24] Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России, Ашхабад, 1946.

[25] Присоединение Туркмении к России, Ашхабад, 1961.

работах советских авторов[26] нашла отражение значительная часть русских документов по истории завоевания Средней Азии Россией и русской политики в Средней Азии, автор настоящей работы счел возможным ограничиться в основном четырьмя архивами — Центральным Государственным историческим архивом УзССР, Центральным Государственным военно-историческим архивом СССР, Центральным Государственным архивом Октябрьской революции и Архивом внешней политики России.

В ЦГИА УзССР имеется огромный фонд материалов, на основании которых можно составить довольно полное представление о русской политике в Средней Азии, основных этапах завоевания, о внутренней политике туркестанского генерал-губернаторства. Географическое положение Туркестана, близость к Афганистану и Ирану, связи с другими соседними азиатскими странами обязывали русские власти вести определенные деловые сношения с правителями этих стран и интересоваться положением в них. Кроме того, политические задачи, поставленные перед туркестанским генерал-губернаторством, обязывали также туркестанские власти вести разведывательную работу в соседних азиатских государствах. В двух фондах Туркестанского генерал-губернаторства, хранящихся в ЦГИА УзССР, а именно в фонде I «Канцелярии генерал-губернатора» (КТГГ) и фонде II «Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе», имеется значительное количество материалов как по внешней политике российского правительства, так и по английской политике, по внутреннему положению России и Англии. Однако по вопросу англо-русских отношений, политического положения обеих стран, английской политики в Средней Азии документы ЦГИА УзССР не могут использоваться без тщательной проверки. Дело в том, что служба разведки Туркестанского генерал-губернаторства работала чрезвычайно плохо.

Русские власти не имели почти ни одного агента, который регулярно передавал бы сведения о положении в Афганистане или в других соседних странах. Подавляющая часть информации доставлялась случайными проезжими, торговцами, или же собиралась в виде слухов на базарах. Генерал Кауфман получал подчас разноречивые сведения, которые часто были настолько фантастическими, что министр иностранных дел Гирс неодно-

[26] В работе Н. А. Халфина «Присоединение Средней Азии к России». Ф. Юлдашбаевой «Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии», М. Н. Тихомирова «Присоединение Мерва к России» и других использовано большое количество архивных материалов ЦГИА УзССР, ЦГИА ГрузССР, ЦГИА и др.

кратно указывал на недостоверность сведений русских властей и просил дать указание соответствующим должностным лицам быть аккуратней в доставке сведений[27]. Не улучшилось положение дел и с организацией в 1880 г. по указанию Кауфмана ежемесячного журнала донесений о военных и политических событиях и слухах в соседних азиатских странах, которые составлялись на основании донесений русских агентов. В них было столько необоснованных и непроверенных сообщений, что в 1884 г. Гирс специально написал военному министру, обращая его внимание на то, что в этих журналах не указано, откуда берутся эти сообщения, а в самих донесениях он находил «много вымышленного, побуждающего относиться к нему с большим недоверием»[28]. Наиболее интересны в фондах ЦГИА УзССР документы, касающиеся позиции России в период второй англо-афганской войны, фактов, связанных с бегством Абдурахман-хана из Ташкента в Афганистан в 1879 г.[29], отношениями с эмиром Абдурахман-ханом, операциями русских войск в апреле 1885 г. в связи с обострением русско-английских отношений и пр. Эти документы могут служить ценным подспорьем при характеристике позиции русских властей в Туркестане и русских военных в отношениях с Англией в Средней Азии.

При анализе русской политики в Средней Азии, действий русских властей и русских командующих автор настоящей работы основывался главным образом на фондах Центрального государственного военно-исторического архива, где сосредоточены все архивы русского Военного министерства, которое более чем какой-либо другой департамент российского правительства занималось проблемами среднеазиатской политики. В фондах Главного штаба, Военно-ученого комитета, Военно-ученого архива азиатской части (ВУА) сосредоточивались и оседали богатейшие материалы по Средней Азии, доставлявшиеся командованием кавказской армии и туркестанским генерал-губернаторством. Россия имела в этот период блестяще подготовленных офицеров, знавших Среднюю Азию, разбиравшихся в азиатской политике, превосходно владевших языком. Генералы Соболев и Обручев, офицеры Ягелло, Кузьмин-Караваев, Струве, подполковник Глуховский были глубокими знатоками

---

[27] Гирс — Кауфману, 20. IV 1877 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 345, л. 7; Гирс — Кауфману, 20. IX 1877 г., Там же, л. 44.

[28] Гирс — П. П. Ванновскому, АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1884 г., д. 124, л. 17.

[29] Эти документы были частично представлены в известной работе А. А. Семенова «Бегство Абдурахман-хана», Ташкент, 1909.

Средней Азии, и их докладные записки, меморандумы, представления по отдельным вопросам среднеазиатской политики являются замечательными источниками по изучению русской политики и во многих отношениях могут стать неоценимым материалом по исследованию среднеазиатской истории в целом.

С середины XIX в. Военное министерство и лично военный министр Д. А. Милютин играли значительную роль в определении внешней политики царизма, и часто за Милютиным было решающее слово в осуществлении внешнеполитических акций России. В связи с этим документы и материалы, доставлявшиеся в Военное министерство и подготавливавшиеся здесь, являются прекрасным материалом по изучению внешней политики русского царизма. К тому же Военное министерство имело за рубежом представителей в ранге военных агентов. В частности в Англии в течение длительного времени находился военный агент генерал Горлов, человек высокообразованный, эрудированный, с широким кругозором. Донесения этих агентов могут быть весьма полезны при изучении внешней политики Англии, внутриполитической борьбы по вопросам внешней политики, а также англо-русских отношений. Наконец, следует учитывать, что командование кавказских войск, как и туркестанское генерал-губернаторство, которые несли ответственность за российскую политику в Средней Азии, подчинялись только Военному министерству и вследствие этого их донесения, концентрировались главным образом в архивах Военного министерства.

В решении ряда вопросов, поставленных в настоящей работе, значительную роль сыграли личные архивы князя А. М. Горчакова, канцлера России, и графа Н. П. Игнатьева, директора Азиатского департамента с 1864 по 1874 гг., посла в Константинополе в 1876—1878 гг., назначенного позже председателем Комиссии по гражданскому устройству в Туркестанском крае. В фондах Горчакова, хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, сконцентрированы копии всех его писем русским послам, государственным и политическим деятелям и пр. Среди них есть частные и сугубо секретные письма, которые проливают свет на российскую внешнюю политику в целом, и в частности, на политику в Средней Азии.

В фондах Н. П. Игнатьева, также хранящихся в ЦГАОР, привлекают внимание документы, имеющие прямое отношение к среднеазиатской политике российского правительства и англо-русским противоречиям в Азии. Это прежде всего документы, относящиеся к периоду, когда он был директором Азиатского

департамента. Дневники Игнатьева, направленного в 1856 г. в Бухару и Хиву, могут явиться ценным источником для определения русской политики. Докладные записки Н. П. Игнатьева о политике России в Средней Азии в 1863—1864 гг. освещают причины, послужившие непосредственным толчком к активизации русской политики в Средней Азии.

Другая группа документов относится к периоду, когда Н. П. Игнатьев был послом в Константинополе. Здесь очень интересны с точки зрения изучения русской политики в Средней Азии переписка Н. П. Игнатьева с видным дипломатом И. А. Зиновьевым и донесения его осведомителя Поля Анино, который, по-видимому, будучи принят при других иностранных посольствах в Константинополе, был хорошо осведомлен о всех новостях, известных там. Переписка Игнатьева с Зиновьевым охватывает период с 1872 по 1878 г. В письмах Зиновьева из Тегерана сообщалось о русской политике в Иране, где было сильно английское влияние, его соображениях о русской политике, о русско-персидских, русско-английских и англо-персидских отношениях.

Донесения П. Анино почти полностью посвящены связям турецких правящих кругов с Англией в среднеазиатских делах. Видимо, он имел специальное задание—зорко следить за происками Турции и Англии в Средней Азии. Благодаря донесениям П. Анино русское правительство своевременно получило предупреждение о нескольких важных англо-турецких акциях.

В фондах Н. П. Игнатьева имеются подготовительные материалы к переустройству Туркестанского края, относящиеся к 1882 г., когда была сделана попытка ввести в крае гражданское управление. Н. П. Игнатьеву были представлены доклады сенатора Гирса, ревизовавшего край, а также предложения по переустройству Туркестанского края. Эти материалы имеют неоценимое значение для исследования внутренней и внешней политики царизма в Средней Азии.

Необходимо отметить, что все письма Горчакова, а также многие материалы из фонда Н. П. Игнатьева, в частности донесения П. Анино, написаны на французском языке и для исследователя, не владеющего языком, работа над ними представляет известные трудности.

Главным русским источником для исследования позиций русской дипломатии в англо-русских отношениях в Средней Азии явились богатейшие фонды Архива внешней политики России. Некоторые материалы по данной теме, главным образом в той ее части, которая касалась политики России в Средней Азии, были уже использованы в советской литературе, в част-

ности Н. А. Халфиным[30]. Однако основная часть материала до сих пор почти не использована.

Автор использовал материалы двух фондов: 1) «Канцелярия»—переписка с послом в Лондоне с 1870 по 1885 г., содержащая дипломатическую почту российского Министерства иностранных дел и посольства в Лондоне, общим объемом около 60 томов документов, написанных от руки; 2) фонд Главного архива, I-I, V-Аз и I-9, содержащий дипломатическую переписку с посольством в Тегеране за этот же период. В этих фондах имеются материалы, отражающие общий комплекс англо-русских отношений в Средней Азии, содержание переговоров между русскими послами и британскими государственными деятелями, донесения послов о политике Англии, позицию русской дипломатии в вопросах азиатской политики, дипломатическую борьбу в Тегеране, политику русской дипломатии в Персии, а также важнейшие русские дипломатические документы по вопросам борьбы за Среднюю Азию.

Не все документы имеют одинаковую значимость. Депеши русского посла в Лондоне барона Брунова (1855—1874 гг.) носят несколько поверхностный характер, не содержат ни значительных мыслей о дипломатической борьбе за Среднюю Азию, ни глубокого анализа английской политики в этом районе. В то же время депеши графа П. Шувалова (1874—1880 гг.), князя Лобанова-Ростовского (1880—1882 гг.) и барона Стааля (1884—1900 гг.) свидетельствуют об умении их авторов верно оценивать складывающуюся ситуацию, уловить связь между словами и практическими делами британской дипломатии, дать блестящий анализ ее действиям. Депеши этих трех российских послов — лучший материал для изучения дипломатической борьбы между Англией и Россией в Средней Азии. Переписка Стааля была опубликована частично в сборнике «Афганское разграничение», куда вошли главным образом те депеши, которые касались основного вопроса в англо-русских отношениях в Средней Азии в 1882—1885 гг.— разграничения в Афганистане, и полностью—бароном Мейендорфом в 1929 г.[31], но, к сожалению, большинство депеш Шувалова и Лобанова-Ростовского по среднеазиатской политике до сих пор не вышло в свет. Великолепным источником является также дипломатическая переписка с российским посольством в Тегеране. Благодаря соседству с Афганистаном и хорошо налаженной службе

[30] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, М., 1965.

[31] A. Meyendorff. Correspondance diplomatique du Baron de Staal 1884—1900, v. I—II, Paris, 1929.

информации российское посольство в Тегеране было не только в курсе всех дел Англии в Иране, но и получало информацию об Афганистане и о политике, проводимой Англией в этих странах. России везло с послами в азиатских странах. В частности, в Тегеране на протяжении второй половины XIX в. работали прекрасно подготовленные послы — Гирс, князь Урусов, И. А. Зиновьев, Д. Мельников, которые благодаря своему таланту сыграли огромную роль в успешном осуществлении русской политики не только в Иране, но и во всей Средней Азии и нейтрализации политики британской дипломатии. Все они, как правило, хорошо знали восточные языки и непосредственно вели переговоры с персидским шахом и видными сановниками, получали информацию что называется из первых рук.

Как и вся дипломатическая переписка российского Министерства иностранных дел, депеши русских послов из Лондона и из Тегерана составлялись на французском языке и лишь начиная с 1881 г. послы из Тегерана стали писать на русском языке.

В фондах Архива внешней политики России обращают на себя внимание документы, написанные непосредственно канцлером Горчаковым, а в его отсутствие Н. Гирсом или бароном Вестманом. Здесь инструкции послам, которые часто затрагивали проблемы, касавшиеся истории политических отношений с той страной, куда направлялся посол. По своему объему они иногда соперничали с солидными научными трудами. Эти исторические экскурсы ценны тем, что в них представлена русская внешняя политика без всяких прикрас в обнаженном виде и они могут служить свидетельством российской внешней политики. Среди них дипломатические депеши послам, в которых отмечалась принципиальная позиция российского правительства по определенным дипломатическим и политическим вопросам и давались рекомендации принять те или иные меры; докладные записки царю — «всеподданнейшие доклады» о беседах или встречах с послами иностранных держав, которые порой бывают единственным источником по определенным вопросам, и по тем или иным причинам не отражаются в других источниках.

Архив внешней политики России служил одним из главных источников в разработке темы. Вместе с тем, учитывая нравы буржуазных дипломатов, автор считал необходимым постоянно сопоставлять русские документы с теми английскими, в которых шла речь об одних и тех же событиях и затрагивались те же вопросы. Только при таком условии, а также при сопоставлении с другими свидетельствами, можно опираться на фонды этого архива.

В работе была широко использована русская пресса, которая, правда, на поверку оказалась не столь ценным источником, как полагалось бы. Дело в том, что русское Министерство иностранных дел почти не использовало прессу для дипломатических демаршей. В связи с этим, русская пресса, за исключением официального «Правительственного вестника», который время от времени получал от министерства материалы для публикации, почти не имела сведений о политике российского Министерства иностранных дел[32]. Кроме того, политическая неразвитость русской буржуазии в этот период приводила к тому, что пресса, отражавшая ее интересы, плохо разбиралась в задачах и целях политики России в Средней Азии и зачастую помещала материалы поверхностные, часто противоречившие не только политике министерства, но и ее собственным заявлениям.

Наиболее верно и глубоко отражала интересы русской крупной буржуазии газета «Биржевые ведомости»[33], но в ней вопросы среднеазиатской политики занимали мало места, да и тот материал, который время от времени приводился, в основном был заимствован из иностранной прессы, главным образом английской. Газета не реагировала на важнейшие события в Средней Азии, и подчас создавалось впечатление, что события, происходившие там, мало трогали редакцию и те коммерческие круги, которые ее финансировали. Порой статьи или комментарии, помещаемые в ней, грешили грубейшими политическими ошибками, видимо, ее редакторы были мало компетентны в вопросах среднеазиатской политики. Так, в критический момент в англо-русских отношениях в апреле 1885 г. газета утверждала, что Афганистан как государство, как «политическая сила» не имеет никакого значения в англо-русских отношениях и вряд

---

[32] Касаясь пренебрежительного отношения русского Министерства иностранных дел к русской печати и указывая с горечью на стремление русских дипломатов не допускать вообще обсуждения русской политики на ее страницах, газета «Санкт-Петербургские ведомости» отмечала: «Среди русской дипломатии, по-видимому, существуют две партии. Одна не читает русских газет, относясь свысока к отечественной печати и почерпывает премудрость в иностранной журналистике. Чуждаясь всего русского, не обращаясь в коренном русском обществе, употребляя для своих сношений, устных и письменных, французский язык, имея своими официальными органами газеты не на русском языке, такая партия, очевидно, не может иметь ничего общего с чувствами, волнующими русского гражданина... Другая партия нашей дипломатии не чуждается в той же степени всего русского, но зато и обижается не в меру, когда наша печать, говоря о внешней политике, касается деятельности нашей дипломатии» (Санкт-Петербургские ведомости, 11. IX 1879 г.).

[33] С февраля 1879 г. газета стала называться «Молва», а с марта 1881 г. вновь приняла прежнее название.

ли имеет право на существование. Ссылаясь на сообщения английских газет, «Биржевые ведомости» извещали о «радушном приеме» генерала Ламсдена в Афганистане, тогда как последнему приходилось создавать значительный экскорт, чтобы обезопасить себя от ненависти афганского народа[34].

Некомпетентность некоторых авторов статей «Биржевых ведомостей» тем более удивительна, что в другом важнейшем вопросе русской внешней политики — вопросе о Балканах и черноморских проливах — ее точка зрения была ясно сформулированной и четкой.

Еще меньше внимания уделяли среднеазиатской политике такие русские газеты, как орган Военного министерства «Русский инвалид», «Новое время», «Новости», «Русские ведомости», «Голос», «Правительственный вестник», «Московские ведомости» и др. Большинство газет этого времени (до 1879 г.) интересовалось балканским вопросом, представляя довольно четко точку зрения русской общественности в тех или иных нюансах. «Новое время» и «Голос» выступали с резкой антигерманской платформой и указывали, что главным врагом России является кайзеровская Германия. Видимо, подобная позиция обусловила их чрезвычайную уступчивость по отношению к Англии в вопросах среднеазиатской политики. Выступая против проведения в Средней Азии дорогостоящих экспедиций и опасаясь, что активизация здесь русской политики приведет к ухудшению отношений между Россией и Англией, в результате чего Россия может оказаться в одиночестве перед лицом опасности, эти газеты постоянно призывали правительство к таким крупным уступкам Англии в этом районе, которые сами английские правящие круги вряд ли когда-либо допускали. Так, 10 (22) июля 1875 г. газета «Голос» писала: «Упрочение английского владычества над Афганистаном избавило бы нас в будущем, конечно,— от соседства крайне неприятного». Газета была столь щедра, что приглашала Англию подчинить себе Афганистан, считая полезным для России иметь соседей «благонадежных, сильных, уважающих права человечества»[35].

В связи со сказанным выше, при работе над русской прессой исследователь постоянно должен иметь в виду следующие обстоятельства, которые безусловно оказывали влияние на содержание помещаемых в ней материалов по вопросам среднеазиатской политики:

1. Русская буржуазия в 60—80-х годах плохо представляла себе свои интересы в Средней Азии и не имела твердо устано-

[34] Биржевые ведомости, 2 апреля 1885 г.
[35] Голос, 10 (20) июля 1875 г.

вившейся точки зрения относительно среднеазиатской политики. Положение во многом изменилось после 1885 г., когда в русской прессе заговорили о богатствах вновь завоеванного края, о блестящем будущем его эксплуатации, однако даже после этого потребовалось много лет, пока опыт эксплуатации Средней Азии не подсказал русской буржуазии громадные возможности, таящиеся здесь.

2. Главное внимание русской буржуазии, а следовательно, и русской прессы, представлявшей ее интересы, было обращено к Балканскому полуострову и черноморским проливам, и в связи с этим газеты обычно выражали недовольство попытками правительства распылять силы на другие мероприятия, в том числе и в Средней Азии, которые они считали менее важными.

3. Начиная с середины 70-х годов, значительную тревогу русской буржуазии вызвали противоречия с объединенной Германией, которая не только препятствовала установлению влияния России в славянских странах, но и пыталась подчинить себе внутренний рынок России. В связи с этим в славянофильских кругах, в различных промышленных кругах гораздо больше внимания уделялось германской опасности, нежели какой-либо другой, и германский вопрос занимал основное место в большинстве русских газет, вытесняя все другие вопросы.

Несмотря на все эти обстоятельства, снижающие значение русской прессы как источника по истории русской политики и англо-русских отношений в Средней Азии, ее нельзя игнорировать. Даже малое внимание, уделяемое в газетах Средней Азии, может свидетельствовать об отношении русской буржуазии к этому вопросу. С другой стороны, в период особенного обострения англо-русских отношений в Средней Азии русские газеты начинали проявлять активность и живо реагировали на события, показывая тем самым отношение русской общественности к ним. Кроме того, в русских газетах время от времени появлялись материалы, по которым все же можно было в общих чертах судить о ходе событий.

В настоящей работе использованы также личные дневники, мемуары, записки о путешествиях, в которых имеется чрезвычайно важный и интересный материал для раскрытия сущности политики России в Средней Азии об англо-русских отношениях, отношениях народов Азии в борьбе между Россией и Англией и пр. Среди них выделяется «Дневник Д. А. Милютина» в трех томах, подготовленный к печати проф. П. А. Зайончковским[36].

[36] Дневник Д. А. Милютина, т. I (1873—1875 гг.), М., 1947; т. II (1876—1877 гг.), М., 1949; т. III (1878—1880 гг.), М., 1950.

Записки Милютина о различных аспектах среднеазиатской политики, его размышления о внешней политике царского правительства, о заседаниях, на которых она обсуждалась, представляют большой интерес с точки зрения оценки различных мнений в царском правительстве относительно этой политики, а также оценки деятельности царского правительства в критические периоды англо-русских отношений в Средней Азии. Предисловие проф. П. А. Зайончковского к I и II томам дневников дает ясное представление о взглядах Д. А. Милютина на среднеазиатскую политику. В частности, нельзя не согласиться с мнением П. А. Зайончковского, что «стремясь к мирному разрешению всех спорных вопросов с Англией на Ближнем Востоке, Милютин чрезвычайно твердо и последовательно противился английской экспансии в Средней Азии»[37]. Изучение архивных материалов ЦГВИА, касающихся деятельности Д. А. Милютина на посту военного министра, его письма к местным властям в Туркестане и на Кавказе, документы подтверждают этот вывод. Из дневников Милютина видно, что в среднеазиатской политике и в отношениях с Англией в царском правительстве не было единства. Одна группа выступала за проведение твердой политики, другая — пыталась решить дело полюбовно с Англией, даже ценой значительных уступок. К первой группе относился сам Милютин, а ко второй — российское Министерство иностранных дел во главе с канцлером А. М. Горчаковым и его заместителем Гирсом.

Записки русских офицеров о путешествии в азиатские страны в качестве представителей в посольствах и миссиях с разведывательными целями[38], воспоминания о походах в Средней Азии[39] дают возможность проследить отдельные действия русского правительства в Средней Азии, попытки местных властей расширить круг своего влияния за пределы русского Туркестана, действия русских войск, командования и пр.

К очень важным источникам следует отнести также и фун-

---

[37] Дневник Д. А. Милютина, т. III, М., 1950, стр. 4.

[38] И. Л. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. I—II, СПб., 1882; Н. И. Гродеков. Поездка из Самарканда через Афганистан и Герат, СПб., 1880; Матвеев. Поездка по бухарским и афганским владениям (1877 г.). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXXVI, СПб., 1888; В. Путята. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкул, Вахан и Шунан, 1883, там же, Н. В. Чарыков. Описание поездки по берегам Теджена и Герируд, вып. XIII, СПб., 1883.

[39] Г. А. Арендаренко. Досуги в Туркестане 1874—1888 гг., СПб., 1889; М. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, СПб., 1883; М. Алиханов. Закаспийские воспоминания, Вестник Европы, 1904.

даментальную работу генерала Гродекова «Война в Туркмении»[40] в шести томах, где описывается поход генерала Скобелева в Туркмению в 1880—1881 гг., закончившийся взятием Геок-Тепе, оплота текинских туркмен, и фактической оккупацией Туркмении. В работе представлена почти вся документация русского командования по организации похода. Эти источники представляют собой значительную ценность, так как являются рассказами очевидцев событий, знакомых с местными условиями и пр. В основном это доклады военных офицеров, и факты в них изложены со скрупулезной точностью, что увеличивает их ценность. Вместе с тем, следует учитывать, что они написаны служащими царской армии и царской администрации, проводившими царскую колониальную завоевательную политику, которые уже в силу взглядов, привычек, воспитания не могли подняться выше колониалистских интересов и в связи с этим оценивали события с точки зрения русского правительства. Порой в этих работах встречаются непомерные восхваления царских генералов и офицеров, участвовавших в завоевании Средней Азии.

* * *

Империалисты всегда искали предлоги для оправдания колониальных захватов. Особенно часто ссылались они на необходимость защиты своих владений от агрессии другой державы и пытались представить колониальные приобретения как оборонительные или превентивные меры по предотвращению опасности, исходящей от соседнего государства. Этот метод обоснования колониальной экспансии особенно широко использовала в XIX в. британская буржуазия.

Под предлогом защиты своих интересов Англия захватывала одну территорию за другой, повсюду создавала опорные пункты и военные базы, вынуждая слабые государства вступать в кабальные соглашения. Британские правящие круги умело использовали опасения британских буржуа за богатейшую британскую колонию — Индию. В зависимости от политической обстановки они инкриминировали различным странам и государствам фантастические планы завоевания Индии, навязывая соседним азиатским государствам неравноправные договоры, которые должны были постепенно сделать эти страны зависимыми от британской короны, а зачастую и попросту поглощая их, как это было с Кашмиром и Синдом.

[40] Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, т. I—VI, СПб., 1883.

Начиная с первой трети XIX в., часть британских политиков, связанная с директоратом Ост-Индской компании, монопольно распоряжавшейся в Индии, стала выступать с утверждениями об угрозе британским колониям в Индии со стороны России, которая в это время начала аннексию Средней Азии. Каждый шаг России в этом районе вызывал с их стороны бурную реакцию, каждое сообщение о ее продвижении они использовали как новое доказательство агрессивных замыслов России в отношении Индии. Примечательно, что оборону Индии британские политики трактовали довольно своеобразно — как активизацию британской внешней политики на Среднем Востоке, расширение границ Британской империи далеко на север от Индии вплоть до Амударьи, а при возможности и далее.

Поход в Индию со стороны ее северо-западных границ был вполне возможен. Но после установления на Индостанском полуострове британского господства ни одна страна не отважилась бы на него. Армия, которая решилась бы вторгнуться на территорию Индии, после трудного длительного перехода через высочайшие горные перевалы Гиндукуша, преодолев большие равнины, утомленная многомесячным походом, встретилась бы с хорошо обученной, первоклассно оснащенной армией Англии.

Английские дипломаты, военные и политические деятели понимали это, и большинство из них мало верило в обоснованность подозрений относительно русского похода на Индию. Английский посол в Петербурге лорд Лофтус[41], хорошо знавший положение России и настроение ее правящих кругов, писал в одной из депеш министру иностранных дел Англии лорду Гренвиллу, что у него нет причин опасаться русского нашествия на Индию даже «в отдаленном будущем»[42]. Свое убеждение лорд Лофтус сохранил до конца жизни и в воспоминаниях продолжал утверждать, что поход России в Индию невозможен и никогда не предусматривался русскими правящими кругами[43]. Его точку зрения поддерживал и английский военный атташе в Петербурге капитан Уэллесли, который расценивал утверждения о русской угрозе Индии как «абсурдные» и доказывал невозможность русского наступления на Индию[44]. Британское Министерство иностранных дел официально никогда не выражало опасений по поводу возможного наступления России на Индию и неоднократно уверяло Министерство иностранных дел России, что не

---

[41] Лорд Аугустус Лофтус был послом в Петербурге с 1874 по 1878 г.

[42] Loftus to Granville, 20 November 1873, F. O. 539, v. II, p. 278.

[43] A. Loftus. The Diplomatic Reminiscence of Lord Augustus Loftus, London, 1894, p. 48.

[44] Wellesley to Loftus, 7 October 1873, F. O., 539, v. II, p. 242.

разделяет преувеличенных опасений относительно опасности британскому правлению в Индию в связи с расширением владений России в Средней Азии[45]. Такая влиятельная газета, как «Таймс», до 1876 г. едко высмеивала тех, кто пугал английскую публику русской угрозой Индии.

Таким образом, вовсе не оборона Индии была причиной алармистских выступлений в Англии, в которых выражалось требование проведения наступательной политики на Среднем Востоке. В их основе лежали все расширяющиеся аппетиты британской буржуазии, которой уже не хватало одной Индии, и она стремилась завладеть соседними территориями. Россия же являлась наиболее близким европейским конкурентом в борьбе за Среднюю Азию, что делало ее пугалом для британского буржуа, опасавшегося за свои колонии.

Усиление антирусских выступлений в Англии в связи с мнимыми угрозами России Индии обычно совпадало с требованиями британской буржуазии обеспечить ее новыми рынками сбыта товаров, новыми колониями.

Первая волна антирусских выступлений в Англии прокатилась в 30-х годах XIX в., когда Россия была еще слишком далека от Средней Азии, чтобы давать хоть малейший повод для опасений за Индию. Ост-Индская компания предпринимала в это время энергичные меры по расширению своего влияния на Среднем Востоке: устанавливала связи со среднеазиатскими ханствами, засылая туда агентов, и готовила аннексии в Персии и Афганистане. Версия о русской угрозе должна была повлиять на английскую фритредерскую буржуазию, которая не хотела слишком дорого платить за колонии, и должна была вынудить ее содержать все увеличивающиеся вооруженные силы Англии в Азии. Русская угроза стала универсальным средством обоснования агрессивной завоевательной политики Англии в Азии, в частности, на Среднем Востоке.

Д. Уркарт первым попытался систематически изложить суть русской угрозы и предложить средства борьбы с ней. Некоторые исследователи считают его основоположником той школы политических воззрений, которая занималась распространением в Англии антирусских настроений[46]. В работах, вышедших в тридцатые годы XIX в.[47], Уркарт рисовал фантастические картины

---

[45] F. O. 539, v. II, p. 186.

[46] G. H. Gleason. The Genesis of Rusofobia in Great Britain, 1950, Harward, v. LVII, p. 184.

[47] Urquhart. England, France, Russia and Turkey, London, 1834; Urquhart. Progress and present position of Russia in the East, London, 1835.

близкого русского похода на Индию и требовал от британского правительства немедленного ответного наступления. Россия была еще очень далека от Средней Азии, а Уркарт уже писал о предстоящем поглощении ею Персии; русские правящие круги и не думали еще двигаться на Туркестан, а он утверждал близость неизбежного похода русских войск и падение британского владычества в случае отказа от срочных мер. Его систематическая антирусская пропаганда вызывала панику среди английской буржуазии, нагоняла страх на английского обывателя, заставляя его платить за те авантюры в Азии, которые готовило правительство Пальмерстона. Тот факт, что выступления Д. Уркарта шли параллельно с английской экспансией на Среднем Востоке, в частности с первой англо-афганской войной, в известной мере подтверждает связь антирусской пропаганды в Англии с английской агрессией на Среднем Востоке.

Утверждения о «русской угрозе» служили обычно отвлекающим маневром буржуазной дипломатии для оправдания ее агрессивной политики. Американский исследователь генезиса и развития русофобии в Англии Дж. Глисон приводит факты, доказывающие, что выступления Уркарта были инспирированы британским министерством иностранных дел, которое использовало их в качестве решающего аргумента для военного нападения на Персию и Афганистан в 1838 г.[48].

В конце 60-х годов XIX в. в Англии вновь наблюдалось возбуждение по поводу Средней Азии, вылившееся вскоре в открытую антирусскую кампанию. Новая волна антирусских выступлений внешне была вызвана занятием русскими войсками Ташкента, но фактически отражала вступление английского капитализма в стадию империализма, когда империалистические устремления, жажда колоний, рынков сбыта и источников сырья увлекли английскую буржуазию на новые завоевания. Официальные идеологи колониализма должны были оправдать необходимость расширения британской империи на Среднем Востоке, и вновь «русская угроза» Индии стала фигурировать в качестве главного аргумента в пользу наступательной политики.

Работы английских авторов 70—80-х годов, посвященные русской угрозе, — книга Г. Роулинсона «Англия и Россия на Востоке» (1875 г.)[49], Д. Булжера «Англия и Россия в Средней Азии» (1879 г.) и «Вопросы Средней Азии» (1885 г)[50], Ч. Марвина «Мерв, царица мира» (1881 г.) и «Русское наступление на

[48] G. H. Gleason. Op. cit., p. 7.

[49] H. Rawlinson. England and Russia in the East, London, 1875;

[50] D. Boulger. England and Russia in Central Asia, London, 1879; D. Boulger. Central Asia Questions, London, 1885.

Индию» (1882 г.)[51], Мак Грегора «Оборона Индии» 1885)[52] явились в сущности программными заявлениями британского империализма по вопросам политики Англии на Среднем Востоке. В них были заложены основы будущей британской политики в Азии и выдвинуты планы агрессивной экспансии, которые затем последовательно претворялись в жизнь английскими кабинетами. Идеи, высказываемые в этих работах, сыграли важную роль в формировании колониалистской идеологии и распространении шовинистических воззрений в Англии. Обвиняя Россию в стремлении завоевать Индию, их авторы в конечном счете обосновывали претензии британских империалистов на колониальные завоевания в Азии. Все практические меры, выдвинутые ими для отражения «русской угрозы», по существу сводились к наступательным действиям с целью расширения британских владений.

Г. Роулинсон считал, что для обороны Индии Англия должна установить свое господство в Афганистане и подчинить своему влиянию Персию, экономически закабалив ее[53]. Д. Булжер рекомендовал оккупировать афганские территории до Герата, установить контроль над туркменскими племенами, утвердить господство над Персией и превратить ее в орудие своей политики в Средней Азии[54]. Вопросы этики или морали не должны были препятствовать осуществлению этих рекомендаций, равно как и вопросы права не должны были замедлять их. Британскому правительству следовало принимать во внимание лишь наиболее целесообразные средства к осуществлению задач по завоеванию территорий на Среднем Востоке[55]. Ч. Марвин утверждал, что эпоха малых государств прошла, и предлагал оккупировать Афганистан и в дальнейшем путем полюбовного раздела с Россией вычеркнуть в целом всю Среднюю Азию на карте[56]. Единственным вопросом, который, по его мнению, смущал читателей, был вопрос о расходах по управлению вновь завоеванными территориями, но он считал, что его легко уладить путем увеличения сборов и обложений населения в этих странах[57].

Планы британской буржуазии и ее сокровенные желания с предельной ясностью были изложены в работе генерал-квартир-

---

[51] C. Marvin. Merv, the Queen of the World and the Scourge of the Man-Stealing Turkomans, London, 1881; C. Marvin. Russian Advance towards India, London, 1882.

[52] Mac Gregor. The Defence of India, II volumes, London, 1885.

[53] H. Rawlinson. Op. cit., p. 293, 297.

[54] Boulger. Central Asia Questions, p. 107.

[55] Ibid, p. 108.

[56] C. Marvin. Merv, the Queen of the World, p. 381.

[57] C. Marvin. The Russian Arvance towards India, p. 255.

мейстера британской армии в Индии Мак Грегора «Оборона Индии». Если предыдущие авторы были осторожны в своих рекомендациях, сознавая опасность преждевременного разглашения планов британского империализма, и выдвигали скорее общие принципы и направление британской политики, то Мак Грегор конкретизировал эти принципы и подробно, пункт за пунктом, излагал британскую колониальную политику на Среднем Востоке. Его работа исключительно интересна тем, что позволяет установить истинный смысл мнимых страхов британской буржуазии в связи с так называемой «русской угрозой Индии». Она посвящена этой «русской угрозе» и обороне Индии, но практические рекомендации Мак Грегора вовсе не предусматривают оборонительных мер и по существу предполагают развертывание наступательных действий английских империалистов против России, которые должны были охватить не только Азию, но и Европу. Взять на себя инициативу и таким образом атаковать Россию — вот первое требование Мак Грегора. «Чем скорее это будет исполнено, подчеркивал он, — тем скорее вопрос о Центральной Азии может успокоиться, ибо его нельзя привести к действительному окончанию раньше исполнения вышеуказанного»[58].

Мак Грегор предлагал следующие меры для «защиты» Индии от русского нападения: 1) дипломатическое «заигрывание» с Россией, как отвлекающий маневр; 2) возобновление права на обыск русских торговых судов и запрет русской торговли как морской, так и сухопутной; 3) создание антирусской коалиции, в которую входили бы Германия, Австрия, Турция и др.; 4) отправка комиссии для определения северной и северо-западной границы Афганистана; 5) передача Герата под английское управление; 6) заключение наступательного и оборонительного союза с афганскими племенами хезарейцев и чар-аймаков; 7) передача под английское управление провинций Вахан, Читрал и Ясин и организация под командованием английских офицеров племен сиях-пушей; 8) привлечение Персии на сторону Англии; 9) развитие широкой шпионской сети в русском Туркестане; 10) отправка эмиссаров для организации восстания против России в среднеазиатских ханствах и среди туркмен; 11) расчленение Российской империи с помощью коалиции государств[59].

История показала, что столь фантастический план не был

---

[58] Мак Грегор. Указ. соч., ч. II, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 44, стр. 105.

[59] Мак Грегор. Указ. соч., ч. I, стр. 210.

плодом больного воображения генерала, а являлся скорее суммированным откровенным изложением тайных замыслов наиболее экспансивных элементов правящих кругов Англии. Тот факт, что английское правительство пыталось впоследствии осуществить если не все, то основные меры, рекомендованные Мак Грегором, свидетельствует о том, что его программа «обороны» Индии была принята им и осуществлялась, когда позволяли условия. Так, в 1885 г. в Афганистан была отправлена комиссия по установлению северных и северо-западных границ Афганистана, которая пыталась самовольно утвердиться в Герате для проведения антирусской подрывной деятельности среди туркменских племен. В северную Персию был послан полковник Стюарт (между прочим, на него указывал Мак Грегор как на наиболее подходящую фигуру для такого рода деятельности). Англичане в конце концов завладели Читралом и Ясином и пытались установить контроль над Персией. Кульминационным моментом стал 1918 г., когда Англия в сговоре с США попыталась расчленить Россию и отправила в Туркмению экспедиционный корпус под командованием генерала Маллесона с конечной целью отторгнуть Среднюю Азию от России.

Версия о «русской угрозе» и призывы к «обороне Индии» стали военно-политической программой империалистической экспансии Англии в Азии, рассчитанной на последовательное осуществление. Наличие в Средней Азии такого мощного соперника, как царская Россия и независимых азиатских государств— Персии и Афганистана, — осложняло ее претворение в жизнь, заставляя британское правительство быть осторожным, принуждая его зачастую бездействовать в ожидании удобного случая. Миф о «русской угрозе» был рассчитан также на идеологическую обработку английского народа, распространение идей колониализма в Англии и разжигание шовинистических настроений в широких массах для осуществления широкой колониальной экспансии. Наконец, «русская угроза» имела целью оправдать усиление репрессий, направленных против национально-освободительного движения. Мак Грегор предусматривал широкий план мероприятий по подавлению антианглийских выступлений индийского народа под предлогом «обороны Индии».

События конца XIX и начала XX вв., в частности наметившееся англо-русское сближение, тенденции к созданию Антанты, поражение России в русско-японской войне — свидетельствовали о политической несостоятельности мифа «русской угрозы» Индии.

Царская Россия с ее отсталой экономикой и военной техникой, с глубоким внутренним кризисом не могла предпринимать

завоевательных походов, да к тому же таких, которые грозили столкновением с европейскими державами. Народные волнения в русских владениях в Средней Азии, масштаб которых с каждым годом увеличивался, не только не позволяли русским властям предпринимать военные походы, но и вынуждали увеличивать контингент русских войск для удержания в повиновении местное население. Однако даже в этот период, когда казалась совершенно очевидной невозможность каких-либо акций России против Индии, в Англии публиковались работы, в которых поднимался вопрос о «русской угрозе» и содержались призывы принять энергичные меры для «обороны Индии»[60].

Отличительной чертой английской литературы этого периода является стремление дать научное обоснование реальности «угрозы» Индии со стороны России и в связи с этим доказать необходимость для Англии не только защищать Индию, но и взять на себя ответственность за сохранение независимости Персии, Китая, Афганистана и Турции. Историк А. Краусс, исследуя внешнюю политику России на протяжении четырех последних столетий, пришел к выводу, что история России — это история «хронической агрессии, завоевания и поглощения» соседних государств, причем начиная с Петра I, главным направлением русской экспансии стала Индия[61]. В связи с этим А. Краусс считал естественным возложить на Россию ответственность за все столкновения на Среднем Востоке и указывал, что долг Англии — взять на себя обязанность защищать азиатские государства, которым, по его мнению, грозило очередное нашествие русских войск[62]. Идеолог британского империализма лорд Керзон, занимавший пост вице-короля Индии с 1891 по 1895 гг., утверждал, что внешняя политика России движется «импульсами естественных сил», которые независимо от желания русских правящих кругов толкают Россию на завоевание Азии с целью выхода к теплым морям[63]. Считая, что Россия рано или поздно двинется на Индию, он рекомендовал конкретные вопросы, связанные с обороной Индии, решать «солдатам» и «стратегам», т. е. силой оружия[64].

Новая волна алармистских выступлений в английской лите-

[60] G. Curzon. Russia in Central Asia, London, 1889, Indian officer. Russia's March towards India, v. I—II, London, 1894; J. W. Kaye. History of the war in Afghanistan, v. I—II, London, 1890; A. Krausse. Russia in Asia. Record and Study, London, 1900; R. Bruce, A. R. Colquhown. Russia against India, London, 1900.

[61] A. Krausse. Op. cit., p. 1.

[62] A. Krausse. Op. cit., p. 147.

[63] G. Curzon. Op. cit., p. 319.

[64] Ibid, p. 372.

ратуре, несомненно, связана с активизацией политики британского империализма на Среднем Востоке. Россия теряла свою былую мощь, и Англия готовилась заполучить ее владения в Азии. Соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния на Среднем Востоке между Англией и Россией должно было узаконить претензии Англии на обширную часть Азии и вместе с тем дать ей определенные основания в будущем присвоить и ту часть, которая отходила под влияние и контроль России. Как она рассчитывала использовать это право, показывает вторжение английского экспедиционного корпуса на территорию Закаспия в 1918 г. и попытки британских империалистов присвоить Среднюю Азию, свергнув утвердившуюся там Советскую власть. «Угроза России» и «извечные экспансионистские устремления России» должны были прикрыть подготовку Англией решительной схватки за Азию.

Кризис колониальной системы, рост национально-освободительного движения в период после Октябрьской социалистической революции вынудили британскую буржуазию вновь прибегнуть к своему старому оружию — «русской угрозе». Появились новые работы, авторы которых пытались оправдать британскую колониальную политику в Азии. Лектор по индийской истории в лондонском университете К. Дэвис[65] и полковник военно-воздушных сил У. Бартон[66] указывали, что британский империализм принимает меры по спасению своей колониальной империи. Теперь миф о «русской угрозе» должен был оправдать наращивание британской военной мощи в Индии, которая была предназначена для борьбы с национально-освободительным движением не только в самой Индии, но и на всем Востоке, а также могла обеспечить сохранность британских владений в Африке. Этот миф превращался в политическую догму, которая должна была обосновать необходимость сохранения британского господства в Индии и дать аргументы для расправы с национально-освободительным движением.

Необходимо вместе с тем отметить, что в период между двумя мировыми войнами появилась первая брешь в устоявшихся воззрениях на историю англо-русских отношений в XIX в. вообще и, в частности, на отношения двух государств в Средней Азии. Нельзя, конечно, говорить о каком-либо радикальном пересмотре прежних догм о «русской угрозе», но тем не менее можно говорить о первых попытках критического подхода к старым утверждениям о намерении России завоевать Индию и о

[65] C. Davies. The Problem of the North-West Frontier 1890—1908, Cambridge, 1932.

[66] W. Barton. India's North-West Frontier, London, 1939.

последствиях осуществления русской политики в Средней Азии. Объясняется это определенными сдвигами во взглядах части правящих кругов Англии и политических деятелей, видевших угрозу английским интересам не в надуманных мистификациях о планах России, а в захватнических устремлениях Германии в Европе и Японии в Азии.

В работах П. Сайкса «История Персии» [67] и «История Афганистана»[68], в статьях Локарта «Политическое завещание Петра Великого»[69] и Г. Чешира «Экспансия Российской империи к границам Индии»[70] впервые в современной английской литературе была поставлена под сомнение обоснованность опасений в отношении русского нашествия на Индию, а Локарт, в частности, обвинил правящие круги Англии XIX в. в дезинформации английского общественного мнения, поскольку они инкриминировали России враждебные намерения на основе сфабрикованных и ложных документов.

Авторы подчеркивали, что главным врагом Англии в конце XIX в. была Германия, угрожавшая как британской промышленной гегемонии, так и британским колониальным владениям; ее безграничные претензии привели к объединению России и Англии против общего врага. В обстановке, когда в Германии снова поднимал голову райх, эти выводы звучали предостерегающе. Предстояло доказать общность интересов Англии и Советского Союза, и прогрессивные английские историки, не ослепленные старыми предрассудками, пытались пересмотреть старые взгляды для того, чтобы внести свою лепту в дело объединения двух держав на борьбу против давнего общего врага.

Значительный вклад в изучение англо-русских отношений в Средней Азии в XIX в. внес известный английский историк К. Ф. Эндрюс[71]. Он считал ошибочным рассматривать русскую политику в Средней Азии односторонне[72]. По его мнению, опасения Англии и России были обоюдными и нельзя сказать, кто кого боялся больше: Россия опасалась наступления Англии и организации ею восстаний в Средней Азии, а Англия — русского наступления на Индию. Однако К. Ф. Эндрюс был убежден,

---

[67] P. Sykes. A History of Persia, v. I—II, London, 1930.

[68] P. Sykes. A History of Afghanistan, v. I—II, London, 1940.

[69] L. Locart. The Political testament of the Peter Great., The Slavonic Review, 1934, N 37.

[70] G. Cheshire. The Expansion of the Russian Empire to the Indian border. The Slavonic Review, 1934, v. 37.

[71] Автор известных работ «India and Pacific» (London, 1936), «India and Simon Report» (London, 1938).

[72] C. F. Andrews. The Challenge of the North-West Frontier, London, 1937, p. 43.

что именно Англия вела наступательную агрессивную политику, преследовавшую империалистические цели[73].

После второй мировой войны в английской историографии возрос интерес к событиям, связанным с англо-русскими отношениями в Средней Азии в конце XIX в. В работах английских авторов, посвященных этой проблеме, заметно влияние холодной войны и антисоветской политики британских правящих кругов. Английским историкам пришлось вновь оправдывать британский империализм в историко-политическом плане, при этом вопрос об англо-русских отношениях в Средней Азии в конце XIX в. стал одним из главных пунктов, и вновь центральное место занял миф о «русской угрозе». Британские авторы пытались доказать реальность «русской угрозы» Индии и убедить читателя в том, что политика британских империалистов диктовалась исключительно необходимостью защитить Индию от русского нашествия. Вместе с тем, британские авторы стремились доказать преемственность внешней политики царского правительства и правительства Советского Союза, утверждая, что принципы остались неизменными, т. е. сейчас, как и в XIX в., Индии угрожает опасность с севера, со стороны Советского Союза. А если так, правительству независимой Индии необходима поддержка западных держав, которая может быть наиболее эффективна лишь при условии отказа Индии от политики нейтралитета и вступлении в агрессивные военные пакты.

Понимая, что современного читателя, свидетеля миролюбивой внешней политики Советского Союза, трудно убедить прежними доводами, английские авторы прибегают к различного рода уловкам, пытаясь преподнести старые мифы под новыми ярлыками. Одна из таких уловок — утверждение взаимозависимости английской и русской политики в Средней Азии.

В фундаментальной работе бывшего служащего отдела внешних сношений британского колониального правительства Индии У. К. Фрэйзер-Тайтлера «Афганистан. Исследование политического развития в Центральной Азии»[74] указывается, что в основе англо-русских противоречий на Среднем Востоке в XIX в. лежало «взаимное подозрение» и движущей силой этих противоречий было «взаимодействие обоюдных враждебных акций»[75]. На первый взгляд Фрэйзер-Тайтлер несколько отходит от традиционной для английской историографии точки зрения на «русскую угрозу», однако в сущности он протаскивает

[73] Ibid, p. 43.

[74] W. K. Fraser-Tytler. Afghanistan. A study of Political Developments in Central Asia, Oxford, 1950.

[75] W. Fraser-Tytler. Op. cit., p. 123.

старые утверждения о «непреодолимых импульсах», которые двигали Россию к теплым морям, и в конечном счете британская политика преподносится как оборонительная. Центр тяжести в работе перенесен на современные отношения в Азии. Утверждая, что внешняя политика России двигалась «непреодолимыми импульсами» и проводилась независимо от природы правящей партии, Фрэйзер-Тайтлер пишет, что, хотя в 1917 г. здесь сменилось правительство, тем не менее эта страна по-прежнему угрожает Индии и Пакистану. По его мнению, эту опасность еще более усугубляет развитие социалистических республик Средней Азии; во-первых, они грозят подорвать политические и экономические устои в странах Азии (очевидно, имеется в виду вдохновляющий пример достижений этих республик для соседних азиатских народов), во-вторых, рост экономической мощи СССР, в особенности Средней Азии, усилит стремление Советского Союза к южным морям и морским портам[76]. В связи с этим, Фрэйзер-Тайтлер предсказывал экономическую и политическую экспансию СССР на юг.

Таким образом, концепция Фрэйзер-Тайтлера о «взаимодействии обоюдных враждебных акций» и «взаимных подозрений» на деле оказалась лишь новой редакцией старого мифа об извечном стремлении России к теплым южным морям и агрессивности русского государства. В современных условиях утверждения Фрэйзер-Тайтлера звучат как предупреждение странам Азии, и в первую очередь Индии и Пакистану, об опасности, якобы нависшей над ними, и логически приводят к мысли о необходимости для этих стран обратиться за помощью к Англии и США[77].

Схема Фрэйзер-Тайтлера, очевидно, пришлась по душе идеологам неоколониализма; книга дважды переиздавалась в 1953 и в 1958 гг. У. Фрэйзер-Тайтлера нашлись последователи среди английских историков. Многие работы по проблеме англо-русских отношений в XIX в., выходящие в Англии, в различных вариантах повторяют концепцию У. Фрэйзер-Тайтлера. Таковы работы А. Торнтона[78], В. Смита[79] и Дж. Олдера[80].

---

[76] W. Fraser-Tytler. Op. cit., p. 301.

[77] Ibid.

[78] A. Thornton. British Policy in Persia 1858—1890, The English Historical Review, 1954, Oct., N 273; 1955, Janv. 274. Afghanistan in anglo-russian diplomacy 1869—1873. The Cambridge Historical Review, 1954, N 2. The Reopening of the Central Asian Question 1864—1869. History 1956, Feb.-Oct.

[79] V. Smith. The Oxford History of India, Part III, Oxford, 1958.

[80] G. J. Alder. British India's Northern Frontiers 1865—1895, London, 1963.

У. Фрэйзер-Тайтлер и его последователи пытаются оправдать в целом политику британского колониализма, применяя различные псевдонаучные схемы. Они не раскрывают внутренних движущих сил развития британской политики в Азии, а стремятся доказать, что она была лишь следствием русского наступления и никаких других целей, кроме защиты интересов Англии, не преследовала. Примечательно, что ни один из указанных выше авторов не пытается анализировать суть британской колониальной политики и, кажется, мысли не допускает о том, что политика британской буржуазии в Азии могла диктоваться захватническими колониалистскими устремлениями.

Любопытна еще одна концепция, представленная профессором лондонского университета Р. Л. Гривс[81]. Р. Л. Гривс отстаивает заявление британских авторов о реальности «русской угрозы» и страхов британских государственных деятелей за Индию. Вместе с тем, по ее мнению, политика «обороны Индии» представляет собой комплекс политических и экономических мероприятий, которые оказались чрезвычайно выгодными для соседних азиатских стран, народы которых пожинали плоды этой политики.

Р. Л. Гривс утверждает, что проблемы безопасности Индии заключались в Персии и британские государственные деятели приняли меры для улучшения ее экономического и политического положения, для повышения жизненного уровня населения, развития коммуникаций, торговли, промышленности и пр. Программа этих мероприятий была разработана лордом Солсбери, который пытался даже осуществить ее непосредственно в Персии, послав туда Друммонда Вольфа. «Он (лорд Солсбери. — *Г. Х.*), — пишет Р. Л. Гривс, — стремился к возрождению этой древней страны и разработал программы реформ, отказавшись руководствоваться лишь британскими интересами на юге и востоке»[82]. Однако осуществлению этих реформ, утверждает Р. Л. Гривс, помешали русские, опасавшиеся усиления в Персии английского влияния; они сделали все, чтобы сорвать проведение реформ лорда Солсбери[83]. Сравнивая позиции России и Англии по отношению к Персии, Гривс утверждает, что государственные деятели «с берегов Невы» наблюдали «с удовольствием» и «удовлетворением» за застоем Персии и только ждали момента, когда Персия, сломленная внутренними противоречиями и прогнившая изнутри, попадет к ним в руки и откроет русским ге-

[81] R. L. Greaves. Persia and the Defence of India. 1884—1892, London, 1959.

[82] R. L. Greaves. Op. cit., p. 52.

[83] Ibid.

нералам кратчайший путь к Индии. В то же время английские государственные деятели стремились усилить Персию, чтобы не допустить превращения ее в русскую провинцию, и тем самым закрыть для русских армий путь в Индию[84]. Таковы были, по мнению Р. Л. Гривс, англо-русские противоречия в Средней Азии и содержание политики «обороны Индии», проводившейся британским правительством в конце XIX в.

Работа Р. Л. Гривс основана на документах, взятых из личных архивов лорда Солсбери, причем в ней приводятся лишь те документы, которые могут представить лорда Солсбери филантропом, заботившимся об интересах азиатских народов. Как видно из письма лорда Солсбери от 4 февраля 1880 г. к английскому послу в Петербурге лорду Дафферину, он пытался путем провокационных мер создать благоприятные условия для расчленения Персии и добиться раздела ее между Россией и Англией[85]. Подстрекая Персию на выступления против России, Солсбери рассчитывал, что Персия будет разгромлена и распадется на части, которые нетрудно прибрать к рукам[86]. Этой стране отводилась роль плацдарма в осуществлении агрессивной политики Англии в Средней Азии, и она должна была принять на себя главный удар России. Правда, лорд Солсбери поддерживал проекты строительства железных дорог в Персии, но только в том случае, если они отвечали стратегическим интересам Англии и были удобны для переброски английских войск к северным районам Персии, граничившим с русскими владениями в Средней Азии[87].

С другой стороны, как это видно из документов лорда Солсбери, британские государственные деятели действительно намеревались провести некоторые реформы в Персии, опасаясь, что она попадет под влияние России, которая будет настаивать на более глубоких реформах, не отвечающих интересам Англии. Бывший государственный секретарь по иностранным делам в правительстве Индии А. Лайялл писал в докладной записке лорду Солсбери (в то время министру иностранных дел Англии): «Она (т. е. Россия.— *Г. Х.*), возможно, стала бы настаивать на более глубоком процессе внутренних реформ (в Персии.— *Г. Х.*), чем это было бы приемлемо для наших политических взглядов»[88]. Р. Л. Гривс не упоминает об этих документах, что разумеется, снижает научные достоинства ее

[84] Ibid, p. 138.
[85] Salisbury to Dufferin. 4 February 1880. Salisbury's papers, v. 31.
[86] Ibid.
[87] Salisbury to Morier, 3 June 1891, Salisbury's Papers, v. 74.
[88] Note by Sir A. Layall on Affairs in Persia, 27 June 1888.

работы: книга оказывается простым пропагандистским выступлением в защиту английских колониалистов и их вдохновителей.

Таким образом, миф о «русской угрозе» оказался живучим и гибким. На протяжении более ста лет он служил удобным политическим орудием в руках правящих кругов Англии, которые использовали его в различных сферах политической жизни. О нем вспоминали каждый раз, когда британский империализм намечал очередную жертву, а его идеологам необходимо было оправдать новую агрессивную акцию Англии. В различные периоды этот миф находил различные выражения в работах английских политических деятелей и историков, но суть его оставалась постоянной — обоснование британского колониального разбоя.

Современные британские авторы, за редким исключением[89], обращаясь к историческим фактам, связанным с англо-русскими отношениями в Средней Азии, пытаются оправдать перед судом истории преступления британских колониалистов. Рисуя препарированные картины истории межимпериалистической борьбы за Среднюю Азию в конце XIX в., они, несомненно, вносят свою ленту в распространение и развитие идеологии неоколониализма. Под видом благожелателей эти авторы стремятся навязать азиатским народам старые догмы своих предшественников в истории международных отношений в Азии. Их цель — запугать народы Азии, добившиеся независимости, «русской угрозой», заставить их следовать курсу, угодному империалистам, вовлечь их в военные блоки и пакты, навязать им идеологию антикоммунизма и антисоветскую внешнюю политику.

Проблеме англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в., которая обычно фигурировала под условным названием «среднеазиатский вопрос», в русской дореволюционной литературе уделялось гораздо меньше места, чем в английской. Именно поэтому в западноевропейской литературе возобладала английская точка зрения на события, связанные с англо-русскими отношениями в Средней Азии в конце XIX в. В то время, как англичане систематически издавали работы, обстоятельно излагая английскую версию этих событий, в России таких публикаций насчитывались единицы. Работы М. А. Терентьева «Россия и Англия в Средней Азии» (Спб., 1875 г.) и «Россия и Ан-

[89] Исключением является работа крупнейшего английского историка Дж. Тэйлора «Борьба за господство в Европе, 1848—1918 гг.» (М., 1958 г.), Дж. Тэйлор отвергает утверждения о намерении России завоевать Индию, а ее наступление в Средней Азии объясняет экономическими мотивами и стремлением иметь оружие против Англии, если она вздумает препятствовать планам России в вопросе о черноморских проливах.

лия в борьбе за рынки» (Спб., 1876 г.), профессора права Петербургского университета Ф. Мартенса «Россия и Англия в Средней Азии» (Спб., 1880 г.), А. Е. Снесарева «Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе» (Спб., 1906 г.) и М. Грулева «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (Спб., 1909 г.) — вот наиболее крупные дореволюционные труды русских авторов по среднеазиатской проблеме.

В диспропорции отражения позиции двух стран в литературе, несомненно, сказалось резкое различие удельного веса, который занимал среднеазиатский вопрос в политике этих стран. Для Англии он был одним из главных в ее агрессивной экспансионистской политике в Азии, тогда как для России примерно до 90-х годов служил лишь подспорьем в решении основного вопроса внешней политики — вопроса о черноморских проливах. Для России завоевание Средней Азии до некоторой степени было вынужденным политическим шагом, вызванным антирусской политикой Англии на Балканах и в вопросе о черноморских проливах, тогда как для Англии среднеазиатский вопрос включал широкий комплекс самостоятельных проблем экономического, политического и военного порядка. Именно поэтому в английской литературе он отражал растущую активность колониальной политики Англии в Азии, а в русской — появлялся лишь время от времени как средство воздействия на Англию и формировался, с одной стороны, под влиянием отношений, складывавшихся между Англией и Россией, а с другой стороны, отражал общую политическую обстановку в Европе.

Русскую литературу по англо-русским отношениям в Средней Азии в конце XIX в. отличают три особенности. Во-первых, русские авторы при объяснении причин русского наступления в Средней Азии в 60-х XIX в. ссылались в основном на аргументы циркуляра канцлера А. М. Горчакова от 21 ноября 1864 г., который фактически узаконивал право России, как и всех капиталистических держав, на захват близлежащих территорий, еще не прибранных к рукам другой державой. Во-вторых, они были твердо убеждены в том, что англичане, стремясь сохранить свое владычество в Индии, пойдут на серьезные уступки ради предотвращения русской опасности. Их собственно дезинформировали мнимые страхи, так усиленно подчеркиваемые британскими политическими деятелями. Третья особенность русских работ заключалась в том, что в целом они были проникнуты духом доброжелательства к Англии. Их авторы высказывали убеждение в возможности и необходимости решить среднеазиатский вопрос полюбовно, не доводя дело до конфликта. Русская литература отличалась от английской от-

сутствием разнузданного шовинизма, культивировавшегося англичанами. Эти особенности отражали позиции правящих кругов России в отношениях с Англией и политику царской России в Средней Азии.

До конца 90-х годов XIX в. Средняя Азия не имела самостоятельного значения в русской внешней политике. Россия продвигалась в этот район с целью получить средство политического давления на Англию, заставив ее опасаться за свои владения в Индии. В случае удачи Англия была бы обезврежена в вопросах о черноморских проливах. Кроме того, правящие круги России не желали доводить дело до разрыва с Англией, понимая свою зависимость от нее во многих вопросах, в частности, в вопросе внешней торговли, ибо Англия была самым крупным потребителем русских традиционных товаров. Средняя Азия нужна была России для того, чтобы принудить Англию стать ее союзником.

Советские историки в своих исследованиях руководствуются марксистско-ленинским учением о методологии истории. Их работы направлены на разоблачение агрессивной сущности империализма независимо от того, русский он, английский, французский или американский.

Яркий образец марксистской принципиальности в оценке политики империалистических держав показал В. И. Ленин. В период первой мировой войны, когда во всех европейских странах господствовал разгул шовинизма и национализма и все европейские социалистические партии в угаре социал-национализма пытались обелить империализм своей страны, фактически встав на службу к нему, В. И. Ленин твердо отстаивал принципы интернационального единения рабочих всего мира против империалистической борьбы за передел мира. Он разоблачил псевдопатриотические фразы оппортунистов II Интернационала, расценивая их как предательство трудящихся.

В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин вскрыл корни империалистической политики, ее движущие силы, указал социальные группы, стоявшие за ней. Он убедительно доказал, что «империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций»[90] и применение к нему понятий «оборонительной» войны или псевдопатриотического лозунга «защиты отечества» является исторической фальшью и «практическим обманом простонародья»[91]. Отмечая, что в течение полувека правительства и господствующие классы Ан-

[90] В. И. Ленин, ПСС, т. 26, стр. 314.
[91] В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 313.

лии, Франции, России, Германии и других стран вели политику грабежа колоний, угнетения других наций, он особо подчеркивал порабощение народов Россией и Англией, этими грабителями, делившими Среднюю Азию.

Ленинское учение об империализме явилось теоретической и политической основой в исследовании советскими историками сложных международных отношений конца XIX в. Вместе с тем необходимо отметить, что в советской исторической литературе проблема англо-русских отношений в Средней Азии в XIX в. до сих пор еще не получила должного освещения, хотя многие вопросы, касающиеся ее, уже подвергались глубокому изучению. В частности, вопросы политики России в Средней Азии, и ее последствий были предметом многих специальных исследований. Эти вопросы имеют важное значение для правильного понимания англо-русских отношений, целей и мотивов русского движения в Средней Азии, толчка, который вызвал быстрое продвижение России в Средней Азии в 60-х годах XIX в. От того, как они будут поставлены и решены в значительной степени зависит и решение вопроса об английской политике в Средней Азии и на Среднем Востоке. Ставила ли Россия при своем движении в Среднюю Азию только задачи экономического порядка (рынки сбыта и источники сырья) или у нее были и другие (политические, военные или стратегические) цели и задачи? Входило ли в намерения русских правящих кругов достигнуть Индии и ликвидировать там британское господство, или это совершенно исключалось русскими государственными деятелями? Имела ли Россия в XIX в. реальные шансы на успешное проведение кампании против Индии? Все эти вопросы, на которые стремятся дать ответ советские историки, пролью т свет на изучение англо-русских отношений в Средней Азии в XIX в. Еще в 1934 г. Е. Н. Кушева в статье «Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.» попыталась выяснить эти вопросы[92]. Однако ее работа ограничена незначительным периодом и одним вопросом. Первой глубокой самостоятельной разработкой среднеазиатской проблемы и политики царизма на Востоке следует считать статьи А. Л. Попова, «Борьба за среднеазиатский плацдарм» и «Из истории завоевания Средней Азии»[93]. На основе русских архивных документов, впервые введенных им в научный оборот, А. Л. Попов пытался объяснить причины русского наступления в Средней Азии, его мотивы, заставившие правящие кру-

[92] Исторический сборник, вып. 3, Л., 1934.
[93] См. «Исторические записки», 1940, № 7, 9.

ти России предпринять столь рискованный шаг, не имея материальных возможностей для его быстрого осуществления. Он выделял две основные причины: экономическую и политическую. А. Л. Попов считает, что среднеазиатские рынки приобрели в 60-е годы огромное значение для русской буржуазии и она требовала, чтобы русское правительство добилось улучшения условий торговли со среднеазиатскими ханствами. К тому же русской промышленности был необходим хлопок-сырец, ввоз которого из США значительно уменьшился в связи с гражданской войной[94].

В смысле политическом русское наступление в Средней Азии явилось как бы ответом на рост английской экспансии. Царское правительство искало средство принудить Англию пойти на уступки в вопросе о черноморских проливах. «Углубление англо-русских противоречий на Ближнем Востоке,— подчеркивал А. Л. Попов,— превращало Среднюю Азию в новый плацдарм англо-русской борьбы, обострявшей эти противоречия, но в течение долгого времени игравшей подчиненную вспомогательную роль в борьбе за проливы»[95]. А. Л. Попов указывал и на другие побудительные мотивы при определении царской политики в Средней Азии, такие как стремление смягчить внутренние противоречия в стране, получить колонизационный земельный фонд; тем не менее он высказывает твердое убеждение, что именно две указанные выше причины были главными, причем, отдает приоритет именно политической стороне.

Примерно такой же точки зрения придерживался и другой крупный советский исследователь Е. Л. Штейнберг, посвятивший проблемам Средней Азии и истории ее завоевания несколько трудов[96]. Правда, в отличие от А. Л. Попова он оставлял приоритет за экономическим мотивом, отводя вопросы политического характера на второй план. Он подчеркивал в русской завоевательной политике в Средней Азии три основных фактора: 1) потребности быстро развивавшейся после крестьянской реформы русской капиталистической промышленности в рынках сбыта и сырьевых базах; 2) стремление обеспечить контроль над ханствами и племенами Средней Азии, которые, находясь вблизи Каспийского моря, Южного Урала, Нижнего Поволжья и Западной Сибири, играли чрезвычайно важную

---

[94] Исторические записки, 1940 г., № 9, стр. 209.

[95] Исторические записки, 1940, № 7, стр. 183.

[96] Е. Штейнберг. Очерки истории Туркмении, М.—Л., 1934; Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. Исторические записки, 1950, № 33; «История британской агрессии на Среднем Востоке», М., 1951.

роль в торговле России и обороне ее жизненно важных центров; 3) дипломатические соображения, т. е. «попытка путем демонстративных действий на среднеазиатском театре добиться уступок со стороны Англии на Ближнем Востоке»[97].

Е. Л. Штейнберг считал, что главным толчком к активизации русского наступления в Средней Азии в первой трети XIX в. была агрессивная политика Англии, которая выражалась в происках британских разведчиков в среднеазиатских ханствах и попытках овладеть Гератом, чтобы получить базу для дальнейшей экспансии в Средней Азии. Категорически отрицая намерения царской России в XIX в. завоевать Среднюю Азию как плацдарм для наступления на Индию, Е. Штейнберг пришел к выводу, что русские официальные лица рассматривали среднеазиатский театр как подсобное средство в решении основного вопроса своей внешней политики—черноморско-ближневосточного, а предполагаемое движение в сторону афгано-индийской границы как диверсию, рассчитанную на уступки Англии в главном вопросе.

В исследование вопроса о политике России в Средней Азии важный вклад внес Н. А. Халфин[98]. На протяжении длительного времени он тщательно изучал проблемы, связанные с политикой России и Англии в этом районе, и опубликовал несколько работ, в которых были представлены неизвестные ранее архивные документы, ярко свидетельствовавшие о направленности среднеазиатской политики царизма, ее главных мотивах, основных этапах ее развития. В частности, он впервые тщательно изучил колоссальные фонды туркестанского генерал-губернатора, хранящиеся в Государственном историческом архиве УзССР. Им исследован широкий круг вопросов, связанных с присоединением Средней Азии к России, охватывающих огромный период — от подготовки завоевательных походов России в Среднюю Азию в 50-х годах до памирского разграничения, установившего в 1895 г. окончательные границы российских владений в Средней Азии. Документы, привлекаемые им в работах проливали свет на основные стороны политики царизма. Обладая публицистическим талантом, Н. А. Халфин сумел показать цельную картину истории русского завоевания Средней Азии и ее присоединения к владениям Российской империи.

[97] Е. Л. Штейнберг. История британской агрессии на Среднем Востоке, стр. 110.

[98] Среди многочисленных трудов Н. А. Халфина следует выделить монографии «Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы)», «Провал британской агрессии в Афганистане», «Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.)», «Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг.)».

Н. А. Халфин несколько отошел от точки зрения А. Л. Попова и Е. Л. Штейнберга, считавших главными причинами вопросы как политического, так и экономического характера, и перенес центр тяжести царской политики главным образом на экономическую сторону, хотя и считал, что действия англичан ускорили осуществление планов царского правительства. В последней его работе «Присоединение Средней Азии к России» вопросы экономического характера как главной движущей силы в политике царизма в Средней Азии выдвигаются на первый план. Вся вторая глава работы посвящена вопросам экономического развития России после Крымской войны, росту промышленности после крестьянской реформы 1861 г., торговым отношениям России со среднеазиатскими ханствами. В заключение автор отмечает: «Необходимость укрепления позиций в среднеазиатских ханствах была вызвана тем, что в пореформенной России происходили серьезные экономические сдвиги, в связи с чем борьба за рынки сбыта и источники сырья приобрела особое значение»[99]. На протяжении всей работы Н. А. Халфин постоянно подчеркивает этот факт и утверждает как основной мотив в русской политике стремление царского правительства обеспечить русскую буржуазию рынками сбыта и источниками сырья.

Следует подчеркнуть, что Н. А. Халфин несколько преувеличивает значение Средней Азии как экономического партнера в период 50—60-х годов, когда началось активное наступление России на Среднюю Азию, а также экономические потребности русской буржуазии и их роль в определении внешней политики царизма. Несомненно, стремление к новым рынкам имело определенное значение в политике России в Средней Азии в более поздний период, примерно в 90-е годы, но представлять его как решающий фактор в русской политике в этом районе в середине XIX в. было бы преувеличением. В литературе последних лет подобные мысли встречаются довольно часто. Так, Ю. А. Соколов в своей исключительно интересной и насыщенной новыми документами работе «Ташкент, ташкентцы и Россия» утверждает, что Средняя Азия и ее рынки представляли для России «жизненно необходимую потребность», и расценивает вторжение России в глубь Средней Азии, начавшееся в 1853 г., как медленное движение внутреннего рынка в «форме движения российского капитализма «вширь»»[100]. Б. Маннанов в работе «Из

[99] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, М., 1963, стр. 137.

[100] Ю. А. Соколов. Ташкент, ташкентцы и Россия, Ташкент, 1965, стр. 130.

истории русско-иранских отношений конца XIX—начала XX в.» отмечает возрастание значения среднеазиатских рынков для русской промышленности после Крымской войны, высказывая мысль, что Средняя Азия была открытым рынком, куда царская Россия, стесненная после неудачной войны, могла двинуть свои промышленные изделия. Вместе с тем, он подчеркивает и потребность русской промышленности в среднеазиатском хлопке, особенно после того, как резко сократился ввоз хлопка из США в результате гражданской войны 1864 г. и указывает, что, по его мнению, среднеазиатский хлопок «спас текстильную промышленность империи, стоявшую на краю гибели»[101].

Во всех этих утверждениях есть общая ошибка, характерная и для некоторых других работ. Если не вызывает сомнений, что в конце XIX и начале XX в. с вступлением России в стадию империализма Средняя Азия приобрела исключительно важное значение для российской промышленности как рынок сбыта и источник сырья (хлопок и шелк-сырец), то было бы нарушением принципа историзма относить подобное положение к середине XIX в. В это время на Среднюю Азию не приходилось и 5% внешней торговли России, а вывоз хлопка из Средней Азии вплоть до конца XIX в. составлял мизерную часть потребности русской промышленности. Причем, сами русские промышленники вплоть до конца XIX в. неохотно вступали в деловые контакты с среднеазиатскими партнерами. Наконец, до конца XIX в. русская торговля со Средней Азией имела пассивный баланс и вызывала постоянную утечку золота из страны.

В работах советских авторов последних лет ставится под сомнение обоснованность утверждений, что экономические мотивы были главной причиной движения России в Среднюю Азию в середине XIX в. М. К. Рожкова, исследовавшая вопрос о торговых отношениях России со Средней Азией в середине XIX в.,[102] на основании глубокого изучения материалов пришла к выводу, что политика царского правительства в отношении этого края была вызвана соперничеством с Англией[103].

Отмечая постоянные заявления царского правительства о своем стремлении развивать торговлю со Средней Азией, она подчеркивает, что царское правительство действительно было заинтересовано в расширении этой торговли, но при этом преследовало цели не столько экономические, сколько политичес-

---

[101] Б. Маннанов. Из истории русско-иранских отношений конца XIX — начала XX в., Ташкент, 1964, стр. 43.

[102] М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией, 40—60-е годы XIX в., М., 1963.

[103] М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 236.

кие. Во-первых, оно стремилось использовать русских купцов и их приказчиков как агентов, доставлявших сведения о внутреннем положении в ханствах Средней Азии и о деятельности там английских агентов; во-вторых, русские купцы, особенно товарищества, должны были прикрыть продвижение в Среднюю Азию и служили ширмой завоевательной политики правительства[104].

А. Аминов и А. Бабаходжаев[105], не отрицая заинтересованности российского купечества и нарождавшейся торговой и промышленной буржуазии в завоевании Средней Азии, указывают вместе с тем, что «стремление царизма к завоеванию Средней Азии вызывалось в основном факторами внешнеполитического характера»[106]. «Царское правительство,— подчеркивается в их работе,— упорно боролось за ослабление английских позиций на Востоке, опасаясь, что английские колонизаторы сумеют обосноваться в Средней Азии в прямом соседстве с Россией»[107]. А. Аминов и А. Бабаходжаев отмечают, что Средняя Азия в первой половине XIX в. не могла быть ни крупным рынком, ни поставщиком сырья для русской промышленности, и ставят под сомнение ранее принятые в советской историографии мнения, что движение России в Среднюю Азию определялось исключительно экономическими потребностями[108].

В кандидатской диссертации Л. Д. Дергачевой на основе анализа русской прессы и документов правительственных группировок, в которых, возможно, наиболее полно отражались основные доводы в определении внешней политики царизма в середине XIX в. также подчеркивается, что вопросы внешнеполитического характера, в частности, борьба против Англии, играли главную роль в определении политики России в Средней Азии. Л. Д. Дергачева отмечает активизацию царской политики после 1863 г. и связывает ее с позицией Англии в польском восстании и необходимостью иметь оружие против Англии, которое заставило бы ее навсегда отказаться от антирусской политики в Европе.

Из обзора указанных выше работ видно, что по вопросу о характере и причинах завоевания Россией Средней Азии существуют значительные расхождения. Они свидетельствуют о том,

---

[104] Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX в., стр. 214.

[105] А. Аминов, А. Бабаходжаев. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России, Ташкент, 1966.

[106] А. Аминов, А. Бабаходжаев. Указ. соч., стр. 29.

[107] Там же.

[108] А. Аминов, А. Бабаходжаев. Указ. соч., стр. 26—27.

что в этой области работа еще не завершена и требует дополнительных исследований, которые дали бы возможность прийти к единому мнению и единой точке зрения. Необходимость решения этого вопроса вызвана интересами выяснения характера англо-русских противоречий в Средней Азии.

Если в вопросах исследования русской политики в Средней Азии, несмотря на эти расхождения, советские историки проделали значительную работу и накопили большой материал, который позволяет представить себе общую картину, то гораздо слабее разработан вопрос о политике Англии в Средней Азии, ее основных направлениях и этапах. Правда, имеются работы, в которых в общих чертах отражена британская политика в отношении Афганистана[109], Персии[110], Синьцзяна[111], северных провинций Индии[112], а также работы, касающиеся политики Англии непосредственно в Средней Азии. Однако по этим работам нельзя судить об английской политике на Среднем Востоке в целом, поскольку она рассматривается в отрыве от внутренних противоречий в самой Англии и основывается главным образом на опубликованных английских работах или документах, в которых обычно неверно трактовалась британская политика. Благодаря марксистскому методу исследования авторы сумели уловить главное направление английской политики и разоблачить происки британского империализма в Азии, тем не менее многие очень важные проблемы, в частности, проблемы, связанные с методами проведения колониальной политики, остались неразрешенными. Главный недостаток этих работ в том, что вопросы английской политики на Среднем Востоке рассмотрены в них раздельно по странам, в то время как английская поли-

---

[109] См. Л. Б. Гордон. Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX в. Очерки по новой истории стран Среднего Востока, М., 1951; Г. А. Ахмеджанов. Гератский плацдарм в планах британской агрессии на Среднем Востоке и в Средней Азии в XIX в. (канд. дисс.), Ташкент, 1955; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, М., 1965, т. II; Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959 г. и др.; З. Р. Нуриддинов. Англо-русский конфликт в Средней Азии в 1884—1885 гг. (канд. дисс.), Л., 1949 и др.

[110] См. П. П. Бушев. Герат и англо-иранская война 1856—1857, М., 1959, Указ соч. Штейнберга; Б. Маннанов. Из истории русско-иранских отношений конца XIX — начала XX вв., Ташкент, 1964.

[111] Е. В. Бунаков. К вопросу о политических связях России с Восточным Туркестаном в правление Якуб-бека 1865—1877 г., Бюллетень АН УзССР, 1945, № 5.

[112] У. А. Рустамов. Из истории английской агрессии на границах Памира в конце 80-х и начале 90-х гг. XIX в., Труды Ин-та востоковедения АН УзССР, вып. 2, Ташкент, 1954; У. А. Рустамов. Пригиндукушские княжества Северной Индии в конце XIX — начале XX вв., Ташкент, 1956.

тика представляла собой единый комплекс внешнеполитических акций, дополнявших друг друга.

Наконец наиболее слабо изученным следует признать вопрос об англо-русских отношениях в этой части земного шара в указанный период. Без изучения взаимных отношений двух держав трудно представить себе их внешнюю политику в Средней Азии. Наиболее точную характеристику англо-русским противоречиям в Средней Азии можно найти во II т. «Истории дипломатии», где отмечается, что в Средней Азии сталкивались два встречных потока империалистической политики: России, с одной стороны, Англии — с другой[113].

Лишь три работы советских авторов посвящены непосредственно англо-русским отношениям в конце XIX в.— кандидатская диссертация Г. А. Пляшко «К истории русско-английских отношений в Средней Азии», (Киев, 1952), монография Ф. Юлдашбаевой «Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии» (Ташкент, 1963) и небольшая книжка С. З. Мартиросова «Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России» (Ашхабад, 1966). Работа Г. А. Пляшко основана главным образом на русских источниках, но автор неправильно подходит к определению английской и русской позиции. Не используя почти ни одного из уже известных в нашей стране английских источников, он берет на себя смелость судить об английской политике. Им допущены ошибки, которые значительно снижают научную ценность работы. Основой русско-английских противоречий Г. А. Пляшко считает стремление России заполучить среднеазиатский хлопок, необходимый для быстро растущей русской текстильной промышленности, а также препятствия, чинимые английской буржуазией на пути к этой цели. Автор считает, что на протяжении столетий Англия претендовала на главенствующую роль в мире и была ярой противницей России, и это усугубляло противоречия в данном районе. Разумеется, столь необоснованные утверждения не только не могут воссоздать истинной картины отношений между Россией и Англией, но и вводят в заблуждение относительно их существа, характера.

Работа С. З. Мартиросова слишком мала по объему (2,5 печ. л.), чтобы можно было сделать какие-нибудь широкие обобщающие выводы. В ней представлены в общих чертах отношения между Россией и Англией по вопросу о Мерве в течение одного-двух лет в связи с присоединением Мерва к России в 1884 г.

---

[113] В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, М., 1964.

Наиболее крупный вклад в изучение вопроса об англо-русских отношениях внесла Ф. Юлдашбаева. Ее исследование касается главным образом отношений двух держав в Средней Азии и в Афганистане в период с середины XIX в. до русско-афганского разграничения 1887 г. Автор анализирует три главных события на Среднем Востоке, которые чуть было не привели к войне между Россией и Англией; англо-русские переговоры 1872—1873 гг., закончившиеся своеобразным соглашением о проведении границ Афганистана; англо-афганскую войну и русско-афганское разграничение 1885—1887 гг. Эти события в основном верно отражены в рамках использованного материала. Несомненное достоинство работы в том значительном внимании, которое автор уделил вопросу русско-афганского разграничения 1885—1887 гг., а также в использовании для его освещения сборник документов «Афганское разграничение», выпущенного российским Министерством иностранных дел. Однако автору все-таки не удалось избежать недостатков и ошибок, присущих другим советским работам по вопросу англо-русских отношений в конце XIX в. и английской политики на Среднем Востоке.

Прежде всего, в них слабо использованы британские источники, которые помогли бы раскрыть подлинные замыслы и действия британского правительства. Даже в лучших работах советских авторов (работы Н. А. Халфина, Б. Маннанова, Юлдашбаевой, Е. Л. Штейнберга, А. Л. Попова) привлечены лишь официальные издания документов британского правительства — «Синие книги» — и сборники британских государственных документов, при выпуске которых предусматривалась возможность их широкого использования и был сделан расчет на дезинформацию общественного мнения. Вышеуказанные авторы судят о британской политике в основном по мемуарам английских государственных деятелей, их родственников, по работам английских авторов. Разумеется, на основании такой источниковедческой базы нельзя получить полное представление об английской политике, которая проявлялась в сложном комплексе противоречивых действий, связанных единой логической нитью. В Средней Азии британским империалистам приходилось иметь дело не с беззащитными племенами, как это было в Африке, Австралии, Океании, Америке, а со сложившимися государственными объединениями, находившимися на высокой стадии развития. Кроме того, каждый свой шаг в этом районе земного шара они должны были соизмерять с политикой своего опасного северного соседа, который мог воспользоваться любым их промахом. В связи с этим в результате длительных дискуссий

политических группировок в стране была выработана чрезвычайно гибкая сложная политическая линия, а потому без тщательного изучения подлинных английских документов, в частности, документов английского министерства иностранных дел трудно судить о подлинном характере английской политики в Средней Азии.

В указанных работах советских авторов слишком слабо использованы архивы царского правительства, в частности, фонды Архива внешней политики России. Авторы исследовали главным образом фонды Исторического архива УзССР, Туркменского Государственного архива, фондов Центрального военно-исторического архива, где собраны материалы о деятельности русских военных властей и те дипломатические документы, которые российское Министерство иностранных дел время от времени присылало в Военное Министерство. Между тем, без таких источников, как переписка российского посла в Лондоне, докладные записки, инструкции послам, донесения консулов, переписка посла в Тегеране, невозможно представить и воссоздать цельную картину русской политики и взаимоотношений между Россией и Англией.

Другим существенным недостатком работ советских авторов по исследуемому вопросу является рассмотрение англо-русских отношений в Средней Азии без связи с общей международной обстановкой и внутриполитической жизнью России и Англии, которые зачастую определяли те или иные внешнеполитические акции. Так, нельзя понять политику Англии в Средней Азии, не принимая во внимание острейшие противоречия, которые возникли между ней и Германией по колониальным вопросам, а также политику России без учета русско-германских отношений. Трудно судить о внешней политике Англии, во всяком случае о ее форме, без учета внутриполитических событий, в частности, острой полемики между консервативной и либеральной партиями. Только в тесной связи международных и внутриполитических проблем следует искать решение важнейших вопросов англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в.

* * *

Борьба России и Англии за Среднюю Азию имела специфические черты, отличавшие ее от классических форм империалистических противоречий, которые решались обычно вооруженным столкновением.

Прежде всего несколько необычны были движущие силы обеих держав. Россия ставила перед собой ограниченную задачу — достижение таких стратегических и политических позиций в Средней Азии, которые дали бы ей возможность постоянно угрожать английским владениям в Индии и тем самым заставить Англию не противодействовать русской политике на Балканах и в вопросе о проливах. Вопросы экономического характера и политического влияния в странах Азии были производными и вытекали из необходимости осуществления главной задачи. В России хорошо понимали невозможность русского похода в Индию, однако считали, что постоянная угроза над Индией заставит Англию изменить свое отношение к России и уступить в ряде политических вопросов, важных для нее[114]. Это и предопределило ее политику в Средней Азии.

Несколько иной характер носило наступление Англии в этом районе. Раннее появление империалистических черт в английской экономике, выразившихся в образовании огромной империи и монополии на мировом капиталистическом рынке, придали английской политико-экономической системе агрессивный характер. Бурное развитие промышленности в период господства фритредерской буржуазии заставило искать новые рынки и усилило экспансивные устремления английской буржуазии. Касаясь экспансии английской буржуазии в Средней Азии, Ф. Энгельс писал в 1853 г.: «Можно смело утверждать, что до афганской войны и до завоевания Синда английская торговля с внутренней Азией равнялась нулю. Теперь дело обстоит иначе. Острая необходимость беспрерывного расширения торговли — этот fantom, который словно привидение преследует современную Англию и если его тотчас же не умилостивить, вызывает ужасные потрясения, распространяющиеся от Нью-Йорка до Кантона и от С.-Петербурга до Сиднея,— эта неумолимая необходимость принуждает английскую торговлю наступать на внутреннюю Азию с двух сторон: с Инда и с Черного моря»[115].

Резкое усиление английской экспансии в Средней Азии относится к 70—80 гг., когда Англия вступила в период империализма. Утверждение России в Средней Азии и ее растущее политическое и экономическое влияние в прилегающих странах Азии ограничивало сферу приложения английского капитала и грозило подорвать основы английского владычества в Индии и

---

[114] М. И. Венюков довольно метко сказал об этом: «Стремление овладеть Индией было бы с нашей стороны политической неразумностью, но иметь ключи от нее в своих руках для нас составляет историческую необходимость и положительную пользу», Русский вестник, 1877, № 6.

[115] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 13.

влияние Англии в Азии, что само по себе становилось значительным препятствием в дальнейшем развитии английской экспансии. Таким образом, в англо-русской борьбе в Средней Азии тесно переплетались экономические, политические и стратегические вопросы.

Своеобразие обстановки заключалось в том, что между владениями обеих держав располагались независимые государства — Персия, Афганистан и до 1879 г.— Кашгар (который в 1879 г. был завоеван Китаем); поэтому борьба развернулась не только в Лондоне и Петербурге, но и перекинулась в эти промежуточные страны. Эти обстоятельства определили тактику обеих держав. Если Россия намеревалась утвердиться главным образом в пределах естественных границ Средней Азии, то Англия стремилась сначала ограничить масштабы русского наступления, поставив условленные с русским правительством границы, а затем подчинить своему экономическому и политическому влиянию промежуточные государства, полностью вытеснив Россию, превратить их в свои плацдармы, с которых можно было действовать в любой момент, и затем подорвать экономическое и политическое положение России в Туркестане. Определенного высказывания о существовании такого плана нет, но сменявшиеся в Англии в этот период правительства с удивительной логичностью осуществляли это направление, хотя в зависимости от международной обстановки им не раз приходилось менять тактику, отступать от намеченного плана, искать обходные пути, тщательно маскировать свои истинные намерения и т. д.

На англо-русских противоречиях в Средней Азии в значительной мере отражались многие факторы как внутренние, так и международные, которые заставляли обе страны постоянно учитывать их в своей позиции по тем или иным вопросам, иногда меняя тактику, часто идя на уступки, но гораздо реже отступая от захваченных территорий.

Россия была слишком слаба экономически, чтобы выдержать серьезный военный конфликт с Англией. В 1880 г. она добывала угля в 50 раз меньше, чем Англия, выплавляла чугуна в 20 раз меньше, а сталь не выплавляла вовсе, в то время как Англия уже производила 1,3 млн. *т* стали в год[116]. Царская Россия была обременена внешними и внутренними долгами и

---

[116] См. А. Дж. Тэйлор. Борьба за господство в Европе 1848—1918 гг., М., 1958, стр. 39—42; Его данные подтверждаются сообщениями русской печати, см. «Биржевые ведомости», 16 апреля 1875 г.

огромными военными расходами[117], тогда как огромные колониальные владения Англии и ее промышленная монополия делали ее практически неуязвимой в финансовом отношении. Самый сильный в мире военно-морской флот Англии обеспечивал ей полное господство на морях, Россия же практически не имела флота.

Положение России усугублялось глубоким политическим кризисом, поразившим правящие круги России в 70—80-х годах XIX в., причем в нем были все признаки революционной ситуации[118]. За период с 1875 по 1884 гг. произошло 328 крестьянских восстаний, из которых 80 пришлось подавлять с помощью войск[119]. Зарождалось русское рабочее движение; за этот период отмечено 292 стачки[120]. Русско-турецкая война 1878—1879 гг., показавшая гнилость и никчемность царского режима, способствовала росту революционного движения. Народническое движение и либеральные выступления при всей своей ограниченности также подрывали силы царизма, отвлекали их, предупреждая о том, что при первых военных неудачах неизбежен революционный взрыв. Именно этими обстоятельствами следует объяснить осторожность и осмотрительность, которую проявляла русская дипломатия в среднеазиатской политике.

У Англии были свои слабости. Прежде всего чрезвычайно пошатнулось ее политическое влияние в Индии и в целом на Среднем Востоке. С другой стороны, в 70—80-х годах началась империалистическая борьба за африканские колонии, которая занимала внимание английских империалистов. Наконец, быстрый экономический рост США и Германии, усиление военного потенциала последней после разгрома Франции в 1871 г. и первые претензии молодого германского империализма на колониальные владения, вытеснение им Англии с ее традиционных рынков заставляли английское правительство серьезно задуматься над проблемой будущих отношений с этими двумя новыми быстро растущими империалистическими державами, домогательство которых уже в начале 80-х годов становилось весьма опасным.

---

[117] Уплата процентов по внешним и внутренним займам занимала в расходах России в 1870 г. 26,4% общих государственных расходов, в 1875 г.— 26,4 и в 1870 г.— 28,7% (подсчитано по данным И. С. Блиоха. См. И. С. Блиох. Финансы России XIX столетия, СПб., 1882, стр. 109, 116—117).

[118] П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, МГУ, 1964, стр. 7.

[119] Там же, стр 10.

[120] Там же, стр. 15.

Все эти факторы в значительной мере влияли на содержание англо-русских противоречий в Средней Азии, заставляя обе державы быть осторожными и бдительными, вынуждая их использовать широкий круг средств в своей борьбе, подчас применяя косвенное воздействие.

Глава I

АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД ПРАВИТЕЛЬСТВА ГЛАДСТОНА (1870—1874 гг.)

АНГЛО-РУССКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1872—1873 гг. И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Британское правительство выработало особую практику взаимоотношений с русским правительством, которая сводилась к тому, чтобы под предлогом угрозы английским владениям в Индии раздуть антирусскую истерию и навязать России обязательства, на первый взгляд незначительные, но удобные для оправдания многих политических акций.

Всякий раз при подготовке агрессии в Средней Азии в стране вспыхивала алармистская кампания, и британское правительство, то ссылаясь на английское общественное мнение, то спекулируя на коммерческих интересах, то придумывая какой-нибудь другой предлог, заставляло русское правительство оправдываться, вымогало обещания и заверения, умело используя их для прикрытия своих действий.

В середине 30-х годов XIX в., когда британское правительство готовило поход в Афганистан, патриарх английских русофобов Д. Уркарт стал издавать журнал, где надуманными и фантастическими примерами пытался запугать английских читателей близким падением британской империи в Индии[1]. Его выступления направлялись министром иностранных дел Англии лордом Пальмерстоном[2]. Благодаря перепечатке материалов крупными газетами и распространению его идей влиятельными политическими деятелями Уркарт получил огромную аудиторию и вся его кампания приняла общественный размах.

---

[1] Об этом см. подробнее: G. Gleason. The Genesis of Russofobia in Great Britain, Harvard, 1950, p. 175—177.

[2] Глисон пишет: «Документы Уркарта доказывают, что он пользовался с самого начала постоянными советами Фокса Стрэнгвейса, помощника политического секретаря Пальмерстона и сэра Герберта Тэйлора. Первый был настолько энергичен, что Уркарт верил: его газета получила поддержку Пальмерстона, а также думал, что его расходы будут возмещены Форин Оффисом». См. G. H. Gleason. Op. cit., p. 177.

К 1838 г. антирусские выступления в Англии достигли особой остроты. Русский посол в Лондоне Поццо-ди-Борго доносил министру иностранных дел Нессельроде, что угроза русского завоевания Индии «засела здесь (в Лондоне) во всех головах, невзирая на свою естественную невероятность и положительную фальшь»[3]. Все попытки Поццо-ди-Борго доказать Пальмерстону необоснованность и несостоятельность этих тревог не имели успеха. Тогда по поручению Николая I Нессельроде выработал подробную инструкцию для русского посла, уполномочивая его опровергнуть самым энергичным образом инкриминируемые России завоевательные намерения в отношении Индии. Вместе с тем, Нессельроде указывал, что нужно тщательно сохранять спокойствие в странах, расположенных между владениями Англии и России[4]. В инструкциях Поццо-ди-Борго Нессельроде излагал точку зрения русского правительства на взаимоотношениях двух держав в Средней Азии: «Укреплять тишину в этих странах; не натравлять их одну против другой посредством потворства их взаимной ненависти; ограничиваться соревнованием на поприще промышленности, но не вступать в борьбу из-за политического влияния, и, наконец,— что важнее всего остального — уважать независимость промежуточных, нас разделяющих стран,— такова, по нашему мнению, система, которой оба правительства должны неизменно следовать в виду общей их пользы и с **целью предупреждения возможности столкновения между двумя великими державами, которые, чтобы оставаться друзьями, обязаны не иметь в Центральной Азии ни соприкосновения, ни столкновения**»[5].

Русское правительство тогда еще не стремилось к установлению фиксированного соглашения между двумя державами, которое позволило бы, с одной стороны, сохранить статус-кво в этой части мира, а с другой,— не допустить раздувания противоречий антирусскими элементами в Англии для расширения антирусской кампании. Оно предложило: 1. Прекратить интриги в странах Средней Азии; 2. Ограничиваться в своей деятельности лишь конкуренцией на поприще промышленности и не допускать борьбы за политическое влияние; 3. Сохранить независимость промежуточных стран. Правительство России считало необходимым сохранить промежуточную зону между вла-

---

[3] Поццо-ди-Борго — Нессельроде, 11/23 X 1838 г. Цит. по Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. XII (трактаты с Англией 1832—1895 гг.), СПб., 1898, стр. 74.

[4] Нессельроде — Поццо-ди-Борго, 20. X 1838. Цит. по указ. соч., стр. 77.

[5] Нессельроде — Поццо-ди-Борго, 20. X 1838, Цит. по указ. соч., стр. 77.

дениями обеих стран в Азии (хотя прямо об этом и не говорилось), чтобы не иметь здесь «соприкосновения». Если бы английское правительство действительно было озабочено «русской опасностью» и хоть в какой-то мере боялось русского нашествия в Индию, осуществление плана, предложенного Нессельроде, явилось бы лучшей гарантией сохранения целостности британских владений. Но Пальмерстон не спешил с ответом. Лишь спустя два месяца после получения им предложений русского правительства, он высказал удовлетворение по поводу русской точки зрения, выразив желание устранить всякие обстоятельства, которые могли бы нарушить согласие двух держав. При этом он дал понять, что имеет ввиду прежде всего действия русских агентов, намекая на Симонича и Виткевича[6]. Фактически Великобритания в целом отвергла предложение русского правительства, но продолжала кричать о необходимости остановить русское наступление и раздувала антирусскую истерию[7].

Спустя 20 лет британское правительство вновь подняло среднеазиатский вопрос и попыталось добиться от русского правительства заверений и обещаний, которые дали бы Англии политические аргументы в требовании прекратить русское продвижение в Средней Азии. В марте 1860 г. британский министр иностранных дел Рассел в депеше к послу в Петербурге лорду Кромптону просил подготовить точную информацию о развитии событий в Средней Азии, не проявляя особой подозрительности. Рассел предупреждал, что, если Россия заметит что-либо, она, несомненно, попытается принять меры для защиты своих интересов. Великобритания, подчеркивал он, не желает вступать в борьбу с Россией за влияние в Средней Азии, но не допустит, чтобы Россия воспользовалась своими отношениями с Персией и «своими средствами давления на государства Средней Азии» для вторжения в страны, которые Англия считала необходимым сохранить «во владении туземных правителей» и власть которых не должна нарушаться иностранными интригами[8].

Своими напускными подозрениями и мелкими придирками по поводу каждого шага России в Средней Азии английская дипломатия не остановила русского продвижения, но повлияла на позицию российского Министерства иностранных дел и, в частности на Горчакова, который высказывался против расширения русских владений в Средней Азии, постоянно выдвигая

---

[6] Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (трактаты с Англией 1832—1895 гг.), т. XII, СПб., 1898, стр. 79.

[7] Там же, стр. 82.

[8] History, Feb.—Oct. 1956, v. XLI, p. 131.

в качестве главного аргумента подозрительность Англии. Чтобы успокоить англичан и отвести от России подозрения в замыслах завоевательных планов в Азии, Горчаков в 1864 г. написал свой знаменитый циркуляр русским послам, аккредитованным при иностранных государствах, в котором пытался представить русское наступление в Средней Азии как печальную необходимость, вызванную исключительно интересами «безопасности границ» и «торговых сношений» от «буйных» «полудиких» народов, с которыми соприкасалась Россия[9].

После взятия Ташкента Черняевым в 1865 г. Рассел вновь поднял среднеазиатский вопрос и попытался добиться от русского правительства заключения соглашения, по которому оба правительства отказались бы от намерений расширять свои территории в Средней Азии. Положение в Афганистане было неустойчивым, внутренние междоусобицы продолжались и было неясно, кто выйдет победителем в этой борьбе. Английское Министерство иностранных дел считало нужным сохранить статус-кво в ожидании окончательного установления политической власти в Афганистане. Однако государственный секретарь по делам Индии Ч. Вуд, признавая возможным прийти к соглашению с Россией, предупреждал, что Англия не должна подписываться под какой-либо конвенцией или соглашением, которые в будущем могли бы связать ей руки[10]. Это предупреждение было совершенно излишним, так как Рассел в сущности не допускал и мысли о том, чтобы взять на себя какие-либо обязательства. Он заверил Ч. Вуда, что речь идет лишь об обмене «нотами для выяснения обстановки»[11].

В первоначальном варианте депеши английскому послу в Петербурге Ламли Рассел выдвигал проект соглашения, к ко-

---

[9] Циркуляр Горчакова приводится полностью в работе: Ф. Мартенс. «Россия и Англия в Средней Азии», СПб., 1880, стр. 22.

[10] А. П. Торнтон считает, что позиция Ч. Вуда была в значительной степени определена Г. Роулинсоном, который утверждал, что Англия должна сохранить свободу действий и в случае нового русского продвижения также продвигаться вперед. Роулинсон находил чрезвычайно опасным останавливаться на Инде и ждать приближения русских войск. По его мнению, Кандагар на юге Афганистана и Герат на западе его были истинными пограничными линиями для Индии и «первоклассными крепостями в авангарде нашей нынешней территориальной границы и на самой доступной линии атаки» (History, Feb.—Oct., 1956, v. VLI, p. 132).

Мысли Г. Роулинсона были изложены в статье, опубликованной в журнале «Куортерли Ревью» (октябрь 1865 г.), и затем включены как третья глава в книгу «Англия и Россия на Востоке» (H. Rawlinson. «England and Russia in the East», London, 1875, chapter III).

[11] History, Feb—Oct., 1956, v. XLI, p. 132.

торому должны были прийти правительства Англии и России. Он сводился к следующему:

1. Обе державы заявляют, что не имеют намерения расширять свои территории таким образом, чтобы их границы стали более близкими, чем в настоящее время. Однако, если печальная необходимость вынудит одну из держав изменить это решение, она должна откровенно изложить причины, которые принудили ее принять это решение и заявить о предполагаемом территориальном изменении.

2. **Обе державы** (правительство Ее Величества со своей стороны) **намерены** уважать сложившееся положение в Средней Азии.

3. **Обе державы** (правительство Ее Величества **также**) будут уважать независимость Персидской монархии, воздержатся от вторжения на персидскую территорию и будут действовать в **концерте** в такой манере, которая поддержит и усилит суверенитет шаха. **Правительство Ее Величества считает,** что если Его Величество император России будет готов сделать подобную декларацию, **может состояться обмен нотами без формальностей,** правительство Ее Величества думает, что **в таком случае** без формальностей заключения конвенции можно было бы обменяться нотами. И это привело бы к успокоению населения Средней Азии и к предотвращению недоразумений, обеспечивая тем самым новую гарантию для сохранения мира между двумя странами[12].

По совету индийского департамента был вычеркнут весь первый пункт проекта соглашения, а также все подчеркнутые слова и фразы. В новом варианте депеша была отправлена в Петербург 3 августа 1865 г. Замыслы английского правительства нетрудно было понять. Во-первых, если Россия заявляла о решимости «уважать» сложившееся в Средней Азии положение, то тем самым она брала на себя моральное обязательство не делать новых территориальных приобретений; во-вторых, объявляя о намерении «уважать» суверенитет Персидской монархии, она предоставляла Англии право судить о том, насколько Россия соблюдает суверенитет Персии и выступать в глазах персидского шаха и его двора защитником интересов Персии и, наконец, в-третьих, при неясности границ территории Персии обязательство России воздержаться от вторжения на ее территорию впоследствии давало бы Англии основание расценивать любой шаг России в Средней Азии, как угрозу или вторжение на территорию шаха и делать соответствующее пред-

[12] History, Feb.—Oct. 1956, v. XLI, p. 132.

ставление, требовать компенсации или же спекулировать перед персидским правительством, выступая в качестве защитника его территориальных интересов. Характерно, что в этом представлении не было ни слова об «уважении» суверенитета или территориальных прав Афганистана.

Горчаков отнесся к депеше и предложению Рассела с плохо скрытой иронией[13]. Он заявил Ламли, что не понимает, чего собственно добивается Рассел. По его мнению, русское правительство высказало достаточно заверений в своем стремлении добиваться лишь безопасности торговли в Средней Азии и как практичный человек он не видит особой пользы в обмене заявлениями о взаимной благожелательности. При этом он заметил, что английское правительство, имеющее богатый опыт азиатских завоеваний, лучше знает причины происходящих там событий. В отношении предложений, касающихся Персии, Горчаков спрашивал: какую связь усматривает Англия между Средней Азией и персидской монархией? Он заявил, что никогда не подозревал Англию в намерении вторгнуться на территорию шаха и просил Ламли откровенно признаться: чего добивается Рассел. Но Ламли сам, по-видимому, не ясно представлял себе суть вопроса, во всяком случае он не смог убедить Горчакова в необходимости дать положительный ответ на предложение Рассела[14].

Все же Горчаков, как об этом сообщил Ламли, твердо заверил, что Россия не желает расширения своей территории в Средней Азии[15]. Аналогичное заявление было сделано Расселу по поручению Горчакова русским послом в Лондоне бароном Брунновым[16]. Это не было заверением не продвигаться дальше Средней Азии или обещанием не расширять территориальных владений. Горчаков говорил лишь об отсутствии у русского правительства желания делать таковые, отнюдь не давая гарантии, что оно вообще отказывается от расширения своих владений в Средней Азии[17].

---

[13] Торнтон пишет, что Горчаков «принял ноту почти иронически», См. History, Feb—Oct. 1956, v. XLI, p. 134.

[14] Lumley to Russell, 10. VIII 1865; BFSP, v. LXIII, London, 1879, p. 1310. Торнтон приводит подробное изложение беседы Горчакова и Ламли. См. History, Op. cit., p. 134.

[15] BFSP, v. LXIII, p. 1310.

[16] Russell to Buchanan, 16. IX 1885, BFSP, vol. LXIII, p. 1311. Бьюкенен был новым послом, назначенным в сентябре 1865 г.

[17] Правда, в одной из депеш Бьюкенен писал, что 12. X 1865 г. Горчаков отправит барону Бруннову инструкции о политике России в Средней Азии и Персии, в которых якобы Россия торжественно заявляет, что не преследует в Средней Азии никаких целей, кроме сугубо коммерческих,

Военные действия России против эмира бухарского в 1866 г. и взятие Самарканда в 1868 г. дали британскому правительству новый повод для возобновления домогательств в отношении Средней Азии. Английская пресса выступила с алармистскими статьями, напоминая об угрозе Индии со стороны России, ссылаясь на неуклонное продвижение русских, приводя в качестве примера взятие ими Самарканда. Правящие круги Англии использовали для разжигания антирусской истерии известного путешественника и английского разведчика А. Вамбери, который выступил с лекциями в Бате, Бирингаме, Лидсе, Шеффилде, Бредфорде, Норвиче, Кендаге, Йорке, Эденбурге, Бельфасте, Галифаксе, Глазго, Эбердине, Брайтоне, Кардиоффе и других городах и подчеркивал огромное экономическое и торговое значение ханатов Средней Азии для Англии и, с другой стороны, угрозу их утраты в случае, если Россия завоюет их и поставит под свой контроль. Характерно, что Вамбери меньше всего касался вопроса угрозы Индии и говорил в основном о возможностях торговли, формах одежды в среднеазиатских ханатах, красках и пр.[18]

Ф. Мартенс, указывая на новую волну антирусского возбуждения, начавшегося в 1868 г. в Англии, писал в 1880 г.: «С 1868 г. в английском общественном мнении замечается гораздо больше беспокойства за судьбу Ост-Индии, чем прежде. Английская печать постоянно обсуждает среднеазиатский вопрос и, за некоторыми редкими исключениями, высказывает такую враждебность к России, что правительство английское сочло своим долгом просить у Петербургского кабинета новых успокоительных объяснений»[19]. Мартенс считал, что этим беспокойством по поводу событий в Средней Азии англичане обязаны Г. Роулинсону и начало его относил к июлю 1868 г., когда

обязуется «уважать» независимость Афганистана и в обществе с Великобританией поддерживать персидскую монархию (Buchanan to Russell, IX 1865, BFSP, v. LXIII, p. 1316). Издательство британских и иностранных государственных документов, приводя депешу Бьюкенена, от имени редакции подчеркивало, что нет никаких официальных данных, подтверждающих получение правительством таких заверений. Очевидно, Горчаков раздумал отправлять инструкции, о которых писал Бьюкенен (Ibid, p. 1316). Но даже в случае, если положение вещей было именно таково, все равно британские государственные деятели не имели права говорить о том, что русское правительство дало Англии «торжественное заверение, что оно не имеет желания перманентно продвигать границы своих владений к Бухаре», как это сделал публично в парламенте 16. III 1866 г. заместитель министра иностранных дел Лэйярд (Parliamentary Debates House of Commonce, v. CLXXXII, 1886, p. 421—422).

[18] А. Вамбери. Моя жизнь, М., 1914, стр. 246.

[19] Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1880, стр. 33.

Роулинсон представил свой меморандум, ставший отправной точкой всей дальнейшей политики британского правительства в Средней Азии. Эта записка, подчеркивает Мартенс, стала «исторической» и мысли, развитые в ней, были распространены в английском обществе «всевозможными средствами» и способствовали развитию в Англии «среднеазиатской горячки»[20]. «По крайней мере,—писал он,—для нас бесспорно, что новая политика министерства Биконсфилда относительно эмира Шир Али и России была в значительной степени внушена запиской 1868 г. В этом акте легко узнать программу политики «научных границ»[21].

Вряд ли можно согласиться с Ф. Мартенсом, приписывающим возбуждение в Англии этой «горячки» одному Г. Роулинсону. Само выступление Роулинсона и содержание меморандума были обусловлены значительными сдвигами, происшедшими в позициях Англии в Азии. Но нельзя отрицать, что с его меморандума политика Англии в Средней Азии получила новое направление. Во всяком случае, все акции правительства Гладстона (1868—1874 гг.) и Дизраэли (1874—1888 гг.) удивительно совпадали с линией, намеченной Г. Роулинсоном. Меморандум, составленный им в конце июня 1868 г., первоначально был рассчитан как выступление в парламенте. Однако в назначенный день Роулинсон не успел выступить, и ему посоветовали изложить свою речь в виде меморандума и представить его в Индийский департамент.

В меморандуме[22] Роулинсон, ссылаясь на длительную историю завоевания Россией Средней Азии, утверждал, что эти завоевания не что иное, как осуществление тщательно продуманного плана захвата Индии. Он считал, что дни Коканда, Бухары и Хивы сочтены и, безусловно, допускал возможность скорого появления русских аванпостов на Амударье. Приводя письмо профессора Григорьева, бывшего председателя Оренбургской пограничной полиции, Роулинсон утверждал, что оно лишь отражает горячку похода в Индию, царившую якобы во всей России. Выдвижение аванпостов на Амударье он расценивал как первый шаг к осуществлению походов на Индию. Наконец, ука-

---

[20] Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1880, стр. 35.

[21] Там же.

[22] Г. Роулинсон утверждает, что он не смог выступить из-за недостатка времени у членов палаты общин в день (17. VI 1868 г.), когда намечалось выступление. На самом же деле, вероятно, английские внешнеполитические деятели не хотели раньше времени раскрывать своих карт и предпочли, чтобы Роулинсон представил меморандум, предназначавшийся для узкого круга лиц (H. Rawlinson. Op. cit., p. 272).

зывая на положение в Индии, в частности на восстание 1857 г., он считал, что ситуация в стране весьма благоприятна для русских интриг и не сомневался, что русские немедленно воспользуются ею, как только обстоятельства позволят им сделать это.

Роулинсон считал необходимым для противодействия наступлению России добиться господствующего положения в Афганистане и превратить его в «сильную и дружественную державу». Это должно быть сделано, подчеркивал он, любой ценой и в возможно кратчайший срок. Наилучшим вариантом он считал восстановление английской миссии в Кабуле, в полномочия которой входило бы «распределение субсидий» и «управление страной», которая находилась бы под английским протекторатом. Роулинсон писал, что рано или поздно Англия должна добиться этого положения, если она не собирается ставить под угрозу индийскую империю[23]. «Во имя интересов мира,— писал Роулинсон,— во имя интересов торговли, во имя нравственного и материального развития, можно сказать, что вмешательство в дела Афганистана сделалось в настоящее время долгом и что умеренные жертвы или ответственность, которые мы принимаем на себя, восстанавливая порядок в Кабуле, будут признаны в будущем как настоящая экономия»[24].

Роулинсон советовал оккупировать прежде всего Кветту — важный пункт в Белуджистане, находящийся у Боланского прохода, ведущего в Афганистан, через который можно было контролировать линию Кандагар—Герат и обеспечить быструю и удобную переброску воинских соединений. Большую роль в борьбе Англии против России в Средней Азии Роулинсон отводил Персии, он призывал активизировать здесь английскую политику, чтобы изменить внешнеполитическую ориентацию шаха, склонив его к союзу с Англией. Роулинсон отмечал необходимость продемонстрировать шаху повышенный интерес Англии к Персии и показать на деле свою готовность защищать шаха против русского нажима[25]. Кроме того, английские офицеры должны были занять влиятельные посты в персидских войсках. Предполагалось передать шаху в качестве подарка современное оружие и артиллерию, а персидских вельмож поощрить отправкой их сыновей для обучения в Лондон. «Вложение английских капиталов в банки, железные дороги, шахты и другие коммерческие предприятия совершенно доступно и при поддержке наших властей создаст дополнительные узы союза

[23] H. Rawlinson. Op. cit., p. 292.
[24] Ibid., p. 293.
[25] Ibid., p. 296.

между нашими странами»,— подчеркивал Г. Роулинсон[26]. Учитывая жадность персидских вельмож и их необыкновенную страсть к подаркам, Роулинсон советовал английскому посольству широко практиковать подношения, обставляя их по-восточному пышно. Наконец, он считал очень важным благожелательно откликнуться на просьбу шаха оказать помощь в создании и содержании морского флота в Персидском заливе. Он был убежден, что шах не сумеет воспользоваться им, так как персы не имеют необходимых навыков мореходного дела и соответствующей подготовки, но английское участие усилит влияние Англии в Тегеране и поможет добиться единства интересов при шахском дворе, направляемых владельцами английских телеграфных предприятий[27]. В меморандуме Роулинсона не было ничего нового. Да и сам автор не скрывал, что считает лучшим направлением политики в отношении Афганистана политику лорда Окленда, которая привела к первой англо-афганской войне.

Программа действий, предлагаемая Роулинсоном, была авантюристичной и в тех условиях мало осуществимой. Во-первых, призывая придерживаться политики Окленда, т. е. открытой агрессии в Афганистане и аннексии наиболее важных стратегических и экономических пунктов страны, Роулинсон игнорировал новый фактор в азиатской политике — появление России в Средней Азии, ее возросшее влияние при азиатских дворах, он не учитывал также, что за прошедшие 30 лет Россия настолько прочно утвердилась в Персии и приобрела столь могучие средства воздействия на политику шахского двора, что лишь самые радикальные изменения в Тегеране могли позволить английскому правительству надеяться на достижение тех условий, о которых писал Роулинсон. Наконец, произошли значительные перемены в самом Афганистане: он превратился в единое государство под властью Шир Али Хана, суверенное и независимое. Его народ, наученный горьким опытом англо-афганской войны, ненавидел англичан и не доверял им, всякая попытка ущемить его независимость или территориальную целостность неизбежно вызвала бы враждебное отношение, которое при появлении России на северных границах Афганистана могло иметь опасные последствия для английской политики в этом районе земного шара.

Меморандум Роулинсона был программой, выдвинутой наиболее агрессивной частью британских правящих кругов и отражал вполне определенное направление, все больше охватывав-

[26] H. Rawlinson. Op. cit., p. 297.
[27] Ibid., p. 297.

шее политические круги Великобритании. Главным требованием меморандума была активизация внешней политики, расширение внешнеполитической экспансии. Этим объясняется тот факт, что несмотря на авантюрность и нереальность в тех условиях, меморандум не был категорически отвергнут. Более того, государственный секретарь по делам Индии Стаффорд Норткот направил его в Индию на рассмотрение вице-королю Лоуренсу, подчеркивая в сопроводительном письме, что русское продвижение в Средней Азии (речь шла о взятии Самарканда войсками Кауфмана) угрожает положению Англии на Востоке и что наступило время для выработки «позитивного плана» «для противодействия ему»[28], явно намекая на приемлемость в этом смысле положений Роулинсона. Хотя Лоуренс и отверг меры, предлагаемые Роулинсоном, тем не менее, как подчеркивает это сам Роулинсон, его мысли и замечания Лоуренса в основе своей сходились; оба считали, что наступило время отказаться от политики «искусственного бездействия» и перейти к активным действиям[29].

Амбальское соглашение, заключенное в марте 1869 г. эмиром Шир Али Ханом, было первым шагом к активизации английской внешнеполитической экспансии на Среднем Востоке. Вслед за этим соглашением английское правительство приступило к переговорам с Россией, целью которых было, с одной стороны, создать такие условия, которые препятствовали бы продвижению России в Средней Азии, а с другой стороны, отвлечь внимание России: пустыми и необоснованными упреками тайно подготовить условия для проведения радикальной наступательной политики.

В марте 1869 г. английский министр иностранных дел в беседе с бароном Брунновым «в дружеских тонах» коснувшись быстрого продвижения русских войск в Средней Азии, подчеркнул, что британское правительство «не чувствует ни подозрения, ни тревоги», так как «достаточно сильно в Индии, чтобы отбить всякую агрессию». Он предложил, чтобы Россия и Англия признали «некоторую территорию нейтральной между их владениями в Азии»[30]. Горчаков согласился с этой идеей и предложил в качестве такой зоны территорию Афганистана, предупредив однако, что русская точка зрения в отношении его территории значительно отличается от английской[31]. Точку зрения русского правительства относительно нейтральной зоны и отношения

[28] Northcott to Lawrence, 24. VIII 1868, History, Feb.—Oct., 1956, p. 135.
[29] Rawlinson. Op. cit., p. 272.
[30] Rumbold to Clarendon, 26. IV 1869, BFSP, v. LXIII, p. 668.
[31] Clarendon to Buchanan, 27. III 1869, BFSP, v. LXIII, p. 658.

русского правительства к Афганистану Горчаков изложил еще раньше в депеше Бруннову от 7.III 1869 г. Он писал: «Афганистан находится целиком вне сферы, в которой Россия может быть призвана оказать свое влияние. Никакое вмешательство или интервенция, противоречащие независимости этого государства, не входят в ее намерения». Горчаков подчеркивал: «Если Лондонский кабинет, как мы надеемся, руководствуется теми же убеждениями, что и мы, то желание, высказанное лордом Кларендоном, будет осуществлено, наши владения в Средней Азии будут разделены независимой зоной, которая их предохранит от всякого непосредственного соприкосновения, и обе стороны могут в полной безопасности заниматься проведением в жизнь цивилизаторской миссии, которая выпала на их долю[32].

В депеше Горчакова необходимо выделить две примечательные черты. Во-первых, Россия воздерживалась от всякого вмешательства или «интервенции» в Афганистане, которое «противоречило бы его независимости», во-вторых, зона между владениями двух государств должна была стать «независимой», т. е. на нее не должна посягать ни одна из сторон. Это были очень важные детали, впоследствии сыгравшие значительную роль.

В ответной депеше Кларендон предложил установить твердую границу Афганистана, предложив провести ее по верхней Амударье[33]. Правительство Индии, осведомленное о начавшихся переговорах, обратилось к Роулинсону с просьбой высказать мнение о наиболее подходящей, с точки зрения английских интересов, линии границы северной части Афганистана. Роулинсон предложил оставить за Афганистаном Афганский Туркестан, в который входили княжества, населенные в основном узбеками,—Мейменэ, Сарыпуль, Шибирган, Ахча, Андхой и Балх, а также Бадахшан с княжествами Шунан, Рошан, Вахан — расположенные по левому берегу Амударьи[34]. Эти мелкие княжества, сохранившие свою независимость до 1849 г. были покорены Дост-Мухаммедом и в том же году присоединены к его владениям. В наиболее крупных городах княжества стояли афганские гарнизоны (в Балхе, Мазари-Шерифе, Акче, Ташкургане), однако внутреннее управление сохранялось в руках местных узбекских и таджикских феодалов[35].

[32] BFSP, v. LXIII, p. 659.

[33] Clarendon to Rumbold, 17. IV 1869, BFSP, v. LXIII, p. 661.

[34] Rawlinson to Mayo, 18. VI 1869; G. Alder. Op. cit., p. 168.

[35] См. В. М. Массон, В .А. Ромодин. История Афганистана, т. II, стр. 223 (Авторы подчеркивают, что «во многих случаях признание ими верховной власти афганских эмиров сводилось к вассальной зависимости», См. там же).

После смерти Дост-Мухаммеда в результате междоусобной войны эти княжества вновь обрели независимость, и Шир Али Хану снова пришлось завоевывать их. Лишь в 1874 г. он покорил Меймене, вслед за ним были присоединены к владениям эмира кабульского Сарыпуль и Шибирган, но Андхой даже в 1878 г. оставался полунезависимым ханством. В 1873 г. к владениям Шир Али Хана был присоединен Бадахшан. Британское правительство, добиваясь присоединения этих территорий к владениям Шир Али Хана, преследовало две цели: 1) перевести внимание афганского правителя к северной части страны, сконцентрировать здесь все его силы и подчинить его своему влиянию; 2) будучи убежденными, что рано или поздно Шир Али Хан станет зависимым от них и превратится фактически в английского вассала, они рассчитывали выйти в верховья Амударьи, которым придавалось важное стратегическое и экономическое значение.

Газета «Таймс» заявляла, что Англии нет дела до интересов Афганистана. «Если мы выговариваем линию Оксуса, или какую-либо другую линию, мы делаем это в собственных интересах, а не в интересах эмира Кабула. Мы озабочены поддержкой не целостности афганского королевства, а безопасностью британской Индии, и это является истинным оправданием наших взглядов относительно Бадахшана»[36]. М. А. Терентьев, касаясь домогательств Англии относительно Бадахшана и Вахана, отмечал, что речь идет не о двух маленьких ханствах, чрезвычайно бедных, обладание которыми не будет приносить непосредственной прибыли, а о территориях, примыкающих к Амударье. «Цель ясна, — писал он, — афганцы примкнут к реке, и тогда англичане, значит, могут завести здесь фактории и пароходство — флаг Афганистана совершенно законно прикроет английскую предприимчивость»[37].

По совету Роулинсона правительство Индии предложило включить эти княжества в границы Афганистана и заявило, что поддержит идею нейтральной зоны только в том случае, если в эту зону будут также включены Хива, Бухара и Коканд, независимость которых Россия обязуется уважать[38]. В меморандуме правительства Индии отмечалось, что при Дост-Мухаммаде Афганистан владел всей территорией до Амударьи, и Шир Али Хан не только имеет право унаследовать всю эту

---

[36] The Times, 8. II 1873.

[37] М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1875, стр. 266.

[38] H. Rawlinson. Op. cit., p. 309.

территорию, но и фактически уже контролирует ее[39]. Но Александр II, к которому британские дипломаты обратились, минуя российское Министерство иностранных дел, категорически отказался согласиться с этим[40].

Англо-русские переговоры вступили в новую фазу после встречи Горчакова с Кларендоном в Гейдельберге в сентябре 1869 г., когда Горчаков выразил удовлетворение по поводу установившихся между двумя правительствами добрых отношений и подчеркнул отсутствие антагонистических противоречий, многозначительно добавив, что в мире нет вопросов, которые они не могли бы решить полюбовно. Кларендон, в целом согласившись с этим замечанием, заявил однако, что вопрос о Средней Азии является исключением и здесь, по его мнению, разногласия между обоими правительствами растут. Он выразил пожелание английского правительства прийти к «ясному пониманию» по этим вопросам[41].

Кларендон говорил довольно резко, он выразил тревогу английского правительства по поводу того, что за последние пять лет русские владения продвинулись далеко на юг и после взятия Самарканда Бухара попадает в полное распоряжение России. Он полагал, что в скором будущем русские войска двинутся на Балх, поэтому Англия должна позаботиться о защите своих интересов[42]. В связи с этим Кларендон вновь поставил вопрос о создании нейтральной зоны и превращении Амударьи в демаркационную линию[43]. Но Горчаков уклонился от прямого ответа.

В октябре 1869 г. в Петербург прибыл представитель правительства Индии Форсайт, который фактически был направлен Кларендоном после неудавшейся беседы с Горчаковым в Гейдельберге[44]. Форсайт длительное время проработал в Пенджабе и основательно изучил Северный Афганистан и Кашгар, и английское правительство надеялось, что ему удастся убедить русских принять предложенную линию границы Афганистана.

В Петербурге Форсайт имел несколько бесед с русскими представителями, 30.X 1869 г. с канцлером-князем А. М. Горчаковым, 1 ноября 1869 г. с военным министром Д. А. Милютиным (в присутствии Стремоухова, директора Азиатского департамента), а 4 ноября отдельно со Стремоуховым.

[39] Ibid.
[40] Buchanan to Clarendon, 26. VII 1869, BFSP, v. LXIII, p. 665—666.
[41] Clarendon to Buchanan, 3. IX 1869, BFSP, v. LXIII, p. 668.
[42] BFSP, v. LXIII, p. 668.
[43] Ibid., p. 669.
[44] Об этом пишет сам Форсайт. См. T. D. Forsyth. Autobiography and Reminiscence of Sir D. Forsyth, London, 1886, p. 48.

В этих беседах затрагивались вопросы торговли в Средней Азии. Форсайт пытался добиться смягчения русской торговой политики в этом районе. Стремоухов, присутствовавший при беседе с Милютиным заметил, что Россия не намеревается вытеснять Англию из туркестанской торговли и обещал, что как только русские власти в Туркестане совместно с МИД выработают правильные тарифы, все чрезвычайные меры, приведшие к запрещению ввоза всех индийских товаров, за исключением индиго и кисеи, будут сняты и для Англии установятся нормальные условия торговли[45]. Форсайт признал справедливость суждений Стремоухова. Однако Бьюкенен остался недоволен подобным объяснением. В отдельной беседе со Стремоуховым он заявил, что протекционистские меры, введенные в Средней Азии, хотя они временные, вызывают недовольство в Англии и настаивал на допуске туда английских товаров, хотя бы по повышенным тарифам[46].

Стремоухов в свою очередь разъяснил, что временные меры, даже самые тяжкие, вызваны «неумолимой необходимостью», заметив, что как ни прекрасны принципы свободной торговли, сама Англия усвоила их только по достижении «промышленного совершеннолетия», тогда как Россия еще «далека от этого возраста» и как бы ни было приятно русскому правительству делать угодное Англии и ее торговле, нужды собственной торговли и промышленности должны стоять на первом месте[47]. Однако истинной целью переговоров была не торговля, а, как отмечал сам Форсайт, точное определение границ Афганистана в его восточной части[48]. Показательно, что из всех докладов о беседах с русскими представителями, которые Форсайт регулярно представлял Бьюкенену в Лондон, лишь в первом (беседа с Горчаковым) упоминался вопрос о торговле, во всех же остальных он не затрагивался[49].

Форсайт пытался доказать русским дипломатам, что Бадахшан, как и Вахан, принадлежит Афганистану[50]. Для того, чтобы сделать свои аргументы более убедительными, он привлек к делу и бухарское посольство, которое в это время находилось в Петербурге. Форсайт настоял на том, чтобы Стремоухов ор-

---

[45] Проект доверительного письма директора Азиатского департамента послу в Лондоне, 31. X 1869 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1869 г., д. 109, л. 98.

[46] Письмо директора Азиатского департамента к российско-императорскому послу в Лондоне, 4. XI 1869 г., л. 101.

[47] Там же, л. 102.

[48] D. Forsyth. Op. cit., p. 50.

[49] Доклады Форсайта опубликованы в BFSP, v. LXIII, p. 673—698.

[50] Ibid., p. 674, 676, 680.

ганизовал свидание с членами посольства и в его присутствии подробно расспросил их о Бадахшане[51].

О результатах бесед Форсайта с русскими представителями судить трудно, так как отчеты той и другой стороны противоречивы.

Горчаков докладывал Александру II, что в результате обмена мнениями были достигнуты следующие «заключения».

1. Пределами Афганистана считаются те места, которыми «в действительности» владеет Шир Али Хан; Англия употребит все зависящие от нее средства для того, чтобы не позволить ему расширение границ к северу.

2. Россия со своей стороны повлияет на Бухару, чтобы воспрепятствовать ей в расширении границ за счет Афганистана.

3. Если Россия впоследствии будет вынуждена предпринять враждебные действия против Бухары и, вопреки своему желанию, займет все это ханство или часть его, она не станет предпринимать завоеваний в направлении Афганистана, а Англия со своей стороны не допустит, чтобы афганский владетель тревожил своих северных соседей.

4. Россия не имеет никаких завоевательных намерений в отношении Кашгара и желает развивать с ним дружеские торговые и соседские отношения, но признать его не может, во-первых, из-за неуверенности в прочности его власти, во-вторых, потому, что он не признан Китаем[52].

Примерно в таком же духе воспринял результаты бесед с Форсайтом и Стремоухов. В проекте письма к послу в Лондоне он писал по основному пункту, что, по всей вероятности, некоторые из прилегающих к Кабулу княжеств будут подчинены Шир Али Хану, но «затем, далее на север и должна начаться настоящая нейтральная полоса, назначение которой — не допустить непосредственного столкновения Кабула с Бухарой, а также воспрепятствовать распространению влияния кабульского владетеля на Хиву с запада, может быть, и на Коканд, с востока»[53].

Форсайт, докладывая о результатах своих бесед, пытался протащить мысль о том, что русские признают Бадахшан как часть владений Шир Али Хана[54]. Сообщая о беседе с бухарски-

---

[51] D. Forsyth. Op. cit., p. 50, BFSP, v. LXIII, p. 680.

[52] Доклад о переговорах с Форсайтом, АВПР, ф. Главный архив, I—I, д. 109, 1869, л. 78—79.

[53] Проект доверительного письма директора Азиатского департамента к послу в Лондоне. 31. X 1869 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1869 г., д. 109, л. 89.

[54] BFSP, v. LXIII, p. 674, 676, 680.

ми представителями, Форсайт писал, что они признали: «с тех пор как Дост-Мухаммед захватил Герат, Бадахшан принадлежал Афганистану»[55]. В депеше Бьюкенена это обстоятельство было выделено особо, и Форсайт считал дело улаженным[56]. Однако русские дипломаты категорически возражали против такой трактовки смысла проведенных бесед и открыто заявляли об этом Форсайту, считая его заявление по этому поводу беспочвенным[57]. Во всяком случае неправомерно было говорить о достижении в этом вопросе каких-то определенных результатов, и в данном случае заявления Горчакова и Форсайта не соответствовали действительности. Обе стороны не смогли убедить друг друга, и было решено, по предложению Стремоухова, что правительства России и Англии проконсультируются со своими представителями на местах (с генерал-губернатором Туркестана и правительством Индии), а затем на основе их представлений зафиксируют границы[58].

Тем временем Шир Али Хан, укрепив внутреннее положение в стране, начал завоевание мелких княжеств, расположенных за Гиндукушем. В середине 1869 г. был покорен Мейменэ, в том же году Шир Али Хан подчинил своей власти и Кундуз. Афганские войска продолжали продвигаться вперед, в январе 1870 г. они взяли Андхой и начали строить там крепости. Несомненно, эти экспансионистские действия были предприняты эмиром по совету англичан и даже при их поддержке. Чтобы оправдать наступление Шир Али Хана и захват им территорий, которые русские власти не признавали за ним, английское правительство стало обвинять эмира бухарского в тайных намерениях захватить левобережные княжества. Заместитель министра индийского департамента Мелвилл в записке к заместителю министра иностранных дел Хэммонду писал, что вице-король Индии сделал все, что было в его силах для поддержания мира на границах Афганистана, «отговорив эмира Кабула от всех агрессивных движений в расширении признанных территорий Дост-Мухаммеда», и утверждал, что в связи с этим английское правительство вправе предложить русскому правительству использовать его влияние и удержать эмира бухарского от агрессии про-

---

[55] Там же, p. 680.

[56] Там же.

[57] Когда Форсайт зачитал свой доклад о беседе с Горчаковым в присутствии Стремоухова перед отправкой его в Лондон, фраза о том, что Бадахшан принадлежит Афганистану, вызвала возражение Стремоухова, который заявил, что «не считает Бадахшан владением Афганистана», BFSP, v. LXIII, p. 674, 676.

[58] BFSP, v. LXIII, p. 680.

тив Афганистана[59]. О границах Афганской территории не упоминалось. Видимо Мелвилл предполагал, что это уже известно, поскольку русское правительство должно было запретить эмиру бухарскому продвижение дальше тех границ, где в то время практически признавалась власть эмира бухарского, т. е. до р. Амударьи. Заставив тем самым русское правительство обратиться к эмиру бухарскому с таким призывом, британские дипломаты добились бы фактического признания русскими за эмиром кабульским территорий, которых за него домогались англичане. Но Горчаков и Стремоухов не приняли всерьез заверений Бьюкенена о том, что эмир бухарский предпринимает агрессивные действия против афганского правителя, и его просьбы принять меры, чтобы не допустить захвата эмиром Бухары земель, не принадлежащих ему[60]. Милютин в ответ на требования Бьюкенена заявил, что английское правительство не вправе выдвигать подобных претензий и жалоб, так как территории, которые пытается завоевать Шир Али Хан, не принадлежали ему и русское правительство не признавало за ним права на эти княжества[61].

В мае 1870 г. правительство Индии послало министру Индийского департамента герцогу Аргальскому депешу, в которой изложило новый вариант решения вопроса, сводившийся к разделению «политического влияния в Средней Азии» и определению твердых границ Афганистана. Видимо, оно вообще отказывалось от идеи нейтральной зоны. При определении территориальных владений Афганистана правительство Индии предлагало взять за основу границы владений Дост-Мухаммеда и в связи с этим утвердить северную границу по течению Амударьи от Балха на западе до восточного Бадахшана. На северо-запад граница должна была идти от пункта на Амударье между переправой Ходжа-Салех и Керки, включая в афганскую террито-

[59] Melville to Hammond, 26. I 1870, BFSP, v. LXIII, p. 694—695.

[60] Бьюкенен довольно несерьезно представил дело. Он заявил, что кабульский эмир опасается угрозы вторжения со стороны эмира бухарского, но Горчаков и Стремоухов высмеяли эти «опасения», показав, что эмир бухарский с трудом сводит концы с концами в своих финансах и практически не в состоянии предпринимать такие авантюрные мероприятия. Тогда Бьюкенен заявил: «Возможно, правительство Индии предполагало, что такую агрессию готовит кокандский хан против Кашгара. Но и это утверждение было отвергнуто Горчаковым» (Buchanan to Clarendon, 8. II 1870, BFSP, v. LXIII, p. 698).

[61] Бьюкенен доказывал, что меры Шир Али Хана чисто «оборонительные» (против Бухары) и утверждал как несомненный факт, что с 1850 г. Андхой принадлежал Афганистану и обещал привести неопровержимые доказательства (Buchanan to Clarendon, 21. III 1870, BFSP, v. LXIII, p. 701).

рию провинции Балх, Майменэ с Андхоем и Герат с зависимыми от него провинциями между реками Мургаб и Герируд[62].

Новое предложение правительства Индии свидетельствовало о некотором изменении прежних позиций английского правительства. Лорд Майо предлагал включить в границы афганской территории «все провинции, которые в настоящее время принадлежат Шир Али Хану», т. е. из прежней формулировки исключалось слово «фактически», что, по мнению Горчакова, было очень важно[63]. Это означало, что территория Афганистана должна была включать все провинции, которые признавали власть Дост-Мухаммеда и находились во владении Шир Али Хана. Горчаков отмечал, что правительство Индии предлагало признать владениями Шир Али Хана фактические владения Дост-Мухаммеда[64]. «Этот важный нюанс,— писал Горчаков,— отмечает различие, которое разделяет нашу точку зрения от взглядов лорда Майо»[65]. Учитывая важность вопроса о границах Афганистана (русские дипломаты не имели собственных карт и пользовались обычно английскими данными) русские дипломаты решили не спешить с его решением. Стремоухов сообщил Бьюкенену, что проект лорда Майо отправлен генералу Кауфману, и после представления им заключения будет дан ответ по существу вопроса[66].

Время работало на Россию, и русские дипломаты не торопились. Франция была разгромлена Германией, и Россия, пользуясь этим, добилась отмены унизительных условий Парижского трактата и получила право строить военный флот на Черном море. Она укрепляла свое политическое положение в Сред-

---

[62] BFSP, v. LXIII, p. 723—724. В этом меморандуме главное внимание уделялось Ходжа-Салеху, важность которого отмечал еще А. Бернс. В связи с тем, что Стремоухов выразил сомнение относительно этого пункта, Мелвилл писал Хаммонду о необходимости удержать Ходжа-Салех любой ценой, даже идя на некоторые уступки. По его мнению, можно было уступить Бухаре всю границу сразу же за Ходжа-Салехом, а его оставить за Афганистаном (Buchanan to Granville, 13. VII 1870, Ibid., p. 725; Melville to Hammond, 22. VII, 1870, Ibid., p. 724).

[63] Горчаков — Бруннову, 1/13. XI 1871 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1871, д. 67, л. 399.

[64] Горчаков — Бруннову, 1/13. XI 1871 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1871, д. 67, л. 399.

[65] Там же, л. 401.

[66] Как сообщал Бьюкенен, Стремоухов заявил ему, что русское правительство не будет возражать против включения Ходжа-Салеха в афганскую территорию, но считал необходимым уточнить линию от этого пункта, так как русское правительство считало Мерв и Туркмению коммерчески важными (Buchanan to Granville, 21. IX 1870, BFSP, v. LXIII, p. 730).

Гренвилл был назначен министром иностранных дел в июне 1870 г. вместо умершего Кларендона.

ней Азии и готовилась к походу на Хиву, чтобы сломить ее независимость.

Английские дипломаты не настаивали на срочном решении вопросов об установлении границ в Средней Азии, но косвенно пытались оказать нажим на русское правительство, чтобы принудить его к скорейшему соглашению по ним, справедливо полагая, что дальнейшее укрепление положения России в Средней Азии будет способствовать распространению ее влияния на соседние азиатские страны. В Лондоне английские дипломаты высказывали показную подозрительность в отношении политики России в Средней Азии[67], влиятельные газеты обрушивались с нападками на Россию и угрожающе намекали, что Англии очень легко добиться соглашения с Германией и Австрией[68], или же установить контакты со среднеазиатскими правителями, склонив их к выступлению против России, и доставить ей массу затруднений[69].

Случай помог английским дипломатам возбудить вопрос об ускорении решения среднеазиатской проблемы. В сентябре 1872 г., находясь в Москве на выставке, новый английский посол А. Лофтус встретил генерала Кауфмана и в тот же день телеграфировал лорду Гренвиллу о его пребывании в Москве и предложил воспользоваться этим для возобновления переговоров о Средней Азии, чтобы добиться их окончательного решения. «Было чрезвычайно важно,—писал в своих мемуарах А. Лофтус,—чтобы северная граница Афганистана—бастион Индии — была строго определена, и присутствие генерала Кауфмана в Ст.

---

[67] Бруннов доносил Горчакову: «Нынешнее правительство Англии усилило бдительность в отношении движения в Туркестане, на границах Афганистана, Персии и на Каспийском море. Оно ищет в наших планах в Азии разгадку секретов нашей политики в Европе» (Бруннов — Горчакову, 14. XI 1870 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 83, л. 247). В октябре 1872 г. Бруннов писал, что английская пресса не упускает случая для того, чтобы вызвать в английской публике нерасположение к русской политике в Средней Азии. См. Бруннов — Вестману, 11/23 октября 1872 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1872 г., д. 60, л. 468.

[68] Газета «Таймс» не скрывала своего раздражения по поводу русской внешней политики, в этот период она поместила ряд статей, которые были проникнуты раздражением и глухими угрозами. Кроме того, «Таймс» отмечала любое мероприятие русского правительства, имеющее прямое или косвенное отношение к Средней Азии и пыталась вызвать подозрение по отношению к нему. Даже разрешение правительства на строительство железной дороги Самара—Бузулук—Оренбург «Таймс» рассматривала как стремление России прибрать «к рукам Восток» и попытку использовать военные и коммерческие ресурсы этих отдаленных районов (The Times, 9. I, 12. II 1872).

[69] «Таймс» пространно излагала ход переговоров между правительством Индии и хивинским посланцем (The Times, 23. X 1872).

Петербурге предоставляло самый удобный момент для определенного разрешения столь желательного для взаимных интересов обеих стран»[70]. В конце октября 1872 г. А. Лофтус получил депешу лорда Гренвилла от 17.X 1872 г., в которой излагались предложения Англии по определению северных границ Афганистана — и вручил их Вестману, который замещал отсутствовавшего Горчакова[71].

Лорд Гренвилл писал, что, по мнению британского правительства, права Шир Али Хана на владения территориями по Амударье до Ходжа-Салеха вполне доказаны и полагал, что эмир имеет право защищать эти территории в случае нападения на них извне. С другой стороны, Гренвилл сообщал о решимости правительства Индии обратиться к Шир Али Хану «с настойчивыми представлениями» в случае, если эмир кабульский обнаружит намерение переступить означенные пределы его государства. Таким образом Гренвилл брал на себя обязательство не допустить расширения пределов афганской территории за эту линию. Он предлагал следующий вариант территории Афганистана на севере: 1. Бадахшан с зависящим от него округом Вахан, начиная от Сарыкуля (озера Вуда) на востоке до слияния Кокчи с Оксусом (Пяндж), образующим северную границу означенной афганской провинции на всем ее протяжении.

2. Афганский Туркестан, заключающий округа: Кундуз, Хульм и Балх, северной границей которого служило бы течение Оксуса — от впадения в него Кокчи до поста Ходжа-Салех включительно, по большой дороге из Бухары в Балх. Эмир афганский не может иметь никаких претензий на левый берег Оксуса ниже Ходжа-Салех.

3. Внутренние округа: Акча, Сарыпуль, Меймэне, Шиберган, Андхой, последний из которых составляет крайнее пограничное Афганское владение на северо-западе, так как простирающаяся далее степь принадлежит независимым туркменским племенам[72]. Западная граница Афганистана между Гератом и персидской провинцией Хорасан считалась хорошо известной и не нуждающейся в определении.

В докладной записке, касавшейся вопроса афганских владений, генерал Кауфман указывал, что афганские правители, в том числе и Дост-Мухаммед, никогда не имели власти над Бадахшаном и Ваханом, эти области сохранили независимость

---

[70] A. Loftus. The Diplomatic Reminiscence of Lord Augustus Loftus, London, 1894, Second series, v. II, p. 42,

[71] Ibid., p. 43.

[72] Депеша Лорда Гренвилла приводится по сборнику «Афганское разграничение», стр. 3; 5.

и лишь для внутреннего спокойствия страны Джехандар-Шах, правитель Бадахшана, обязался платить кабульскому эмиру подать и передать рубиновые и лазуревые копи Дост-Мухаммеду. Но это обязательство не было осуществлено, и бадахшанские правители после смерти Дост-Мухаммеда решили стать под покровительство эмира бухарского Музафар-эд-дина, который не мог осуществить этого решения ввиду русского наступления. Свержение Джехандар-Шаха Кауфман представлял как внутренний переворот в стране, совершенный с помощью Шир Али Хана, и подать, которую платили афганскому эмиру его племянники Джехандар-Шах, Махмуд-шах и Мирзаб-шах, утвердившиеся в Бадахшане, Кауфман считал лишь выражением признательности за содействие, но отнюдь не налогами верховному правителю[73]. Кауфман совершенно определенно утверждал в связи с этим, что эмир Шир Али Хан не вправе претендовать на владения этой страной и не допускал мысли о том, что в скором будущем положение изменится в пользу Шир Али Хана. Правитель Вахана, по сведениям, представленным Кауфманом, зависел от Бадахшана и платил ему регулярную дань, но с Афганистаном непосредственных отношений не имел и, следовательно, не подчинялся ему, поэтому его территория не может быть включена в состав Афганистана.

Кауфман отмечал опасные последствия для дела мира в Средней Азии, которые могли бы возникнуть с присоединением Бадахшана и Вахана к владениям Шир Али Хана. «С занятием этих двух областей,— писал Кауфман,— он увеличит линию соприкосновения с Бухарой, станет бок о бок с Каратегином, откуда рукой подать до кокандских владений и, наконец, на северо-восточных окраинах примкнет к владениям Якуб-бека...». Вот прямой путь к столкновению с нами»[74]. Кауфман предлагал признать эти области независимыми и от Бухары, и от Кабула и сделать их промежуточной зоной, которая сохраняла от соприкосновения русские и английские владения. Наряду с этим,

---

[73] Записка о северной границе Афганистана. Афганское разграничение, стр. 15, 17.

[74] Письмо генерала Кауфмана к князю Горчакову 29. XI 1872 г. Афганское разграничение, стр. 15; Кауфман не стал слишком углублять этот вопрос и не писал о том, как англичане могли бы использовать Бадахшан и Вахан в борьбе против России в Средней Азии. Английская печать высказывалась откровенно и не скрывала истинных мотивов в стремлении Англии к этим двум княжествам. «Таймс», например, солидаризировалась с Роулинсоном, считавшим, что «Великобритания в действительности менее заинтересована в нейтрализации пограничной страны к югу от Бухары, чем в наблюдении за русскими операциями России на берегах Каспия и Аральского моря» (The Times, 26. III 1873).

он не возражал против предложения Гренвилля включить в афганские владения территории к западу от Амударьи[75].

Горчаков был удовлетворен этими доводами. В депеше Брунову от 17.X 1872 г. он переслал «записку» Кауфмана и подчеркнул, что она выражает мнение русского правительства. Горчаков делал четыре вывода, которые по сути и являлись ответом на предложение Гренвилла.

1. Он соглашается, что северной границей Афганистана может быть принята Амударья — от впадения в нее Кокчи до пункта Ходжа-Салех;

2. В то же время Горчаков допускал простирание афганских владений лишь до места впадения Кокчи в Амударью, а территории Бадахшана и Вахана отказывался признавать за Афганистаном, считая эти княжества независимыми. Он ссылался на свидетельства майора Монтгомери, руководителя тригонометрической службы в Индии, который вместе с группой саперов в 1870—1871 гг. производил здесь исследования. Монтгомери писал, что эмир кабульский пользуется «значительным авторитетом» в Бадахшане и афганцы помогли Махмуд-шаху свергнуть Джехандер-шаха. Горчаков считал, что это заявление свидетельствует скорее о «действительной независимости» Бадахшана, чем о его подчинении эмиру кабульскому[76]. Он подчеркивал также, что в Бадахшане нет никаких признаков проявления верховной власти: нет ни афганских офицеров, ни чиновников для сбора податей. На этом основании Горчаков утверждал, что Бадахшан и Вахан независимые и не подлежат передаче Афганистану;

3. Передача двух спорных княжеств Афганистана привела бы, по мнению Горчакова, к бесчисленным спорам и конфликтам между Афганистаном и Бухарой. «Это значило бы,— отмечал Горчаков,— утверждать на весьма шатком основании мир, который предстоит водворить в этих краях и подвергать опасности гарантию, в которой он нуждается со стороны обоих правительств»[77].

---

[75] Афганское разграничение, стр. 21.

[76] Русские официальные лица не раз интерпретировали в подобном духе свидетельства майора Монтгомери. В частности, полковник М. Венюков в лекции, опубликованной «Русским инвалидом» 2 мая 1872 г. ссылался на доклад Монтгомери, который, по его мнению, совершенно ясно доказал, что в Бадахшане правит Джехандар-хан, не зависящий от эмира Кабула. Хотя английские дипломаты протестовали против такого толкования слов Монтгомери, тем не менее Горчаков в этом случае интерпретирует точно, во всяком случае в последующих депешах Гренвилл не возражал против этого толкования.

[77] Афганское разграничение, стр. 21.

Более целесообразным с точки зрения сохранения мира в Средней Азии он считал обеспечение независимости этих двух государств, которая может быть гарантирована Англией и Россией;

4. Горчаков соглашался с мнением Гренвилла о принадлежности провинции Акча, Сарыкуль, Майменэ, Шиберган и Андхой, однако выражал сомнение в действительном осуществлении над ними власти эмира кабульского.

Казалось, переговоры вновь зашли в тупик. Обе стороны твердо заявили о своей позиции и не допускали и мысли об уступке. Однако новые факторы, возникшие во внешней политике России, заставили ее уступить. 3.XII 1872 г. Особое совещание, проходившее под председательством Александра II, приняло окончательное решение об экспедиции в Хиву с целью принудить ее принять требования Российской империи, т. е. по существу с целью военного разгрома Хивинского ханства и низведения хана до положения вассала Российской империи[78]. Русское правительство хорошо понимало, к каким осложнениям в отношениях с Англией могла привести эта акция. Начиная с 1869 г., т. е. со времени высадки русских войск в Красноводске, английские представители чрезвычайно болезненно реагировали на малейшее продвижение русских войск в направлении Хивы как со стороны Каспийского моря, так и со стороны Туркестана. Хива контролировала все нижнее течение Амударьи, ее хан владел частью туркменской степи, и некоторые туркменские племена признавали его власть над собой. Английские дипломаты не собирались терять такие важные факторы в среднеазиатской политике. Еще в ноябре 1869 г. Бьюкенен письменно протестовал против возведения сооружений в Красноводске, утверждая, что хивинский хан имеет какие-то особые права над всей территорией, примыкающей к заливу[79]. В декабре того же года, узнав о подготовке экспедиции в Хиву, он сообщил в Лондон о готовности русских войск к походу и запросил Горчакова о цели экспедиции, намекнув, что Англия не может остаться безразличной к судьбе ханства[80]. В январе 1870 г. Бьюкенен вновь сообщил о подготовке крупных русских соединений к наступлению на Хиву со стороны Хивы и Ташкента[81]. В то же время Бруннов сообщал, что английская печать, используя слухи о предстоящем хивинском походе, раздувает в стране

---

[78] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 306.
[79] Buchanan to Clarendon, 1. XI 1869, BFSP ,v. LXIII, p. 672.
[80] Buchanan to Clarendon, 29. XII 1869, Ibid., p. 689.
[81] Buchanan to Clarendon, 12 I 1870, Ibid., p. 693.

антирусскую истерию[82]. Газета «Таймс» демонстративно подчеркивала значение, которое она придавала Хиве[83], подробно освещала пребывание в Индии представителя хивинского хана, утверждая, что он прибыл туда, чтобы просить помощи против готовящегося русского нападения, указывая, что во власти Англии оказывать такую помощь или нет[84]. Считая правильным решение вице-короля Нортбрука, который заменил убитого лорда Майо, не оказывать помощи хивинскому хану, «Таймс» вместе с тем предсказывала, что оно вызовет недовольство «некоторых людей, полагающих, что появление любой западной державы в Средней Азии означает вызов Англии в Индии»[85].

«Дейли Телеграф» била тревогу, предсказывая огромную опасность, которую таит в себе утверждение России в Хиве и подчинение ей всего течения Амударьи. Газета подчеркивала, что Хива отстоит от Карачи на таком же расстоянии, как и Оренбург, а еще ближе к ней находятся Герат и Тегеран. С утверждением России в Хиве Персидский залив окажется в руках русских, и их агенты совершенно открыто будут проникать в Кабул и Кандагар. Через пять лет Средняя Азия получит удобные коммуникации с долины Волги, Кавказа и южной России через Грузию и будет непосредственно соприкасаться с Афганистаном и оказывать большое влияние на все соседние страны. С другой стороны, «польза Средней Азии для С.-Петербургского двора,— писала газета,— состоит в том, что она создает отправную точку мощной диверсии в случае новой войны гигантов за обладание Малой Азией и Босфором. При таких условиях мы не смогли бы никогда вывести ни одного европейского солдата

---

[82] Бруннов — Вестману, 11/23. X 1872 г., АВПР, 1872 г., д. 60, л. 468.

[83] В корреспонденции из Берлина сообщалось о подготовке русскими похода на Хиву и подчеркивались последствия ее неминуемого разгрома, в которых «Таймс» не сомневалась: «Петровск, который в несколько лет будет связан с русскими железными дорогами, находится всего в 48 часах марша от Красноводска. Последний, если бы от него ходил локомотив к Хиве, окажется тогда только в 24 часах пути от берегов Амударьи. Но Аму проникает в самое сердце Средней Азии и удобна для навигации на протяжении 750 миль. Раз русские пароходы отправятся по ней, вся Бухара, Кундуз, Хульм, Балх и Бадахшан будут доступны для русского оружия и промышленных изделий. Кундуз находится на расстоянии не более 350 миль от Пешавара, начальной точки индийских железных дорог и, если дорога, которая проходит через Кабул, может быть гарантирована от афганских грабежей, или, что является более допустимым, заменена очень практичной дорогой от Бадахшана до Инда, русская линия коммуникаций фактически дойдет до границ британских владений (The Times, 16. X 1872).

[84] The Times, 19. IX, 23. X 1872.

[85] The Times, 19. IX, 23. X 1872.

из Индии»[86]. Газета предлагала принять брошенный Россией вызов. Как это сделать — «должно определить время и разум». Призывая не отступать перед русской опасностью, газета отмечала, что «сентиментальные политики опасны там, где речь идет о судьбе империи»[87]. Английская дипломатия сделала довольно внушительные представления русскому правительству, заявляя о том, что разгром Хивы русскими войсками вызовет осложнения в отношениях с Англией.

Лофтус в Петербурге специально заехал к Вестману и просил объяснить причины подготавливаемого похода на Хиву, указывая, что Англия жизненно заинтересована в этом вопросе. Вестман послал Бруннову депешу, специально предназначенную для прочтения Гренвиллу, в которой утверждал, что Россия не собирается оставаться в Хиве, а лишь намерена наказать хана за содержание в плену русских подданных и заставить его поддерживать нормальные условия для торговли. Бруннов показал депешу Гренвиллу, и при этом не преминул добавить, что лично он не совсем понимает, почему его правительство придает большое значение мизерной торговле в этих странах, но в то же время считал невозможным для русского правительства позволять хану обращаться так с русскими пленными и оставлять его безнаказанным[88]. Гренвилл согласился с такими доводами, но добавил, что он лично никогда не одобрял политики, направленной на расширение территорий и с большим удовлетворением отозвался о политике Кларендона и Горчакова, высоко оценив результаты их бесед. Он подчеркнул, что всякое отклонение от этой линии вызывает тревогу за будущее в отношениях двух государств. «Британский народ,— сказал он,— слишком чувствителен ко всему, что могло бы возбудить тревогу за индийскую империю и отмечал «чрезвычайную» сдержанность Аргайля и лорда Нортбрука в этих вопросах».

Гренвилл напомнил, что принцип добиваться «мира любой ценой» не входит в «особые традиции правительства Индии»[89] и выразил надежду, что в то время как лорд Нортбрук дает благоразумные советы азиатским князьям воздержаться от враждебных действий по отношению России, сами русские не станут пользоваться предлогами для ссоры с ними. Однако изображая себя противником расширения территорий государств

[86] Daily Telegraph, 17. X 1872.
[87] Daily Telegraph, 17. X 1872.
[88] Granville to Gladstone. Oct. 20, 1872; The Political Correspondence of mr. Gladstone and lord Granville, 1868—1876, v. 11, London, 1952, p. 353.
[89] Granville to Gladstone, 20. X 1872; «Political Correspondence», London, 1952, v. VI, p. 353.

и миролюбивым человеком, Гренвилл был неискренен. Незадолго до этого в кабинете происходили жаркие дебаты по вопросу об аннексии Занзибара и острова Фиджи, и Гладстон, одобряя позицию, занятую Гренвиллем в беседе с Брунновым, выражал радость по поводу того, что Вестман, очевидно, не осведомлен об этом[90]. Кроме того, Гладстон считал необходимым, чтобы Нортбрук предпринял энергичные меры в Хиве и добился обещания освободить русских пленных. «Пока это не сделано,— подчеркивал он,— наши уста физически закрыты»[91]. Основной задачей на данном этапе, по его мнению, было лишить русских веского предлога для экспедиции в Хиву[92].

Русские дипломаты не сомневались, что осуществление русской экспедиции и разгром хивинского хана приведут к дипломатическому шантажу со стороны Англии, обстановка требовала осторожности. Даже когда разгром Хивы стал свершившимся фактом, Министерство иностранных дел России приняло меры, чтобы удержать в секрете договор, заключенный Кауфманом с хивинским ханом, и не допустить его преждевременного разглашения. В письме к Кауфману Стремоухов писал по этому поводу: «Осторожность в этом деле признавалась крайне необходимой, ввиду того ревнивого внимания, с которым английское правительство следит за нашими действиями в Средней Азии. Некоторые статьи договора, как например об исключительном плавании по Амударье, могут, по мнению Министерства иностранных дел, в случае преждевременной огласки, сделаться предметом дипломатических запросов, которые желательно избегнуть и предупредить»[93].

Стремление России избежать конфликта с Англией во многом диктовалось отношениями, сложившимися на европейском континенте, в частности между Россией, Австрией и Германией.

---

[90] Вестман действительно ничего не знал об этом, так как неповоротливый Бруннов в своих депешах сообщал больше о светских новостях, чем о политических.

[91] Gladstone to Granville, 22. X 1872; «Political Correspondence», v. II, p. 353.

[92] Английские власти в Индии держали в Калькутте посланца хивинского хана свыше месяца, не давая ему ясного и конкретного ответа на просьбу о помощи. Лорд Нортбрук лишь посоветовал, как и рекомендовал Гландстон, отпустить из хивинского плена русских и вступить в дружеские переговоры с генерал-губернатором Туркестана (The Times, 19. XII 1872).

[93] Стремоухов — Кауфману, 6. X 1873 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 195; Стремоухов выражал также сожаление, что местная туркестанская печать опубликовала корреспонденции, в которых придавалось «преувеличенное» значение «приобретенной части Хивинского ханства» (по Гендумянскому договору) и в особенности те места в корреспонденции, в которых «излагались дальнейшие виды на Амударью».

В сентябре 1872 г. в Берлине состоялось свидание трех императоров — Александра II, Вильгельма и Франца-Иосифа, которое положило начало переговорам между тремя странами, закончившимся в октябре 1873 г. оформлением так называемого союза трех императоров. России такой союз был необходим ввиду осложнения отношений с Англией и предстоящего конфликта в Средней Азии, который тогда казался неминуемым. Гарантия безопасности западных границ империи, военная и политическая поддержка Австрии и Германии способствовали бы упрочению ее позиций в этом конфликте. С другой стороны, Горчаков не хотел платить слишком дорого за дружбу с Германией и стремился обеспечить такие условия, при которых Бисмарк не смог бы разыгрывать роль благодетеля на переговорах[94]. Поэтому установление хотя бы видимости хороших отношений с Англией и урегулирование с ней одного из самых острых международных вопросов, каким представлялся среднеазиатский вопрос, было неотложной задачей дипломатии Горчакова накануне переговоров с Австрией и Германией по существу вопроса. Заручиться лойяльностью Англии для того, чтобы с ее помощью добиться союза с Германией и Австрией в борьбе против нее самой — такова была одна из насущных задач русской дипломатии.

Выход указала английская печать. В октябре — декабре 1872 г. в «Таймс» была помещена серия статей, смысл которых не вызывал сомнений и сводился, в основном, к приглашению для полюбовного раздела Средней Азии. «Таймс» считала, что с точки зрения общей политики Англии непрактично препятствовать России в овладении Хивой, равно как и обоим государствам участвовать в соперничестве местных мелких князей в Средней Азии. Она предлагала обоим правительствам «признать их независимые сферы действия на азиатском континенте» и отказаться от угроз друг другу[95]. Обращаясь к тем в Англии, кто ратовал за активные действия против России, «Таймс» советовала отбросить иллюзии и признать тот факт, что Англия не может этого сделать, так как физически не в состоянии остановить русское продвижение в Средней Азии. «Может ли Англия какими-либо средствами, военными или дипломатическими, всегда мешать русскому наступлению в Средней Азии — помешать, например, взять Хиву, если они решили ее взять? — спрашивала газета в передовой статье.— Мы можем не колеблясь сказать, — отвечала сама же газета, — что та-

[94] В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, стр. 41.
[95] The Times, 24. X 1872.

ких средств не существует. Эти районы доступны для России и совершенно недоступны для Англии. Объявление войны России могло дать нам возможность захватить русских торговцев в Балтике или же подвергнуть бомбардировке русские крепости на Тихом океане, но это не отсрочило бы ни на час марш русских колонн в Средней Азии. Если авторитет прежних государственных деятелей говорит за вмешательство, то их поражения говорят против него»[96].

«Таймс» призывала не расточать силы и средства на авантюрные планы и заняться усовершенствованием железнодорожной системы в Индии, добиться уважения и поддержки местного населения[97]. «С компактной империей и довольным народом мы могли бы только смеяться над угрозами нашего соседа»,— поучала газета[98]. Наконец, 27.XII 1872 г., касаясь «слухов» о ноте русскому правительству, ставившей его в известность о том, что британское провительство не станет вмешиваться в дела России в Средней Азии и пока не будет досаждать княжествам в верховьях Амударьи, на которые претендовал Афганистан, «Таймс» поддержала это представление. Она полагала, что территории обеих империй постепенно будут неуклонно сближаться и когда-нибудь соприкоснуться, причем страны, простирающиеся между ними, должны будут «покориться» одной из этих наций и стать под ее протекцию и влияние, хотя могут управляться и собственными чиновниками»[99]. «Мы не сомневаемся,— подчеркивала в этой связи газета,— что если мы должны сохранить Индию, район известный, как Афганистан, должен составить часть британской системы». Она предлагала открыто заявить, какие районы азиатского континента Англия считает своими владениями в форме подчинения или же союза»[100]. «Таймс» предлагала полюбовный раздел Азии: Россия делает, что хочет с Хивой, но взамен уступает Афганистану княжества по верховьям Амударьи, т. е. Бадахшан и Вахан, и дает Англии право распоряжаться Афганистаном по своему усмотрению. Газета подчеркивала принадлежность какой-либо территории к английским владениям в форме подчинения или союза, который становился идентичным понятию «подчинение».

Русскому правительству, по-видимому, понравилось такое предложение, и в Англию со специальной миссией был направ-

---

[96] The Times, 29. X 1872.
[97] The Times, 28. XI 1872.
[98] The Times, 28. XI 1872.
[99] The Times, 27. XII 1872.
[100] Там же.

лен граф П. Шувалов. Он пробыл в Лондоне десять дней (с 4 по 14 января 1872 г.) и встретился с лордом Гренвиллем. При встрече Шувалов выразил «величайшее удивление» русского императора по поводу того, что в Англии возникло подозрение в отношении позиции России в Средней Азии[101]. Гренвилл не стал отрицать существования этого подозрения. Английский народ, сказал он, склонен к миру, но очень чувствителен и подозрителен по отношению ко всему, что «задевает его честь и интересы» и в особенности ко всему, что касается Индии[102]. П. Шувалов заметил, что Россия и Англия не могут достигнуть соглашения в основном из-за Бадахшана и Вахана и выразил мнение царя, что «этот вопрос не должен быть причиной расхождений двух стран», подчеркнув решимость Александра II не допустить этого[103]. Он вручил Гренвиллу послание царя, который, по словам Гренвилла, обещал не включать Хиву в свои владения и даже не оккупировать ее и разрешал официально заявить об этом в парламенте. Кроме того, царь выражал уверенность, что вопрос о границах Афганистана не будет препятствием к соглашению между двумя странами. П. Шувалов со своей стороны сообщил, что русские готовы пойти на уступки[104]. Собственно, миссия Шувалова уже явилась уступкой домогательствам Англии. Россия уступала в вопросе афганских границ, чтобы добиться расположения Англии и, в частности, ее обещания молчаливо уступить интересам России в вопросе Хивы и не делать по этому поводу дипломатических представлений[105].

Английская печать расценивала миссию Шувалова как начало новой фазы в англо-русских отношениях и призывала английское правительство выразить России «свою политику ясным языком» и «придерживаться ее твердо», не допуская уступок[106]. Речь шла не только об определении северной границы Афганистана, а об Афганистане в целом. Разъясняя политику английского правительства в Средней Азии, «Таймс» сообщала: «Практически мы решили поддерживать независимость

---

[101] Granville to Loftus, 8 .I 1873, Correspondence with Russia respecting Central Asia, London, 1873, p. 12.

[102] Correspondence with Russia respecting Central Asia, London, 1873, p. 12.

[103] Ibid.

[104] Political Correspondence of mr. Gladstone and lord Granville, p. 37.

[105] Американский историк У. Хаббертон подчеркивал, что по существу миссией Шувалова Россия обменяла Бадахшан и Вахан на Хиву. См. W. Habberton. Anglo-russian Relations Concerning Afghanistan 1873—1907, Urbana, 1937, p. 31.

[106] The Times, 11. I 1873.

Афганистана, и это мы выразили доверительным сообщением, что территории нашего союзника, эмира, к которым русские сейчас приблизились, должны рассматриваться находящимися под нашей протекцией»[107]. Выступления этой газеты носили характер угроз, которые она раньше остерегалась применять. «Если Россия примет предложенное разграничение,— говорилось в газете,— здесь будет конец на время среднеазиатского вопроса; если она воспротивится, вопрос в какой-нибудь момент в будущем перейдет на суд меча»[108].

В Англии отлично знали, что при сложившихся обстоятельствах Россия не станет воевать с ней, и желали извлечь максимальную пользу из этой ситуации, рассчитывая не только на достижение определенных уступок в афганском вопросе, но и моральный эффект такого жесткого тона в отношениях с одной из великих европейских держав. Явно рассчитывая на русские политические круги, «Таймс» описывала мощь Англии, подчеркивая, что Англия неизмеримо сильнее России, отмечала, что она может молниеносно привести в действие все свои ресурсы и путем подкупа и интриг поставить под английский флаг все воинственные племена Средней Азии.

«Таймс» считала себя вправе советовать русскому правительству форму отношений, которые должны были быть установлены после разгрома Хивы. Отмечая, что движение русских войск вдоль Амударьи неизбежно приведет к антагонизму с британской империей, напоминая, что русские дипломаты сами выражали желание создать барьер между двумя империями в виде независимых государств, газета считала, что его лучше всего было бы осуществить «оставлением государств, простирающихся по берегам этой реки, управлению их нынешних правителей». Она сообщала, что русское правительство дало обещание ни под каким предлогом не присоединять Хиву к своим владениям и офицеры получили «строгие приказы» не оставаться в Хиве дольше, чем требуется для освобождения из плена русских подданных. «Таймс» указывала, что от выполнения этого обещания будет зависеть доверие Англии к России. Она подчеркивала: «В ответ на такие заверения нужно только сказать, что их выполнение приведет более чем любое «соглашение» или даже написанный договор к устранению подозрений между двумя азиатскими империями. По этой причине мы верим, что, когда Хива будет покорена, русские направят свой

[107] The Times, 11. I 1873.
[108] Ibid.

марш обратно по степям по той же дороге, с той же готовностью, с которой мы ушли с горных местностей Абиссинии»[109]. Это было как бы напутственное слово Шувалову, покидавшему Лондон после переговоров с английскими представителями.

Русское правительство предупреждалось, что дальнейшее продвижение России в Средней Азии во многом будет зависеть от доброй воли Англии, а ее нужно еще приобрести. В этих условиях и направил Гренвилл новую депешу в Петербург, в которой вновь повторил пункты о границах Афганистана, изложенные ранее в депеше от 17.X 1872 г.[110]. От имени британского правительства он заверял, что Англия сделает соответствующее представление эмиру, чтобы не допустить нарушения им установленных границ. Ссылаясь на прежние представления правительства Индии эмиру афганскому и утверждая, что они принесли «самые благотворные результаты», Гренвилл выражал уверенность, что такие результаты повлекут и будущие представления[111].

В ответной депеше Горчаков сообщил, что русское правительство не возражает против линии границ Афганистана, включающих Бадахшан и Вахан, предложенной в депеше от 27.X 1872 г. Вместе с тем, А. М. Горчаков особо выделил заверение лорда Гренвилла, что английское правительство сделает представление перед эмиром Кабула воздержаться от любых наступательных действий[112].

Депешей Горчакова завершились переговоры, продолжавшиеся без малого четыре года. Стороны пришли к соглашению не совсем обычному, получившему в дипломатической литературе название соглашения 1872/1873 гг. Оно не протоколировалось, и вообще не было составлено никакого определенного документа, в котором ясно и четко отразились бы его конкретные условия. В основу соглашения легли параграфы официальных депеш, которыми обменялись стороны за период с 1869 по 1873 г., в них каждая фраза могла стать обязательством и каждое слово могло быть использовано по усмотрению сторон.

Английские дипломаты выделяли в соглашении главным образом три момента: 1. Россия признала, что Афганистан находится вне ее политических интересов и отказывается от всяких попыток вмешательства в его дела; 2. Определены северо-восточные границы Афганистана (причем, после того, как Горчаков согласился уступить англичанам в их домогательствах, бри-

[109] The Times, 14. I 1873.
[110] Афганское разграничение, стр. 21.
[111] Там же, стр. 23.
[112] Горчаков — Бруннову, 19 (31) января 1873 г., Там же, стр. 25.

танские представители делали попытки пересмотреть эту часть соглашения в сторону расширения территории, отходившей к Афганистану); 3. Они признавали ответственность, которую английское правительство взяло на себя за политику эмира кабульского, но интерпретировали это таким образом, что Афганистан отходит под их протекцию.

Российские дипломаты также выделяли главным образом три пункта, которые, однако, совершенно отличались от английской интерпретации соглашения. Во-первых, русские дипломаты считали, что по соглашению Афганистан должен стать «независимым» и превратиться в промежуточную зону, границы которой не будут нарушаться ни с той, ни с другой стороны. Во-вторых, северо-восточные границы Афганистана они признавали только по букве депеши лорда Гренвилла от 17.X 1872 г., а не иначе; в-третьих, они считали, что Англия приняла на себя обязательство воздействия на афганского правителя лишь с тем, чтобы не допустить расширения границ Афганистана за установленные пределы его владений, но совершенно исключали более решительное толкование этого вопроса; наконец, русские дипломаты считали, что соглашение оставляет за ними право полной свободы действий к северу от согласованных границ Афганистана.

Первой сделала попытку истолковать по-своему дух англо-русского соглашения газета «Таймс». Выражая удовлетворение достигнутыми результатами, она вместе с тем выражала беспокойство по поводу двух пунктов, особо выделенных в депешах Горчакова. Один из них касался «промежуточной зоны». С наивным видом газета выясняла смысл термина «промежуточные зоны» и содержание соглашения в этой связи: «Включает ли определение такой зоны запрещение нам всякого вмешательства вне ее и предусматривает обязательство по отношению России, что мы никоим образом не будем мешать ее действиям, пока она не пересечет северную границу Афганистана? Следует ли нас понимать, короче, как договорившихся практически о разделе Азии и уступивших весь район за Афганистаном России? Мы не говорим, что это является смыслом соглашения, у нас нет достаточных оснований судить так. Но не исключено, что русские могут интерпретировать его в этом смысле, а это могло быть очень неудобным для нас»[113].

Другим пунктом, вызывавшим беспокойство «Таймс», было обязательство воспрепятствовать посягательствам афганского эмира на территории соседних с ним владений, что, по мнению

[113] The Times, 13. II 1873.

газеты, таило массу трудностей и требовало объяснений по этому поводу. Газета поместила несколько статей, касавшихся этого вопроса. Они были опубликованы за подписью частных лиц, но по духу совпадали с редакционными статьями. В одной из статей утверждалось, что Англия и Россия не могут зафиксировать на долгий срок демаркационную линию. Автор, прикрывшийся подписью «Пограничный офицер», считал лучшим выходом из сложившегося положения посылку «вспомогательного британского отряда в Кабул», полную оккупацию Боланского и Хайберского проходов и отправку британских представителей в Герат и Кандагар[114]. Автор другой статьи майор Х. Рэверти находил, что опасно разрешать России свободу действий в Хиве, покорив ее, она соединится на юге с Персией и перейдет затем в наступление на Яркенд и Кашгар[115]. Вместе с тем английские дипломаты пытались так определить границы Афганистана, уже признанные Россией, чтобы можно было перенести их севернее, включая в афганскую территорию и княжество Шунан.

В начале февраля 1873 г. географический сотрудник индийского департамента Сандерс заявил, что при переписке депеши Гренвилла от 17.X 1872 г. допущена ошибка и в результате извращен первоначальный смысл депеши. Сандерс написал записку в Форин Оффис, но там от него буквально отмахнулись, не желая заниматься такими мелочами[116]. Тогда он передал материал в газету «Морнинг пост», и статья вышла на другой же день[117]. В ней говорилось, что в первоначальном варианте фраза из депеши Гренвилла выглядела так: «Бадахшан с зависимым от него районом Вахан от Сарыкуля(озеро Вуд) на Востоке до слияния р. Кокча с Оксусом (или Пянджа) на западе, **таким образом, что** Оксус образует северную границу этой афганской области на всем ее протяжении». По ошибке переписчика, якобы, подчеркнутая строка выпала и фраза значительно изменилась: в результате р. Пяндж и ее приток Сардох были ошибочно приняты за главный приток Амударьи, и тем самым от Афганистана была отрезана значительная часть княжества Вахан.

В связи с выступлениями газеты «Морнинг пост» 17. II 1873 г. на заседании палаты лордов герцог Сомерсетский задал вопрос, точно ли была проведена граница Афганистана[118]. Ана-

---

[114] The Times, 10. II 1873.
[115] The Times, 28. II 1873.
[116] G. A l d e r. Op. cit., p. 185.
[117] Ibid.
[118] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce 3 rd Series, v. 214, 1873, p. 538.

логичный вопрос был задан и в палате общин 20.II 1873 г. депутатом либеральной партии Райландом, который, кроме того, добавил, что по различным утверждениям Амударья не может быть границей Афганистана, так как афганские поселения якобы простираются и к северу от Амударьи[119]. Эти попытки внести коррективы в соглашение были настолько несерьезны, что их решительно отвергли и в палате общин, и в палате лордов[120].

Роулинсон на заседании Лондонского географического общества 24.II 1873 г. также отрицал возможность столь грубой технической ошибки и, кроме того, заметил, что к северу от Амударьи несколько лачуг, которые считались принадлежащими Афганистану, «не имели значения», и поскольку некоторые бухарские территории оказались к югу от реки, то «одна ошибка уравняла другую»[121]. Наконец, в палате общин заместитель секретаря Индийского департамента Грент Дафф в ответ на новый запрос Сеймура о границе и якобы допущенной ошибке заявил: «Мы признали права Шир Али до Амударьи и северной Амударьи, Амударьи, вытекающей из озера Вуд. Мы не признали за ним никакого права на территорию, находящуюся за Амударьей, потому что даже если бы и можно было доказать, что он имеет титул на некоторые жалкие поселения, если таковые существуют, было бы очень жестокой милостью к нему поощрять его утвердиться в них. Амударья от озера Вуд до Ходжа-Салеха представляет ясную, определенную границу, точно ту границу территории, унаследованную Шир Али от Дост-Мухаммеда. Вся северная сторона Амударьинского бассейна до бухарской территории принадлежит большому числу независимых властителей — князей Шушана, Рошана, Дарваза и ни об од-

---

[119] Ibid, p. 724.

[120] В палате лордов герцог Аргайльский категорически отверг утверждение об ошибке переписчика. Он сказал, что депеша с указанием границ Бадахшана и Вахана получила одобрение индийского департамента и была тщательно изучена в правительстве Индии, получив одобрение. Кроме того, как утверждал Аргайль, окончательный вариант депеши был проверен Роулинсоном (Ibid, p. 538). Примерно в таком же духе дал ответ в палате общин заместитель министра иностранных дел виконт Энфилд (Ibid., p. 726).

[121] Proceedings of the Royal Geographical Society, 1872—73, v. XVII, p. 108. Однако через два года Роулинсон писал обратное. В своей книге «Россия и Англия на Востоке» он поместил карту, где граница проходила гораздо восточнее оз. Вуд, продолжаясь по течению рр. Акташ и Аксу. На этой карте Шунан был включен уже в пределы Афганистана, и Роулинсон объяснял, что прежде это не делалось ввиду канцелярской ошибки, допущенной при переписке депеши Гренвилла от 1. X 1872 г., т. е. пытался доказать то, что два года назад отрицал: он утверждал, что главным течением Амударьи является р. Мургаб, которая и должна составить границу Афганистана, включающую в него и княжества Шушан и Рошан.

ном из них, ни большом, ни малом европейцы не знают абсолютно ничего»[122].

Линия, начертанная Г. Даффом, точно указывала границы между двумя пунктами — оз. Вуд и Ходжа-Салехом — и не допускала существование другой. Русские представители приняли именно эту линию. Предложение, содержавшееся в депеше лорда Гренвилла от 17.X 1872 г. относительно владений афганского эмира в верховьях Амударьи, было основано на данных капитана Вуда, который первым обстоятельно изучил эту часть Средней Азии. Вуд исследовал лишь р. Пяндж и ее главный приток Сарход, вытекающий из оз. Сары-куль, который он и принял за настоящее русло Амударьи. Поэтому и в депеше Гренвилла было предложено России принять этот приток и продолжение его р. Пяндж за северную границу Афганистана. Однако в депеше Гренвилла речь шла только о княжествах Бадахшан и Вахан, но не упоминались Шунан и Рошан, и британское правительство ходатайствовало о том, чтобы Россия признала права эмира лишь на эти княжества, тогда как граница, проводимая Роулинсоном, включала и два других. Это было совершенно очевидно, убедительных аргументов в пользу перенесения границы севернее согласованной у Англии не было, и ее правительство вынуждено было отвергнуть требования пересмотра границ.

Вместе с тем, английское правительство в парламенте совершенно открыто интерпретировало смысл соглашения в нужном для него свете. 27.II 1873 г. представитель консервативной партии в палате общин Монтегю Гест сделал запрос, допускает ли британское правительство, чтобы русские получили по соглашению право свободы действия на территориях, лежащих к северу от Амударьи и не имеет ли оно намерение указать России линию, за которую она не должна наступать по направлению к промежуточной зоне[123]. Ответ виконта Энфилда, который выступил от министерства иностранных дел, был явно двусмысленным, вернее половинчатым. Он отметил, что британское правительство не собирается требовать от русских установления такой определенной линии, но в то же время заявил, что Англия не может согласиться с аннексией «иностранным государством» территорий, которые им еще не были аннексированы, что по существу означало, что она не допускает аннексии Россией территории, которая ранее не входила в ее состав[124].

---

[122] Hansard's Parliamentary Debates House of Commonce 3 rd Series, v. 214, 1873, p. 784.

[123] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce 3 rd Series, v. 214, 1873, p. 1034.

[124] Ibid, v. 215, p. 862.

Ясность в этот вопрос внесли дебаты в палате общин, состоявшиеся 22 апреля 1873 г. Они были целиком посвящены отношениям, сложившимся с Россией в Средней Азии в результате соглашения 1872/1873 гг. Грэнт Дафф заявил, что соглашение не предусматривало передачу России всей страны к северу от Амударьи, а требовало сохранения там статус-кво[125]. Он отверг предположения относительно того, что Англия приняла на себя какие-то «новые» обязательства в отношении Афганистана. В то же время Г. Дафф пытался интерпретировать смысл соглашения таким образом, что по нему Англия получила право устанавливать отношения со странами, «окружающими индийскую границу», по собственному усмотрению. Отрицая, что Англия собирается внедрять свою непосредственную власть, он вместе с тем пояснял, что с такими государствами, как Келат, Афганистан, Непал и Бирма, Англия желает быть в «тесном союзе», но при «мощном влиянии индийского правительства». Он считал их принадлежащими к сфере английского «притяжения» и подчеркнул, что британское правительство не станет относиться с безразличием к каким-либо «враждебным» сношениям с ними. «Мы думаем,— говорил Г. Дафф,— они принадлежат по праву к сфере английской коммерции и английских идей»[126]. Суть его интерпретации соглашения сводилась к тому, что на основании этого соглашения проводилась лишь граница, за которую Россия не имела права делать ни шагу, в то время как Англия получала к югу от нее полную свободу действий. Эти же нотки, но в более откровенной форме прозвучали в выступлениях Ч. Уингфилда, Картрайта, Стаффорда Норткота и Дж. Бальфура — депутатов от консервативной партии.

Ч. Уингфилд (консерватор) вообще отрицал необходимость установления промежуточной нейтральной зоны и наилучшим решением признавал сохранение за Англией «полной свободы действий», свободы выбора «времени и места для сопротивления дальнейшему продвижению России»[127]. Берк предсказывал для Англии бесчисленные трудности в случае признания Афганистана нейтральной зоной и предлагал отклонить эту идею вообще[128]. Он оставлял за Россией право развивать свои коммерческие интересы в Хиве, но призывал отвергнуть ее стрем-

---

[125] «Потому, что помимо других причин расходы были бы слишком тяжелыми для финансов Индии»,— говорил Г. Дафф (Iibd, p. 862).

[126] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce, 3 rd Series, v. 215, 1873, p. 863.

[127] Ibid, p. 851.

[128] Ibid, p. 867.

ление делать здесь новые территориальные приобретения, считая каждое из них угрозой миру в Средней Азии[129]. Стаффорд Норткот, признавая идею промежуточной зоны господствующей во всех переговорах и считая ее сутью достигнутого соглашения, тем не менее считал, что это обязательство не должно служить помехой для английского правительства в осуществлении его собственной политики, и предлагал использовать его, когда это будет выгодно, и отказываться от него, если оно даст России повод требовать от Англии выполнения взятых обязательств (так называемое гибкое применение соглашения)[130].

Гладстон, подводя итоги дебатам выделил три основных пункта, которые, по его мнению, составляли смысл соглашения. Во-первых, «негативное обязательство» России рассматривать Афганистан полностью вне сферы своей политики и не вмешиваться в его дела; во-вторых, установление фактических границ Афганистана, в особенности в северо-восточной части; в-третьих, «позитивное обязательство», принятое британским правительством относительно удержания афганского эмира от посягательств на территории, находящиеся за пределами установленных границ. Он призывал членов палаты не беспокоиться в отношении последнего обязательства, так как оно ограничивается принятием Англией обязательства внушить эмиру необходимость воздержаться от всякой агрессии, принимая во внимание признание Россией его границ, и предусматривает лишь моральное воздействие. Он категорически отрицал существование какого либо обязательства Англии признавать нейтральную зону, считая, что разговоры о ней были лишь «общим и неопределенным способом выражения в очень общей форме взглядов, которых придерживались обе стороны и идей, которые впоследствии должны были получить более специфическую форму»[131]. Для обоснования своих взглядов он обращал внимание на тот факт, что о промежуточной зоне речь идет лишь в начальной стадии переписки двух кабинетов, в последних депешах эта мысль исчезает, где,по его мнению, позитивные намерения сторон выражаются определенно[132]. Чтобы навсегда покончить с этим вопросом и отвергнуть утверждения о существовании соглашения о нейтральной или промежуточной зоне, Гладстон

---

[129] Ibid, p. 868.

[130] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce, 3 rd Series, v. 215, 1873, p. 873.

[131] Hansard's Parliamentary Debates, House of Comonce, 3 rd Series, v. 215, 1873, p. 875.

[132] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce, 3 rd Series, v. 215, p. 875.

подчеркнул, что соглашение не ограничивает «права» Англии действовать по собственному усмотрению в Афганистане или где-либо еще для «поддержания чести и собственных интересов»[133].

Заключительное выступление Гладстона, как и дебаты в целом, по существу сводились к попытке освободить Англию от всех обязательств, которые могли затормозить ее продвижение в Средней Азии. Соглашение, по мнению лондонских деятелей, должно было дать Англии свободу действий и право упрекать Россию за любое нарушение его. Причем, английские государственные деятели пытались отказаться даже от того, что они написали сами, от тех пунктов, против которых не возражали в ходе переписки и которые русской стороной считались принятыми. Насколько это выглядело несерьезным, видно из попыток ревизовать вопрос о границах Афганистана.

Заявление Гладстона о том, что в последних депешах российских дипломатов не ставился вопрос о промежуточной зоне, не соответствовало действительности. В депеше от 7.XII 1872 г. Горчаков, отмечая стремление обоих правительств к установлению в Средней Азии такого порядка, который обеспечивал бы мир, подчеркивал: «С этой целью они пришли к соглашению относительно необходимости оставить между их обоюдными владениями известную промежуточную зону, которая предохраняла бы их от непосредственного соприкосновения. Афганистан, как казалось, отвечал этим условиям, и поэтому оба правительства согласились между собой воспользоваться своим влиянием на соседние государства с целью недопущения столкновений и захватов как по сю, так и по ту сторону промежуточной зоны»[134]. Оставалось только, писал Горчаков, точно определить **пределы зоны,** чтобы соглашение между двумя кабинетами приобрело практическое оформление, которое подтверждает установление самого принципа.

Таким образом, для Горчакова достижение соглашения о нейтральной зоне было несомненным, и речь шла только о практическом оформлении границ. Эта уверенность исходила из того, что еще в 1869 г. в беседе с Форсайтом в Петербурге Стремоухов подробно развил мысль о промежуточной зоне, и его идеи не вызвали возражения со стороны Форсайта[135]. Правда, в 1875 г. герцог Дерби при ссылке Горчакова на беседы с Форсайтом категорически заявил, что английское правительство не

---

[133] Ibid.
[134] Афганское разграничение, стр. 5.
[135] Forsyth to Buchanan, 2. XI 1869, BFSP, 1872—73, v. LXIII, p. 676.

несет ответственности за позицию Форсайта в том или ином вопросе, но в таком случае можно поставить под сомнение ценность собственных документов английского правительства или значение переговоров его представителей, особенно имея в виду неблаговидные объяснения с ошибками, допускаемыми клерками Министерства иностранных дел и отправку непроверенных депеш.

Кроме того, в депеше 24.I 1873 г. Гренвилл ни слова не высказал против идеи промежуточной зоны, представленной в депеше Горчакова, и тем самым дал основание считать, что он молчаливо соглашался с ней. Во всяком случае, зная скрупулезность, с которой британские дипломаты относились к подобного рода документам, можно было быть уверенным, что если бы такого соглашения не было, то упоминание о нем наверняка вызвало бы возражения. Примечательно в этой связи, что Стаффорд Норткот, известный своей компетентностью в вопросах дипломатических отношений, считал идею промежуточной зоны «сутью достигнутого соглашения», и даже Дизраэли признавал, что «Россия и Великобритания согласились установить нейтральную зону между их соответствующими империями»[136].

Современный историк У. Хаббертон, посвятивший этому вопросу специальный раздел работы, считает, что соглашение предусматривало установление промежуточной зоны (которую он считает идентичной нейтральной зоне) и не сомневается, что молчаливое принятие Форсайтом идей нейтрального Афганистана повлияло на определение последующей позиции дипломатов в отношении афганской границы. Правда, он находит этот вопрос «самым запутанным» и неопределенным, но все же факт его установления для него неоспорим[137].

Несомненно, русские дипломаты были правы, считая одним из главных условий соглашения превращение Афганистана в промежуточную нейтральную зону, которую ни одна из сторон не должна нарушать. Комментируя в этом смысле суть соглашения, Ф. Мартенс писал в 1880 г., что в результате переговоров было достигнуто установление между владениями обеих держав «буфера», т. е. «земли, которая признавалась бы нейтральной и неприкосновенной, дабы воспрепятствовать непосредственному соседству названных владений»[138]. Вместе с тем, русские дипломаты оговорили для себя права на установление

---

[136] W. Habberton. Op. cit., p. 33.
[137] Ibid.
[138] Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, СПб., 1880, стр. 42.

определенных связей с Афганистаном. Хотя Горчаков неоднократно подчеркивал, что Афганистан находится вне политики России, тем не менее в депеше от 24.II (7.III) 1869 г. он разъяснял, что речь идет лишь о вмешательстве, которое грозило бы подорвать независимость Афганистана, а не вообще об отказе от связей с ним. Ф. Мартенс отмечал, что суть депеши Горчакова в этой фразе, и делал вывод, что, следовательно, всякое вмешательство, не противоречащее независимости Афганистана, «дозволено и законно»[139].

Как бы то ни было, Россия имела законное основание заявить, что по соглашению достигнута договоренность об установлении промежуточной нейтральной зоны и такой зоной является Афганистан. В этом заключалось неоспоримое преимущество позиции русских.

Английские дипломаты в сущности попали в западню, которую они тщательно расставляли для России. Русские были очень осторожны, точны в выражениях и последовательны в решении намеченной задачи, не допуская противоречий в дипломатических документах, английские же представители совершили ряд грубых промахов. Когда русские дипломаты настойчиво и нарочито назойливо делали упор на создание промежуточной нейтральной зоны, англичане отмалчивались и тем самым дали основание считать, что они соглашаются с этой идеей; представители России добивались принятия англичанами обязательства не допускать эмира афганского за пределы установленных границ, и англичане довольно легкомысленно приняли его, рассчитывая использовать в своих целях; и, наконец, когда русские дипломаты постепенно пытались добиться свободы действий севернее Амударьи, британские дипломаты не только не протестовали против этого, но и открыто соглашались и лишь впоследствии, спохватившись, пытались опровергнуть сложившееся уже мнение об их позиции в этом вопросе, которое в значительной мере было поддержано ими же[140].

---

[139] Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, стр. 43.

[140] Так в одной из депеш Лофтус приводил слова Стремоухова, свидетельствовавшие о том, что русские понимали соглашение как раздел сферы политического влияния в Азии. Стремоухов так оценивал дух соглашения: «Россия откровенно заявила, что считает Афганистан находящимся вне ее политической сферы действия, тогда как Англия равно должна была считать страны к северу от Оксуса, как не входящие в ряд ее политического влияния» (Loftus to Granville, 5. III 1873, Cambridge Historical Review, 1954, v. XI, N 2, p. 217). Гренвилл не возражал против такой интерпретации столь важного вопроса соглашения и отметил, что ничто в соглашении не мешало какой-нибудь стороне действовать «как она могла считать удобным» (Granville to Loftus 5. V 1873, Ibid., p. 217).

Столь необычное простодушие английских дипломатов объясняется главным образом тем, что, уповая на свое влияние в Азии и финансовую силу, они рассчитывали добиться основной цели, казавшейся им ключевой, а достигнув ее, резко повернуть все соглашение таким образом, чтобы использовать его в своих интересах, или, если удастся, вообще аннулировать неугодные его пункты. Стремясь выйти к Амударье и утвердиться на ее берегах, они уделяли главное внимание вопросам установления границ Афганистана в северо-западной части страны и стремились зафиксировать прежде всего этот пункт, уступая России во многих других, даже очень важных пунктах. До тех пор, пока Англия была единственной европейской державой в Азии и могла бесконтрольно вести переговоры с азиатскими правителями, ее дипломаты могли позволять себе такую роскошь, как неаккуратность в дипломатических переговорах, и их методы почти безотказно приводили к успеху. Но в 1869—1873 гг. переговоры проходили с великой европейской державой, которая стала пользоваться в Азии огромным влиянием и превратилась в важный фактор азиатской политики. В отношениях с ней было опасно допускать такие промахи.

В этом смысле характерен вопрос об обязательстве англичан удерживать афганского эмира от агрессивных действий и попыток территориальных приобретений за пределами установленных границ. Русские дипломаты настойчиво выдвигали этот вопрос, и в последней депеше Горчакова от 31.I 1873 г. он фигурировал как главный, причем подчеркивалось, что уступка англичанам в территориальном отношении делается только с учетом заверений англичан принять все меры для предотвращения каких-либо агрессивных действий афганского эмира.

Мало вероятно, что русские действительно опасались агрессии со стороны Шир Али Хана, они слишком хорошо знали положение Афганистана, его материальные ресурсы, его вооруженные силы[141]. Главное значение этого пункта для русской

---

[141] В ответ на панические письма Кауфмана о происках англичан, о завоевательных планах Шир Али Хана и об образовании ими союза всех среднеазиатских владений, Стремоухов писал: «Трудно поверить, чтобы англичане решились подстрекать Шир Али против нас, потому что при затруднениях первостепенных, могущих возникнуть в Суэце, нельзя допустить, чтобы они решились вызвать нас на новые предприятия и завоевания в Средней Азии; при том же, во-вторых, у Шир Али Хана есть гораздо более близкие и интересные счеты с Персией за занятый ею Сеистан, а, в-третьих, и в особенности, его собственная власть далеко еще так не укрепилась, чтобы он решился предпринимать далекие экспедиции. Афганистан не такая страна, которой легко управлять и которая легко переносит и будет переносить единодержавие: Дост-Мухаммед был повыше во всех от-

дипломатии заключалось в том, что он фактически означал признание англичанами права России на все территории, находящиеся за пределами Амударьи, и отказ от вмешательства в политические отношения России со среднеазиатскими ханствами.

Английские дипломаты рассчитывали использовать этот пункт в собственных интересах, как предлог для вмешательства во внутренние дела Афганистана и расширения там своего влияния, поэтому не отказывались от принятия такого обязательства[142]. Но Россия совершенно не опасалась подобного исхода и не придавала ему значения. Во-первых, Афганистан был объявлен независимым, и нарушение этого условия давало право русской дипломатии требовать взамен компенсацию и упрочивало в целом русские позиции в Азии; во-вторых, опыт первой англо-афганской войны показал, что афганцы выше всего ценят свою независимость, и любая попытка нарушить ее, приведет к войне, результаты которой предвидеть было невозможно; в-третьих, с 1870 г. у Кауфмана завязалась переписка с Шир Али Ханом, казавшаяся на первый взгляд чисто формальной, на самом же деле она отражала стремление Шир Али Хана к сближению с Россией и его растущее беспокойство в отношении англо-афганской политики. Эта переписка при всей неофициальности исключала возможность враждебных действий Афганистана против России.

Английские исследователи отмечали огромное преимущество, которое указанный пункт предоставлял России[143]. Дж. Олдер писал, что «ответственность за удержание эмира в пределах его

ношениях Шир Али, а вся его жизнь прошла в борьбе с различными частями его владений и все-таки, невзирая на субсидии англичан, он так мало упрочил свою власть, что по его смерти все им собранное тотчас же рассыпалось на куски» (Письмо директора азиатского департамента к генерал-адъютанту фон Кауфману от 31. V 1869 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, д. 109, л 62—63).

[142] Некоторые английские политические деятели, пользуясь неясным и неконкретным определением «ответственности» Англии за политику эмира, пытались вложить в него самое широкое толкование. На заседании Королевского географического общества в феврале 1873 г. депутат парламента Уингфилд заявил, что Англия может взять на себя такую ответственность, только оккупировав своими войсками Афганистан. Он выражал надежду, что в скором времени ей придется послать туда своих резидентов, взять страну под свое покровительство и дело кончится, наконец, занятием ее (Биржевые ведомости, 22. II 1873 г.).

[143] Вопросом соглашения 1872/1873 гг. занимались У. Хаббертон, Дж. Олдер и А. Торнтон. Но Хаббертон не считал значительным пункт об ответственности англичан за внешнюю политику эмира и почти не касался его, тогда как Дж. Олдер и А. Торнтон выделяли его как главный. См. A l d e r. Op. cit., p. 178; A. T h o r n t o n. Op. cit., The Cambridge Historical Review 1954, N 2, p. 217—218.

границ 1873 г. была тяжелой», и правительство Индии специально подчеркивало невыгодность этого условия, поскольку Россия не принимала на себя аналогичных обязательств[141]. А. Торитон констатировал особую ценность этого условия для России, утверждая, что Англия обязалась не докучать России в ее действиях в Средней Азии и пожертвовала Хивой[145].

Непосредственно после отправки депеши Горчакова от 31.I 1873 г. ,т. е. после завершения дипломатической переписки по Средней Азии 1869—1873 гг., русские войска начали наступление на Хиву. Они двигались тремя колоннами: одна под командованием генерала Маркозова численностью 4330 чел. шла со стороны Красноводска, другая под командованием полковника Веревкина (3400 чел.) двигалась от Эмбинского форта, третья, возглавляемая генералом Кауфманом, наступала от Ташкента через Джизак.

Неорганизованные, плохо вооруженные войска хивинского хана не смогли оказать им серьезного сопротивления. Главным препятствием при наступлении русских войск были огромные безводные пустыни. Маркозов не сумел преодолеть их и вынужден был отступить, а Кауфман и Веревкин продвигались успешно и в мае 1873 г. вступили на территорию ханства, а в конце мая подошли к Хиве. 12.VIII 1873 г. хан Мухаммед Рахим II в Гендумянском саду в Хиве подписал условия мирного договора, продиктованные ему генералом Кауфманом.

По Гендумянскому договору хивинский хан признавал себя «покорным слугой императора всероссийского» и отказывался от непосредственных дружеских сношений с соседними владетелями и ханами, от заключения с ними торговых договоров без ведома и разрешения высшей русской военной власти в Средней Азии, обязывался не предпринимать против них никаких военных действий. Границей русских владений и хивинского ханства объявлялась Амударья. Весь правый берег реки отходил к России. Если русские нашли бы необходимым устраивать свои пристани на левом берегу, ханское правительство должно было отвечать за их безопасность и сохранность. Кроме того, русские власти имели право выбирать в любом месте на левом берегу Амударьи площади для складов, факторий, магазинов и хан должен был предоставлять им эти земли. Все города ханства объявлялись открытыми для русской торговли, русским купцам предоставлялось право свободного проезда в любой пункт ханства и обеспечивалось особое покровительство мест-

[144] Alder. Op. cit., p. 182.
[145] The Cambridge Historical Review, 1954, N 2, p. 218.

ных властей. Российские купцы освобождались от уплаты зяката и получали право беспошлинного провоза своих товаров через хивинские владения во все соседние страны. Наконец, по условиям договора хан обязывался освободить всех рабов ханства и уничтожить «на вечные времена рабство и торг людьми»[146].

Условие об уничтожении рабства, включенное в договор, имело огромное политическое значение. Но Кауфман не ограничился одной декларацией и проследил за ее точным выполнением. Освобожденные рабы-персияне решили двинуться большими группами через Туркмению в Мешхед. Это был очень трудный и опасный путь, сопряженный с риском встречи с отдельными туркменскими группами, и Кауфман решил направить персиян в Красноводск, чтобы оттуда морем переправить их в Персию. В письме к кавказскому наместнику великому князю Михаилу он просил дать необходимые распоряжения кавказским властям для обеспечения персиян продовольствием и жильем в Красноводске на время ожидания парохода, а также выслать отряд к оз. Тощи-атан, чтобы встретить их[147]. Опасаясь, что с уходом русских войск хан не в силах будет выполнить договор из-за сопротивления работорговцев[148], Кауфман послал в Ханки командира 4 туркестанского линейного батальона, чтобы он обеспечил скорейшее освобождение рабов. Неимущим рабам русские власти раздавали деньги из средств, собранных на пожертвования[149]. Для обеспечения безопасности следования персиян Кауфман распорядился пододвинуть сотню 1-го Оренбургского казачьего полка к бухарской границе и обратился к эмиру бухарскому с просьбой оказать содействие персиянам при переходе их через бухарскую территорию[150].

Условия Гендумянского договора были опубликованы в «Таймс» лишь 25.XI 1873 г., они вызвали гнев в политических кругах Лондона. Лорд Галифакс написал меморандум Гладстону (22.XII 1873 г.), предлагая сделать резкие представления

---

[146] См. полный текст договора: ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 490, л. 7—12.

[147] Кауфман — вел. кн. Михаилу, 29. VI 1873 г., ЦГВИА, ф. 1393, д. 25, л. 10—12.

[148] Кауфман — Горчакову, 29. VI 1873 г. (Там же, л. 13).

[149] 2. IX 1873 г. начальник Амударьинского округа сообщал, что из числа отправленных 29. VIII 1873 г. 50 семейств было неимущими и в связи с этим он раздал старшинам для раздела между ними 120 руб. из средств, пожертвованных купцом Филатовым. «Из тех денег,— писал он,— я выдал перед этим еще 25 рублей трем неимущим семействам рабов на сборы на родину» (Там же, стр. 21).

[150] ЦГВИА, ф. 1393, д. 25, л. 10—12, стр. 27.

Петербургу, считая необходимым «разоблачить» происки России перед всей Европой[151]. Герцог Кэмбриджский, командующий вооруженными силами Англии, прислал Гренвиллу письмо, полное тревоги, в котором утверждал, что русский договор с Хивой «самый опасный» для положения Англии в Индии, и призывал предпринять ответные меры[152]. Принц Уэльский также призвал Гренвилла быть «твердым» в Средней Азии[153]. Но Гренвилл не стал предпринимать каких-либо шагов, которые могли сделать вопрос о Хиве источником новых дипломатических представлений и вызвали бы обострение отношений с Россией[154]. С ним соглашался и Гладстон, получивший меморандум лорда Галифакса. Правда, Гладстон считал возможным послать официальное представление русскому правительству, напомнив о заверениях Шувалова, но сомневался, что этим можно чего-либо добиться[155].

Гренвилл и Гладстон отлично понимали бесполезность представлений русскому правительству. Еще в начале русского наступления на Хиву «Таймс» попыталась было сделать угрожающее предостережение России с целью предотвратить постоянное утверждение русских войск в Хиве, но русская печать дала решительный отпор попыткам английской печати вмешиваться в действия русских властей в Средней Азии, показав тем самым, как в России расценивают соглашение 1872/1873 гг. Касаясь выступлений «Таймс» и наглого тона, принятого ею в отношении политики России в Средней Азии, газета «Биржевые ведомости» писала: «Что спрашивается значит этот несколько двусмысленный язык лондонской газеты, эти темные угрозы России? Отчего так дорога сделалась вдруг Хива для английской газеты, которая в одной и той же статье доказывает бесполезность похода для России, если последняя не покорит окончательно Хивы и угрожает нам чем-то, если мы не отзовем оттуда своих войск». «Что ж?, — подчеркивала газета, — пусть снова попробует Англия предпринять экспедицию через Афга-

---

[151] На это письмо ссылается А. Рэмм. См. The Political Correspondence of mr. Gladstone and lord Granville, London, 1952, v. 11, p. 433.

[152] См. там же, p. 434.

[153] См. там же, p. 442.

[154] См. там же, p. 433.

[155] См. там же, p. 434.

[156] В марте 1873 г. в «Таймс» появились четыре редакционные статьи, касавшиеся русского наступления на Хиву. С одной стороны, газета считала, что русские вправе брать Хиву, с другой, сопровождала свое «согласие» скрытыми угрозами, указывая, что русские войска не должны оставаться в Хиве постоянно и не должны урезывать территорий хана. Этого достаточно для Англии, заявляла газета.

нистан»[157]. В другой статье «Биржевые ведомости» предупреждали, что по мере приближения русских войск тон английской печати будет становиться более воинственным, но, когда от угроз придется переходить к делу, «Таймс» понизит тон и начнет уверять, что ни Персии, ни Герату, ни тем более Индии не угрожает опасность присутствия нескольких сот русских солдат в Хиве и будет призывать к спокойствию. «Пора нам привыкнуть,— говорилось в газете,— к подобного рода маневрам английской прессы и не бояться ее напускной горячности»[158].

Выступления русской прессы свидетельствовали о том, что на русских не подействуют ни дипломатические представления, ни угрозы предпринять ответные действия, и Гренвилл учитывал это. Он писал Гладстону, что лучшее средство для защиты громадной Индийской империи — оставаться спокойными[159]. Гренвилл учитывал и тот факт, что освобождение рабов в Хиве, совершенное по представлению русского командующего, воспринято в Европе как огромный вклад в мировую цивилизацию, и европейское общественное мнение явно на стороне России[160]. Делать представления в этих условиях — значило выступить поборником рабства и варварства, противником цивилизации. Такие действия разоблачали бы лицемерие британских государственных деятелей, которые ратовали за уничтожение рабства.

Наконец, сближение России, Австрии и Германии в результате оформления «союза трех императоров» укрепляло международное положение России и гарантировало безопасность ее западных границ в случае столкновения с Англией. В мае 1873 г. в Петербурге была подписана военная конвенция между Россией и Германией, по которой оба императора обязались оказывать друг другу помощь в случае нападения на одну из них третьей европейской державы, причем указывалась и конкретная цифра вооруженной помощи (200 тыс. солдат)[161].

В Вене 6 июня 1873 г. было подписано соглашение между Россией и Австрией, которое обязывало русского и австрийского императоров условиться друг с другом о «совместной линии поведения»[162] в случае нападения со стороны третьей державы.

---

[157] Биржевые ведомости, 28 марта 1873 г.

[158] Биржевые ведомости, 3 апреля 1873 г.

[159] Gladstone to Granville 24. XII 1873, The Political Correspondence of mr. Gladstone and lord Granville, v. II, p. 433.

[160] Даже газета «Таймс» вынуждена была признать, что уничтожение рабства в Хиве «производит огромную революцию в полуварварской стране, подобной Хиве» (The Times, 26. VII 1873).

[161] В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, М., 1963, стр. 40.

[162] Там же, стр. 41.

К этому соглашению примкнул и германский император (23.X 1873 г.). Таким образом, официально оформился союз трех императоров. Фактически это был консультативный пакт. Россия получала возможность активно проводить свою азиатскую политику и политику в отношении проливов, надеясь, если не на поддержку Германии и Австрии, то во всяком случае на их дружеский нейтралитет. Залогом этого было стремление германского канцлера Бисмарка поддерживать ее, отвлекая ее внимание от европейских дел для того, чтобы лишить своего извечного врага — Францию — мощного союзника, которого она имела в лице России.

Первый реальный выигрыш от союза трех императоров Россия получила во время хивинской экспедиции. Бисмарк поддерживал ее действия. Ш. Блош пишет в этой связи: «В среде дипломатов в Берлине, особенно у графа Гонто-Бирона и позднее у лорда Одо Рассела господствовало впечатление, что Бисмарк поддерживает русскую политику в Азии. Как говорят германские документы, это предложение нам кажется вероятным»[163]. Как бы то ни было, Гренвилл не сомневался, что Германия не станет препятствовать России из соображений собственных политических интересов борьбы против Франции. Правда, Блош отмечает, что французский посол в Лондоне Харкур в своих депешах высказывал поддержку Англии против России и сожалел, что английское правительство так легко отступило и не заняло более энергичные позиции[164], но Франция в тот период была слишком слаба, чтобы на нее можно было положиться. Благоразумие подсказывало английскому правительству не возбуждать хивинский вопрос слишком энергично, и Гренвилл ограничился лишь заявлением через лорда Лофтуса, что британское правительство не утруждало себя детальным изучением договора с хивинским ханом и обнадежил, что оно «не расположено разделять преувеличенных страхов, которые в настоящее время выражают в стране относительно опасности, грозящей британскому правительству в Индии, которая может возникнуть в связи с расширением русского влияния в Средней Азии»[165]. Гренвилл тем самым признал бессилие британского правительства остановить продвижение русских и расширение

---

[163] Ch. Bloch. Les relations entre la France et la Grande-Bretagne 1871—1878, 1955, p. 93.

[164] Ibid, p. 94.

[165] Granville to Loftus 7. I 1874, F. O. 539, v. II, p. 301. Этот документ имеется в АВПР, ф. Канцелярия, 1874, д. 63.

влияния России в Средней Азии. Это было первое крупное поражение Англии в Средней Азии, которое имело серьезные последствия для ее положения в Азии и для расстановки сил в решительной борьбе России и Англии за Азию в будущем.

Россия открыла для себя важный рынок, где никто не мог поколебать ее положения. Амударья теперь могла быть использована как в коммерческих, так и стратегических целях. Кроме того, установив контроль над Хивой, Россия превращала хивинского хана в своего союзника в дальнейшей борьбе за завоевание Средней Азии. В частности, она стала создавать надежный кордон на севере области, населенной туркменами, и опорный пункт на случаи наступательных действий в Туркмении.

Наконец, покорение русскими Хивы имело огромное политическое значение. Оно наносило ущерб позициям Англии на Востоке и создавало представление о силе и мощи России. П. Анино в одном из донесений Н. П. Игнатьеву писал, что взятие русскими Хивы нанесло «смертельный удар» по престижу Англии и укрепило у азиатов веру в русскую миссию как в «провидение»[166].

ПОДГОТОВКА АНГЛИИ К АКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Переговоры Англии с Россией служили своего рода ширмой, прикрывавшей огромную подготовительную работу британского правительства по укреплению своих позиций как непосредственно в Средней Азии, так и в прилегающих азиатских государствах с целью создания плацдармов для противодействия распространению влияния России и вытеснения ее из Средней Азии. Именно поэтому британское правительство зачастую умышленно затягивало переговоры, выдвигая явно необоснованные претензии, концентрируя внимание России на этих переговорах и отвлекая ее от практических дел в Средней Азии. Оно устанавливало связи со среднеазиатскими правителями, принимало энергичные меры для привлечения к себе на службу кашгарского эмира Якуб-бека и турецкого султана, чтобы использовать их влияние на население Средней Азии.

В сентябре 1865 г., т. е. спустя несколько месяцев после взятия Черняевым Ташкента, из Пешавара под видом кабульского купца в далекое странствие отправился некий Гулям Раб-

[166] P. Anino. Les consequence de la prise de Khiva, ЦГАОР, ф. 730, «Н. П. Игнатьев», оп. 1, д. 859.

бани[167]. Он повторил примерно путь А. Бернса через Кабул, Бамианский проход, Ташкурган, Мазари Шериф, переправился через Амударью у Ходжа-Салеха, прошел через Уч-Кудук, Касан и прибыл в Бухару в декабре 1865 г. Пробыв в Бухаре восемь дней, он направился в Коканд через Гиждуван, Ходжа Кули, Джизак, Кара-Тепе, Ходжент и 24 марта 1866 г. прибыл в Коканд. Там Гулям Раббани поселился во дворце Худояр-хана и имел постоянный доступ к нему через Мулла Аваз Мухаммада, Мирзу Баба Китабдара и Мухаммад Нияза — придворного летописца. Находясь в Коканде, Гулям Раббани совершил три поездки в Ташкент по различным дорогам, он беседовал с генералом Черняевым и, якобы от имени афганских купцов, искал протекцию в случае русского наступления на Коканд. Из Коканда он выехал в Бухару и оттуда вместе с бухарским послом в Пешавар, остановившись на несколько дней в столице Бадахшана Файзабаде.

В своем отчете Гулям Раббани приводит подробные сведения о характере дорог, по которым проходил его путь, об укреплениях вокруг Бухары, Джизака, Ходжента, о режиме рек и качестве воды, дает топографическое описание наиболее важных центров. Очевидно, Гулям Раббани сблизился с двором эмира бухарского и кокандского хана и вел с ними переговоры. Самый факт поездки с ним в Калькутту бухарского посла подчеркивает, что он преследовал политические цели. В это время в Балхе ожидал его возвращения другой представитель индийских властей — Файз Мухаммад. Видимо, английское правительство заранее составило план приема бухарского посла и координировало его осуществление в Индии.

Газета «Фринд оф Индиа» в начале января 1867 г., сообщая о прибытии в Калькутту бухарского посла, который намеревался просить помощи у англичан для борьбы против русских, призывала договориться с ним об установлении широких торговых отношений и отправить в Бухару миссию для «торговых переговоров»[168]. «Если бы нам удалось направить свои товары из Карачи через Саккар, Кандагар и Балх, то мы господствовали бы

---

[167] Все сведения о его «путешествии» приводятся на основании отчета, представленного им секретарю пенджабского правительства, копия отчета находится в Пенджабском государственном архиве в Патиале. Одна из копий доклада была передана также полковнику Уокеру, бывшему тогда руководителем Большого тригонометрического обозрения. Travels in Central Asia. Punjab State Archives, Patiala, M (357) 4386.

[168] Выдержка из газеты «Friend of India» за 3 января 1867 г. была прислана из Тегерана русским послом в Персии Н. К. Гирсом. Она хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, л. 12.

на всех рынках этого края»,— отмечала газета[169]. Она считала, что посланника Бухары не следует отпускать без ответа, указывала на огромное значение торговых отношений со Средней Азией и предсказывала блестящие перспективы в этом направлении. «Теперь не время откладывать,— подчеркивала газета,— а надобно действовать. Пропустив настоящий случай, мы не найдем другого. Если бухарцы обманутся в своих надеждах на нас, а русские завладают рынками, то у нас ускользнет из рук Средняя Азия и ее торговля»[170].

Бухарский посол, по-видимому, уехал из Калькутты, не добившись определенного обещания англичан о помощи[171]. Во всяком случае после разгрома бухарских войск Кауфманом у Самарканда в мае 1868 г. этот вопрос был снят сам собой. Но и после того, как эмир бухарский фактически сделался вассалом России, англичане не теряли надежды наладить политическую связь с Бухарой и по возможности использовать ее в своих интересах. Так, в 1872 г. бухарский посол приезжал в Порту просить у турецкого султана помощи для борьбы против русских, и нет сомнения, что в переговорах, происходивших в Константинополе, принимали участие английские представители[172]. Кроме того, англичане, по-видимому, были связаны с сыном эмира Катта Тюрей (Музаффар-эддин Абдулл-Малик), который после неудачного восстания против отца в 1868 г. бежал из Бухары и поселился в Кабуле, женившись на дочери эмира Шир Али Хана. Катта Тюря был в дружеских отношениях с Якуб-ханом, который в свою очередь поддерживал отношения с англичанами[173]. Катта Тюря принимал близкое участие в судьбе Якуб-хана, когда тот попал в немилость к Шир Али Хану и был заточен им в тюрьму в 1874 г.[174] Примечательно, что Катта Тюря появлялся именно в тех местах, к которым англичане проявляли острый политический интерес. В 1871 г., когда Форсайт впервые прибыл с миссией в Яркенд, там оказался и Катта Тюря, который содержался в качестве почетного узника. Но

[169] Там же.

[170] Friend of India 3. I 1867, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6938, л. 12.

[171] Форсайт, который встречал бухарское посольство в Джаландаре и сопровождал его в Калькутту пишет: «Поездка вакиля в Калькутту была бесплодной, так как убийство Стоддарта и Конноли было слишком еще свежо в памяти лорда Лоуренса, и он не обратил внимания на представление эмира». Forsyth. Autobiography and Reminscence of Sir Douglas Forsyth, London, 1886, p. 46.

[172] The Times, 18 March 1872.

[173] Н. А. Халфин пишет, что непосредственный контакт с Якуб-ханом англичане установили в 1872 г. через приезжавшего в Герат капитана Марша. См. «Провал британской агрессии в Афганистане», М., 1959, стр. 82.

[174] The Times, 19 January 1877.

тот факт, что Катта Тюря приехал в Кашгар незадолго до прибытия миссии Форсайта и Якуб-бек (как отмечали некоторые газеты) собирался отправить его в Константинополь для организации борьбы против русских, свидетельствует о существовании связи между ним и англичанами[175]. По-видимому, определенные связи были у англичан и с хивинским ханом вплоть до разгрома Хивы русскими войсками в 1873 г.

В октябре 1872 г. «Таймс» открыто объявила о прибытии в Калькутту посланца хивинского хана, надеявшегося получить поддержку против России, и об отказе индийского правительства исполнить просьбу хана. «В просьбе этой,— сообщала «Таймс»,— положительно отказано на том основании, что дело это нисколько не касается правительства Индии, и когда посол просил простого дружеского совета, лорд Нортбрук просто рекомендовал хану помириться как можно скорее с Россией, выдав русских пленных и вступив в сношения с туркестанским генерал-губернатором»[176]. «Таймс» комментировала этот ответ, как продиктованный пониманием «общих интересов в великом деле» и отказом участвовать в соперничестве мелких князей или покоренных племен. Столь миролюбивые заявления газеты, которая одновременно выступала с угрожающими статьями в связи с подготовкой русской экспедиции в Хиву, были явно направлены на то, чтобы предупредить подозрительность русских властей и лишить Россию главного козыря в борьбе за завоевание Средней Азии. Спустя несколько месяцев после этого «отказа» (17 апреля 1873 г.), когда русские войска уже выступили против Хивы, в Кабуле было получено тщательно упакованное послание королевы Великобритании хивинскому хану. Шир Али Хан, получивший послание, передал его придворному советнику Мирзе Мохамед Хусейн-хану и приказал немедленно отправить в Хиву[177]. Однако, когда 30 апреля 1873 г. эмир лично поинтересовался, получен ли уже ответ от правителя Хивы, Хусейн-хан, смутившись, ответил, что забыл отправить письмо, и Шир Али Хан сурово выговорив, велел отправить его незамедлительно[178]. К этому же периоду относится начало переписки Шир Али Хана с Кушид-ханом, главой мервского племени туркмен шахджеханов. Причем англичане были осведомлены о письмах, получаемых от туркмен[179].

Центральное место в планах подготовки к активным дейст-

---

[175] The Times, 21 March 1877.
[176] The Times, 25 October 1872.
[177] Cabul Diary 2 to 5-th May 1873, F. O. 539, v. 11, p. 169.
[178] Ibid.
[179] Cabul Diary Apr. 29 to May 1. 1873, F. O. 539, v. 11, p. 169.

виям в Средней Азии отводилось Афганистану. Англичане очень энергично, но осторожно принимали меры по усилению своего влияния при кабульском дворе. Они стремились сделать афганского эмира своим вассалом и использовать его для осуществления своих замыслов на Среднем Востоке и, в частности в Средней Азии.

Обстановка, сложившаяся в Афганистане после признания его в 1869 г. эмиром, заставляла Шир Али Хана прибегать к иностранной помощи для осуществления планов внутренних преобразований в стране, сплочения и консолидации государства, подавления внутренней оппозиции местных сардаров и отдельных племен. Шир Али Хан беспощадно подавлял внутреннюю оппозицию и феодальный партикуляризм. Правитель Сеистана Сирдар Мухамед Шариф-хан был изгнан из страны за ослушание; правителя Бадахшана Хафизулла-хана заковали в кандалы за невыполнение приказов. Путем жестоких репрессий Шир Али Хану удалось сплотить большую часть Афганистана, а также подчинить своей власти пограничные племена. В декабре 1873 г. ему присягнули на верность племена, населявшие Кохистанские холмы и окрестности Газни—джадри, вурдаки, а также мухамедзаи. В декабре в Кабул прибыли представители гильзаев. Они выразили свою покорность Шир Али Хану. Это было очень важно для обеспечения спокойствия на границах.

Шир Али Хан пытался ликвидировать коррупцию и продажность в государственном аппарате. Он жестоко расправлялся с заподозренными во взятках чиновниками или правителями отдельных областей[180]. Несмотря на энергичные меры, предпринятые Шир Али Ханом для укрепления единства страны, ему не удалось достичь консолидации ее основных частей, и в целом все его царствование до 1878 г. прошло в постоянной борьбе с феодальным сепаратизмом, своеволием племен, в ссорах и раздорах с сыновьями, в особенности со старшим сыном Якуб-ханом, правителем Герата, и Айюб-ханом. Внутренняя целостность государства подрывалась религиозной враждой (преследование суннитов)[181], хроническим дефицитом государственных

[180] В декабре 1873 г. по представлению племени индрии, проживавшего в округе Газни и жаловавшегося на поборы правителя Худон Назара, Шир Али Хан велел арестовать его—факт неслыханный в истории Афганистана,— так как злоупотребления правительственных чиновников были настолько распространенными в Афганистане, что на них смотрели как на привычное явление.

[181] В Кабуле губернатор Мохамед Ибрагим Хан (шиит) запретил суннитам в течение махаррама посещать святые места, вызвав резкую вражду между суннитами и шиитами. См. «Русский инвалид», 22 апреля 1873 г.

финансов[182], которые Шир Али Хану так и не удалось привести в порядок. Шир Али Хан начал проводить некоторые военные реформы, но недостаток денежных средств, подозрительность феодалов, отсутствие современного оружия, обрекли эти попытки на провал. Кроме того, Шир Али Хан увеличил налоги, вызвав тем самым резкое недовольство населения, что было наруку феодалам, пытавшимся сохранить свои привилегии и не допустить усиления Шир Али Хана. Наконец, «сеистанское разграничение» 1872 г. привело к резкому обострению ирано-афганского конфликта и поставило под угрозу западные границы Афганистана, заставив Шир Али Хана перебросить сюда значительную часть войска[183].

Правящие круги Англии настаивали на скорейшем решении афганского вопроса. По словам генерала Эдди, одного из влиятельных деятелей военного министерства, группа политических деятелей предлагала захватить Кандагар и Герат, утвердиться там для «ожидания русского наступления»[184]. Но правительство Гладстона не торопилось. Оно считало, что благодаря соглашению с Россией Афганистан изолирован и Россия не станет вмешиваться в его дела. Генерал Эдди, который, несомненно, выражал мнение английских руководителей, утверждал, что немедленное наступление вовлечет Англию в «дорогостоящую войну», вдали от ее баз в Индии, от путей сообщения. «Я не утверждаю,— говорил он,— что в будущем нам никогда бы не пришлось двинуть войска в союзе с Афганистаном даже до Герата, но нет сомнения, что время к тому еще не пришло, и если бы мы это сделали теперь, то этим возбудили бы только вражду и негодование и скорее испортили бы свое положение — чем что-нибудь выиграли... Поспешность в этом деле не нужна, все придет само собой, нужно только время и терпение»[185]. В Англии не забыли катастрофических последствий первой англо-афганской войны, и влиятельные политические круги не хотели предпринимать поспешных действий, на которые их толкали наиболее агрессивные круги, стремившиеся незамедлительно воспользоваться результатами соглашения с Россией. Они хоте-

---

[182] По докладу визиря в 1874 г. в течение первых пяти лет правления Шир Али Хана ежегодный дефицит государства составлял по 12 лакхов рупий, «Русский инвалид», 2 июня 1874.

[183] См. об этом подробно: И. Низамутдинов. Сеистанский вопрос, Из истории вмешательства Англии в ирано-афганские дела, Ученые записки ТГПИ, вып. 14, ч. 2, Ташкент, 1958.

[184] ЦГВИА, ф. 431, д. 45, л. 45.

[185] ЦГВИА, ф. 431, д. 45, л. 46.

ли действовать наверняка и без особых затрат и риска, надеясь, что тяжелое финансовое положение Афганистана заставит Шир Али Хана обратиться за помощью к Англии.

Действительно, в июне 1873 г. Шир Али Хан прислал в Симлу специального представителя с просьбой о помощи, обещанной ему лордом Майо на их встрече в Амбалле в 1869 г. Афганскому послу пришлось выслушать разъяснение насчет характера «дружеских заверений», сделанных лордом Лоуренсом и Майо. Подтвердив, что они все еще сохраняют силу, английские представители заявили, что Англия сохраняет за собой право «судить относительно уместности какой-либо просьбы эмира», давая тем самым понять, что, несмотря на данное обещание материальной поддержки, английское правительство в каждом конкретном случае будет отдельно решать — предоставлять такую помощь или отказать в ней. Афганский посланник униженно просил о помощи, намекая, что она будет использована против «предполагаемой агрессии иностранной державы», т. е. России. Эта фраза, очевидно, была сознательно вставлена посланником Шир Али Хана и, видимо, именно она повлияла на решение английского правительства.

Британское правительство решило предоставить эмиру афганскому пять лакхов рупий, 10 тыс. ружей типа «Энфилд» и 5 тыс. ружей типа «Снайдер»[186]. Это была незначительная материальная поддержка, но она дала право правительству Индии выдвинуть новые условия, которые обеспечили бы усиление британского контроля над Афганистаном. Во-первых, в случае «агрессии извне», (т. е. со стороны России) эмир должен был руководствоваться «советами британского правительства»; во-вторых, он должен был разрешить британскому офицеру обследовать северные и западные границы Афганистана[187]. Сообщая в Лондон о результатах переговоров с представителем Афганистана, лорд Нортбрук подчеркивал, что считает чрезвычайно полезной посылку британских офицеров для обследования границ Афганистана. Помимо ценной информации, политической и географической, которая может быть собрана, они будут в силах сделать многое, чтобы погасить недоверие у населения Афганистана и подготовить размещение постоянных британских представителей[188]. Несомненно, лорд Нортбрук, выдвигая это условие, рассматривал его как первый этап, предшествующий более

[186] The Governor — General of India in Council to the Duke of Argyll, Simla, 15. IX 1873, F. O. 539, v. 11, p. 228.

[187] The Governor — General of India in Council to the Duke of Argyll, Simla, 15 September 1873, F. O. 539, v. 11, p. 228.

[188] Ibid, p. 229.

широким требованиям, которые заключались в постоянном пребывании британских офицеров на северных границах Афганистана и в расширении британского влияния в северной части страны. Как и генерал Эдди, он считал, что осуществлению более радикальных мер в отношении Афганистана должны предшествовать предварительные мероприятия, которые помогли бы рассеять в Афганистане антианглийские настроения, широко распространившиеся не только в народных массах, но и среди правящих кругов. Для него важно было убедить Шир Али Хана в общности интересов Англии и Афганистана.

Лорд Нортбрук не допускал мысли о нейтралитете Афганистана. «Было бы невозможно,— писал он — ожидать, что Россия согласится на подобное условие в отношении Хивы или Бухары, а наши отношения с Афганистаном такого рода, которые совершенно не соответствуют «нейтралитету» в его узком смысле»[189]. Нортбрук возрождал политику, начатую лордом Майо, который, обещая Шир Али Хану материальную и военную поддержку, оставлял за собой право выбора времени и средств для оказания ее. «Руки правительства Индии,— комментировал политику Майо лорд Нортбрук,— оставались абсолютно свободными относительно того, при каких случаях или условиях могла быть оказана помощь эмиру или аннулирована»[190]. Он не исключал возможности «поддержки эмира британскими войсками» в случае атаки на Афганистан по усмотрению Англии[191].

Британское правительство вело двойную игру в отношении Афганистана. С одной стороны, оно заверяло Россию, что считает вопрос о независимости Афганистана делом огромной важности для «благополучия и безопасности Британской империи и спокойствия Азии»[192], а с другой, принимало меры по оккупации его важных стратегических пунктов; оно добивалось установления границ Афганистана, но одновременно убеждало эмира в опасности, которая, якобы, грозила ему с севера, толкая его на проведение враждебной России внешней политики; молчаливо соглашаясь с идеей превращения Афганистана в нейтральную зону и тем самым порождая у русских дипломатов мнение, что эта идея принята ими, оно в то же время пыталось превратить Афганистан в плацдарм антирусской политики в

---

[189] The Governor-General of India in Council to the Duke of Argyll Simla, 30. VI 1873, F. O. 535, v. 11, p. 198.

[190] Ibid, p. 189.

[191] Ibid.

[192] Гренвилл — Горчакову, 7 января 1874 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1874 г., д. 63, л. 23.

Средней Азии. Такова была политика либеральной партии, возглавляемой Гладстоном. Выражая интересы фритредерской буржуазии, эта партия стремилась добиться своих политических целей не ценой дорогостоящих войн и сложных конфликтов, а постепенными мерами, где осторожность сочетается с демагогическими миролюбивыми разглагольствованиями, а фарисейские заявления о горячем стремлении к независимости азиатских стран прикрывают подготовительные меры для ликвидации этой независимости и подчинения их своему влиянию. Как видно из выступления генерала Эдди и посланий лорда Нортбрука, правительство Англии не отказывалось от открытой наступательной политики в будущем, намереваясь заранее подготовиться к решительным действиям и провести их легко, быстро и без больших расходов. Необходимая подготовительная работа уже велась: она была направлена на усиление английского влияния в соседних с Афганистаном азиатских странах и изучение местных условий, которые имели важное значение в большой игре английского империализма в Средней Азии.

Сотрудник Большой тригонометрической службы Индии капитан Т. Х. Хольдич в декабре 1880 г. отмечал: «Когда осенью 1878 г. наш передовой отряд первым пересекал многострадальную границу между Индией и Афганистаном, он не чувствовал себя армией исследователей, направлявшихся на решение географической проблемы. Физические аспекты страны, простиравшейся перед нами, ее холмы и долины, ее широкие просторы, уже были прекрасно представлены в ясных, хорошо напечатанных картах»[193]. В целом, главные дороги Афганистана между Кандагаром и Гератом, а также между Джелалабадом, Балхом, Кабулом и Гератом были известны еще с начала XIX в. благодаря неутомимым исследованиям английских «путешественников» (Вуд, Бернс, Массон, Ферие, Эббот и Дюран). Однако подробные сведения о северном Афганистане, примыкавшем к Амударье, были получены и нанесены на карту лишь в период с 1869 по 1875 г.

Изучением северных границ Афганистана занималось главным образом Лондонское географическое общество, сотрудничавшее с Большой тригонометрической службой в Индии, которая проводила географические исследования и топографические работы на всей территории Индии, включая ее границы. Патроном общества была сама королева Виктория, ему покровительствовали и другие члены королевской семьи — принц Уэльский и герцог Эденбургский. Руководили им известные

[193] Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, v. VIII, 1881, p. 65.

политические деятели Ф. Мерчисон и Г. Роулинсон, на протяжении нескольких лет попеременно занимавшие посты президента и вице-президента общества.

В журнале, выпускаемом обществом, а также в приложении к нему («Труды»), которое начало издаваться в 1878 г., основное внимание уделялось материалам о Средней Азии[194]. Здесь публиковались доклады старых путешественников разных стран о Туркестане, уже давно забытые работы Русского географического общества по Средней Азии[195].

Лондонское географическое общество отправляло в северный Афганистан экспедиции за государственный счет и публиковало их доклады. Кадры для этих экспедиций поставляла Большая тригонометрическая служба, а в географическом обществе тщательно обрабатывали материалы, добытые ими, обобщали их, давая соответствующее направление.

Сотрудник Большой тригонометрической службы Г. У. Хейвард в сентябре 1869 г. совершил путешествие в Кашгар. В своем докладе[196] он привел подробные сведения о договорах, ведущих от Пенджаба к Ле и из Ле в Кашгар, об их режиме, подъеме и перепадах; о максимальной нагрузке лошадей, о ценах на вьючный транспорт, о температуре на разных высотах по времени года, о природе гор и пр. Особое внимание Хейвард обратил на р. Яркенд, наиболее удобную для перевозки грузов. В одном из приложений к докладу он обстоятельно описывает дорогу от Яркенда в Кашгар, а в другом дает полные метеорологические сводки погоды в Ладакхе и Восточном Туркестане в целом, за каждый день, начиная с ноября 1868 г. до июня 1869 г., а также подробные сведения о наиболее значительных городах и селениях.

Область Памира исследовал другой сотрудник Большой тригонометрической службы, перс по национальности, известный под псевдонимом Мирза. Мирза работал в штаб-квартире наблюдательной службы, которая была фактически шпионской организацией на границах Индии. В 1867 г. ему поручили найти путь от Читрала до Бадахшана, исследовать верховья Амударьи

[194] В годовом отчете Р. Мерчисон отмечал: «В 1870 г., как и в 1869 г., главные успехи в географических знаниях были достигнуты в Центральной Азии и особенно в тех ее частях, которые находятся к северо-западу от нашей Индийской империи» (The Journal of the Royal Geographical Society, v. 40, 1870, p. CIX).

[195] В Англии были высоко оценены исследования русских путешественников Остен-Сакена и Семенова в Тянь-Шане, топографические обозрения долины Зарафшана, проводившиеся Струве. Лондонское географическое общество регулярно печатало доклады русских путешественников по Средней Азии.

[196] The Journal of the Royal Geographical Society, v. 40, 1870.

и Памирскую степь, проверить дороги в Коканд, Кашгар. Мирза исследовал дорогу от Кила Панджа, небольшого селения, расположенного в верховьях Амударьи, до водной системы Ярканда через Ташкурган, а также совершенно не известную до того времени дорогу от Файзабада, столицы Бадахшана, до Кашгара протяженностью в 2179 миль, которая пролегала через Файзабад, Ишкашим, Кила Панджа, Акташ, Ташкурган, Шухраб. Благодаря Мирзе удалось установить путь из Кашмира в Кашгар. Кроме того, Мирза по разрозненным сведениям установил путь, ведущий к границам русских владений в Средней Азии и Бухары. Он не ограничился сбором географических сведений, дошел до границ русских владений, где, видимо, имелись английские шпионы, которые передали ему свои сведения о русских постах на границе Кашгара. В Лохани, как пишет майор Монтгомери, начальник тригонометрической службы в Индии, докладывавший о работах Мирзы, его часто посещал один «коммерсант» и давал «информацию относительно русских постов и дорог, ведущих к ним»,[197] с указанием количества гарнизонов, охранявших их. Так, Мирза сообщал, что в форту Тожиа находится всего 400 саперов, мост через реку Нарайян охраняется 500 солдатами; в 10 днях марша от Нарайяна расположен форт Томак с гарнизоном в 100 чел. и 4 пушками, а оттуда в 10 днях марша—Алай с 2 тыс. солдат и 8 пушками[198]. Майор Монтгомери подчеркивал, что Мирза получил некоторую информацию относительно дороги, ведущей к русской границе[199]. Он исследовал также этнический состав местного населения, его настроения, занятия[200].

В 1872 г. Роулинсон докладывал в Географическом обществе о новом путешествии, предпринятом также по инициативе майора Монтгомери неким Хавилдаром, «энергичным, хорошо обученным офицером»[201]. Первоначальной целью Хавилдара было пройти по маршруту от Читрала до Файзабада, а оттуда переправиться через бухарские владения Дарваз и Каратегин в Коканд, но по непонятным причинам полностью эту задачу осуществить не удалось, и он ограничился исследованием пути от долины Читрала до Файзабада через долины Суат и Панджкор[202].

В генеральном плане трансгималайских трансграничных

---

[197] The Journal of the Royal Geographical Society, 1871, v. 41, p. 175.
[198] Ibid.
[199] The Journal of the Royal Geographical Society, 1871, v. 41, p. 149.
[200] Ibid.
[201] Journal of the Royal Geographical Society, 1872, v. 42.
[202] Journal of the Royal Geographical Society, 1872, v. 42, p. 180.

исследований, разработанных в Большой тригонометрической службе Индии этот путь оценивался как один из главных[203]. Хавилдар представил подробное описание дороги Пешавар — Файзабад, проанализировал настроение народа в Бадахшане, его отношение к правителю, экономико-географическое состояние страны. Как сообщал майор Монтгомери, Хавилдар успешно выполнил поручение[204].

Огромную работу по исследованию северо-востока Афганистана и западной части Кашгара провели офицеры из миссии Форсайта, направленной в Яркенд в 1873 г.: полковник Гордон, капитан Биддалф, капитан Троттер и доктор Столичка (геолог). Им предписывалось добыть самую полную и точную информацию по вопросам, связанным с географией и экономикой Кашгара, отмечалась «чрезвычайная важность» информации о положении на границах, особенно в долине Или, принадлежавшей России[205]. Миссия должна была возвратиться из Кашгара через Памир и Бадахшан, исследовать их и привезти самую точную информацию о пройденном по этим районам пути[206].

В докладе Форсайта перечисляются все населенные пункты, встречавшиеся на пути, с указанием численности населения, производительных сил, экономических возможностей, природных и климатических условий, приводятся сведения о наиболее распространенных в стране болезнях[207].

Особое внимание уделено исследованию дорог, ведущих непосредственно из Яркенда в русские владения. Группа возглавляемая полковником Гордоном в составе капитана Троттера и доктора Столички, проехала к Чакмаку и предприняла экспедицию к перевалу Терек, откуда шли дороги в Коканд и Алма-Ату. Полковник Гордон докладывал, что капитан Троттер сделал полный обзор пути, уточнив координаты астрономическими наблюдениями[208], и, кроме того, он разметил по маршам расстояние от Янги Шахара (Кашгара) до Оша и примерно указал привалы[209]. Попутно Столичка обследовал горные проходы, вершины гор, режим рек, пастбищ и пр.[210]

[203] Ibid, p. 180.

[204] Ibid.

[205] The Secretary of the Government of India to mr. Aitchison, Simla, 18 August 1873, F. O. 539, v. II, p. 232.

[206] The Secretary of the Government of India to mr. Aitchison, Simla, 18. August 1873, F. O. 539, v. II, p. 232.

[207] T. D. Forsyth. Report of a mission to Yarkend, Calcutta, 1875, p. 67.

[208] Ibid, p. 216.

[209] Правда, Роулинсон сожалел, что Троттеру не удалось подробно исследовать дорогу в Коканд. The Journal of the Royal Geographical Society, 1875, v. 45, p. CXCIII; T. D. Forsyth. Op. cit., p. 216.

[210] T. D. Forsyth. Op. cit., p. 216.

Группа Гордона, к которой присоединился и капитан Биддалф в сопровождении пяти сипаев, пяти кашгарских солдат и сорока восьми солдат индийской армии, совершила экспедицию в Сарыкуль, Памир и Вахан, подробно исследовала долину р. Сарыкуль, качество воды, климатические условия, а также соседние равнины. В Кила Пяндж группа разделилась. Гордон, Троттер и доктор Столичка направились к озеру Вуда, а Биддалф — к Читральскому проходу.

В Ташкургане Гордона особенно заинтересовал форт, но правитель округа Мир Таксабаи Хасан-шах не разрешил им подходить к нему ближе чем на 500 ярдов[211]. Биддалфу было поручено найти кратчайший доступный путь из Читрала в Бадахшан, и он открыл его. Дорога пролегала через Барогильский проход на небольшом расстоянии от Сархада, на высоте 4000 *м* (на 400 *м* выше населенной части Сархада)[212]. Впоследствии секретарь Королевского географического общества К. П. Маркхэм, сопоставляя все перевалы через Гиндукуш, подчеркивал, что Барогил — наиболее доступный из всех известных перевалов[213].

Географические исследования англичан в Центральной Азии были сосредоточены в основном в двух районах — на северо-востоке Афганистана и западнее Кашгара,— примыкавших к русским владениям в Средней Азии, населенным киргизскими племенами, а также к владениям эмира бухарского, где проходили наиболее важные пути, имевшие торговое и стратегическое значение. Особенно интересовали их Бадахшан, Вахан и другие горные княжества на северо-востоке Афганистана, через которые проходили горные дороги в Коканд, Ферганскую и Илийскую долины, населенные киргизами. В Илийской долине брала начало Амударья, главная водная артерия Средней Азии. Учитывая значение этого района, английское министерство иностранных дел стремилось сохранить его за эмиром кабульским[214].

---

[211] The Journal of the Royal Geographical Society, 1876, v. 46, p. 390.

[212] Ibid.

[213] Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, 1879, v. I, p. III.

[214] В 1874 г. по заданию географического общества майор Г. Вуд составил «Заметки о низовьях Амударьи, Сырдарьи и озера Арал», которые даже сейчас поражают глубиной знаний бассейна двух рек. В них главное внимание уделено р. Амударье, дана диаграмма разреза дна реки в различных районах, описание городов и селений, расположенных по ее берегам. Заметки иллюстрированы картами. The Journal of the Royal Geographical Society, v. 45, 1875.

Примечательно, что во всех английских географических исследованиях уделялось внимание главным образом изучению экономических ресурсов стран, путей сообщений, наземных и водных, особенно ведущих в Туркестан и к русским владениям в Средней Азии, причем, все исследования проводились людьми, состоявшими на службе военной организации (Большой тригонометрической службы Индии). В Лондонском же географическом обществе сотрудничали А. Вамбери, Д. Форсайт, майор Монтгомери, уже не говоря о Р. Мерчисоне и Г. Роулинсоне, политическая деятельность которых хорошо известна. Подавляющее большинство исследований носило характер военно-политических рекогносцировок по тылам противника или к его позициям. Зачастую исследователи открыто говорили о военном аспекте своих работ, как о главном, не скрывая их направления[215].

Таким образом, пока дипломаты в Лондоне искусно разыгрывали страх перед русской угрозой, английские военные и ученые-географы, нарушая суверенитет северных соседей Афганистана и самого Афганистана, деятельно готовились к осуществлению широкой наступательной политики. Ведя переговоры об определении границ Афганистана, британские правящие круги предпринимали попытки организовать коалицию азиатских государств против России. Основную силу в этой коалиции должны были составить султанская Турция и Кашгар во главе с Якуб-беком, который, свергнув китайских правителей, в 1867 г. утвердился на Кашгарском престоле, провозгласив себя эмиром.

Якуб-бек пришел к власти в результате авантюрного переворота. Теснимый китайцами, напуганный появлением русских войск в Илийской долине и Семиречье, обладающий не армией, а толпой воинов, вооруженных средневековыми мушкетами, недисциплинированных и необученных, и желая заручиться поддержкой азиатских мусульманских государств, он обратился к турецкому султану как калифу мусульман с просьбой дать ему титул эмира. Султан, в свою очередь, мечтая объединить

---

[215] Так, в статье секретаря Лондонского географического общества Маркхэма «Верхний бассейн реки Кабул» перечислено свыше 20 перевалов. Маркхэм оценивает их прежде всего с точки зрения стратегического значения. «Кохи-даман,— говорится в ней,— находится в положении огромной стратегической важности, так как он господствует над входами всех перевалов через Гиндукуш... Весь район Пагманских гор и Кохистан, который будет чрезвычайно важным в случае войны в этой части, является менее изученным, чем пустыня Гоби». Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, 1879, v. I, p. 111, 119.

под своей эгидой всех мусульман от Казани до Кашгара[216], готов был откликнуться на обращение Якуб-бека, рассчитывая таким образом укрепить среди мусульман Средней Азии свой пошатнувшийся авторитет[217]. В Константинополе шла деятельная подготовка «кадров» для проведения пропагандистской кампании в Средней Азии за турецкого султана. Около мечети Айя София в специальном здании шейх Сулейман Эффенди устроил нечто вроде вербовочного пункта под названием «Бухарский Така», где всех пилигримов подробно расспрашивали о положении в Средней Азии и давали им различные мелкие поручения. Шейха Сулеймана в Константинополе считали уполномоченным Бухары, Хивы и Коканда, он же выдавал себя за представителя среднеазиатских ханств, хотя не имел на это никаких оснований[218]. По заданию султана шейх Сулейман выезжал в Бухару для проведения подрывной антирусской работы[219]. В Порте уделяли серьезное внимание работе с выходцами из Средней Азии. Ахмету Веффик Эффенди, бывшему турецкому послу в Тегеране, горячему сторонику англо-турецкого сближения, было поручено составить словарь чагатайского языка (староузбекского языка), широко распространенного в среднеазиатских ханствах. Его дом в Бехеке служил местом встречи бухарцев, которым он внушал, что избавление среднеазиатских народов от русского господства может наступить лишь при «сердечном согласии» последователей ислама с англичанами, которым он отводил роль освободителей народов[220]. Разумеется, Порта в своей подготовительной работе рассчитывала не только на свои средства. Деятельность турецких правителей, несомненно, направлялась англичанами, в частности, значительную роль в этом играл посол Великобритании Элли-

---

[216] См. доклад Поля Анино Н. П. Игнатьеву Intrigues Anglo-turques dans l'Asie Centrale, Pera, 18. X 1847; ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 876, л. 28.

[217] А. Вамбери писал, что в Бухаре ему пришлось лично убедиться как низко пал авторитет султана в азиатских странах. «Бухара знает свое достоинство,— писал он,— и гордится им перед другими мусульманами, даже перед султаном, который официально признается главой религии, но ему никак не могут простить, что в его землях от влияния ференгов (т. е. англичан.— Г. Х.) много изменилось» (А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, М., 1867, стр. 155).

[218] P. Anino. La mission Kashgarienne, 19. V 1873, ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 1.

[219] P. Anino. La mission Kashgarienne, 19. V 1873, ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 4.

[220] P. Anino. La mission Kashgarienne, 19. V 1873. ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 2.

от[221], так как в английских планах в Средней Азии Порта должна была сыграть важную роль.

Английские власти в Индии предприняли энергичные меры, чтобы подчинить своему влиянию Якуб-бека и использовать его в борьбе против России.

По единодушному мнению английских властей в Индии лучшим средством расширения влияния в Кашгаре было развитие торговых отношений и установление монополии на кашгарском рынке. Еще в 1866 г. английские власти устроили в Палампуре ярмарку и, чтобы поощрить торговлю с Кашгаром, предоставили большие льготы азиатским купцам. в 1868 г. ярмарка была вновь открыта и имела значительный успех.

С прибытием лорда Майо в качестве вице-короля Индии усилились попытки английских властей развивать торговые отношения с Кашгаром. Майо считал, что при помощи торговли легко расширить политическое влияние над этим обширным районом, приобретавшим все большее значение в англо-русских отношениях в Средней Азии[222]. Однако Форсайт, посланный в Петербург, не смог добиться послабления в русской торговой политике, и Кашгар приобрел в связи с этим еще большее значение. «В наших глазах,— писал Беллью, секретарь посольства Форсайта в Кашгаре,— эта страна приобрела особенный интерес, как вследствие попыток развить торговлю по этому направлению между нашей Индией и правителем этого новоорганизованного государства Центральной Азии, так и по особенным отношениям ее к русскому соседу»[223].

В ноябре 1869 г. специальный посланник Майо добился от магараджи Кашмира соглашения о проведении торгового пути через Джамму. На основе этого соглашения Форсайт заключил с магараджей официальный договор, по которому устанавливалась двойная система обеспечения торговли между Индией и Кашгаром через Кашмир. Объединенной комиссии поручалось

---

[221] Так, Сайид Якуб-хан, сын Якуб-бека, который прибыл в Порту еще в 1863 г. как посол кокандского хана, по настоянию Англии получал содержание от турецкого правительства даже после смерти хана. См. там же, л. 3.

[222] Mayo to Arghylle, 25 March 1869; G. Alder. Op. cit., p. 40. Майо считал также, что обеспечение безопасности пути в Кашгар даст возможность «распространить над его населением дружеское и мирное влияние»: G. Alder. Op. cit., p. 40.

[223] Беллью, Кашмир и Кашгар (дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг.), СПб., 1877, стр. 1. На важность торговых отношений с Кашгаром указывал и генерал Эдди: «В настоящее время наша главная цель должна состоять в том, чтобы поощрять торговлю этих государств (Кашмира и Джаммы.— Г. Х.) с китайским Туркестаном и быть в хороших отношениях с недавно получившим власть правителем этой последней страны», ЦГВИА, ф. 431, д. 45, л. 23.

выбрать наиболее удобную дорогу в Кашгар, которая стала бы «открытым торговым путем на вечные времена для всех путешественников и торговцев»[224]. Ответственность за нее возлагалась как на индийские, так и на кашмирские власти. На дороге предполагалось организовать станции, пункты для снабжения, наблюдательные посты[225]. Но торговля Англии с Кашгаром развивалась не очень интенсивно. За четыре года (с 1869 по 1872 г.) вывоз британских товаров через Ле, исходный пункт торгового пути в Кашгар, увеличился всего на 150 тыс. рупий, явно не покрыв даже расходов на содержание дороги[226]. Сокрушительный удар по замыслам английских властей нанес торговый договор между Россией и Кашгаром, заключенный в Яркенде в 1872 г.[227].

Британское правительство решилось на дальнейший шаг. В 1872 г. лорду Нортбруку, новому вице-королю Индии, рекомендовали не рассматривать Кашгар как сферу русского влияния и не вносить ни малейшего изменения[228] в свою политику в связи с русско-кашгарским договором. Лорд Нортбрук решил послать в Кашгар официальную дипломатическую миссию, которая должна была заключить торговый договор с Якуб-беком, изучить страну, исследовать русско-кашгарскую границу и привезти самую полную информацию о положении в стране[229]. Перед миссией были поставлены задачи, касавшиеся вопросов экономики: 1. Изучить кашгарский рынок, его емкость, характер, запросы. 2. Уточнить факторы, мешающие английской торговле с Кашгаром. 3. Дать рекомендации по развитию англо-кашгарской торговли. 4. Заключить торговый договор с Якуб-беком.

Официально целью миссии было достижение коммерческого договора, однако английские власти видели в этом предприятии главным образом важную политическую победу. Олдер отмечает, что для Нортбрука «главная ценность предложенного торгового договора заключалась в том, что он давал Индии (британскому правительству Индии. — *Г. Х.*) локус станди для дип-

---

[224] G. Alder. Op. cit., p. 42.

[225] Ibid, p. 42.

[226] Данные о развитии торговли Англии с Кашгаром приводятся в работе Олдера. В 1869 г. английский вывоз составлял 1291 тыс. рупий, а в 1872 г.—1578 тыс. Но Олдер считает, что при подсчете необходимо сокращать цифры наполовину, так как в Ле существовал своеобразный метод учета, при котором товары учитывались дважды: при ввозе в Ле и вывозе. G. Alder. Op. cit., p. 318.

[227] Об этом говорит Олдер, Ibid, p. 42.

[228] Ibid, p. 50.

[229] См. инструкции Форсайту. 18 July 1843, F. O. 539, v. 11, N 232.

ломатического вмешательства в случае необходимости»[230]. Капитан Чепмэн, глава коммерческого отдела миссии, также подчеркивал, что торговый вопрос рассматривался прежде всего как мера политическая[231]. О том же свидетельствуют инструкции, полученные миссией. Чепмэну поручалось добиться от правителя Кашгара разрешения для английских коммерсантов выезжать из Кашгара в любое время и по любой дороге[232]. Это дало бы возможность английским разведчикам под видом коммерсантов разъезжать по всей стране, бесконтрольно орудовать на ее границах. Кроме того, миссия должна была договориться с Якуб-беком, чтобы он принял в своем дворе в качестве постоянного представителя Англии британского офицера. В случае успеха в этом вопросе миссии поручалось предложить кандидатуру Шоу[233].

Возглавить миссию было поручено Д. Форсайту, имевшему многолетний опыт работы в Индии. Д. Форсайт получил образование в колледже Хейлиберн, содержавшемся на средства Ост-Индийской кампании и готовившим кадры чиновников для работы в Индии. Он отлично знал хиндустани, хинди, санскрит и персидский язык, свободно изъяснялся на них. Сразу же после окончания колледжа в 1846 г. его направили на работу в Индию. До 1867 г. он занимал различные посты в Пенджабе, а в сентябре 1867 г. его назначили комиссионером округа Джаландар. Здесь в 1872 г. он особо отличился во время восстания сикхов, заманив их предводителя в западню.

Д. Форсайт был энергичным деятелем, выступавшим за развитие отношений со среднеазиатскими ханствами и расширение влияния Англии в этом районе. По его инициативе в 1868 г. была открыта ярмарка в Палампуре с целью привлечения торговцев из Средней Азии. Форсайт тщательно изучал все политические вопросы, связанные со Средней Азией, и был убежден, что установление непосредственных сношений со среднеазиатскими ханствами создало бы надежный «бастион» противодействия русскому влиянию в Азии[234].

---

[230] G. Alder. Op. cit., p. 50.

[231] Report of a mission to Yarkund, p. 474.

[232] F. O. 539, v. 11, N 232.

[233] Капитан индийской армии Роберт Шоу был одним из инициаторов активной политики британского правительства в Кашгаре и выступал за энергичные меры для противодействия растущему влиянию России на Востоке.

[234] В своих воспоминаниях Д. Форсайт, касаясь установления торговых связей со Средней Азией и политических выгод, которые Англия могла бы извлечь из них, пишет: «Все это привело меня к тщательному изучению среднеазиатской политики и убеждению, что если бы мы могли вступить

В 1868 г. он сопровождал бухарского посла в Калькутту. Деятельность Форсайта была одобрена лордом Майо и министром иностранных дел Кладрендоном, и в 1869 г. он отправился сначала в Баден-Баден для переговоров с Горчаковым, а затем в Петербург. Занимая довольно скромный пост комиссионера в Джаландаре, Форсайт тем не менее играл важную роль в политике британского правительства благодаря своему влиянию на лорда Майо[235]. В 1870 г., когда Якуб-бек обратился к британскому правительству в Индии с просьбой прислать офицера «с дружеским визитом», лорд Майо отправил именно Д. Форсайта, который должен был собрать «информацию по истории и положению Туркестана и о перспективах торговли между Индией и этой страной»[236]. Д. Форсайт, в состав экспедиции которого входило свыше 60 человек самых различных специальностей, основательно изучил дорогу от Ле до Яркенда и, хотя он не застал Якуб-бека в Яркенде и не смог встретиться с ним, тем не менее сведения о дороге, приведенные им, оказались настолько ценными, что работа Форсайта получила высокую оценку в Англии[237].

В 1873 г. Форсайт возглавил миссию уже как чрезвычайный посол королевы Англии при дворе правителя Кашгара, и круг его обязанностей намного расширился.

Незадолго до отъезда миссии в Кашгар в Индию прибыл следовавший в Константинополь сын Якуб-бека Сайид Якуб-хан, который должен был просить у султана фирман на титул эмира для Якуб-бека. Британское правительство устроило ему торжественную встречу, и до Бомбея его сопровождал офицер индийской армии[238].

в дружеские отношения со странами, расположенными за нашей северо-западной границей, мы могли бы построить гораздо более сильный бастион против быстро возрастающей агрессии России, чем мы могли бы сделать это вторжением на ее территорию, подняв враждебность, или даже аннексией» (T. D. Forsyth. Autobiography, p. 45).

[235] Д. Форсайт утверждал, что лорд Майо придавал серьезное значение его идеям и стал их горячим сторонником. Ibid, p. 47.

[236] T. D. Forsyth. Autobiography, p. 56.

[237] Газета «Таймс», в частности, отмечала: «Ему устроили почетный прием офицеры Аталика (титул Якуб-бека.— Г. Х.) и факт такого путешествия, закончившегося успехом, сделает много, чтобы добиться установления более тесных политических и коммерческих связей этого нового королевства, которое еще может сыграть важную роль в среднеазиатской политике с нашей Индийской империей». Высоко оценивая информацию о дороге, доставленную Форсайтом и сведения о рынке Кашгара, «Таймс» надеялась увидеть скоро дорогу, заполненную караванами, везущими парчу и чай из Индии и серебро из Туркестана, The Times, 31 August 1871.

[238] P. Anino. La mussion Kachgarienne, ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 4.

Сайид Якуб-хан прибыл в Константинополь в середине мая 1873 г. и сразу же встретился с английским послом Г. Эллиотом[239]. Затем он неоднократно встречался с первым драгоманом британского посольства Пизани[240]. По сведениям П. Анино, английские представители обещали дать эмиру Кашгара 800 тыс. фунтов стерлингов для закупки оружия в Англии, а он в свою очередь должен был сколотить армию из 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии. Для ее обучения Англия обязалась прислать двух инструкторов[241].

Г. Эллиот убеждал султана прежде чем пожаловать Якуб-беку титул эмира посоветовать ему «установить самые тесные отношения с англо-индийским правительством, представив его как защитника мусульманских государств»[242]. Очевидно, Эллиот добился своего, и Сайид Якуб-хан после аудиенции у султана 19 июня 1873 г., встретившись с Г. Эллиотом, заявил, что он удовлетворен переговорами с султаном и от имени Якуб-бека обязался вывесить наряду с собственным флагом и флаг султана[243]. Г. Эллиот писал лорду Нортбруку о своей беседе с кашгарским послом: «Порта поощряла его, по его словам, установить самые тесные связи с правительством Ее величества в Индии и с этой целью заключить соглашение с ним»[244].

Из Константинополя Сайид Якуб-хан направился в Индию, где его уже дожидался Форсайт, с которым он должен был ехать в Кашгар. Накануне отъезда Якуб-хан по настоянию Г. Эллиота был принят султаном на прощальную аудиенцию[245] и за час до отъезда встретился с секретарем британского посла Пизани[246].

Одновременно с Сайид Якуб-ханом в Константинополь прибыл помощник Форсайта по Джаландару Умар-хан, который совместно с кашгарским представителем вел переговоры с Ахмет Веффи Эффенди у него в доме. Они наладили переписку с афганскими и персидскими эмигрантами, а также с Вамбери[247].

---

[239] P. Anino. Depart de l'Envoye Kachgarienne, ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 22.

[240] ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 14.

[241] Там же, л. 17.

[242] Там же, л. 5.

[243] H. Elliot to Northbrook 19. VI 1873. Confidential, Therapia, F. O. 539, v. II, p. 162.

[244] H. Elliot to Northbrook, 19. VI 1873. Confidential, F. O. 539, v. 11, p. 162.

[245] P. Anino. Depart de l'Envoye Kachgarienne, ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 14.

[246] Там же, л. 14.

[247] P. Anino. Notes sur la mission de Seyed Jacob Khan et de Mohammad Oomur Khan; ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 858, л. 27.

Очевидно, Умар-хан выполнял задание, связанное с миссией Форсайта в Кашгар.

Миссия Форсайта выехала из Ле 20.IX 1873 г. в составе 350 чел. Этот огромный отряд был разделен на группы по специальностям. Каждая из них должна была производить тщательные исследования на протяжении всего пути. Здесь были географы, топографы, геологи, экономисты, медики со всеми необходимыми принадлежностями и инструментами. Миссия следовала до места назначения почти три месяца и прибыла в Яркенд в декабре 1873 г. Пока шли переговоры между Форсайтом и Якуб-беком, члены миссии с разрешения Якуб-бека разъехались по всей стране для сбора информации; Гордон отправился к русско-кашгарской границе и далее к северным границам Афганистана, Биддалф обследовал леса в Маралбаши, доктор Столичка детально изучил нефритовые рудники близ Яркенда. По возвращении из Яркенда Форсайт представил доклад о пребывании в Кашгаре с детальным описанием экономических ресурсов страны и характеристикой Кашгара с точки зрения географической, геологической, этнографической. Это, пожалуй, самая полная детальная работа по Кашгару, в которой собраны достоверные сведения энциклопедической широты.

Английская печать охотно сообщала о маршруте миссии и подчеркивала, что ее единственная цель — заключение торгового соглашения. Газеты «Морнинг пост» и «Стандарт», известные своими антирусскими выступлениями, проявившие открытое недоверие в отношении России, неожиданно сменили недоброжелательный тон и заговорили об исключительно торговом характере миссии Форсайта, о необходимости дружбы и взаимопомощи между Россией и Англией в Средней Азии, и в частности, в Кашгаре. Газета «Стандарт», близкая к Дизраэли, уверяла, что миссия Форсайта уполномочена решать исключительно коммерческие задачи: «В деле торговли мы можем вступить в борьбу с Россией, но нет оснований думать, что соперничество это может изменить дружеские отношения, существующие между двумя державами или вызвать серьезные политические затруднения. Все это, по всей вероятности, уже разъяснено с.-петербургскому правительству, которое смотрит на успех Форсайта без малейшей тени подозрения»[248].

Английские правящие круги пытались выиграть время и, не вызывая подозрения в России, под прикрытием дружелюбных заверений подчинить своему влиянию Якуб-бека и прочно обосноваться в Кашгаре.

---

[248] Цит. «Биржевые ведомости», 29 марта (10 апреля) 1874 г.

Миссия Форсайта провела в Яркенде почти три месяца (декабрь 1873 г.—март 1874 г.) и за это время успела добиться заключения торгового соглашения с Якуб-беком, оформленного в официальный договор, подписанного (приложением печати) 2 февраля 1873 г. По торговому договору между Индией и Кашгаром гарантировалась неограниченная торговля (ст. 2), максимальная ввозная пошлина определялась в размере 2,5% стоимости товара (ст. 4), при дворе эмира аккредитовался британский посол и в любом районе Кашгара, в любом городе по его желанию назначались коммерческие агенты со всеми юридическими правами, обеспечивавшимися законами королевства Якуб-бека[249]. В сущности в этом договоре не было ничего особенного, точно таких же условий добился и барон Каульбарс в 1872 г., за исключением пункта о коммерческих агентах, но, по-видимому, не торговые вопросы были главной задачей миссии Форсайта.

«Фринд оф Индиа» в пространных статьях[250] изложила суть торгового договора, не считая нужным скрывать его политического значения[251]. «Договор чисто коммерческий,— подчеркивала газета,— но Россия должна понять, что мы имеем такое же желание и такую же решимость сохранить статус-кво в Кашгаре, как и в Афганистане»[252], т. е. газета считала, что этот договор вовлекает правителя Кашгара в орбиту «британской политики и коммерции» и утверждала, что этот шаг вполне закономерный, необходимый и будет способствовать распространению английского влияния в Кашгаре в противовес русскому наступлению в Средней Азии[253].

Однако, то ли по неосведомленности, то ли по соображениям конспирации, газета не сообщала о конкретных шагах, предпринятых Форсайтом, кроме заключения торгового договора во время его пребывания в Кашгаре. Глубокий интерес, который проявили его сотрудники к русско-кашгарской границе и северным афганским границам и княжествам, свидетельствует о том, что миссия носила характер рекогносцировки, с заданием — тщательно исследовать дороги, которые можно использовать в военных целях. Кроме того, есть основания думать, что Фор-

[249] G. Alder. Op. cit., p. 52.

[250] Эти статьи полностью приводятся в книге Форсайта, стр. 196—208. D. T. Forsyth. Autobiography, p. 52.

[251] Газета расценивала договор как «самое важное событие в писанной истории британских отношений с Азией к северу от Гималаев» после утверждения Дост-Мухаммеда на кабульском престоле, фактически осуществленного, по мнению газеты, англичанами, Ibid, p. 200.

[252] Ibid, p. 206.

[253] Ibid, p. 208.

сайт пытался склонить Якуб-бека к тайному военному союзу против России. В одной из своих депеш, предназначенных только для правительства, он сообщал, что по словам Якуб-бека, «русские скоро окажутся перед очень серьезным союзом врагов»[254]. Сведения об этом «союзе», передаваемые Форсайтом, свидетельствуют о том, что он был в курсе всех тайных дел Якуб-бека и играл немаловажную роль в их проведении:

«5. Садык, говорят, должен был быть назначен главой (союза) и объединить под своим флагом все племена туркмен, казахов и киргизов, которые оставят на время свои дела и объединятся в едином деле против общего врага;

6. Бухара, вероятно, присоединится к Коканду тоже;

7. Сайид серьезно расценивает этот союз и даже верит в его успех, хотя и отдает отчет, что соответственно законам войны недисциплинированные и плохо вооруженные толпы не могут противостоять регулярным войскам, однако считает, что особый характер страны и туркменская тактика дадут им огромное преимущество против русских. Говорят, что Ташкент сам может угрожать, и наблюдаются признаки неизбежной борьбы в Алма-Ате.

8. Результат происходящей борьбы ожидается здесь с глубочайшим интересом и нетерпением и, возможно, полученные новости могут несколько оттянуть подписание договора»[255].

В той же депеше Форсайт сообщает: Якуб-бек заверил его «самым решительным образом», что русским не будет дано основание для нападения, и обещал отправить 12 тыс. тилля в Алма-Ату, очевидно, как компенсацию за разграбление каравана русского купца Сомова.

Форсайт ничего не писал об организаторах союза, о личности «Садыка», который должен был стать его главой, и вообще вся депеша составлена как информация, представленная ему Якуб-беком без указания роли, отводившейся Англии, и надежд, возлагавшихся на нее организаторами союза. Утверждать создание англичанами или лично Форсайтом такого союза нельзя, но не слишком ли откровенен был Якуб-бек с английским представителем, уполномоченным лишь для заключения торгового договора? Кроме того, его заверения избегать действий, которые могут вызвать враждебное отношение со стороны России, очень напоминают те советы, которые английские представители давали Бухаре и Хиве, чтобы не допустить их открытого подчинения России. Между тем, некоторые факты заставляют думать,

[254] Forsyth to Aitchison, 9. I 1874, Confidential, Kashgar, F. O. 539, v. 12, p. 71.

[255] Ibid.

что британские представители стремились создать союз с Турцией и Кашгаром. Встречи Умар-хана в Константинополе свидетельствуют о той роли, которая отводилась султану в борьбе против России и попыткам сделать его столицу одним из центров этой борьбы. Не случайно, по-видимому, Умар-хан был послан Форсайтом с послом Якуб-бека ко двору султана именно в то время, когда он готовился отправиться в Кашгар.

Якуб-бек открыто провозгласил себя последователем султана, считая себя духовным сыном главы суннитского мусульманства, и дал распоряжение ввести турецкий герб на своих знаменах, а на монетах отчеканить имя султана[256]. Многие турецкие офицеры уходили в отставку и как частные лица отправлялись в Кашгар для обучения войск Якуб-бека[257].

Одновременно англичане начали усиленно снабжать Якуб-бека оружием. Форсайт доставил ему 400 ружей английского производства. Британское правительство, как утверждает Олдер, разрешило частным фирмам беспрепятственно поставлять в Кашгар оружие и, спустя некоторое время после поездки Форсайта в Кашгар, полковник Гаднер привез туда 20 тыс. мушкетов[258]. В следующем году правительство Индии оплатило как «акт вежливости» транспортные расходы за провоз от Бомбея до Лахора двухсот ящиков револьверов, предназначенных для отправки в Яркенд[259]. П. Аннно в одном из своих донесений Н. П. Игнатьеву писал: «Англо-индийское правительство мечтает (rever) превратить Кашгар в английский арсенал для вооружения узбеков против русских под управлением индийских офицеров или инструкторов, уволенных из английской армии в Индии»[260].

По-видимому, Р. Шоу, который выехал в Кашгар сразу по возвращении Форсайта, имел определенное задание и, как писал новый министр иностранных дел Англии Дерби к Дориа, временно замещавшему в Петербурге А. Лофтуса, должен был помочь эмиру «информацией» и «соответствующим советом»[261].

---

[256] Донесение Колпаковского в главный штаб 22 мая 1874 г. В подтверждение своего донесения Колпаковский прислал серебряную монету, на одной стороне ее было отчеканено «Султан Абул Азиз Хан», а на другой —«Зерби Кашгари Лятиф», т. е. чекан благородного Кашгара (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868).

[257] Игнатьев — Горчакову, 28 октября (9 ноября) 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 182.

[258] G. Alder. Op. cit., p. 54.

[259] Ibid.

[260] Донесение П. Аннно от 3 июля 1875 г., ЦГАОР, ф. 730, (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 859, л. 12.

[261] Derby to Doria, 3. VI 1874, F. O. 539, v. 12, p. 109.

Активизация английской политики совпала по времени с одной из самых ожесточенных внутренних междоусобиц в соседнем кокандском ханстве и народными волнениями. События, потрясшие Коканд в 1874 г., были вызваны главным образом внутренними причинами — тяжелым налоговым гнетом, бесконечными поборами Худояр-хана, бесправием масс. Вместе с тем связи Якуб-бека с Кокандом могли определенным образом повлиять на внутреннее положение в ханстве. Во всяком случае Министерство иностранных дел России, придавая этому фактору важное значение, в августе 1874 г. просило Д. А. Милютина «не упускать из виду опасности, которая может угрожать Коканду со стороны Кашгара»[262].

Несомненно, английские власти, отводя такую важную роль Кашгару в своей политике, рассчитывали прежде всего на его географическую, этническую и политическую близость к Кокандскому ханству, которое до 1876 г. сохраняло политическую независимость и могло быть использовано против России. «Таймс», призывая развивать политические и торговые отношения с Кашгаром, подчеркивала, что он «занимает такое положение», что когда-нибудь может «сыграть немаловажную роль в среднеазиатском соперничестве двух могущественных империй»[263].

Установление политического контроля над Якуб-беком и утверждение его союза с султаном при полном господстве Англии над экономикой Кашгара позволило бы британскому правительству сделать Кашгар мощным плацдармом в непосредственной близости от владений кокандского хана и оттуда оказывать непосредственное влияние на ход событий в Средней Азии, создать силы сопротивления русскому господству, подточить основы авторитета России. Г. Олдер прав, полагая, что близость такого «энергичного» и «воинственного» правителя, как Якуб-бек, к недавно приобретенным русским владениям в Средней Азии должна была встревожить русских[264].

Усиление влияния Англии в Кашгаре не замедлило сказаться на отношении Якуб-бека к России, в частности, сразу же отразилось на русской торговле. В мае 1873 г. из Алма-Аты вышел караван купца Сомова, и губернатор города генерал Россицкий послал письмо Якуб-беку с просьбой оказать поддержку русской торговле. Якуб-бек в ответном письме сообщал, что Сомов будет принят с почетом в Кашгаре и будет пользо-

[262] Вестман — Милютину, 10 августа 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 149.

[263] The Times, 31 August 1871.

[264] G. Alder. Op. cit., p. 62.

ваться свободой в своих торговых операциях. Однако по прибытии в Кашгар Сомов обнаружил странное нежелание местного населения покупать его товары. Лишь спустя месяц по приказанию Якуб-бека у него было куплено товаров на 19 тыс. руб., но деньги за них не были уплачены. Сомову пришлось ждать их, подвергаясь беспрерывным унижениям и оскорблениям[265]. В конце 1873 г. был разграблен кульджинский караван и убито сорок три торговца. Колпаковский отправил специальное письмо Якуб-беку, в котором обвинял его в попустительстве разбоев в отношении русских торговцев и отмечал, что он не может допустить, чтобы подданные Якуб-бека позволяли себе подобные поступки без его ведома[266].

Антирусские выпады Якуб-бека были продиктованы стремлением угодить англичанам, видимо, Форсайт дал ему определенное обещание. Примечательно, что после прибытия Форсайта в Яркенд Якуб-бек дополнительно принял меры, чтобы полностью изгнать русских купцов из Кашгара и арестовал своего посла в Петербурге муллу Тораба, конфисковав его имущество[267].

ПРЕВРАЩЕНИЕ ИРАНА В ВАЖНЫЙ УЗЕЛ АНГЛО-РУССКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Крымская война 1853—1855 гг. и роль, сыгранная в ней Англией, поставили перед российским правительством вопрос о необходимости приобретения военно-политического оружия, которое стало бы достаточной гарантией защиты против враждебной политики британского правительства, стремившегося воспрепятствовать осуществлению планов русского самодержавия в решении жизненно важной проблемы черноморских проливов. В поступивших в ходе Крымской кампании проектах наступательных операций против индийских владений Англии как меры возмездия за ее участие в Крымской войне (проект Чихачева, 1853 г.; Дю Гамеля, 1854 г.; барона Торнау, 1855 г.; генерала Бларамберга и генерал-лейтенанта Хрулева, 1856 г.)[268] предлагалось избрать в качестве исходного пункта для наступления на

---

[265] Колпаковский — Якуб-беку, 28 октября 1873 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 11.

[266] Там же.

[267] P. Anino. Intrigues Anglo-Turques dans l'Asie Centrale, 18 октября 1873 г., ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), оп. 1, д. 876, л. 28.

[268] См. указ. проекты в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18 291, 18294, 18296, 18293, 18297. Все проекты, за исключением проекта Дю Гамеля, кратко изложены в ст. Е. Л. Штейнберга «Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв.» (Исторические записки, 1950, № 33).

Индию восточное побережье Каспийского моря, утвердив предварительно в его юго-восточном углу — Ак-Кала — опорный пункт. Авторы всех докладов считали наиболее удобным для наступательных действий против Индии путь от Каспийского моря по границе Северной Персии, по территории, населенной воинственными племенами туркмен, через Герат и Кабул.

Военное министерство отвергло эти проекты, однако было принято решение о проведении подготовительных работ по организации базы на западном побережье Каспийского моря, улучшению наземных средств связи с внутренними районами Закавказья, судоходства и по изысканию удобной бухты на восточном побережье Каспия[269].

Российское министерство иностранных дел возражало против поспешных действий в Туркмении и под различными предлогами оттягивало высадку войск на восточном побережье. Русские дипломаты боялись осложнений в отношениях с Персией, к которым неминуемо привело бы появление русских войск в Туркмении, поскольку персидские правители претендовали на часть Закаспия, хотя толком не представляли себе, на какую именно территорию распространить свои претензии и не имели материальных и юридических средств для подтверждения правомерности своих требований. По-видимому, Россия опасалась политических последствий, которые явились бы результатом возникновения неприязненных чувств в правящих кругах Персии по отношению к России.

Персия при всей своей слабости могла сыграть значительную роль в осуществлении русских планов. Она граничила с Турцией, Афганистаном и среднеазиатскими ханствами; ее берега омывал Персидский залив, важный в стратегическом отношении и, наконец, по ее территории проходили коммуникации, которые имели важное значение в борьбе за Среднюю Азию[270]. С другой стороны, появление русских войск на восточном побережье Каспийского моря в непосредственном соседстве с Хорасаном, принадлежавшим Персии, могло в корне изменить и без того шаткую политическую ситуацию в Персии и толкнуть шаха и его сановников в объятия англичан, которые неминуемо воспользовались бы этим для утверждения своей политической гегемонии над Персией в довершение к экономическому господству, которого они добились в первой половине XIX в. благодаря

---

[269] Резолюция Военного министерства от 28 февраля 1856 г. без подписи, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18297, л. 19—20.

[270] См. высказывание Стремоухова, Исторические записки, 1940, № 9, стр. 222.

монополии в персидской торговле и телеграфным концессиям, заключеным в 1963 и 1865 гг. В связи с этим Стремоухов в письме к Кауфману в 1869 г., возражая против его планов похода в Хиву, отмечал, что высадку русских войск в Красноводске и основание там стоянки для русской эскадры можно осуществить «не иначе как по дружескому соглашению с Персией, которую никак не следует толкать в объятия англичан»[271]. Именно эти соображения русского Министерства иностранных дел заставляли российское правительство в течение почти 10 лет воздерживаться от активных действий на восточном побережье Каспийского моря, и все попытки военного ведомства ускорить высадку русских войск в Красноводске и основать там оперативную базу успеха не имели[272].

К концу 60-х годов положение значительно изменилось. Россия утвердилась в Туркестане и фактически взяла Бухару под свой контроль. Но ядро русских войск, сконцентрированное в Туркестане, утрачивало свою силу, будучи оторванным от центральных районов России. На железную дорогу от Оренбурга в ближайшее время нельзя было рассчитывать, единственным средством связи мог стать путь через Хиву и туркменские степи. Расширения торговли с юго-западной частью Средней Азии нельзя было добиться, не овладев всем течением Амударьи, значительная часть которой находилась на территории Хивинского ханства. Разгром Хивы стоял на повестке дня и мог быть осуществлен лишь при тесном контакте войск, наступающих как со стороны Туркестанского генерал-губернаторства, так и со стороны Каспийского моря. Наконец, планы, выдвигавшиеся русскими офицерами в 50-х годах по созданию прочной оперативной базы на западном побережье Каспийского моря, приобретали новое значение из-за враждебной позиции английской дипломатии в связи с польским восстанием 1863 г. и сказывались на политике российского правительства в юго-восточной части Каспия.

В этих условиях роль российского Министерства иностранных дел снизилась и руководство действиями в районе Каспийского моря было целиком передано военному ведомству, которое выступало за более активную политику на восточном побережье и почти не считалось с возможными последствиями в отноше-

---

[271] Письмо директора Азиатского департамента генерал-адъютанту фон Кауфману от 31 апреля 1869 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, д. 109, л. 65.

[272] Л. Н. Соболев. Записки о туркестанском театре военных действий, ЦГВИА, ф. 483, д. 115, л. 6.

шиях с Персией, которых так боялся Горчаков[273]. Военное ведомство, кавказское начальство и офицеры на местах осуществляли волю правительства в Закаспии, а Министерство иностранных дел должно было играть вспомогательную роль: оправдывать их действия, прикрывая ссылками на торговые «интересы», которые не трогали русскую буржуазию и время от времени удерживать слишком ретивых военачальников, бездумные поступки которых могли испортить отношения с Персией.

Русские войска были высажены у Красноводска в конце октября 1869 г., и на первых порах прикаспийские туркмены (йомуды, гокланы и др.) встретили русских солдат весьма дружелюбно и даже оказывали им всяческое содействие[274]. Однако, уже в ноябре 1870 г. русский консул в Астрабаде доносил, что туркмены «охладели»[275] к ним. Главную роль в этом сыграла родовая знать туркменских племен, которая в утверждении русского господства на туркменской территории видела подрыв своего влияния и потерю такой выгодной статьи доходов, как аламанство, т. е. разбой, сопровождавшийся грабежом караванов, проходивших по дорогам Закаспия, а также близлежащих населенных пунктов Персии. Сыграли роль также поспешные действия русского командования, которое не считалось с местными условиями, и пренебрегая необходимыми мерами предосторожности, упрямо рвалось вперед, в ноябре 1870 г. влиятельные предводители племен под руководством Сафихана, Нурмухаммада, Аваз Мурадсридара и Нурберды-хана составили коалицию против русских войск и произвели первое нападение на русские войска.

Наступательные действия русских войск, предпринятые в 1872/1873 гг. под командованием бездарного полководца Маркозова, и репрессии против туркмен лишь усилили решимость местного населения к сопротивлению и были на руку ханам, возглавившим борьбу против России. Еще более тяжелый удар престижу России нанесли действия карательного отряда под руководством генерала Головачева, посланного Кауфманом для наказания туркмен, выступивших против русских войск во время хивинского похода[276].

---

[273] В частности, военный министр Д. А. Милютин доказывал великому князю Михаилу, командующему Кавказской армией, необходимость высадки войск в Красноводске: «При нашем же положении в Средней Азии занятие упомянутого пункта на восточном берегу Каспийского моря составляет для нас предмет необходимости во всяком случае, как бы ни взглянула на это Персия» (ЦГВИА, ф. 483, д. 115, л. 6).

[274] См. «Присоединение Туркмении к России», Ашхабад, 1961, стр. 30, 50.

[275] Там же, стр. 51.

[276] См. «Присоединение Туркмении к России», стр. 114—129.

Россия оказалась перед фактом необъявленной войны, в которой туркмены благодаря широким просторам степей, непроходимым пустыням и партизанским методам борьбы становились грозным противником. По своему характеру поход России в Туркмению превращался в захватническую войну, однако объективно Россия, завоевывая Туркмению, играла прогрессивную роль как в отношении самих туркмен, так и в отношении соседних государств — Ирана и Афганистана, в особенности их северных районов, способствуя развитию торговых отношений и росту производительных сил благодаря ликвидации аламанщины.

В марте 1874 г. было утверждено «Временное положение о военном управлении в Закаспийском крае», по которому определялись границы Закаспийского военного отдела, права и обязанности начальника отдела, учреждались приставства Мангышлакское и Красноводское, устанавливалось местное управление русским и кочевым населением, утверждалось устройство суда, подати, сборы и натуральные повинности, а также права местного населения[277].

Границы Закаспийского края проходили по заливу Мертвый култук на севере, по р. Артек на юге и от Каспийского моря до западных границ Хивы. Северные, западные и южные границы были отмечены довольно определенно, чего нельзя сказать о восточных и юго-восточных границах. Это давало военным властям широкий простор для новых военных походов.

Согласно «Положению» управление осуществлялось приставством, а местное по волостям и аулам. Учреждался суд биев (§ 41), запрещались «жестокие и бесчеловечные наказания, такие как истязания, отсечение руки, продажа в рабство» (§ 56). Местное население обязано было платить кибиточную подать и вносить земский сбор, причем они могли распределяться в аулах по кибиткам в соответствии с состоянием хозяев (§ 60). Кроме того, местному населению необходимо было исполнять натуральные повинности: исправлять дороги и мосты в местах кочевания, выдавать для проезда должностных лиц лошадей и вьючный транспорт за плату, выделять для постоя войск в аулах отдельные кибитки и поставлять для войск лошадей и верблюдов также за плату (§ 61). Всякие сборы и повинности, не утвержденные правительством, строго запрещались (§ 62). Местное население сохраняло свои обычаи, быт, религию, охраняемые правительством. Туркменам предоставлялось право обращаться за медицинской помощью к врачам, распределенным по

[277] См. полный текст «Временного положения» в сб. «Присоединение Туркмении к России», стр. 142—151.

штатам отдела, которые обязаны были лечить их бесплатно и, кроме того, в случае надобности туркмены могли пользоваться казенными больницами и лазаретами (§ 67).

При всей ограниченности статей «Положение» имело огромное значение уже потому, что впервые вводило на территории Туркмении административный порядок с регламентацией прав и обязанностей местного населения, охраной религии и твердым фиксированием повинностей населения. Его обнародование способствовало привлечению симпатий к России не только местного населения, но и соседних районов северной Персии, вызвав, однако, новый прилив неприязни к русским родовой знати, которая боялась лишиться значительной доли своих привилегий, освященных вековыми обычаями.

Как бы ни были сложны отношения с туркменами, главная трудность для России заключалась в том, что территория, населенная туркменами, примыкала к владениям персидского шаха. Причем, между ними не было твердо фиксированных границ. Это позволяло толковать пределы персидского шаха самым вольным образом, давая в свою очередь возможность вмешиваться в русско-персидские отношения Англии, которая поджидала удобного случая для того, чтобы выставить свои претензии в отношении русской политики в Туркмении.

Высадка русских войск в Красноводске не вызвала особой тревоги в Тегеране, и министр иностранных дел Персии Мирза Сайид-хан заявил русскому послу Бегеру, что не видит в этом акте ничего, что могло бы волновать шахское правительство. Правда, он выразил неуверенность относительно того, как отнесется к этому шах, но Бегер отверг всякие претензии Персии на Красноводск, ввиду «свершившегося факта» занятия его русскими войками и отсутствия у персидского правительства каких-либо доказательств, подтверждающих его права на Красноводский залив. Что касается претензии персов к туркменам, Бегер счел более удобным оставить их рассмотрение до более удобного случая[278].

Шах был «сдержан» и «холоден более обычного», когда Бегер пытался выяснить его позицию, воздерживаясь от обсуждения вопроса и не касаясь его в переговорах по другим делам, которые вел с ним русский посол[279]. Персидские власти сознавали свое бессилие помешать утверждению России в Красноводском заливе и вообще на восточном побережье Каспийского

[278] Частное письмо Бегера к Стремоухову, 29 октября 1869 г. АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1869 г., д. 109, л. 107.

[279] Бегер — Горчакову, 13 ноября 1869 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1869 г., д. 17, л. 74.

моря. На основе Туркманчайского договора только Россия могла иметь военный флот на Каспийском море, и, следовательно, у Персии не было юридических оснований для возражения. Никаких договоров относительно побережья Каспийского моря не существовало, кроме соглашения 1834 г., по которому Нессельроде признал персидские владения лишь до р. Аттрек. Наконец, в 1841 г. Персия уступила России право иметь военно-морскую станцию на острове Ашурада, у входа в Астрабадский залив, которая должна была способствовать прекращению разбоя туркмен на Каспийском море. Так она продемонстрировала свое бессилие сохранять суверенитет на Каспийском море и его побережье, находящемся в пределах персидских границ[280].

Правительство Персии, зная, что оно не может добиться вывода русских войск из Красноводского залива, решило заручиться гарантией России на получение части территории туркмен. В записке на имя Бегера шах настаивал на признании прав Персии над туркменами йомудами, кочевавшими по р. Гурган и Аттрек, и отказа русских от строительства укреплений на этих реках[281]. МИД России, стремясь избежать обострения отношений с персидским правительством, и в связи с этим провокаций со стороны Англии, решило ответить положительно. Телеграмма из Петербурга прибыла незамедлительно. «Можете ответить шаху, — говорилось в ней, — что до Аттрека признаем его владычество и следовательно не имеем в виду никаких укреплений в этой местности»[282]. Так без всяких усилий Россия стала юридическим владельцем территории севернее Аттрека, и теперь никакие претензии Персии на нее не принимались во внимание.

Персидские власти не были склонны продолжать дискуссию с русским правительством по поводу высадки русских войск в Красноводске, но в дело вмешались англичане. Они пытались раздуть вопрос и выступить защитниками Персии. Этот акт

---

[280] Влияние персидского правительства в этих районах было настолько ничтожно, что оно не могло даже обеспечить безопасности своих граждан от нападения туркмен. Английский консул в Астрабаде Черчилль доносил в 1880 г., что с утверждением России в Ашураде пиратские набеги туркменских племен были полностью искоренены «восхитительными мерами, предпринятыми русским морским командующим», подчеркивая, что «персидское правительство имело все основания быть благодарным повелительной власти, осуществляемой русскими над этими мародерами, которые всегда имели склонность к персидской территории». «Благодаря присутствию русских в Ашураде,— отмечал Черчилль,— мазандеранцы ныне гарантированы против грабежа туркмен» (Reports from Her Majesty's Consuls on the Manufactures, Commerce of their Consular Districts. Part IV, London, 1880, p. 84).

[281] Бегер — Стремоухову, 5 декабря 1869 г., ЦГВИА, ф. 483, д. 115, л. 23.

[282] Телеграмма Бегеру, 7 декабря 1869 г., Там же.

России не угрожал интересам Англии, но представлялся удобным случаем для усиления влияния в Персии и превращения ее в послушное орудие своей политики в Средней Азии.

С ростом агрессивных замыслов британских правящих кругов значение Персии возрастало. В меморандуме в июле 1868 г. Роулинсон, подчеркивая значение Персии в борьбе Англии против России, настаивал на активизации английской политики, изменении ее ориентации и увязывании ее политики с английскими планами в Средней Азии. Он призывал продемонстрировать шаху возросший «интерес» к Персии, показав на деле готовность защищать его против русского нажима[283]. Роулинсон указал конкретные меры, с помощью которых Англия могла подчинить Персию и сделать ее форпостом в своей среднеазиатской политике. Во-первых, английские офицеры должны занять командные посты при дворе шаха и в его войсках; во-вторых, широко развить систему подкупа персидских вельмож и убедить их в необходимости отправлять своих сыновей на выучку в Англию; в-третьих, обеспечить широкие вложения английских капиталов в персидские банки, железные дороги, шахты и другие коммерческие предприятия[284].

Уже через день после высадки русских войск в Красноводском заливе Бьюкенен устно и письменно выразил протест против этого акта, утверждая, что хивинский хан и персидский шах имеют особые права на эту территорию и, кроме того, утверждая, что шах является сувереном всех туркмен и их территорий[285]. Горчаков заметил английскому послу, что сам шах не выдвигает таких претензий и сослался на пребывание с его согласия русской флотилии в Ашураде, как признак того, что шах не может осуществить свой «суверенитет» над теми территориями, которые ему приписывают английские дипломаты[286]. Горчаков решительно отверг эти утверждения, отметив, что власть шаха чисто номинальная не только в этой местности, но и на территории, непосредственно прилегающей к Хиве[287].

Тогда по наущению посла Томсона Мирза Сайидхан обратился к нему с «просьбой» вмешаться «для предотвращения угрозы, нависшей над границами»[288]. Томсон передал эту прось-

---

[283] Rawlinson. England and Russia in the East, p. 297.
[284] Ibid.
[285] Buchanan to Clarendon 1 November 1869, BFSP, v. LXIII, London, 1879, p. 672.
[286] Buchanan to Clarendon, 1 November 1869, BFSP., v. LXIII, London, 1879, p. 672.
[287] Ibid, p. 672.
[288] Ibid, p. 687.

бу в Лондон, добавив от своего имени, что «эта опасность представляется неминуемой, так как, чтобы открыть путь от Каспия к Амударье, русские должны соорудить форты и разместить войска в Туркмении, через которую они будут проходить, и поскольку это будет сделано, туркменские племена рано или поздно, будут подчинены России»[289]. Томсон указывал, что пустыня, через которую русские предполагают проложить свои коммуникации, не пригодна для этой цели и, по его мнению, они станут искать «более практичный путь», который может быть найден только вверх по течению р. Аттрек от Ашурада до Буджнура и Кучана вплоть до Мерва, находящегося всего в десяти перегонах от Герата и четырех маршах от Амударьи[290].

Английские дипломаты постарались в первую очередь не допустить утверждения русских на правом берегу р. Аттрек и тем самым лишить их оперативной базы для наступления на восток Туркмении. Томсон писал в депеше, что «одним из пунктов величайшего интереса Англии» является сохранение правого берега р. Аттрек. «Часть территории, расположенная между Аттреком и Гурганом, имеет для России крайне важную ценность по своему стратегическому положению для агрессии. Зерном, фуражом, скотом, запасами транспортных средств она способна обеспечить потребности огромной армии. Имеющие такую же ценность, как и Мерв для России, как стратегический пункт против Афганистана, Гурган и Аттрек в этом отношении имеют еще большую ценность и, если будут под контролем России, они превратятся в перманентную угрозу против Англии»[291]. Томсон неоднократно подстрекал министров иностранных дел Персии (сначала Мирзу Сайидхана, а затем Мирзу Хусейнхана) выступать против любой попытки русских обосноваться в долине р. Аттрек, которая, по его мнению, должна стать границей между Россией и Персией. Он пугал персидских государственных деятелей тем, что русские, как только утвердятся в долине Аттрека, привезут сюда казачьих колонистов, чтобы начать отсюда агрессию против туркмен, в осуществлении которой русские не ограничатся этой местностью и дойдут до Сарахса и Мерва[292].

Действия Томсона, казалось, достигали своей цели. Шах и его министры все более прислушивались к его советам, а Мирза Сайидхан по любому поводу, касавшемуся отношений с Россией

---

289 Ibid, p. 672.
290 Ibid, p. 688.
291 Thomson to Granville, 16 August 1873, F. O. 539, v. 11, p. 251, 252.
292 Thomson to Granville, 19 July 1873, F. O. 539, v. 11, p. 200.

в Средней Азии, обращался за советом к английскому послу. Он передавал ему содержание своих бесед с русским послом, а также пересылал копии всех русских нот или официальных документов. Томсон в свою очередь подсказывал, что ответить русским и даже корректировал ответные ноты[293].

Многое зависело теперь от русских дипломатов и правящих кругов России. Самое незначительное ущемление суверенных прав шаха могло вызвать нежелательное осложнение отношений с персидским правительством. Поэтому Горчаков решительно отвергал попытки расширить район военных действий в Туркмении, опасаясь, что бесконтрольные действия местных военачальников приведут к нарушению границ Персии и та станет искать поддержки у Англии. Он резко выступил против экспедиции в Туркмению в 1872 г. В своем письме из Ливадии к главнокомандующему Кавказской армией от 24 мая 1872 г. Горчаков писал, что преследование туркмен заставило бы русские войска двинуться за Аттрек, вопреки заверениям, данным персидскому правительству[294]. «Сохранение в полной силе данного нами шаху обещания должно быть предметом особенной нашей заботы», — подчеркивал он[295]. С другой стороны, он считал ,что движение русских войск в этой части Азии способствовало бы сближению каспийских туркмен с мервскими, что само по себе было нежелательно для политики России.

17 ноября 1872 г. Горчаков направил Милютину записку с убедительной просьбой принять меры, чтобы предотвратить переход войск через Аттрек «без предварительного сношения с императорской миссией в Тегеране», предупреждая, что в противном случае русское правительство будет поставлено в «весьма неловкое положение» перед персидским[296]. Вслед за тем, 24 ноября 1872 г. Милютин получил приказ Александра II, изданный, видимо, по настоянию Горчакова, в котором категорически запрещалось переходить на левый берег Аттрека, а в случае нападения туркмен на русский отряд, сделать это, поста-

---

[293] См., например, F. S. 539, II, p. 204.

[294] Горчаков точно знал, что военные власти Кавказа не остановятся перед нарушением персидской границы. Об этом ему сообщал Бегер. В январе 1872 г. в Тегеран прибыл полковник Маркозов, который сообщил ему о предстоящей экспедиции против туркмен и спросил, могут ли русские войска установить несколько военных постов в долине между Аттреком и Гурганом, а если нет, то могут ли русские войска перейти Аттрек по своему усмотрению (8 января 1872 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1872 г., д. 20, л. 4—5). Очевидно, именно этот разговор и имел в виду Горчаков.

[295] Горчаков — великому князю Михаилу, 24 мая 1872 г., ЦГВИА, ф. 483, д. 115, л. 95.

[296] Горчаков — Милютину, 17 ноября 1872 г. Там же, л. 97.

вив в известность русское посольство в Тегеране и, наказав виновных, незамедлительно вернуться обратно[297].

Благодаря мерам, предпринятым Горчаковым во время экспедиции Маркозова в октябре 1872 г., границы Персии не были нарушены и английские дипломаты лишились повода непосредственно вмешиваться в русско-персидские отношения. Однако вскоре английское правительство нашло другой предлог для вмешательства в русские дела в Туркмении.

После разгрома Хивы и подписания Гендумянского договора английские дипломаты подняли вопрос о судьбе туркмен. В конце октября 1873 г. английский посол в Петербурге А. Лофтус сообщал в Лондон о подготовке русской экспедиции против туркмен. В газете «Московские ведомости» за 28 октября 1873 г. он прочитал статью, в которой содержался призыв осуществить поход в текинские земли и наказать их население за мятежи, т. е. за нежелание платить контрибуцию[298]. Считая публикацию этой статьи достаточным основанием для официального представления, Лофтус 29 октября 1873 г. специально заехал в Министерство иностранных дел и встретился со Стремоуховым, попросив его высказаться по поводу статьи о походе против туркмен. Стремоухов опроверг слухи о подготовке экспедиции, сказав, что расценивает подобное предприятие как «бессмысленное» и «бесплодное», заявив также (конфиденциально) об отзыве Кауфмана в Петербург.

Несмотря на убедительные заверения Стремоухова, Лофтус в депеше Гренвиллу выразил мнение, что экспедиция русских войск против туркмен в ближайшее время «не является невероятной»[299]. Он подчеркнул также, что придает важное значение статье в «Московских ведомостях», которая, по его мнению, является «путевой звездой имперской политики»[300]. По характеру этой депеши видно, что она не отражала объективно положение дел и была рассчитана главным образом на публикацию в парламентских отчетах.

Прежде всего вызывает недоумение, что А. Лофтус придавал столь важное значение статье в «Московских ведомостях», которая не являлась официозом. Если бы речь шла о «Журнале де С.-Петербург», можно было бы еще допустить такую оценку и делать подобные выводы, но «Московские ведомости» не отражали мнения правящих кругов. С другой стороны, Лофтус

---

[297] Горчаков — Милютину, 24 ноября 1872 г., ЦГВИА, ф. 483, д. 115, л. 98.

[298] Loftus to Granville, 29 October 1873, F. O. 539, v. 11, p. 263.

[299] Loftus to Granville, 29 October 1873, F. O. 539, v. 11, p. 263.

[300] Ibid.

явно пытался предоставить британскому правительству основание для вмешательства в действия России в Закаспии с целью создания препятствий для дальнейшего продвижения русских войск.

Аннексия русскими этого района, включая Мерв, писал Лофтус, привела бы русскую границу в пределы двухдневного марша от Герата и, несомненно, увеличила бы «опасность нашей восточной империи»[301]. Он советовал ни в коем случае не отдавать Мерва и не допускать сооружения там укреплений или укрепленных постов, прилегающих к персидской границе, а также иметь в виду, что приближение русских войск к персидской границе заставит добиваться «гарантии» против опасности, которой якобы подвергнется Индийская империя[302].

Герцог Аргайльский после ознакомления с депешей Лофтуса подчеркивал, что в связи с намерениями России в отношении Мерва британское правительство должно потребовать «гарантии» противовеса опасности Индии и просил выяснить мнение персидского правительства относительно русских планов[303]. Начиная с 70-х годов вплоть до присоединения Мерва к русским владениям вопрос о нем был основным в дипломатической борьбе двух стран в Средней Азии. Лондонский кабинет болезненно реагировал на малейшее движение России в Закаспии, ссылаясь на тревогу за Мерв. Свои представления он объяснял чрезвычайно просто: Мерв находится в непосредственной близости к Герату, который, является ключом Индии, поэтому угроза Мерву означает угрозу Индии. Как выяснилось впоследствии, Мерв не имел стратегического значения. К Герату вела более удобная дорога через Мешхед или Сарахс, располагавшиеся южнее Мерва, и для наступления на Герат вовсе не нужно было брать Мерв. Очевидно, английские дипломаты руководствовались не целью «защиты Индии», а интересами своей политики в Средней Азии.

Благодаря постоянным представлениям английского правительства и широкой пропагандистской кампании вокруг мервского вопроса, развернутой крайне агрессивными кругами, особенно после прихода к власти правительства Дизраэли, этот вопрос превратился в Англии в своего рода общественную болезнь, получившую, по меткому выражению герцога Аргайльского, название «мервозность». Ф. Мартенс объяснял ее стремлением англичан обеспечить полную безопасность техническим

---

[301] Loftus to Granville, 29 October, 1873, F. O. 539, v. 11, p. 263.
[302] Ibid.
[303] Arghylle to Granville, 27 November 1873, F. O. 539, v. 11, p. 273.

туркменам, которые сделали бы Мерв оплотом своей власти[304]. Сохранение независимости Мерва было желательно для Англии: во-первых, Россия не могла бы добиться спокойствия в своих среднеазиатских владениях, мервское население, пользуясь влиянием на туркмен других областей, постоянно волновало бы их; во-вторых, через Мервский оазис проходили основные дороги от Каспийского моря к Туркестану. Они находились в руках Мерва, и это препятствовало установлению постоянной надежной связи между Кавказом и Туркестаном, затрудняло положение Туркестана. В третьих, Мерв имел удобный путь к афганским владениям по р. Мургаб к Герату и Бала-Мургабу. В случае установления политического влияния в Афганистане и превращения эмира Шир Али Хана в своего вассала Англия получила бы свободный доступ к мервским туркменам, и утвердив в качестве представителя своего офицера в Герате, она могла бы использовать их в борьбе против России.

В середине августа 1873 г. английский посол в Тегеране получил сообщение о том, что текинские шейхи и старшины ахалов вместе с бежавшими из Хивы туркменами собрались в Мерве у предводителя крупнейшего мервского племени Кушид-хана, чтобы обсудить необходимые меры в связи с предстоящим наступлением русских войск. Во время меджлиса выяснилось, что существует три мнения: одни предлагали принять подданство Персии, другие считали необходимым отойти в Афганистан, а третьи, их было большинство, высказались за оборону Мерва. Руководителем мервских туркмен стал Кушид-хан. По его приказанию было начато сооружение огромного рва вокруг Мерва и намечено строительство стен. Кушид-хан запретил грабительские вылазки туркмен, чтобы не давать русским повода для атаки, и приказал сосредоточить все силы на работах по укреплению города[305].

Расположение Мерва было таково, что любое движение русских войск в Туркмении могло дать повод для английских представлений, которые, хотя и не всегда достигали цели, но давали основание требовать компенсации. Близость Мерва к персидским границам, давнее желание шаха овладеть Мервом и прилегающим оазисом давали возможность Англии играть на этих чувствах, обещая помочь Персии в этом вопросе и усилить тем самым свое влияние в Тегеране. Томсон был осторожен, он не стал сам вести переговоры ни с шахом, ни с великим визирем. Он послал к Мирзе Хусейнхану своего личного врача Диксона,

[304] Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, стр. 63.
[305] F. O. 539, v. 11, p. 254.

который оказывал услуги и персидским придворным. Мирза Хусейнхан рассказал Диксону, что шах стремится «умиротворить» жителей Мерва и «постепенно завоевать их доверие», консолидировав тем самым свою власть в этом районе. Отметив, что шах уже послал в связи с этим секретные инструкции губернатору и властям в Хорасане, Мирза Хусейн подчеркнул, что правительство Персии не станет устраивать никаких военных демонстраций[306]. Было ясно: персидское правительство не откажется от Мерва. Но Персии не хватало сил для завоевания Мерва, что убедительно показал неудавшийся поход против туркмен 1861 г., поэтому все ее надежды связывались с поддержкой Англии, которая в свою очередь обещала помощь за определенные уступки во внешней политике. Вместе с тем, английские послы в Тегеране имели связь с туркменскими ханами и, в частности с Кушид-ханом. В январе 1869 г. консул в Решете И. А. Зиновьев докладывал, что Кушид-хан и Мехди Кули-хан, хан джемшидов, послали своих представителей в Тегеран, и те в течение месяца вели переговоры с английским послом Элисоном. Элисон сообщил Кушид-хану и Мехди Кули-хану, что у них нет оснований опасаться русских, которые, по его словам, не рискнут наступать до Герата, и советовал туркменским ханам объединиться, чтобы не допустить русские войска до левого берега Амударьи, а Мехди Кули-хану рекомендовал с помощью подарков привлечь на свою сторону племена эрсари[307].

Через агентов в Астрабаде и Мешхеде английские представители в Тегеране постоянно поддерживали контакт с туркменами Закаспия и оказывали на них воздействие. Кроме того, в Астрабаде находился английский консул. Наряду с этим британское правительство направило в северные районы Персии специальную группу под руководством полковника В. Бэйкера для исследования дорог в туркменских землях и для установления связи с предводителями туркмен. Бэйкер пробыл в Хорасане два с половиной месяца (с сентября до ноября 1873 г.)[308]. Его группа высадилась в Ашураде и оттуда проследовала в Мешхед через весь Хорасан. Больше двух месяцев шла она по Хорасану, подробно исследуя дороги, производя съемки местности. Из Мешхеда Бэйкер пытался пройти в Герат, находившийся вблизи Мерва, но Якуб-хан не пустил его. Тогда Бэйкер решил пройти в Мерв через Келат. Губернатор Хорасана Алайяр-хан оказал

---

[306] F. O. 539, v. 11, p. 282.

[307] Зиновьев — Горчакову, 14 января 1869 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, д. 17, л. 2.

[308] Подробности его путешествия изложены в книге: V. Baker. Clouds in the East, London, 1876.

ему содействие, послал гонца для передачи письма Кушид-хану. Бэйкеру не удалось установить связь с Кушид-ханом, но его группа составила подробную карту северных границ Ирана и детально описала дороги Хорасана[309].

Мервский вопрос становился центром дипломатической борьбы Англии, стремившейся в корне изменить политическую ситуацию в Средней Азии и в целом на Среднем Востоке. Прежде всего это касалось Персии. Г. Роулинсон в меморандуме, поданном в Индийский департамент в декабре 1873 г., указывая на серьезные последствия, к которым может привести победа русских войск в Закаспии, отмечал, что Персия может способствовать предотвращению русского наступления в Туркмении. Если она откажется предоставлять русским войскам продовольствие и транспортные средства, русская экспедиция будет сильно затруднена, а если Персия решительно выступит против русского продвижения и любых нарушений своих территориальных прав, русское наступление на Мерв станет невозможным[310]. В связи с этим Роулинсон рекомендовал убедить Персию воздержаться от помощи русским, моральной или материальной, указывая на опасные последствия, которые повлечет за собой утверждение России в Мерве. Он допускал, что русское влияние в Тегеране может оказаться очень сильным и перспектива избавления от таких беспокойных соседей, как туркмены, для шаха окажется слишком заманчивой. В таком случае он рекомендовал «всеми силами дипломатического воздействия» побудить шаха оккупировать Мерв раньше русских[311], и если это не удастся, расценивать любое продвижение русских в Туркмении как «демонстрацию против Индии»[312].

Роулинсон рекомендовал необходимые практические меры для укрепления английских позиций в дипломатических пред-

---

[309] Исследования Бэйкера свидетельствуют о том, что его интересовала военная сторона дела. Он писал: «По всем дорогам к Герату и по этой дороге пушки могут быть провезены. Еще далее к северу имеются две горные дороги в Келат, непроходимые для артиллерии, но пушки сначала могут быть доставлены в Серахс, а затем пройти через границу. От Мешхеда к северо-западу имеется хорошая дорога, проходимая для артиллерии, через широкую богатую долину, которая ведет в Кучан, Ширвак и Буджнурд. V. Baker. Op. cit., p. 192. Бэйкер намечал форпосты, которые могли быть заняты английскими гарнизонами, среди них лучшим считался Келат. «Со стратегической точки зрения,— писал Бэйкер,— обладание Келатом имело огромное значение при хорошем гарнизоне, хотя он и не господствует над удобными горными проходами», Ibid, p. 209.

[310] Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, v. I, 1879, p. 187, 188.

[311] Меморандум Роулинсона от 18. XII 1873 г., F. O. 539, v. 11, p. 294.

[312] Ibid.

ставлениях петербургскому двору. Прежде всего необходимо было, с его точки зрения, убедить Шир Али Хана назначить своим наследником правителя Герата Якуб-хана, которого он рассчитывал использовать против русских или же попытаться заменить его офицером, заслуживающим доверие англичан. В случае неудачи Роулинсон рекомендовал «с согласия эмира» выдвинуть сильную английскую бригаду в Герат. «Последнее, — подчеркивал он, — было бы конечно самой эффективной рабочей процедурой»[313]. Грэнт Дафф, к которому поступил меморандум, счел его «очень важным» и без задержки передал в Форин Оффис.

Лорд А. Лофтус по возвращении из отпуска в Петербург в середине января 1874 г. попросил аудиенции у императора. В беседе, состоявшейся 19 мая 1874 г., английский посол касался лишь одного вопроса — экспедиции против туркмен. Он говорил о ней так, будто вопрос уже решен, хотя, кроме статьи в «Московских ведомостях», у него не было никаких доказательств ее подготовки. Даже лорд Гренвилл сомневался в обоснованности сведений, получаемых от послов в Тегеране и Петербурге[314]. Тем не менее А. Лофтус в беседе с императором подчеркивал, что в Англии растет тревога в «некоторых кругах общественного мнения», диктуемая не враждебностью к России, а скорее всего беспокойством по поводу «непредвиденных событий», которые по его мнению могли нанести ущерб добрым отношениям между Россией и Англией. Александр II заявил, что русское правительство не намеревается совершать экспедицию против туркмен, однако если туркмены будут совершать нападения на русские войска или наносить им какой-либо ущерб, то понесут за это соответствующее наказание[315]. Хотя ответ императора был не очень твердым и оставлял возможность произвольного толкования, А. Лофтус считал его достаточной гарантией того, что Россия не собирается организовывать экспедицию против туркмен. Это заверение можно было использовать как основу для протестов при любом движении русских войск в Туркмении. Лофтус был неутомим. Через неделю он встретился с Горчаковым и сообщил в Лондон, что

[313] Ibid.

[314] Гренвилл получал противоречивые сведения о планировании русского похода в Туркмению; в ответ на телеграмму Томсона о подготовке русского похода на Мерв, о котором ему якобы сообщил русский посол в Тегеране (см. Thomson to Granville, 24. I 1874, F. O. 539, v. 11, p. 318), он дал телеграмму, в которой сообщал, что русские представители категорически отрицают эти сообщения. Granville to Thomson, 24. I 1874, (tel.), F. O. 539, v. 11, p. 318.

[315] Loftus to Granville, 19 January 1874, F. O. 539, v. 11, p. 311.

Горчаков категорически отрицает намерения русского правительства предпринимать поход в Туркмению и считает все слухи о ней беспочвенными[316]. Он передал Горчакову послание Гренвилла от 7 января 1874 г., явно составленное под влиянием меморандума Роулинсона, правда, без его преувеличенных опасений русской угрозы.

Гренвилл упрекал Горчакова в том, что Россия нарушила обещание, данное якобы русским правительством в 1869 г., не расширять своих территорий. Он ссылался на беседу Горчакова и Кларендона в 1869 г. в Гейдельберге, в которой, по его утверждению, Горчаков заявил следующее: «Император считает, и он (Горчаков. — *Г. Х.*) полностью разделяет мнение Его Величества, что расширение территории было бы расширением слабости и Россия не имеет намерения итти дальше на юг»[317]. Гренвилл ссылался на пример, когда русские «обещали» британскому правительству отдать Самарканд эмиру бухарскому, но аннексировали его. Гренвилл не преминул заметить, что британское правительство «честно выполняло» условия соглашения 1872/1873 гг. и сдерживало правителей Яркенда и Афганистана от враждебных выступлений против России и выразил тревогу английского правительства, а также афганского эмира в связи со слухами о готовящейся русской экспедиции против туркмен. Он утверждал, что туркменские племена обратились к эмиру Афганистана за советом относительно курса их действия в связи с готовящимся против них наступлением, а тот, якобы, в свою очередь обратился за советом к правительству Индии. Гренвилл предсказывал две возможные трудности в случае русского наступления и отступления в связи с этим туркменских племен на афганскую территорию в районе Герата: во-первых, это вызвало бы беспокойство во владениях эмира, во-вторых, возложило бы на него ответственность за действия туркмен и принудило бы его силой удерживать их от враждебных выступлений против русских властей[318]. В связи с этими соображениями Гренвилл выражал надежду, что русское правительство еще раз обдумает вопрос о новой экспедиции против туркмен и взвесит все обстоятельства, и предупреждал, что независимость Афганистана рассматривается британским правительством как дело «величайшей важности для процветания и безопасности Британской Индии и спокойствия Азии»[319].

---

[316] Loftus to Granville, 19 January, F. O. 539, v. 11, p. 311.

[317] АВПР, ф. Канцелярия, 1874, д. 63, л. 19 (Идентичный текст депеши имеется в F. O. 539, v. II, p. 301).

[318] АВПР, ф. Канцелярия, 1874, д. 63, л. 19, стр. 23.

[319] Там же.

Таким образом, Гренвилл пытался представить детали частных разговоров, которые велись представителями русского и английского правительства, и аргументировал ими в важных межправительственных переговорах. Горчаков в беседах с Кларендоном в 1869 г. выражал лишь свое мнение относительно образа действий в Средней Азии, но расценивать его как обязательство было бы слишком наивно и основывать на них политику слишком рискованно. С другой стороны, Гренвилл был не искренен, когда писал о беспокойстве эмира кабульского в связи с предстоящей экспедицией против туркмен. Прежде всего, большая часть туркменских племен, проживавших в областях, прилегающих к Герата, находилась во враждебных отношениях с местными жителями и властями и не могла обратиться «за советом» к Эмиру кабульскому[320]; во-вторых, отсутствие у туркмен централизованной власти исключало подобное обращение уже потому, что ни одно племя не могло высказать мнение других племен. Очевидно, Гренвилл пытался искусственно создать мнение о существующих якобы связях между туркменами и эмиром, которое могло служить основанием для будущих претензий афганских эмиров на туркменские земли. Он стремился представить британское правительство в роли защитника туркменских племен и сделать вопрос о Туркмении предметом споров и переговоров с русским правительством.

* * *

Таким образом, обстановка, сложившаяся на Среднем Востоке в период, когда у власти в Англии находилось либеральное правительство Гладстона (1870—1074 гг.), характеризовалась столкновением двух империалистических государств — Англии и России — на сравнительно ограниченной площади независимых азиатских государств, таких как Кашгар, Афганистан, Иран и горные княжества, прилегающие к Амударье, а также землях воинственных племен туркмен, располагающихся между их владениями. Исход борьбы России и Англии во многом зависел от позиции этих азиатских стран, которая должна была учитываться обоими государствами при выработке их политики в этом районе.

[320] Правда, в сентябре 1873 г. Кушид-хан обратился к Якуб-хану, правителю Герата, выразив желание от имени мервских туркмен принять протекцию Афганистана в связи со слухами о подготовке русского наступления в Туркмении. Однако, по сообщению Томсона, такое же обращение они подали и персидскому правительству, и сам Томсон не мог разобрать, какое из них следует считать искренним, Thomson to Granville, 4 September 1873, F. O. 539, v. II, p. 207).

Россия, завоевав Туркестан и расширив свое влияние в соседних государствах, укрепила свое положение; ее дипломаты искусно провели переговоры с Англией и не дали ей возможность воспользоваться результатами соглашения 1872/1873 гг. по своему усмотрению. Появление русских войск на границах владений Якуб-бека решительно изменило его отношение к Англии, несмотря на торговый договор с Форсайтом. Якуб-бек отказался принимать постоянного британского посла Шоу при своем дворе, аннулировав при этом ст. 6 договора, заключенного в 1874 г. Письмо, которое Шоу привез с собой от Якуб-бека в Калькутту, оказалось не ратификационной грамотой об утверждении торгового договора, а лишь хвалебным посланием вице-королю, явившимся простым актом вежливости. Очевидно, Якуб-бек не желал обострять отношений с Россией и стремился заручиться ее поддержкой в борьбе против надвигающейся китайской угрозы, не рассчитывая на свою слабую, почти безоружную армию[321]. По приказу Якуб-бека были возмещены убытки, понесенные русским купцом в Кашгаре и, кроме того, готовилось посольство в Ташкент к генералу Кауфману. Газета «Таймс» сообщала: «Якуб-бек, эмир Кашгара, кажется ныне совершенно убежден, что для его интересов будет выгоднее придерживаться дружеской позиции по отношению к России»[322].

Противодействие России Англии, рост ее влияния в Азии в целом, укрепление военно-политического положения в результате утверждения в Туркестане и на восточном побережье Каспийского моря вынудили правительство Гладстона прибегнуть к гибкой тактике и проводить политику, истинные цели которой были настолько искусно скрыты, что даже многие современные исследователи склонны считать ее чисто оборонительной, направленной на нейтрализацию русской угрозы Индии.

Правительство Гладстона выработало основные тенденции, к которым были склонны и последующие правительства Англии. Внешне они сводились к постоянным упрекам русскому правительству за наступление в Средней Азии, дипломатическим представлениям, по поводу русской угрозы Индии. Этими выступлениями Англия надеялась отвлечь внимание русского правительства от истинных целей и действий британской дипломатии. Под прикрытием дипломатических представителей британское правительство тайно устанавливало связи со сред-

[321] Олдер подчеркивает, что одно появление русских войск на западных границах владений Якуб-бека разрушило бы все планы англичан, и колебания Нортбрука объясняет именно неуверенностью в позиции русских.

[322] The Times, 15 December 1874.

неазиатскими государствами для организации сопротивления России, пыталось договориться с туркменскими племенами, вело разведывательскую работу в пограничных районах, втягивало в борьбу против России Турцию, пыталось использовать Иран. Афганистан оно намеревалось превратить в плацдарм наступательной политики в Средней Азии, разрабатывая планы размещения британских офицеров в его северной части. Строго говоря, политика Гладстона была направлена на создание условий для успешного осуществления активной политики, и новое правительство, пришедшее к власти в результате выборов в феврале 1874 г., уже имело возможность начать наступательные действия в Средней Азии.

Глава II

ПРАВИТЕЛЬСТВО ДИЗРАЭЛИ (1874—1880 гг.) И НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ АНГЛИИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

На пути к становлению империализма капиталистические страны прошли три этапа. Первый этап — 1860 — 1870 гг., когда свободная конкуренция достигает высшей ступени своего развития, монополии в этот период еще только зарождаются; второй этап наступает после кризиса 1873 г., начинается полоса развития картелей, которые однако еще не прочны и представляют собой преходящее явление; третий этап — после подъема капиталистической экономики в конце XIX в. и кризиса 1900—1903 гг. картели становятся одной из основ хозяйственной жизни, и капитализм перерастает в империализм[1].

Происходит концентрация капиталов, банки из скромных посредников превращаются во всесильных монополистов[2]. Первое крупное акционерное финансовое общество (Креди Мобилье) было создано во Франции. В нем К. Маркс видел «новую эпоху в экономической жизни современных народов»[3]. Он подчеркивал, что «неизбежно возникает тенденция создавать возможно большее число таких обществ и вместе с тем придавать всем промышленным предприятиям форму таких обществ»[4]. Рост акционерных финансовых обществ шел стремительно и быстро захватывал все стороны экономической жизни, в 1858 г. Ф. Энгельс писал о наступающей эпохе Креди Мобилье, эпохе судорожного строительства фабрик, копей, железных дорог, паровых судов[5].

Империализм в Англии имел две отличительные черты: 1) наличие громадных колониальных владений; 2) монопольное

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 317.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 326.
[3] К. Маркс. Французский Креди Мобилье, Соч., т. 12, стр. 34.
[4] Там же.
[5] Ф. Энгельс. Европа в 1858 г., Соч., т. 12, стр. 675.

положение на всемирном рынке[6]. В середине XIX в. крупные акционерные банки еще не обладали тем огромным капиталом, который сделал их впоследствии всесильными правителями Англии, однако уже в это время они играли огромную роль в экономической и политической жизни страны, оказывали большое влияние на политику правительства. Если в 1850 г депозиты английских банков составляли 161 млн. фунтов стерлингов, в 1871 г. — 384 млн. фунтов стерлингов, то в 1874 г. они выросли уже до 490 млн. фунтов[7]. Крупнейшими империалистическими банковскими компаниями были «Интернейшл Файненшл Сосайэти Лтд», «Дженерал Креди энд Файнэнс Компани оф Лондон», «Интернейшнл Лэнд Компани», называемый обычно «Креди Фонсие оф Лондо» и др. В эти банки влился капитал многих торговых банков, а также иностранный капитал.

Участниками акционерных обществ становятся и представители аристократии. Так, лорд Солсбери в течение некоторого времени был председателем правления «Креди Фонсие оф Лондон»[8]. Банки Англии начали издавать свои газеты и журналы, кроме того, «Дейли Ньюс» и «Таймс» помещали статьи и ежедневные сводки о деятельности этих банков[9].

Уже в период зарождения крупных финансовых компаний в Англии наблюдается их стремление выйти за пределы страны. В 1854 г. зарубежные капиталовложения английских банков составляли всего 195—230 млн. фунтов стерлингов[10]. Спустя 20 лет эта сумма увеличилась почти в шесть раз и достигла 1200 млн. фунтов стерлингов[11]. Причем значительно изменились характер и география распределения капиталовложений. Если в 1854 г. они в основном представляли собой займы иностранным государствам (США, Россия, Голландия, Бельгия, Испания и Португалия), то в 1875 г. около половины английского капитала за рубежом вкладывалось в железные дороги[12], причем 13% вывезенного капитала Англии приходилось на Индию, из него более половины вкладывалось в железные дороги[13]. Широким потоком британский капитал хлынул в Ин-

---

[6] В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. *405*.

[7] И. Трахтенберг. Мировые экономические кризисы, т. III, Денежные кризисы 1821—1838 гг., М., 1938, стр. 194.

[8] L. H. Jenks. The Migration of British Capital to 1875, New-York—London, 1927, p. 251.

[9] Дженкс утверждает, что ежедневные статьи в «Таймс» о положении в Сити воспринимались как письма Ротшильда к банкирам, Ibid, p. 256.

[10] L. H. Jenks. Op. cit., p. 413.

[11] Ibid.

[12] Ibid.

[13] Ibid.

дию после подавления восстания 1857 г., когда были созданы многочисленные компании, главным образом железнодорожные и судоходные[14].

Акции железных дорог в Индии приносили дивиденды минимум 5%[15]. К началу 70-х годов в Англии насчитывалось 49690 держателей акций, которые имели в среднем по 1500 фунтов стерлингов индийских гарантированных железнодорожных акций[16]. Индийский департамент, как свидетельствует Дженкс, стал фактическим финансовым агентом железнодорожных компаний и авансировал их нужды во время очередного денежного кризиса[17].

Финансовая экспансия Англии развивалась, охватывая все новые районы земного шара. С 1860 по 1876 г. было вложено 50 млн. фунтов стерлингов в быстро растущие железные дороги Австралии, 25 млн. фунтов стерлингов помещено в Канаде и в более мелких колониях[18]. Английскому капиталу становилось тесно, требовались новые сферы приложения. Он рвался в Африку, Латинскую Америку, США, Европу, на Средний Восток и острова Тихого океана. Необходима была активная наступательная внешняя политика и новые территориальные приобретения.

Впервые требования империалистической буржуазии были сформулированы в 1868 г. в книге представителя консервативной партии Чарльза Дилке «Великая Британия». Автор с тревогой писал об экономическом росте США, Германии и Франции и выдвигал идею создания огромной могущественной Британской империи, основанной на мощи сухопутных и военно-морских сил. Книга разошлась молниеносно[19] и, как свидетельствует В. Берард, «все лорды без различия партий объединились, чтобы способствовать распространению новой идеи»[20]. Уже в этой ранней заявке империализм вырисовывался как зловещий хищник, стремившийся утвердить свое господство над океанами и материками.

Главным носителем империалистических идей стала консервативная партия. Ее лидер Дизраэли всегда был сторонником колониальных завоеваний, хотя в 1852 г., отдавая дань

[14] Ibid., p. 216.
[15] Ibid., p. 219.
[16] Ibid., p. 220.
[17] L. H. Jenks. Op. cit., p. 220.
[18] Ibid., p. 232.
[19] Об этом писал впоследствии сам Дилке. См. C. Dilke. Problems of Greater Britain, London, 1890, v. I, p. 1.
[20] V. Berard. British Imperialism and Commercial Supremacy, London, 1906, p. 44.

времени и господству фритредеров, забавлялся знаменитыми фразами: «Колонии — это мельничные жернова на нашей шее». Еще в 1840 г. он написал фантастический роман «Танкред», где в художественной форме изложил свою мечту о колониальных завоеваниях[21]. Позже Дизраэли открыто выступал с пропагандой империалистических идей. Его речь в «Кристал Палас» 24 июня 1872 г. можно расценивать как кредо империалистических устремлений Англии[22].

Империалистическая политика принимала разнообразные формы проявления в зависимости от ситуации в той части земного шара, куда она направлялась. На Тихом океане Англия прикрывала ее необходимостью защиты морских коммуникаций, в Африке — стремлением внести цивилизацию «диким» народам, в Северной Африке — заботой о защите морских путей к Индии. В Средней Азии эта политика проводилась под предлогом обороны Индии от русского наступления. В этом районе она была более действенна, потому что, во-первых, 49 тыс. держателей акций индийских железных дорог легче всего было увлечь на различные авантюры, запугав их перспективой потери капиталов; во-вторых, систематическая антирусская пропаганда, проводившаяся еще правительством Гладстона, и база, подготовленная для наступательных действий, служили залогом успеха.

Уже в одном из первых выступлений после сокрушительного поражения на выборах 1968 г. Дизраэли обрушился с резкими нападками на Гладстона, который, по его мнению, сделал непростительные уступки России. Он утверждал, что Гладстон пытается пустить на ветер все то, что достигнуто в результате Крымской войны. Политику Гладстона, допустившего ликвидацию Россией условий парижского договора, он расценивал как «национальное унижение». «Джентльмены, — говорил он, обращаясь к консерваторам, — каковы будут результаты этой экстраординорной слабости, проявленной британским правительством, трудно предвидеть. Мы уже слышим, что Севастополь будет заново укреплен, и никто не сомневается, что в скором времени все господство на Черном море будет в руках России. Может быть, недалеко то время, когда мы сможем услышать о русской мощи в Персидском заливе, и последствия этого на доминионы Англии и на те владения, от продукции которых вы с каждым годом все более и более зависите, являются таким вопросом, над которым вам хорошо будет поразмыслить в удобное

[21] Герой романа утверждал, что в будущем королева Виктория станет императрицей Индии и присоединит Кипр к своим владениям, а Египет отторгнет у султана.

[22] The Times, 25 June 1872.

для вас время»[23]. Эти слова потонули в громе аплодисментов, и реакция, которую проявили сидящие в зале влиятельные члены партии, лучше всего свидетельствовала о том, что антирусская пропаганда Дизраэли начала уже приносить дивиденды.

На выборах в парламент в январе 1874 г. консервативная партия победила, и Дизраэли получил право сформировать свой кабинет. В него вошли Дизраэли — премьер-министр, герцог Дерби — министр иностранных дел, лорд Солсбери — директор Индийского департамента, К. Харди — военный министр, лорд Карнарвон — министр колоний, Стаффорд Норткот — канцлер казначейства и др. За исключением Дизраэли, Дерби и Солсбери, все члены кабинета были малоизвестны, и «Таймс» писала, что они выглядят «тускло в народных глазах»[24].

Герцог Дерби, один из лидеров консервативной партии, был моложе Дизраэли и, как отмечала «Таймс», более глубок в экономических знаниях, менее криклив в выражении своих политических воззрений и свободен от догм и предрассудков, которыми в избытке был наделен Дизраэли. Его выступление в Манчестере в апреле 1972 г. отличалось отсутствием русофобских выкриков и сдержанными нотами[25].

Центральной фигурой в правительстве Дизраэли был лорд Солсбери, который уделял главное внимание внешней политике кабинета, особенно в той ее части, которая касалась азиатского вопроса[26]. Благодаря глубокому знанию тонкостей в этом вопросе он снискал славу творца политики Англии на Среднем Востоке в конце XIX в. «Документы и проекты, написанные его собственной рукой, — пишет Гривс, — включая телеграммы вице-королю, обнаруживают степень, в которой лорд Солсбери лично проводил эти переговоры, а также его удивительное схватывание подробностей среднеазиатских дел»[27].

Лорд Солсбери выражал интересы английской империалистической буржуазии и в своей политике придерживался только их. Он был очень гибок в своих воззрениях, то выступая сторонником наступательной политики, то выдавая себя за ярого приверженца сдержанной тактики. Германский посол Хатцфилд

---

[23] The Times, 4 April 1872.

[24] The Times, 7 February 1874.

[25] The Times, 5 April 1874.

[26] Ситон-Уотсон отмечает, что Дизраэли, несмотря на все свои претензии на роль человека, сведущего в восточной политике, был некомпетентен в этом вопросе и не имел собственных принципов в политике, проводимой в Азии, полностью полагаясь на лорда Солсбери. См. R. W. Seton-Watson. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question (A study in diplomacy and Party Politics), London, 1962, p. VIII.

[27] R. L. Greaves. Persia and the Defence of India, London, 1959, p. 81.

правильно отметил, что Солсбери «является человеком, который в общем не испытывает симпатий к какой-либо другой нации и в проведении дел руководствуется чисто английскими соображениями»[28].

Лорда Солсбери можно считать вдохновителем среднеазиатской политики Англии в конце XIX и начале XX вв., основные принципы которой создавались в период его пребывания на посту директора Индийского департамента и министра иностранных дел в правительстве Дизраэли. В письме к лорду Литтону в июне 1877 г. Солсбери отвергал всякие дружеские чувства по отношению к России, приписываемые ему, и отмечал, что Россия — неподходящий сосед в Азии. Но, с другой стороны, он откровенно признавал ее практическую неуязвимость для Англии. Кронштадт был слишком хорошо укреплен, чтобы атака на него могла оказаться успешной, а Севастополь стал неприступным. «Без военного союзника вторжение по суше было бы смешным», — подчеркивал лорд Солсбери[29]. Англия располагала 40 тыс. солдат и, по мнению лорда Солсбери, при величайших усилиях и жертвах это число можно было довести до 60 тыс. человек, которые ничего не могли сделать против 600-тысячной армии России. «Нет абсолютно никакого пункта, в котором мы могли бы атаковать ее (Россию) с каким-либо шансом нанести ей серьезный ущерб, — писал лорд Солсбери. — Если бы не остановили нас торпедами, мы возможно могли бы прибегнуть к варварству, подвергнув сожжению Одессу, но это все, что мы могли бы сделать». В связи с этим лорд Солсбери был категорически против «преждевременных действий». Вместе с тем, он считал реальной для атаки на русских линию Кандагар — Мерв, и поэтому, безусловно, стоял за оккупацию Кандагара, хотя и здесь предупреждал против преждевременных действий[30].

В письме к английскому послу (с 1886 по 1892 гг.) в Петербурге Р. Муриеру, с которым он вел длительную и откровенную переписку, лорд Солсбери категорически отрицал возможность достижения соглашения с Россией. Он считал, что движущими силами России являются «религиозные» и «военные» силы, которые, по его мнению, не ограничены. «Это мнение заставляет меня не верить в политику, направленную на сердечное согла-

---

[28] A. Cecil. British Foreign Secretaries 1807—1916, London, 1924, p. 283.

[29] Salisbury to Lytton, 22 June 1877, Private Confidential. Layard Papers, B. M. 39, 164, v. CCXXXIV.

[30] Salisbury to Lytton, 22 June 1877, Private Confidential, Layard Papers, BM, 39 164, v. CCXXXIV.

сие с Россией. Она может обещать в отношении Афганистана только то, что она проглотит сначала Константинополь. Когда она съест его, она должна будет итти вперед со всей силой ее возросшей массы в направлении Индии»[31]. Солсбери отрицал существование русской угрозы Индии, даже в случае если бы Россия достигла Кандагара. «Различные трудности настолько велики, — подчеркивал лорд Солсбери, — что она лишь подвергнется огромному поражению — горящему московскому отступлению»[32].

Возникает вопрос, зачем лорду Солсбери понадобилось поддерживать такие «химерические» с его точки зрения опасения русского похода на Индию. Сам Солсбери, как бы давая ответ на этот вопрос, подчеркивал, что английского мелкого буржуа можно заставить воевать только в случае угрозы его собственности. Он писал Мурие ру: «Я полностью согласен с вашим мнением относительно британского филистера и его воинственных инстинктов. Он не станет воевать, и в действительности будет воевать только в свою защиту. Он не станет воевать за Индию. Но когда сражение возникнет на близком расстоянии от Индии, он отдаст приказ воевать потому, что он не должен будет платить по счетам»[33].

Солсбери был уверен, что Россия сначала попытается захватить Константинополь, а уж потом обратит свой взор на Афганистан[34]. В связи с этим он рекомендовал фабианскую тактику в борьбе против России в Средней Азии. «Главное,— подчерки-

---

[31] Salisbury to Morier, 2 October 1886, Private and Very Confidential, Private Possession miss Ramm.

[32] Письмо лорда Солсбери Муриеру было написано в 1886 г., т. е. спустя девять лет после письма к Литтону, но в отношении так называемой угрозы Индии его мнение совершенно не изменилось даже после того, как русские войска оказались в непосредственной близости от Герата. В письме к Литтону Солсбери отмечал, что русский поход за Индию после 900-мильного марша завершился бы встречей с европейской армией, готовой сражаться. «Задача была бы достаточно безнадежной, если бы не было других препятствий, кроме расстояний и плохих дорог, жары и холода. Но как вы знаете, линия коммуникаций была бы открыта для атак нации, недружественной сейчас и предательской даже при самых дружеских отношениях». Salisbury to Lytton, 22. VI 1897, Layard Paper, BM, 39 164.

[33] Salisbury to Morier, 2 October 1886. Private Possesion miss A. Ramm.

[34] Солсбери был совершенно уверен, что Россия будет сначала наступать на Константинополь: во-первых, славянофилы, имевшие большое влияние на правительство, требовали прежде всего проведения активной политики на Балканах, во-вторых, атака на Кандагар поглотила бы все ее силы и отвлекла их на значительный промежуток времени от черноморских проливов. Salisbury to Morier, 2. X 1886. Private Possession miss A. Ramm.

вал он,— держать ее на пути в Константинополь настолько долго, насколько это возможно». «Мы выигрываем все,— подчеркивал Солсбери,— и не проигрываем ничего этой задержкой». При задержке движения России на пути к Константинополю, по его мнению, могли произойти следующие события: 1. Россия может поссориться с одним из своих соседей; 2. Нигилисты, т. е. революционные силы, достигнут успеха, и Российская империя будет взорвана изнутри; 3. Можно зажечь боевым духом английских филистеров и заставить их воевать; 4. Турецкие лидеры могут выступить и объединить вокруг себя защитников ислама против России; 5. Лорд Солсбери рассчитывал на появление «лидера» среди «националов», который сумеет на несколько лет задержать продвижение русских в Средней Азии.

В целом политика лорда Солсбери сводилась к тому, чтобы не допустить захвата Константинополя Россией и сделать продвижение России здесь максимально трудным. Константинополь должен был стать отвлекающим фактором, и Солсбери отмечал, что именно в этом смысле придает ему особое значение. Он откровенно признавал, что ценит его только за его «легендарное влияние на Востоке». «Я думаю,— писал он,— обладание им (Россией) заставит каждого араба, курда, перса и афганца думать более, чем он думал прежде, что Россия сильнее, чем Англия и держит выигрышные карты, а это само по себе является силой»[35]. Все разговоры о стратегическом значении Босфора как угрозы британским коммуникациям в Средиземном море служили лишь прикрытием истинных намерений британских правящих кругов и средством воспитания британских филистеров в воинственном духе.

Политика лорда Солсбери во многом определялась политической и экономической обстановкой, когда на европейском континенте появился опасный противник, который заставил обратить на себя внимание даже отъявленных английских русофобов,— Германия. Лорд Солсбери, характеризуя свою политику в Средней Азии, подчеркивал, что она не должна быть «неприятной» для России, имея в виду, что Англии не стоит ссориться с Россией из-за быстрого роста нового конкурента. Как явствует из письма лорда Литтона, Роулинсон откровенно признавался, что английское правительство «решило не ссориться с Россией», потому что будет «нуждаться в ее поддержке на очень долгое время против Германии, которая рассматривается как самый опасный враг в будущем»[36]. В этом же письме

[35] Salisbury to Morier, 2 October 1886.

[36] Lytton to Rawlinson, 28 July 1847. Private Layard Papers BM, 39 164, v. CCXXXIV.

лорд Лигтон писал, что и лорд Солсбери «намекал о тех же опасениях о Германии как причине для умиротворения России в настоящий момент»[37]. Правда, противоречия Англии и Германии в это время еще не были так велики, как в 80—90-е годы, они оказались слабее англо-русских и даже англо-американских, но все же с ними приходилось считаться при выработке внешней политики.

АКТИВИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ И ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-РУССКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Кабинет Дизраэли логически продолжал политику, начатую правительством Гладстона, и практически осуществлял те ее стороны, которые по каким-либо причинам недостаточно претворялись в жизнь. Политика в Средней Азии находилась в центре внимания нового правительства.

Уже в первой речи перед избирателями в Букингеме, произнесенной буквально на другой день после того, как ему было поручено сформировать кабинет, Дизраэли говорил, что первый вопрос, который он собирается «представить на размышление англичан» — положение Индии[38]. Спустя несколько месяцев лидер консерваторов на приеме у лорд-мэра Лондона говорил, что его правительство верит в колониальную империю Англии и полно решимости «консолидировать» и «утвердить» эту империю всеми имеющимися у правительства средствами[39].

На первом же заседании новый кабинет решил радикально изменить положение Англии в Средней Азии и внести изменения в соотношение сил в этом вопросе. Раскрывая сущность

---

[37] Там же. Опасения лорда Солсбери и других влиятельных политических лиц были вполне обоснованы. Мало того, что почти на все традиционные рынки Англии Германия активно вторгалась и английские консулы с тревогой сообщали, как шаг за шагом Германия завоевывает все новые позиции. Она открыто заявляла о своих претензиях на колонии. В первой половине 1879 г. в Германии вышла брошюра «инспектора зарубежных станций» Фаббри, который считал безусловно необходимым для Германии приступить к широким колониальным завоеваниям, считая это лучшим способом стимулирования ее дальнейшего роста. Вместе с тем, в брошюре были слова, которые сразу же обратили на себя внимание английской прессы. Фаббри приводил высказывание Джустуса Мозера, относящееся к 1768 г.: «Если бы мы имели единый райх и могущественный парламент с незначительной верхней палатой в Ратисбоне, не лорд Клайв, а коммиссионер из Гамбурга отдавал бы приказы на Ганге». The Times, 21 мая 1879.

[38] The Times, 11 February 1874.

[39] The Times, 10 November 1874.

этой политики, корреспондент венской газеты «Нейе Фрейе Пресс», ссылаясь на достоверные источники, подчеркивал: «Английское Министерство хочет, чтобы русской завоевательной машине в ее беспрерывном движении вперед положен был, наконец, предел». В кабинете был даже поднят вопрос об объявлении любого дальнейшего продвижения России в Средней Азии поводом для войны[40].

Сообщение венской газеты, по крайней мере, в принципе, подтверждается тем, что в ближайшие дни после создания нового кабинета герцог Дерби тщательно изучил все доклады и депеши Томсона, Лофтуса и лорда Нортбрука, вице-короля Индии с 1872 г., относительно «успехов России в Средней Азии» и «слухов о намечаемой экспедиции против Мерва». В письме в Индийский департамент лорду Солсбери (30 марта 1874 г.) он отмечал «самым желательным» выработать четкое понимание курса, который британское правительство должно предпринять в случае русского наступления на Мерв и «постоянной оккупации этого места»[41]. По просьбе герцога Дерби лорд Лофтус, находившийся в это время в Лондоне, представил меморандум, в котором изложил свои соображения относительно направления британской политики в Средней Азии[42]. Он обращал внимание герцога Дерби на территорию, располагавшуюся к югу от владений хивинского хана, между Каспийским морем и персидской границей, населенную туркменскими племенами, и считал, что здесь необходимо в первую очередь четко определить границы русских владений. По его мнению, такой границей на севере и на западе могло быть старое русло Амударьи, протянувшееся от Хивы до Красноводска. Принимая во внимание, что Россия не откажется от прибрежной части Каспия до устья Аттрека, лорд Лофтус допускал возможность уступки ей береговой полосы длиной от 10 до 20 миль, которая зафиксировала бы границу между Россией и Туркменией. Таким образом он надеялся лишить Россию всякого предлога для наступления на Мерв.

Лорд Лофтус считал, что афганская граница на севере обеспечена, а в Кашгаре он видел уязвимое место и предсказывал возможность возникновения там в ближайшем будущем новых осложнений. Он предлагал заявить России, что любая агрессия против Кашгара станет «серьезным моментом» и призывал не

[40] Биржевые ведомости, 7 (19) марта 1874 г. Это сообщение не было опровергнуто британским правительством и английскими газетами, и его содержание может быть принято как достоверное.

[41] F. O. 539, v. 12, p. 64.

[42] Loftus to the Earl of Derby, 18 May 1874, F. O. 539, v. 12, p. 107.

допустить установления контроля или протектората России, т. е. даже установления коммерческих связей между Россией и Кашгаром.

В депеше из Петербурга 28 августа 1874 г. Лофтус вновь поднял вопрос о сохранении независимости туркменских племен и предотвращении поглощения их Россией. «При кочевом варварском населении, не имеющем определенного поселения или правительства процесс завоевания или поглощения является легко осуществимым предприятием; может даже быть сказано, что это цивилизующий процесс, принимая во внимание, что агрессивная держава является более цивилизованной или менее варварской, чем население, которое она поглощает», — писал он, подчеркивая, что туркменские племена подвергнутся этому процессу и «без поддержки», рано или поздно подчинятся северной державе[43]. Лофтус предлагал заставить русское правительство остановить движение вперед в этом районе, угрожая возможной коллизией между обеими державами.

В соответствии с рекомендациями лорда Лофтуса герцог Дерби попытался оказать нажим в этом направлении на нового русского посла графа П. Шувалова, прибывшего в Лондон в середине сентября 1874 г. Герцог Дерби после обеда у королевы обратился к П. Шувалову со словами: «Ну, когда же вы покончите с беспорядками туркмен?»[44]. П. Шувалов заявил, что не знает настоящего положения дел и не имеет от правительства каких-либо указаний на этот счет, но, находясь в Петербурге, имел возможность говорить с некоторыми военными, побывавшими в Туркмении. Они заверили его, что при данном положении вещей трудно окончательно усмирить туркмен, необходимо сначала продвинуться дальше в глубь страны и подчинить те племена, которые являются побудителями агрессивных действий против русских. Шувалов отметил повышенный интерес, с которым герцог Дерби отнесся к его словам и, желая узнать мнение его о Мерве, добавил: «Возможно Мерв мог бы разрешить наши трудности с кочевыми племенами». Не успел он произнести эти слова, как герцог Дерби с жаром воскликнул: «О нет, не нужно итти к Мерву», — повторив эту фразу много раз. Искусно удивившись тому, что герцог Дерби уделяет такое повышенное внимание пункту, находящемуся вне интересов Англии, Шувалов в свою очередь попросил изложить его точку

[43] Loftus to Derby, 28 August, 1874, Confidential, F. O. 539, v. 14, p. 9.
[44] Шувалов — Вестману, 15/27 октября 1874, АВПР, ф. Канцелярия, д. 85, л. 396.

зрения на Мерв. По мнению герцога Дерби, Мерв расположен слишком близко к Индии и политические интересы Англии заставляют ее держать во внимании все вопросы относительно Средней Азии, так как слухи о приближении русских к границе английских владений могут возбудить волнение у местных князей и населения Индии.

В это же время в британской газете «Морнинг Пост» появилась серия статей, которые носили угрожающий по отношению к России характер и, очевидно, имели целью возбудить в британском обществе чувство страха и подозрительности в отношении русской политики в Средней Азии. 17 августа 1874 г. газета опубликовала письмо капитана Тренча, где в тенденциозном свете отмечалась активизация русской политики в Кашгаре, обеспечивая сближение Якуб-бека, и предсказывалось, что в случае войны с Китаем Кашгар наверняка обратится за помощью к России. Капитан Тренч предупреждал, что независимо от того, поможет Россия или нет, сам факт обращения Якуб-бека к ее услугам важен для политических и коммерческих интересов Англии в Средней Азии. В октябре 1874 г. газета сообщала о разрешении провоза оружия из Германии в Персию через Россию и в связи с этим предполагала, что между Россией и Персией существует соглашение, по которому Персия должна захватить Герат, а Россия уступит Мерв[45]. В декабре того же года «Морнинг Пост» отмечала, что вопрос о Мерве в России уже решен и в любой момент может прийти сообщение о наступлении русских войск на Мерв[46]. Во всех статьях проводилась мысль о необходимости перехода к активной политике в Средней Азии.

В заключительной статье газета, предсказывая угрозу индийским владениям, которая возникнет после взятия русскими Мерва, предлагала три варианта действий: 1. Не делать ничего, что равнялось, по мнению газеты, самоубийству; 2. Сказать России: «Вы не возьмете Мерв, это приведет к войне»; 3. Занять заранее позиции, которые дали бы стратегические и политические преимущества Англии. Это означало, говорилось в газете,— «утвердить влияние Англии в Афганистане занятием важных акций в стране или на ее границах. Боланский проход должен быть открытым для наших войск, как и долина Инда. Кветта в нашем распоряжении будет закрыта для других и тем самым будет предотвращено всякое наступление на Кабул или Хайбер. Афганистан будет под нашим наблюдением и контролем. Мы

[45] The Morning Post, 17 August 1874.
[46] The Morning Post, 14 December 1874.

должны быть способны оккупировать Герат или Кондагар по нашему усмотрению и протянуть руку моральной и материальной поддержки Персии»[47]. Это категорическое заявление не могло восприниматься как личное замечание газеты, известной своей приверженностью к старой пальмерстоновской школе среднеазиатской политики[48].

П. Шувалов придал статьям в «Морнинг Пост» серьезное значение и вырезку из газеты, в которой содержалось последнее замечание, переслал Горчакову. Канцлер также серьезно отнесся к выступлениям газеты и в депеше Шувалову просил передать герцогу Дерби, что приказания Александра II военным властям в Туркмении были категоричными и никто из военных не собирался их нарушать[49]. Вместе с тем, учитывая возрастающую настойчивость английского правительства в его попытках остановить дальнейшее продвижение русских в Средней Азии и их угрожающий характер, желая раз и навсегда развязать себе руки в Средней Азии, Горчаков дал указание Азиатскому департаменту подготовить официальную записку о политике в этом районе, которая должна быть передана британскому правительству как основа для нового соглашения по Средней Азии.

Подозрительность, многочисленные упреки и представления, которые делало британское правительство по поводу каждого, даже незначительного, шага России в Средней Азии и опасность открытого вмешательства в русские отношения с прилегающими азиатскими государствами чрезвычайно мешали осуществлению русских планов в этом районе. Конечно, Россия могла, не считаясь с Англией, не давая кому-либо отчета, открыто аннексировать любую часть Средней Азии и английское правительство было бы не в силах помешать ему, но, поскольку Горчаков был обуреваем желанием восстановить концерт Европы и привлечь Англию для осуществления своих планов на Балканском полуострове и в вопросе о проливах, он вынужден был согласовывать с ней каждый шаг. Обстановка в Средней Азии не терпела отлагательств. Неустойчивое положение в Кокандском ханстве,

---

[47] The Morning Post, 14 December 1874.

[48] Об этом писал Бартоломео в депеше к Горчакову 18 августа 1874 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 85, л. 278.

[49] В апреле 1874 г. по поручению Горчакова Бруннов сообщил герцогу Дерби, что император запретил какие-либо наступательные операции против туркмен. В депеше Горчакова говорилось: «Приказы императора о запрещении предпринимать какую-либо экспедицию против текинцев, как и вообще в направлении Мерва, были отданы в таких категорических выражениях, что никто из местного начальства не осмелится позволить себе нарушать их». Горчаков — Бруннову, 24 марта/5 апреля 1874 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1874 г., д. 86, л. 33.

совершенно не прикрытые враждебные действия Худояр-хана показывали, что в скором будущем русскому правительству придется прибегнуть к решительным действиям для подавления здесь антирусских выступлений, хотя вопрос об открытой аннексии еще не ставился[50]. В Туркмении русские войска владели фактически узкой прибрежной полосой, и император категорически запретил предпринимать какие-либо наступательные действия, вплоть до научных экспедиций в глубь туркменской степи, и в связи с этим красноводский отряд начиная с 1874 г. до конца 1875 г. ограничивался лишь местными выступлениями[51], хотя положение Закаспийского отдела требовало срочных мер по обеспечению границ и созданию укрепленных районов по течению р. Аттрек[52]. Наряду с этим, по сведениям туркестанского генерал-губернаторства, которые подтверждались статьями «Морнинг Пост», британские власти в Индии готовились аннексировать часть Белуджистана, в частности Кветту и Боланский проход, который давал возможность вплотную подойти к Кандагару и без труда оккупировать его в любой момент.

Горчаков стремился добиться ясности в отношениях обеих стран в Средней Азии и выговорить свободу действий, которая позволила бы проводить русскую политику без оглядки на английские представления и алармистские выступления британской печати. В депеше к Шувалову 23 февраля 1875 г. он рекомендовал новую основу для соглашения с Англией, которая сводилась к сохранению, во-первых, промежуточной зоны, во-вторых, полной свободы действий обеих стран в своих сферах влияния, в-третьих, к сохранению статус-кво в отношении Афганистана и Кашгара[53]. Горчаков по-прежнему подчеркивал необходимость для обоих государств избегать территориального контакта, который мог вызвать антагонизм между ними[54].

---

[50] См. Вестман — Милютину, 19 августа 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6871, л. 156.

[51] В конце февраля 1875 г. Александр II запретил создание постоянного укрепленного пункта по течению р. Аттрек в 80 *км* от моря у Рез-Уламской переправы, на котором настаивал великий князь Михаил, ЦГВИА, ф. 483, д. 115, л. 201.

[52] В журнале Особого комитета от 27 июля 1874 г., посвященном развитию торговых отношений с туркменами, говорилось: «Пока мы не утвердимся на берегах р. Аттрек и не поставим под ближайший надзор окрестное его население, трудно будет нам поддерживать спокойствие и порядок в Закаспийском крае и охранять торговые пути, пролегающие от Каспийского моря в Среднюю Азию». «Присоединение Туркмении к России», стр. 172.

[53] Горчаков — Шувалову, 23 февраля 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 72, л. 47—48.

[54] Там же, л. 50—51.

Шувалов в марте 1875 г. перед отъездом в Петербург встретился с герцогом Дерби, чтобы выяснить его мнение о предложениях, выдвинутых в депеше Горчакова. От него не укрылось явное нежелание герцога Дерби обсуждать вопросы, касающиеся Средней Азии. Дерби оживился лишь тогда, когда речь зашла об Афганистане. Он утверждал, что у английского правительства нет желания аннексировать территории Афганистана до тех пор, пока Россия не проявит явного намерения оккупировать Мерв. Шувалов пытался уточнить, правилен ли его вывод, что действия Англии будут зависеть от действий России в Средней Азии. Дерби подтвердил это, но вместе с тем выразил согласие на сохранение статус-кво[55].

По приезде в Петербург Шувалов дважды беседовал с лордом Лофтусом по вопросам, касавшимся Средней Азии. Русское правительство, очевидно, решило выяснить до конца мнение британских представителей, прежде чем предпринять новые шаги в Средней Азии. В переговорах, состоявшихся после обычных «дружеских» заверений, обнаружилось, что обе стороны смотрят на сохранение статус-кво с диаметрально противоположных точек зрения. Шувалов видел статус-кво в том, что Англия должна окончательно отказаться от продвижения вперед и, в частности, от намерения захватить Кветту, что, по его мнению, могло вызвать ответное движение русских войск.

Лофтус со своей стороны пытался вложить в статус-кво такой смысл: прекращение продвижения России и предоставление Англии возможности безгранично расширять свои владения под тем или иным предлогом. Оправдывая свою точку зрения, Лофтус ссылался на договор 1854 г. с келатским ханом Мир Насыр-ханом, согласно которому хан в обмен на субсидию в 50 тыс. рупий соглашался на оккупацию любой части Келата английскими войсками, когда они найдут нужным[56]. С другой стороны, он ссылался на пример экспедиции генерала Ломакина по долине р. Аттрек, предпринятой в ноябре 1874 г. с рекогносцировочными целями как пример «агрессивных» действий, поскольку они якобы нарушали соглашение между Персией и Россией, устанавливавшее по мнению Лофтуса, границу лишь у устья Аттрека, а не по всему течению реки. Лофтус в связи с этим совершенно твердо заявил, что не видит целесообразности в принятии статус-кво без твердого определения границ русских

[55] Derby to Loftus, 13 March 1875, BFSP, v. LXVI, 1882, p. 1085—1086.

[56] В ст. IV этого договора говорилось: «Если станет необходимым разместить британские войска в какой-либо части территории Келата, они оккупируют такие позиции, какие британские власти найдут нужным». Этот договор был насильно навязан британскими властями хану Келата.

владений в Средней Азии[57]. Сообщая о своих беседах герцогу Дерби, лорд Лофтус пришел к выводу о ненужности соглашения с Россией относительно Средней Азии, предлагая оставить дела в таком состоянии, в каком они были. «Я считаю, — писал он герцогу Дерби, — Англия, поддерживая дружеское и миролюбивое расположение к России в Средней Азии, поступит умно, воздерживаясь от обязательств какого-либо рода, оставляя за собой полную свободу действий в выборе тех оборонительных и предупредительных мер, которые могут оказаться необходимыми для безопасности и обороны ее империи в Индии»[58].

Шувалов вернулся в Лондон с меморандумом Горчакова о политике России в Средней Азии, помеченным 5/17 апреля 1875 г. Излагая переписку между лондонским и петербургским кабинетами по среднеазиатским вопросам с 1869 г., Горчаков пытался доказать «миролюбивый» и «конструктивный» характер русской политики в Средней Азии и необоснованность опасений Англии. Ссылаясь на британских государственных деятелей Кларендона и Форсайта, он утверждал, что в Англии понимают необходимость для России ряда аннексий и считал, что в высказываниях англичан признавалась за Россией свобода действий в Средней Азии[59]. Наряду с этим канцлер, считая «свободу действий» чем-то само собой разумеющимся и логично вытекающим из прежних соглашений между Россией и Англией, считал установленными по «общему согласию» следующие пункты: 1. Не допускать антагонизма в среднеазиатских странах, поддерживать всеми средствами мир в ханствах Средней Азии и не позволять их правителям играть на противоречиях обеих империй, не допускать, чтобы их интриги привели к конфликту России и Англии. 2. В связи с этим было выражено желание сохранить между обеими империями промежуточную зону, которая предохранила бы их от непосредственного контакта; 3. Афганистан был определен в качестве такой промежуточной зоны и обе стороны должны были оберегать его независимость; 4. Границы этого государства должны быть признаны в последующих переговорах; 5. Оба государства будут действовать каждое в своей сфере, чтобы удержать эмира афганского, с одной стороны, и эмира бухарского и хана кокандского — с другой, от агрессии против независимости и безопасности друг друга. Таковы были, по мнению Горчакова, «точные основы соглашения», достигнутые представителями двух государств, и

[57] Loftus to Derby, 30 March 1875. Confidential, F. O. 539, v. 14, p. 38.
[58] Ibid, p. 38.
[59] Горчаков — Шувалову, 5/17 апреля 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 47, л. 64.

Горчаков заверял, что русское правительство действует в полном соответствии с ними[60]. Вместе с тем он считал, что это соглашение оставляет за Россией «полную свободу действий» на всей территории, расположенной между русскими и афганскими границами[61].

Юридически и формально Горчаков был совершенно прав, особенно в той части, где говорил о промежуточной зоне, хотя некоторые английские представители пытались отрицать это. Что же касается вопроса о свободе действий, который был центральным в меморандуме Горчакова и из-за которого собственно составлялся меморандум, то здесь могли быть различные толкования в зависимости от условий. Свобода действий была бы выгодна лишь России, поскольку при признании за ней такого права она могла, не опасаясь английских представлений, действовать в Средней Азии по своему усмотрению. Англия не имела возможности использовать это право, так как единственной сферой его применения мог стать Афганистан, но он, по мнению Горчакова, был признан «промежуточной зоной» и доступ туда Англии был закрыт. Таким образом, Англия могла использовать свое «право» свободы действий лишь в пределах Индии. Правда, Горчаков подчеркивал в депеше, написанной им лично для служебного пользования Шувалову, что император не имеет намерения нарушать существующих границ русских владений ни со стороны Бухары, ни со стороны Красноводска или Аттрека[62], но эти заверения не играли существенной роли, когда возникала необходимость аннексии той или иной территории.

Герцог Дерби передал меморандум Горчакова на усмотрение лорда Солсбери, причем просил обратить особое внимание на те его стороны, которые касались вопросов об Афганистане, как о промежуточной зоне, и свободы действий России[63]. Одновременно меморандум был послан и правительству Индии. Лорд Солсбери советовал отвергнуть всякие предложения, которые предоставляли бы России свободу действий[64]. Правительство Индии утверждало, что соглашение 1872/1873 гг. было основано на обещании официальных русских представителей воздержаться от дальнейшего продвижения на юг, дальше тех пределов, которые уже достигнуты Россией, и выразило сожаление, что британское правительство позволило России беспрепятственно нарушить

---

[60] Там же.

[61] Горчаков — Шувалову, 5/17 апреля 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 47, л. 64.

[62] Там же, д. 72, л. 94.

[63] Tenterden to Mallett, 26 May 1875, Confidential, F. O. 539, v. 14, p. 49.

[64] Hamilton to Tenterden, 21 June 1875, F. O. 539, v. 14, p. 53.

свои обещания и продвинуть свои границы[65]. Правительство Индии предлагало сделать «заверения» русских представителей, высказанные в частных беседах, условиями соглашения между двумя державами, заявив русскому правительству, что они «не отделимы» от общего понимания политики двух правительств по среднеазиатским делам. «Если этот существенный пункт игнорировать или объяснять иначе, — говорилось в заключении правительства Индии,— обязательства, установленные в отношении Афганистана лишаются их подлинного значения и британское правительство будет свободно осуществлять вне пределов Афганистана такую политику, которую сочтет необходимой в сложившихся условиях»[66]. Правительство Индии предлагало, таким образом, связать политику британского правительства с политикой России и заявить, что любое продвижение в Средней Азии вызовет ответное действие со стороны британских властей, причем в докладе правительства не упоминалось о промежуточной зоне. Это означало, что указанные действия затронут и Афганистан. Герцог Дерби не давал официального ответа на меморандум Горчакова до конца сентября и русские дипломаты начали нервничать, теряясь в догадках относительно задержки ответа. Шувалов неоднократно пытался узнать мнение англичан об общих положениях меморандума, но Дерби всячески отговаривался, заявляя, что ответ готовится. Британское правительство так и не дало официального ответа и разыграло очередной спектакль в парламенте, который и должен был разъяснить многие вопросы, поставленные в меморандуме, а заодно выдвинуть встречные условия и выяснить реакцию русских дипломатов. Выступая в палате общин, депутат парламента Коучрэйн (конс.), оперируя выступлениями русской печати и государственных деятелей начала XIX в. (в частности, графа Ростопчина), а также немецкой «Кельнской газеты», убеждал, что цель России заключается в захвате Индии и призывал не доверять ее заверениям. Он считал необходимым выработать определенную политику, которая сводилась бы к тому, чтобы «оставить за собой свободу действий, не вступая в какое-либо соглашение с Россией»[67]. Ключ к разрешению среднеазиатского вопроса находился в Афганистане. Англия должна была, по мнению Коучрэйна, иметь резидента при дворе эмира кабульского, а также в каждом афганском городе. Их назначение — способствовать

---

[65] The Government in Council of India to Salisbury, 23 August, 1875, F. O. 539, v. 14, p. 81.

[66] Ibid.

[67] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce 3 rd Series, 1875, v. 225, p. 1040.

«объединению интересов» двух стран любыми средствами, не исключая торговых договоров и добиться подавляющего влияния Англии в Афганистане, привязать его к английской политике. Вместе с тем, он считал необходимым обратить внимание на развитие коммуникаций с Востоком, добиваясь контроля над Суэцким каналом и права на строительство Евфратской железной дороги.

Выступление Коучрэйна поддержал депутат-консерватор Хэнбери[68]. Против выступил лишь один депутат — Дж. Кэмпбелл, проработавший комиссионером в Пенджабе свыше 30 лет, и считавший единственно приемлемой политикой в Индии — политику «искусного бездействия», проводимую лордом Лоуренсом[69]. Подводя итоги дебатов, заместитель министра иностранных дел Р. Бёрк отверг обвинение Коучрэйном правительства в политике «индифферентизма» и «безразличия» в Средней Азии. «Я заверяю, — утверждал он, — что правительство проявляет очень значительный интерес к нему»[70]. В то же время Р. Бёрк не соглашался и с Кэмпбеллом, призывавшим к возвращению к политике «искусного бездействия», подчеркивая, что активность Англии должна определяться условиями каждого конкретного случая, и считая «нежелательной» пассивность любого вида.

Бёрк признал, что переговоры о Средней Азии, происходившие с 1869 г., касались нейтральной зоны, но они не привели ни к какому соглашению относительно ее границ и не было вообще никакого соглашения по этому вопросу. Кроме того, по его мнению, с тех пор как была впервые выдвинута идея нейтральной зоны, произошло столько изменений, что соглашение, или предприятие, основанное на принципе сохранения относительно нейтральной территории привело бы к «недоразумениям» и «трудностям». Это был первый ответ британского правительства на меморандум Горчакова. Р. Бёрк осудил как «неразумную» идею установления отдельных сфер влияния, в которой каждая из империй осуществляла бы свою политику. Во-первых, он считал затруднительным определить значение термина «политическое влияние» и в связи с этим предсказывал возникновение постоянных недоразумений относительно того, выполняет или не выполняет то или иное государство свои обязательства в отношении другого; во-вторых, ему представлялось сложным контролировать события в районах, где не существует определенных

---

[68] Ibid., p. 1045.

[69] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce, 3 rd Series, p. 1047—49.

[70] Ibid., p. 1051.

границ и где кочевники не признают никаких границ. «В этих условиях, — многозначительно подчеркивал Р. Бёрк, — хотя и одобряя принцип, который диктовал политику нейтральной зоны, т. е. сохранение разумной дистанции между двумя империями, правительство ее Величества не намерено вступать в какие-либо формальные соглашения или формальные договоры о нейтральной территории в пределах некоторых границ в европейском понимании этого слова»[71]. Берк неоднократно в продолжение своей речи подчеркивал, что английское правительство не намерено расширять свои границы в Средней Азии, но дабавлял при этом, что оно будет придерживаться этой линии до тех пор, «пока сохраняется нынешнее положение вещей». Изменение обстановки и оценка ее входило целиком в компетенцию британского правительства. Берк громогласно заявлял, что правительство стремится к развитию дружеских связей с государствами, расположенными вокруг индийской империи и «желает» видеть их мирными, независимыми и сильными. Но вместе с тем его высказывания свидетельствовали о том, что британское правительство оставляет за собой право проводить такую политику в отношении этих государств, которую сочтет необходимой в собственных интересах. «Мы не вступим ни в какие обязательства, которые могли повредить им или нашим собственным интересам, или нанести ущерб нашей свободе действий в их отношении, — подчеркивал он, — и мы сохраним за собой свободу вступать в дальнейшие союзы с этими государствами соответственно тем соображениям, коммерческим, политическим и стратегическим, которые мы можем время от времени находить разумными и осмотрительными»[72]. Р. Берк обращал внимание на развитие «дружеских» отношений с Афганистаном, но умолчал о предложениях Коучрэйна, который выступал за развитие «дружеских отношений» с эмиром Афганистана. Никак не отозвался он на идею отправки резидентов в Кабул и другие города Афганистана, ограничившись уверением, что политика эта не нова, она была начата еще лордом Каннингом незадолго до смерти Дост-Мухаммеда и развивалась всеми его последователями. «Развитие этой политики, — подчеркивал Р. Берк, — является делом времени и во многом зависит от степени доверия, которое мы завоюем путем личного влияния на умы туземных предводителей и правителей»[73].

---

[71] Hansard's Parliamentary Debates, 3 rd Series, House of Commonce, 1875, v. 225, p. 1054.

[72] Hansard's Parliamentary Debates, 3 rd Series, 1875, v. 325, p. 1054.

[73] Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce, 3 rd Series, v. 225, p. 1055.

России предоставлялась возможность использовать свои ресурсы в пределах собственных владений и, по мнению Р. Берка, лучшим средством для этого могла стать свободная торговля между Индией и Туркестаном, выгодная для обеих империй.

Выступление Р. Берка расценивалось как декларация правительства[74] и в этом смысле оно было наиболее исчерпывающим ответом на меморандум Горчакова от 5 апреля 1875 г. Главное положение меморандума — идея нейтральной территории и свобода действий в своих собственных сферах влияния — были отвергнуты и, кроме того, учитывая положение, которое занимал Р. Берк, можно твердо сказать, что кабинет Дизраэли, отказывая России в свободе действий в Средней Азии, присваивал себе эту свободу и резервировал за собой право делать все, что ему заблагорассудится, позволяя России лишь развивать свои собственные ресурсы в существующих владениях. Интересно отметить, что «Таймс» в редакционной статье, посвященной дебатам, резко критиковала речи Коучрэйна и Хэнсбери, но обошла молчанием выступление Р. Берка, поддержав тем самым выдвинутые им положения и подчеркнув необходимость привлечь на сторону Англии Афганистан[75], т. е. по существу одобрила основные положения речей Коучрэйна и Р. Берка.

Бартоломей, замещавший уехавшего Шувалова, послал в Петербург подробное сообщение о заседании палаты общин и вырезку из «Таймс» с полным изложением речей ораторов. Он оценил значительность этих дебатов и отметил, что мысли, высказанные Берком, являются лишь отражением намерений британского правительства, но не был уверен, что решение уже принято и это выступление[76] должно было заменить официальный ответ на меморандум Горчакова.

Русская печать откликнулась на дебаты в палате общин разноречивыми комментариями. В них чувствовался, с одной стороны, живейший интерес, с которым отнеслись в России к этому событию, с другой, очевидно было, что их авторами руководит опытный дирижер. Газета «Голос» посвятила свою передовую статью доказательству беспочвенности английских опасений за Индию, подчеркивая, что Россия никогда не собиралась и не собирается покушаться на английские владения[77]. «Санкт-Петербургские ведомости», напротив считали, что Россия имеет

[74] Так расценивал его в своем выступлении депутат Батлет-Джонстон.

[75] The Times, 8 July 1875. Hansard's Parliamentary Debates, House of Commonce, 3 rd Series, v. 225, p. 1058.

[76] Бартоломей-Жомини, 29 июля 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г. д. 71, ч. II, л. 463. Бартоломей писал также, что начинается «новая фаза в среднеазиатских делах». Там же.

[77] Голос, 10 (22) июля 1875 г.

все условия для наступления на Индию и при наличии железной дороги могла бы предпринять его. Эта газета считала, что от Англии зависит, воспользуется ли Россия этой возможностью. По мнению газеты, английские государственные деятели во избежание столкновения с Россией должны изменить свою политику в Индии. «До сих пор же, — подчеркивали «Санкт-Петербургские ведомости», — англичане постоянно обращались к России с разными наставлениями и даже угрозами относительно ее азиатской политики, сами же хозяйничали бесконтрольно»[78]. Тон заключительной фразы свидетельствовал о том, что русские дипломаты не намерены больше считаться с Англией и будут придерживаться того курса, который сочтут нужным в собственных интересах. Об этом же, но более подробно и откровенно, говорилось и в депеше, присланной из Петербурга в русское посольство в Лондоне. Депеша была составлена почти телеграфным языком: «В настоящий момент вот положение: английское правительство отклоняет нейтральную и промежуточную зоны. Отказывается от границ взаимного влияния, которые сдерживали бы азиатских ханов. Оно более не придерживается наших соглашений, по которым были согласованы границы Афганистана. Английское правительство соглашается лишь на взаимную декларацию о нежелании России и Англии увеличивать свои владения. Оно резервирует свободу действий и союзов»[79].

Бартоломею предписывалось выразить сожаление по поводу этого решения. В депеше указывалось, что промежуточные ханаты не смогут препятствовать непосредственному соприкосновению обеих империй и фактически явятся «огороженным полем», где будут сталкиваться интересы двух империй. Это может привести к антагонизму, чего русское правительство желало бы избегнуть. «Если правительство Англии будет настаивать,— указывалось в депеше,— принимайте, но констатируйте, что это его желание, а не наше. Констатируйте также нашу полную взаимность. Резервируйте нашу полную свободу действий и союзов без просьб и без предъявления какого-либо отчета. Мы не станем использовать этого в агрессивных целях, но сделаем все, чего потребуют наши интересы и наша безопасность. Наша позиция зависела от английской позиции. Было бы преждевременным делать это заявление. Имейте лишь в виду в случае обмена мнениями с английскими министрами»[80].

---

[78] Санкт-Петербургские ведомости, 15 (27) июля 1875 г.

[79] Жомини — Бартоломею, 13 июля 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 72, л. 104.

[80] Жомини — Бартоломею, 13 июля 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 72, л. 104.

Лишь 25 октября 1875 г. герцог Дерби передал через лорда Лофтуса ответный меморандум, в котором категорически возражал против некоторых вольных, по его мнению, толкований Горчаковым уже достигнутых соглашений по вопросам среднеазиатской политики двух государств. Прежде всего, Дерби отвергал попытку Горчакова рассматривать территорию Афганистана как согласованную промежуточную зону[81]. Он утверждал, что в апреле 1869 г. лорд Кларендон информировал барона Брунова о невозможности выполнения Афганистаном роли нейтральной территории», и считал, что тем самым эта идея была отвергнута. Что касается пунктов, согласованных Форсайтом во время переговоров в Петербурге, герцог Дерби отмечал, что каков бы ни был характер личных переговоров между имперским кабинетом и Форсайтом, в его инструкции не входит возобновление вопроса о «нейтральной зоне». По-существу Дерби отверг все достигнутые соглашения в переговорах с Форсайтом. Непонятно однако, какой смысл был британским представителям поднимать вопрос о «заверениях», будто бы данных русскими представителями о нежелании России наступать в Средней Азии, которые могли быть расценены как сугубо личные мнения, не имеющие официального характера. Герцог Дерби был явно непоследователен.

Дерби полностью отвергал претензии Горчакова на свободу действий России в своей сфере влияния. Принимая во внимание объяснения Горчакова о причинах, побудивших Россию к неоднократным аннексиям в Средней Азии, он выражал опасение, что ввиду неопределенности границ русских владений вполне возможно повторение русского наступления и возобновление аннексий в Средней Азии. В связи с этим, он совершенно открыто пояснял, что правительство Англии «не может относиться безразлично и оценивать как дело, не касающееся его, дальнейшую оккупацию и поглощение Россией районов, которые все еще отделяют Афганистан от русской территории»[82]. Тон меморандума английского правительства был угрожающим. Он предупреждал, что каждый успешный шаг России в направлении Афганистана вызовет осложнения, хотя для Англии он резервирует полную свободу действий в этом районе. Герцог Дерби отмечал, что оккупация Мерва русскими войсками может привести к соприкосновению русской и афганской территорий и

---

[81] Memorandum on Russian Policy in Central Asia. АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 47, л. 60. Идентичный текст меморандума представлен в «Паблик Рекорд Оффис». F. O. 539, v. 14, p. 85—90.

[82] АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 47, л. 67.

вызвать подозрительность эмира. В этих условиях британскому правительству было бы трудно удержать контроль над эмиром и выполнить свои обещания. В заключение Дерби еще раз подчеркивал, что британское правительство всегда осуждало расширение русской территории в сторону афганской границы и принимало с «самым искренним удовлетворением» заверения Горчакова о приказах императора не выходить за рамки уже существующих границ[83].

В ответ Горчаков прислал Шувалову депешу, в которой от имени императора просил передать герцогу Дерби следующее: 1. Император рассматривает Афганистан как «независимое государство, расположенное вне сферы действия России» в границах, которые уже были определены. 2. Он готов использовать все средства, имеющиеся в его распоряжении для предотвращения враждебных действий ханов Коканда, Бухары и Хивы против эмира Кабула. 3. Россия не имеет никакого намерения расширять свои владения ни в сторону Бухары, ни в сторону Красноводска или Аттрека. 4. Император склонен поддерживать в согласии с британским правительством, насколько это будет зависеть от него, существующий статус-кво в Средней Азии, не допуская опасности непосредственного контакта между двумя странами или сближения их владений, неблагоприятного для их добрых отношений. 5. Император рассчитывает на добрую волю британского правительства в поддержке его намерений в Средней Азии. 6. Уважая свободу действий, требуемых Дерби и резервируя за собой ту же свободу, русское правительство всегда будет готово принять к сведению и справедливо учесть интересы Англии и предложить ей объяснения, необходимые для предотвращения любых расхождений и недоразумений[84].

Горчаков, казалось, шел на все уступки, которых добивался герцог Дерби, но отстаивал основной пункт своей программы — свободу действий России в Средней Азии. В депеше 8 февраля 1876 г.[85] Горчаков писал: «Благоволите передать Его Высочеству (т. е. герцогу Дерби.— *Г. Х.*), что согласно приказанию нашего Августейшего Государя, мы полностью придерживаемся заключений, в силу которых обе стороны, поддерживая достигнутые между ними соглашения по вопросам границ Афганиста-

---

[83] Там же, л. 68.

[84] Горчаков — Шувалову, 2/14 ноября 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 47, л. 88—89.

[85] Мартенс приводит другую дату депеши — 3 (15) февраля 1876 г. См. Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, стр. 68. Текст в настоящей работе дается по фондам АВПР (Горчаков — Шувалову, 8 февраля 1876 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 79, л. 17).

на, остающегося вне сферы действия России, признали завершенными дискуссии о нейтральной и промежуточной зоне, признанные мало практичными; сохраняя полную свободу действий, они договорились по взаимному желанию придерживаться верного расчета своих интересов и соответствующих потребностей, избегая, насколько это возможно, непосредственного контакта между ними, равно как и столкновений между азиатскими государствами, расположенными в сфере их влияния»[86]. Такая трактовка ситуации, сложившейся в отношениях между Россией и Англией в Средней Азии, не вызвала возражений со стороны герцога Дерби и расценивалась русскими дипломатами, как принятие их взглядов, хотя и нет документов, прямо свидетельствующих об этом[87]. Россия получила тем самым полную свободу действий в Средней Азии и стремилась использовать ее.

АННЕКСИЯ РОССИЕЙ КОКАНДА И РЕАКЦИЯ АНГЛИИ

Впервые Россия воспользовалась этим правом для аннексии Коканда. Со времени подписания русско-кокандского торгового договора в 1868 г. отношения между Россией и Кокандским ханством были самыми дружественными, насколько это возможно между странами со столь различным положением. Российское министерство неизменно отмечало лойяльность и «преданность» кокандского хана Худояр-хана, развитие взаимной торговли и расширение контактов двух государств по другим вопросам[88]. В первые годы Худояр-хан вполне примирился со своим зависимым положением, отказался от всякой самостоятельности во внешей политике и предоставил России полное

---

[86] Перевод депеши в работе Мартенса несколько иной, и в приводимой части он выглядит следующим образом: «Благоволите передать Его Превосходительству, что согласно приказанию нашего Августейшего Государя, мы вполне присоединяемся к тем заключениям, в силу которых оба кабинета, поддерживая взаимно состоявшееся между ними соглашение насчет границ Афганистана, остающегося вне сферы действия России, считают законченными переговоры о среднем поясе, признанные мало практичными, и вполне сохраняя свободу своих действий, идут по обоюдному желанию принимать в справедливое внимание их взаимные интересы и нужды, избегая по мере возможности, непосредственного соседства между собою, равно как и столкновений между азиатскими государствами, находящимися в сфере их влияния». См. указ. работу Ф. Мартенса (стр. 68). Расхождения на первый взгляд невелики, но переводили, по-видимому, мало знакомые со стилем Горчакова люди, так как нельзя допустить, что Горчаков, педантичный в терминологии, назвал нейтральную и промежуточную зоны «средней», о которой идет речь в книжке Мартенса.

[87] См. Мартенс. Указ. работа, стр. 68.

[88] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 310.

право вмешиваться по своему усмотрению во внутренние дела ханства. Царское правительство, по-видимому, вполне устраивал такой порядок вещей. Оно полностью контролировало внешние и внутренние дела ханства, свободно торговало, не неся при этом никаких расходов и не вызывая упреков и нареканий со стороны Англии. Вполне возможно, что такое положение сохранялось бы длительное время и Коканд имел бы такую же автономию и призрачную самостоятельность, как Бухара и Хива до Октябрьской революции. Однако жесточайший феодальный режим Худояр-хана, его многочисленные поборы, бесчеловечное отношение к киргизам вызвали в стране широкое антифеодальное движение, начало которому положили киргизы. Они бежали из Кокандского ханства в русские владения и просили принять их в русское подданство[89].

В 1874 г. недовольство распространилось и среди оседлого населения, которое связывало свои надежды на смягчение положения со вторым сыном Худояр-хана Мухамед Амином и его дядей Батыр-ханом Тюрой[90]. Худояр-хан оттолкнул от себя служилое военное население, перестав выплачивать ему жалование и запретив выдавать порох, в результате чего оно само вынуждено было добывать его, продавая обмундирование. Под влиянием чиновников, бежавших из областей, захваченных русскими, Худояр-хан стал открыто высказывать неприязнь к России и пренебрежительно относиться к русским подданным, приезжавшим в Коканд, тем самым он лишился главной опоры своей власти[91]. Обстановка в ханстве накалилась до предела. В июне 1874 г. Колпаковский писал в Главный штаб: «Горючий материал продолжает постоянно тлеть, и достаточно одной удачно упавшей искры, чтобы снова раздуть пламя»...[92] Постоянные поборы и жестокость Худояр-хана в последнее время до того озлобили все народности и сословия в ханстве, что бедные забитые подданные хана решились во что бы то ни стало сбросить ненавистное им бремя. Кипчаки и кара-киргизы, старые враги ханской власти в Коканде, нашли себе союзников в среде населения городов и даже между приближенными владетелями

---

[89] Колпаковский — Милютину, 15 декабря 1873 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 8.

[90] Колпаковский — Кауфману, 23 апреля 1874 г., Там же, л. 95—96.

[91] Так, зимой 1874 г. Худояр-хан и его пограничные чиновники, в частности, бек Мехрама, очень недружелюбно приняли русских чиновников, приезжавших в Коканд от имени Кауфмана. (Донесение чиновника по дипломатической части, коллежского советника Вайнберга, 28 июля 1875 г., ЦГА УзССР, ф. I-И, оп. 34, д. 287, л. 16).

[92] Колпаковский — в Главный штаб, 18 июня 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 109.

Коканда[93]. В окружении хана организовались заговоры, во главе которых стояли его родственники, стремившиеся воспользоваться смутами и захватить власть. Лишь неуверенность в позиции России и боязнь, что русские власти в Туркестане не допустят свержения Худояр-хана сдерживали действия его противников[94]. В 1874—1875 гг. в ханстве шли беспрерывные волнения. Русское правительство не вмешивалось в происходящие события и ограничилось ролью наблюдателя, считая что власть Худояр-хана подорвана и попытка укрепления ее силой приведет к необходимости присоединения Коканда к России, которое в МИД считали преждевременным. 10 августа 1874 г. в письме МИД в Военное министерство указывалось, что в случае низвержения Худояр-хана не следует противиться воцарению новой кокандской партии, если только она не проявит неприязненного отношения к русским властям. МИД просило особо предупредить генерала Колпаковского, который замещал в это время Кауфмана, что, во-первых, правительство желало бы восстановления в Коканде существовавшего прежде порядка, но без поддержки силой власти Худояр-хана, во-вторых, в случае, если кокандцы будут ходатайствовать о подчинении России, Колпаковскому предписывалось отклонить прошение, и наконец, в случае окончательного низвержения хана русские власти должны были принять меры для установления «удовлетворительных» отношений с партией, одержавшей верх, т. е. вновь навязать прежние кабальные условия[95]. Очевидно, русское МИД не собиралось менять отношений косвенного подчинения Кокандского ханата России, дававших то преимущество, что осуществляя полный контроль над внутренней и внешней политикой ханата и подчиняя себе весь внутренний рынок, русское правительство не несло никаких расходов по содержанию администрации и поддержания порядка в ханате. Для того, чтобы оградить себя от всяких неожиданностей, связанных с появлением нового правителя в Коканде, русское правительство решило создать в

[93] Колпаковский — в Главный штаб, 18 июня 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 107.

[94] В январе 1874 г. киргизы собирались напасть на Худояр-хана во время его пребывания в Оше, но отказались от своего замысла, убедившись, что не могут ждать от русских властей даже моральной поддержки. См. Колпаковский — Кауфману, 23 апреля 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, д. 96; Н. А. Халфин приводит сведения, показывающие, что Кауфман не только не оказывал поддержки противникам Худояр-хана в Коканде, но и категорически запретил вести какие-либо переговоры с ними или с их представителями. См. Халфин Н. «Присоединение Средней Азии к России», стр. 315—316.

[95] Вестман — Милютину, 10 августа 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 156.

Коканде прорусскую партию, возглавляемую представителем Худояр-хана в Петербурге Мирзой Хакимом Парваначи, в преданности которого русские власти не сомневались[96].

Весной 1875 г. Кокандское ханство вновь охватили волнения. Их организаторами были племянник хана Назар-бек и феодал Сеид Фулад-хан, претендовавший на Чаткал. К ним присоединились ближайшие военначальники Худояр-хана — Иса Аулия, Абдурахман Афтобачи и Сарымсак Ишик-Агач с войсками хана численностью 4 тыс. чел. Вскоре на их сторону перешли сын Худояр-хана Насреддин-бек. В середине июля 1875 г. повстанцы заняли Ош, Наманган, Андижан и Асаке.

Главной движущей силой волнения были народные массы (именно этим объяснялись их значительные успехи в середине 1875 г.), тем не менее это движение по своему характеру являлось обычной феодальной междоусобицей, когда феодалы, рвавшиеся к власти, использовали народное недовольство существующим режимом в корыстных целях, пытаясь утвердить на ханском престоле своего ставленника. Чтобы придать своему движению характер освободительного и сплотить под своим знаменем кокандское население, они открыто объявили войну против русских, хотя мало верили в ее успех. За отсутствием социального единства в рядах повстанцев антирусские элементы разжигали религиозный фанатизм, который должен был стать единственным лозунгом восстания. В июле 1875 г. Худояр-хан вынужден был бежать и просить убежища у России.

На Кокандский престол был посажен сын Худояр-хана Насреддин. Фактически к власти в Коканде пришла новая феодальная группировка. Позитивной программы у нее не было, поэтому она продолжала антирусскую кампанию и объявила о своем намерении восстановить Кокандское ханство в его старых границах, т. е. до Ак-Мечети, Ташкента, Чимкента и Туркестана[97]. В августе 1875 г. при Мехраме произошло столкновение русских и кокандских войск, в котором необученная и плохо организованная кокандская армия, не проявлявшая особого желания проливать кровь за интересы новых кокандских правителей, которые мало чем отличались от прежних, потерпела поражение. Насреддин капитулировал, и русские войска взяли Коканд, не встретив сопротивления. Кауфман ходатайствовал перед Петербургом о временной оккупации ханства, изменении границ, с отторжением от ханства Наманганского бекства. По

[96] Гейден — Колпаковскому, 2 ноября 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6868, л. 160.

[97] А. В. Пясковский. О характере национальных движений в Киргизии, стр. 24.

мнению Кауфмана, Наманганское бекство должно было играть ту же роль по отношению к Кокандскому ханству, что и Амударьинский отдел по отношению к Хиве[98].

Правящие круги России, по-видимому, охотно согласились бы с мнением Кауфмана, однако МИД, зная, насколько болезненно в Англии реагируют на каждый шаг России в Средней Азии, прежде чем давать заключение по ходатайству Кауфмана, запросило Шувалова о возможной реакции и дипломатических последствиях в отношении двух государств в случае радикальных решений относительно Коканда. Шувалов высказал предложение, что вероятным результатом этих решений явится расширение границ русской империи до Сырдарьи и считал, что, если вопрос уже решен, то предпочтительнее произвести аннексию части территории Коканда так, чтобы для Англии она стала свершившимся фактом[99]. Шувалов отмечал, что события, которые происходили в Азии, наступление русских в Средней Азии, выражавшееся либо в виде «научных» экспедиций генерала Ломакина, либо в виде военных операций Кауфмана в Коканде, вызвали большое беспокойство английского общественного мнения, которое развивалось в неблагоприятном для России направлении. Он сообщал также, что под влиянием русских успехов в Средней Азии, некоторые члены британского правительства высказываются отрицательно в отношении России, и новый шаг русских в Средней Азии лишь вызовет новое «беспокойство» и «подозрительность» и будет принят правительством «неохотно»[100]. «Демонстрация по этому вопросу,— отмечал Шувалов,— вероятно, ограничится публикациями прессы. Не исключено, что кабинет Дизраэли, свободный сейчас от контроля парламента, предпочтет поберечь свое мнение по этому вопросу»[101]. В депеше от 19 сентября 1875 г. Шувалову рекомендовали в случае запроса со стороны английских представителей о Коканде заверить, что он будет эвакуирован после того, как отношения с новым ханом консолидируются[102].

Тем временем внутри победившей в Коканде партии начались раздоры. Насреддин-хан не пользовался авторитетом в стране, и его власть была чисто номинальной. Он не смог собрать ни денег, ни войск, на которые можно было бы опереться,

---

[98] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 320.

[99] Шувалов — Жомини, 16/28. IX 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., л. 71, ч. II, л. 783—784.

[100] Шувалов — Жомини, 16/28 сентября 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 71, ч. II, л. 785.

[101] Там же, л. 785.

[102] Жомини — Шувалову, 19 сентября 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 72, л. 126.

и вся фактическая власть сосредоточилась в руках Абдурахмана-Афтобачи[103]. По его предложению кокандским ханом был избран Пулат-бек и центром всех сил, выступавших против Насреддина, стал Андижан, где неограниченно властвовал Абдурахман-Афтобачи. Кокандцы под руководством Абдурахмана предприняли наступление на Наманган и захватили его, не добившись однако взятия крепости, где русские войска отбили штурм. Насреддин-хан вынужден был бежать в русские пределы и власть, установленная русскими, пала. Кауфман вновь двинул войска в Кокандское ханство.

Сообщения о новом русском походе в Коканд дали возможность герцогу Дерби сделать новый запрос о Коканде и при первом удобном случае просить Шувалова об информации о «возможном» результате новой кампании русских войск против Коканда[104]. Шувалов заявил, что он не имеет никаких сообщений от своего правительства на этот счет, тем не менее, основываясь на предписании Жомини в депеше от 19 ноября 1875 г., заверил герцога Дерби, что по его сугубо личным сведениям «официально отдан приказ эвакуировать Коканд тотчас же как наши отношения с новым ханом будут консолидированы»[105]. Герцог Дерби остался чрезвычайно доволен этим ответом и сказал, что в этом действии русских властей он видит «начало политики», которая лучше чем взаимные обязательства может консолидировать хорошие отношения между двумя государствами и должна сводиться к тому, чтобы «строго придерживаться с обеих сторон статуса-кво в Азии и не приближать более границ Англии и России»[106]. Однако через некоторое время европейские газеты и телеграфные агентства опубликовали сообщение о новом наступлении русских войск на Коканд, и Шувалову уже пришлось изворачиваться перед герцогом Дерби. Лично для Шувалова это сообщение было настолько неожиданным, что он не знал даже как его комментировать английским представителям. «Португальские газеты опубликовали телеграмму Рейтера из Туркестана с сообщением об аннексии части Коканда,— телеграфировал Шувалов.— Правда ли это? Какого курса придерживаться?»[107]. Через несколько дней Шувалов сообщал о своей продолжительной беседе с герцогом Дерби:

---

[103] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 322.

[104] Шувалов — Жомини, 2/14 октября 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 71, т. II, л. 566.

[105] Там же.

[106] Там же.

[107] Шувалов — Жомини, 31 октября/12 ноября 1875 г. (тел.) АВПР, ф. Канцелярия, 1875, д. 71, ч. II, л. 709.

«Аннексия Коканда — впечатление тягостное. Поглощение всего ханата считается неизбежным и опасно приближает границы русских к Индии. Прилагаю все усилия для рассеивания их опасений»[108]. Шувалов откровенно выражал сожаление по поводу решения аннексировать часть Коканда, особенно в тот момент, когда, по его мнению, отношения с Англией начали улучшаться и герцог Дерби выразил пожелание начать новую эру во взаимоотношениях двух государств на основе «доверия» и «сердечности». «Я опасаюсь,— подчеркивал Шувалов,— что наш шаг вперед пусть даже такой маленький, только разбудит недоверие, которое начало было униматься»[109].

Шувалов избегал разговоров с английским министром иностранных дел о Коканде, но герцог Дерби сам поднял этот вопрос. В соответствии с инструкциями Жомини Шувалов долго пытался объяснить ему, что решение русского правительства явилось необходимым шагом и с самого начала не было намерения аннексировать территории Коканда, и только новые беспорядки вынудили русское правительство возобновить кампанию и оккупировать северную часть ханата (до Сырдарьи) для укрепления границ и отдаления их от Ташкента, который находился в 80 *км* от границы.

Герцог Дерби не смог скрыть неблагоприятного впечатления, произведенного на него этим сообщением и выразил сожаление по поводу решения русского правительства, которое по его мнению, нарушило основы новой политики, складывавшейся между двумя государствами, построенной на доверии и сердечности и предусматривавшей прежде всего «строгое сохранение нынешних границ двух держав»[110]. Новый шаг русского правительства, утверждал он, неизбежно приведет к аннексии всего ханата и приблизит границы обеих держав в Азии. Шувалов не стал оспаривать такую возможность, но повторил, что Россия далека от стремления к новым завоеваниям и расширению своей территории и просит иметь в виду, что русские оказались в том же положении, что и англичане, вынужденные силой обстоятельств производить в Индии одно завоевание за другим[111].

---

[108] Шувалов — Жомини, 9/17 ноября 1875 г. (тел.). Дата дается по оригиналу, АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 71, ч. II, л. 710.

[109] Шувалов — Жомини, 3/15 ноября 1875 г., ф. Канцелярия, 1875 г., д. 71, ч. II, л. 800.

[110] Шувалов — Жомини, 16/28 ноября 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 71, ч. II, л. 5 652.

[111] Там же, л. 653.

От Шувалова не укрылись разнотолки относительно аннексии Россией Коканда. Более того, Шувалов даже отмечал, что английская пресса по этому вопросу занимала точку зрения прямо «противоположную» той, которой придерживалось правительство. Газеты, подчеркивал Шувалов,— выступают «более либеральными, гораздо более примирительными, чем министры»[112]. Создавалось впечатление, что газеты задались целью взять под защиту действия царского правительства и оправдать его перед английским общественным мнением. «Таймс» считала, что Россия вынуждена присоединить часть Кокандского ханства, подчиняясь «неизбежному закону контакта между цивилизованными и нецивилизованными народами» и предсказывала, что этот закон будет увлекать Россию и дальше, вплоть до завоевания владений Якуб-хана, и нет нужды предъявлять какие-либо обвинения России, так как Англия делала в Индии то же самое, подчиняясь тому же закону. Газета призывала не разжигать в стране опасений за Индию и не тревожиться по поводу действий России в Коканде. «Не может быть ничего более унизительного,— писала газета,— чем хор страхов за безопасность нашей индийской империи. Пройдет много лет прежде чем лучшее инженерное искусство России и все деньги, находящиеся в ее распоряжении смогут сделать все ее приобретения в Средней Азии угрозой нашим владениям на Востоке. Необъятные линии железных дорог должны быть проложены, прежде чем даже горстка войск могла бы достигнуть Афганистана не только чтобы подвергнуть опасности наши индийские владения, но даже подвергнуть наши войска серьезному затруднению. В следующие десять или двадцать лет у России будет столько дел у себя дома, что строительство железных дорог через Среднюю Азию будет медленным процессом, и мы будем иметь достаточно времени, чтобы принять необходимые меры предосторожности, когда увидим готовыми первые пятьсот миль»[113]. Однако «Таймс» считала необходимым предпринять некоторые меры. Главной из них она считала сохранение «нейтралитета» Персии и Афганистана по той же причине, что и сохранение его для Египта. Несомненно, именно в этом крылся секрет столь лояльного отношения к России английской прессы, позволившей себе упустить возможность для новой антирусской кампании. Дизраэли собирался приобрести акции Суэцкого канала, из-за которого предстоял конфликт с Францией и

---

[112] Шувалов — Жомини, 16/28 ноября 1875 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1875 г., д. 71, ч. II, л. 660.

[113] The Times, 17 November 1875.

обострение отношений с Россией; демонстрация разногласий была бы наруку лишь Франции. В связи с этим министрам было предложено делать представления русскому послу и упрекать Россию, а пресса должна была временно сдерживать общественное мнение и направить его, если понадобится, в русло антифранцузской кампании. Герцог Дерби довольно легко согласился уступить России право свободы действий в Средней Азии. Таким образом, для русской дипломатии открылся путь к аннексии Кокандского ханства.

В начале февраля 1876 г. в частном письме к Шувалову Горчаков писал: «Я предвижу в недалеком будущем аннексию Коканда. Это противно всем нам, начиная с императора, но этот исход мне кажется неизбежным»[114]. Объясняя столь внезапное изменение своего мнения по данному вопросу, Горчаков отмечал, что русские власти пытались организовать туземное правительство; но сам он считал это предприятие неудачным и склонялся к мысли, что удержать туземное население можно только при твердой администрации, которую могут обеспечить лишь русские власти. Однако, Горчаков, как это часто бывало с ним, разыгрывал хорошую мину при плохой игре. У него не спрашивали совета относительно политики в Коканде, и императору вовсе не было «противно» это мероприятие. Еще 15 января 1876 г. Кауфман с помощью Милютина, минуя Горчакова, добился одобрения Александром II его проекта ликвидации независимости Кокандского ханства и включения его в состав Российской империи. Горчаков был лишь поставлен в известность об этом решении[115]; 3 февраля 1876 г. Александр II разрешил дать указание генералу Колпаковскому лично ехать в Коканд и объявить о включении Коканда в состав Российской империи под названием Ферганской области[116]. Таким образом, когда Горчаков писал, что предвидит в недалеком будущем аннексию Коканда, приказ о ней был уже в Ташкенте. В дневнике за этот же день Милютин писал, что «Министерство иностранных дел

[114] Горчаков — Шувалову, 7 февраля 1876 г. (личное), ЦГАОР, ф. 828, «А. М. Горчаков», оп. 1, д. 1461, л. 232.

[115] Д. Милютин пишет об этом решении в своем дневнике 15 февраля 1876 г.: «Пользуясь случаем, я доложил государю представление генерала Кауфмана о необходимости окончательного занятия всего ханства Кокандского и выработанное вместе с ним предположение о средствах к усилению войск Туркестанского края. Государь изъявил (в сноске —без особого труда согласился на занятие Коканда) согласие на занятие Коканда предстоящей весной и поручил нам, т. е. мне вместе с Кауфманом, объявить об этом решении государственному канцлеру, который постоянно противился и противится всякому распространению наших владений в Азии». «Дневник Милютина», т. II, М., 1949, стр. 11.

[116] Там же, стр. 17.

уже не возражает и само пришло к убеждению в неизбежности присоединения Коканда к империи. «Но что скажут англичане? — почти иронизировал Милютин обычную в Министерстве иностранных дел фразу.— Уже и теперь английская пресса злобствует на Россию; надобно ожидать еще большего ожесточения»[117].

Д. Милютин, однако, напрасно беспокоился. Ни английская пресса, ни английские министры, как и в случае с Хивой не стали делать запроса о включении Кокандского ханства в состав Российской империи, указ о котором был обнародован 19 февраля 1876 г. «Таймс», внимательно следившая за всеми перипетиями событий в Коканде и изо дня в день сообщавшая о них[118], поспешила заверить английскую публику, что аннексия ханата ни в коей мере не угрожает Индии и самой России не дает ничего, кроме ослабления ее и без того шаткой позиции в Азии. «Мы не можем быть безразличными к событиям, которые приводят огромное военное государство ближе и ближе к границам нашей восточной империи,— писала газета,— но в то же время необходимо помнить, что эти изменения неизбежны и мы думаем ничто не могло бы так успокоить опасения наших жителей, как растущее понимание этого факта»[119]. «Таймс» высмеивала тех, кто пытался расценивать всякое русское продвижение к югу как угрозу Индии, подчеркивая, что путь в эту страну лежит во всяком случае не через Кашгар или Китай[120]. Шувалов отмечал, что «новость об аннексии Коканда пока не дала места никаким недоброжелательным комментариям»[121]. Герцог Дерби почти не реагировал на сообщение о включении Коканда в состав Российской империи, чем избавил Шувалова, также сдержанно молчавшего, от излишних банальных объяснений. Сообщая об удивительной индифферентности английской печати и английских государственных деятелей к столь важному событию, Шувалов размышлял: «Реально ли это безразличие или это только кажется, все же мы могли бы поздравить себя с молчанием английских газет, которые, казалось понимали бесполезность и бесплодность вазимных обвинений, которые некогда имели место в связи с малейшими движениями русских войск в этих отдаленных районах»[122].

---

[117] Дневник Милютина, т. II, 1949, стр. 18.

[118] См. в частности «Таймс», 17 February 1876, 3, 6, 14, 16 March 1876.

[119] The Times, 16 March 1876.

[120] Ibid.

[121] Шувалов — Горчакову, 5/17 марта 1876 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1876 г., д. 76, ч. I, л. 76.

[122] См. Шувалов — Горчакову, 23 (11) июня 1876 г., АВПР, ф. Канцелярия, д. 76, ч. I, л. 76.

Британское правительство, со своей стороны, казалось не желало поднимать этот вопрос и, Шувалов заключал: «Ни герцог Дерби, ни я сам, не касались его в наших последних беседах. Мы не обязывались представлять объяснения, а герцогу Дерби будет трудно их принимать»[123].

Ближайшая сессия парламента, открывшаяся 4 мая 1876 г., посвятила одно из своих заседаний аннексии Россией Коканда, но внешне дебаты по этому вопросу проходили спокойно, отражая в масштабах палаты общин единую официальную реакцию на это событие. Запрос Б. Коучрэйна, с которого собственно начались дебаты, касался лишь требования представить парламенту всю переписку, имеющуюся у правительства по вопросу о Кокандe. Ни один из ораторов не выражал беспокойства в связи с событиями в Кокандском ханстве, закончившимися аннексией ханства Россией, равно как и опасений за Индийскую империю в результате действий русского правительства. Наоборот, представители консервативной партии Б. Коучрэйн и Форсайт (брат Дугласа Форсайта) как бы сговорившись, принялись дружно оправдывать русскую аннексию Коканда и уверять, что не следует приписывать русским властям агрессивных замыслов[124].

Дизраэли держался спокойно и уверенно. Он пытался рассеять страх, который мог зародиться у некоторой части британской публики в связи с русскими действиями в Средней Азии и указывал, что, во-первых, аннексия Коканда ожидалась как само собой разумеющееся дело с тех пор, как пал Ташкент, и во-вторых, присоединение Коканда к русским владениям расширяет русские границы в направлении страны, которая не представляет опасности для английских владений в Индии[125]. В связи с этим он считал аннексию Коканда «оправданной» и уверял, что она не наносит никакого ущерба английским интересам и даже снизошел до заявления о том, что не видит причин, почему бы России не завоевать все Тартары, т. е. все среднеазиатские ханства. Он с уверенностью заявлял: «В Азии имеется достаточно места для России и Англии, и нет причин, почему там не должно существовать между нами ясного понимания, основанного не на нейтральной зоне, а ставшего результатом откровенности и твердости»[126]. Под громкие одобрительные возгласы своих коллег по правительственным скамьям лидер-консерватор заявил подводя итоги дебатам: «Никогда не было

---

[123] Там же.
[124] Hansard's Parlamentary Debates, v. 229, 1876, p. 114, 119.
[125] Ibid., p. 134.
[126] Ibid., p. 139.

лучшего понимания между сент-джемским и петербургским дворами, чем в настоящий момент, а это понимание было достигнуто потому, что наша политика является ясной и откровенной»[127]. Обстановка в стране была достаточно накалена, общественное мнение живо реагировало на события на Балканах, и Дизраэли мог поиграть такими фразами, которые должны были усыпить бдительность русских дипломатов, отвлечь их внимание и втянуть Россию в балканские события. Он рассчитывал, что здесь Россия завязнет и ослабит свои силы. Коканд пал, и различные представления могли лишь выставить английскую дипломатию в неприглядном свете. Поэтому вопрос о Коканде довольно быстро сошел со страниц дипломатических документов, хотя английские дипломаты не отказались использовать его при первой же возможности в своих внутренних интригах в Средней Азии.

РОЛЬ СУЛТАНСКОЙ ТУРЦИИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПЛАНОВ БРИТАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Правительство Дизраэли готовило скрытый удар, который должен был в корне изменить ситуацию в Средней Азии и привести к доминированию Англии на всем Среднем Востоке. Немаловажная роль в этих планах отводилась султанской Турции.

Летом 1875 г. в славянских областях Оттоманской империи, сначала в Герцеговине, а затем в Боснии, произошло восстание славян, направленное против национального гнета султанской Турции. Оно сразу же нашло отклик в Сербии и Черногории, и вскоре вся северо-западная часть Балканского полуострова была охвачена пламенем национально-освободительного движения. Для России это был удобный случай, чтобы вновь попытаться достичь преобладающего влияния на Балканах, установить свой контроль над европейским побережьем проливов. Правительство России считало необходимым оказать поддержку славянскому движению и использовать его как средство для нанесения удара по Оттоманской империи. В августе 1875 г. Горчаков поставил в Вене вопрос о желательности совместного с Австро-Венгрией выступления в поддержку славян. Он считал нужным предоставить Боснии и Герцеговине автономию, которая должна была гарантировать их полную независимость в будущем. Однако в Вене признали такие требования чрезмерным и ограничились выжиданием программы требований к Порте, которые сводились

[127] Hansard's Parlamentary Debates, v. 229, 1876, p. 114, 119.

лишь к административным реформам, и их осуществления нужно было потребовать от султана.

Горчаков не стал возражать против урезывания его программы, так как оно давало возможность объединить все европейские державы на основе одной программы, в которой он видел шаг на пути к будущей автономии, а затем и независимости этих двух провинций[128].

В мае 1876 г. канцлеры трех империй — России, Австрии и Германии приняли новую программу, известную под названием Берлинского меморандума, которая мало отличалась от прежней, но в заключении ее отмечалось, что в случае, если намеченные меры не дадут должных результатов, три императорских двора договорятся о принятии действенных мер для предотвращения «распространения зла». В чем эти меры будут заключаться, меморандум умалчивал[129].

Правительства Франции и Италии согласились с положениями меморандума, но Англия высказалась против нового вмешательства в дела Балканского полуострова. В Англии, как это видно из приводимого выше письма лорда Солсбери к Муриеру, не придавали черноморским проливам большого стратегического значения с точки зрения британских интересов[130], но балканский кризис давал возможность отвлечь Россию от Среднего Востока, истощить здесь ее ресурсы и ослабить ее сопротивление в Средней Азии. С другой стороны, затяжка балканского кризиса с последующими результатами давала правительству Дизраэли возможность усилить в стране империалистическую пропаганду и разжечь антирусскую истерию под предлогом русской угрозы английским коммуникациям на Средиземном море. Наконец, балканский кризис позволил бы заставить замолчать оппозицию либеральной партии, парализовать или расколоть ее, расчистить путь для беспрепятственного осуществления замыслов правительства Дизраэли. Важное значение имело и то соображение, что, поддерживая Турцию, Англия смогла бы усилить свой контроль в Порте и использовать ее влияние в Средней Азии для подрыва русских позиций.

---

[128] В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, стр. 90.

[129] В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II стр. 90.

[130] Брайт в одном из своих выступлений категорически отвергал все утверждения о том, что, поддерживая Турцию, британское правительство стремится закрыть проход русскому флоту в Средиземное море для защиты коммуникаций в Индию. Он напоминал, что в Средиземном море давно стоит сильный флот Испании и Франции, а в Тулоне создан мощный французский флот, который может составить угрозу английским коммуникациям и на который британское правительство, как это ни странно, и не обращает особого внимания. Daily Telegraph, 5 December 1876.

Своим отказом принять берлинский меморандум Дизраэли добился господствующего влияния при дворе султана и расстроил складывавшийся европейский концерт для оказания совместного нажима на Порту. Горчаков отступил и не стал предъявлять Берлинского меморандума Турции.

Правительство Дизраэли употребило максимум усилий, чтобы не допустить урегулирования балканского кризиса. Став инициатором Константинопольской конференции, оно старалось заставить Турцию отвергнуть проект реформ на Балканах, предварительно согласованный державами. Оно настраивало турок на дальнейшее сопротивление русскому нажиму и предоставило турецкому правительству заем в 3 млн. фунтов стерлингов на вооружение[131]. Зная о поддержке Англии, Порта отвергла и лондонский протокол, о содержании которого договорились в Лондоне Шувалов и Дерби и который подписали представители шести держав.

Отклонение Турцией лондонского протокола привело к мобилизации русских войск и 24 апреля 1877 г. в Кишиневе царь подписал манифест об объявлении войны Турции. Россия фактически не была подготовлена к войне, ее финансы находились в плачевном состоянии, военная реформа не была завершена. В связи с этим наступление развивалось чрезвычайно медленно. Лишь 19 июля 1877 г. русские войска овладели Шипкинским перевалом и после трудного, сопряженного с крупными потерями, похода 10 декабря 1877 г. взяли Плевну; тем самым была решена участь турецкой армии. Турецкое правительство 24 декабря 1877 г. обратилось к европейским державам с просьбой о посредничестве, но на обращение откликнулась только Англия, которая через Лофтуса уведомила об этом Петербург. Горчаков ответил английскому послу, что если Турция желает мира, она должна обратиться непосредственно к русскому правительству, но предупредил, что перемирие может быть достигнуто лишь по принятии Портой положений будущего мирного договора.

Наступление русских войск продолжалось, и царское правительство не торопилось начать переговоры с Турцией. Лишь 20 января 1878 г. в лагерь русских войск прибыли турецкие уполномоченные, которые должны были начать переговоры о перемирии. Они отклонили условия мирного договора, предъявленные главнокомандующим — братом царя — и русское наступление возобновилось. Лишь после 31 января 1878 г. в Адрианополе был подписан договор о перемирии. Турция согла-

[131] Русский инвалид, 18 августа 1877 г.

шалась на предложенные ей предварительные условия мирного договора.

Почти одновременно с началом русско-турецкой войны в Константинополь прибыл новый английский посол Лэйярд, который заменил на этом посту Эллиота. Выбор нового посла был далеко не случайным и явно приурочивался к вновь вспыхнувшему русско-турецкому конфликту. Этот беспринципный карьерист со времени Крымской войны прославился как открытый русофоб, и русская пресса называла его «характерным представителем самоуверенно-заносчивой политики лорда Биконсфилда»[132]. Во времена Пальмерстона Лэйярд, считавший себя лучшим экспертом в Англии по вопросам Азии, служил предметом насмешек со стороны Пальмерстона и его коллег. Потерпев неудачу на политическом поприще, он занялся раскопками развалин древней Ниневии, рассчитывая, что это обеспечит ему в будущем успех на политической арене. Рядясь в тогу увлеченного ученого-археолога, он мечтал о политической карьере и поклялся одному из друзей, что рано или поздно займет место британского посла в Константинополе[133]. Лэйярд раскопал Ниневию, написал книгу по ее истории и приобрел в Англии популярность ученого, «открывшего развалины Ниневии». Этой популярностью он воспользовался для возвращения на политическую арену, прошел в парламент и стал домогаться министерского портфеля. Предлагаемые посты не удовлетворяли его амбиции (пост консула в Египте, должность секретаря в артиллерийском управлении), и Лэйярд перешел в консервативную партию[134].

В январе 1877 г. в самый разгар балканского кризиса Лэйярд опубликовал в «Куортерли ревью» анонимную статью под заглавием «Восточный кризис и конференция», которая открытой антирусской оппозицией обратила на себя внимание Дизраэли. Лэйярд обвинял Россию в том, что она спровоцировала Турцию на репрессивные меры по отношению к славянам для того, чтобы получить возможность вмешаться в балканские дела и добиться контроля над проливами. Он утверждал, что Россия, а не Турция является главной виновницей турецкого гнета на Балканах, хотя доказать это он не потрудился. «Овладев проливами,— писал он,— Россия выйдет в Средиземное море и закроет Суэцкий канал и прервет британские коммуникации с

---

[132] Русский инвалид, 3 января 1881 г.

[133] Биржевые ведомости, 2 августа 1878 г.

[134] К. Маркс посвятил ему едкую ироническую статью, в которой показал, как Лэйярд домогался министерских постов. См. К. Маркс. Лэйярд, Соч., т. 11, стр. 11.

Индией. За Малой Азией может последовать Сирия и Месопотамия»[135].

Статья Лэйярда понравилась Дизраэли, и по его рекомендации Лэйярд был назначен британским послом в Константинополь. Прибыв в Константинополь, Лэйярд предпринял активные действия для установления полного контроля над султаном и его приближенными. Уже через две недели он сообщал в Лондон о своих попытках подчинить своему влиянию султана Абдул-Хамида, «человека, из которого можно сделать многое»[136]. Ситон-Уотсон отмечал, что Лэйярд делал все, чтобы не допустить соглашения между Турцией и Россией. Он советовал отвергнуть предложения России, которые способствовали бы распространению русского влияния на Балканах, и не допустить усиления ее авторитета в Малой Азии и на Балканах[137]. В письмах к Дизраэли он рекомендовал, кроме того, оккупировать полуостров Галлиполи и отправить флот в Константинополь, считая, что это заставит Россию отступить[138].

Лэйярд считал необходимым углубить русско-турецкий конфликт, полагая, что «мир и союз Турции с Россией» ухудшат в целом положение дел[139]. Он внес четыре конкретных предложения: 1. «Помочь Турции активно деньгами, офицерами и солдатами»; 2. «Побудить венгров и галицийских поляков принять участие в войне против России»; 3. «Поднять мухамеданские государства в Средней Азии против России и использовать в этом деле влияние султана»; 4. «Информировать Грецию, что Англия не позволит ей двинуться против Турции или содействовать восстанию греков, а также отправить корабли в Пирей для подкрепления этого требования»[140]. Это была широкая программа действий, которая почти по всем пунктам выполнялась британским правительством и, особенно в части, касавшейся мер по возбуждению среднеазиатских государств.

Английская армия не принимала прямого участия в военных действиях на стороне Турции, тем не менее, многие английские офицеры служили в турецких войсках. Капитан Файф был прикреплен к штабу Сулейман-паши в качестве военного атташе. При нем находился лейтенант Лэйярд, племянник английского посла, участвовавший в боях на Шипке и умерший там,

---

[135] См. изложение статьи в работе Ситон-Уотсона. R. W. Seton-Watson. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, p. 205.
[136] R. W. Seton-Watson. Op. cit., p. 207.
[137] Ibid, p. 208.
[138] Ibid, p. 210.
[139] R. W. Seton-Watson. Op. cit., p. 210.
[140] Layard to Beaconsfield, 20 June 1877, ibid, p. 210.

как гласила официальная версия, от тифа. Кроме того, «Таймс» сообщала о службе в турецких войсках полковника Бриско и еще нескольких офицеров, а в сентябре 1877 г. в турецкой армии (на Шипке) появился и генеральный консул Англии в Константинополе Фоусетт, который по официальным сообщениям явился сюда «распределять сено» среди турецких войск[141]. Приводя эти факты, «Таймс» многозначительно подчеркивала, что если бы можно было восстановить отношения между Турцией и Англией, существовавшие в период Крымской войны, турецкие солдаты могли бы под командованием английских офицеров стать великолепным материалом для борьбы против России.

Участие английских офицеров в русско-турецкой войне на стороне Турции отражало общий курс британского правительства, сводившийся к максимальному затягиванию войны. В британском кабинете рассматривались даже вопросы участия Англии в войне[142]; но лорд Солсбери отсоветовал Дизраэли ввязываться в нее, так как не был уверен в шансах Турции выстоять против России[143]. Кроме того, общественное мнение Англии и, особенно интересы банкиров, предоставлявших прежде займы Турции и не получивших своих денег ввиду объявления правительства Турции несостоятельным должником, было направлено против участия Англии в войне и провоцирования России. Об этом свидетельствовали митинги протеста против политики Дизраэли, прокатившиеся по всей Англии[144]. Какими бы мотивами ни руководствовались митингующие, требовавшие нейтралитета Англии, было ясно, что подавляющая масса англичан против войны с Россией из-за Турции. Приводя огромный список различных организаций разных районов Англии, чьи представители высказывались против войны, «Таймс», подчеркивала, что мнение страны о войне и мире «ясно» и «убедительно». «Мы получаем со всех сторон, — говорилось в газете,— сообщения об общественных митингах, касающихся вопроса важного значения, по которому очень скоро представителей нации попросят высказаться. Результат почти всюду одинаковый. Нация высказывается за мир и с уверенностью ждет, что ее представители выразят ее безошибочное желание»[145].

---

[141] The Times, 9 October 1847.

[142] W. Monypenny, G. Buckle. Life of Benjamin Disraeli earl of Beaconsfield, New-York, 1913, v. VI, p. 155.

[143] Salisbury to Disraeli, 26 December 1847, Ibid, p. 211.

[144] The Times, 16, 17 January 1878.

[145] The Times, 16 January 1878.

Дизраэли, однако, удалось накалить обстановку в стране, нагнетая страх перед русским наступлением на Константинополь. Адмирал Хорнби получил приказ ввести флот в Дарданеллы. Английский флот прошел Дарданеллы и бросил якорь у Принцевых островов, хотя и не имел разрешения султана на проход через проливы. В ответ русские войска двинулись на Константинополь и стали у Сан-Стефано в 12 *км* от турецкой столицы, 3 марта в Сан-Стефано был заключен прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией[146].

Английское правительство 11 марта 1878 г. мобилизовало первый корпус резервов в Англии, а второй уже был настолько готов к этому времени, что мог двинуться в любой момент. В Адене был создан военный лагерь с 25 тыс. гарнизоном, в Вульвиче шло интенсивное приготовление военных запасов, заготавливалось 500 тыс. мешков для 10 тыс. *ц* прессованного сена[147]. В Индию был передан приказ — готовить войска к отправке на Мальту[148], в Портсмуте получены указания о немедленной подготовке всех транспортных военных кораблей для перевозки экспедиционного корпуса, предназначенного для войны против России. Тон английской прессы стал воинственным, многие газеты открыто писали о неизбежности войны с Россией. Большинство редакционных статей «Таймс» посвящалось англо-русским отношениям, и в них поддерживались военные приготовления британского кабинета[149].

В шовинистическом угаре Дизраэли удалось добиться принятия двух важных мер, которые должны были создать внутри страны максимальные условия для осуществления его империалистических устремлений. Герцог Дерби был вынужден выйти в отставку из-за разногласий с Дизраэли по вопросам внешней политики, таким образом Дизраэли создал в кабинете благоприятную для себя обстановку. Вместо герцога Дерби министром иностранных дел был назначен лорд Солсбери, который на протяжении всего балканского кризиса был фактическим руководителем английской внешней политики[150] и пользовался огромным доверием у Дизраэли[151], хотя иногда и фрондировал по несущественным вопросам. С другой стороны, с самого начала кризиса беспринципная позиция Гладстона и руководства либеральной партии привела ее к расколу.

[146] См. подробнее об этом в кн. В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, стр. 125—126.

[147] Русский инвалид, 2 марта 1878 г.

[148] Русский инвалид, 6 апреля 1878 г.

[149] The Times, 8. II, 9. II, 18. II, 29. III, 1. IV, 6. IV, 23. IV, 1878.

[150] R. W. Seton-Watson. Op. cit., p. 376.

[151] W. Habberton. Op. cit., p. 32.

Выступления Гладстона были направлены против произвола турок, против их зверств и бесчинств, в защиту христианского населения, но ни разу Гладстон не выступил с конкретной программой либеральной партии по ликвидации кризиса. Его позиция была настолько неясной и двусмысленной, что даже «Таймс», обычно относившаяся к нему с нескрываемым уважением, вынуждена была осудить эту позицию[152]. В блестящих по форме, но пустых речах Гладстона не было ничего позитивного, он ограничивался лишь призывами ждать решения правительства и не осмеливался даже условно сказать, каким оно должно быть. Позиция Гладстона углубляла раскол в партии, который ясно обозначился с самого начала кризиса. По замечанию «Таймс», в либеральной партии было три основных группы, различавшихся по их отношению к политике правительства. Одна из них считала возможным принудить Турцию выполнять решения константинопольской конференции; другая говорила, что делать это слишком поздно; а третья утверждала, что Англия должна сохранять полный нейтралитет во всех этих событиях[153].

«Таймс» считала, что в результате такого расхождения часть либеральных депутатов будет голосовать за военные мероприятия Дизраэли и выступит совместно с партией консерваторов, которая, по мнению газеты, превратилась в «воск» в руках премьер-министра[154]. Следствием этого могло быть лишь завоевание подавляющего большинства голосов в парламенте Дизраэли, который мог теперь смело проводить любые мероприятия[155]. Создавалось впечатление, что руководство либеральной партии молчаливо поддерживает политику Дизраэли и старается не мешать ему. Характерна в этом отношении встреча Гладстона с делегацией либералов, представлявшей 135 городских и 203 местных организаций, которая обратилась к Гладстону с требованием добиваться мирного решения англо-русского конфликта. «Страна серьезно расколота, — говорил Гладстон. — Если бы правительство было расположено следовать рациональному курсу, оно увидело бы, что не следует торопиться тащить страну к войне»[156]. Он осудил отставку Дерби лишь по той причине, что она была проведена путем махинаций, не одобрил отправку индийских войск на Мальту,

---

[152] См. например The Times, 23. I 1847.
[153] The Times, 5 May 1847.
[154] Ibid.
[155] Ibid.
[156] The Times, 9 May 1878.

поскольку этот акт явился нарушением английских законов, высказался против дополнительных ассигнований на войну лишь потому, что они, как он выражался, практически ничего не давали.

Таким образом, по мнению Гладстона, беда заключалась не в опасности ввергнуть английский народ в пучину войны, а в том, что правительство не соблюдало необходимой формы проведения таких мероприятий.

Либералы в парламенте столь же старательно пытались не мешать консервативной партии в осуществлении ее замыслов и по-существу предоставили возможность членам либеральной партии голосовать как им вздумается. Правда, лорд Гренвилл на заседании палаты общин и лорд Сэлборн в палате лордов сделали запрос относительно отправки индийских войск на Мальту. Но их интересовала лишь законность использования индийских войск вне Индии в мирное время без предварительного согласия, хотя каждому политическому деятелю было ясно, что акт 1858 г., на который они ссылались и опирались, давал лазейку для положительного ответа на этот запрос. В связи с запросом Дизраэли поинтересовался, есть ли у лорда Сэлборна какое-либо контрпредложение относительно политики на Ближнем Востоке, и тот поспешил заявить, что запрос не преследует ничего более, кроме дискуссионных целей[157]. Либеральная партия, таким образом, открыто заявила, что не собирается препятствовать агрессивной политике правительства и Дизраэли отныне был спокоен за оппозицию. Это обстоятельство отразилось на англо-русских отношениях. Правительство Дизраэли стало вести себя вызывающе по отношению к России. Первый документ, составленный новым министром иностранных дел, представлял собой требование пересмотра Сан-Стефанского мирного договора, что само по себе было вызовом России. На встрече с Шуваловым 4 апреля 1878 г. Солсбери заявил о своем серьезном намерении сохранять мир между обоими государствами, но предупредил, что для этого Россия должна оставаться «спокойной» на своих нынешних позициях и впредь не искушаться желанием заполучить Босфор или Галлиополи. 30 мая 1878 г. после длительных переговоров между Шуваловым и Солсбери было достигнуто соглашение, по которому Англия обязывалась не возражать против передачи России Батума, Карса и Бессарабии, а Англия компенсировала себя захватом Кипра (как вытекало из соответствующего соглашения с Турцией).

[157] The Times, 15 May 1878.

На Берлинском конгрессе, проходившем с 13 июня 1878 г. по 13 июля 1878 г., после долгих споров и острых дискуссий английские представители Дизраэли и лорд Солсбери отказались от пунктов, согласованных 30 мая 1878 г., и потребовали дальнейших уступок от России. С их помощью Берлинский конгресс лишил Россию значительной части приобретений, которые она сделала по Сан-Стефанскому договору.

По берлинскому трактату, Англия, не сделав ни одного выстрела и не истратив ни одного пфеннига, приобрела Кипр, важный пункт на Средиземном море. Правительство Дизраэли создало в стране обстановку шовинизма и джингоизма, обеспечив себе благоприятные условия для развития своей агрессивной политики, и теперь уже было уверено в поддержке его захватнических замыслов английской публикой. Вместе с тем, оно использовало балканский кризис для утверждения английского влияния над султаном с тем, чтобы привлечь его к осуществлению своей политики в Средней Азии, которая с окончанием русско-турецкой войны и завершением переговоров в Берлине выдвигалась на передний план в англо-русских отношениях. В этот период влияние Лэйярда при дворе султана стало настолько сильным, что Сафвет Паша, министр иностранных дел Турции, просил у него «инструкции» по различным вопросам и от имени султана предлагал свои услуги для проведения среднеазиатской политики[158]. Политику Турции на Среднем Востоке направлял в этот период английский посол. По его указанию, Турция в августе 1877 г. и летом 1878 г. направляла к Шир Али Хану послов, которые должны были убедить его не враждовать с Англией и примкнуть к союзу мусульманских государств против России[159]. Турецкие послы, выдавая себя за послов калифа, утверждали, что они из искренних чувст мусульманской солидарности, кроме официальных обязанностей, выполняли и неофициальные, заключавшиеся в том, чтобы по пути в столицу Афганистана собирать военные сведения и передавать их Лэйярду. Ахмет Хулуси Эффенди, ездивший в Кабул летом 1878 г., привез подробный доклад о состоянии войск эмира, их вооружении, об оснащении артиллерийского парка (с описанием типов орудий), оказав

---

[158] В декабре 1878 г., например, Сафвет Паша просил у Лэйярда «инструкций» для турецкого посла в Тегеране в отношении Ирана и по указанию английского посла он должен был направить ему указания «подбить шаха сблизиться с Англией и не поддаваться влиянию России, которое в конечном счете оказалось бы фатальным для интересов его собственной страны и, возможно, для интересов Турции», Layard to Salisbury, 3 December 1878, F. O. 539, v. 15, p. 394.

[159] Подробнее об этом см. ниже

важную услугу английскому командованию в Индии, которое готовило войска для войны в Афганистане[160]. Сулейман Эффенди работал под руководством Лэйярда, в своем бухарском доме он собирал сведения у пилигримов о положении в Средней Азии и передавал через них поручения. Драгоман английского посольства Маринич регулярно принимал выходцев из Средней Азии, которых приводил к нему Сулейман Эффенди, и получал от них необходимые сведения, которые через Лэйярда передавались лорду Солсбери. Все прежние связи Сулеймана Эффенди были поставлены на службу Англии.

В Англии очень интересовались бывшим ханом Коканда Худояр-ханом. Когда в Англии было получено сообщение о том, что Худояр-хан бежал из Оренбурга, «Таймс» посвятила этому событию целую колонку с подробным изложением истории его правления в Коканде, описанием его характера, личных способностей. В заключение статьи говорилось: «Мы получили информацию, что он вырвался на свободу с этого места и вполне возможно, есть основания предсказывать, что в Коканде может произойти новое восстание. О возможности такого события уже было много симптомов, и прошлая история Худояр-хана дает нам основание полагать, что он скорее желает воспользоваться ходом событий, чем принять выдающуюся роль в их руководстве»[161]. По просьбе Сулеймана Эффенди Лэйярд принял меры по розыску Худояр-хана, но найти его удалось лишь спустя два года в Багдаде, где он проживал в маленькой мечети. Лэйярд обратился к английскому консулу в Багдаде полковнику Майлсу с просьбой прислать информацию о нем, и Майлс подробно сообщил об образе жизни и положении бывшего кокандского хана[162]. Как развивались события дальше узнать не удалось, известно только, что через некоторое время Худояр-хан проехал через Бомбей в Среднюю Азию и обратился к Кауфману с просьбой разрешить ему вернуться в Коканд[163].

Султан, несомненно, играл большую роль в английской политике в Средней Азии, обеспечивая англичан средствами подрывной работы в среднеазиатских ханствах. В июле 1883 г. в разговоре с историком В. В. Крестовским, приезжавшим в Бухару, кушбеги Бухары Мулла Мухаммад-бий откровенно рассказывал, что перед русско-турецкой войной султан Абдул-Хамид присылал в Бухару своего посла с предложением о

---

[160] F. O. 539, v. 15, p. 325.
[161] The Times, 20 December 1847.
[162] Layard to Salisbury, 29 December 1879, Pera. F. O. 539, v. 17, p. 23.
[163] Подлинник обращения Худояр-хана хранится в ЦГИА УзССР. См. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 536, л. 688.

совместных действиях против России[164]. Достоверность этого сообщения подтверждается сообщениями русских военных властей. В июле 1877 г. Кауфман доносил Милютину о прибытии в Бухару посланца из Константинополя от старшего сына эмира Музаффар-эддина[165]. Через некоторое время Кауфман, представители которого, по-видимому, вели неустанное наблюдение за турецким посланцем, пишет, что «турецкий посланный, проживавший в Бухаре в квартале Касагаранском, в последнее время отправился в Шахризабс»[166]. К этому же времени относится напряженность, чуть было не дошедшая до открытого разрыва в отношениях между Россией и эмиром бухарским, что определенно свидетельствует об установлении связей эмира с иностранцами, побуждавшими его к сопротивлению требованиям русских властей. Лэйярд, пытавшийся через Сулеймана Эффенди создать агентурную сеть на территории Средней Азии, писал лорду Солсбери: «Он способен получать, следовательно, информацию относительно ситуации, складывающейся в этом районе и действий русских там, которая может быть важной»[167]. Сулейман Эффенди поддерживал связь со среднеазиатскими правителями, которые использовали его в качестве своего посланца, и исполнял их поручения[168].

Особый спрос в английском посольстве был на туркменских пилигримов. В конце октября 1879 г. Сулейман Эффенди привел к Мариничу одиннадцать туркменских шейхов из аттрекских туркмен — Молла Хак Берды, Курбан Килича, Нияз Кули Соффи, Молла Сафар Ахунда, Уста Ак Мухамета, Ходжи Курбана, Севинг Али, Таге Турди Бахи, Байрам Килиджа, Турди Ходжи, Мехемед Сабира, — все они находились в тесной связи с наиболее влиятельным туркменским вождем Нурберды-ханом и его сыном Берды Мурад-ханом. Шейхи дали ценные сведения о положении, сложившемся в Туркмении. Они рассказали о подготовке к отражению нового русского наступления с расчетом

---

[164] Русский вестник, июль 1884 г.

[165] Кауфман — Милютину, 19 июля 1877 г., ЦГИА УзССР, ф.-1, И, оп. 34, д. 358, л. 21.

[166] Кауфман — Милютину, 29 июля 1877 г., ЦГИА УзССР, ф.-1, И, оп. 34, д. 358, л. 55.

[167] Layard to Salisbury, 20 October 1879, F. O. 539, v. 16, p. 463.

[168] В 1877 г. хивинский хан отправил Сулейману Эффенди текст договора с Россией и просил передать его султану или английскому послу с целью привлечь их на помощь и освободиться от некоторых наиболее тяжелых условий. Сулейман Эффенди передал эту просьбу Лэйярду, а тот лорду Солсбери. См. переписку о просьбе хана хивинского. Layard to Salisbury, 14 December 1879, F. O. 539, v. 16, p. 527; Mallett to Tenterden, 20 January 1880, F. O. 539, v. 17, p. 29; Salisbury to Layard, 28 January, 1880, F. O. 539, v. 17, p. 29.

на внешнюю помощь. На Персию они не надеялись и считали, что лучшим помощником может быть Англия[169]. По-видимому, прямой контакт, установленный в Константинополе с туркменскими шейхами, дополнявшийся непосредственной связью с туркменами через английских эмиссаров, появившихся в это время в северной Персии, сыграл немаловажную роль в возбуждении волнений туркмен в период русско-турецкой войны. В августе 1877 г. начальник Амударьинского отдела доносил Кауфману о выступлениях жителей и отмечал, что одной из их причин явились «упорные слухи, распространяемые между туземцами, о неудачах нашего оружия на Кавказе»[170]. В сентябре того же года полковник Гротенгельм доносил о проповедях ишанов, которые собирали ата-туркменов у могилы Султан Вейс и возбуждали их на газават. По сообщениям чиновников хивинского хана, в народе распространялся слух о том, что турки завладели Тифлисом и Астраханью и общее восстание назначено на начало уразы, т. е. на конец августа[171]. В связи с этим русские власти произвели аресты. Среди арестованных оказались руководители подготавливавшегося восстания; в одном из них Атанафясе Халманбетове подозревали турецкого эмиссара[172].

БРИТАНСКИЕ ПРОИСКИ В ТУРКМЕНИИ И ПОПЫТКИ ПРЕВРАЩЕНИЯ ПЕРСИИ В ОРУДИЕ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В планах среднеазиатской политики правительство Дизраэли придавало важное значение Персии. Во-первых, оно собиралось использовать ее как орудие борьбы против русского наступления в Туркмении ,во-вторых, как плацдарм, который позволил бы Англии через северные районы Персии, вплотную примыкавшие к Туркмении, проникнуть на территории, населенные туркменами, установить связь с их ханами и утвердить здесь свое влияние, чтобы в последующем превратить их в орудие своей политики в Средней Азии.

На одном из заседаний Географического общества в январе 1879 г. Роулинсон изложил свои соображения о роли Персии в борьбе против России следующим образом: если Персия окажет

---

[169] F. O. 539, 17, p. 36.

[170] Рапорт начальника Амударьинского отдела туркестанскому генерал-губернатору, 31 августа 1877 г., ЦГИА УзССР, ф.-1, И, оп. 34, д. 372, л. 2.

[171] Рапорт военному министру 30 сентября 1877 г., ЦГИА УзССР, ф.-1, оп. 34, д. 372, л. 9.

[172] Там же, л. 10.

помощь русским войскам, наступающим от Каспийского моря, то взятие Мерва будет для России сравнительно легкой задачей; если же она останется нейтральной и не будет снабжать русские войска продовольствием, однако не станет создавать России лишних затруднений, русское наступление усложнится, но все же останется практически осуществимо. Если же Персия выступит против русского наступления и категорически запретит нарушать свои территориальные права, марш русских на Мерв станет невозможным[173].

Роулинсон признался, что существовала определенная программа, направленная на достижение максимального британского влияния в Персии и установление контроля над действиями тегеранского двора, вплоть до руководства его политикой[174]. «Таймс» вместе с тем подчеркивала, что правительство полно решимости проводить в жизнь таинственную программу, пункты которой были неизвестны, по суть сводилась к утверждению влияния Англии в Тегеране[175]. Однако усиление влияния России в Персии, наблюдавшееся в 60—70-х годах, затрудняло ее осуществление. Прежде всего чрезвычайная выгодность торговли с Россией привела к складыванию в Персии влиятельной группы землевладельцев и купцов, которые были тесно связаны с Россией и не только требовали расширения торговли с ней, но и добивались улучшения политических отношений. С другой стороны, в давних пограничных спорах с Турцией по поводу области Котур в Курдистане Персия могла рассчитывать только на поддержку России и, несомненно, эта поддержка позволяла ей сохранять позиции на Среднем Востоке.

Правда, установление русской власти в Туркмении, усиление влияния России в соседних районах северного Ирана было неприятно шаху, грозило подрывом его власти здесь, но шах отлично сознавал свое бессилие воспрепятствовать наступлению русских и утверждению их в Туркмении.

Персидское правительство видело единственный выход в проведении политики двойной игры, когда, с одной стороны, оно уверяло англичан в своем страхе перед русской опасностью и просило оказать помощь, выражая готовность следовать курсу, который предложила бы Англия[176], а с другой стороны,

---

[173] Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, 1879, v. I, p. 188.

[174] H. Rawlinson. England and Russia in the East, p. 123.

[175] The Times, 17 November 1875.

[176] См. личное письмо шаха Мирзе Хусейн-хану (Thomson to Derby 3 April, 1874, F. O. 539, v. 12, N 88, p. 131), а также меморандум персидского посла в Лондоне Малколм-хана герцогу Дерби от 8 апреля 1874 г. F. O. 539, 12, № 49, p. 80.

убеждало русское правительство в своем искреннем стремлении поддержать планы русских в Туркмении и обещало даже свою помощь в случае русского наступления[177].

Внешняя политика персидского правительства была отмечена постоянными колебаниями, изменчивостью, зачастую противоречивыми решениями и, казалось, была очень податлива нажиму одной из двух соперничавших держав, что очень часто вводило в заблуждение их представителей. В действительности же эта податливость была зачастую просто уловкой, которая должна была способствовать обострению англо-русских противоречий, так как в Персии слишком хорошо понимали: чем сильнее будут противоречия двух могущественных держав в Азии, тем больше гарантии сохранить независимость Персии.

Британский посол Томсон очень скоро убедился, насколько ненадежны обещания персидских министров и шаха выступить против намечаемого наступления русских войск в Туркмении и решил, что на прямое выступление Персии против России рассчитывать нельзя[178]. Однако он считал возможным использовать обещание Персии как дипломатическое препятствие против наступления русских войск и расширения русских владений в Туркмении. Обещая персидским министрам «поддержку» их представлений в Петербурге, Томсон побудил шаха заявить протест против любого продвижения русских войск в направлении местностей Кари-Кала и Нохура, хотя герцог Дерби сомневался в принадлежности этих районов Персии[179], тем не менее британские дипломаты решили использовать их в своей агрессивной политике. Объясняя позицию Англии в этом вопросе, лорд Солсбери выражал мнение, что «было бы желательным противопоставить любое возможное дипломатическое препятствие русскому продвижению на Восток в направлении Мерва или Афганистана, будет ли оно проходить по северным или южным склонам Копет-Дага»[180]. С другой стороны, он считал нецелесообразным допустить даже негласное право России захватывать территории в этих местностях только по той причине, что невозможно доказать их принадлежность Персии[181]. Однако бри-

---

[177] Когда шах в 1873 г. оказался в Тифлисе проездом в страны Европы, он заявил великому князю Михаилу о своем желании содействовать русским войскам в случае наступления их в Туркмении и просил предупредить его для того, чтобы он успел принять необходимые подготовительные меры. Бегер — великому князю Михаилу, 23 января 1874 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6872, л. 6.

[178] Thomson to Derby, 26 July, F. O. 539, v. 14, N 277, p. 250.

[179] Tenterden to Mallett, 6 July 1877, Secret, F. O. 539, v. 14, N. 257, p. 240.

[180] Hamilton to Tenterden, 12 July 1877, F. O. 539, v. 14, N 259, p. 240.

[181] Ibid.

танские дипломаты опоздали. Герцог Дерби отправил телеграмму Томсону лишь 19 июля 1877 г., когда русско-турецкая война была уже в разгаре, а шах предлагал свои услуги царю, надеясь на справедливый раздел турецких владений после разгрома Турции, в котором он не сомневался. И теперь, когда Томсон сообщил Мирзе Хусейнхану, что британское правительство готово поддержать протест Персии против наступления русских войск в Туркмении по долине р. Аттрек, предпринятого в середине 1877 г. под командованием генерала Ломакина, тот уже не стремился к осуществлению этой идеи[182]. Шах отказался также вступать в полемику с русскими из-за спорных районов и ограничился лишь тем, что просил через Мирзу Хусейнхана поблагодарить британское правительство за дружескую поддержку и заверил, что вернется к этому вопросу, когда настанет «благоприятный момент»[183].

Британское правительство не собиралось так легко отступать от своего курса. Решение вопроса о прямом использовании Персии против России откладывалось до более благоприятного момента, сейчас же нужно было воспользоваться теми возможностями, которые исходили из положения Персии и позволили бы Англии сделать персидское правительство фактическим соучастником своей политики, не втягивая его официально в полемику с русским правительством, на которую оно вряд ли пошло бы в тех условиях. Прежде всего территорию Персии можно было использовать для установления непосредственных контактов с туркменами, и, во-вторых, она могла сыграть роль притягательного средства для туркменских племен с целью задержания перехода в русское подданство и усиления сопротивляемости русскому наступлению. Ч. Марвин, написавший книгу о разведывательной работе английских агентов в Северной Персии, придавал важное значение этой стране в борьбе против русского продвижения в Закаспии. «Не будет преувеличением говорить,— писал он,— что если бы Бейкер и Мак-Грегор, Нэпиер и Батлер никогда не появлялись бы на северо-восточной персидской границе, Россия избежала бы целую серию туркменских кампаний. Визиты этих офицеров стоили России миллионы денег и сотни жизней»[184]. В этом утверждении налицо преувеличение, которое было привнесено английскими офицерами-разведчиками или послами, не в меру хвастливыми, каким был, например, посол Томсон, но свидетельство Ч. Марвина ценно тем, что в нем раскрывается цель засылки английских

[182] Thomson to Derby, 6. VIII 1847, F. O. 539, v. 14, N 278, p. 252.
[183] Thomson to Derby, 6. IX 1877, F. O. 539, v. 14, N 288, p. 263.
[184] C. Marvin. Reconnoitring Central Asia, London, 1886, p. 247.

офицеров на территорию северной Персии. После хивинской кампании не проходило и года, чтобы английские офицеры не появлялись на границах между Персией и территориями, населенными туркменами, проникая и на туркменские земли, разъезжая по ним, как по своим владениям. Они занимались сбором сведений и подстрекали туркмен к сопротивлению русскому наступлению. В 1874 г. через весь Хорасан проехал капитан Нэпиер, в 1875 г. здесь же побывал полковник Мак-Грегор, в 1876 г. вновь появился капитан Нэпиер, в 1877 г.— капитан Батлер[185].

Сравнительно мало известно о деятельности английских послов и консулов, которые на этом поприще значительно превышали свои прерогативы. Естественно поэтому, что английские авторы совершенно не упоминают о ней. В период 1874—1876 гг. Томсон провел тщательное исследование всей местности от Каспийского моря до Амударьи и составил подробную схему размещения всех туркменских племен и родов, расположенных на этой территории[186]. Брат Томсона Ронуальд Томсон в начале 1876 г. составил меморандум о туркменских племенах с самым тщательным описанием вплоть до мельчайших подробностей и дал приложение, в котором были приведены сведения о дорогах, имевших важное стратегическое значение, об отдельных местностях, о структуре почвы, о снабжении водой, о психологическом складе туркмен[187].

Томсон организовал широко разветвленную сеть агентов, которая охватывала всю Северную Персию и значительную часть Туркмении, простирая свои щупальца до Бухары и Хивы.

В Мешхеде и Астрабаде находились два постоянных агента из местных жителей: в Мешхеде — Аббас-хан, а в Астрабаде — Мухаммед Таги Ата,— оба торговцы, чрезвычайно энергичные люди. Круг их обязанностей был очень широк. Они докладывали в британское посольство обо всех событиях в округе и прилегающих туркменских районах, вербовали новых агентов для британского посольства, и, наконец, очень важной сферой их обязанностей было поддержание связи с туркменскими племенами и влияние на их ханов и шейхов. Мешхедский агент в свою очередь имел агентов в Мерве (Тадж Сирдар), Герате, а также в Северном Иране. Кроме того, находясь в близких отношениях с ильханиями Буджнурда и Кучана, он фактически имел полную возможность организации связи с туркменскими племенами. У астрабадского агента были свои представители почти в

---

[185] Путешествия этих офицеров подробно описаны в книге Ч. Марвина. Кроме того, для ознакомления с деталями «путешествия» Мак-Грегора см. книгу «Хорасан», ч. I—II. СПб.-Киев, 1882—1886.

[186] Thomson to Granville, 12. I 1874, F. O .539, v. 12, N 17, p. 50.

[187] Report on the Turkoman Tribes, 29 February 1876, F. O. 60.

каждом туркменском племени, кочующем между Аттреком и Гурганом. Особенно ценной была его связь с Бекджан-ханом, предводителем племени джафарбаев, который изъявил желание стать английским агентом и осведомителем на территориях, расположенных за Аттреком[188].

Активную роль в осуществлении британской политики в отношении туркмен играл консул в Гиляне Черчилль. По прибытии на место своего назначения в июле 1875 г. он предпринял путешествие в провинции Мазандаран и Астрабад, которые географически входили в сферу его консульства. Во время своего путешествия в Астрабад он особенно интересовался туркменами и старался получить о них всевозможные сведения[189].

Томсон завербовал к себе на службу влиятельных коммерсантов, которые по роду своих занятий могли свободно разъезжать по всей туркменской степи; их приветливо встречали и в русском военном лагере[190].

Капитан Нэпиер во время первого визита в Иран стремился проникнуть на территории, населенные туркменами, и установить связь с их шейхами. Еще в июне 1874 г., находясь в Тегеране, Нэпиер в беседах с сотрудниками русского посольства пытался выяснить расположение туркменских племен и вообще получить сведения о Средней Азии. Из Тегерана в Мешхед он направился по той же дороге, по которой прошли капитан Марш и Вамбери, и 11 августа 1874 г. прибыл на место. Там он провел больше месяца и затем направился по линии персидской границы по следам полковника Бэйкера, который прошел здесь за шесть месяцев до него. От Келата, оцененного Бэйкером как лучшее место для размещения войск, Нэпиер повернул к юго-западу вдоль линии границы, исследуя все сколько-нибудь значащие пункты и дошел до побережья Каспийского моря, остановившись в Астрабаде. Он вернулся в Тегеран 11 декабря 1874 г. и до марта писал доклад о своей поездке.

Нэпиер уточнил и детализировал все сведения, собранные до него о Хорасане и его пограничных районах, во многом дополнил прежние материалы о Ахал-Текинском оазисе и Мерве, черпая сведения непосредственно у самих туркмен. Его доклад, состоявший из 10 отдельных докладов, дневников и записей (350 стр.), был напечатан в 25 экземплярах, но остался неопуб-

---

[188] В фонде Ф. О. 539 имеется собственноручное письмо Бекджана Томсону, пересланное герцогу Дерби. F. O. 539, v. 14, N 82, p. 76—77.

[189] Шимановский — Джомини, 21. VII 1875 г., АВПР, Главный архив, V-Аз, 1875, д. 23, л. 119.

[190] Так, в сентябре 1875 г. коммерсант Ага Мухамед Исмаил побывал в лагере генерала Ломакина в Чикишляре под видом урегулирования своих коммерческих дел с туркменами. F. O. 539, v. 14, N 101, p. 97.

ликованным. Всю работу Нэпир выполнил настолько скрупулезно, что до начала XX в. его материалы оставались чуть ли не единственными точными сведениями по Туркмении, находившимися в распоряжении английских дипломатов и разведчиков[191]. Сбору сведений о северной границе Ирана Нэпир придавал большое значение, но главной его целью было установление связи с туркменами и выяснение их потенциальных возможностей. В Келате он вступил в непосредственный контакт со многими туркменскими шейхами и одного из них — Урал Мамедхана привлек к себе на службу[192]. После своих бесед с туркменами в Келате капитан Нэпир писал в одном из донесений: «Я получил обильные доказательства их желания иметь прямую связь с нами и я верю, что они могли бы быть трансформированы в миролюбивое, честное и процветающее общество и сослужили бы службу как реальная сила нашей границы и Империи»[193]. Следующий визит капитана Нэпиера в Хорасан сохранялся в глубокой тайне, но, по сведениям русского поверенного в Иране Шимановского, Нэпир имел задание проехать до Мерва[194]. Мирза Хусейнхан, которого Шимановский запросил о цели этого визита, заявил, что накануне своего отъезда капитан Нэпир заходил к нему и просил дать рекомендательные письма к правителям Буджнурда и Кучана[195]. Шимановский дал задание консулу в Астрабаде Бакулину следить за передвижением и действиями Нэпиера. Агенты Бакулина неусыпно наблюдали за английским офицером. В декабре 1876 г., по донесению Бакулина, капитан Нэпир в сопровождении некоего Мирза Хасан Алихана с большим караваном в 30 лошадей проехал из Шахруда в направлении Буджнурда, исследуя проходимость пути. Бакулин точно не знал истинного намерения Нэпиера, он обращал внимание русского посла на тот факт, что пребывание английского офицера в Буджнурде, тесно примыкающем к кочевьям туркмен-гокланов, а также ахал-текинцев, благоприятствовало сближению с кочевниками и влиянию на них «путем внушения»[196]. Бакулин подчеркивал при этом, что капитан Нэ-

---

[191] См., например, BFSP, 1883/1884, v. LXXV, London, 1891, p. 955.

[192] Донесение Бакулина, февраль 1875 г., ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 648.

[193] Цит. С. Marvin. Op. cit., p. 147.

[194] Шимановский — Горчакову, 6 декабря 1876 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1876, д. 24, л. 177. Этот документ имеется и в фондах ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, но по ошибке там он представлен как депеша Зиновьева, тогда как в подлиннике подписан Шимановским.

[195] Донесение консула в Астрабаде, 10 декабря 1876 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1876, д. 24, л. 184.

[196] Донесение консула в Астрабаде, 10. XII 1876 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1876, д. 24, л. 184.

пнер близко знаком с буджнурдским ильхани Яр-Мухамед-ханом. Появление Нэпнера отмечено началом брожения в туркменских степях и появлением среди текинских туркмен сына правителя Кучана Абул Хасан-хана, который подготовил их к выступлениям против России. Связь Абул Хасан-хана с капитаном Нэпнером и с английским послом Томсоном несомненна. Спустя два года, в 1878 г. Абул Хасан-хан вызвался ехать вместе с Нэпнером мехмандаром по туркменским аулам. Кроме того, английское посольство получало полную информацию о действиях Абул Хасан-хана, что само по себе свидетельствует о том, что Абул Хасан-хан сам докладывал о своих действиях, или же персидское правительство, знавшее о его связях с английским посольством, считало нужным сообщить о его действиях английскому послу.

В июле 1876 г. Томсон доносил герцогу Дерби о «тесной связи» между Абул Хасан-ханом и Нурберди-ханом, а также другими шейхами текинских туркмен. Абдул Хасан-хан посоветовал им обратиться к персидскому правительству с просьбой принять его подданство и вывесить у себя флаги персидского шаха. Он предупреждал их, что если они попадут под власть русских, то лишатся не только семей и собственности, но и религии. В депеше к герцогу Дерби Томсон прозрачно намекал: «Так как Абдул Хасан-хан был недавно в Тегеране и жил в доме министра иностранных дел (т. е. Мирзы Хусейн-хана.— *Г. Х.*), который проявлял к нему подчеркнутое внимание, нет ничего невозможного в том, что его советы были в соответствии с собственными советами министра»[197].

Спустя несколько месяцев, в октябре 1876 г. Томсон писал в Лондон: «Имею честь доложить, что делегация туркмен от ахальских племен прибыла в Тегеран под водительством Абдул Хасан-хана, сына наследного губернатора Кучана. Они были представлены шаху и сейчас расквартированы и содержатся за счет правительства, ожидая начала переговоров»[198]. Томсон ставил в известность герцога Дерби, что перед отъездом из Хорасана Абдул Хасан-хан договорился с шейхами ахалов относительно условий, на которых они желали принять персидское подданство. Туркмены должны были воздвигнуть в одном из пунктов на своей территории крепость, которая будет в честь шаха называться «Насерия», в ней разместится персидский офицер, который будет выполнять функции губернатора ахал-текинского оазиса. Они должны были также выделить в распоряжение генерал-губернатора небольшой отряд туркменских ка-

[197] Thomson to Derby, 19 July 1876, F. O. 539, v. 14, N 144, p. 138.
[198] Thomson to Derby, 6 October 1876, F. O. 539, v. 14, N 164, p. 165.

валеристов. За это персидское правительство брало на себя обязательство защищать их от русских (?). Как оно собиралось осуществлять это, не указывалось, и, по-видимому, указанный пункт шах совсем не собирался выполнять, он был включен исключительно для облегчения соглашения с туркменами. Да и сам Томсон писал, что персидское правительство не сможет его выполнить[199]. Шимановский был совершенно спокоен относительно этих переговоров, о которых он также имел сведения, правда, не такие подробные, как Томсон. Он писал Горчакову: «Мне кажется, что влияние Персии в тех местностях так незначительно, что если даже цифра туркмен, признавших свою зависимость от Персии и не преувеличена, то подобное номинальное подчинение едва ли может быть прочно»[200].

Переговоры в Тегеране длились свыше месяца. Туркмены уехали из персидской столицы 4 ноября 1876 г., не заключив соглашения, тем не менее они увозили халаты от шаха и письмо Мирзы Хусейнхана для Нурберды-хана, который «назначался» главным правителем над всеми ахал-текинскими племенами, с обещанием протекции персидского правительства. В письме персидский министр иностранных дел рекомендовал также Нурберды-хану воздержаться от грабительских набегов на русские владения. Мирза Хусейнхан подробно проинформировал Томсона о переговорах и передал ему копию письма Нурберды-хану[201].

В начале 1877 г. некий Ходжи Шах Мухамед был отправлен персидским правительством к ахалам; собрав специальный меджлис шейхов и старшин, он пытался убедить их перейти в подданство Персии. По сведениям, полученным Томсоном, туркменские шейхи согласились выразить свою «преданность» шаху и отправили вместе с персидским посланником в Мешхед нескольких шейхов для выработки условий[202]. Как сообщал Томсону мешхедский агент, Ходжи шах Мухамед выдвинул от имени персидского правительства следующие условия: 1. Туркмены должны платить ежегодно небольшой налог; 2. Некоторые из шейхов будут жить в Тегеране в качестве заложников; 3. Персидское правительство требует возвращения ему всех награбленных вещей, где бы они ни находились[203]. Туркменские представители отказались выполнять первые два условия. Они заявили,

---

[199] Thomson to Derby, 6 October 1876, F. O. 539, v. 14, N 164, p. 165.

[200] Шимановский — Горчакову, 20 сентября 1876 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1876, д. 24, л, 157.

[201] Thomson to Derby, 6 October, F. O. 539, v. 14, N 164, p. 165.

[202] Meshed Agent to Thomson, 16 February 1877, F. O. 539, v. 14, N 225, p. 218.

[203] Meshed Agent to Thomson, 23 March 1877, F. O. 539, v. 14, N 236, p. 226.

что земли, на которых они живут, предоставлены им Мухамед Хасан-ханом Каджаром, основателем династии Каджаров, освободившим их одновременно от налогов; с другой стороны, они отказались посылать и заложников на том основании, что добровольно соглашаются стать персидскими подданными, а не принуждаются к тому силой оружия[204]. Одновременно с туркменами-ахалами в Мешхед прибыли также и мервские туркмены, которые вели переговоры с губернатором Хорасана по тому же вопросу. Не добившись никакого решения, они согласились, чтобы вместе с ними в Мерв отправился представитель персидского правительства для продолжения переговоров на месте. По-видимому, Насрулла-хан был связан с британским агентом в Мешхеде, так как тот в донесении старался дать ему положительную характеристику. «Насрулла-хан,— писал он,— очень способное лицо, и он рассказывал мне, что не сомневается в том, что туркмены покорятся»[205]. 8 марта 1877 г. в доме Кушид-хана в Мерве был проведен великий совет, на котором, по сообщению Насрулла-хана, было решено, что мервские туркмены станут персидскими подданными, если правительство Персии согласится выплачивать ежегодное жалование 1000 всадникам, которые должны следить за соблюдением порядка и безопасностью в Мургабском оазисе[206].

Это была странная игра. Туркмены и персидские власти постоянно враждовали, не проходило месяца без кровавых инцидентов и столкновений между туркменскими племенами и населением персидских пограничных селений, причем обе стороны проявляли большую жестокость. Ведя «переговоры», ни туркменские, ни персидские власти не верили друг другу; ни те, ни другие не собирались выполнять обещаний, которые они давали друг другу в ходе этих переговоров. Это была игра в жмурки, которой, видимо, руководил опытный режиссер — британское посольство в Тегеране. Разумеется, обе стороны имели свою цель, но главной движущей силой в переговорах являлось все-таки британское посольство. Британские представители были в курсе всех сношений между туркменами и персидскими властями, и обе стороны передавали им документы, касавшиеся этих «переговоров». Более того, многие факты свидетельствуют о том, что главные шаги предпринимались обеими сторонами по советам, исходившим от британского посольства и, по-видимому, по его указанию составлялись основные документы, фиксировавшие ход переговоров. 27 августа 1877 г. на имя мешхедских властей

[204] Meshed Agent to Thomson, 23 March 1877, F. O. 539, v. 14, N 236, p. 226.
[205] F. O. 539, v. 14, N 225, p. 218.
[206] F. O. 539, v. 14, N 236, p. 226.

пришла телеграмма из Тегерана, в которой говорилось, что в случае, если мервские и ахальские туркмены станут персидскими подданными, персидское правительство обязуется выплачивать им по 30 тыс. туманов ежегодно[207]. Эта телеграмма наводит на мысль: как это сугубо секретное сообщение могло попасть к мешхедскому агенту Томсона, ведь все телеграммы в Мешхед шли шифрованными и лично поступали к губернатору Хорасана, принцу Року-уд-Доули. Кроме того, как мог шах обещать 30 тыс. туманов, если его финансы, как и финансы всей страны, были настолько малы, что он не выплачивал своим регулярным войскам жалование в течение трех лет, в Иранском Азербайджане числились недоимки на 100 тыс. туманов, и здесь не могли собрать нужных 30 тыс. туманов на поездку наследного принца в Тегеран[208]. Как бы то ни было 2 октября 1877 г. в Мешхед прибыла новая делегация из Мерва в составе 35 человек, возглавляемая Насрулла-ханом. Официально она должна была продолжить переговоры. После бесплодных переговоров, длившихся почти месяц, делегация была направлена в Тегеран. В столице ее приняли необычайно пышно, выделили специальную резиденцию, на содержание каждого члена делегации правительство выделило значительную сумму — 2 крана в день. Британское посольство поддерживало тесный контакт с делегацией. В донесении к герцогу Дерби Томсон подчеркивал: «Секретарь посольства был в личной связи с одним из этих шейхов»[209]. Судя по донесениям, Томсон регулярно получал подробную информацию о ходе переговоров и, по-видимому, определенным образом влиял на них. Он отмечал, что туркмены «мало верят персам и их обещаниям». Они предпочитают персам афганцев, и Томсон был уверен, что, если переговоры окончатся неудачно, туркмены неминуемо капитулируют перед русскими. «Конечно, для них имелась альтернатива войны с Россией, но они знают, что это было бы бесполезным делом»[210].

Переговоры затянулись более чем на три месяца и завершились заключением соглашения, полный текст которого немедленно был отправлен в Лондон. В соглашение были включены следующие пункты:

1. Мервские туркмены признают свое подчинение Персии;
2. Они обязуются полностью прекратить рейды в эту страну;
3. В Мерве должен быть поднят персидский флаг;

---

[207] Meshed Agent to Thomson, 1 October 1847, F. O. 539, v. 14, N 293, p. 285.

[208] Донесение генерального консула в Азербайджане, 12 февраля 1876 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1876, д. 24, л. 46.

[209] Thomson to Derby, 9 November 1877, F. O. 539, v. 15, N 4, p. 4.

[210] Thomson to Derby, 9 November 1877, F. O. 539, v. 15, N 4, p. 4.

4. В Мерве должен находиться персидский агент, назначаемый шахом;
5. В Мешхеде будут оставлены 100 заложников, которые должны быть людьми влиятельными от всех четырех ветвей мервских туркмен, они будут без семей;
6. В Мешхеде на службе у персидского правительства будет находиться отряд из 1000 всадников (по 250 от каждой ветви), которых будет содержать персидское правительство, они могут использоваться в любой части Персии, где потребуется их служба;

Со своей стороны персидское правительство обязалось:

1. Признать мервских туркмен персидскими подданными и обещало им защиту и свое благоприятное отношение к ним;

2. Оно соглашалось оплачивать расходы на заложников, отправленных в Мешхед, которые оценивались в размере 6 тыс. туманов в год.

3. Принимало на себя расходы по содержанию туркменских кавалеристов, нанятых на службу Персии, на тех же условиях, что и хорасанских нерегулярных кавалеристов, которые оценивались по 3 тыс. туманов ежегодно.

4. Оно разрешало 1000 мервских туркменских семей поселить в Старом Серахсе и на землях, примыкающих к Теджену.

Шах даровал туркменским шейхам фирман, объявлявший, что текинские туркмены Мерва всегда были и остаются подданными Персии, а также объявлял им прощение всех нелойяльных по отношению Персии действий[211]. Пересылая в Лондон полный текст коммюнике соглашения (русский посол не имел текста соглашения), Томсон уверенно писал, что если в Мешхеде все будет быстро улажено в отношении заложников и всадников, то практическое оформление соглашения завершится к весне 1878 г.[212]

Вместе с текстом соглашения Томсон представил своему брату и меморандум, в котором писал о ближайших намерениях туркмен после оформления соглашения. Он указывал, что, по мнению мервских шейхов, ахальская часть их племени уйдет из Ахал-Текинского оазиса и присоединится к ним в Мерве. Он подчеркивал огромную важность объединения, которое давало возможность в случае неожиданной атаки быстро собраться вместе, занять удобную позицию на Мургабе, «очень благопри-

---

[211] Полный текст соглашения приводится в BFSP, 1877—1878, v. LXIX, London, 1885, p. 321—325.

[212] Thomson to Derby, 3 January 1878, BFSP, 1877—1878, v. LXIX, London, 1885, p. 236.

ятную для обороны»[213]. «Их земли в Мерве, — докладывал Р. Томсон в меморандуме,— совершенно достаточны для размещения сил вдвое больших тех, которые сейчас размещаются там. Три ветви ахал-текинцев, именно Бек и Сичмас в Бам и Бурме, и Вакиль в Анау уже объявили о своем намерении покинуть ахал-текинский оазис и переехать на восток к Теджену или в Мерв в случае, если подвергнутся русскому нападению»[214]. Последующие действия британских дипломатов свидетельствуют о том, что переговоры, происходившие в Тегеране, полностью соответствовали политике англичан и тем акциям, которые они намеревались предпринять в Туркмении. Уже в начале 1878 г. в Иране появились два английских офицера, которые прежде уже бывали здесь: Нэпиер и Батлер. Контакты, установленные Р. Томсоном во время пребывания туркменской делегации в Тегеране, очень помогли им, они обращались к туркменским шейхам как к старым знакомым.

В марте 1878 г. Батлер появился в Дерегезе. Получив от местного правителя вооруженный эскорт, Батлер в его сопровождении дошел до Келте-Чинара, расположенного в нескольких часах езды от первого аула туркмен. Он хотел проехать в Келте-Чинар, но начальник эскорта не пустил его, заявив, что отвечает за его жизнь и не хочет рисковать. Тогда Батлер вернулся в Кучан и оттуда отправил письмо шейху ахал-текинских туркмен, приложив также проект ответного письма, с которым туркмены должны были обратиться к нему. «Дорогой и благородный друг,— писал Батлер,— Ваше письмо, как и письма наших друзей, снабженные их печатями, достигли меня. Шах Мухамед догнал меня в Кальта, и я дал ему ответ. Я узнал, что Аллаяр-хан не позволил Вам приехать ко мне. Сейчас я нахожусь в Фирузе и искренне желаю пойти к Вам, чтобы увидеть всех и говорить с Вами»[215]. Капитан Батлер сообщал, что он возвращается в Англию и что правительство Англии «хорошо» расположено к нему[216]. В проекте ответного письма выражалась просьба доложить английской королеве о положении туркмен и их обещание сделать для англичан все, чего они пожелают. Но письма эти не дошли до адресата. Гонец Батлера был арестован персидскими пограничными властями, а письма отправлены в

---

[213] Ibid.

[214] Ibid.

[215] Зиновьев — Горчакову, 18/30 апреля 1878 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1878, д. 26, вкладыш л. 94.

[216] Зиновьев — Горчакову, 18/30 апреля 1878 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, д. 26, л. 97. Письма были написаны на персидском языке и переведены Зиновьевым на французский с сохранением всех погрешностей в стиле.

Тегеран, где Яхья-хан, временно замещавший Мирзу Хусейн-хана, передал их Зиновьеву. Не удалось Батлеру выполнить и главную свою задачу — пройти в Мерв[217]. Он был вынужден вернуться в Тегеран (18.VI 1878 г.), поселился в малонаселенном квартале и окружил глубочайшей тайной свое пребывание там, не встречаясь даже с согражданами. Однако некоторые члены посольства посещали его. Несмотря на меры предосторожности, принятые Батлером, Зиновьеву удалось получить подробные сведения о его деятельности от слуги, который пользовался его доверием и служил посредником в его сношениях с персидскими властями[218].

Цель английских агентов, по сведениям Зиновьева, заключалась в изыскании средств для предупреждения подчинения независимых туркмен влиянию России и перехода их под ее власть. В беседе с валием Шахруда капитан Батлер указывал, что решению этой задачи могло бы способствовать сплочение туркменских племен и объединение их в некоторого рода конфедерацию, которая оказала бы серьезное сопротивление России и помешала бы ей расширить свои владения на Востоке[219]. Неоднократные попытки капитана Нэпиера проникнуть в текинские степи и установить связь с туркменами также подтверждали эти намерения британского правительства[220]. Сразу же после возвращения Батлера из Хорасана Томсон объявил Мирзе Хусейн-хану о намерении капитана Нэпиера отправиться в Мешхед... охотиться. Подозревая, что английский офицер намеревается пробраться в Мерв, персидский министр иностранных дел советовал отговорить Нэпиера от его затеи[221], но Томсон отказался исполнить его просьбу. Тогда ему было объявлено, что персидское правительство не гарантирует безопасности Нэпиеру, но Томсон даже не ответил на эту угрозу[222].

---

[217] Мешхедский агент писал Томсону: «Я не получал известий от капитана Батлера, но думаю, что он находится в Дерегезе и пытается пройти к Мерву» (Meshed Agent to Thomson, 2 March 1878, F. O. 539, v. 15, N 42, p. 60).

[218] Он рассказал Зиновьеву, что Батлера в поездке сопровождали еще два англичанина. Один по фамилии Хейли и другой, не выдавший своего настоящего имени, называвший себя то Гибсоном, то Хаммондом. По его же сообщениям, Батлер направил отчет о своей поездке в Кум и ждал в Тегеране инструкций для дальнейших действий. Зиновьев — Горчакову, 16/28 апреля 1878 г.; АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1878, д. 26, л. 160—161.

[219] Копия с секретной инструкции, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 2, 1878, д. 26, л. 112.

[220] Там же, л. 113.

[221] Зиновьев — Горчакову, 31. I (12 февраля) 1878 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, I, 1878, л. 22.

[222] Зиновьев — Горчакову, 27 февраля, 17 марта 1878 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1878, д. 26, л. 32.

Зиновьев считал новую затею английской дипломатии очень серьезной и в депеше Горчакову высказывал свое мнение: «Организация конфедерации туркменских племен, направленная на то, чтобы обречь нас на неудачу в Средней Азии, является главной целью путешествия английского военного атташе, предпринятого лишь вследствие неудачи попыток капитана Батлера»[223]. Кроме того, Зиновьев подчеркивал, что британское посольство получило для специальных целей векселя на 12 тыс. фунтов стерлингов.

Капитан Нэпиер намеревался проехать из Мешхеда в ахалтекинский оазис, чтобы «убедить племя (т. е. текинцев.— *Г. Х.*) выступить с небесполезным сопротивлением и подчеркнуть их номинальный статус как персидских подданных»[224]. Он рассчитывал сделать это с помощью Нурберды-хана, с которым поддерживал связь еще с марта 1878 г.[225], надеясь убедить его выехать из Мерва и сопровождать в поездке в долину Аттрека. Присутствие Нэпиера в Ахал-текинском оазисе, как английского офицера, свободно разъезжающего по туркменским степям, должно было подчеркнуть, что туркмены являются персидскими подданными, и в этом случае он мог указывать им курс действий. «Если бы я нашел,— писал Нэпиер Томсону,— что племя решило сражаться, я должен был бы возвратиться в пределы признанных персидских границ и иметь возможность получать полную информацию о ходе событий»[226].

Однако попытки британских офицеров организовать борьбу туркмен против России, равно как и попытки образовать тесный союз туркменских племен с Персией, провалились. Русский посол Зиновьев был в курсе переговоров между Персией и туркменами, о них ему регулярно докладывал министр иностранных дел Персии Мирза Хусейнхан, но он считал ненужным до поры до времени предпринимать ответные меры, будучи убежден в том, что персидское правительство не очень серьезно относится к этим переговорам[267].

Кроме того, командующий русскими войсками в Туркмении генерал Ломакин сообщил Зиновьеву в начале 1877 г., что наиболее влиятельные туркменские шейхи регулярно информируют

---

[223] Зиновьев — Горчакову, 12/24. II 1878 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1878, д. 26, л. 30.

[224] Napier to Thomson, 5 February 1878.

[225] Meshed Agent to Thomson, 16 March 1878, F. O. 539, v. 15, N 51b, p. 65.

[226] Meshed Agent to Thomson, 16 March 1878, F. O. 539, v. 15, N 51b, p. 65.

[227] Зиновьев — Горчакову, 14/26. II 1877 г.; АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1877 г., д. 25, л. 7.

его о переговорах с персидскими властями и отметил, что они не придают им никакого значения[228].

Даже прибытие в Тегеран в конце 1877 г. туркменской делегации и состоявшиеся здесь переговоры не заставили Зиновьева изменить свой прежний курс, он по-прежнему продолжал смотреть сквозь пальцы на этот фарс. Правда, он тактично дал понять Мирзе Хусейн-хану о своей осведомленности относительно туркменской делегации, но совершенно удовлетворился, услышав от него, что персидское правительство не придает никакого значения новым переговорам, поскольку не имеет никаких средств принудить туркмен исполнять их обязательства[229].

Поездка британских офицеров в Туркмению в 1878 г. заставила Зиновьева отказаться от выжидательной тактики и перейти к решительным действиям. Чтобы нейтрализовать деятельность капитана Нэпиера, Зиновьев с согласия персидского правительства послал в Хорасан астрабадского консула Бакулина, предписав ему не допустить Нэпиера на территории, населенные туркменскими племенами, а заодно и исследовать Хорасан, его географические, этнографические и политические условия, имея в виду, что утверждение России в Туркмении приведет в будущем к необходимости разграничения с Персией, и русскому правительству эти сведения будут необходимы при работе комиссии по разграничению[230].

Бакулин блестяще справился с поручением и не только не допустил проникновения капитана Нэпиера в Ахал-текинский оазис, но фактически лишил его всякой связи с туркменскими шейхами. По его представлению принц Року-уд-Доуле арестовал Абдул Хасан-хана, и капитан Нэпиер лишился важного козыря. Не удалось ему установить связь и с туркменскими шейхами Ахал-текинского оазиса, так как все его письма перехватывались на границе провинции Дерегез и направлялись в Тегеран к Зиновьеву[231]. В Хорасане капитану Нэпиеру не удалось получить поддержки для своего мероприятия. Более того, он с глубочайшим сожалением констатировал, что как официальные лица в провинции, так и широкое население, особенно предста-

---

[228] Ломакину об этом сообщили Тыкма Сардар, Овез Дурды-хан, Ханмамед Аталык, Амангельды Вани, Берды Батыр. См. «Присоединение Туркмении к России», стр. 270—276, 282—283.

[229] Зиновьев — Горчакову, 29 ноября 1877 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1877, д. 25, л. 278.

[230] Копия с секретной инструкции, данной посланником в Тегеране консулу в Астрабаде надворному советнику Бакулину, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1878 г., д. 26, л. 109—119.

[231] Оригинал одного из писем с гербовой печатью «Government of Bombay» имеется в АВПР, См. Главный архив, V-Аз, 1878 г., д. 24, л. 264.

вители торговых кругов, относились с симпатией к России и желали дружеских отношений с ней[232].

Провал попыток организовать выступление туркменских племен в союзе с Персией против русских войск заставил британского посла мобилизовать все силы на ухудшение непосредственных отношений между Россией и Персией, считая, что только в этом случае удастся заставить Персию действовать более энергично в отношении туркмен и создать на северных границах благоприятные условия для действий британских офицеров.

Благоприятный случай для осуществления новой затеи представился Томсону летом 1878 г., когда российское правительство предприняло новое наступление в Туркмении с целью подчинения Ахал-текинского оазиса, как демонстрацию против агрессивных действий Англии на Среднем Востоке. Узнав, что персидские власти согласились помочь русскому командованию транспортными средствами и продовольствием[233], Томсон решил заставить их отказаться помогать России, и, кроме того, побудить их сделать представление русскому правительству с протестом против наступления русских войск в Туркмении на том основании, что Туркмения принадлежит Персии. Предпринимая очередной демарш, Томсон ставил перед собой конкретную цель. С одной стороны, отказ Персии помочь русским войскам в Туркмении неминуемо осложнил бы выполнение русскими войсками поставленной задачи и, возможно, вынудил бы их даже отступить. Отступление русских войск, несомненно, было бы воспринято туркменами как их поражение, что привело бы к падению престижа России и создало условия для новых происков британских разведчиков в Туркмении. В этом случае через Герат англичане смогли бы установить регулярные связи с туркменскими племенами и организовать их выступление против русских войск. С другой стороны, по расчетам Томсона, отказ персидских властей снабжать русские войска продовольствием и транспортными средствами неминуемо вызвал бы демарши со стороны России, а возможно, и конфликт между Россией и Персией, что, по-видимому, было главной целью Томсона и на что он более всего рассчитывал.

Томсон заставил Мирзу Хусейнхана аннулировать приказ, отданный властям Хорасана о предоставлении помощи русским войскам, и от имени шаха приказал отказывать русским войскам в предоставлении транспортных средств и продовольст-

[232] Notes by Captain Napier on recent events in Korassan, F. O. 539, v. 15, N 264, p. 384—385.

[233] Thomson to Salisbury, 8 August 1878, F. O. 539, v. 15, N 126, p. 142a—142b.

вия[234]. Кроме того, высказывая подозрения о существовании тайного русско-персидского соглашения, направленного против британских интересов, Томсон добился от Мирзы Хусейнхана представления в российское посольство, в котором персидское правительство выдвигало претензии на Кари-Кала и окружающие местности, находившиеся на пути русских войск к Мерву, вдоль долины р. Аттрек[235]. Однако и здесь Томсона ждало разочарование. Прежде всего, когда персидские власти отдали распоряжение об отказе в помощи русским войскам, в этой «помощи» уже не было никакой необходимости, так как сразу же после подписания Берлинского трактата (август 1878 г.) российское правительство отдало приказ главнокомандующему кавказской армией остановить дальнейшее продвижение и обосноваться в местности Чат[236]. Томсон по существу продолжал бороться с несуществующим русским наступлением, а персидские власти поддерживали его в этом заблуждении, отдавая распоряжения, на которые он их подбивал, сознавая при этом, что они не могут принести вреда русским войскам.

С другой стороны, Томсон напрасно растрачивал силы, пытаясь втянуть Персию в полемику с русским правительством из-за отдельных районов в долине р. Аттрек, в частности из-за местности Кари-Кала. Ноты русскому посольству 5 сентября 1878 г. и 20 сентября 1878 г. относительно Кари-Кала, которые Томсон лично редактировал, были переданы с целью успокоения британского правительства. Мирза Хусейн в личных беседах с Зиновьевым отступал от своих требований и представлений, выдвигаемых в нотах и даже указывал на английского посла, как подлинного автора этих нот. Благодаря такой предупредительности персидского министра российское правительство и его представитель Зиновьев почти не реагировали на представления Персии и не принимали их в расчет при определении дальнейшей политики в Туркмении[237]. Зиновьев, видя показную игру персидских властей, понимал, что не следует мешать им «водить за нос британского посла».

Очевидность того, что персидские министры обманывают англичан, была ясна не только Зиновьеву, но и другим иностранным представителям в Тегеране, в том числе и капитану

---

[234] Телеграммы губернатора Хорасана, губернатора Астрабада и капитана Нэпиера, F. O. 539, v. 15, N 223, p. 320a.

[235] Meerza Hossein Khan to Zinoviev 5 September 1878, F. O. 539, v. 15, p. 316. Memorandum from Meerza Hossein Khan to mr. Zinoviev 20 September 1878, F. O. 539, p. 318.

[236] См. «Присоединение Туркмении к России», стр. 338, 343.

[237] Зиновьев — Горчакову, 27 августа, 8 сентября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 114, л. 33; Зиновьев — Горчакову, 3/15 апреля 1878 г., ф. Главный архив, V-Аз, 1878 г., д. 26, л. 85.

Нэпиеру. Вопреки победным реляциям Томсона о срыве им снабжения русских войск Персией, которое он считал главной причиной прекращения наступления русских войск, капитан Нэпиер в своей докладной записке и мысли не допускал о том, что такая мера возможна. К тому же он знал, что даже осуществление ее не могло бы повлиять на действия русского правительства и командование русских войск, так как русские войска могли закупить продовольствие непосредственно у местного населения персидских районов, которое относилось к ним с симпатией[238]. На ошибку Томсона указывал и атташе австрийского посольства в Тегеране Кучинский, считавший, что британский посол ввел в заблуждение свое правительство, утверждая, что ему удалось сорвать снабжение русских войск продовольствием с персидской территории и вследствие этого заставить их отступить[239].

Как бы ни старался Томсон убедить правительство в успехе осуществления своих замыслов, тем не менее оно имело веские доказательства провала попыток вбить клин в отношения между Россией и Персией и превратить Персию в орудие своей политики в Средней Азии. Это бросилось в глаза всему дипломатическому корпусу в Тегеране на первом же приеме, устроенном шахом по возвращении из путешествия по Европе, предпринятого летом 1878 г. Шах был чрезвычайно любезен с Зиновьевым и во всеуслышанье просил его выразить признательность императору за радушный прием, а к Томсону отнесся подчеркнуто холодно и выразил сожаление, что королева не смогла принять его. Он высказал Томсону свое недовольство политикой Англии по отношению к Персии, отметив, что Россия в этом смысле отличается «большой деликатностью», манера же поведения англичан свидетельствует о том, как мало значения Англия придает дружбе с Персией[240].

Британские представители и раньше допускали возможность двойной игры со стороны Персии[241], но вряд ли они могли предположить, что персидский монарх позволит себе разговаривать с британским послом в такой манере. Это был явный провал попыток превратить Персию в орудие своей политики и свидетельство необоснованности расчета англичан втянуть персид-

---

[238] Thomson to Salisbury, 26 November 1878. Confidential, F. O 539, v. 15, N 16, p. 10.

[239] Записка Кучинского была переправлена лорду Солсбери австрийским канцлером графом Андраши 2 июня 1879 г., F. O. 539, v. 16, N 235 p. 200.

[240] Зиновьев — Горчакову, 8/20. VIII 1878 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1878 г., д. 26, л. 205.

[241] Thomson to Salisbury 8 September 1878. F. O. 539, v. 15, N 215, p. 311.

ского шаха в среднеазиатские авантюры. В связи с этим, британская дипломатия перенесла центр тяжести своих действий на Афганистан, рассчитывая найти там ключ к Средней Азии и превратить эту страну в основной плацдарм противодействия русской политике в Средней Азии. В Персии англичане столкнулись с мощным барьером — русской дипломатией — преодолеть который они оказались не в состоянии, и им пришлось временно отступить. В Афганистане, официально находившемся вне политики России, Англия могла действовать, не принимая во внимание противодействия русской дипломатии. В этом государстве не было конкуренции другой европейской державы, и Англия могла не скрывать истинных мотивов своей среднеазиатской политики.

Глава III

ВТОРАЯ АНГЛО-АФГАНСКАЯ ВОЙНА. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-РУССКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПОДГОТОВКА БРИТАНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ВТОРОЙ АНГЛО-АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Центр тяжести среднеазиатской политики правительство Дизраэли перенесло на Афганистан, где Англия намеревалась нанести решающий удар для коренного изменения политической ситуации в Азии. Сюда было направлено острие всей британской колониальной политики.

Особенности политической жизни в стране и появление на мировой арене опаснейших конкурентов — США и Германии — создали специфическую форму внешней политики Англии, ставшую позднее свойственной внешней политике империализма вообще, характеризовавшуюся глубочайшей скрытностью и строжайшей секретностью осуществления.

Упреки правительству России в агрессивных действиях должны были служить оправданием наступательной политики кабинета Дизраэли; утверждение о сговоре эмира Шир Али Хана с Россией намечалось сделать решающим аргументом в пользу аннексии части его владений, которые расценивались как плацдарм для наступления на Индию; наконец, постоянное проявление страхов за Индию должно было служить ширмой, за которой Англия переходила к решительным действиям против Афганистана. Все средства использовались для того, чтобы дезинформировать английскую общественность и отвлечь ее внимание от истинных замыслов правительства и, когда в 1878 г. в Англии серьезно обратили внимание на состояние отношений с Афганистаном, неожиданно обнаружилось, что страна находится на грани войны и правительство ждет лишь удобного случая и благовидного предлога для осуществления военного разгрома эмира кабульского. К этому времени Дизраэли уже успел изгнать из кабинета герцога Дерби, парализовать оппозицию и разжечь в стране воинствующий джингоизм, который предо-

ставлял ему широкую возможность проведения внешней политики по собственному усмотрению, не считаясь ни с общественностью, ни с лидерами оппозиции.

В результате русско-турецкого конфликта и беспрестанных упреков английского правительства по поводу действий России в Средней Азии английским дипломатам удалось усыпить бдительность русской дипломатии и отвлечь ее внимание от среднеазиатских дел, ослабить ресурсы и силы России в русско-турецкой войне. В России настолько были поглощены претензиями и упреками Англии, что, казалось, и мысли не допускали о подготовке правительством Дизраэли каких-либо наступательных действий. В феврале 1876 г., когда английские власти в Индии интенсивно проводили подготовку к наступательным действиям в Афганистане, газета «Русский инвалид» писала: «Ост-Индские газеты продолжают заниматься вопросом о Белуджистане, но совершенно не в том духе, как это делают некоторые германские журналы, которым непременно хочется видеть англичан наступающими из Индии к стороне России. Напротив, они свидетельствуют, что правительство Индии решилось держаться той же политики невмешательства в Келате, как в Кабуле и Кашгаре, т. е. не переходить существующих границ Индии, поддерживая, конечно, всюду свое влияние. Этому есть полное основание верить»[1]. Такое заявление органа российского Военного министерства свидетельствует о том, как плохо в России знали политику кабинета Дизраэли на Среднем Востоке и как старались верить его фарисейским утверждениям, что Англии и России хватит места в Азии.

Спустя восемь месяцев после прихода к власти (17.X 1874 г.) Дизраэли пишет лорду Солсбери записку, в которой, жалуясь на недостаток информации из Азии, считает это «серьезным пунктом» и полностью полагается на твердость Солсбери в этом вопросе[2].

Лорд Солсбери прекрасно знал, куда клонит его шеф, и в ответном письме попытался представить его мысли шире, чтобы придать им форму взглядов премьер-министра. В записке от 2.I 1875 г. он с напускной тревогой писал о русских интригах в Афганистане, которые захватили уже чуть ли не всю страну и о стремлении русских подчинить себе все племена Афганистана, над которыми эмир имеет лишь номинальную власть. «Я предполагаю поэтому,— советовал он,— инструктировать

[1] Русский инвалид, 7 марта 1876 г.

[2] W. E. Monypenny, G. Buckle. The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, London, v. V, p. 427.

формально лорда Нортбрука принять меры к утверждению резидента или в Герате, или в Кандагаре. Кабул является слишком фанатичным, чтобы быть совершенно безопасным»[3]. Кроме того, лорд Солсбери выражал беспокойство по поводу отсутствия информации из Афганистана. «Почти все, что мы имеем,— писал он,— о событиях на западной границе, идет из Петербурга или Тегерана... Мы имеем лишь туземного агента (в Кабуле), который пишет точно то, что говорит ему эмир»[4]. Лорд Солсбери считал вопрос слишком важным, чтобы решать его самому и обратился к Дизраэли с просьбой высказать свое мнение о конкретных мерах, предложенных им. Ответ Дизраэли пришел 6 января 1875 г. Британский премьер-министр выражал полное согласие с мнением лорда Солсбери, но выдвигал свою идею — иметь агентов в Герате и Кандагаре[5].

Ободренный поддержкой Дизраэли, лорд Солсбери в январе 1875 г. послал в Индию депешу вице-королю лорду Нортбруку, в которой отмечал, что лично он не видит оснований опасаться русской «угрозы» в Средней Азии, как и на границах Персии и Афганистана, тем не менее считает нужным и своевременным принять меры предосторожности и рекомендовать эмиру допустить присутствие британских агентов в качестве наблюдателей на его границах[6].

Булжер считает посылку этой депеши лорду Нортбруку отправной точкой новой политики по отношению к Афганистану, начатой правительством Дизраэли. Раньше вопрос об отношениях к Афганистану сводился к простому делопроизводству с ним без дополнительных факторов, теперь же он ставился в тесной связи с отношениями с Россией[7]. Однако лорд Нортбрук считал, что не нужно торопиться с осуществлением такого мероприятия, и отклонил меры, предлагаемые лордом Солсбери. В связи с этим лорд Солсбери отправил ему новое послание. «Я согласен с вами,— писал он,— в мнении, что русское наступление на Индию является химерой. Но я ни в коей мере не могу быть уверенным, что попытка обратить афганцев против нас является столь невероятной»[8]. Он вновь убеждал Нортбрука сделать некоторые шаги, чтобы привести отношения между Англией и Афганистаном в соответствующие рамки. В апреле 1875 г. лорд Солсбери писал, что британское правительство, хотя

---

[3] Cecil. Life of Robert Marquis of Salisbury, London, 1921, v. II, p. 71.
[4] D. Boulger. Op. cit., 71.
[5] Monypenny, G. Buckle. Op. cit., v. V, p. 427.
[6] Boulger. Op. cit., p. 63.
[7] Ibid., p. 64.
[8] Cecil. Op. cit., p. 71.

и не стремится предпринимать «фальшивых шагов», тем не менее не собирается доверять ключи от ворот Индии стражнику «более чем сомнительной честности», который считает «совершенно необходимым условием службы, чтобы не наблюдали за его движениями»[9]. Лорд Нортбрук в ответе от 6 июня 1875 г. старался не останавливаться на главных вопросах, поставленных лордом Солсбери, и не отвечал на них, как бы не считая их столь уж важными[10].

Лорд Нортбрук был представителем того направления, которое придерживалось осторожной политики и выступало против преждевременных действий во избежание катастрофических последствий. Он не хотел брать на себя ответственность за действия, на которые толкал его шеф Индийского департамента, поэтому уклонялся от рекомендуемых им шагов. В связи с этим лорд Солсбери решил шире разъяснить политику правительства и потребовать ее осуществления. Он указывал на три вида опасности, которая возникала с приближением русских к границам Афганистана: 1) Россия может угрозами или подкупом добиться господства над эмиром, изолировать его от Англии и лишь будет ждать удобного момента для проникновения в какую-либо часть страны; 2) Если Россия не сможет поколебать лояльности эмира, его власть может быть разрушена внутренними беспорядками в стране. Россия, установив свое влияние через местных князей, может обеспечить себе те же привилегии, которые она получила бы в результате согласия самого эмира; 3) Если же эмир и его сирдары не откликнутся на предложения русских агентов, то из-за своих неблагоразумных действий они могут столкнуться с пограничными силами этой империи и вызвать повод ответного возмездия[11].

По мнению лорда Солсбери, нет оснований слишком опасаться первой опасности, а что касается второй и третьей, то они существовали реально и могли возникнуть в любой момент: во-первых, чрезмерные поборы Шир Али Хана усилили недовольство в стране и могут привести к восстанию; во-вторых, территориальные границы в этой части плохо определены, да и сам эмир, по словам лорда Солсбери, никогда не отказывался отстаивать свои сомнительные претензии. Все это могло бы привести к коллизиям с русскими. Эта опасность, по мнению Солсбери, могла быть уменьшена или совсем ликвидирована, если бы

---

[9] Ibid., p. 72.

[10] D. C. Boulger. Op. cit., p. 64

[11] Salisbury to the Governor — General of India in Council, 19 November 1875, Secret, F. O. 539, v. 14, N 105, p. 98c.

британские офицеры присутствовали в Афганистане. Солсбери не думал, что русское правительство намеревается нарушать границы Афганистана и считал все его меры в Средней Азии вынужденными, не преследующими цель нанести ущерб британскому правительству. Но другое дело военные власти на местах. Пользуясь отдаленностью от центра и несовершенством средств связи, они иногда предпринимают действия, не соответствующие намерениям правительства, и лорд Солсбери считал, что долг правительства Великобритании — иметь постоянную информацию, которая дала бы возможность быстро и своевременно реагировать на возможные поползновения русских военных властей, пока не будет слишком поздно.

Лорд Солсбери не соглашался с лордом Нортбруком, советовавшим подождать, когда русские возьмут Мерв, и потом предпринимать какие-либо действия. Он считал, что в этом случае Англия утратит влияние на эмира, и тот будет вынужден склониться на сторону России.

Первый шаг «для установления с эмиром отношений на более удовлетворительной основе» лорд Солсбери видел в побуждении эмира принять временное посольство в своей столице[12]. Он предусматривал, что эмир может не захотеть принимать миссию, и в записке к Дизраэли он утверждал, что не собирается отправлять ее против его желания, но в то же время считал, что правительство Индии должно «заставить эмира пожелать принять ее»[13]. В конфиденциальной записке к Дизраэли 31 октября 1875 г. лорд Солсбери указывал, что эта мера необходима для того, чтобы «направлять» эмира и «наблюдать». Он выражал опасение, что в противном случае эмир постарается обмануть или по неопытности своих советников может ввязаться в коллизию с Россией[14].

Солсбери придавал слишком большое значение личным способностям британских дипломатов и считал, что их «высший интеллект» и «сила характера» всегда торжествуют над упрямыми предрассудками и выражал надежду, что британские представители при дворе эмира кабульского смогут взять правильный курс и обеспечить целостность Афганистана и вытравить из мыслей эмира затаенную обиду на Англию, возникшую в результате первой англо-афганской войны или при арбитраже в Сейистане. Лорд Солсбери считал, что советники эмира мало

---

[12] Salisbury to the Governor-General of India in Council, 19 November 1875, Secret, F. O. 539, v. 14, N 105, p. 98c.

[13] W. E. Monypenny, G. Buckle. Op. cit., p. 434.

[14] Ibid.

способны оценить опасность, угрожающую Афганистану, и британские дипломаты должны разъяснить им это[15].

Теперь лорд Солсбери не просто рекомендовал принять те или иные меры, а предписывал твердое выполнение определенного курса, который, по-видимому, был уже одобрен правительством[16]. «Я должен инструктировать вас от имени правительства Ее Величества,— писал он в заключение депеши,— без всякой отсрочки, которую можно было бы избежать, подыскать какой-нибудь случай отправить миссию в Кабул и очень серьезно добиваться от эмира принять эту миссию»[17]. Характер миссии, состав эскорта всецело оставлялись на усмотрение вице-короля. Английский посол должен был вести беседы с эмиром о событиях в Средней Азии, заверить его в серьезном желании правительства Англии защищать его территории от внешнего нападения. Послу предписывалось придерживаться дружеского тона, но при случае напоминать об опасности, грозящей эмиру, если он отклонится от курса, который британское правительство считало необходимым для обеспечения его безопасности.

Правительство Индии никогда не испытывало недостатка в информации из Афганистана и его северных границ. Британский агент в Кабуле имел доступ на все заседания дарбара, читал всю переписку эмира и был очень хорошо осведомлен о положении в стране. Он аккуратно информировал английских представителей в Пешаваре о всех событиях и переправлял им копии писем эмира и корреспонденцию, приходившую в Кабул. В частности, все письма генерала Кауфмана к эмиру и ответные письма эмира были доставлены в Пешавар и переправлены в Симлу.

В Афганистане имелась хорошо налаженная сеть английских шпионов, которые поставляли информацию о положении в стране. Агент в Герате был связан с мешхедским агентом и все сведения переправлял через него. Агент в Кандагаре еженедельно передавал сообщения в Кветту, агент в Джелалабаде имел регулярную связь с пенджабскими властями. В самом Кабуле шпионская сеть была настолько обширна, что английские агенты проникали даже в гарем эмира. В Кабульском дневнике, который велся в Пешаваре на основе секретных сведений, поставляемых агентами в Кабуле, имеется любопытная запись, свидетельствующая о том, что для англичан в Афганистане не было никаких тайн. «Специальный агент, отправленный из Кабула

[15] Salisbury to Governor-General of India in Council, 19 November 1875, ibid., p. 99.
[16] Ibid, p. 98.
[17] Ibid, p. 99.

21 августа, привез следующее секретное донесение: «на третий день после смерти наследника Мустауфи (сын эмира.— *Г. Х.*) посетил мать наследника и просил ее использовать свое влияние на эмира, убедив его посетить дарбар и вернуться к государственным делам, особенно ввиду давления двух держав на него... «Это донесение было получено от женщины, «имевшей доступ в женскую половину резиденции эмира». Далее в дневнике записано: «Осведомитель докладывает также, что после смерти наследника были приняты дополнительные меры предосторожности по охране Якуб-хана. На третью ночь после смерти Абдулла Джана (наследника.— *Г. Х.*), Мустауфи и Сирдар Вали Мухамед-хан тайно встретились в полночь»[18].

В числе английских осведомителей был и Тадж Мухамед-хан, ближайший друг Мустауфи, имевший через него доступ к секретным сведениям. Наконец, часть племен, населявших территорию от Пешавара вплоть до Кабула была подкуплена англичанами и доносила им обо всех событиях, происходивших на их территории.

Один из наиболее важных английских агентов, крупнейший торговец в Айбаке Наиб Мухамед Алим-хан был в контакте со многими людьми в Бухаре, Самарканде и Коканде. В сообщении в Симлу полковник Поллок, руководивший разведывательными работами в Афганистане, доносил статс-секретарю по иностранным делам правительства Индии Этчисону, что Наиб сообщил об отправке в Бухару и Самарканд четырех шпионов, которые должны принести ему известия[19]. Кроме того, почти с каждым караваном, уходившим в Герат или проходившим через него, отправлялись под видом торговцев британские агенты, которые также регулярно доставляли сведения из среднеазиатских ханств. Британские агенты в Мешхеде и Астрабаде неусыпно наблюдали за событиями в туркменской степи, и английское правительство благодаря их энергии было в курсе всех, даже самых незначительных событий в этом районе.

Таким образом, лорд Солсбери не мог пожаловаться на недостаток информации о Средней Азии или Афганистане, и все его утверждения и жалобы были совершенно беспочвенны. Что касается его опасений по поводу русских интриг в Афганистане или возможности столкновения эмира кабульского с русскими войсками, то эти заявления явно противоречили действительному положению дел. За всю историю Афганистана одна лишь Ан-

---

[18] Cabul Diary, 31 August 1878, F. O. 539, v. 15, N 190, p. 248.

[19] F. R. Pollock to Aitchison, 23 September 1875, F. O. 539, v. 14, N 98, p. 93—96.

глия постоянно угрожала границам этой страны, лишь она вела постоянные интриги с его князьями, пытаясь подчинить их своему влиянию; уроки первой англо-афганской войны — наглядное свидетельство тому.

Лорд Солсбери приписывал политике России черты, свойственные английской политике в Средней Азии. Своими надуманными опасениями он пытался добиться морального оправдания для новой агрессивной политики, проводимой им с благосклонного одобрения Дизраэли. Сущность ее еще в марте 1874 г. раскрыла газета «Морнинг пост». Указывая на русскую угрозу Герату и русские интриги с эмиром, подчеркивая «опасность», возникающую в связи с этим для британских интересов, газета примерно в том же духе, что и лорд Солсбери, утверждала, что эти затруднения возникли «из-за глупой приверженности к тому, что называлось в равной степени фальшиво и вредно «искусным бездействием»[20]. Газета требовала принятия срочных мер для исправления «ошибок» предшествующего правительства. Она предлагала: 1) в кратчайший срок завершить строительство железной дороги от Карачи к Мултану с ответвлением от Суккура на Инде к Яккоббаду и до Боланского прохода; 2) соорудить военный лагерь у северного входа в Боланский проход в Белуджистане и на границах Афганистана; 3) разместить английских офицеров в Герате и Кандагаре.

Газета подчеркивала, что, заняв северный вход Боланского прохода, можно не только закрыть главные ворота в Индию с запада, но и осуществлять реальное влияние на Иран, Афганистан и Белуджистан и при необходимости в любой момент двинуться на Герат или Кандагар (если русские пойдут на Мерв). «Морнинг пост» призывала также установить полный контроль над Афганистаном и Белуджистаном, подобный тому, какой Россия осуществляла над Бухарой и Хивой.

Возможно, что эти предложения газеты, известной своей приверженностью к политике Пальмерстона, были инспирированы самим лордом Солсбери или кем-либо из его окружения. Но как бы то ни было, «Морнинг пост» удивительно точно предсказала дальнейший ход политики лорда Солсбери в Афганистане, направленной на ликвидацию независимости Афганистана и по существу являвшейся нарушением соглашения 1872/1873 гг., которое предусматривало сохранение независимости Афганистана. С другой стороны, эта политика не вызывалась необходимостью защиты английских владений. Все представления лорда Солсбери лорду Нортбруку и Дизраэли основывались не на опа-

[20] Morning Post, 27 March 1874.

сениях русского наступления на Индию, а на вымышленных и предполагаемых угрозах независимости Афганистана со стороны России. В связи с этим леди Сесиль считает, что главные опасения лорда Солсбери сводились не к угрозам русского вторжения в Индию, а к предположениям, что Россия, добившись влияния в Афганистане, может использовать его как средство для того, чтобы поднять восстание по обе стороны индийской границы: «Ни один ответственный государственный деятель,— подчеркивала она,— не опасался в действительности вторжения (в Индию.— *Г. Х.*), но было общее убеждение, что если бы Россия добилась контроля над Афганистаном, она могла бы сделать его средством возбуждения серьезного волнения по обеим сторонам границы»[21]. Лорд Солсбери не опасался даже русского наступления на Мерв. Он считал, что Россия в конце концов двинется на Мерв, у Англии нет никакого интереса предотвращать это наступление, к тому же она не имеет средств для этого[22].

Политика лорда Солсбери была продиктована исключительно наступательными мотивами и предусматривала захват важных стратегических пунктов в Афганистане, откуда можно было бы войти в непосредственный контакт со Средней Азией, в частности с туркменами, и гарантировать осуществление тех целей, к которым так энергично стремился в Тегеране Томсон.

Вице-король Индии лорд Нортбрук явно не годился для выполнения этой задачи, и кабинет Дизраэли решил послать туда другого человека, который мало разбирался бы в политических вопросах, но руководствовался бы исключительно враждебным отношением к России и к тому же был честолюбив. 23 ноября 1875 г., когда депеша лорда Солсбери к лорду Нортбруку была еще на пути в Индию, посол Англии в Лиссабоне лорд Литтон получил письмо от Дизраэли, который предлагал ему пост вице-короля Индии. «Если вы пожелаете,— писал Дизраэли,— я представлю ваше имя королеве. Критическое состояние дел в Средней Азии требует государственного деятеля, и я верю, если вы примете этот высокий пост, то вы будете иметь возможность не только служить вашей стране, но и добиться заслуженной славы»[23]. 7 января 1876 г. лорд Солсбери телеграфировал ему, что королева одобрила его кандидатуру и решение о его назначении уже объявлено. Он считал «очень важным» его немедленное прибытие, так как предстояло провести большую подготовительную работу.

[21] Cecil. Op. cit., v. II, p. 70.
[22] Cecil. Op. cit., v. II, p. 70.
[23] B. Balfour. Op. cit., p. 2.

В личной беседе с Литтоном Дизраэли сетовал, что политика России дает основания для беспокойства и настороженности (это в то время, как в мае 1876 г. он утверждал, что движение России не вызывает у него беспокойства и в Азии хватит места для обеих империй). Он допускал даже попытку побудить Шир Али Хана вступить в «более удовлетворительные отношения» с английским правительством, а если это окажется невозможным, то заставить его открыто высказаться, какую позицию он намерен занимать по отношению к России и Англии[24].

Главные задачи Литтона были изложены в инструкциях, выработанных Дизраэли и лордом Солсбери, они были представлены кабинету и получили одобрение его членов, включая и герцога Дерби. В нарушение существовавших правил, инструкции не были направлены правительству Индии; их вручили лорду Литтону перед самым отъездом с тем, чтобы он мог представить инструкции правительству в благоприятный момент и чтобы сторонники лорда Нортбрука, которых было тогда большинство, не смогли бы воспрепятствовать их осуществлению.

Инструкции предписывали новому вице-королю в первую очередь отправить миссию в Кабул через Кветту. Литтон должен был предварительно связаться с эмиром через пешаварского комиссионера, и в случае его категорического отказа в приеме миссия должна была остановиться в Келате. «В этом случае,— говорилось в инструкциях,— вы можете пересмотреть всю вашу линию политики в отношении Афганистана»[25]. После этого агент Англии в Кабуле должен был заявить, что эмир отказывается от «дружбы» и «протекции» Англии и подвергает себя и свои владения опасности. В сущности эмир в ответ на туманные обещания Англии признать его наследником Абдуллу Джана и предоставить субсидии, должен был согласиться на условия, которые делали фикцией его суверенитет. При этом британское правительство великодушно заверяло, что не имеет намерения утверждать британские гарнизоны в какой-либо части Афганистана и размещать солдат на афганской земле. Единственно, чего оно добивается — «неоспоримого доступа» британских агентов к пограничным позициям Афганистана»[26]. Фактически эмиру предлагалось открыть свои владения для английских офицеров или других лиц, которых британское правительство направило бы туда»[27].

---

[24] B. Balfour. Op. cit., p. 28—29.
[25] B. Balfour. Op. cit., p. 89.
[26] Ibid., p. 92.
[27] Ibid.

Литтону поручалось также добиваться от эмира разрешения на постройку телеграфной линии от какого-либо пункта на индийской границе до Кабула через Куррамскую долину и пригласить ко двору вице-короля посла эмира. В заключительной части инструкции говорилось, что в случае, если Литтон убедится в пренебрежении Шир Али Хана интересами Англии, ему следует, не теряя времени, пересмотреть политику в отношении Афганистана.

Таким образом, новый вице-король должен был заставить эмира признать, что его владениям «угрожает опасность» и просить у англичан помощи против этой мифической угрозы. Кроме того, афганское правительство должно было просить у Англии денежную субсидию, а англичане собирались предоставлять ее при условии соответствующего поведения эмира. Они отказывались отправлять войска на его территорию лишь в том случае, если эмир откроет свою страну для происков британских агентов.

Назначение Литтона было воспринято в Англии как неожиданное. До сих пор Литтон считался одним из самых посредственных английских дипломатов. «Таймс», обычно лучше других газет осведомленная обо всех передвижениях по служебной лестнице, отмечала лишь его «поэтическое дарование» (Литтон писал стихи, некоторые из них даже публиковались) и выражала убеждение, что все доклады из Индии будут отныне написаны мастером литературного стиля[28]. Газета вместе с тем отмечала, что назначение нового вице-короля будет воспринято в Англии с удивлением, хотя считала, что оно «смелое» и «примечательное». В заключительной фразе редакционной статьи подчеркивалась важность миссии Литтона и тех изменений, которые связывались с его назначением в азиатской политике британского правительства. «Лорд Литтон едет впервые в жизни в Индию,— говорилось в статье,— в период, когда интерес англичан к восточной политике быстро углубляется. Опытный и способный дипломат должен быть избран на пост вице-короля Индии, когда события еще раз связывают интересы нашей Индийской империи с большой игрой континентальной политики»[29].

По мнению Хаббертона, неопытность Литтона в индийских вопросах делала его особенно ценным, поскольку Дизраэли и лорд Солсбери имели собственное мнение и проводили свою политику в этом районе, а он должен был безоговорочно претворять

[28] The Times, 5 January 1876.
[29] Ibid.

ее в жизнь[30]. В связи с этим и инструкции лорду Литтону совершенно точно определяли цель действий и в то же время предоставляли полную свободу выбора средств их осуществления.

Литтон был честолюбив и ради личной славы, по расчетам Дизраэли и лорда Солсбери, он мог решиться на самые рискованные шаги. В одном из писем к лорду Солсбери Дизраэли писал, подчеркивая необходимость поддержки политики Литтона в Индии: «Мы хотели человека амбиций, воображения, некоторого тщеславия и сильной воли и мы получили его»[31]. Они играли на его болезненном тщеславии, побуждая предпринимать самые авантюристические действия. В апреле 1878 г. Солсбери, находясь уже на посту министра иностранных дел, обещал Литтону максимальную поддержку и подчеркивал, что будет наблюдать с «величайшим интересом» за развитием его политики, явно намекая на тот откровенно агрессивный курс, который был взят в отношении Афганистана: «Великая карьера действия и славы простирается перед вами в течение трех лет, оставшихся еще на вашем посту, и я серьезно надеюсь, что вы будете вполне здоровы для завершения столь многообещающего начала»[32].

Взгляды Литтона оставляли мало сомнений в том, что он будет руководствоваться в своих действиях антирусскими убеждениями, которые у него преобладали, пожалуй, над всеми остальными и составляли основную черту его политической деятельности.

Литтон утверждал, что Англия стоит перед двумя опасностями: 1) утраты морского превосходства или ослабления его на каком-либо из морей; 2) потери гарантированной коммуникации с Индийской империей или ослабления ее азиатских границ[33]. В связи с этим он считал Россию и Францию самыми опасными врагами Англии и призывал обратить удар в первую очередь против них. Франция угрожала Англии в колониях и на морях, и интересы обеих стран, по мнению Литтона, всегда были и будут антагонистическими. Поддерживать Францию или вступать с ней в союз — означало бы взращивать самого страшного в будущем врага.

«Какие общие интересы имеют Россия и Англия? — спрашивал лорд Литтон.— Россия является представителем политиче-

[30] W. Habberton. Op. cit., p. 37.
[31] W. Monypenny, G. Buckle. Op. cit., v. VI, p. 379.
[32] B. Balfour. Op. cit., p. 242.
[33] Lytton to Rawlinson, 28 July 1877, Layard Papers, B. M. 39, 164, v. CCXXXIV.

ского деспотизма и религиозного фанатизма. Как таковые, ее силы повсюду приходят в естественный антагонизм с цивилизованной свободой, естественным чемпионом которой является Англия. Она есть, всегда была и должна быть нашим решительным соперником на Востоке»[34]. Литтон полагал, что этот антагонизм возникает в связи с положением России в Азии, поскольку она обладает наиболее засушливыми территориями и трудно предположить, что она удержится от искушения завладеть более плодородными и прибыльными областями. Россия уже господствует над заливом и имеет флот на Тихом океане, который создает угрозу британской торговле с Китаем. Ее политика направлена на расчленение Турции, открытие Дарданелл для своего флота, и достижение этих целей, несомненно, сделает ее великой морской державой или обеспечит средствами, которые могли бы нарушить английские коммуникации с Индийской империей. «Физически невозможно,— делал ударение Литтон,— чтобы в какое-либо мыслимое время или по какому-либо мыслимому случаю Англия и Россия имели бы общие интересы на Востоке. И в этой части мира какое бы то ни было усиление одной из этих двух держав неизбежно должно ослаблять другую»[35].

Литтон утверждал, что коммерческие интересы и коммерческое соперничество не могут разделять европейские державы, поэтому естественным врагом великих коммерческих держав XIX столетия являются не коммерческая конкуренция, а «полуцивилизованные и чисто военные государства». С этой точки зрения он пытался представить Германию как естественного союзника Англии в неизбежной борьбе против России и Франции. Он утверждал, что Германия связана с Англией расовыми связями, традициями, религией, национальным характером, династическими узами и общим интересом — не допустить превосходства Франции или России. Литтон силился показать, как широки экономические связи между Германией и Англией, навсегда исключающие какую-либо конкуренцию. С другой стороны, Германия, по его мнению, не угрожает морскому превосходству Англии, ее морским коммуникациям и Индии, поэтому, с точки зрения политической, Германия также не может быть соперником Англии. Литтон категорически отвергал утверждения о милитаризме прусской военщины и обвинения в захватнических устремлениях, выставляя Германию чуть ли не

---

[34] Ibid.

[35] Lytton to Rawlinson, 28 July 1877, Layard Papers, BM, 39 164, v. CCXXXIV.

жертвой России и защитником западной цивилизации от русского нашествия.

Литтон слишком поверхностно оценивал международные отношения и совсем неверно с точки зрения интересов британского империализма решал вопрос об истинных союзниках и соперниках Великобритании. В английском правительстве в это время уже складывалось твердое убеждение, что самым опасным соперником Англии вскоре станет Германия[36]. Правда, Гладстон в своих выступлениях неоднократно подчеркивал опасность, таящуюся для Англии в быстром росте США, однако страх перед Германией преобладал и герцог Дерби на первой же встрече с русским послом откровенно говорил об этом Шувалову[37]. Литтон считал вопрос о коммерческом соперничестве второстепенным, плохо представлял себе политические воззрения своего класса, для которого высшим принципом были коммерческие интересы, а все остальное: расовые связи, династические узы и прочее — отходило на второй план.

Как бы ни расходились взгляды лорда Солсбери и большинства членов кабинета со взглядами Литтона, тем не менее на пост вице-короля нужен был именно такой человек, как Литтон. Именно он наиболее удовлетворял интересы наступательной агрессивной политики, принятой кабинетом Дизраэли в Средней Азии. Антирусские убеждения должны были служить для него лично оправданием наступательной политики, его поверхностные познания в области политических отношений толкали его на самые безрассудные действия. Характеризуя выбор Литтона на пост вице-короля и отмечая его главную задачу, Дизраэли в письме к королеве Виктории, отмечал возможность войны с Россией в Малой Азии в случае оккупации ею Константинополя. Он писал: «По мнению лорда Биконсфилда, Россия в таком случае должна быть атакована из Азии, войска должны быть отправлены в Персидский залив и императрица Индии должна приказать своим армиям очистить Среднюю Азию от московитов и сбросить их в Каспий. Для этой цели мы имеем хороший инструмент в лице лорда Литтона, и в действительности он был послан туда с этой целью»[38].

---

[36] В письме к Роулинсону Литтон писал, что по его сведениям в кабинете проводят политику, которая позволила бы создать политическую комбинацию Англия — Россия — Франция против Германии. Layard Papers, BM, 39.164, v. CCXXXIV.

[37] Шувалов — Вестману, 8/20 октября 1874, АВПР, ф. Канцелярия, 1874 г., д. 85, л. 390.

[38] Monypenny, G. Buckle. Op. cit., v. VI, p. 155.

Перед самым отъездом из Лондона Литтон имел несколько бесед с Шуваловым, предложившим по рекомендации Горчакова совместно создать постоянно действующую связь между Туркестанским генерал-губернаторством и Индией, которая способствовала бы пониманию между двумя правительствами в Азии и предотвратила недоразумения, могущие возникнуть в результате сближения границ двух империй. Шувалов сообщил также, что в качестве первого опыта Кауфман написал Литтону поздравительное письмо, которое тот должен был получить по прибытии в Калькутту[39].

Предложение русского посла было единственным шансом на урегулирование отношений России и Англии в Средней Азии, который позволял снять подозрения и страх за судьбу Индийской империи, усиленно раздуваемые английскими алармистами. Но Литтон отклонил это предложение, отказавшись таким образом от возможности спокойно править в Индии и показав, что мирное урегулирование отношений между Россией и Англией в Средней Азии, отнюдь не входит в планы британского правительства.

Назначение лорда Литтона вице-королем удивительно напоминает расстановку сил, произведенную Пальмерстоном перед первой англо-афганской войной. Находясь на посту министра иностранных дел, Пальмерстон настоял, чтобы вице-королем Индии назначили лорда Оклэнда, хотя незадолго до этого уже был утвержден на этот пост лорд Хейтсбери. Хаббертон считает, что срочная смена кандидатов объясняется тем, что лорд Хейтсбери некоторое время был послом в Петербурге и прослыл поклонником Николая I[40]. В Персию Пальмерстон назначил послом совершенно неизвестного чиновника доктора Джона Макнейла, служившего прежде врачом в британском посольстве в Тегеране. Вышедшая незадолго до этого книга Макнейла «Прогресс и нынешнее положение России на Востоке» создала ему славу неистового русофоба и, по-видимому, сыграла решающую роль при назначении на столь ответственный пост.

Кабинет Дизраэли избрал для осуществления своих планов в Средней Азии своего рода треугольник: Лэйярд — в Константинополе, Томсон — в Тегеране и лорд Литтон — в Индии. Каждый из этих трех был известен антирусскими настроениями и убежден, что основная цель Англии, а заодно и их личная, заключается в противодействии России в Азии, и каждый из них в своей сфере, проводил в жизнь политику Солсбери—Дизраэли.

---

[39] B. Balfour. Op. cit., p. 35.
[40] W. Habberton. Op. cit., p. 9.

Лэйярд, настраивая султанскую Турцию на сопротивление требованиям России, отвлекал ее внимание на балканский полуостров и заодно пытался организовать подрывную деятельность против России в Средней Азии; Томсон в Тегеране должен был задержать продвижение России и привлечь Персию на сторону Англии, играя на шовинистических чувствах шаха; Литтону отводилась задача — превратить Афганистан в вассальное государство, использовать его как плацдарм для экспансионистской политики британского кабинета и связующее звено между Средней Азией и английскими владениями, что приобретало важное значение из-за непосредственной географической связи между Афганистаном и Туркменией.

Фрэзер-Тайтлер так оценивал деятельность Литтона по прибытии его в Калькутту: «Изучение его обширной корреспонденции этого времени, его доклады, его письма показывают нетерпеливость и, возможно, скорее непреклонную решимость достичь твердо определенной цели, которую он наметил еще до того, как он покинул Британию. Эта цель была максимальным выражением наступательной политики, которую он должен был проводить, очень мало принимая во внимание желание афганцев или вовсе не принимая его во внимание, с неуклонной решимостью создавать пограничную линию обороны Индии там, где она проходила в дни великих империй, в дни Ашоки и Акбара — на северной гряде Гиндукуша с аванпостами в долине Амударьи»[41]. Фрэзер-Тайтлер подчеркивал, что перед Литтоном стояла дилемма: заключить союз с эмиром или, не добившись этого, разрушить афганское королевство и поставить на место Шир Али Хана правителя более податливого. В случае неудачи Литтон должен был завоевать и аннексировать часть территории Афганистана, которая была «необходима для обеспечения его задач»[42]. Пределы ее, по мнению Фрэзер-Тайтлера, были ограничены Литтоном линией р. Амударьи и Балхом, Майменэ, Гератом, как главными аванпостами «обороны Индии»[43]. Прибыв в Калькутту 12 апреля, Литтон принялся энергично осуществлять предписания, изложенные в инструкциях. На ближайшем заседании Совета Индии он выдвинул предложение об отправке миссии в Кабул и получил согласие всех членов Совета. Однако эмир Шир Али Хан отказался от встречи с английской миссией, считая, что все вопросы относительно обоих государств уже достаточно обсуждались в 1873 г. Он не видел

[41] W. K. Fraser-Tytler. Op. cit., p. 143.
[42] Fraser-Tytler. Op. cit., p. 143.
[43] У. К. Фрэзер-Тайтлер ссылается на письмо Литтона к Кренбруку 3 августа 1878 г. W. K. Fraser-Tytler. Op. cit., p. 143.

необходимости в дальнейших дискуссиях по этому поводу, но вместе с тем соглашался направить к вице-королю своего представителя, если у английского правительства имеются какие-либо новые соображения.

По поручению Литтона комиссионер Пешавара Р. Поллок в ответном письме к эмиру 8 июля 1876 г., выразив сожаление по поводу отказа эмира принять английского посла, писал, что эмир вынуждает британское правительство рассматривать Афганистан как государство, которое отказалось от «союза» и «поддержки» британского правительства[44]. Это послание было угрожающим и оскорбительным для правителя суверенного Афганистана. По своему стилю оно напоминало послания, направлявшиеся провинившимся раджам, управлявшим на территории Индии и находившимся в вассальной зависимости от правительства. Кроме того, английский агент, происходивший из индийских мусульман, при передаче этого послания должен был заявить эмиру, что вице-король готов встретиться с ним в Пешаваре в ноябре 1876 г.[45]

Литтон, ведя столь «дружескую» переписку, готовился к аннексии Кветты, важного стратегического пункта, находившегося у входа в Боланский проход, ведущий к Кандагару, и к подчинению хана келатского, во владениях которого был расположен этот пункт. По прибытии в Калькутту, он направил письмо майору Сандеману, комиссионеру этой части границы Индии. В нем Литтон изложил основные условия, которых он хотел добиться при заключении соглашения с ханом келатским: 1) Преобладающее влияние Англии в Келате; 2) Открытие Боланского прохода для свободного беспрепятственного движения; 3) В Кветте будет постоянно находиться британский офицер, здесь же учреждается госпиталь, как средство увеличения «социального и политического влияния англичан на окружающие окрестности» без оккупации этой территории войсками в «настоящее время»[46]. Кроме того, Сандеман должен был добиваться «сильного и устроенного правительства» в Келате, что означало утверждение правительства, имеющего реальную и неоспоримую власть на всей территории ханства и находящегося под контролем Англии, а также «умиротворение» области Катчи, означавшее подавление национальных выступлений против английского владычества[47].

---

[44] B. Balfour. Op. cit., p. 63.
[45] Ibid, p. 64.
[46] Ibid, p. 89.
[47] Ibid, p. 99.

Хан келатский выразил согласие встретиться с Литтоном и подписать предложенный им договор. Литтон незамедлительно выехал в Джакобад. 8 декабря 1876 г. договор был подписан, хан келатский стал английским вассалом, а Кветта фактически присоединилась к английским владениям.

Литтон рассматривал новый договор с келатским ханом как подготовительный этап перед столкновением с Россией. В письме к королеве Виктории, которое он написал по пути в Джакобад, Литтон откровенно говорил об этом. Он отмечал, что «покорность» Келата в случае войны жизненно важна для обороны или агрессии»[48]. По мнению Литтона, условия договора делали англичан «фактически хозяевами Келата» и «обеспечивали британскому правительству право и силу на размещение британских войск в любое время и в любой части ханата». Литтон сообщал также королеве, что в предвидении заключения договора и ввиду «неустойчивого характера нынешних отношений с Россией» он уже разместил небольшой британский отряд в Кветте, причем указывал явно на то, что его основное назначение заключается в «увеличении нашего влияния и престижа за пределами «границы»[49], т. е. за пределами границ Индии.

При дворе хана келатского теперь назначался представитель вице-короля майор Сандеман, а сам хан был приглашен на церемонию провозглашения Виктории императрицей Индии. В письме к Сандеману, извещавшем о новом назначении, Литтон указывал, что главное внимание следует обратить на развитие разведывательной деятельности, которая могла вестись из Кветты на всей территории вплоть до Герата и северных границ Персии и даже дальше. В связи с этим он подчеркивал: «Я предвижу, что Кветта отныне будет самым важным местом нашего разведывательного отдела в отношении заграничной политики»[50]. Вместе с тем, Сандеман, став неограниченным правителем в Кветте, должен был добиваться расширения английского влияния до Кандагара, причем «по возможности скорее»[51].

Аннексия Кветты, безусловно, была первым актом агрессии в отношении Афганистана, и в этом смысле она приобретала гораздо большее значение, чем другие аннексии, произведенные Англией в этот период на северных границах Индии. Бывший вице-король Индии лорд Лоуренс, великолепно знавший эти места, писал в газету «Таймс», что оккупация Кветты может быть оправдана только в том случае, если после нее планируется

[48] B. Balfour. Op. cit., p. 102.
[49] Ibid.
[50] Ibid, p. 104.
[51] The Times, 10 January 1878.

движение на Кандагар и Герат, в противном случае, она становится бессмыслицей[52].

В октябре 1877 г. под предлогом наказания воинственных племен Белуджистана за «беспорядки» Литтон фактически оккупировал Кветту. Лорд Солсбери одобрил этот акт[53]. Считая политику лорда Лоуренса и Майо вредной и не оправдавшей себя, он сообщал, что отныне британское правительство отказывается от прежних принципов политики, сводившейся к выжиданию удобного момента для новых территориальных приобретений. Кроме того, он находил целесообразным иметь средства для наказания эмира афганского и установить тесные связи с пограничными племенами. Депеша лорда Солсбери, опубликованная в «Таймс», фактически открыто возвещала о начале британской агрессии на Среднем Востоке[54]. «Таймс», комментируя депешу, называла ее даже «манифестом» и довольно точно конкретизировала ее основные мысли. Отмечая, что главная мысль заключается в том, что отныне вице-король не должен ограничиваться наблюдением за порядком в границах Индии, а обращать внимание за ее пределы, «Таймс» указывала, что в мире имеется много районов, где правители не могут установить порядок и Литтон может вмешиваться в их дела под предлогом наведения порядка. «От Белуджистана,— подчеркивала газета,— он может двинуться в Афганистан и Персию, а оттуда направиться туда, куда ему заблагорассудится[55]. «Таймс» расценивала оккупацию Кветты, как осуществление части генерального плана британского правительства в отношении Белуджистана и других государств на северо-западной границе Индии. В связи с этим она делала вывод, что в английской политике принята новая отправная точка, хотя и отказывалась предсказать, как далеко пойдет британское правительство по этому пути.

Литтон предпринял энергичные меры по аннексии гиндукушских княжеств на севере Индии и превращению магараджи Кашмира в вассала Англии. Значение этих княжеств заключалось в том, что они контролировали три горных прохода, ведущих из Индии в Среднюю Азию: Даркот, Карамбар (или Ишкаман) и Барогил. Гордон в ноябре 1875 г. подчеркивал стратегическую ценность этих проходов, в особенности Ишкамана в Ясинской долине, обладание которым позволяло контролировать движение к Памиру и от Памира, господствовать над Ба-

[52] The Times, 18 February 1878.
[53] The Times, 18 February 1878.
[54] The Times, 19 February 1878.
[55] The Times, 19 February 1878.

рогилом, командовать над Читралом и племенами, населявшими территорию от него до северной части пешаварской долины, держать под постоянной угрозой Джелалабад (расстояние от него 240 миль), Кабул (315 миль), Балх (390 миль), а также амударьинскую и мервскую линии коммуникаций русских войск.

Литтон использовал первую же возможность и попытался побудить магараджу Кашмира добиться «эффективного контроля» над территориями, простирающимися от этих проходов до пределов его владений (Читрал, Мастудж, Ясин) и зависимых от них княжеств. Одновременно британские агенты оказывали нажим на правителей этих областей, чтобы заставить их признать власть магараджи Кашмира. В ноябре 1876 г. после встречи с Литтоном в Мадходпуре магараджа обещал добиться подчинения этих княжеств и в ответ на военную помощь английских властей обязался предоставить Гилгит в качестве постоянной резиденции для английского офицера, который должен был «собирать информацию» за пределами Кашмира. Кроме того, магараджа должен был построить на собственные средства телеграфную линию, которая связала бы Гилгит, Сринагар и Джамму с британской телеграфной системой[56]. Своими действиями Литтон грубо нарушал суверенные права афганского мира, который издавна имел некоторую власть над этими княжествами, и вызвал резкое недовольство Шир Али Хана. Эмир попытался не допустить признания власти Кашмира князем Читрала, но Литтон обещал правителю Читрала военную поддержку и предписал сопротивляться требованиям правителя Кабула.

Одновременно, по указанию Литтона Кавеньяри написал Шир Али Хану письмо, где в грубой форме предлагал отказаться от притязаний на княжества Читрал, Баджаур, Суат и Пир, предупреждая, что все его попытки не подчиниться этому требованию будут рассматриваться британским правительством как недружественные акты. Докладывая лорду Солсбери о мерах, принятых в отношении пригиндукушских княжеств магарадже Кашмира, Литтон писал: «Имеются хорошие перспективы для магараджи Кашмира приобрести при поддержке мощи и престижа британского правительства такой контроль и влияние в вышеупомянутых государствах, которое нам даст возможность в течение некоторого времени добиться таких политических и военных соглашений, которые предоставят нам эффективное командование над проходами Гиндукуша»[57].

---

[56] F. O. 539, v. 16, N 125, p. 115.
[57] Ibid p. 116.

Как использовать эти проходы, против кого будет направлен отсюда главный удар — для Литтона было неважно: он мог бы быть эффективно использован и против Кабула, и направлен в долину Амударьи. Пока же Литтон назначил первым британским агентом в Гилгите опытного британского разведчика в Индии капитана Биддалфа, который успел досконально изучить всю местность от Кашгара до Балха. Функции английского резидента были чрезвычайно велики. В них входил сбор разведывательной информации об окружающих районах, установление связей с племенами, населявшими горные районы, с целью признания ими власти магараджи Кашмира, что фактически означало власть англичан[58]. По-видимому, капитан Биддалф, распространял свою деятельность и на территории русских владений. Олдер утверждает в связи с этим, что «он организовал шпионскую систему, которая простиралась за Гиндукушем до Самарканда и до Инда среди патанских племен»[59]. Столь активное стремление завладеть северными горными проходами и подходами, ведущими к ним, объясняется главным образом их близостью к Коканду. Обладание горными проходами в Гиндукуше, особенно Барогилом, позволяло им установить прямой контакт с кокандским населением и организовать там подрывную работу. В связи с этим английские власти в Индии внимательно присматривались к выходцам из Коканда и, рассчитывая на их услуги в разведывательной и подрывной деятельности, собирали их в Пешаваре, надеясь использовать нужный момент.

В августе 1878 г. в Пешавар прибыл Абдул Керим-бек, один из руководителей восстания в Коканде против Худаяр-хана. Заместитель Кавеньяри подполковник Уотерфилд в пространном докладе сообщал в Симлу подробности его приезда[60]. Абдул Керим-бек пожелал лично переговорить с Литтоном и рассказать о событиях в Коканде в 1876 г. Он был принят весьма гостеприимно, и Уотерфилд доносил, что Абдул Керим-беку выдано единовременно 280 рупий и впредь было определено платить на его содержание по 40 рупий в день[61]. Излишне говорить, что английские власти не любили платить из альтруистических побуждений, и нет сомнения в том, что Абдул Керим-бек получал деньги не зря.

---

[58] G. Alder. Op. cit., p. 119.

[59] Peshawar Confidential Diary, 22 October 1878, F. O. 539, v. 15, N 246, p. 358.

[60] News-letter from a Correspondent of Peshawar, 6 August, 1878, F. O. 539, v. 15, N 145, p. 178.

[61] Ibid.

Из другого доклада Уотерфилда известно, что в начале 1877 г. пешаварские власти отправили в Туркестан Абдул Гаффарбека (ближайшего соратника Абдул Керим-бека), чтобы «поднять восстание против русских»[62], но, как утверждал Абдул Керим-бек, Шир Али Хан задержал его в Кабуле[63].

На основании русских архивных документов выясняется, что Абдул Керим-бек имел в Коканде своих людей, которые поддерживали с ним регулярную связь и выполняли его задания. В конце марта 1880 г. начальник Кокандского уезда получил сведения о появлении в Коканде некоего Турсун-Магомет Ходжи, посланного из Пешавара от Абдуллы Керим-бека и привезшего от него письма к разным лицам. Одновременно распространился слух, что Абдул Керим-бек хорошо принят англичанами, получил от турецкого султана фирман на Кокандское ханство, а от англичан — денежную поддержку и готов выступить с наемным войском, предводимым англичанами, к пределам Кокандского ханства со стороны Кашгара[64]. При аресте у Магомет Ходжи нашли чайник, в котором были запаяны три письма к Абдул Керим-беку с выражением верности и заверением правительству Индии исполнять приказания своего шахзаде (принца), т. е. Абдул Керим-бека. На письме было 15 подписей почётных лиц, но из них только четыре скреплены печатью, а остальные сделаны от руки. При проверке оказалось, что все печати были заказаны у одного кузнеца, но он успел сделать всего четыре.

Одновременно Литтон предпринял решительную попытку заставить афганского эмира принять у себя британских офицеров и предоставить им свободный доступ во все концы страны. На пешаварской конференции, продолжавшейся с января по март 1877 г., представитель Литтона Льюис Пелли выдвинул ультиматум перед представителем эмира Сайид Нур Мухамед Шахом: или эмир допускает британских офицеров на свою территорию, или представители Англии прекращают всякие переговоры. Афганский представитель отказался выполнить требование англичан, и Литтон дал указание Пелли прервать переговоры и выехать в Симлу. Смерть Сайид Нур Мухамед Шаха во время конференции не позволила осуществить эту ультимативную акцию и развязала руки Литтону. Литтон знал, что эмир дал указание своему новому представителю продол-

---

[62] Ibid.

[63] Ibid.

[64] Донесение туркестанскому генерал-губернатору (получено дипломатической частью 25. IV 1880 г.), ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 496, л. 5.

жать переговоры и пойти на уступки англичанам[65], тем не менее он приказал Пелли покинуть Пешавар. Б. Бальфур объясняет столь странное поведение вице-короля тем, что до Литтона будто дошли слухи о военных приготовлениях эмира, его попытках установить связи с пограничными племенами, которых он якобы призывал на священную войну против англичан[66]. Но это явная ложь. Вряд ли нашелся бы среди английских политических деятелей, знакомых с положением дел, кто-либо, всерьез поверивший, что военные приготовления эмира могли бы встревожить английские власти и заставить их прибегнуть к тем мерам, которые ввергли Англию в катастрофическую войну с Афганистаном. Сам Литтон в письме к Кавеньяри утверждал, что ему достаточно нескольких месяцев или нескольких недель для разгрома эмира[67].

Неспокойно проходило царствование Шир Али Хана. Внутренние феодальные междоусобицы подтачивали силы его государства. Многочисленные поборы, предназначавшиеся для проведения реорганизации административного аппарата страны и военных сил, приводили к резкому недовольству населения; религиозные притеснения племен, живущих по южным и восточным границам, а также узбекского населения, проживавшего в Афганском Туркестане, создавали широкую оппозицию среди пограничного населения.

В декабре 1873 г. Шир Али Хан назначил своим наследником сына сардар Абдулла Джана, который был младшим и не имел права на престол. Это обострило внутреннюю политическую обстановку в стране. В знак недовольства старший сын эмира сардар Мухамед Ибрагим-хан, губернатор Кабула, объявил о своем желании уйти в Мекку или в другую страну. В Герате Якуб-хан открыто объявил, что не подчинится решению эмира и отменил трехдневные торжества по случаю провозглашения наследника. К нему присоединился его брат Айюб-хан, находившийся в Герате. Мятежных сыновей эмира поддержали влиятельные феодальные элементы, которые боялись, что укрепление централизованной власти афганского государства приведет к ослаблению их влияния и подрыву их власти. Англичанам доносили, что влиятельные сардары ждут выступления Якуб-хана и непременно присоединятся к нему в борьбе против Шир Али Хана[68]. Но Якуб-хан был арестован, Айюб-хан бежал в Иран,

---

[65] B. Balfour. Op. cit., p. 155.
[66] Ibid.
[67] Ibid., p. 162.
[68] F. O. 539, v. 12, Inclosure 8 in N 3, p. 6.

остальные сардары не осмелились выступить, решив выждать удобный момент.

В июне 1873 г. восстали правители Шугнана и Бадахшана, и лишь с большим трудом войскам эмира удалось подавить их. Бесконечные волнения племен, восстания в различных областях страны, внутреннее глухое недовольство ослабляли правление Шир Али Хана и не давали ему возможности сосредоточить силы на внутреннем преобразовании страны и на ее обороне на юге и востоке.

В начале сентября 1876 г., когда агрессивная политика лорда Литтона все более переставала быть тайной, Шир Али Хан предпринял несколько важных мероприятий, направленных на укрепление внутреннего положения Афганистана и увеличение его обороноспособности[69]. Однако Шир Али Хану не удалось достичь намеченных целей: его мероприятия, требовавшие дополнительных расходов, привели к резкому увеличению недовольства в стране и усилили внутренние противоречия. Редактор газеты «Туркестанские ведомости» майор Маев, направленный в мае 1876 г. на границы Афганистана, сообщал генералу Кауфману: «По рассказам лиц, недавно возвратившихся из Афганистана, афганцы крайне недовольны своим эмиром за его жестокость и несправедливые поборы. Подати с народа с каждым годом становятся все более отяготительными». Маев подчеркивал, что недовольство особенно сильно в северном Афганистане, где «хорошо помнят короткое и справедливое правление Абдурахман-хана»[70]. Губернаторы этих областей подавляли выступления населения жестокими репрессиями. Полковник Разгонов, который замещал Столетова в Кабуле после его отъезда, воочию мог убедиться, что Шир Али Хан непопулярен в народе[71]. Причинами этого он считал слишком тяжелую воинскую повинность, введенную эмиром, и значительные налоги, которые шли на содержание постоянной регулярной армии.

Серьезное беспокойство эмира вызывали волнения племен, располагавшихся вдоль восточной и южной границ Афганистана, т. е. на территории, которая в случае войны с англичанами, могла стать непосредственным театром сражений. Одним из самых сильных племен были гильзаи, насчитывавшие до 700 тыс.

---

[69] См. об этом подробно в кн.: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. 2, стр. 239—245.

[70] Рапорт редактора «Туркестанских ведомостей» майора Маева, ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 236, л. 19.

[71] Разгонов — Кауфману, 26. X 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 389, л. 116.

человек и имевшие возможность выставить до 40 тыс. бойцов. Они выступали, по словам их влиятельного вождя Адамхана, против Шир Али Хана из-за его «гнета и увеличенного налогообложения»[72]. В Куррамской долине племена малик и другие (шииты по своей религиозной принадлежности) испытывали, кроме прочего гнета, и религиозный гнет баракзаев — суннитов. Один из английских агентов доносил, что «большое число народа Куррама покинуло свои дома, а те, которые все еще остались в области, желают освобождения из-под ига жестокой власти баракзаев»[73]. В октябре 1877 г. восстали племена, проживавшие в проходе Катта, расположенном между Кабулом и Кандагаром, отказавшись платить подушный налог. Вместе с ними восстали и племена, населявшие близлежащие холмы[74]. В начале 1878 г. волнения охватили и Кохистан, восставшие отказались посылать рекрутов в армию Шир Али Хана[75].

Внутреннее положение государства Шир Али Хана было неустойчиво, междоусобицы, восстания пограничных племен, в которых немалую роль играли английские агенты, все более ослабляли страну и, конечно, в открытой войне против Англии она не представляла серьезной силы. Тем не менее, Шир Али Хан старался не допустить вмешательства англичан в свои внутренние дела. В 1874 г. он отказался допускать на свою территорию членов миссии Форсайта, которая хотела проехать по северным районам Афганистана; в том же году он не разрешил вступать на афганскую землю полковнику Бэйкеру, в 1875 г.— полковнику Мак-Грегору.

У эмира были основания не доверять британским офицерам, чьи намерения стали известны афганцам уже в 1838—1842 гг. Шир Али Хан опасался интриг и смут, которые могли посеять в стране англичане при существующей обстановке в стране. В одной из бесед с полковником Разгоновым эмир говорил: «Явившись в Кабул с запасом золота, имея здесь много агентов и при существовании недовольных людей в самом Кабуле, англичане непременно подняли бы весьма серьезные внутренние беспорядки и одновременно с этим двинули бы войска в пределы Афганистана»[76]. Происки Макнотена и Бернса в 1839—

---

[72] F. O. 539, v. 15, N 183, Inclosure 2, p. 207.
[73] F. O. 539, v. 15, N 163, Inclosure 4, p. 190.
[74] F. O. 539, v. 15, N 41, Inclosure 2, p. 59.
[75] Letter from Herat, 19 January 1878, F. O. 539, v. 15, N 41, Inclosure 2, p. 59.
[76] Разгонов—Кауфману, 26 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 122.

1840 гг. в Кабуле, генерала Чемберлена в 1856 г. в областях, населенных гильзаями, миссии Тэйлора в Герате в 1857—1858 гг. были еще слишком свежи в памяти афганских государственных деятелей, чтобы они могли сомневаться в отношении истинных целей, которые преследовали англичане, добиваясь разрешения эмира на пребывание английских офицеров в Герате или другой части государства.

Неустойчивость внутреннего положения в Афганистане, слабость власти и нежелание быть марионеткой в руках англичан, побудили эмира откликнуться на предложение генерала Кауфмана вступить в дружескую переписку. Зажатое между двумя великими империями и раздираемое внутренними междоусобицами, афганское государство могло сохранить независимость только при условии сохранения противоречий между этими державами и при равенстве их влияния в Кабуле, когда эмир мог бы играть на их взаимных противоречиях. Усиление влияния России в Кабуле и расширение ее связей с Афганистаном служило бы надежной гарантией независимости афганского государства. Самая большая угроза для него таилась в объединении империалистических держав, которое неминуемо привело бы к их соглашению и последующему разделу Азии. Шир Али Хан понимал это и стремился воздействовать на англичан, пугая их русскими. В беседах с английскими представителями он постоянно ссылался на приближение русских к его владениям, выражал беспокойство по поводу этого факта и просил помощи у англичан. В одной из своих бесед с английским представителем в Кабуле он, выражая опасения по поводу укрепления положения России в Средней Азии, утверждал, что не успокоится до тех пор, пока британское правительство не гарантирует безопасности его владений и не поможет ему оружием и деньгами[77]. Между тем английские дипломаты не верили в его страх перед русскими и прекрасно видели, с какой целью он пытается уверить, что опасается планов России в отношении его королевства. В частности, Лофтус, имевший запись беседы Шир Али Хана с британским представителем в Кабуле, считал, что преувеличение Шир Али Ханом угрозы рассчитано на то, чтобы получить от Англии оружие и деньги[78].

Той же политики, по-видимому, придерживался Шир Али Хан и в переписке с генералом Кауфманом, хотя есть основания считать, что он искренне симпатизировал России и, как пи-

[77] F. O. 539, v. 11, N 239, p. 230.
[78] Loftus to Granville, 20 November 1873, F. O. 539, v. 11, N 273, p. 276.

сал полковник Разгонов, был большим почитателем Петра I, деятельность которого он хорошо изучил[79].

Переписка началась с письма Кауфмана к эмиру 28 марта 1870 г., где Шир Али Хану сообщалось о прибытии в русские пределы Абдурахман-хана. Она продолжалась беспрерывно до самой смерти афганского правителя в марте 1879 г. и в течение ряда лет, почти до 1878 г., пока англичане не предпринимали враждебных актов против Афганистана ,не выходила за рамки обычных писем двух соседей, выдержанных в эпистолярном стиле, широко принятом в переписке восточных правителей.

Лишь в двух письмах видно стремление Кауфмана использовать переписку в политических целях. В декабре 1873 г. Кауфман информировал эмира о взятии русскими войсками Хивы и сообщал, что это было сделано в связи с нарушениями хивинским ханом законов Магомета и торговлей рабами в ханстве. Кауфман сообщал также, явно пытаясь произвести впечатление воздержанностью России от территориальных захватов, что русские войска восстановили хана на престоле после освобождения им рабов и обещания запретить навсегда работорговлю и ушли из ханата[80]. В другом письме он сообщал о событиях в Коканде и отмечал, что русские войска выступили против мятежного Абдурахмана Автобачи, который восстал против законного правителя. Кауфман явно намекал на тревоги самого Шир Али Хана за трон и внутреннее положение, пытаясь представить русских защитниками законных правителей. «Русское правительство,— писал в заключение Кауфман,— стремится к дружбе и миру во всех делах с их соседями, которые управляют странами на Востоке и по этой причине Россия воздерживается от захвата их стран, хотя в нынешнем случае мы вынуждены были аннексировать Коканд»[81].

Лишь эти два письма могли дать повод к различным толкованиям и расцениваться как имеющие определенное назначение, во всех же остальных Кауфман не выходил за рамки обычного обмена любезностями и информацией. Больше того, он подчеркивал существование дружеских отношений между Рос-

---

[79] «Его идеал,— писал Разгонов,— Петр Великий, о котором он говорит очень часто и с историей которого знаком довольно порядочно». Разгонов — Кауфману, 26 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 116.

[80] Письмо Кауфмана 1 декабря 1873; F. O. 539, v. 14, inclosure 5, N 142, p. 136—138.

[81] Письмо Кауфмана 5 мая 1876 г.; F. O. 539, v. 12, inclosure 25, N 3, p. 18.

сией и Англией и заверял эмира в расположении к нему британского правительства[82].

Шир Али Хан пересылал все письма Кауфмана (через британского агента в Кабуле) английским властям в Симлу (вообще он сначала давал читать их английскому агенту, а затем уже читал сам).

Весьма интересно, что до 1876 г., пока агрессивная политика британского правительства только подготавливалась, переписка между Кауфманом и эмиром не вызывала тревоги англичан и лишь после того, как Литтон прибыл с определенным заданием превратить Афганистан в вассальное государство или учинить ему военный разгром, она стала предметом представлений британского правительства[83]. Правда, поручая лорду Лофтусу сделать официальное представление, осуждающее эту переписку, и получить, если возможно, от русского правительства письменный отказ вести переговоры с Шир Али Ханом без согласия британского правительства, герцог Дерби признавал, что письма Кауфмана сами по себе не содержат никакого заявления, против которого можно было бы выдвинуть четкое возражение[84]. Тем не менее, лорд Лофтус сделал представление русскому правительству, отмечая недопустимость сношений Кауфмана с эмиром и выражая надежду, что российское правительство направит генералу Кауфману инструкции о прекращении переписки, которая якобы нарушает соглашение 1872/1873 гг.[85]. Что касается соглашения, то первые же шаги Литтона в Индии полностью нарушали обязательства, взятые на себя англичанами по этому соглашению: считать Афганистан нейтральной независимой зоной. Письма же Кауфмана не нарушали его, и тот факт, что в течение шести лет английские представители, зная о них, не делали их предметом представлений, лучше всего подтверждает это. Очевидно, в данном случае английское правительство добивалось определенной цели — получить от русского правительства письменное обещание прекратить в будущем вообще всякую переписку с Шир Али Ханом. Это, с одной стороны, дало бы возможность британским властям в Индии показать эмиру, что ему не на кого рассчитывать, а во вторых, такое письменное заверение стало бы документом, который в будущем мог служить для британских дипломатов основанием для их претензий решать судьбу Афганистана по собственному усмотрению.

---

[82] См. к примеру письмо Кауфмана 25 февраля 1874 г.

[83] Lytton to Salisbury, 16 September 1876 (tel.), F. O. 539, v. 14, N 149, p. 142.

[84] Derby to Loftus, 2 October 1876, F. O. 539, v. 14, N 150, p. 143.

[85] Loftus to Derby, 13 October, F. O. 539, v. 14, N 157, p. 147.

Лорд Лофтус настойчиво добивался от Гирса письменного обязательства и в беседах, состоявшихся 15 ноября 1896 г. и 17 ноября 1876 г. усиленно подчеркивал важность этого[86]. Лишь 6 февраля 1876 г. после предварительных переговоров с Кауфманом Гирс представил ответную ноту, в которой категорически отверг все ложные обвинения и неправильную интерпретацию переписки Кауфмана с Шир Али Ханом и по существу не дал обещания прекратить эту переписку, отстояв для России важное право иметь нормальные сношения со всеми государствами, независимо от того, желательно это англичанам или нет[87]. Такой ответ русского правительства стал для Литтона формальным оправданием его агрессивной политики.

Провал Пешаварской конференции привел к разрыву отношений с эмиром и дал возможность правительству Индии начать интенсивную подготовку к военному разгрому Афганистана. Разразившаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война позволила ему действовать открыто, без опасений за контрмеры России, и лорд Литтон сразу после разрыва с эмиром ускорил подготовительные работы к войне с Афганистаном. В июле 1877 г. он от имени правительства Индии послал депешу лорду Солсбери, в которой изложил план дальнейших действий. Прежде всего, он отмечал, что наступление русской армии в Туркмении ставит под угрозу Мерв и вынуждает британское правительство предпринять ответные меры, которые воспрепятствовали бы взятию Мерва русскими войсками. Эта депеша поражает, с одной стороны, нелогичностью и противоречивостью аргументов, на которых правительство Индии строило свою политическую линию, и с другой, неразборчивостью в выборе средств для осуществления своих авантюристических планов. Так, в частности, Литтон утверждал, что русская угроза Индии «не является опасностью, которая в настоящее время требует немедленных предупредительных мер», и в то время все свои доводы в пользу агрессивной политики строил на пресловутой «обороне Индии»[88].

Литтон рекомендовал британскому правительству меры, которые нужно было предпринять, чтобы не допустить русских в Мерв. Британское правительство должно заявить энергичный протест русскому правительству и сделать представление о том, что Англия не может больше безразлично относиться к изменению русских границ в Средней Азии и будет рассматривать сле-

---

[86] Loftus to Derby, 15 November 1876, F. O. 539, v. 14, N 174, p. 171.
[87] Loftus to Derby, December 1876, F. O. 539, v. 14, N 181, p. 178.
[88] The Governor-General of India to the Marquis of Salisbury. Simla 2 July 1877. Secret, F. O. 539, v. 14, N 289, inclosure 2, p. 275.

дующий шаг России как повод для объявления войны. Однако правительство Индии считало эту меру формальностью и не возлагало на нее слишком больших надежд. Такой протест, подчеркивало оно, не произвел бы должного воздействия без сильных материальных гарантий, подкрепляющих его, или одновременных военных выступлений. Одной из важных мер оно считало соглашение с эмиром, по которому он вступил бы в «дружеские сношения» с текинскими туркменами и обещал бы от имени английского правительства защищать их от русского наступления, если они согласятся стать его подданными[89].

Персии отводилась роль организатора мервских туркмен против русских и объединение их под своей эгидой. Однако при этом необходимо было восстановить утраченное влияние в Персии, решившись даже на некоторые жертвы (правда не уточнялись какого рода эти жертвы). Главным условием соглашения с Персией признавалось «размещение британских агентов с соответствующим эскортом в Мешхеде или Сарахсе и право свободного доступа в Мерв через персидскую территорию[90]. В случае, если такой вариант окажется осуществимым, правительство Индии считало желательным использовать британских офицеров в организации сил сопротивления мервских туркмен хотя бы в такой степени, которая гарантировала бы защиту Мерва от молниеносного захвата русскими войсками, задержку наступления русских. На данном этапе, по мнению авторов депеши, это было наиболее важной задачей.

Особое внимание правительство Индии уделяло установлению прямой связи с текинскими туркменами и для осуществления этой задачи ходатайствовало о командировке в Мерв одного-двух офицеров. В их обязанности должно было входить выяснение возможности организации сопротивления мервских туркмен русскому наступлению и, при наличии желания и способности туркмен сопротивляться русским войскам, вдохновление их на борьбу, помощь в ее организации. В случае удачи правительство Индии собиралось отправить туда других офицеров с деньгами и оружием для помощи мервским туркменам[91].

Наконец, отмечая огромное значение Афганистана в сохранении британского владычества в Индии, правительство Индии утверждало, что «может прийти время (и очень скоро)», когда для сохранения английских владений «будет абсолютно необходимо предпринять военную оккупацию Западного Афганистана,

[89] Ibid, p. 276.
[90] The Governor-General of India to the Marquis of Salisbury. Simla, 2 July 1847.
[91] Ibid.

включая важную крепость Герат, независимо от того, будет на то согласие эмира или нет»[92]. Авторы столь смелого проекта полагали, что ввиду неустойчивости положения эмира Афганистана ход событий приведет к расчленению его королевства и созданию в Западном Афганистане сепаратного ханата, в котором легко было бы установить свое влияние и превратить его в британский протекторат[93].

В личном доверительном письме к лорду Солсбери, отправленном спустя две недели после депеши правительства Индии, Литтон подтвердил все сказанное в официальной депеше и выделил два вопроса — вопросы о Герате и Мерве. Во-первых, Герат имел огромное значение с военной точки зрения, располагаясь в 670 милях от Суккура, в 750 милях от Красноводска и в 1900 милях от Оренбурга. Поэтому Англии было легче сконцентрировать и содержать мощные военные силы в Герате, чем русским. Кроме того, оккупировав Кветту, английские власти продвинули свои аванпосты и передовые базы на 230 миль вперед к Герату и теперь после того как, по мнению Литтона, появилась перспектива «получить в течение короткого времени твердую и дружескую почву в Кандагаре»[94], Герат становился передовым постом Англии в Средней Азии; во-вторых, в Средней Азии Герат считали столицей западного Афганистана, и в будущем это могло сыграть важную роль.

Литтон подчеркивал, что главная цель утверждения на этих позициях — противодействие русскому наступлению на Мерв, который он считал ключевым пунктом Средней Азии. В личном конфиденциальном письме к лорду Солсбери Литтон указывал и на другую сторону выгоды обладания Гератом и своего влияния в Кабуле: «Утверждение признанного протектората в столице и постоянного агентства на границе Афганистана» могло бы быть более полезным для Англии, чем аннексирование или оккупирование афганского государства английскими войсками. Однако в любом случае, подчеркивал он, такое соглашение оставляло бы на усмотрение английского правительства оккупацию страны «впоследствии мирно, если бы когда-либо стало необходимым осуществить это, чтобы не допустить захвата его (Афганистана) Россией»[95]. Литтон заверял лорда Солсбери, что лично он никогда не верил в существование русской угрозы

---

[92] The Governor-General of India to the Marquis of Salisbury. Simla, 2 July 1847.

[93] Ibid, p. 279.

[94] Lytton to Salisbury 16. VIII 1847, Layard Papers, BM, 39, 164, v. CCXXXIV.

[95] Lytton to Salisbury, 16 August 1847.

Индии[96]. Меры, предлагаемые правительством Индии, были продиктованы вовсе не интересами обороны, а стремлением занять наиболее выгодные стратегические позиции, которые могли стать бастионом в будущей схватке с Россией за Среднюю Азию. Литтон исходил из того, что рано или поздно обе империи должны встретиться в Азии и между ними произойдет решающая схватка за преобладание в ней. Он считал, что эта встреча должна произойти при самых благоприятных для Англии условиях. Первейшим из них было обладание «сильной военной границей», имелся в виду Гиндукуш. Чтобы использовать его соответствующим образом, подчеркивал Литтон, необходимо превратить Кабул, Газни, Джелалабад и Кветту в «главный бастион» и установить аванпосты в Кандагаре, Герате, Балхе и т. д.[97]

Эти меры напоминали скрытую войну против России. Под надуманными фальшивыми предлогами готовилась фактическая аннексия Афганистана и создавалась база борьбы с Россией. Авторы «мервской депеши» (так неофициально называлась депеша от 2 июля 1877 г.) признавали, что все шаги, предлагавшиеся правительством Индии, можно было расценивать как «недружеские» и «непорядочные» по отношению к России[98]; по своему характеру они были наступательными, а не оборонительными. Это был авантюрный агрессивный план, направленный не только против России, но и против независимости Афганистана и Персии, которых готовились использовать в качестве марионеток. Его авторы мало считались с тем, как правители этих стран отнесутся к этой перспективе, и совсем не учитывали такой немаловажный фактор, как категорический отказ эмира Афганистана предоставлять свою страну в распоряжение англичан и допускать установление в своем государстве нового режима, при котором эмир был бы низведен до положения обычного индийского раджи с номинальной властью над своими подданными.

«Мервская депеша» правительства Индии была представлена лордом Солсбери на рассмотрение кабинета, а также «высшим авторитетам» по этим вопросам. Очевидно, члены кабинета и эксперты не были уверены в своевременности мер, предлагаемых Литтоном, и сам лорд Солсбери не был пока убежден в

---

[96] Ibid.

[97] См. F. O. 539, v. 14, N 289, Inclosure 2, p. 279. Примечательно, что Литтон не хотел ограничивать себя определенными пунктами и после слова Балх ставил многоточие и употреблял выражение «и так далее», что могло означать неограниченное число пунктов.

[98] F. O. 539, v. 14, N 289, Inclosure 2, p. 279.

эффективности немедленного осуществления намеченного плана и решил несколько задержать его проведение.

В ответной депеше лорд Солсбери писал, что правительство Индии преувеличивает непосредственную опасность, грозящую Мерву, отмечая, что России потребуются многие годы для обеспечения подходов к Мерву, создания базы снабжения, коммуникаций и пр. По его мнению, в сведениях, которыми располагает правительство Индии, преувеличена доступность подхода к Мерву, русским пришлось бы претерпеть неимоверные трудности и понести огромные расходы для овладения им. «Мерв не принес бы России ни доходов, ни подданных, ни гарантии безопасности,— подчеркивал лорд Солсбери.— Как база для движения на Индию постоянная оккупация Мерва была бы чрезмерной и расточительной тратой денег и военных сил и мало кто верит, что вторжение в Индию возможно для России или имеется в мыслях самых дерзких русских государственных деятелей»[99]. Не отрицая возможности безрассудных поступков некоторых «горячих голов» в России и их попыток захватить Мерв, лорд Солсбери отмечал, что даже в этом случае русские должны будут прежде утвердиться на территории, близкой к Мерву, и уже оттуда начинать наступление. До этого времени, по мнению английского правительства, было бы преждевременно предпринимать меры, которые могли бы расцениваться как «неофициальная война» против России.

В другой же части послания фактически санкционировались действия, предлагаемые «мервской депешой». Лорд Солсбери указывал правительству Индии, что его предостерегающие указания воздержаться от «агрессивных мер» не должны восприниматься как отказ от подготовки перед лицом «опасности», которая «возможно возникнет», и мер по усилению позиций «мирными средствами, которые предоставят вам условия»[100]. Как видно из депеши, правительство Индии формально руководствовалось именно теми соображениями, которые приводил лорд Солсбери, и с этой точки зрения оно вполне могло принимать депешу лорда Солсбери как официальное предоставление ему полной свободы действий. В тех строках, где речь шла о конкретных вопросах политики, рекомендации лорда Солсбери были слишком двусмысленны, чтобы восприниматься как категорическое запрещение плана действий, предложенных правительством Индии. Так, он подчеркивал необходимость добивать-

[99] Salisbury to the Governor-General of India, 18 October 1877, p. 266; F. O. 539, v. 14, p. 264—269.

[100] Ibid, p. 267.

ся «дружеского влияния» на правителя Афганистана «мирным» путем, тем не менее всегда можно было найти предлог для завоевания такого влияния и насильственным способом, ссылаясь на то, что все мирные средства исчерпаны.

Литтон знал, что депеша лорда Солсбери предназначена для тех членов кабинета, которые были сторонниками осторожной политики (в частности герцог Дерби), сам он имел совсем другие инструкции и уже осуществлял их. Причем, в Лондоне возражений пока не было. Кроме того, лорд Солсбери подчеркивал необходимость получения более полной и своевременной информации о событиях на границе и за ее пределами. Получение такой информации было немыслимо без отправки на северные границы Афганистана английских офицеров без размещения их в Герате и Балхе, т. е. без выполнения его инструкции. И, наконец, лорд Солсбери отмечал, что британское правительство могло бы разрешить «миссию офицеров к туркменам», обращая внимание на важность исследования «западных подходов к Мерву». По его мнению, самым удобным было бы направить в Мерв «смышленного офицера в компании с ветеринарным врачом с поручением покупки лошадей для военных целей Индии», и лично он считал наиболее подходящим для этой цели капитана Нэпиера[101].

Появление капитана Нэпиера и капитана Батлера на северных границах Ирана в начале 1878 г., их упорные попытки установить связь с мервскими и текинскими туркменами, а также стремление получить сведения о территории между Мервом и русским лагерем в Чикишляре — веское доказательство того, что правительство Индии довольно энергично взялось за осуществление указаний лорда Солсбери. Вместе с тем, Литтон, потеряв надежду на решение вопросов об отправке английских офицеров на северные границы Афганистана мирным путем, стал готовиться к военным действиям против эмира. Прежде всего он начал покорение племен, проживавших на границе с Афганистаном.

Под предлогом защиты британского гарнизона Кветты в октябре 1877 г. англичане начали фактическую оккупацию Белуджистана. Английская пресса вела разнузданную кампанию по расширению наступательной политики, раздувая мелкие инциденты на северо-западных границах, выдавая их чуть ли не за национальную проблему, которая должна была решить судьбу «великой Индийской империи»[102]. «Таймс» утверждала, что

[101] Salisbury to the Governor-General of India, 18 October 1877, Ibid, p. 269.

[102] The Times, 15 November 1877.

инциденты с племенами происходят по подстрекательству Шир Али Хана, который по ее утверждениям, в союзе с Россией пытался убедить хана келатского в необходимости потребовать вывода британских войск из Кветты[103]. Положение британского гарнизона в Кветте стало предлогом для развития наступательной политики. 15 октября 1877 г. «Таймс», отмечая опасность, грозившую Кветте (неизвестно, правда, от кого), призывала быть готовыми к вооруженной оккупации всего Белуджистана[104].

Английские войска начали покорение пограничных племен. В декабре 1877 г. были разгромлены джовакии и племена, проживавшие в Англами Нагас. После этих завоеваний британские владения вплотную подошли к Афганистану, появилась возможность наступления британских войск в случае войны сразу с нескольких направлений, без опасения за коммуникации в тылу.

Казалось, все обстояло благополучно. «Таймс» ратовала за наступательную политику, и весь огонь направляла против Шир Али Хана, обвиняя его в подрывных действиях против английских владений. Газета отмечала, что отношения с Шир Али Ханом становятся «полувраждебными», требовала, чтобы в переговорах с ним английские представители добивались открытия для Англии Хайберского и Барогильского проходов, важных «для торговли со Средней Азией» и подчеркивала в то же время, что забота о безопасности границ Индии становится делом, касающимся всех англичан[105]. Граница слаба, если не беззащитна[106], внушала «Таймс», «скоро для Совета Индии станет необходимым обдумать, не следует ли сделать что-либо для усиления северо-западных границ наших великих азиатских владений»[107].

В начале января 1878 г. «Таймс» выражала надежду, что правительство получит национальное согласие на «безграничное расширение» влияния правительства Индии в соседних странах[108]. «Мы прошли спокойно к Кветте,— заявляла газета.— Собираемся ли мы оставаться там? Если да, собираемся ли мы идти дальше и насколько далеко? Должны ли мы остановиться в Кандагаре или Герате?» Все эти вопросы, по мнению «Таймс», должны быть поставлены перед парламентом и решены. Тон газеты, прекрасно учитывавшей настроения в стра-

---

[103] The Times, 15 October, 1877.
[104] The Times, 15 October 1877.
[105] The Times, 15 November 1877.
[106] The Times, 15 October 1877.
[107] The Times, 29 October 1877.
[108] The Times, 10 January 1878.

ше, значительно изменился. От безусловного обсуждения наступательной политики, как было год назад, она перешла к требованию разъяснения ее; от категорических возражений — к условному принятию наступательной политики при доказанной целесообразности ее. Теперь она требовала лишь разъяснений, хорошо зная, что правительство Дизраэли всегда готово дать их, подобно тому, как это делала сама же газета «Таймс» еще в конце 1877 г.[109]

Статья в «Таймс» отражала значительные сдвиги, происшедшие в общественном мнении страны и в политических кругах. Общее антирусское возбуждение, которое было раздуто в Англии консервативной партией в связи с русско-турецкой войной, начинало приносить плоды, и обстановка настолько изменилась, что политика военного разгрома Афганистана не вызывала уже тех возражений, которые несколько лет назад служили препятствием в осуществлении планов кабинета Дизраэли.

Отставка герцога Дерби и сравнительная легкость, с которой эта операция удалась Дизраэли и лорду Солсбери, подтверждали изменение политической атмосферы страны и явились новым стимулом для беспрепятственного проведения в жизнь этих планов. Лорд Солсбери сразу же после вступления на пост министра иностранных дел написал письмо Литтону, в котором обещал поддержку его деятельности[110]. Вдохновленный этим обращением, Литтон послал депешу преемнику Солсбери в Индийском департаменте лорду Кранбруку, в которой без стеснения изложил свою программу действий. Литтон утверждал, что эмир Афганистана ведет «военные приготовления» и намеревается объявить священную войну (джехад) против Англии. В связи с этим Литтон считал необходимым «немедленно» начать военные приготовления, которые потребуются для военных действий «вне наших собственных границ обороны»[111]. Считая Россию слабой в военном отношении и неспособной предпринимать широкие военные операции в Средней Азии, он писал: «Мне кажется поэтому было бы неразумным пренебрегать любой возможностью, которую обстоятельства могли нам предоставить для сведения с ней счетов оружием, в котором мы сильнее, а она слабее. Этим оружием является меч. (Конечно, я говорю только относительно наших соответствующих позиций в Индии и Средней Азии). Пока длится мир, мы не можем использовать меч, а наша дипломатия бессильна. Объявление войны

[109] The Times, 10 January 1878.
[110] Salisbury to Lytton, 5 April 1878; B. Balfour. Op. cit., p. 242.
[111] Lytton to Cranbrook, 8 April 1878 (B. Balfour. Op. cit., p. 245).

поэтому предоставило бы возможность, которая, по-видимому, никогда не представится больше, если мы упустим ее, сделать для Индии безопасными все эти внешние укрепления, которые иначе должны рано или поздно оказаться под влиянием России или же попасть в ее руки»[112].

Литтон считал ошибочной политику создания сильного и независимого Афганистана, над которым Англия не могла бы осуществлять контроля, поэтому он предлагал не упускать эту возможность в случае смерти эмира или междоусобной войны, когда можно будет расколоть или разрушить кабульскую державу. Лучшим вариантом решения афганского вопроса он считал создание на его обломках западно-афганского ханата, в который входили бы Мерв, Мейменэ, Балх, Кандагар и Герат, под властью какого-нибудь князя, выбранного англичанами, зависящего от английских властей. Для гарантии английского доминирующего влияния в этом ханате он предлагал установить в курамской долине, на его границе, английский пост с сильным гарнизоном[113]. Несомненно, это был решенный вариант британской политики в Афганистане, которую Литтону предстояло провести в жизнь, независимо от согласия эмира. Афганистан должен был стать орудием агрессивной империалистической политики Англии на Среднем Востоке и предоставить свою территорию в качестве плацдарма для британских войск. Литтон даже высказывался за отделение от Кабула Западного Афганистана, куда входили бы Кандагар, Герат, Майменэ. Вместе с Мервом, который также должен был отойти к Западному Афганистану, они составили бы полунезависимый ханат под британским протекторатом[114]. В случае осуществления этого плана в распоряжении англичан оказалась бы широкая полоса территории от северных границ Индии до Мерва, которая могла служить коридором при наступлении английских войск в Среднюю Азию, что становилось легко осуществимым мероприятием при обеспечении базы в Кветте.

ТУРЕЦКАЯ МИССИЯ В КАБУЛ В СЕНТЯБРЕ 1877 г.

Фактом, доказывавшим, что все агрессивные планы Литтона в конечном счете были направлены против России и конкретно против русских владений в Средней Азии, явилась турецкая миссия в Кабул осенью 1877 г. Литтон получил от Лэйярда одну

---

[112] Ibid, p. 246.

[113] Lytton to Cranbrook, 8 April 1878 (B. Balfour. Op. cit., p. 247).

[114] Lytton to Sandeman, 28 June 1847, Layard Papers, BM, 39, 164, v. CCXXXIV.

за другой две телеграммы, в которых сообщалось, что турецкий султан выразил желание направить своего посла в Кабул, чтобы он убедил эмира подчиниться требованиям британского правительства и следовать курсу, указанному им[115]. В качестве посла к кабульскому эмиру был избран Сулейман Эффенди, исполнявший роль вербовщика шпионов для британского посольства в Константинополе.

Литтон счел предложение султана чрезвычайно важным и гарантировал для турецкой миссии беспрепятственный проезд через индийскую территорию, но выразил сомнение в целесообразности назначения на роль посла Сулеймана Эффенди, который одно время служил у британского агента в Кабуле и мог вызвать подозрение кабульских властей как британский шпион. «Если султан желает поднять Афганистан против России,— писал Литтон,— он должен, не теряя времени, направить официальное посольство в Кабул, во главе которого стояло бы лицо, имеющее значительное влияние»[116]. Будучи уверен, что истинная цель турецкой миссии — побудить эмира выступить против России[117], Литтон рекомендовал Лэйярду поспешить с ее отправкой. Он утверждал, что Россия менее чем за шесть месяцев оккупирует Мерв, и долг британского правительства заключается в том, чтобы до этого времени добиться контроля над Кандагаром и Гератом. Турецкие посланники должны были убедить эмира допустить в эти пункты британских офицеров, и в этом случае Литтон считал возможным оставить на троне Шир Али Хана, сохранить его формальную независимость. В случае несогласия эмира, Англия должна была силой свергнуть его и фактически оккупировать страну[118].

Причина спешки Литтона заключалась вовсе не в русской угрозе Мерву, в действительности такой угрозы не существовало в то время, и правительство Индии не придавало ей значения, как это видно из «мервской депеши». Литтон спешил воспользоваться затруднениями России на Балканском полуострове и нанести удар по ее среднеазиатским владениям, причем осуществить это намерение нужно было как можно скорее, пока русско-турецкая война не отвлекала значительные силы русской армии и ресурсы страны.

По совету Лэйярда султан назначил главой миссии Ахмед Кулуси Эффенди, брата бывшего великого визиря Мехмет Али

[115] Layard to Lytton, 8 June 1877, Cyphes tel. Layard papers, BM, 39, 164, v. CCXXXIV.
[116] Lytton to Layard, 10 June 1877, Cypher tel., Ibid.
[117] Lytton to Cavaghari, 10 June 1877, Cypher tel., Ibid.
[118] Lytton to Layard, 19 June 1877, Cypher tel., Ibid.

Рашид Паши. Все инструкции послу были тщательно просмотрены Лэйярдом и кое-где исправлены[119]. Кроме того, по его же совету посол должен был припугнуть эмира отлучением от мусульманской церкви в случае, если тот откажется изменить свой внешнеполитический курс; для подкрепления этой угрозы Эффенди должен был передать ему личное послание главного священника Оттоманской империи, который формально считался главным священником всей мусульманской церкви[120].

Эмир Шир Али Хан принял турецкую миссию не очень гостеприимно и в течение трех дней вообще отказывался встречаться с ней. Турецкий посол заявил представителю эмира, что он прибыл лишь как официальный представитель султана и непричастен к английской политике и что якобы его главная цель — укрепление дружеских уз между двумя мусульманскими странами. Однако личное послание султана не оставляло сомнений насчет истинных целей турецкого посольства. «Я султан,— говорилось в послании,— слышу о вашей храбрости и мужественном духе с великой радостью. Мусульмане встревожены русской агрессией и мы объявили им джехад. Британское правительство является доброжелателем Оттоманской империи и руководствуется всегда добрыми побуждениями к нам. Вы должны с согласия британского правительства объявить русским джехад»[121]. Вместе с тем, посланник убеждал эмира, что султан борется против русских за всех мусульман и отвлек на себя всю русскую армию. По его мнению, наступил благоприятный момент для осуществления заветных планов афганских эмиров — присоединение правобережья Амударьи — и, если эмир направит свои войска в Туркестан, одновременно могут восстать правители Бухары и Коканда и совместными усилиями разгромить русские войска. «Это самое лучшее время для джехада»,— соблазнял эмира турецкий посланник. Но эмира не так легко было вызвать на подобную авантюру, и его ответ показывал, как глубоко заблуждались англичане, рассчитывая на недальновидность правителя Афганистана и его мнимые страхи перед русским нашествием.

Эмир напомнил Ахмед Кулуси Эффенди о тех случаях, когда среднеазиатские ханы обращались за помощью к турецкому

[119] Layard to Lytton, 14 June 1877, tel., Layard Papers, Ibid.

[120] Layard to Lytton, 19 June 1847, tel., Ibid.

[121] Extract from Kabul News for Oct. 1877, F. O. 539, v. 15, p. 27. Документ приводится в переводе с английского с сохранением стиля оригинала, который на английский язык переводился английским осведомителем Бахтиарханом, входившим в состав турецкой делегации. Все дальнейшее содержание бесед представителей турецкого султана с эмиром Шир Али Ханом приводится в его же изложении (отчет правительству Индии).

султану, призывая защитить их от русских, и султан остался глух к их просьбам. С другой стороны, Шир Али Хан не скрывал, что высоко ценит дружеские отношения с Россией, сложившиеся в период правления его отца эмира Дост Мухамеда и развивавшиеся с тех пор, и подчеркнул, что лично он не помнит ни одного случая, когда русские нарушили бы суверенитет Афганистана и покушались бы на его независимость. Англичане же никогда не сдерживали своих обещаний и постоянно нарушали как суверенитет, так и территориальные права его страны.

Шир Али Хан, со своей стороны, предлагал турецкому султану объявить джехад против англичан, которые, по его мнению, были злейшими врагами мусульман и аннексировали у мусульманских стран территорию большую, чем любая другая страна. Он приводил убедительные доводы о том, как англичане постоянно докучают ему своими придирками и неразумными требованиями, пытаясь превратить его в свою марионетку и лишить Афганистан таких ключевых пунктов безопасности как Кветта. Эмир иронически выразил сомнение, что султан объявит джехад против англичан, хотя налицо были факты неспровоцированной агрессии Англии против мусульманской страны, и просил передать султану, чтобы он не отвлекал внимания афганского народа от обороны своей страны против действительного врага[122].

Посол султана явно не ожидал такого ответа и, по сообщению английского осведомителя, присутствовавшего на беседе, «был совершенно неспособен опровергнуть эти аргументы или ответить на вопросы эмира»[123]. Тогда Ахмед Кулуси Эффенди, явно по рекомендации англичан, сделал попытку договориться с эмиром относительно передачи англичанам Кандагара и Герата, обещая ему вдвое увеличить ежегодные поступления с этих мест в кабульскую казну в качестве компенсации. Шир Али Хан с негодованием отверг это предложение, после которого у него не оставалось уже никаких сомнений относительно того, кто стоял за турецкой миссией и вдохновлял ее, он отказался вести дальнейшие переговоры[124].

Турецкая миссия провалилась. Лэйярд и Литтон вынуждены были признать это[125]. Шир Али Хан вновь продемонстрировал твердую решимость отстоять независимость своей страны, и у него хватило достаточно мудрости, чтобы не поддаться уловкам

---

[122] Extract from Kabul News for October 1877, v. 15, p. 28.

[123] Ibid, p. 29.

[124] Letter addressed to mr Thomsen from Herat, F. O. 539, v. 15, p. 31.

[125] Layard to Lytton 18 November 1877, Layard Papers, BM. 39. 164, v. CCXXXIV.

своих собратьев по религии, которые, ханжески прикрываясь исламом, пытались толкнуть его на гибельный для страны путь. Но Литтон ожидал такого исхода, и, казалось, даже желал его. В письме к капитану Кавеньяри в июне 1877 г. он отмечал, что в случае провала турецкой миссии единственно приемлемым курсом действий для Англии останется свержение эмира и создание полунезависимого ханата под английской эгидой из провинций Герат, Кандагар, Майменэ с включением в него Мерва[126]. Отказ эмира последовать курсу, предложенному турецкими представителями, был для Литтона лишним аргументом, который он мог представить правительству и парламенту как доказательство несговорчивости эмира и необходимости силой оружия заставить его подчиниться английским требованиям. Литтон представил веские доказательства того, что эмир не желает подчиняться добром английскому диктату, и теперь ему оставалось только ждать предлога для того, чтобы двинуть британские войска на Афганистан. В английской колониальной практике это был обычный и широко распространенный прием.

С точки зрения англо-русских отношений турецкая миссия в Кабул явилась нарушением соглашения 1872/1873 гг. в той его части, где говорилось о сохранении независимости и нейтралитета Афганистана. Более того, этот факт вполне можно было расценивать как враждебный по отношению России, ввиду того, что его осуществление фактически превращало афганского эмира в орудие войны против России. В связи с этим, хотя внимание русской дипломатии было отвлечено событиями на Балканах и русско-турецкой войной, которая в это время вступала в решающую фазу, русские правящие круги бдительно следили за происками британских агентов в Афганистане.

Уже в июне 1877 г. Милютин получил донесение из Константинополя о намерении турецкого правительства направить миссию в Кабул с целью создания единого фронта против России. Причем, Д. И. Милютина ставили в известность, что британский посол Лэйярд обещал турецкому правительству финансовую поддержку для снаряжения этой миссии[127]. В сентябре 1877 г., когда турецкая миссия уже проехала через Индию и вступила на территорию Афганистана, Гирс официально заявил Лофтусу о том, что, по его сведениям, турецкая миссия направляется в Кабул с подстрекательскими целями, надеясь уговорить эмира выступить против России и через него бросить клич к джехаду

[126] Lytton to Cavagnari 28 June 1877, Personal and Secret, Layard Papers, BM. 39, 164, v. CCXXXIV.

[127] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6901, л. 27.

по всему Туркестану[128]. Гирс просил англичан принять меры, чтобы не допустить подобных действий со стороны турецких представителей. Британское правительство просило сообщить Гирсу, что турецкой миссии действительно разрешен проезд через территорию Индии, но со своей стороны оно заверяло, что «не имеет оснований полагать, что цель этой миссии заключается в проповеди крестового похода в Среднюю Азию»[129]. Однако вскоре русская дипломатия получила подробный отчет о содержании беседы турецкого посла с эмиром Шир Али Ханом[130], встревоживший русские правящие круги и, по-видимому, давший лишнее доказательство вероломства англичан и подготовки ими скрытого удара в Средней Азии.

МИССИЯ СТОЛЕТОВА В КАБУЛ. НАЧАЛО ВТОРОЙ АНГЛО-АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

События на Балканском полуострове и явно враждебная по отношению к России позиция британского правительства в русско-турецком конфликте усилили напряженность в англо-русских отношениях. Воинственные речи британских министров, отправка флота в Дарданеллы, а индийских войск на Мальту, присутствие английских офицеров в рядах турецкой армии были актами, враждебными России. Неприкрытое стремление правительства Дизраэли пересмотреть статьи Сан-Стефанского договора и заставить Россию отказаться от его важных статей, многочисленные доказательства подрывной деятельности турецкой и британской агентуры в ханатах Средней Азии, а также попытки склонить шаха на сторону Англии и сделать его участником своих среднеазиатских авантюр, по-видимому, укрепили решимость русского правительства продемонстрировать свою возможность нанести ответный удар и подчеркнуть, что самое уязвимое место Британской империи, жемчужина ее короны — Индия—находится в непосредственной близости от русских владений в Средней Азии.

С этой целью летом 1876 г. оно приняло меры, чтобы заставить английское правительство опасаться за свои владения в Азии. Это была лишь демонстрация, русское правительство не имело намерения предпринимать наступательные действия против английских владений, да и средств, выделенных для этой

---

[128] Loftus to Derby 12 September 1877, Correspondense respecting Central Asia, 1878, N I, p. 121.

[129] Derby to Loftus 17 September 1847, F. O. 539, v. 14, p. 282.

[130] Этот отчет был доставлен Н. П. Игнатьеву Полем Аннно. См. ЦГАОР, ф. 730 (Н. П. Игнатьев), д. 932, оп. 1, л. 1.

операции, едва хватало на поддержание усиленного контингента русских войск в Средней Азии, и было недостаточно для проведения широких наступательных операций.

В июле 1877 г. по представлению Кауфмана было решено увеличить численный состав войск туркестанского военного округа на 4 тыс. человек, отправить туда 5 тыс. ружей устаревшей системы Бердана и разрешить Кауфману заготовить запас обмундирования и аммуниции на 5 тыс. человек [131].

Появление английского флота в Безикской бухте и открытая угроза войны заставили русское правительство перейти к более решительным подготовительным мерам, в апреле 1878 г. открылось Особое совещание под председательством Александра II, которое должно было обсудить необходимые меры на случай разрыва с Англией. Все присутствующие высказывались за проведение действий» на среднеазиатском плацдарме против индийских владений Англии. Но вопрос о том, какого рода должны быть эти действия, вызвал довольно острую полемику.

Борьба происходила в основном вокруг двух точек зрения. Одна из них, представленная бароном Торнау и оренбургским генерал-губернатором Крыжановским, заключалась в проведении наступательных операций в северной части Персии, захвате Герата, который должен был стать опорным пунктом при наступлении на Индию[132]. Точка зрения, представленная генералом Кауфманом и Гирсом, сводилась лишь к демонстративным действиям, исключавшим широкие наступательные операции[133]. Кауфман полагал, что в этом районе против Англии достаточно выставить два самостоятельных отряда, чтобы припугнуть ее, один из них из состава Туркестанского военного округа направить к Ширабаду, к Амударье, а другой, из войск Кавказского округа и Амударьинского отдела — к Мерву. Для обеспечения благожелательного отношения Шир Али Хана он предлагал вступить с ним в соответствующее соглашение[134].

Гирс категорически высказался против того, чтобы в это дело вмешивать Персию, по его мнению, в этом случае Англия немедленно приняла бы ответные меры против Персии и усложнила бы все дело, лишив Россию тех выгод, которые можно извлечь из нейтралитета Персии[135]. После длительной дискуссии

---

[131] Письмо Кауфману из Главного штаба 8 октября 1877 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6902, л. 7.

[132] Протокол Особого совещания 8 апреля 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6902, л. 12—13.

[133] Там же, л. 13.

[134] Протокол Особого совещания 8 апреля 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6902, л. 13.

[135] Там же.

совещание приняло решение не предпринимать крупного военного движения к Индии в связи с тем, что «большинство военных сил империи необходимо иметь в готовности для других еще более настоятельных потребностей, обусловленных настоящим положением дел в Европе», а с другой стороны — потому, что такие действия повлекли бы к огромным военным и финансовым расходам, которые «после принесенных громадных жертв только что оконченной победоносной войны были бы крайне тяжелы для народа»[136].

В решении предписывалось ограничиться мерами, которые могут произвести такое впечатление на Англию, что она станет «опасаться за спокойствие своих владений в Индии», и тем самым парализовать военные силы ее в этой стране[137]. В качестве такой меры указывалось укрепление обороноспособности среднеазиатских владений. В соответствии с предложением Гирса Персию решено было не втягивать в осуществление этих мероприятий и не прибегать к ее содействию, позаботившись лишь о сохранении с ней дружественных отношений[138]. В окончательном решении совещание предписывало проведение следующих мер: 1. Усилить военные средства Туркестанского военного округа за счет формирования резервных частей на месте и в Западной Сибири; 2. Выдвинуть отряд к Ширабаду на Амударье или к какому-либо другому пункту на границе русских владений; 3. Со стороны Кавказского военного округа выслать отряд в текинские земли и «далее по направлению к Мерву» для исследования местности и упрочения там русского влияния, а также для охраны русских коммуникаций между Амударьей и Каспийским морем; 4. От Амударьинского отдела к Мерву предписывалось послать отряд и установить связь с отрядом Кавказского округа; 5. Начальникам округов рекомендовалось установить дружеские отношения с местным населением для обеспечения его помощи русским; 6. Наконец, для того, чтобы не вызвать подозрений у афганского эмира в связи с военной демонстрацией России, совещание предлагало Кауфману заблаговременно войти в сношения с Шир Али Ханом, отправив к нему «доверенных лиц или даже официальное посольство», которое разъяснит ему, что русские отряды не направлены против Афганистана и даже могут быть полезны для него для сохранения его независимости[139].

---

[136] Там же, л. 14.
[137] Там же, л. 15.
[138] Протокол Особого совещания 8 апреля 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6902, л. 15.
[139] Там же, л. 18.

Очевидно, все эти меры были лишь политическими приемами самообороны и отнюдь не преследовали агрессивных целей против английских владений. Рассмотренные с более широкой точки зрения, они были вполне оправданы, особенно если иметь в виду те агрессивные замыслы Литтона, практическое осуществление которых по существу началось с оккупации английскими войсками Кветты в декабре 1877 г.

Во всех мерах, предпринятых русским правительством, посольству в Кабуле, казалось, уделялось меньше всего внимания и направлялось оно только с целью информировать эмира о сущности русских приготовлений и предупредить неблагоприятную реакцию, которая могла возникнуть у него с получением сведений о военных передвижениях в Туркестане. В других условиях этот факт не вызвал бы большого возмущения со стороны англичан и привел к обычному официальному дипломатическому представлению, которое легко можно было бы удовлетворить обычными заверениями. Однако Литтон торопился разгромить Афганистан, и русское посольство стало для него желанным предлогом, могущим оправдать и обосновать решительные действия против Шир Али Хана. Прием русского посольства Шир Али Ханом служил для него лишним доказательством правильности его утверждений о готовящемся, якобы, сговоре между эмиром и русским правительством о совместном походе на Индию. Теперь он мог предъявить британской публике веский аргумент для начала военных действий против Афганистана, которые можно было представить как превентивные для предотвращения угрозы Индии.

Русские правящие круги не учли того обстоятельства, что военные приготовления в Средней Азии, вокруг которых распространялись невероятные слухи, очевидно, сознательно распространяемые самими же русскими[140], не произведут никакого впечатления на британское правительство и не сыграют ника-

[140] 12 апреля 1878 г. Лофтус телеграфировал лорду Солсбери, что генерал Черняев вместе со Столетовым выехал с «важной миссией» в Среднюю Азию. Loftus to Salisbury, 12 April 1878 г., F. O. 539, v. 15, № 35, p. 55. Через некоторое время Лэйярд сообщал из Константинополя, что по его сведениям, Черняеву поручено сформировать колонну войск численностью 50 тыс. человек для наступления на Кабул и Пешавар. «Афганистан расценивается как союзник,— писал он,— и считают, что марш на Пешавар через Кабул может быть осуществлен в следующем году». Layard to Salisbury, 30 April 1878, F. O. 539, v. 15, № 39, p. 57. Еще ранее из сведений, поступивших от консула Стэпли в Одессе и вице-консула в Москве Дж. Уэбба, стало известно, что Черняев направлен на границы Индии для того, чтобы поднять восстание пограничных племен против английского владычества. Stanley to Derby 29 March 1878, F. O. 539, v. 15, N 27, p. 48. Webb to Salisbury, 1 April 1878, F. O. 539, v. 15, N 30, p. 50.

кой роли в позиции английских дипломатов. В Англии хорошо знали о том, что Россия после русско-турецкой войны не в состоянии воевать.

Кроме того, поступавшие сведения показывали, что все разговоры о военных приготовлениях России — миф, который сознательно распространяют для того, чтобы заставить Англию изменить свою политику. 12 апреля 1878 г. английский консул в Тифлисе Лайялл сообщал в Лондон: «Русские потери в последнюю зимнюю кампанию в Армении из-за холода, плохого обмундирования, тифа были огромными; многие полки потеряли свыше двух третей своего состава и сейчас главным образом состоят из необученных новобранцев, большинство из которых являются юнцами младше 20 лет»[141]. Подобное донесение было получено также от консула в Реште Черчилля. «Из информации, которую я получил,— писал он,— никакого движения не было замечено в последнее время на берегах Каспия, ни в Баку, ни в Красноводске — двух самых важных военных портах на этом море. Русские порты Каспия все без исключения остались без войск. Гарнизоны повсюду, даже в Красноводске, были использованы для пополнения войск великого князя Михаила в Армении»[142]. Консулу Черчиллю было приказано вернуться в Англию «в отпуск» с тем, чтобы по дороге он подробнее разведал о русских военных приготовлениях. Он получил разрешение проехать через русскую территорию и выбрал путь через Каспийское море и Волгу, где должны были бы вестись основные приготовления. На основании тщательных наблюдений консул сообщал лорду Солсбери, что на всем пути он встретил лишь несколько барж с солдатами, и считал, что нет оснований беспокоиться по поводу подготовки русских к военным действиям[143]. В июле 1878 г. Лофтус писал в депеше лорду Солсбери, что военные мероприятия России в Средней Азии предпринимаются без больших надежд на успех и являются скорее демонстрацией «угрозы» Индии, нежели действительным мероприятием, предпринимаемым с целью наступления. По мнению Лофтуса, со времени созыва Берлинского конгресса и в связи со смягчением обстановки эти военные приготовления были полностью отменены[144]. Наконец, Форин Оффис запросил мнение Военного министерства о русских подготовительных работах в

[141] Acting Consul Layall to Derby, Tiflis, 19 April 1878, F. O. 539, v. 15, N 48, p. 62.
[142] Churchill to Thomson, 2 May 1878, F. O. 539, v. 15, N 50, p. 63—64.
[143] Churchill to Salisbury, 12 June 1878, London, F. O. 539, v. 15, N 59, p. 71.
[144] Loftus to Salisbury, 3 June 1878, F. O. 539, v. 15, N 81, p. 86.

Средней Азии с целью подтверждения всех этих донесений. В меморандуме военного министра Кларка категорически отвергалась мысль о том, что русская армия, сосредоточенная в Туркестане, способна совершить поход в Индию. Скорее всего, утверждал он, «решение сформировать туркестанские полевые войска в самом деле является ответом русских на решение Англии вывести англо-индийский контингент из Индии для использования в Турции»[145]. Кларк отмечал, что силы русских в Туркестане слишком малы, чтобы стать реальной угрозой британской империи в Индии. Он указывал, что им пришлось бы пройти путь длиной свыше тысячи миль по бездорожью, безводным пустыням, но и преодолев его они не смогли бы потом соперничать с хорошо оснащенной английской армией. Кроме того, Кларк указывал, что ближайший русский арсенал останется в Тифлисе и в Средней Азии будет действовать лишь ташкентская ремонтная мастерская, поэтому английская армия будет превосходить русскую по обеспеченности оружием и боеприпасами.

Огромные трудности, по мнению английского военного министра, встанут перед русской армией в связи с тем, что из-за отсутствия железных дорог ей придется на всем пути следования пользоваться вьючным транспортом, который движется слишком медленно, тогда как вся северо-западная граница Индии связана с внутренними районами железными дорогами, которые могут обеспечить быструю переброску британских войск из любой части Индии[146].

Очевидно, русские приготовления не произвели должного впечатления на англичан и не дали тех результатов, которых от них ждали. Слишком слаба была Россия в это время как в военном, так и в финансовом отношении, чтобы состязаться с Англией. Статья в «Таймс», где сообщалось об этих приготовлениях, звучала почти иронически. В ней приводился подробный план русского наступления и отмечалось, что на это мероприятие уже отпущены средства, первые колонны во главе со штабом выступили из Ташкента 28 июня 1878 г. по направлению к Амударье[147]. Несомненно, в другое время этого сообщения было бы достаточно, чтобы вызвать взрыв в стране, бесчисленные запросы в парламенте и требования наказать Россию, но на этот раз бесстрастное выступление «Таймс» почти не имело последствий. Не было сделано даже представление рус-

[145] Memorandum on recent Russian Military Preparations in Central Asia (10 August 1878), Confidential, F. O. 539, v. 15, N 94, p. 106.
[146] Ibid, p. 107.
[147] The Times, 17 July 1878.

скому правительству. С завершением работы Берлинского конгресса и подписанием Берлинского трактата все военные «приготовления» в Средней Азии были отменены и войска возвращены на свои базы. Таким образом, меры, предпринятые для оказания нажима на Англию, не достигли намеченной цели.

Гораздо сложнее обстояло дело с другой частью «приготовлений», которая из-за превышения Кауфманом своих полномочий переросла первоначальный замысел. В качестве посла в Кабул был назначен генерал Столетов, известный своим опытом работы в Средней Азии и отлично знавший персидский язык. По инструкции, подписанной Кауфманом 26 мая 1878 г., в задачу Столетова входило скрепление с эмиром «дружественных отношений» и по возможности, заключение с ним союза «на случай вооруженного столкновения с Англией»[148]. Ссылаясь на обострение отношений между Афганистаном и Англией и считая, что даже при их примирении политика Англии может привести к новым столкновениям, Кауфман писал, что командировка Столетова в Кабул имеет целью «поддержание в эмире недоверия к действиям англичан и поощрение к дальнейшему сопротивлению попыткам их утвердиться в Афганистане»[149].

Столетов должен был объяснить эмиру, что Россия поддержит его в борьбе против Англии представлениями английскому правительству о необходимости сохранения независимости Афганистана, а «в случае вооруженного столкновения России с Англией, русское правительство сможет оказать ему помощь фактически». В данном случае нужно,— подчеркивал Кауфман,— чтобы эмир фактически и бесповоротно заявил, что он наш друг и союзник; при этом условии он натурально может полагаться на всякого рода с нашей стороны материальную помощь»[150]. Столетов должен был обещать в качестве вознаграждения за этот союз подчинение Шир Али Хану Белуджистана. Это, по мнению Кауфмана, было самым скромным вознаграждением, на которое эмир мог рассчитывать.

Кроме заданий политического характера, Столетову поручалось основательно изучить Афганистан, его продовольственное и транспортное положение, население и отношение его к эмиру, а также составить карту территории, расположенной между р. Амударьей и Кабулом, показать дороги на всем протяжении. Наконец, Столетов должен был установить контакт

[148] Генерального штаба генерал-майору Столетову, 26 мая 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 2.

[149] Генерального штаба генерал-майору Столетову, 26 мая 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 2.

[150] Там же, л. 5.

с влиятельными лицами и пытаться через них действовать «в смысле враждебном английскому владычеству», а также найти людей, которые могли бы служить в качестве осведомителей. После выяснения обстановки в Кабуле Столетов должен был вернуться в Туркестан и затем снова отправиться в Кабул, чтобы «не только удерживать, но и распространять там «русское влияние». В случае, если бы Столетов увидел, что эмир действительно склоняется к союзу с Россией, ему предоставлялось право не только оказать ему помощь советами и наставлениями, но и принять на себя командование силами и средствами Афганистана, необходимыми для борьбы против англичан[151].

Столетов вез с собой и проект конвенции между Афганистаном и Россией, чтобы предложить его эмиру. По этому проекту Россия признавала Афганистан «независимым» и торжественно обещала «не вмешиваться в его внутренние дела». Русское правительство обязывалось оказать вооруженную поддержку Афганистану в случае нападения на него какого-либо государства, если эмир попросит об этом и если окажется невозможным «посредством миролюбивых советов и внушения отклонить вооруженное столкновение». Оно обещало также оказать Афганистану помощь в подготовке кадров и послать специалистов разных профилей, в том числе военного[152].

Инструкции, полученные Столетовым, и проект конвенции придавали его миссии такой характер, что она выглядела как явное нарушение русским правительством соглашения 1872/1873 г., по которому Россия по существу обязалась не иметь с Афганистаном никаких политических связей, что, впрочем, не раз подтверждалось впоследствии. Однако с точки зрения дипломатической практики международных отношений капиталистических стран, вряд ли можно осуждать Россию. Во-первых, посылку миссии необходимо расценивать как меру самообороны против враждебной политики британского правительства в отношении русских интересов на Балканах.

Лорд Нортбрук в речи в Гилдхолле в ноябре 1878 г., в отличие от своих коллег, не склонен был строго судить русское правительство за отправку миссии в Кабул. Призывая своих слушателей к всестороннему рассмотрению и оценке этого вопроса, он говорил: «Мы все знаем, что британское правительство заняло решительную линию против России. Заняв такую пози-

---

[151] Генерального штаба генерал-майору Столетову, 26 мая 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 7.

[152] Проект конвенции между Афганистаном и Россией. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389. Проект был привезен Столетовым из Кабула, но, несомненно, его подготовили в Ташкенте.

цию, мы отправили войска на Мальту и в самом деле тогда считали, что вопрос войны и мира висит на нитке. Со своей стороны я не колеблюсь сказать, что если мы имели право отправить туземные войска на Мальту, русские имели право предпринять такие шаги, которые они считали необходимыми для защиты своих территорий в Азии»[153].

Действия русских были лишь ответом на агрессивные действия британского правительства, которое пыталось лишить Россию плодов своей победы в войне. И с этой точки зрения ответные действия России были оправданы; во-вторых, британское правительство первым нарушило обязательство по соглашению 1872/1873 г.— соблюдать независимость Афганистана. Покушаясь на его суверенитет, оно перечеркивало главную статью соглашения и тем самым предоставляло русскому правительству юридическое право действовать по своему усмотрению, не считаясь со всеми прежними обязательствами. В-третьих, подстрекая эмира к враждебным выступлениям против России, намереваясь превратить его территорию в плацдарм агрессии против русских владений в Средней Азии, британское правительство лишалось всяких оснований протестовать против действий русского правительства, которое пыталось бороться против агрессии индийских властей их же оружием.

Что получила Россия с точки зрения ее политических интересов в Средней Азии от миссии в Кабул? На этот вопрос могли ответить только время и последующий ход развития международных отношений в этой части земного шара. Вначале же миссия Столетова была лишь наруку англичанам и стала предлогом для непосредственной военной агрессии против Афганистана. Английские власти получили сведения о выезде Столетова еще в начале июня 1878 г., но выжидали дальнейшего развития событий, когда ни Шир Али Хану, ни русскому правительству нельзя будет отступать, и только тогда они собирались предъявить свои требования и обвинения афганскому эмиру.

Кавеньяри сообщал Литтону 5 июня 1878 г., что русские власти в Туркестане уведомили эмира о скором выезде миссии из Ташкента, подчеркнув вместе с тем, что Англия могла бы извлечь пользу из этой миссии[154]. Через неделю он же доносил о попытке эмира отговорить русских от посылки миссии в Кабул и советовал не торопиться с представлениями и не запрещать эмиру флиртовать с Россией, рекомендовал подождать, пока дело «созреет полностью»[155].

[153] The Times, 12 November 1878.
[154] Cavagnari to Lytton, 5 June 1878, F. O. 539, v. 15, N 85, p. 97.
[155] Cavagnari to Lytton, 11 June 1878, F. O. 539, v. 15, N 85, p. 98.

Миссия Столетова выехала из Ташкента 26 мая 1878 г. и 18 июня была уже у берегов Амударьи. Эмир действительно пытался воспрепятствовать его приезду в Кабул, но Столетов буквально прорвался через Мазари-Шериф, несмотря на уговоры местного правителя Шир-Диль-хана задержаться и ждать разрешения эмира[156]. Накануне въезда в Кабул, 28 июля 1878 г., Столетов получил письмо от Кауфмана, извещавшее о завершении работ Берлинского конгресса. Кауфман советовал Столетову в переговорах с эмиром воздерживаться от каких-либо решительных мер, обещаний и вообще не заходить так далеко, как это намечалось первоначально, в период угрозы войны с Англией[157]. Однако торжественная встреча, устроенная эмиром миссии Столетова, и нескрываемые симпатии как сановников эмира, так и широких народных масс к представителям России заставили генерала продолжать прежний курс. Находясь далеко от центра, не связанный опекой начальства, Столетов действовал гораздо решительней, чем ему предписывал Кауфман.

Примечательно, что нигде в Афганистане не было проявлено враждебного отношения к представителям России, тогда как после первого общения англичан и афганцев Афганистан навсегда стал кровным врагом Англии. В течение более чем ста лет Англия три раза пыталась разгромить и завоевать Афганистан, трижды она была наступающей стороной, а Афганистан обороняющейся и трижды Афганистан с надеждой смотрел на своего северного соседа. Ни один англичанин никогда не чувствовал себя в безопасности на территории этой страны даже при значительном конвое. Печальная участь А. Бернса в Кабуле, разгром миссии Кавеньяри и поголовное истребление ее членов всегда служили назидательным уроком в англо-афганских отношениях и свидетельствовали о глубочайшей ненависти афганцев к англичанам. И наоборот, две русские миссии в эту страну встретили радушный и почетный прием не только со стороны афганских правителей, но и широких масс народа. Виткевич вообще приехал без всякого конвоя, а Столетова сопровождали 22 казака. Недалеко от Кабула его встретил министр эмира сердар Абдуллахан, в доме которого когда-то проживал поручик Виткевич. «Еще тогда,— говорил сердар,— было для нас ясно, что только в союзе с Россией можно достигнуть мирного развития государства. Уже тогда эмир Дост Магомед

---

[156] См. подробности о миссии в книге И. Л. Яворского «Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг.», т. I, СПб., 1882.

[157] И. Л. Яворский. Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. I, стр. 312.

Хан в одной России видел оплот против всепоглощающего захвата англичан»[158]. Он считал англичан «кровными» врагами афганцев и передал Столетову приглашение Шир Али Хана вступить в Кабул в качестве «дорогих гостей, вестников мира и добра». «Да даст Аллах, чтобы наша дружба не имела никогда поводов к сожалению»[159],— подчеркнул в заключение Абдуллахан. Пышная торжественная встреча, иллюминации и всенародные празднества, сердечный прием, оказанный лично эмиром Шир Али Ханом членам миссии, свидетельствовали о глубокой симпатии афганского народа к России.

В течение двух недель продолжались переговоры между Столетовым и эмиром, которые, по сообщениям генерала, были «искренними, непринужденными и откровенными»[160]. Видя решимость эмира отстоять независимость своей страны[161], Столетов вел с ним переговоры, в которых уже отпала необходимость с точки зрения тех целей, с которыми он был направлен в Кабул. Письмо Кауфмана, извещавшее Столетова о приказе министра прекратить военные приготовления и распустить мобилизованных, пришло уже после подписания конвенции, заготовленной Кауфманом[162].

11 августа 1878 г. Столетов спешно выехал из Кабула в Ташкент, увозя с собой подписанную эмиром конвенцию, сопровождаемый афганским посольством в Россию, которое должно было присутствовать при подписании конвенции Кауфманом и продолжить переговоры по конкретным вопросам. Эмир просил не медлить с ответом, так как у Хайберского перевала уже стояла английская миссия и он не хотел решить вопрос о ее приеме без ответа из Ташкента[163]. Часть миссии Столетова во главе с полковником Разгоновым оставалась в Кабуле.

Первое сообщение о русской миссии в Кабул появилось в английских газетах 24 июня 1878 г., его поместила газета «Таймс»[614]. В начале июля сообщения о переправе русской миссии через Амударью стали появляться в индийских газетах[165]. 30 июля 1878 г. Литтон известил по телеграфу лорда Кранбрука о приближении русского посольства к столице Афганистана, но он толком еще не знал, кто ее возглавляет. Английский врач,

---

[158] И. Л. Яворский. Указ. работа, стр. 305.
[159] Там же, стр. 305.
[160] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 345, л. 47.
[161] Там же, л. 48.
[162] И. Л. Яворский. Указ. работа, стр. 311.
[163] И. Л. Яворский. Указ. работа, стр. 48.
[164] The Times, 24 June 1878.
[165] И. Л. Яворский. Указ. работа, стр. 330.

вернувшийся из Афганистана в Индию 21 июля 1878 г., утверждал, что едет сам Кауфман с крупным казачьим эскортом[166]. 2 августа 1878 г. Литтон написал тревожное письмо лорду Крэнбруку, в котором просил предоставить ему свободу действий. В качестве первой меры Литтон предлагал официально потребовать у эмира принять английскую миссию, ссылаясь на прием, оказанный им русской миссии. Он уверял, что эмир не станет возражать, и не видел оснований к этому. В случае отказа вице-король предсказывал легкую победу, считая армию эмира недостаточно сильной для должного сопротивления английским войскам. «Кандагар,— писал он,—полностью в наших руках»[167]. Кроме того, указывая на «разногласия» и «неповиновение» эмиру во всем Афганистане, он утверждал, что открытая поддержка англичанами какой-либо партии приведет к подрыву власти эмира и заставит его вступить в отчаянную борьбу за существование.

В другом послании, приводимом в книге леди Бальфур[168], Литтон писал: «Нынешнее самое необдуманное действие России представляет нам удачную и удобную возможность сделать, не теряя достоинства и под каким-нибудь более благоприятным условием, еще одну — и, как я считаю, она будет последней,— попытку установить более удовлетворительные отношения с нынешним эмиром»[169]. Он предлагал в связи с этим направить британскую миссию в Кабул и изложить эмиру требования, отклонение которых должно было, по его мнению, привести к открытому разрыву с ним. Требования сводились к следующему: 1) заключить официальный договор, по которому эмир обязывался не вступать в переговоры с каким-либо другим государством или нацией или не принимать от них представителей без разрешения на то английского правительства; 2) предоставить Англии право направлять британских офицеров в Кабул для специальных конференций, когда английское правительство сочтет это нужным; 3) разрешить постоянное пребывание британского агента в Герате.

Литтон считал полезным иметь таких агентов также в Балхе и Кандагаре, но полагал несвоевременным срывать из-за этого переговоры. Можно было заранее быть уверенным в провале миссии, которая прибыла бы с подобными требованиями и, по-видимому, Литтон был уверен, что эмир их отвергнет. В связи

---

[166] Lytton to Cranbrook, 30 July 1878, F. O. 539, v. 15, N 92, p. 104.
[167] Lytton to Cranbrook, 30 July 1878. Ibid.
[168] В архивах этот документ не найден и приводится лишь по книге Бальфур. См. B. B a l f o u r. Op. cit., p. 25.
[169] Ibid, p. 256.

с этим он запланировал ответные действия, сводившиеся к оккупации Курамской долины с утверждением постоянного военного лагеря у входа в него и «временной» оккупации Кандагара[170]. Литтон находил момент самым подходящим для начала войны против Афганистана. «Никогда не было времени столь благоприятного как нынешнее для оказания давления на Его Высочество»,— писал он[171]. Во-первых, заключение мира в Европе освобождало руки Англии и разрушало надежды эмира на осложнение англо-русских отношений или на активную помощь ему лично со стороны России; во-вторых, Литтон утверждал, что за прошедший год британские агенты настолько обработали пограничные племена, что они, конечно, не откликнуться на призывы кабульского правителя о помощи и не будут участвовать в религиозной войне; в-третьих, он был уверен, что смертоносный огонь английских ружей, заряжающихся с казенной части, испытанный на племенах джовакиев и в экспедициях против других племен, произвел соответствующий эффект на афганцев и афганские воины не станут подвергать себя опасности; в-четвертых, Литтон считал, что эмир хорошо знает стратегическое положение Кветты и не строит иллюзий относительно положения там англичан, которые с этих позиций могли в любой момент захватить Кандагар[172].

Предполагалось, что миссию в Кабул возглавит генерал Чемберлен. Он хорошо знал страну, был близко знаком с отцом Шир Али Хана и многими влиятельными лицами кабульского двора. Когда-то Чемберлен слыл сторонником старой «оборонительной» политики и, по мнению Литтона, его участие, как главы миссии, предупредило бы выступления Лоуренса и других сторонников этой политики, а также заставило бы замолчать тех членов Индийского департамента и либеральной партии, которые выступали против чрезмерно активных действий Литтона[173].

Лорд Крэнбрук, передавая лорду Солсбери донесения Литтона, считал возможным санкционировать отправку миссии в Кабул и просил сделать соответствующее представление в Петербург[174]. По инструкции лорда Солсбери поверенный в делах Великобритании в Петербурге Плункетт, замещавший лорда Лофтуса, 14 августа 1878 г. заехал в Министерство иностранных дел России и встретился с Гирсом. Выразив надежду на то, что

---

[170] B. Balfour. Op. cit., p. 257.
[171] Ibid, p. 258.
[172] B. Balfour. Op. cit., p. 258.
[173] B. Balfour. Op. cit., p. 259.
[174] Cranbrook to Salisbury 11 August 1878, F. O. 539, v. 15, N 101, p. 114.

русское правительство после восстановления мира в Европе и установления добрых отношений между Россией и Англией не станет препятствовать их развитию проведением в Средней Азии политики, которая не соответствовала бы принятым прежде обязательствам, Планкетт задал Гирсу два вопроса, и потребовал конкретного, точного ответа: 1) какие меры приняло русское правительство, чтобы остановить движение двух военных колонн, направленных из Ташкента и Красноводска; 2) правда ли, что русский посол все еще находится в Кабуле?[175] Отрицать присутствие русского посольства в Кабуле было бесполезно, и Гирс отвечал очень осторожно, тщательно подбирая выражения, предупредив предварительно, что в военных вопросах он не отвечает за детали и может нести ответственность только за принципы внешней политики. Он отметил, что слух о передаче эмиру письма императора необоснованный, но допускал возможность передачи письма от Кауфмана. Гирс сообщил, что приказы об остановке движения русских войск уже посланы и, по его мнению, отряды уже вернулись на свои прежние базы[176]. По-видимому, Планкетта интересовал прежде всего вопрос о намерениях русских в случае осложнений в Афганистане. Он хотел знать, настолько ли категоричны они в своих связях с эмиром и окажут ли ему помощь в случае англо-афганского конфликта.

Планкетт спросил Гирса, может ли он заверить британское правительство, что Россия не будет предпринимать политических действий, и просил ответить приостановлены ли меры в области политической, которые были предприняты в связи с осложнениями отношений с Великобританией. «Все было остановлено,— сказал Гирс,— политические, как и военные меры предосторожности, которые мы считали оправданными, предпринимая против вас — все было остановлено»[717]. Планкетт в тот же день телеграфировал лорду Солсбери: «Признавая, что в Средней Азии меры были предприняты ввиду вероятности войны с Англией, Гирс сказал мне сегодня, что никакие меры, ни военные, ни политические ныне не предпринимаются против нас»[178]. Русское правительство тем самым заверило Англию, что не собирается вмешиваться в их отношения с Афганистаном и, таким образом, предоставило им возможность действовать свободно.

---

[175] Plunkett to Salisbury, 14 August 1878, F. O. 539, v. 15, 101, p. 114.
[176] Plunkett to Salisbury, 14 August 1878, F. O. 539, v. 15, 101, p. 117.
[177] Ibid, p. 118.
[178] Plunkett to Salisbury, 14. VIII 1878 (tel.), F. O. 539, v. 15, N 98, p. 112.

Британское правительство решило добиться вывода русской миссии из Кабула, и лорд Солсбери дал указание Планкетту напомнить Горчакову о пребывании миссии в Кабуле и выразить надежду, что она оттуда удалится. Горчакова не было в Петербурге, его замещал Гирс, в свою очередь назначенный в свиту императора, направляющуюся в Ливадию. Планкетт тщетно пытался найти его 25 августа 1878 г., дважды он заезжал в Министерство, но не застал. Он вынужден был вручить ноту Мельникову, временно исполнявшему обязанности заведующего Азиатским департаментом. В ноте напоминались обязательства России не вмешиваться во внутренние дела Афганистана и выражалась надежда, что русская миссия будет «немедленно выведена»[179]. Вывод русской миссии из Кабула лишил бы эмира Шир Али Хана всяких надежд на помощь России и заодно подорвал бы престиж России на всем Востоке. Русское правительство не могло этого допустить. Отсутствие Гирса и его упорное нежелание объясниться по этому вопросу с Планкеттом свидетельствовали о том, что он уклонялся от прямого ответа на этот вопрос.

Дизраэли, желая получить гарантию невмешательства России, обратился с личным письмом к Горчакову, находившемуся в это время в Баден-Бадене. Дизраэли писал, что не забыл своего обещания, данного во время Берлинского конгресса, и по возвращении в Лондон принял меры как в общественной сфере, так и в личных связях для того, чтобы ликвидировать взаимное подозрение между двумя государствами. «Дела в Афганистане, однако, доставляют мне много затруднений и, хотя я, не колеблясь, дал им правильную интерпретацию и расценил их как совершенно законный акт с вашей стороны, как бы счастливо ни закончилось дело, я все же чувствую, что если бы случилась война между нашими странами будет очень трудно восстановить идентичное положение дел и чувств, которое ваше превосходительство несколько лет назад чрезвычайно помогли установить»[180]. Дизраэли отмечал, что он не изменил своего мнения относительно англо-русских отношений и не собирается менять его, если русское правительство не станет относиться к ним безразлично. Он ставил вопрос так: за наше хорошее отношение вы отказываетесь от Афганистана. И Горчаков решил согласиться. Он отвечал Дизраэли: «Мой дорогой лорд Биконсфилд, этим утром я получил ваше конфиденциальное письмо от 11 сентября. Я полностью продолжаю пребывать в убеждении, что

---

[179] Plunkett to Salisbury, 14. VIII 1878 (tel.), F. O. 539, v. 15, N 98, p. 112.
[180] Beaconsfield to Gortchakov, 11. X 1878, АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 192.

каждый шаг, который направлен к тому, чтобы закончить неумное соперничество между двумя великими государствами, укрепляет мир, который является вашим обоюдным желанием. С нашей стороны не предполагается продолжение военных демонстраций в направлении Афганистана. Мы не стремимся там добиться какого-либо особого влияния, а добиваемся лишь хороших отношений, которые ни в коей мере не должны возбуждать каких-либо опасений Англии. Я подтверждаю желания, которыми мы обменялись в Берлине, и упорно продолжаю пребывать в надежде, что они достигнут практического завершения с помощью возвышенного разума»[181].

Обещания Горчакова было достаточно для Дизраэли, теперь он мог смело расправляться с эмиром, не опасаясь вмешательства России. Кроме того, у Дизраэли имелось мощное материальное средство воздействия на Россию. Решения, принятые на Берлинском конгрессе, во многом удовлетворяли требования России, однако их осуществление зависело от Англии. От ее доброй воли зависело поведение турецкого султана и Австрии, и, разумеется, путем различных проволочек Англия имела возможность препятствовать осуществлению решений Берлинского конгресса.

Английская дипломатия теперь вообще перестала ставить вопрос о русской миссии, избегая бесед с русскими дипломатами об Афганистане, как о предмете, не имеющем никакого отношения к России. Располагая точными сведениями о пребывании русской миссии в Кабуле, английское правительство перестало делать представления правительству России. Ни в Петербурге, ни в Лондоне английские представители не требовали объяснений. Лорд Лофтус так раскрывал смысл английской позиции в личном письме к лорду Солсбери: «Со своей стороны я не должен иметь каких-либо дискуссий с Россией по афганскому вопросу... У меня нет опасений в отношении русской миссии в Кабуле. Они отзовут своих посланцев как только им будет угрожать какая-либо опасность, и у нас нет какой-либо причины делать их вывод предметом переговоров с Россией. Мы не будем иметь трудностей с Россией по афганскому вопросу, если отклоним любую дискуссию по данному вопросу»[182].

Со своей стороны русские дипломаты считали для себя выгодным не поднимать афганского вопроса, и Бартоломей, вре-

---

[181] Горчаков — Биконсфилду, 16 сентября 1878 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 58, л. 194. Письмо на английском языке со значительными стилистическими искажениями, по-видимому, было написано Горчаковым лично без помощи секретаря. В АВПР хранится оригинал, написанный рукой Горчакова.

[182] Loftus to Salisbury, 18. XII 1878, Salisbury's Papers, v. 14.

менно заменявший Шувалова, по предписанию Горчакова хранил молчание и не вел никаких дискуссий в связи с событиями в Афганистане. Правда, молчание английского правительства, которое он считал совершенно естественным (так как, по его мнению, Англия старалась действовать, не посвящая Россию в свои тайны), несколько озадачивало его, и он предсказывал, что в данных условиях позиция англичан оставляет им возможность для самых непредвиденных событий[183]. В частности, его тревожила неосведомленность относительно программы миссии Чемберлена и ее возможных требований.

Тем временем в Индии Литтон начал усиленную подготовку к решающей фазе отношений с эмиром. Навам Гулям Хасанхан, представитель англичан в Кабуле, выехал из Пешавара 30 августа 1878 г. для того, чтобы предупредить эмира о выезде английской миссии. За четыре дня до его отъезда Литтон телеграфировал Кавеньяри, чтобы тот сообщил Мустауфи: миссия выезжает 16 сентября. Отмечалось, что эта дата окончательная и всякая попытка отсрочить ее или помешать будет расцениваться как недружественный акт[184]. Литтон очень торопился. Через несколько дней он вновь телеграфировал Кавеньяри, предлагая информировать Мустауфи, что миссия выедет из Пешавара 16 сентября 1878 г. независимо от того, достигнет Наваб Кабула или нет, и предупредить, что отказ пропустить ее и гарантировать безопасность ее проезда до Кабула будет расцениваться как акт открытой враждебности, равносильный открытому объявлению войны[185]. В телеграмме лорду Крэнбруку от 8 сентября 1878 г. Литтон сообщал, что Чемберлен будет маршировать на Кабул, «игнорируя возражения или протест по пути» и «не останавливаясь, если не будет оказано сопротивление силой»[186]. Это была уже не дружественная миссия, а вторжение войск, которые должны были наступать вопреки желаниям правителя и народа страны. Больше того, Литтон отмечал, что по прибытии в Кабул миссия должна продиктовать эмиру условия переговоров. В случае отказа принять английскую миссию Чемберлену рекомендовалось потребовать от эмира объяснений относительно приема русской миссии, лично убедить в невозможности переговоров до тех пор, пока русская миссия будет присутствовать в Кабуле и пока не прекратятся с ней всякие связи[187]. Чемберлену предписывалось обращаться с эми-

---

[183] Бартоломей — Гирсу, 10/22 сентября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. II, л. 32.
[184] Lytton to Cavagnari, 26 August 1878, F. O. 539, v. 15, N 189, p. 242.
[185] Lytton to Cavagnari, 7 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 189, p. 245.
[186] Lytton to Cranbrook, 8 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 189, p. 246.
[187] Lytton to Cranbrook, 8 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 189, p. 239.

ром не как с правителем суверенной страны, а как с обычным индийским раджой, находящимся у власти только по милости английских колонизаторов. Эмир должен был отчитываться в своих действиях перед английскими представителями так, будто он находится у них на содержании и в силу этого обязан делать только то, что угодно английскому правительству.

В инструкциях Чемберлену, утвержденных 7 сентября 1878 г. на заседании правительства Индии, указывалось, что миссия отправится в Кабул, не дожидаясь разрешения эмира, и должна будет как можно скорее добраться до столицы Афганистана. В обязанности Чемберлена входило осуществление двух задач: 1) добиться удаления из Кабула русского посольства; 2) вытребовать у эмира разрешение на пребывание британских офицеров в его стране. Особенно важно было получить официальное разрешение на пребывание британского офицера в Кабуле. Если это окажется невозможным, ему предписывалось требовать разрешения на создание британского резидентства в Балхе и Герате, при этом эмир должен был согласиться на свободный доступ в эти места британских миссий в любое время, когда это понадобиться британскому правительству. Если же эмир разрешит пребывание британского офицера в Кабуле, то этот офицер получит право свободного доступа в любой пункт на границе Афганистана. За все это эмир мог рассчитывать на получение субсидий в 12 лакхов в год, на признание британскими властями его наследников законными правителями Афганистана и на обязательство Англии защищать его территорию. Однако в случае принятия эмиром последнего пункта Чемберлен должен был разъяснить, что это повлечет за собой «дополнительный контроль над его внешней политикой»[188]. Чемберлен должен был отвергнуть всякую дискуссию по вопросам аннексии англичанами Кветты и Белуджистана, указав, что британское правительство не признает за эмиром прав на эти территории и не считает правомерным даже ставить вопрос о них. В случае, если обстоятельства окажутся благоприятными, Чемберлен должен поставить вопрос об открытии Афганистана для Англии и разрешении на свободный беспошлинный транзит английских товаров через Хайберский перевал.

Эмир, наверняка, отверг бы все эти домогательства. Требования англичан были унизительны и угрожали Афганистану лишением самостоятельности. Приняв эти требования, эмир не удержался бы у власти ни одного дня и был бы сметен вольнолюбивым народом, который однажды уже доказал, что полон решимости не допустить диктата со стороны Англии. Неразум-

[188] Lytton to Cranbrook, 8 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 189, p. 239. F. O. 539, v. 15, № 189, p. 239. 239;

ные требования англичан можно было объяснить лишь явным стремлением Литтона отрезать пути для примирения с эмиром. Эмир, ожидая вестей из Ташкента, по совету полковника Разгонова, тянул время, надеясь на поддержку русского правительства[189]. Чтобы не вызывать преждевременных осложнений он принял Наваба[190].

Наваб сообщал из Кабула, что эмир согласился принять английскую миссию, но просил, чтобы британское правительство изменило тон во взаимоотношениях с ним и отказалось от намерений силой навязать свою миссию. Излагая аргументы эмира, Наваб советовал подождать с отправкой миссии, считая, что спешка, кроме вреда, ничего не принесет и если миссия попытается силой пробиться к Кабулу, ей будет оказано вооруженное сопротивление[191]. Чемберлен переправляя письмо Наваба Литтону, в свою очередь рекомендовал подождать прибытия в Али Мусжид представителя эмира Мир Ахора с инструкциями для начальника гарнизона крепости[192]. Однако Литтон потребовал немедленного выступления[193]. Сообщение Наваба он передал в Лондон в ложном свете. «Эмир заявил,— писал он,— что русская миссия прибыла с его разрешения; но не высказал желания принимать британскую миссию, относительно которой он говорил в туманной и неудовлетворительной форме»[194].

Литтон знал, что афганские пограничные власти не пропустят британскую миссию и применят силу при ее попытке пробиться самовольно. Об этом уведомляли его Кавеньяри[195] и Чем-

---

[189] См. письмо полковника Разгонова к Кауфману, 26 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 389, л. 118.

[190] Там же, л. 118.

[191] Chamberlain to Lytton, 17 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 191, p. 254 (tel.).

[192] Ibid.

[193] Lytton to Chamberlain, 17 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 191, p. 255 (tel.).

[194] Слова эмира, изложенные в письме Наваба, не давали основание Литтону описывать положение дел в таком свете. Эмир сказал: «Это выглядит так, как будто они приходят сюда силой. Я не соглашусь принимать миссию, приходящую таким образом, а до тех пор, пока мои офицеры подчиняются моим приказам, как может прийти миссия? Это выглядит как попытка обесчестить меня; не годится оказывать такой нажим, это приведет к разрыву дружбы и расколу. Я, как и прежде, друг, и у меня нет дурных намерений. Русский посол прибыл с моего разрешения. Я все еще в горе из-за потери сына и не имел времени думать о делах. Если мне дадут времени столько, сколько я считаю нужным, я решу. При этих условиях они могут делать, что пожелают». См. этот документ: F. O. 539, 15, № 191, p. 254. Телеграмма Литтона Крэнбруку 17 сентября 1878. См. F. O. 539, v. 15, № 191, p. 255.

[195] Cavagnari to Lytton, 17 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 191, p. 256 (tel.).

берлен[196]. Чемберлен сообщил, что эмир, по словам визиря Шах Мухамеда, намеревается послать приглашение английской миссии при условии, что на него не будет оказываться столь открытый нажим. Эмир просил подождать 2—3 дня, после чего обещал назначить точную дату приема английской миссии.

Таким образом, Литтон имел возможность избежать военного столкновения, и Чемберлен предупреждал его: «Если Ваше Высокопревосходительство не примет этого положения, всякий шанс на возможность мирного решения, мне кажется, уйдет»[197]. Однако Литтон выбрал путь, ведущий к войне. 19 сентября 1878 г. он прислал Чемберлену телеграмму, указывая, что письмо Наваба не меняет положения, и приказал немедленно выступать к Хайберскому перевалу и идти на Кабул[198]. В течение двух дней после этого Литтон не информировал Лондон о происходящих событиях и о сообщении Наваба и лишь 21 сентября 1878 г., когда согласно его предписаниям миссия должна была выступить ранним утром, а в Англии в это время стояла глубокая ночь, он телеграфировал в Лондон о принятом решении и снова исказил положение вещей, утверждая, будто эмир решил поставить прием миссии в зависимость от собственного «удовольствия» и назначить его время по своему усмотрению. Литтон считал, что ждать в Пешаваре желания эмира позорно[199]. Когда в Лондоне получили эту телеграмму, отряд в составе нескольких сот солдат и полутора десятка офицеров[200] под командованием генерала Чемберлена уже вступил в Хайберский проход и подходил к крепости Али Мусжид. Но комендант крепости Файз Мухамедхан предупредил, что если английский отряд попытается ворваться, он прикажет открыть огонь. Чемберлен вернулся в Пешавар.

Литтон получил, наконец, столь желанный повод и теперь дело оставалось лишь за приведением в исполнение давно задуманного плана. 25 сентября 1878 г. он телеграфировал Томсону: «Мы пришли к открытому разрыву с эмиром Кабула и, возможно, через несколько недель перейдем границу Афганистана с войсками»[201]. Ни о каком примирении или попытках найти пути к урегулированию сложившегося положения речи

---

[196] Chamberlain to Lytton, 17 September 1878, F. O. 539, v. 15. N 191.
[197] Chamberlain to Lytton, 19 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 191, p. 257 (tel.).
[198] Lytton to Chamberlain, 19 September, 1878, F. O. 539, v. 15, N 191, p. 257 (tel.).
[199] Lytton to Cranbrook, 21 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 191, p. 260 (tel.).
[200] Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане, стр. 101.
[201] Lytton to Thomson, 25 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 143, p. 174.

не было, Литтон ждал, когда будут подготовлены войска и соответствующий план военных действий. На следующий день он телеграфировал лорду Крэнбруку об основных действиях, принятых правительством Индии. Он считал необходимым нанести Афганистану комбинированный удар — военный и политический. С одной стороны намечалось (уже был отдан приказ об осуществлении) сконцентрировать 4 тыс. солдат в Туле, 6 тыс. в Суккуре и 3,5 тыс. в Кветте для нанесения основного удара в Курамской долине, с другой стороны, планировалось усилить внутреннюю оппозицию против эмира, подорвав единство афганского народа и направив пограничные племена против эмира. «Как можно более изолировать эмира от его сирдаров,— писал Литтон,— и подданных так, чтобы избежать каких-либо действий, которые могли объединить афганскую нацию против нас»[202]. С этой целью британские представители были направлены в пограничные районы для переговоров с хайберами, момундами и другими племенами. Концентрацию войск предполагалось закончить через месяц-полтора, и к этому времени племена должны были стать британскими союзниками в войне против эмира. Литтон надеялся на дружеский прием афганского населения и считал, что наступление в Курамскую долину приведет к восстанию против эмира и его свержению. «Докладывают, что правитель Кандагара уже плетет интриги против эмира и собирается действовать независимо. Гилзаи пригласили британских офицеров»[203]. Но, как показал дальнейший ход событий, несмотря на основательную обработку пограничных племен и на вступление некоторых из них в союз с англичанами, расчеты Литтона на легкую победу оказались необоснованными и дорого обошлись Англии. Ненависть к англичанам, посягавшим на независимость Афганистана, оказалась сильнее неприязни к Шир Али Хану.

В ответной телеграмме лорд Крэнбрук одобрил мероприятия, предложенные Литтоном и тем самым фактически дал санкцию на открытие военных действий[204]. Теперь нужно было быстро сосредоточить войска в намеченных пунктах. 5 октября 1878 г. лорд Крэнбрук запрашивал: «Информируйте, когда войска будут готовы пройти к Кураму? Граница не должна быть перейдена без приказов из дома. Как поздно в году войска смогут наступать в том направлении? Насколько далеко вы предполагаете двигаться на Кандагар и когда?»[205].

---

[202] Lytton to Cranbrook, 26 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 137, p. 168.
[203] Lytton to Cranbrook, 26 September 1878, Ibid., p. 169.
[204] Cranbrook to Lytton, 27 September 1878, F. O. 539, v. 15, N 151, p. 184.
[205] Cranbrook to Lytton, 5 October 1878, F. O. 539, v. 15, N 166, p. 193.

Индийский департамент 8 октября 1878 г. отдал приказ офицерам, служившим в Синде и Пешаваре и находившимся в отпуску, немедленно следовать к своим частям[206]. К этому времени, как сообщала «Таймс», в пограничных областях от моря до Эбботабада, включая Карачи, Хайдарабад, Джакобабад, Пешавар, было сконцентрировано 12 тыс. британских солдат и 21 тыс. туземных индийских войск со 102 орудиями[207]. Одновременно магараджа Кашмира по рекомендации англичан занял проходы в Барогиле и Камарабанд (Ишкашим), оттягивая таким образом на себя и без того слабые силы эмира. «Таймс» оценила «мудрость» этого шага и высказывала мнение, что он может быть полезен в связи с тем, что отсюда идут дороги в Фергану и Коканд[208].

Литтон сообщал 10 октября 1878 г. лорду Крэнбруку об одобрении плана атаки крепости Али-Мусжид из Пешавара и полной готовности войск к атаке. Он ждал исхода предварительных переговоров с хайберскими племенами, которые могли бы обеспечить их сотрудничество или, по крайней мере, нейтралитет[209].

На заседании специального Совета правительства Индии 19 октября 1878 г. были приняты решения по вопросам войны. Совет опубликовал манифест с объяснением причин войны против Афганистана. Главные пункты манифеста таковы: а) объявление дружеского расположения к афганскому народу; б) обещание воздерживаться от вмешательства во внутренние дела страны; в) вся ответственность возлагалась на эмира. Наступление в Курамской долине предполагалось начать сразу по завершении концентрации войск в Туле. Одной из первых операций намечалась ликвидация гарнизона в Хайберском проходе. Из Кветты войска должны были двинуться на Пишин, а в случае необходимости и на Кандагар. Наступать на Кабул и Джалалабад зимой было трудно, к тому же там стояли афганские войска, поэтому Совет предлагал ограничиться зимой лишь операциями по захвату Хайберского прохода и «защитой» (фактически утверждением британского господства) племен, проживавших в этой области. Основное внимание уделялось наступлению в Курамской долине, ибо Совет считал, что «только по этой линии могло быть произведено непосредственное давление»[210].

---

[206] The Times, 9 October 1878.
[207] Ibid.
[208] The Times, 10 October 1878.
[209] Lytton to Cranbrook, 10 October, 1878, F. O. 539, v. 15, N 230, p. 337.
[210] F. O. 539, v. 15, Inclosure 4, N 185, p. 217.

Основные задачи в предстоящей кампании были изложены Литтоном в докладе, составленном в виде меморандума специально для правительства Великобритании и направленном в Лондон 22 октября 1878 г. Меморандум представлял собой сравнительную оценку географического и политического состояния границ русских и английских владений, но в нем рассматривались главным образом средства распространения английского влияния в Средней Азии, не исключая и территорий, находившихся под русским господством. Литтон был уверен, что в течение жизни одного поколения русская и английская империи встретятся на Востоке, поэтому нужно подготовить максимально благоприятные условия. Оценивая стратегическое положение русских владений в Средней Азии, он указывал на чрезвычайную слабость их границ, отсутствие развитых коммуникаций и удаленность баз. Ташкент находится в 1000 милях от ближайшей железной дороги, а многие из пограничных постов в 1,5 тыс. милях, в связи с этим России гораздо труднее было сконцентрировать здесь 15 тыс. человек, чем Англии 100 тыс. в Пенджабе.

Пешавар и Ташкент находились на равном расстоянии от Амударьи, но Пешавар располагался в 150 милях от ближайшей станции железной дороги, его можно было быстро обеспечить военным снаряжением. Ташкент же практически изолированный, удаленный от военных баз на Каспии, мог получать подкрепление из России с большими затруднениями. В связи с этим Литтон пришел к заключению, что утверждение Англии в Кабуле, овладение горными проходами в Гиндукуше и опорными пунктами в Файзабаде, Кундузе, Балхе и Герате сделало бы положение России в Средней Азии опасным. «Нет оснований сомневаться в результатах соперничества на Амударье при таких условиях,—писал он,—а проигрыш сражения здесь мог бы привести для России к потере ее среднеазиатских владений»[211].

Ключ к Туркестану (русскому), по мнению Литтона, находился в Афганистане, и он утверждал, что «исключительно оборонительная стратегия почти неизбежно кончается поражением» и Индию можно защищать только «смелой атакой»[212]. Литтон указывал на три группы дорог в Туркестан. Первая, восточная группа, ведущая от Кашгара через Каракорум и другие проходы, через Ладак и Кашмир; вторая, центральная группа от Кашгара, Коканда и Памирской степи по Читралу, от Бухары и Самарканда по Бамианскому проходу и другим проходам; от Герата и Мерва по Маймене и Бамианскому проходу.

---

[211] Minute by Viceroy. Progress of England and Russia in the East. 22 October 1878, F. O. 539, v. 15, N 188, p. 220.

[212] Ibid, p. 224.

Все эти дороги встречались у Кабула и Джалалабада. Наконец, в третью группу, западную, входили дороги, ведущие от Персии и Каспия через Герат на Кандагар и низовья Инда.

Наиболее важной группой дорог Литтон считал центральную, охватывавшую пространство от Читрала до Кветты. Она разделялась на две линии: внутреннюю от Гиндукуша по р. Гельмунд до Гиришка, и внешнюю — по признанной границе Афганистана, по р. Амударье от Вахана до Ходжа-Салеха и здесь проходила к Герату и персидской границе. Литтон считал необходимым включить внешнюю линию в английскую сферу, подчеркивая при этом, что даже здесь Англии трудно будет остановиться и в будущем придется наступать. В связи с этим он подчеркивал: «Если мы собираемся смело пересекать великую горную гряду (Памир — за Амударью.— Г. Х.), оккупировать долину Амударьи, с одной стороны, и соперничать с Россией из-за Средней и Северной Азии, то, несомненно, мы никогда не должны позволять упускать Вахан из своих рук»[213].

Литтон обращал особое внимание на треугольник Кабул—Газни — Джалалабад, который давал возможность выйти на равнины Амударьи и угрожать любому пункту растянутых границ российских владений. Трудно было представить, по его мнению, более выгодную стратегическую позицию, и он считал несомненным, что для обеспечения выгодных условий при столкновении с Россией Англия должна заполучить этот треугольник независимо от того, будет на то согласие эмира или нет[214]. Кроме того, Герат нужен был Англии как ключ к Восточной Персии и Западному Афганистану.

В вопросе об Афганистане Литтон считал ошибочной прежнюю концепцию о сохранении его как промежуточной зоны в виде независимого государства. Англия должна восстановить свое влияние над Афганистаном, который, по его программе превратится в вассальное государство, где английское правительство может полновластно распоряжаться, сажать на престол угодных ему лиц, направлять куда угодно в пределах страны своих офицеров, держать эмиров на своих субсидиях и под страхом вторжения английских войск[215]. Эмиру запрещалось бы вступать в дипломатические отношения с другими странами без предварительной консультации с английским правительством. Согласно программе Литтона британский офицер становился постоянным представителем при кабульском дворе. Он должен был контролировать эмира, направлять его политику, а в случае

---

[213] Minute by Viceroy, 22 October 1878, F. O. 539, v. 15, N 188, p. 226.
[214] Minute by Viceroy, 22 October 1878, F. O. 539, v. 15, N 188, p. 225.
[215] Ibid, p. 225.

неподчинения свергнуть его с трона и заменить другим, более расположенным к Англии[216].

Литтон вновь предложил ближайшую программу действий, если эмир не согласится принять миссию. Немедленная оккупация Курамской долины, концентрация в Кветте сил, достаточных для угрозы Кандагару, восстановление различных племен против эмира, могли по его мнению, обеспечить покорность эмира диктату Англии. Пока Англия в Кураме, писал Литтон, враждебный ей эмир не будет на кабульском троне. «При этом,— подчеркивал он,— если бы мы могли обеспечить подавляющее влияние в Кабуле, дающее нам в то же время господство над Гератом и проходами в Гиндукуше, не накладывая на нас ответственности за амударьинские провинции, это было бы самым лучшим решением».

Лорд Литтон выдвигал открытую империалистическую программу, пределы которой практически были неограничены, во всяком случае она охватывала русские владения в Средней Азии. Он не считал нужным теперь даже прикрываться разговорами об обороне Индии и исходил главным образом из интересов неизбежной в будущем схватки за Среднюю Азию. Планы Литтона, по-видимому, теперь были полностью одобрены, и правительство взялось готовить английское общественное мнение к их осуществлению. 11 ноября 1878 г. Дизраэли произнес фразу, ставшую знаменитой, подчеркивавшую оформление в мыслях английских министров идеи территориальных аннексий в Афганистане. «Нынешняя граница случайна, а не научна»,— произнес Дизраэли[217]. Он не сказал, что правительство подразумевает под этим и какие меры собирается предпринять для превращения границы из случайной в научную.

Но на следующее утро «Таймс» опубликовала письмо одного из лидеров либеральной партии Дж. Стивена, который, видимо, должен был раскрыть этот вопрос и прощупать, насколько английское общественное мнение подготовлено к территориальным аннексиям в Афганистане и как далеко может пойти английская буржуазия в этой войне. В своем письме он отмечал, что горный барьер не может служить достаточной защитой, если не заняты его обе стороны (северные и южные склоны Гиндукуша). Он считал возможным ограничиться пока лишь захватом двух горных проходов — Боланского и Хайберского. Боланский, по его мнению, англичане получат при оккупации Кветты, а для овладения Хайберским проходом требовалось оккупировать Джалалабад.

---

[216] Ibid, p. 231.
[217] The Times, 11 November 1878.

«Таймс» отвела письму Дж. Стивена три колонки, очевидно, заранее запланировав его и со своей стороны добавляла, что «возможный характер» изменения границ, предложенный Дизраэли, будет зависеть от готовности эмира откликнуться на предложения английского правительства[218].

Вместе с тем в сообщении, пересланном в Лондон русским военным атташе Горловым, указывалось, что Дизраэли и лорд Солсбери представили королеве особый доклад, идея которого заключалась в превращении Бухары и Хивы в зависимое от Англии государство, примерно в таком же статусе, в какой планировалось привести Афганистан, и использовании этих двух стран в борьбе против России. На приложенной к докладу карте будущая, очевидно, «научная» граница Индийской империи, должна была проходить по линии Хавак (в непосредственной близости от Кабула) — Кахман Газни (в непосредственной близости от Кандагара)[219].

Внутри страны уже ничто не могло стать помехой для осуществления агрессивной политики кабинета Дизраэли. «Таймс», которая прежде относилась к нему лично и к его политике с нескрываемой иронией и резко критиковала ее, теперь перешла к открытой поддержке. Несмотря на движение в стране против агрессивной политики кабинета Дизраэли, лидеры либеральной партии были заодно с консерваторами, тайно или явно одобряя их действия в Афганистане. «Таймс» подчеркивала, что по Афганскому вопросу между политическими партиями не существует разногласий и отмечала: «Мы все согласны относительно того, что мы должны делать, хотя очень сожалеем по поводу необходимости, которая нас принуждает поступать так»[220]. Военный агент России в Англии Горлов писал Милютину, что в отношении к Афганистану либералы в целом поддерживают политику консервативного правительства и не станут препятствовать ее осуществлению. «Либералы в настоящем случае идут заодно с консерваторами и требуют немедленного начатия войны против Кабула,— указывал он.— Оппозиция будет заключаться только в нападениях на дурное управление лиц консервативной партии»[221].

Роль лидеров либеральной партии фактически сводилась к тому, чтобы возглавлять растущее недовольство авантюристическим внешнеполитическим курсом кабинета и, не давая ему

---

[218] The Times, 12 November 1878.

[219] Горлов — военному министру, 28 декабря 1878 г., ЦГВИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 264, 266.

[220] The Times, 10 October 1878.

[221] Горлов — Милютину, 28. IX—10. X 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6901, л. 261а.

разрастись, втиснуть его в узкие рамки своих политических интересов, использовать его для повышения своего политического престижа, но не допустить, чтобы оно помешало осуществлению политики консерваторов.

Прокламация Литтона о разрыве отношений с эмиром Афганистана была обнародована в Индии 21 ноября 1878 г. В прокламации утверждалось, что британское правительство помогло эмиру после его возвращения в страну, обеспечив прочность его положения и расширив его власть, однако Шир Али Хан заплатил за это черной неблагодарностью. Он использовал свою власть над Бадахшаном для того, чтобы запретить британским офицерам, возвращавшимся из соседних стран, проезжать через него, закрыл для англичан все дороги между Индией и Афганистаном, пытался возбудить религиозную ненависть к англичанам и призывал к войне против империи Индии; он запретил британским офицерам посещать Афганистан и отказался принимать британскую миссию, хотя очень тепло принял русскую миссию. Правительство Индии утверждало в этой прокламации, что британское правительство не имеет намерения ссориться с сирдарами Афганистана и народом и «желает уважать их независимость». Всю ответственность за враждебные отношения оно свалило на одного Шир Али Хана[222].

Прокламация, лживая и фальшивая от начала до конца, представляет собой образец бесцеремонной наглой политики британского империализма. Эмира Афганистана обвиняли в стремлении сохранить свою независимость, в нежелании позволять британскому правительству нарушать свой суверенитет, обвиняли в том, что он хотел в своей стране править не так, как хотелось англичанам. Собственно Шир Али Хана обвиняли в том, что он не хотел быть марионеткой и вассалом англичан. Заверения англичан в желании «независимости» Афганистана, в отсутствии намерений ссориться с сирдарами — это обычная колониалистская фраза, рассчитанная на создание раскола в рядах афганцев и изоляцию эмира.

Одновременно с опубликованием прокламации Литтона английские войска в трех направлениях начали наступление на Афганистан. Колонна под командованием генерала Броуна в составе 16 тыс. чел. вступила в Хайберский проход, после ожесточенного сражения захватила крепость Али Мусжид и двинулась на Джалалабад. Через Пайварский проход на Хост выступила колонна под командованием генерала Робертса в составе

---

[222] Полный текст прокламации опубликован в BFSP, 1877—1878, LXIX, London, 1885, p. 614.

6.5 тыс. чел., направлявшаяся в Кабул, а из Кветты на Кандагар через Боланский проход продвигалась колонна под командованием генерала Стюарта.

Силы эмира были слишком незначительны для того, чтобы оказать серьезное сопротивление английским войскам. Внутренние междоусобицы привели к тому, что афганские войска оказались рассредоточенными и разбросанными по всей стране. В Герате в 1878 г. стояло восемь кабульских полков, четыре гератских (и 30 орудий), в Маймене находилось четыре кабульских полка и два гератских, а в самом Кабуле стояло 12 полков[223]. Защита пограничных с Индией районов и горных проходов возлагалась на племена, большую часть которых англичанам удалось подкупить. Кроме того, 60% войск были выведены из строя внезапно вспыхнувшей эпидемией болотной лихорадки. Племена афридиев перешли на сторону англичан. Многие крепости остались фактически без защиты. По данным английской разведки, в Али Холе, между Шутар-Гарданом и Пейвар Хоталом, где наступала колонна генерала Робертса, гарнизон состоял лишь из одной батареи артиллерии и полка кавалерии. В Курамской долине, куда приходился главный удар английских войск, имелось лишь три полка пехоты. Даже эти скудные силы оказались небоеспособными из-за отсутствия продовольствия, так как все зерно из Курамской долины было вывезено в Индию через горные проходы[224]. Наконец, в войсках эмира, стоявших в Хайберском проходе, началось массовое дезертирство[225].

Положение Шир Али Хана усугублялось тем, что зима 1878/1879 гг. была очень тяжелой для Афганистана. Значительная часть населения отказалась платить налоги, казна опустела; бунтовали полки, месяцами не получавшие жалованья; в Кандагаре и Кабуле свирепствовала эпидемия холеры.

Падение Али Мусжида ввергло в панику население близлежащих местностей. Вожди племен и сирдары вели интриги, более алчные из них вступили в сговор с англичанами, вспыхнула давно накапливавшаяся вражда между военными и гражданскими властями, а также между представителями различных родов — баракзаями, укакзаями, папалзаями, бамозаями, хамедзаями, ализаями и др.[226]

Англичане привели в действие свою обширную шпионскую сеть, передвижение афганских войск не оставалось незамечен-

---

[223] F. O. 539, v. 14, N 281, p. 257—258.
[224] The Times, 4 November 1878.
[225] The Times, 7 November 1878.
[226] F. O. 539, v. 15, N 246, Inclosure 9, p. 362.

ным[227]. Через шпионов англичане распространяли различные слухи и подбрасывали прокламации Литтона с целью подорвать единство афганского народа. Так, в самом начале войны в Кандагаре пошел слух о том, что эмир готовится передать страну русским. Это усилило недовольство народа Шир Али Ханом[228]. Различные слухи удручающе действовали на войска эмира. Воины стали разбегаться, и уже в начале декабря 1878 г. фронта войск эмира как такового не существовало, путь на Кабул английским войскам был открыт. О слабости войск Шир Али Хана и его непопулярности знали в России, и в этих условиях русские войска не могли вмешаться в англо-афганскую войну.

Силы России были потрясены в русско-турецкой войне, и страна практически не могла вести затяжную войну, какой обещала быть война с Англией. Финансовое и военное положение страны заставляло русских государственных деятелей быть осторожными в своих действиях и уступчивыми в отношениях с Англией. Милютин, один из самых осведомленных людей в русском правительстве, в 1878 г. неоднократно писал в своем дневнике об опасениях за материальное и военное состояние России в случае войны. 25 марта 1878 г. он отмечал, что война в этих условиях была бы для России «бедствием»[229]. На странице за 24 мая 1878 г. читаем: «Чем более вдумываешься в ожидающее нас положение в случае войны, тем страшнее становится перспектива и тем сильнее желаешь избежать войны. При настоящей обстановке война была бы гибельной для России»[230]. Милютин был энергичным приверженцем мира. Во время Берлинского конгресса он убеждал царя в том, что как бы ни были тяжелы для России результаты конгресса, они все-таки менее печальны и унизительны, чем очевидные результаты возможной войны[231]. «Наши военные силы так расстроены войной,— записывал он 11 июня 1878 г.,— что не предвидится никакого вероятия успеха»[232].

Русско-турецкая война подорвала финансы России. Если до 1877 г. ежегодный баланс финансов был положительным, то в

[227] 11 декабря 1878 г. губернатор Герата Сирдар Мухамед Омархан получил приказ от эмира подготовить 200 всадников и переправить их в Кандагар для того, чтобы неожиданной и быстрой атакой нанести удар по английским тылам и обозам. Сообщение об этом было переправлено гератским агентом Томсону, и телеграфом отправлено в Индию. Войска эмира должны были выступать 25 декабря 1878 г., а телеграмма Томсона была получена в Индии уже 23 декабря 1878 г., F. O. 539, v. 16, Inclosure 2, N 106, p. 96.

[228] F. O. 539, v. 15, N 246, Inclosure 9, p. 362.

[229] Дневник Д. А. Милютина, 1878—1880 гг., М., 1950, т. III, стр. 35.

[230] Там же, стр. 61.

[231] Дневник Д. А. Милютина, 1878—1880 гг., т. III, стр. 68.

[232] Там же, стр. 68.

1878 г. в связи с войной он стал отрицательным. Государственный долг за один только 1878 г. составил 512 млн. руб.[233] Расчеты России на получение иностранных займов были бесплодны, европейские страны отказали русскому правительству, так как заграничные биржи были завалены русскими кредитными билетами. В этих условиях нескольких комбинаций на лондонской бирже было достаточно для того, чтобы привести русские финансы на грань катастрофы. Русская буржуазия не пошла бы на такие жертвы. В период русско-турецкой войны царизм легко мог поднять на врага всю страну, потому что русская буржуазия была в этом заинтересована, а философствования о братьях-славянах, религиозные мотивы служили оправданием принесенных жертв. Иначе обстояло дело в Средней Азии. Русская буржуазия еще не осознала здесь своих материальных интересов и не пошла бы на те жертвы, которые она согласилась принести на Балканах. Население здесь было чуждой веры, этнически совершенно не связанное с русскими и никакими средствами нельзя было раздуть в стране шовинистическую пропаганду, подобную той, которую вели славянофилы во главе с Аксаковым во время русско-турецкой войны. Кроме того, английское правительство имело в своем распоряжении такое оружие против России как угроза неосуществления положений Берлинского трактата, и русская буржуазия, отдавая себе отчет в этом, не желала ввязываться в среднеазиатские дела, боясь лишиться достигнутых завоеваний на Балканах.

Русская печать призывала правительство не вмешиваться в англо-афганские отношения и заняться исключительно своими внутренними проблемами и быстрейшим осуществлением статей Берлинского трактата. Касаясь английского ультиматума Шир Али Хану, «Биржевые ведомости» подчеркивали щекотливость положения в связи с приемом, который эмир оказал миссии Столетова, однако утверждали, что англо-афганская война ни в малейшей степени не затрагивает русских интересов, не нужна России и ее последствия не могут быть благоприятны для России. «Между тем,— подчеркивала газета,— она может стоить нам дорого и может до крайности усложнить и без того уже очень запутанное наше положение на Балканском полуострове»[234]. «Биржевые ведомости» призывали к дружбе и сотрудничеству Англии и России[235]. Уже после того, как телеграф принес известие о вторжении английских войск на территорию владений эмира Шир Али Хана «Биржевые ведомости» призы-

[233] Русские ведомости, 1 (13) декабря 1878 г.
[234] Биржевые ведомости, 12 ноября 1878 г.
[235] Биржевые ведомости, 19 ноября 1878 г.

вали стремиться «всеми силами» к сохранению дружбы между двумя странами и резко критиковали те органы русской печати, которые пытались осуждать английскую агрессию в Афганистане. «Всякое поползновение раздуть вражду между Англией и Россией по поводу афганистанского вопроса нам кажется преступным и представляется особенно омерзительным, когда появляется, например, со стороны журналистики, дело которой успокаивать, а не раздражать в народах звериные инстинкты взаимного истребления»[236]. Газета призывала правительство заняться исключительно собственными интересами и не вмешиваться в дела, которые не имеют непосредственного отношения к России, в частности, в англо-афганский конфликт. «Мы долго жили для других,—отмечала газета,—нам пора думать о самих себе, и да послужит замирение по Берлинскому договору первым шагом на пути нашего служения нашим собственным внутренним интересам, которые для всякого истинного патриота должны быть дороже интересов всех других народов»[237].

Линии, которую проводили «Биржевые ведомости», с незначительными отклонениями придерживались и другие органы печати России. Газета «Голос»[238] уже после начала англо-афганской войны считала балканский вопрос «главной злобой дня», ее страницы почти полностью были заполнены сообщениями по этому вопросу. Лишь изредка в ней помещались сообщения из английских газет об Афганистане, выдержанные в тенденциозном духе[239]. Время от времени газета пыталась делать предупреждения о необходимости сохранить независимость Афганистана, но когда война началась, она рекомендовала правительству воздержаться от вмешательства, считая разгром Афганистана неминуемым[240].

Орган московских промышленников «Русские ведомости» на протяжении октября, ноября и декабря 1878 г. предоставлял свои полосы для обсуждения вопроса о положении на Балканском полуострове и о ходе выполнения решений Берлинского конгресса, лишь изредка помещая информацию об Афганистане. Только 25 ноября 1878 г. в нем появилась первая статья о начавшейся англо-афганской войне, авторы, однако, не выражали своего отношения к ней. Даже разгром войск эмира и быстрое продвижение английских отрядов к Кабулу не вызвали

---

[236] Биржевые ведомости, 25 сентября 1878 г.

[237] Биржевые ведомости, 2 ноября 1878 г.

[238] См. «Голос» 22 ноября—23 ноября, 27 декабря, 21 декабря, 29 декабря 1878 г.; «Русские ведомости», 20 декабря, 21 декабря, 28 декабря 1878 г., Даты даны по новому стилю.

[239] Голос, 21 декабря 1878 г.

[240] Голос, 27 декабря 1878 г.

реакции «Русских ведомостей», и газета продолжала утверждать необходимость скорейшего выполнения Берлинского трактата. «Положение России и Англии в Турции и болгаро-румелийский вопрос должны быть вполне выяснены в самом непродолжительном времени,—отмечала газета.—На это необходимо нашим дипломатам направить все их усилия. Только тогда, когда они достигнут благоприятного результата, Россия будет иметь возможность спокойно вздохнуть»[241].

Такие влиятельные органы русской печати, как «Правительственный вестник», «Сын отечества», почти не реагировали на англо-афганскую войну и уделяли главное внимание балканскому вопросу. В этих условиях нечего было и думать о защите Афганистана, который русское правительство морально обязано было поддержать хотя бы потому, что эмир слишком доверчиво отнесся к России и положился на ее силы. К этому обязывала и позиция Кауфмана, разработавшего столь широкий проект конвенции, который был вручен генералу Столетову.

Лично Кауфман, по-видимому, был готов предпринять некоторые действия, чтобы материально и морально поддержать эмира. В сентябре 1878 г. он отправил полковника Гродекова в Северный Афганистан для обследования дорог и изучения положения в Афганском Туркестане и Гератской области. Почти одновременно он послал с той же целью полковника Матвеева в Бадахшан. По его предписанию, полковник Разгонов в Кабуле дал эмиру несколько советов о том, как лучше сохранить свои силы и нанести удар по английским войскам. Разгонов рекомендовал вести партизанскую войну, избегая открытых сражений, вывести войска из Кандагара и расположить их по горам, увести жителей из города при приближении англичан, главные удары направить по флангам и тылам английских войск подвижными отрядами. По приказанию Кауфмана, топограф Бендерский, сопровождавший миссию Столетова, составил карту Афганистана (масштабом 48 верст на дюйм), которая была преподнесена эмиру[242]. Однако 6 сентября 1878 г. в Ташкенте была получена телеграмма из Ливадии от Милютина, предписывавшая немедленно командировать в Ливадию генерала Столетова. В телеграмме указывалось на необходимость быть «крайне осторожным» в сношениях с эмиром, чтобы в действиях русских властей не было противоречий с дипломатической перепиской, которую Кауфман должен был получить[243]. Кауфман

---

[241] Русские ведомости, 21 декабря 1878 г.

[242] Разгонов — Кауфману, 26 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 122.

[243] Милютин — Кауфману, 6 сентября 1878 г. (тел.), ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 345, л. 63.

не имел этой дипломатической переписки, но фраза о необходимости быть осторожным, несомненно, озадачила его. Через несколько дней пришла другая телеграмма от Милютина, из которой стало ясно, что русское правительство не собирается оказывать эмиру никакой материальной поддержки. Милютин так писал об этом: «Главным предметом на очереди — ожидаемый разрыв между Англией и афганским эмиром. Для нас было бы невыгодным дать предлог британцам утвердиться в Афганистане, поэтому телеграфировано генералу Кауфману, чтобы он вывел эмира из заблуждения, если он рассчитывает на материальную нашу поддержку»[244].

Очевидно, министры, находившиеся вместе с царем в Ливадии, надеялись заставить эмира пойти на уступки, лишив его материальной помощи, и тем самым примирить его с англичанами, у которых не будет предлога предпринимать военные действия против Афганистана. Они, вероятно, и не предполагали, что участь эмира уже решена, и независимо от того, пойдет он на уступки или нет, английские войска найдут предлог, чтобы перейти афганскую границу. По всей вероятности, русские государственные деятели сами были введены в заблуждение, так как полагались на единственный источник информации — телеграфные донесения Краевского из Петербурга с обзором важнейших сообщений мировых телеграфных агентств, которые кстати не отражали и мизерной доли того, что подготавливалось англичанами в Афганистане.

По прибытии Столетова в Ливадию император провел два совещания, на которых было решено вызвать из Лондона Шувалова и при содействии Столетова ознакомить его с афганским вопросом. Правительство намеревалось восстановить прежние соглашения с Англией по вопросам о Средней Азии для того, чтобы, как писал Милютин, «по возможности отклонить какое-либо решительное со стороны Англии предприятие против Афганистана, независимость которого существенно необходима для поддержания в Азии равновесия в политическом положении России и Англии[245].

В телеграмме к Кауфману, Милютин предписывал посоветовать эмиру сделать «примиренческую попытку» во избежание «несвоевременного столкновения», поскольку англичане пытаются пойти на примирение с эмиром. «Крайне необходимо,— подчеркивал Милютин,— чтобы Ваш совет эмиру пришел раньше английского предложения»[246]. Военный министр приказывал

[244] Дневник Д. А. Милютина, 1878—1880 гг., т. III, стр. 96.

[245] Там же, стр. 98.

[246] Милютин — Кауфману, 18 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 345, л. 66.

собрать все игольчатые ружья, оставшиеся после перевооружения армии, с патронами в таких пунктах, откуда удобно отправить в Афганистан, если обстоятельства того потребуют. В телеграмме указывалось, что вопрос об афганских послах, прибывших в Ташкент вместе с генералом Столетовым и безнадежно ожидавших ответа из Ливадии, должен решить по своему усмотрению Кауфман. Русской миссии в Кабуле было приказано ожидать дальнейших указаний, т. е. оставаться в Кабуле.

Указания Милютина были очень противоречивы. С одной стороны, предписывалось предложить эмиру пойти на мировую с англичанами, а с другой — предпринимать меры, направленные на оказание Афганистану помощи оружием. Пребывание русской миссии в Кабуле мешало эмиру покончить дело миром, так как эта миссия становилась чуть ли не единственным предлогом англичан для агрессивных действий против Афганистана.

Русская миссия в Кабуле уже не могла играть существенной роли с точки зрения задач, поставленных перед ней правительством. После отъезда Столетова она оказалась в тяжелом положении. Вместе со Столетовым уехала часть казаков и врач; генерал увез почти все медикаменты и средства, пообещав все это послать по приезде в Ташкент, однако срочный отъезд в Ливадию, по-видимому, не позволил ему выполнить обещание. Приближалась зима, неся с собой холодное зловоние болот, полукольцом окаймлявших столицу Афганистана. Почти все члены миссии болели болотной лихорадкой, а среди казаков начался тиф. Изолированная во дворце Бала-Гиссар, русская миссия представляла собой жалкое зрелище.

Полковник Разгонов видел бесперспективность дальнейшего пребывания миссии в Кабуле и требовал ее отзыва. В письме к Кауфману 4 октября 1878 г. он подчеркивал, что присутствие миссии в Кабуле наруку англичанам, которые оправдывают все свои агрессивные приготовления, ссылаясь на нее, и отмечал, что визирь уже несколько раз намекал об этом[247]. Кроме того, англичане и их агенты использовали русскую миссию для того, чтобы настроить народ против Шир Али Хана и усилить внутренние раздоры[248].

Кауфман сделал попытку добиться хотя бы какого-нибудь участия России в судьбе Шир Али Хана и разрешения оказать ему помощь. 22 октября 1878 г. он направил Милютину телеграмму, в которой сообщал о настойчивой просьбе эмира о помощи. «Афганский эмир пишет, что ожидает войны, что сам не

---

[247] Разгонов — Кауфману, 4 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 345, л. 76.

[248] Там же.

начинает, просит внимания и дружеской помощи»,— подчеркивал Кауфман[249]. Он намекал также на замечание эмира о повторении ситуации, сложившейся с миссией Виткевича. В письме к Милютину, отправленном в тот же день специальным курьером, Кауфман откровенно выражал опасения, что эмир из-за такого отношения может впасть в другую крайность и сблизиться с англичанами. Он опасался падения престижа России в Средней Азии и отмечал, что это было бы самым печальным последствием победы Англии над Афганистаном. «Я боюсь,— писал он,— во всем этом одного: если результатом всего того, что совершается здесь, будет подчинение Афганистана влиянию Англии, то мы потеряем то обаяние, которое мы приобрели в Средней Азии, потеряем безграничную веру в нас народов и правительств, нас здесь окружающих»[250].

По-видимому, неправильная информация о действиях и намерениях англичан успокоила русских министров, и в тот момент, когда англичане заканчивали последние приготовления к разгрому Афганистана, в Ливадии царило удивительное спокойствие, граничившее с беспечностью. Совершенно не ощущалась серьезность обстановки, чреватой взрывом. Шувалов прибыл в Ливадию еще 14 октября 1878 г., но не мог представиться Александру II, так как был в «партикулярном одеянии», а багаж его остался сзади[251], и следовательно, невозможно было начать совещание по афганскому вопросу. Лишь спустя четыре дня после его прибытия состоялось совещание по вопросу об Афганистане. Решение, принятое на этом совещании, было полно лживых утверждений. Оно оправдывало миссию Столетова в Кабул, утверждая, будто он там только и делал, что советовал эмиру примириться с англичанами и якобы, «несмотря на советы генерала Столетова избегать распрей с англичанами, Шир Али Хан решился отказать генералу Чемберлену въезд в пределы Афганистана»[252]. По существу это была попытка выгородить себя и стыдливо спрятаться от обвинений в связи с действиями генерала Столетова.

---

[249] В одном из писем, отосланных Кауфманом в Ливадию, Шир Али Хан, отмечая агрессивные замыслы Англии, писал: «Британия твердо решилась употребить против Афганистана насилие, народ же Афганистана считает священной своей обязанностью насколько позволяют силы его и средства принять меры для обороны своей страны и для защиты своего имущества и своей чести». Шир Али Хан выражал твердую уверенность, что русский император окажет Афганистану «дружественную помощь», АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1878 г., д. 118, л. 76—77.

[250] Кауфман — Милютину, 23 октября 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 345, л. 72.

[251] Дневник Д. А. Милютина, 1878—1880 гг., т. III, стр. 98.

[252] Записка по афганскому вопросу, 27 октября 1878 г., Ливадия, ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 124.

Совещание пришло к заключению, что Россия не может вступить в войну с Англией из-за Афганистана, и видело единственный выход в том, чтобы употребить все усилия и «привести к мирной развязке настоящее столкновение и затем поставить англичан в прежнее уединенное положение»[253]. В связи с этим рекомендовалось посоветовать Шир Али Хану пойти на примирение с англичанами.

Единственное рациональное решение сводилось к тому, чтобы дипломатическим путем добиться от английского правительства обещания уважать независимость Афганистана и восстановить существовавшие прежде соглашения, т. е. восстановить принципы переписки 1875 г. Шувалову предписывалось воспользоваться удобным случаем и заявить британским министрам, что «русские интересы в Азии, безусловно, связаны с сохранением независимости Афганистана»[254].

ПЕРЕГОВОРЫ ШУВАЛОВА И СОЛСБЕРИ В ЛОНДОНЕ В НОЯБРЕ — ДЕКАБРЕ 1878 г.

На протяжении трех месяцев (с сентября по ноябрь) в Лондоне, как и в Петербурге, английские и русские дипломаты упорно хранили молчание по афганскому вопросу.

Шувалов, прибывший в Лондон в начале ноября 1878 г., следуя предписаниям своего правительства, также не поднимал этого вопроса и не касался его в своих беседах с английскими представителями. Первыми нарушили молчание англичане. После беседы Шувалова с лордом Солсбери 26 ноября 1878 г., когда Шувалов уже собрался уходить, лорд Солсбери вдруг сказал: — «Да, итак мы воюем с эмиром».

— Я сожалею об этом,— ответил Шувалов, мне кажется, что вы не имели достаточных оснований для объявления войны, и я убежден, что если бы вы предоставили эмиру больше времени, он дал бы вам удовлетворение, не принуждая вас прибегать к насилию.

— Нет достаточных оснований, говорите вы? А могли мы допустить, чтобы эмир принял вашего посла и отверг нашего?

— Имеется огромная разница в манере, в которой были направлены наш посол и ваш. Генерала Столетова сопровождали только 50 человек, тогда как ваш выступил с эскортом, в который входило более тысячи человек (вооруженных).

— Это ошибка, у нас было только 70 человек, сопровождавших нашего посла.

---

[253] Записка по афганскому вопросу, 27 октября 1878 г., Ливадия,
[254] Там же.
ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 127.

— Впрочем,— заметил Шувалов,— меня совсем не занимает инцидент, о котором я сожалею только потому, что, кроме всего прочего, он является черной точкой на политическом горизонте... Он будет иметь значение с точки зрения русских интересов только в том случае, если изменит основу нашей взаимной политики в Средней Азии, т. е. если он нанесет ущерб независимости Афганистана. Это основа, которую вы предложили и которую мы приняли»[255].

Лорд Солсбери не ответил на последнее замечание, он сказал только, что правительство Англии не собирается аннексировать Афганистан. «Что мы будем делать в стране,— говорил он,— где, по словам Дост Мухамеда, имеются лишь люди и камни»[256].

Дизраэли, с которым Шувалов встретился на следующий день, поразил его своим спокойным и миролюбивым тоном. Их беседа касалась в основном Берлинского конгресса и мер по претворению в жизнь его решений. Однако в заключение английский премьер-министр все-таки затронул вопрос об Афганистане. Дизраэли заметил, что нет оснований укорять в чем-либо русское правительство. Он уверял, что не хотел афганского конфликта и выжидал, уверенный в том, что русское правительство попытается умерить эмира и заставить его примириться с английским правительством. Вину за конфликт он полностью сваливал на Литтона, говоря, что тот своими поспешными действиями и несвоевременными мерами ускорил события. Дизраэли высказал сожаление по поводу случившегося и обещал воспользоваться первым же случаем для восстановления мира[257].

Шувалов был изумлен позицией английского премьер-министра, который редко удостаивал кого-либо своим хорошим отношением бескорыстно, но он невольно поддался обольстительному тону английских министров. Солсбери и Дизраэли удалось убедить Шувалова, что их кабинет не виновен в развязывании драматических событий в Афганистане.

В депеше к Гирсу Шувалов пытался представить дело таким образом, будто Дизраэли и его кабинет стали жертвами дезинформации и опрометчивости Литтона. Он утверждал, будто правительство недовольно Литтоном, но не может отозвать его, так как боится выступлений с его стороны. Кроме того, Шувалов пытался доказать, что британское правительство не имеет намерения аннексировать территории Афганистана. В неправильном свете представлял он и положение кабинета Дизраэли. По

[255] Шувалов — Гирсу, 14/26 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. I, л. 130.

[256] Там же.

[257] Шувалов — Гирсу, 15/27 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878, д. 81, т. I, л. 205.

его словам, кабинет находился между двух огней: с одной стороны, партия действия, возглавляемая Роулинсоном, толкавшая его на завоевания в Афганистане; с другой — партия, требовавшая отказа от завоеваний, обвинявшая в легкомыслии правительство, которое начало войну без достаточных оснований[253]. «Между этими двумя мнениями,— подчеркивал Шувалов,— колебались английские министры вплоть до открытия парламента»[259]. А теперь, писал он, поскольку парламент уже одобрил политику, они не могут отречься от нее и вынуждены ее проводить. Шувалову очень хотелось прослыть глубоким знатоком дипломатии и искусным дипломатом, но на поверку оказалось, что бывший шеф российских жандармов слепо повторял то, что ему внушали Дизраэли, Солсбери и члены их кабинета. Насколько Шувалов был осведомлен о замыслах кабинета Дизраэли и «проницателен», свидетельствует тот факт, что он утверждал, будто Дизраэли, заявив о необходимости создания «научных границ», сам не понимал и не мог разъяснить своим коллегам смысла своего высказывания[260].

Можно полагать, что кабинет Дизраэли проводил свою политику чрезвычайно секретно, истинные замыслы сохранялись в глубокой тайне и Шувалову было трудно проникнуть в нее. Но свои депеши он писал так, будто ему удалось установить через «сведущих лиц» оборотную сторону происходящих событий. Во всяком случае, он не имел основания строить свои предположения об аспектах английской политики на основании сомнительных сведений, которые, видимо, были подброшены ему с целью дезинформации русской дипломатии.

Шувалов выделял три пункта в переговорах с английскими представителями: 1) британское правительство не допускает соучастия русских в афганском инциденте; 2) оно не стремится аннексировать «эту область» (по-видимому, Афганистан) за исключением исправления границы таким образом, чтобы можно было защищать ущелья, которые ведут в Индию;3) британское правительство не делало никакого намека на присутствие русского посла в Кабуле[261].

Шувалов явно не понял английских дипломатов. Ведь краеугольным камнем британской дипломатии в афганском конфликте было обвинение русских во вмешательстве в дела Афганиста-

---

[258] Шувалов — Гирсу, 26. XI 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 152.

[259] Там же.

[260] Шувалов — Гирсу, 26 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 148.

[261] Шувалов — Гирсу, 16/28 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 137.

на и в стремлении превратить эмира в орудие своей политики. И Солсбери в беседе с Шуваловым напоминал об этом. Говоря об аннексии горных проходов, английские дипломаты имели в виду главным образом кампанию 1878 г., когда в условиях наступившей зимы практически невозможно было расширить район военных операций и приходилось ограничиться горными проходами, причем уже в 1878 г. намечалась аннексия Курамской долины. Присутствию русского посла в Кабуле, как вскоре выяснилось, англичане не придавали никакого значения и не считали нужным даже упоминать о нем.

На основании таких фальшивых сведений русский посол предлагал отозвать русскую миссию из Кабула. Он считал, что она выполняет лишь информационные функции, а информацию, по его мнению, можно было получать из английских газет. «Отозвав нашего посла,— писал он,— мы будем действовать свободно и непосредственно. Мы могли бы даже мотивировать этот демарш в глазах эмира как нашу уверенность в том, что его независимость не находится под угрозой»[262]. Но на каком основании можно было делать такой вывод, внушать уверенность эмиру в гарантии его независимости, если на самом деле ее не было. Это была бы нечестная игра со своим недавним верным союзником, и она привела бы к подрыву престижа и авторитета России в Азии. Конечно, если исходить из ложных убеждений Шувалова относительно английской политики, то такой шаг можно оправдать, но Шувалов ошибался и пытался добиться того, чтобы его точку зрения приняло и правительство. Разгонов также считал необходимым отозвать миссию, но он исходил из соображений, касавшихся довоенного периода, когда, по его мнению, русская миссия связывала руки эмиру. Шувалов же предложил вывести миссию уже после того, как началась война, и собственно присутствие миссии ничего не меняло.

Горчаков оказался не столь простодушным. Он одобрил содержание бесед Шувалова с лордом Солсбери и как будто склонился к мысли о необходимости вывода русской миссии. Однако он указал, что прежде чем говорить о согласии на вывод миссии из Кабула, Шувалов должен получить «положительные заверения, что независимость Афганистана будет уважаться»[263]. При этом Горчаков обещал, что перед отъездом Разгонов посоветует эмиру искать примирения с Англией. Таким образом Горчаков хотел получить определенную плату за вывод миссии. Через несколько дней он направил Шувалову телеграмму, в которой

[262] Шувалов — Гирсу, 16/28 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 137.

[263] Гирс — Шувалову, 23 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., ф. 81, т. II, л. 748.

сообщал, что эмир обратился к императору с просьбой о покровительстве и помощи. Он писал, что император хотел воспользоваться этим и дать эмиру совет стараться положить конец конфликту и прийти к соглашению с Англией: «Его величество сделал бы это только в случае, если мог бы дать эмиру заверение в том, что Великобритания будет уважать независимость Афганистана. Как доказательство своих лояльных чувств император склонен сообщить английскому правительству текст своего ответа»[264],— отмечал Горчаков. В случае благожелательного приема этого предложения лордом Солсбери Шувалов мог обещать ему, что русская миссия после энергичной поддержки примирительных советов императора немедленно покинет Афганистан. На основании этой телеграммы Горчакова Шувалов написал небольшой меморандум и при встрече с лордом Солсбери зачитал его[265]. Произошло, как выразился Шувалов, «обоюдное удивление». Лорд Солсбери заявил о своей неосведомленности относительно пребывания русского посольства в Кабуле; он считал, что оно отбыло еще два месяца назад. В свою очередь Шувалов удивился такой неосведомленности Солсбери.

Во время переговоров лорд Солсбери прежде всего попросил разъяснить, какой смысл вкладывают русские в слова «уважать независимость эмира». Шувалов сослался на ответ герцога Дерби в октябре 1875 г. на депешу Горчакова от 11 мая 1875 г. и заявил, что слово «независимость» было употреблено герцогом Дерби и обе державы (Россия и Англия) принимали его во внимание при определении своих отношений в Средней Азии. С тех пор, подчеркивал Шувалов, под словом «независимость» понимается сохранение твердого статус-кво.

«Это невозможно,— возразил лорд Солсбери,— я должен сделать оговорки к слову «независимость»: 1) исправление границы; 2) посылка постоянного посольства в Кабул. Мы долгое время ведем о нем переговоры с эмиром. Оно вытекает из влияния, которое мы должны оказывать в Кабуле, влияния, которое вы признали. Мы этого должны достичь после жертв войны»[266]. В целом лорд Солсбери отказался делать заключение по сущест-

---

[264] Горчаков — Шувалову, 27. XI/9. XII 1878 г.; АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 759.

[265] Изменение касалось той части, где говорилось об обязательстве уважать независимость Афганистана. В депеше Горчакова читаем: «Его Величество сделает это только в случае, если сможет дать заверение эмиру в том, что» и т. д. Вместо этого Шувалов подставил следующие слова: «Его Величество сделает это только в случае, если получит заверение». Шувалов — Гирсу, 26. XI—11. XII 1888 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 161.

[266] Шувалов — Гирсу, 26. XI—11. XII 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 164.

ву сообщения, сделанного Шуваловым, заявив, что прежде он должен посоветоваться с коллегами по кабинету.

На другой день лорд Солсбери сообщил Шувалову, что английский кабинет не может принять предложения русского правительства, так как его осуществление явилось бы вмешательством России в конфликт между Англией и Афганистаном. Давая советы эмиру, Россия оказывала бы то влияние, от которого она отказывалась прежде, и фактически это означало бы подмену английского влияния русским. Лорд Солсбери подчеркнул также, что сама по себе передача рекомендаций императора русским послом в Кабуле явилась бы нарушением прежних обязательств русского правительства[267]. В ответ на упоминание Шувалова об обязательствах герцога Дерби уважать независимость Афганистана лорд Солсбери фактически отверг существование подобного рода обязательств со стороны Англии, он отметил, что слова герцога Дерби нельзя расценивать как согласие Англии соблюдать независимость Афганистана, как обязательство по отношению к России[268]. Лорд Солсбери настаивал на незамедлительном выводе русской миссии из Кабула. Шувалов, в свою очередь, потребовал ясного ответа, будет ли Англия придерживаться своих прежних обязательств в таком виде, как они существовали до 1877 г. «Мы не изменим политики,— ответил лорд Солсбери, мы сохраним независимость Афганистана, но с двумя оговорками, на которые я вам указал»[269].

Солсбери и Шувалов решили скрепить соглашение, которое обеими сторонами понималось совершенно по-разному, обменом письмами, где выяснился бы его смысл. Горчаков разрешил Шувалову обменяться такими письмами, но отмечал необходимость: 1) принять к сведению заявление Англии о том, что она не намерена наносить ущерба независимости Афганистана; 2) заявить, что русское правительство, не вмешиваясь в вопрос об английском посольстве в Кабуле, тем не менее не может признать это посольство как постоянное[270]. На следующий день Горчаков прислал телеграмму, в которой говорилось: «Так как английское правительство формально заявило, что оно будет соблюдать независимость Афганистана, был дан приказ Разгонову покинуть Кабул со своей свитой. Можете обменяться с

---

[267] Шувалов — Гирсу, 30. XI/12. XII 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 169.

[268] Salisbury to Loftus 12 December 1878, F. O. 539, v. 15, v. 273, p. 401. В депеше Шувалову этого выражения нет.

[269] Шувалов — Гирсу, 30 ноября/12 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 167.

[270] Горчаков—Шувалову, 1/13 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 769.

Солсбери письмами, подтверждающими обоюдную готовность придерживаться нашего старого соглашения»[271].

Разъясняя позицию русского правительства, Горчаков указывал, что самое главное в настоящий момент — выйти из создавшегося тупика мирным путем[722]. Для этой цели он считал достаточным вернуться к старым соглашениям, которые, по его мнению, предусматривали права Англии на исключительное влияние на территориях, расположенных к югу от Амударьи, а России предоставлялись идентичные права к северу от реки[273]. Эти соглашения не исключали, писал Горчаков, ни изменений границ Афганистана, ни отправки английской миссии в Кабул, но лишь до тех пор, пока не нарушалась независимость Афганистана[274]. Последняя оговорка была очень важна, так как Россия могла спокойно наблюдать за действиями Англии и оставить за собой право судить, насколько эти действия соответствуют догме независимости и даже целостности Афганистана, так же как и безопасности России[275]. «Мы бы могли тогда требовать,— подчеркивал Горчаков,— либо, чтобы Англия вернулась к духу наших соглашений, либо, чтобы она признала наше право действовать равным образом, если потребуют наши интересы»[276]. В ожидании этого он решил воздержаться от открытого заявления и не касаться в переговорах вопроса о Мерве. Горчаков считал, что действия русского правительства будут диктоваться дальнейшим ходом англо-афганской войны.

Солсбери высоко оценил искусство русских дипломатов, понимая, что в данном случае преимущество на стороне России. По его мнению, Англия могла бы воспользоваться затруднительным положением России в связи с миссией Столетова и добиться уступок со стороны России, но он знал, что в целом Англия не будет в выигрыше «ни в каком смысле»[277].

Лорд Лофтус также высоко оценил этот, как он выражался, «искусный дипломатический шаг» России, направленный на спасение своего престижа перед народами Средней Азии, когда она вынуждена была отозвать миссию из Кабула. Он предлагал отвергнуть всякие меры, которые могли бы облегчить русским дипломатам сохранение своего престижа и создать прецедент

---

[271] Горчаков — Шувалову, 2—14 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 772.

[272] Горчаков— Шувалову, 7/19 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 800.

[273] Горчаков — Шувалову, 3/15 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 776.

[274] Там же.

[275] Горчаков — Шувалову, 7/19 декабря 1878 г. Там же, л. 800.

[276] Там же.

[277] Salisbury to Loftus, 11 December 1878, Salisbury Papers, v. 31,

вмешательства России в дела Афганистана[278]. По его мнению, все прежние соглашения предусматривали лишь обязательство Англии не вмешиваться в дела ханатов, расположенных севернее Амударьи, и обязательство России считать Афганистан находящимся вне сферы ее политического влияния. Россия нарушила свое обязательство и поплатилась за это. Она не может настаивать на сохранении в силе этих соглашений[279]. Следовательно, согласие Англии принять какое-либо обязательство как условие вывода русской миссии означало бы признание правомерности ее присутствия там. «Я осмелюсь поэтому советовать,— писал Лофтус лорду Солсбери,— что самым простым и безопасным было бы отклонить любую дискуссию с Россией по афганским делам на том основании, что Россия приняла формальное обязательство считать Афганистан находящимся вне ее сферы политики»[280]. Однако английское правительство при всем желании не могло использовать эти рекомендации. В конце 1878 г. в Англии наблюдались признаки приближавшегося экономического кризиса. Потерпел крах крупнейший банк Глазго, вследствие чего были разорены многие тысячи вкладчиков. Государственный доход в 1878 г. был ниже, чем в 1877 г. В стране нарастало недовольство политикой правительства, начались первые выступления за мирное разрешение афганского конфликта. И Шувалов, несомненно, был прав, указывая, что эти факты являются одной из причин «примирительного» тона британского правительства[281].

В это же время в Ирландии назревали выступления за гомруль. Лидеры движения расценивали англо-афганский конфликт как возможность добиться своих требований. На страницах «Таймс» приводились отрывки статей из ирландских газет, которые неопровержимо свидетельствовали о бурной реакции ирландской общественности на этот конфликт и о тех надеждах, которые она связывала с ним[282].

---

[278] Loftus to Salisbury, 16 December 1878, F. O. 539, v. 15, N 279, p. 404.

[279] Loftus to Salisbury, 1. I. 1879, Salisbury Papers, v. 14.

[280] Loftus to Salisbury, 16 December 1878, F. O. 539, v. 15, N 279, p. 404.

[281] «В виду такого положения,— писал Шувалов,— публика естественно стремится к миролюбивому разрешению». Шувалов — Гирсу, 17/29 ноября 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, л. 211.

[282] Дублинский корреспондент «Таймс» сообщал: «Газеты, которые претендуют выражать истинные национальные чувства ирландского народа по национальным вопросам, обрадованы хорошими известиями из Афганистана. Это благословение провидения тем более желательно, что оно было неожиданным, и они глубоко благодарны за него». The Times, 30 октября 1878 г. Корреспондент приводил в подтверждение пространные отрывки из ирландских газет. Религиозный журнал «Нэйшн» в редакционной статье провозглашал здравицы в честь афганского эмира. Газета «Айришмен», прославляя «новую великую войну», считала ее посланием божьим

Наконец, лорд Солсбери не забывал, что у России имеются средства, которые она могла бы пустить в ход, если бы убедилась в нежелании Англии идти на урегулирование отношений с ней. Лорд Солсбери подчеркивал это в письме к Лофтусу, отмечая, что более того, что сделано при обмене письмами с Шуваловым, сделать невозможно ввиду меморандума герцога Дерби от 1875 г. «Шувалов постоянно намекает,— писал он,— что, если бы мы пошли к Герату, то они пошли бы на Мерв. Это было бы вполне возможным, хотя и дорогостоящим мероприятием с их стороны. Но мы были бы совершенно неправоспособными удалить их оттуда»[283]. Оказавшись в таком положении, британское правительство прибегало к тактике проволочек, пытаясь заставить русское правительство пойти на уступки, которые фактически сделали бы независимость Афганистана фикцией. Лорд Солсбери знал эту тактику в совершенстве и всякий раз, когда соглашение о формулировках казалось уже достигнутым, он находил повод для новой отсрочки. Но Шувалову все же удалось добиться главной цели, поставленной перед ним — добиться заявления Дизраэли и лорда Солсбери о том, что независимость Афганистана будет сохранена при условии небольшого изменения границы[284].

Шувалов предложил формулировку письма, которая напоминала об обмене меморандумами в 1875 г., т. е. о меморандуме Горчакова и герцога Дерби, где в основном говорилось о независимости Афганистана и сохранении его как нейтральной промежуточной зоны. В варианте же, предложенном лордом Солсбери, письмо Шувалова должно было выглядеть следующим образом: «Я получил телеграмму от Горчакова, в которой он поручает мне спросить вас, придерживается ли правительство королевы и сохраняют ли в ваших глазах обязательный характер соглашений между Россией и Англией, которые существовали до отправки миссии и содержались в переписке, состоявшейся по этому вопросу между двумя кабинетами. Его Величество император расположен со своей стороны соблюдать все

делу ирландцев, посланием свободы, которое впервые явилось для восстановления свободы в Ирландии. «Флаг оф Айлэнд» восклицала: «Неужели провидение послало наконец день расплаты убийце наций? Неужели полна чаша английской безнравственности и человечество ныне будет отмщено за всю кровь, которая была пролита в бесправных делах». Явно указывая на благоприятные условия для гомруля, газета отмечала, что национальная партия будет наблюдать с обостренным интересом за ходом событий и готовиться «обеспечить благосостояние своей страны всеми правилами и доступными средствами».

[283] Salisbury to Loftus, 24. XII 1878, Salisbury's papers, v. 31.

[284] Шувалов — Горчакову, 3/15 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. I, л. 232.

соглашения относительно Средней Азии, заключенные между Россией и Англией, и немедленно отозвать русскую миссию, которая находится в Кабуле»[285].

В новом варианте, предложенном лордом Солсбери, речь шла не только о двух меморандумах 1875 г., но и обо всей переписке в целом, которую можно было толковать по-разному. В частности, в некоторых депешах Горчакова в 1875 г. утверждалось, что император отдал приказы, категорически запрещающие наступление на Мерв и пр. В этом случае английские дипломаты получали подтверждение этим приказам и формальное право требовать объяснений при каждом признаке русской активизации в Туркмении[286].

Такая трактовка англо-русских соглашений была и в варианте ответного письма лорда Солсбери: «В ответ на ваше письмо,— писал он,— датированное сегодняшним днем, я имею честь заявить Вашему Высочеству, что пребывание русской миссии в Кабуле является единственным препятствием к полному восстановлению соглашения между двумя державами, выраженному в переписке, которая происходила между ними по вопросу об Афганистане и Средней Азии; когда русская миссия будет выведена, правительство Ее Величества будет считать, что все обязательства обеих сторон в отношении этих стран сохранят их обязательный характер»[287]. Английское правительство после вывода русской миссии из Кабула считало необходимым придерживаться данных обязательств, важнейшее из которых — уважение независимости Афганистана. Фактически это было главное, чего добивался Горчаков, и в телеграмме Шувалову он дал указание принять редакцию лорда Солсбери[288]. Теперь русские дипломаты получали право твердо придерживаться этого обязательства, а также судить о его выполнении со стороны Англии. Горчаков решил придерживаться духа и буквы достигнутого соглашения и с этой целью тщательно избегал шагов, которые могли бы дать англичанам повод обвинять Россию в нарушении его.

---

[285] Шувалов — Солсбери, 7/19 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 209—210.

[286] Во время ожесточенных споров между русским послом и лордом Солсбери английский министр откровенно говорил, что он не против «независимости Афганистана», а против формулировки Шувалова, в которой видит тенденцию оттеснить на второй план все другие соображения, содержащиеся в меморандумах двух министров, и главным образом те, которые касались Мерва. Шувалов — Солсбери, 7/19 декабря 1878 г., д. 80, т. 1, л. 212.

[287] Солсбери — Шувалову, 19 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 80, т. I, л. 214.

[288] Горчаков — Шувалову, 6/18 декабря 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 788.

В письмах к Кауфману Горчаков и Милютин сообщали о намерении русского правительства не доводить дела до разрыва с Англией[289]. В связи с этим Горчаков просил Кауфмана не допустить появления эмира на русской территории и постараться уговорить его оставаться в Афганистане[290]. Однако по энергичным представлениям Кауфмана[291] Горчаков спустя несколько дней изменил свое решение и направил новую телеграмму, в которой рекомендовал принять эмира в Ташкенте с почестями, но не пускать его дальше этого города[292]. Телеграмма эта ничего не изменила, потому что поступила уже после того, как Кауфман отправил эмиру отказ и тот получил его. Этот отказ окончательно подорвал силы эмира и смерть, наступившая 3 февраля 1878 г. в Мазари-Шерифе, спасла его от более тяжких испытаний и унижений.

В письмах к Шувалову, явно рассчитанных на передачу их английскому правительству в качестве доказательства твердости русского правительства придерживаться достигнутого соглашения, Горчаков подчеркивал, что «императорский кабинет полон решимости строго придерживаться духа и буквы прежних соглашений, заключенных между двумя правительствами, которые только что были возобновлены с обоюдного согласия»[293]. Вместе с тем, он пытался четко конкретизировать круг обязательств, которые должны были в первую очередь соблюдаться. Одним из существенных пунктов этого соглашения, по его мнению, было сохранение независимости и «даже неприкосновенности» Афганистана[294]. Касаясь заявлений английского правительства, в частности лорда Солсбери, об исправлении границ Афганистана, Горчаков отмечал: поскольку английский кабинет обязался уважать независимость Афганистана, речь может идти лишь о «частичном изменении», а не о территориальных аннек-

---

289 Милютин—Кауфману, 26 декабря 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 198. Горчаков — Кауфману, 24 декабря 1878 г., там же, л. 190.

290 Та же телеграмма Горчакова, л. 190.

291 Кауфман писал Милютину сразу по получении телеграммы Горчакова: «Очевидно, что сжигать корабли в наших отношениях к Афганистану не следует. Я уже не стану говорить о материальной помощи эмиру, но уповаю, что ему не будет отказано в нравственной поддержке почетным приемом и посредничестве, хотя бы даже так, чтобы выговорить ему все, что только можно, дабы независимость его, нам обещанная английскими министрами, была не эфемерная, а существенная». Кауфман — Милютину, 24 декабря 1878 г., ЦГИА УзССР, ф. 1 оп. 34, д. 389, л. 194.

292 Горчаков — Кауфману, 11 января 1879 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 236.

293 Горчаков — Шувалову, 11 января 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 17.

294 Горчаков — Шувалову, 11 января 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 17.

сиях, которые дали бы англичанам удобные для наступления стратегические позиции и сделали бы независимость Афганистана совершенно иллюзорной[295]. Горчаков сформулировал приемлемую для России формулу английской политики в Афганистане (в связи с очевидной близкой победой Англии в Афганистане), которая сводилась к «фактическому сохранению независимости Афганистана», за исключением «местного улучшения границы», т. е. такого незначительного изменения границ страны, которое с точки зрения России не наносило ущерба положению Афганистана как независимого государства и нейтральной промежуточной зоны[296]. При этом Горчаков допускал занятие английскими войсками важных проходов в горах, дающих доступ к границам с целью удержания беспокойных племен[297]. Но это было все, что он мог допустить.

В конфиденциальной депеше к Шувалову Горчаков, однако, предупреждал, что не следует полагаться на умеренность правительства Дизраэли, и подчеркивал, что в связи с ухудшением положения в стране и ослаблением позиций правительства Дизраэли для сохранения своей власти будет стремиться показать на фактах, что его политика принесла Англии величие, безопасность и реальные выгоды. «Эта необходимость,— подчеркивал Горчаков,— побуждающая его надменный и авантюристический дух, может завести его очень далеко»[298].

Из донесения военного агента в Лондоне полковника Горлова явствовало, что правительство Дизраэли может пойти даже на безрассудные меры. К депеше прилагалась карта, где были помечены районы, которые в результате афганской войны могли стать приобретениями Англии. Первый вариант намечаемых территориальных аннексий в Афганистане охватывал Герат и большую часть Афганистана; второй, который Горчаков рассматривал как «почти официальный», приближал границу Индии к Кашгару и к малым государствам, которые отделяли русские владения от Афганистана[299]. Горчаков предостерегал Шувалова: «Возможное оружие, которое мы старательно готовили для острастки Англии, может сломиться в наших руках, потому что было слишком рано обнажено. Оно может повернуться против нас и угрожать безопасности наших азиатских владений»[300].

---

[295] Горчаков — Шувалову, 11 января 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 18.

[296] Там же, л. 19.

[297] Горчаков — Шувалову, 11 января 1879 г., Конфиденциально; Там же, л. 6.

[298] Там же, л. 7.

[299] Горчаков — Шувалову, 11 января 1879 г., Конфиденциально, АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 8.

[300] Там же, л. 6.

Мнимая независимость Афганистана потеряла бы всякое значение, и стало бы неизбежным опасное соприкосновение владений России и Англии. «Не мы будем угрожать Англии,— подчеркивал Горчаков,— а она будет иметь возможность поставить под угрозу спокойствие и безопасность наших среднеазиатских владений»[301]. Среднеазиатские владения России в связи с наступательной политикой Англии и быстрым продвижением ее границ на север становились самой уязвимой точкой России. Теперь России следовало думать не об угрозе Англии, а о защите от ее угроз в случае, если англичане добьются осуществления своих планов в Афганистане во второй англо-афганской войне.

Без коммуникаций и связи с центральными районами Туркестан впоследствии мог стать добычей английской коммерции, а при удобном случае и объектом военного захвата со стороны Англии. Указывая на эту возможность, Горчаков поручал Шувалову проверить достоверность сведений, наблюдать за настроениями, которые могли появиться в английском кабинете, и подумать о том, как удержать Дизраэли от крайних решений[302]. Если выяснится, что Англия решила следовать наступательным курсом и развить военные действия, которые не соответствуют прежним соглашениям между Россией и Англией, Шувалов должен был предупредить английское правительство о том, что императорский кабинет в свою очередь получает право свободы действий[303].

Шувалов почти ни в одном вопросе не соглашался с Горчаковым и фактически отверг курс, предложенный им. Он считал, что война в Афганистане не была подготовлена заранее[304], и единственную причину разрыва с Шир Али Ханом видел в торжественной встрече, устроенной им посольству Столетова, и в отказе принимать английское посольство[305]. Шувалов утверждал, что английское правительство не могло стремиться к трудной и рискованной войне с Афганистаном, так как сосредоточило все внимание на восточном вопросе и на тех затруднениях, которые могли возникнуть. Шувалов стремился возложить всю вину за развязывание войны в Афганистане на русскую дипломатию (в частности на Горчакова), которая, по его мнению, оказалась в плену иллюзий о положении и влиянии Шир Али Хана в стране. Он обвинял всех русских официальных лиц, от-

---

[301] Горчаков—Шувалову, 11 января 1879 г., Конфиденциально, АВПР, ф. Канцелярия, 1879, д. 80, л. 8.

[302] Там же, л. 9.

[303] Там же.

[304] Шувалов—Горчакову, 21 января/2 февраля 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., дд. 78, л. 24.

[305] Там же.

ветственных за среднеазиатскую политику, в переоценке слабости положения Англии в Индии, в недооценке отношения индийских туземных войск к англичанам, считая, что они преданы им, в ложных представлениях относительно обстановки в Афганистане[306]. Шувалов считал Шир Али Хана обанкротившимся правителем, оставшимся без страны, народа и армии и впредь советовал не смешивать двух понятий: Афганистан и Шир Али Хан,— заранее хороня законного правителя этой страны.

Шувалов категорически отверг приписываемые Англии планы территориальных аннексий, о которых писал Горчаков, и считал, что английское правительство ограничится минимумом, т. е. овладеет Хайберским проходом и Курамской долиной и потребует утверждения английского посольства в Кабуле, Герате. Кроме того, по его мнению, у британского правительства была программа-максимум, в которую входила аннексия Кандагара[307] и не более. Депеша была составлена небрежно и свидетельствовала о непоследовательности ее автора. Утверждая, что у британского правительства нет агрессивных намерений, он через несколько страниц писал, что происходящие события — лишь начало процесса поглощения Афганистана. «Трудно определить только начнется ли это поглощение сейчас и будет продолжаться беспрерывно или же затянется на несколько лет»[308].

Объяснения с английским правительством относительно его планов в Афганистане, по мнению Шувалова, могли вызвать раздражение у британского правительства и создать ему дополнительную популярность. Дизраэли удалось бы указать британской публике на препятствия, испытываемые им при проведении его программы. Заявление императорского кабинета о возвращении ему при определенных условиях права свободы действий разбудило бы затихшие страсти. Дизраэли воспользовался бы этим, чтобы оживить дебаты в парламенте и вновь пугать британскую публику русским призраком. Лорд Солсбери, который чувствовал себя в затруднительном положении в связи с перепиской с Шуваловым, не решаясь включить письма в «Синюю книгу», получил бы возможность объявить их недействительными.

Шувалов выражал опасение, что, угрожая англичанам призраком свободы действий в Средней Азии и не имея возможно-

---

[306] Шувалов — Горчакову, 21 января/2 февраля 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, л. 28.

[307] Там же, л. 32.

[308] Шувалов — Горчакову, 21 января/2 февраля 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, л. 33.

сти воспользоваться ею[309], русское правительство может навлечь на себя опасность.

Как видно из сопоставления представлений Шувалова об английской политике и действительных фактов, русский посол глубоко заблуждался в отношении мотивов, истинных целей и намерений британского правительства в Афганистане. Горчаков смотрел на положение дел гораздо глубже, чем Шувалов.

Вместе с тем, курс дальнейшей политики Шувалова предусматривал более решительные меры, чем те, которые разрабатывались в российском Министерстве иностранных дел и сторонником которых был сам канцлер, не желавший обострения отношений с Англией и тщательно избегавший всего, что могло вызвать враждебность с ее стороны. В этом смысле посол в Лондоне более верно отражал настроения, складывавшиеся в русских правящих кругах, где все громче раздавались голоса в защиту решительных позиций в среднеазиатской политике и звучало требование не допустить устройства среднеазиатских дел по усмотрению Англии.

Курс политики Шувалова[310] заключался в том, чтобы русское правительство, поскольку оно считало программу правительства Англии в том виде, в каком представил ее Шувалов, неприемлемой, защищало свои интересы, заняв по отношению к Англии «более грозную позицию»[311]. «Ей следует угрожать в том месте, которое она считает наиболее уязвимым, в единственном пункте, в котором можно ее ранить,— писал Шувалов,—ей следует угрожать в Мерве, готовиться сейчас на Мерв, но сделать это только после заключения мира»[312]. При этом он считал полезным заключить соглашение с Персией с целью снабжения русских войск провиантом.

Шувалов рекомендовал готовиться к действиям скрытно и ничего не предпринимать до заключения мира между Англией и Афганистаном. «Если бы движение наших войск имело место слишком рано,— отмечал он,— это означало бы сыграть на руку крайней партии в Англии, которая захотела бы овладеть Гератом»[313]. Но после заключения мира английскому правительству трудно было бы нарушить его сразу для передвижения своих границ. По мнению Шувалова, следовало выяснить условия мира, которые Англия собиралась навязать Афганистану. После

---

309 Шувалов — Горчакову, 21 января/2 февраля 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, л. 40.

310 Там же, л. 30.

311 Там же, л. 34.

312 Там же.

313 Там же, л. 35.

этого русское правительство могло заявить, что, поскольку независимость и целостность Афганистана нарушена, оно вновь обретает свободу действий и его войска начнут продвигаться к Атреку и Мерву. Занятие Мерва Шувалов рассматривал как контрдемонстрацию, противопоставленную продвижению Англии в Афганистане и имевшую значительный моральный эффект. Он считал, что затраты предстоят небольшие, ибо Англия не может атаковать Россию, значит численность отряда, направляемого в Мерв должна быть достаточной лишь для подавления сопротивления местных племен и обеспечения коммуникаций.

Прежде Шувалов был решительным противником наступления на Мерв и на всех совещаниях выступал против прожектов кавказского начальства, доказывая, что сохранение добрых отношений с английским правительством с точки зрения интересов России неизмеримо ценнее ее престижа и влияния в Средней Азии[314]. Теперь он признавал, что отказ от продвижения в Средней Азии в последние годы был уступкой, сделанной русским правительством ради сохранения мира с Англией. «Сегодня она становится агрессивной,— писал Шувалов,— она угрожает независимости Афганистана, она стремится разрушить наш авторитет в Средней Азии, а мы должны оказаться бессильными и обреченными на бездействие?»[315].

Перемены, которые произошли с Шуваловым и сделали его сторонником активных действий против Англии в Средней Азии, отражали сдвиги, произошедшие в русских дипломатических кругах в результате агрессивных действий британского правительства в Афганистане. Посол в Тегеране И. А. Зиновьев, который еще в августе 1878 г. был противником активных действий в Закаспии и предлагал воздержаться от решительных военных действий, ограничиваясь постепенным захватом стратегически важных пунктов[316], в декабре того же года настоятельно просил предпринять активные действия по завоеванию Закаспия. Он указывал, что англо-афганская война и первые военные успехи англичан произвели глубокое впечатление в Тегеране. «Ввиду этого,— писал И. А. Зиновьев,— нам более чем когда-либо необходимо позаботиться о прочном устройстве границы нашей на Востоке от Каспийского моря и о приобретении пере-

---

[314] Об этом писал сам Шувалов в упомянутой выше депеше Горчакову. См. там же, л. 37.

[315] Шувалов — Горчакову, 21. 1/2. 2 II 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, л. 38.

[316] Зиновьев — Гирсу, 22 августа 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6901, л. 185.

довых пунктов, которые, сближая нас с Хорасаном и даже с Гератом, дозволили бы нам приобрести влияние в этих краях»[317].

Под давлением военных властей на местах, требовавших проведения решительных действий и неоднократно делавших представления по этому вопросу[318], Горчаков, по-видимому, заколебался и, как это ни было неприятно ему, принял точку зрения Шувалова. Этот факт тем более примечателен, что еще месяц назад Горчаков почти высмеял предложение Шувалова использовать в борьбе против расширения английской агрессии в Афганистане призрак Мерва, категорически настаивая, чтобы Шувалов в своих переговорах с английскими представителями не касался вопроса о Мерве[319]. В депеше от 12 февраля 1878 г. Горчаков продолжал настаивать на своих прежних положениях, но в главном он согласился с Шуваловым, хотя сделал он это чрезвычайно туманно. Он писал, что русское правительство придерживается всех обязательств, которые оно приняло на себя в переписке с английским правительством, но тем не менее в заключение отмечал: «Даже, если мы ограничимся этими пределами, остается необходимость дать более прочную основу нашей позиции в Туркменской степи и предохранить себя от опасностей, которые могли бы нам угрожать с этой стороны, необходимость, возникшая в связи с только что приобретенным англичанами военным и политическим положением»[320]. У русского правительства нет никакого намерения угрожать Англии агрессией, подчеркивал Горчаков, оно стремится лишь обезопа-

---

[317] Зиновьев — Гирсу, 5 декабря 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, л. 26.

[318] Такие представления неоднократно делал Кауфман с самого начала военных действий в Афганистане. См. Кауфман — Милютину, 19 ноября 1878 г., ЦГИА УзССР, 4, ф. 1, оп. 34, д. 389, л. 132. Кауфман — Милютину, 24 декабря 1878 г. Там же, л. 194. См. также представления кавказских властей: «Присоединение Туркмении к России», стр. 356—361, 374—376.

[319] В депеше от 12/24 декабря 1878 г. Шувалов писал, что, эксплуатируя призрак Мерва, ему удалось «в огромной степени» умерить английских министров и сократить их программу по Средней Азии». Он отмечал огромную выгоду для России стоять в Мерве и угрожать отсюда жизненным интересам Англии в Азии (АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., ф. 81, т. I, л. 240—244). Горчаков даже не счел нужным лично отвечать на эти предложения Шувалова и поручил это сделать Гирсу. Он указывал на практическую невозможность и финансовую нецелесообразность оккупации Мерва и считал необходимым восстановить силы, а уж затем пускаться на такие предприятия. Горчаков вновь предписывал молчать о Мерве. «Оставьте поэтому Мерв в положении призрака,— иронически писал он,— и не нужно злоупотреблять им»— и предлагал держать его на время в тени и молчании, «особенно благоприятных для призраков». Гирс — Шувалову. 24 декабря 1878 г., 5 января 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 81, т. II, л. 664.

[320] Горчаков — Шувалову, 31 января 1878 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 46.

сить свои позиции в степи, укрепить ее мирными племенами и предохранить от налетов туркмен. Вместе с тем Горчаков писал: «Мы хотим предохранить себя заранее от очень серьезных опасностей, на которые были бы выставлены в день, когда индийское правительство использовало б продвижение границы по направлению к Герату и свое абсолютное превосходство в Афганистане для поддержания враждебных нам туркмен, их обучения и вооружения»[321].

Действия англичан в Афганистане чрезвычайно обеспокоили русское правительство и стали толчком к увеличению числа сторонников активной политики в Средней Азии, как средства защиты азиатских владений Наиболее влиятельные русские политические деятели такие как Горчаков, Гирс и Милютин, прежде не желавшие ввязываться в военные авантюры, ссылаясь на то, что русские силы истощены, значительно изменили свою точку зрения и вынуждены были согласиться с необходимостью принять меры против усиления влияния Англии в Средней Азии[322].

Постепенно начиналось практическое осуществление предложений, выдвигаемых сторонниками решительных действий в Средней Азии. По инициативе великого князя Михаила 21.I 1879 г. открылось совещание, на котором обсуждалось положение в Средней Азии и необходимые меры русского правительства в связи с ним. Присутствовавшие на совещании Милютин, Гирс и Гейден согласились с представлением кавказского командования о необходимости создания весной 1879 г. в Закаспии отряда, который предпримет наступление с целью подчинения Ахал-Текинского оазиса. Однако о Мерве на совещании не говорилось, и вопрос о его захвате не ставился[323].

Горчаков, сообщая Шувалову о решениях совещания, писал: «Мы хотим, наконец, утвердить прочную базу на Каспийском море до самого сердца туркменской степи на случай агрессии, угрожающей нам с этой стороны, которая принудила бы нас к развертыванию наших оборонительных средств. Эти меры предосторожности властно диктуются нам развитием политики

---

[321] Горчаков — Шувалову, 31 января 1878 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 47—48.

[322] В письме к Кауфману от 11 января 1879 г. Милютин уже менее решительно отвергал требование предпринять активные действия для поддержки Шир Али Хана. Вместо категорических возражений вообще против всяких действий, он настаивал на том, чтобы избежать повода к открытому разрыву с Англией «на некоторое время», давая тем самым понять, что речь идет о временном воздержании от этих действий. Милютин — Кауфману, 11 января 1879 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34. д. 389, л. 239.

[323] Присоединение Туркмении к России, стр. 377.

Англии в Средней Азии. До настоящего времени, имея перед собой только дикое население настолько же мобильное как песок их пустынь, мы увлекались вперед без твердого убеждения в наших коммуникациях и в наших базах. Теперь же Англия приближается к нам. Мы находимся перед лицом могущественного врага. Нашей обязанностью является серьезно приняться за оборону»[324].

По мнению Горчакова, Россия этими действиями не нарушала принятых на себя обязательств и соглашений с Англией. Мы не вмешиваемся в дела Афганистана, утверждал Горчаков, мы не захватим Мерва, русские операции будут осуществляться на территории, где никакое обязательство не связывает Россию и где они не будут никому угрожать[325]. Русский канцлер считал необходимым держать эти решения в глубоком секрете, опасаясь, что преждевременное разглашение сведений о подготовке русскими наступления в Закаспии произведет в Англии сенсацию, укрепит положение правительства Дизраэли и приведет к поддержке его воинственного курса.

В случае, если в Англии станет известно о подготовке русского наступления, Шувалову предписывалось приложить все усилия для разъяснения «истинного характера и цели этого предприятия»[326], причем Горчаков считал более целесообразным не проявлять инициативу, а подождать, пока английские министры запросят о намерениях русского правительства. «Нам нечего скрывать,— писал он.— Мы не хотим угрожать Англии в Средней Азии. Мы не стремимся провоцировать, особенно сейчас, когда назначение лорда Дафферина, как представителя королевы при Его Величестве Императоре может расцениваться как признак желания ослабить направление в наших отношениях»[327]. «От британского правительства,—писал Горчаков,— зависит, чтобы эти меры обороны оставались в рамках соглашений, которые до настоящего времени служили в наших глазах основой наших взаимоотношений»[328].

ГАНДАМАКСКИЙ ДОГОВОР И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Британское правительство рассматривало соглашение, достигнутое в результате обмена письмами между Шуваловым и лордом Солсбери, как временное решение и расценивало его

[324] Горчаков — Шувалову, 31 января 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 49.
[325] Там же, л. 49.
[326] Там же, л. 52.
[327] Там же, л, 53.
[328] Там же.

скорее как тактический ход, рассчитанный на выигрыш времени, чем постоянное соглашение, которое должно было урегулировать англо-русские отношения в Средней Азии после окончания англо-афганской войны. Лорд Лофтус даже считал, что Англия не давала гарантии независимости Афганистана[329]. В личном письме к лорду Солсбери он отмечал: «Не следует заключать с Россией никакого нового соглашения до тех пор, пока не будут подписаны мирные условия с Афганистаном». Все прежние соглашения с Россией он считал аннулированными и потерявшими всякую силу в связи с отправкой миссии Столетова в Кабул. «Я думаю было бы очень желательно,— писал он,— чтобы будущие отношения между Англией и Россией, касающиеся Средней Азии были определенно урегулированы только тогда, когда будет заключен мир с Афганистаном, но не раньше»[330]. Главным, по его мнению, в новом соглашении должен стать пункт о проведении в Закаспии определенной демаркационной черты, за которую России запрещалось бы наступать[331].

Тем временем английские войска развивали наступление в Афганистане. В январе 1879 г. они заняли Кандагар, в начале февраля — Джалалабад. Новый эмир, сменивший умершего Шир Али Хана, не стал оказывать сопротивления английским войскам и начал переговоры с английскими представителями относительно условий мирного договора.

Якуб-хан, боявшийся потерять свой трон, отдал приказ о прекращении сопротивления английским войскам и прибыл в Гандамак для заключения мирного договора. Этот слабовольный малограмотный эмир, плохо себе представлял, что он подписывал[332], заключая договор, который должен был превратить Афганистан в вассальное государство. В статье 1 договора подписанного эмиром 26 мая 1879 г. формально провозглашались мир и дружба между обоими государствами; статья 2 предусматривала амнистию всем подданным эмира, имевшим во время войны связи с англичанами или принимавшим участие в войне на их стороне[333]. По статье 3 все внешние сношения Афганистана должны были проводиться по совету правительства Англии. Эмир обязывался не заключать договоры с иностранными государствами без согласия английского правительства; которое

[329] Loftus to Salisbury, 1 January 1879, Salisbury Papers, v. 14.

[330] Ibid.

[331] Ibid.

[332] «Таймс» подчеркивала, что договор подписывал малограмотный эмир; The Times, 19 May 1879.

[333] Перевод договора в русской печати был дан совершенно неправильно. Так, в «Русском инвалиде», где он был изложен наиболее полно, статья 2 переводилась так, будто эмир даровал амнистию всем, кто боролся против англичан. (См. «Русский инвалид», 23 мая 1879 г.).

обещало защищать его от внешней агрессии; статья 4 утверждала британского резидента в Кабуле с эскортом; британское правительство получало право направлять своих агентов с определенным эскортом в любую часть Афганистана; статья 5 гарантировала безопасность и уважение к британским поддапным проживающим на территории Афганистана; по статье 6 эмир обязывался не препятствовать торговле этих британских подданных; на его территории для улучшения торговых связей по статье 7 эмир совместно с британским правительством должен был принять меры для улучшения дорог и содержания их в надлежащем порядке. Через Курамскую долину намечалось провести телеграфную линию, соединяющую Кабул с Индией, и эмир обязывался охранять ее. Для скрепления дружбы и союза с Афганистаном Англия аннексировала Курамскую долину, Пишин и Сиби.

Договор между Англией и Афганистаном представлял собой типичный кабальный договор между империалистической державой и побежденной слаборазвитой страной. По этому договору Афганистан переходил на положение вассального государства, его правитель должен был согласовывать свою внешнюю политику с требованиями англичан. Британскому резиденту в Кабуле вменялось в обязанность постоянно контролировать ее.

Англия придавала огромное значение Гандамакскому договору и не только с точки зрения отношений с Афганистаном. Она имела в виду упрочение и расширение своего влияния в Азии вообще, особенно в Индии, Китае и Персии. «Таймс» подчеркивала в связи с этим: «Моральный эффект капитуляции Якуб-хана должен ощущаться не только по всей Индии, но и по всей Азии. По многим причинам эта потрясающая демонстрация мощи Англии на Востоке будет, возможно, особенно полезной в настоящее время»[334]. Гандамакский договор должен был продемонстрировать мощь Англии и абсолютную бесполезность сопротивляться ей, показать, что Англия не остановится ни перед чем для достижения своих целей в Азии[335].

С точки зрения внутриполитической договор должен был подтвердить правильность политики кабинета Дизраэли и способствовать ее поддержке внутри страны. Роулинсон в связи с

[334] The Times, 19 May 1879.

[335] В статье, посвященной Гандамакскому договору, Роулинсон подчеркивал его международное значение, считая, что последствия этого договора важны не только для индийского народа. В Гвалиоре и Индоре, Хайдарабаде и Непале, но «еще более решительно в Персии, писал он,— «неожиданный триумф нашего оружия, вместе с нашей беспримерной сдержанностью как победителей создал совершенно резкое изменение чувств в нашу пользу». H. Rawlinson. The Results of the Afghan war. The Nineteenth Century, 1879, Aug. N 30, p. 392.

подписанием договора отмечал, что противники афганской войны, все те, кто подсчитывал жертвы и расходы на войну посрамлены[336]. Гандамакский договор должен был дать толчок новой волне джингоизма и развитию колониальной идеологии.

Гандамакский договор превращал Афганистан в орудие борьбы против России, и территория Афганистана фактически становилась плацдармом агрессии против русских владений в Туркестане. Исключительное значение Гандамакского договора с этой точки зрения заключалось в том, что его осуществление создавала условия для воплощения новых замыслов британских империалистов. В депеше к лорду Крэнбруку Литтон писал: «Я думаю, Кабульский договор (т. е. Гандамакский.— *Г. Х.*) должен рассматриваться не как заключение, а как начало»[337]. Он считал, что его следует рассматривать как торжественное открытие, а не как «завершающий результат» «рациональной политики»[338]. Очередную задачу Литтон видел в усилении английского влияния при кабульском дворе и прочном утверждением в Афганистане. Главным орудием ее выполнения была постоянная английская миссия в Кабуле. В функции миссии входили: 1) надзор за эмиром и управление его политикой; 2) создание в Афганистане, в частности в Кабуле, сильной проанглийской группы; 3) Кавеньяри должен был пройти в Туркестан или Герат или послать туда одного из офицеров штаба.

Литтон придавал огромное значение тем статьям договора, по которым эмир обязывался принять меры для защиты и поощрения торговли между Афганистаном и Индией. В депеше к лорду Крэнбруку от 7 июля 1879 г., он писал: «Афганистан сам не является страной больших производственных возможностей, но он командует дорогами, которые проникают в Среднюю и Западную Азию, и в то же время коммерческие классы не только этой страны, но и тех, которые находятся за верховьями Амударьи, являются большей частью индийцами или индийского происхождения»[339]. Торговля Афганистана находилась в руках индийских торговцев. Дорога между двумя крупными важными городами — Гератом и Кандагаром — проходила по ровным и плодородным землям Афганистана. Рядом с Кандагаром находился Белуджистан и Боланский проход, благодаря этому среднеазиатский торговый путь от Кандагара шел по железной дороге Индии к быстро растущему порту Карачи.

Заключение Гандамакского договора отразилось на внутриполитическом положении Афганистана. Журнал «Фортнайтли

[336] Ibid., p. 378.
[337] Lytton to Cranbrook, 2 June 1879. B. Balfour. Op. cit., p. 334.
[338] Lytton to Cranbrook, 23 June 1879. B. Balfour. Op. cit., p. 334.
[339] Lytton to Cranbrook, 7. VII 1879. B. Balfour, Op. cit., p. 328.

Ревью» отмечал, указывая на его последствие для внутренней жизни страны: «Единственный источник силы, который он (Якуб-хан.— *Г. Х.*) мог иметь, является добрая воля его народа, а эту добрую волю мы, добившись его согласия на Гандамакский договор, в действительности оттолкнули от него»[340]. Якуб-хан лишился поддержки народа и не мог быть лидером освободительного движения против англичан. Гул возмущения, которым встретил его народ при въезде в Кабул после подписания Гандамакского договора, наглядно свидетельствовал об этом[341]. Отныне Якуб-хан превращался в послушную марионетку англичан. Для того, чтобы гарантировать себе верность Якуб-хана, который под давлением народа мог изменить свою позицию, английские представители в Гандамаке настояли на назначении министром финансов дяди эмира Мустауфи, а главнокомандующим — генерала Дауд Шаха. «Так как эти два человека знают, что их назначение состоялось благодаря нашему влиянию,— писал Литтон Крэнбруку,— мы можем с полным основанием считать, что их собственное влияние в Кабуле не будет антианглийским»[342]. Создание такого триумвирата при полном падении авторитета Якуб-хана, давало возможность англичанам, имевшим посольство в Кабуле, почти неограниченно властвовать там. «Таймс» таким образом объясняла это назначение: у Якуб-хана не было образования и подготовки, требуемых для ведения общественных дел и, вероятно, то, что он подписал бы сегодня, завтра пожелал бы отменить. Англичане надеялись в связи с этим: если установить над ним «рассудительное влияние», его характер приобретет необходимую стабильность и силу[343].

По условиям договора англичане должны были оставить Кандагар, но они не собирались уходить ни из Кандагара, ни из Али Мусжида, Лунди и некоторых других пунктов, расположенных вблизи Даки[344]. Официально причиной задержки британских войск в этих местах считалась жара в Индии, начинавшаяся в мае и продолжавшаяся до конца октября. Однако позже с таким же успехом можно было бы отсрочить эвакуацию британских войск из-за дождей, а затем из-за холода. «Таймс» заявила, что эвакуация английских войск явилась бы сигналом для массовых беспорядков в провинциях Афганистана и сообщала, что «осуществление этого пункта договора будет отсрочено на время», тем самым давая понять о намерении английского

[340] Fortnightly Review, 1879, Oct. I, NCXCL, p. 609.

[341] Ст. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959, стр. 112.

[342] Lytton to Cranbrook, 23 June 1879, B. Balfour. Op. cit., p. 334.

[343] The Times, 19 May 1879.

[344] The Times, 2 June 1879.

правительства сохранить за собой Кандагар и другие пункты на неопределенное время[345].

Роулинсон, подробно анализируя Гандамакский договор, подчеркивал его антирусскую направленность: «Именно для того, чтобы противодействовать русскому влиянию, мы вступили в войну и, что еще более важно, именно третья статья Гандамакского договора, обязывающая эмира проводить всю его внешнюю политику в соответствии с советами и желаниями британского правительства, является критерием оценки нашего нынешнего успеха и дает нам лучшую гарантию на будущее»[346]. Роулинсон говорил в связи с этим, что договор примечателен не столько тем, что в нем записано, сколько тем, что подразумевается. Так, обладание Хайберским проходом и параллельно с ним проходом Пишин предоставляло Англии всю линию Джалалабад—Кабул, ее решающее влияние здесь было гарантировано. Особенно важным Роулинсон считал вопрос о Курамской долине. Контроль над ней давал английскому правительству «командное положение над Кабулом» при минимальных затратах и ответственности. Курам находился на расстоянии пяти маршей от Кабула (через плодородную долину Логур), и английские войска всегда могли рассчитывать на поддержку местных племен бангаш и тюри, враждебно настроенных в отношении к Кабулу на национальной и религиозной почве.

Существенным Роулинсон считал также владение Пишином, который давал прямой выход к Кандагару. «Практически,— писал он, несомненно, мы будем делать все, что нам угодно, по всему району и в самом деле я могу оценивать нынешнее положение как переходную стадию между независимостью и аннексией»[347]. Эти изменения в территориальных владениях Афганистана давали Англии возможность в случае необходимости быстро перебросить свои войска к западным границам. Отряд, расположенный в Курамской долине, был бы связан с Тулом, соединявшимся дорогой с Пенджабской железнодорожной системой. Стратегическое значение Кандагара, по мнению Роулинсона, было уже известно и не требовало излишних комментариев.

Роулинсон подчеркивал также огромные коммерческие возможности, предоставляемые Англии в результате осуществления

---

[345] The Times, 2 June 1879. Гератский агент Томсона отмечал, что, по сообщению лиц, прибывающих из Кандагара, британские офицеры заняты там возведением лагерей и бараков и не проявляют намерения покинуть город.

[346] H. Rawlinson. The Results of Afghan War, The Nineteenth Century, 1879, Aug., N 30, p. 361.

[347] The Nineteenth Century, 1879, Aug., N 30, p. 384.

статей Гандамакского договора. Превращение афганского эмира в вассала давало возможность Англии добиться от Якуб-хана самых низких транзитных пошлин и двинуть английские промышленные товары в Кашгарию через Читрал и Бадахшан. «Коммерческие сношения через Тибет и Кашмир прежде казались невыгодными с точки зрения финансов,— подчеркивал Роулинсон,— но если афганские и дардские племена будут дружественными, нет, по-видимому, причин почему не должна развиваться действительно прибыльная торговля по открытой Читральской долине и по Барогильскому проходу к Яркенду и Кашгару, где мы, конечно, должны быть способны успешно конкурировать с русскими караванами, с трудом пробивающимися от Волги через Ташкент и от Каспия через Бухару и Самарканд»[348].

Ф. Мартенс, оценивая значение Гандамакского договора для России, подчеркивал, что Афганистан перестал существовать как независимое государство и после осуществления пунктов договора превратится в подвластную Англии область, вице-король будет управлять Кабулом как «неограниченный властитель»[349]. Английские владения соприкасались с русскими, и Афганистан ликвидировался как «буфер», создавалось новое положение в Азии. В связи с этим Ф. Мартенс замечал, что заключение договора вызвало опасение в русских политических кругах, усилив позиции тех, кто выступал за активизацию внешней политики в Средней Азии. «Даже те русские,— писал Ф. Мартенс,— которые нисколько не приходили в восторг от завоеваний русских войск в Средней Азии, постепенно должны были освоиться с мыслью, что встреча с англичанами на берегах Инда и вершинах Гиндукуша сделалась неизбежной, что она предписывается неизменным, естественным законом»[350].

Газета «Санкт-Петербургские ведомости», посвятившая Гандамакскому договору пространную редакционную статью, отмечала, что главным его пунктом является окончательное утверждение английского владычества в Афганистане и упразднение в связи с этим нейтральной полосы между русскими и английскими владениями в Азии. В этом она видела угрозу русским торговым интересам в Средней Азии и на рынках западной окраины Китая и считала недопустимым расширение английского влияния в Туркестанском крае и приближение Англии к границам Западной Сибири[351].

---

[348] The Nineteenth Century, 1879, Aug., N 30, p. 391.

[349] Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии, стр. 4—5.

[350] Там же, стр. 6.

[351] Санкт-Петербургские ведомости, 24 мая 1879 г. (Планкет послал эту статью лорду Солсбери), F. O. 539, v. 16, N 270, p. 234.

Новая ситуация, сложившаяся в Афганистане, дала толчок военным приготовлениям России в Туркмении, и правительство ассигновало дополнительно 2,1 млн. руб.[352]. Был назначен новый начальник военного отряда генерал Тергукасов, войска получили приказ выступить 30 июля 1879 г. Россия получала свободу действий в Средней Азии и спешила воспользоваться ею.

Английское правительство решило не допустить наступления русских войск до тех пор, пока английские представители не утвердятся в Кабуле, т. е. выйдут к берегам Амударьи и туркменским степям. С этой целью английские дипломаты в начале июля сделали несколько представлений относительно русских приготовлений в Закаспии. 9 июля 1879 г. лорд Солсбери запросил о готовящейся русской экспедиции к Мерву, а 10 июля 1879 г. такой же запрос сделал и Дафферин в Петербурге[353].

В конце июля 1879 г. представитель консервативной партии Стэнхоуп заявил в парламенте, что британское правительство не беспокоится о слухах по поводу русской экспедиции, так как оно «получило от России самые формальные уверения, что эта держава не будет продвигаться на Мерв»[354].

Бартоломей, оставшийся в Лондоне за Шувалова, зная привычку Дизраэли приписывать России обязательства, которых она на себя не брала, решил объясниться. Он был осведомлен о переговорах Солсбери с Шуваловым и предполагал, что в Петербурге мог состояться дополнительный обмен мнениями, однако считал необходимым выяснить, какое значение Дизраэли придавал этим переговорам и как он рассчитывал использовать их помимо деклараций в парламенте. Кроме этого, Бартоломей считал важным лишить британское правительство в будущем возможности произвольно толковать обязательства России и давать им свою интерпретацию. Лорд Солсбери, которого Бартоломей попросил разъяснить смысл выступления Стэнхоупа, заявил, что русское правительство заверило Англию в отказе от намерения наступать на Мерв, и он был воспринят не только как отказ от этого намерения в настоящее время, но и как обязательство на будущее[355]. «Британское правительство получило заверение,— говорил лорд Солсбери,— что русские войска не пойдут на Мерв теперь и, кроме того, обещание не идти туда в будущем»[356]. В связи с этим, Бартоломей заявил, что вынужден

[352] Присоединение Туркмении к России, стр. 433.

[353] F. O. 539, v. 16, N 286, p. 251.

[354] Санкт-Петербургские ведомости, 18 (30) августа 1879 г.

[355] Гирс, читая депешу Бартоломея, рядом с этой фразой на полях написал: «Никогда!», Бартоломей — Гирсу, 8/20. VIII 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879, д. 78, л. 343.

[356] Бартоломей — Гирсу, 8/20 августа 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, л. 344.

рассеять ложное впечатление, которое сложилось у английского правительства во время переговоров с русским правительством и от заверений русских представителей и депеш Шувалова. Он сказал, что, говоря об отказе русского правительства от намерения идти на Мерв, руские дипломаты имели ввиду лишь настоящее время и не предсказывали ничего на будущее[357]. Чтобы окончательно рассеять сомнения английских дипломатов, Гирс пригласил Дафферина и заявил, что, по его мнению, выступление Стэнхоупа не обосновано. Он признал действительными свои прежние заявления по поводу Мерва, но предупредил, что при других условиях, особенно ввиду непредвиденных обстоятельств, русское правительство не остановится перед захватом Мерва[358]. Вместе с тем, газета «Санкт-Петербургский журнал» 28 и 29 августа поместила две статьи, которые были явно инспирированы Министерством иностранных дел. В обеих доказывалась необходимость для России и Англии отбросить взаимные подозрения и позволить друг другу свободно распоряжаться в собственных зонах влияния. Собственно речь шла о свободе действий в сферах, которые по соглашению 1873 г. отходили под влияние двух государств. Признание такой свободы означало бы аннулирование прежних русских заявлений об отказе наступать на Мерв. Пересылая вырезки из этих статей лорду Солсбери, Планкетт, замещавший Дафферина, подчеркивал, что они представляют собой «полуофициальный ответ» русского правительства на заявление Стэнхоупа[359]. В то же время авторы статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях» стремились показать, насколько далеко русские собирались пойти и что должно было означать свободу действий.

Газета категорически отвергла утверждения Стэнхоупа и его трактовку «русских заверений» и считала, что ситуация, сложившаяся в Средней Азии благодаря установлению исключительного большого влияния Англии по условиям Гандамакского договора, вынуждает русское правительство занять Мерв[360]. По

---

[357] Бартоломей — Гирсу, 8/20 августа 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 78, л. 345.

[358] Dufferin to Salisbury, 26 August 1879, F. O. 539, v. 16, N 345, p. 308.

[359] Планкетт не ошибался. Статьи, по-видимому, написал Джомини, который в беседе с Планкеттом очень сожалел, что Дафферин уехал, не прочитав их; он хотел бы знать его мнение об этих статьях. Plunkett to Salisbury, 30 August 1879. F. O. 539, v. 16, N 348, h. 309.

Идея статьи несомненно была подсказана Бартоломеем, писавшим Гирсу в депеше от 8/20 августа 1879 г.: «В условиях неуверенности, которая, несомненно должна довлеть при решении подобных вопросов, в интересах России будет не брать на себя таких обязательств, с которыми позже она не в силах будет считаться. Разумная свобода действий всегда будет преимуществом», АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, л. 143.

[360] Санкт-Петербургские ведомости, 18 августа 1879 г.

мнению газеты, речь шла теперь о новом соглашении, которое привело бы к переразделу сфер влияния в Средней Азии и признало бы все территории вплоть до Амударьи подчиненными России. Таков был первый взнос, который Англии предстояло внести, чтобы расплатиться за Гандамакский договор. В Лондоне решили до поры до времени не реагировать на такие заявления. Кавеньяри уже был в Кабуле, пункты Гандамакского договора начали осуществляться и не стоило преждевременно поднимать эти вопросы. Лучше было говорить о них после выполнения всех пунктов договора, который должен был провести Кавеньяри в Кабуле. Однако 8 сентября 1879 г. телеграф принес известие о восстании в Кабуле, разгроме английской миссии и убийстве всех ее членов[361]. Это событие нанесло сокрушительный удар по английским планам, разрушило Гандамакский договор, который с таким воодушевлением был встречен в Англии как залог близкого конца войны, ставшей непопулярной. Престиж консервативного кабинета был подорван, Дизраэли и Солсбери подверглись нападкам, либеральная оппозиция стала собирать силы для наступления на предстоящих выборах. Афганская война из вопроса международного превратилась в важный внутренний вопрос.

Восстание в Кабуле послужило сигналом для всеобщего восстания в стране. В Герате был убит генерал Фахр Ахмедхан, известный своими симпатиями к англичанам. Гильзаи, на которых англичане рассчитывали как на самых верных союзников, напали на английский гарнизон в Шутар-Гарданском перевале. Во многих районах страны создавались добровольческие отряды для борьбы с англичанами, которые сосредоточивались у Кабула[362]. Настоящая война в Афганистане только начиналась.

1 октября 1879 г. английские войска под командованием генерала Робертса начали наступление от Шутар-Гарданского перевала на Кабул и 6 октября 1879 г. основные части подошли к высотам Чар-Асийа. Якуб-хан отрекся от престола и перешел в лагерь английских войск. Оставшись без руководства, афганские войска сражались чрезвычайно храбро, но уступая англичанам в вооружении и организованности, вынуждены были отойти к Газни. 8 октября 1879 г. войска генерала Робертса заняли предместье Кабула Шерпур, а 12 октября 1879 г. вступили в столицу Афганистана. Якуб-хан был объявлен низложенным и отправлен в Индию. В столице Афганистана установился режим террора и репрессий. Были казнены глава

[361] См. подробнее о восстании: Н. А. Халфин. Борьба Афганистана за независимость, стр. 116.

[362] В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. II, стр. 252.

кабульского духовенства и многие военачальники, сотни людей повешены за подозрение в причастности к восстанию. Кабул был сожжен, резиденция кабульских эмиров Бала-Гиссар разрушена, а жителей столицы выселили в двухдневный срок. Это была пиррова победа английской дипломатии. Англия потеряла последнюю возможность урегулирования афганского вопроса, и отныне обрекла себя на длительную затяжную войну, объединив против себя весь афганский народ. Теперь каждое село, каждый город, каждый холм становился оплотом национально-освободительного движения против англичан. Война в таких условиях была для Англии абсолютно безнадежной.

КРАХ АНГЛИЙСКИХ ПЛАНОВ ЗАКАБАЛЕНИЯ АФГАНИСТАНА

Англия, захватив Кабул, фактически нарушила обязательство сохранить независимость Афганистана и тем самым предоставила русской дипломатии юридическое основание для проведения таких мер, которые русское правительство считало необходимым принять для ограждения своих интересов в Средней Азии. Английская дипломатия потеряла право вмешиваться в дела русских в Средней Азии, Россия теперь могла действовать более энергично. Однако русская дипломатия не спешила воспользоваться представившимся случаем и, казалось, по-прежнему возлагала надежды на полюбовное урегулирование всех спорных вопросов в рамках прежних соглашений. Среди влиятельных русских дипломатов не было единого мнения относительно мер, которые дали бы России возможность использовать сложившуюся ситуацию в собственных интересах.

Шувалов считал необходимым добиться отказа английского правительства от того пункта Гандамакского договора, который касался назначения английского посольства в Кабул и английских резидентов в различных частях Афганистана[363], русское правительство должно было оказать дружескую поддержку английскому правительству, заявив ему: «Идите на Кабул, накажите убийц, отступите затем к границам, отмеченным мирным договором, откажитесь от намерения утвердить ваших дипломатических резидентов»[364]. Россия должна была признать влияние Англии на Афганистан и не предпринимать мер, направленных на его ослабление. Таким путем Шувалов рассчитывал остановить развитие английской политики и заставить Англию

[363] Шувалов — Гирсу, 28 сентября 1879 г., 4 октября 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, л. 160.

[364] Там же, л. 160.

отказаться от этого пункта, чтобы лишить ее возможности аннексировать Афганистан[365].

Шувалов отмечал, что среди английских министров царит растерянность, все политические вопросы отодвинуты[366]. У английского правительства нет определенного плана действий в отношении Афганистана и того положения, которое сложится в результате оккупации Кабула и порядка, который будет установлен после подавления освободительного движения афганского народа. Это было, конечно, преувеличение трудностей, возникших у правительства Дизраэли. Шувалов предлагал протестовать против действий Англии, «даже, если протесты не повлекут за собой каких-либо действий с нашей стороны»[367]. Тем самым, по его мнению, русское правительство заявило бы о своем несогласии с действиями англичан, и о том, что в будущем оно будет руководствоваться только своими собственными интересами[368]. Шувалов предсказывал, что протесты такого рода будут «неприятны» для Дизраэли, так как они дадут повод для атаки оппозиции, которая не упустила бы случая обвинить кабинет в укреплении положения России[369].

Русский посол советовал не беспокоиться по поводу слухов о намерении Англии продолжить наступление до Герата, считая, что такое предприятие выгодно для России. «Если наша экспедиция закончится успешно[370] (речь идет о наступлении в Туркмении в августе 1879 г. — *Г. Х.*), если мы утвердимся в зоне, которую наш отряд должен завоевать, если мы расширим ее с годами, мы создадим угрозу для Англии, угрозу тем более эффективную, что расстояние между нами и Англией уменьшится. Тогда достаточно будет малейшего движения войск Кавказа, транспортировки единственного полка в Петровск или из Баку в Чикишляр, чтобы вызвать тревогу в Калькутте и Лондоне, привести в действие правительство королевы и принудить к расходам, которые опрокинут баланс бюджета. Вот тогда Англия изменит политику в отношении нас, тогда она будет больше считаться с нами и станет гораздо более примирительной и дружественной, тогда она будет бояться нас»[371].

---

[365] Там же.

[366] Шувалов — Гирсу, 21 сентября/3 октября 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, л. 155.

[367] Шувалов — Гирсу, 5/17 октября 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, л. 291.

[368] Там же.

[369] Там же.

[370] Эти слова были подчеркнуты Александром II, который на полях написал: «К несчастью она не имела успеха». Там же, л. 294.

[371] Шувалов — Гирсу, 5/17. X 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, л. 291.

Шувалов не учитывал двух важных факторов, которые делали его предложения неприемлемыми для России в сложившихся условиях. Прежде всего, он очень ошибался, утверждая, что английское правительство растеряно и не имеет планов относительно дальнейшей политики в Афганистане[372]. Правда, представители английского правительства до последнего дня пребывания у власти хранили упорное молчание по этому вопросу, и «Таймс» неоднократно выражала недовольство этим[373], но, тем не менее, постоянные сообщения в газетах о наращивании англичанами мощи в Афганистане и о проведении телеграфа в Кабул[374] говорили о том, что правительство не столь уж растеряно. Более того, в декабре 1879 г. «Таймс», как бы приоткрывая завесу над продолжительным молчанием правительства относительно своей политики, опубликовала сообщение о планах английского командования в отношении будущего Афганистана. Афганистан намечалось расчленить на четыре княжества под контролем английских войск, а Герат передать Персии[375]. Статья Роулинсона, опубликованная в февральском номере журнала «Девятнадцатое столетие» за 1880 г., свидетельствовала о наличии у правительства обширных планов. Роулинсон, правда, излагал лишь свои мысли и планы, но новый русский посол князь Лобанов высказал мнение, что правительственная программа мало отличается от программы Роулинсона[376]. План, представленный Роулинсоном, сводился к следующему: постоянная оккупация Кандагара; Кабул вместе с Газни должны стать отдельным княжеством под британским протекторатом, Джелалабад должен быть включен в состав индийских владений Англии, Бадахшан — предоставлен самому себе, (но если учесть прямую связь с ним через Кашмир, то и над ним очень быстро можно было установить фактический английский контроль), Герат намечалось передать Персии, а английские власти должны были провести железную дорогу до Кандагара[377]. Таким образом, британское правительство имело планы

---

[372] Шувалов — Гирсу, 21. IX/3. X 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 79, л. 155.

[373] См. «The Times», 19 September 1879, 11 November 1879, 13 December 1879.

[374] The Times, 17 November 1879, 24 November 1879, 9 December 1879.

[375] The Times, 11 December 1879.

[376] «Было бы разумеется рискованным утверждать,— писал Лобанов,— что они разделяются во всех деталях нынешними министрами. В то же время, принимая во внимание положение автора, позволительно думать, что программа, принятая правительством, отличается не очень значительно». Лобанов — Горчакову, 31. I/12. II 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 106, л. 36.

[377] H. Rawlinson. The Situation in Afghanistan, The Nineteenth Century, 1880, Feb., N 36, p. 207—209.

относительно Афганистана, но предпочитало не говорить о них, чтобы не посвящать в них раньше времени русское правительство.

С другой стороны, русская экспедиция, о которой писал Шувалов и на которую возлагалось столько надежд, потерпела неудачу. Под Геок-Тепе 9 сентября 1879 г. русский отряд был разгромлен, обоз попал в руки туркмен и остатки отряда вынуждены были отступить в Беурму. Россия было отброшена к Каспийскому морю к своим прежним базам, и ей приходилось начинать все сначала. О ближайшей экспедиции нечего было и думать, для этого требовалось не менее года. В то же время английские войска взяли Кандагар и Кабул, из Индии шло новое подкрепление, на Инде готовились транспортные средства и прокладывалась железная дорога до Кветты, которую предполагалось протянуть до Кандагара. Все это резко изменило соотношение сил в Средней Азии в пользу Англии и создавало ей благоприятные условия. При таких обстоятельствах действия, предлагаемые Шуваловым, вряд ли принесли бы существенное изменение положения в пользу России. Протесты русского правительства не достигли бы цели, на них просто не обратили бы внимания, а возможно и выдвинули контрпротесты[378]. В связи с этим, Горчаков вынужден был признаться Шувалову, что неблагоприятное стечение обстоятельств не позволяет осуществить предлагаемые им меры[379].

На позицию российского Министерства иностранных дел оказывали влияние два обстоятельства, которые сдерживали русскую политику и заставляли русских дипломатов демонстрировать примирение с Англией любой ценой. Прежде всего, в конце 1879 г. резко обострились противоречия с Германией[380]. В октябре 1879 г. Бисмарк заключил союзный договор с Австри-

---

[378] Кстати, английское правительство готовилось предпринять атаку против России, грозя опубликовать переписку Кауфмана с Шир Али Ханом, найденную якобы Робертсом в Кабуле. В свое время оно имело в руках почти всю переписку и, как писал Бартоломей, поощряло ее. Бартоломей — Горчакову, 29. XII 1879 г., 10. I 1880 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 106, л. 2. Дизраэли пугал русское правительство публикацией переписки, хотя в ответ на запрос Лобанова не мог толком разъяснить, чего же русское правительство должно бояться в ней. Лобанов — Горчакову, 12/24. II 1880 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 106, л. 47. Когда Лобанов попытался узнать, какие, собственно, документы имеются в виду, ему ответили, что эти документы такого сорта, что они «произвели бы ужасное впечатление на общественное мнение в Англии». Больше ничего он не узнал. Там же, л. 49.

[379] Горчаков — Шувалову, 19/31. X 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 79.

[380] См. об этом подробно: В. М. Хвостов. История дипломатии, т. II, стр. 136—142.

сй, направленный против России. В России (несмотря на внешне хорошие отношения с Германией) проявляли глубокую тревогу по поводу антирусской политики Бисмарка и принимали меры для сглаживания противоречий, в основе которых лежали как политические, так и экономические факторы[381]. Русское правительство дорожило союзом с Германией: «Другого союзника у нас нет в Европе» — писал Милютин[382].

Турция, подстрекаемая Англией и Германией, затягивала осуществление решений Берлинского конгресса, а Англия и Германия в комиссиях по решению балканских вопросов устраивали проволочки, препятствуя решению самых простых вопросов. Все это сказывалось на политике русской дипломатии, которая, учитывая тяжелое финансовое положение России, более всего пугаясь изоляции, пыталась в первую очередь добиться урегулирования отношений с Англией. Дипломатия Горчакова и Гирса, который фактически управлял в это время Министерством иностранных дел вместо одряхлевшего канцлера, вплоть до прихода к власти в Англии кабинета Гладстона в марте 1880 г., была направлена к достижению соглашения с Англией.

Порой создавалось впечатление, что русские дипломаты униженно вымаливают у англичан соглашения об урегулировании отношений в Средней Азии. В сентябре 1879 г. Планкетт сообщал лорду Солсбери о том, что барон Джомини не упускает случая выразить уверенность, что осложнения в Средней Азии приведут к окончательному соглашению между Англией и Россией, однако боится делать какие-либо определенные предложения[383]. В личном письме к лорду Солсбери он выражал уверенность, что «иностранный департамент» (т. е. российское Министерство иностранных дел) надеется на соглашение с Англией и во всяком случае не желает доводить дело до крайности[384]. Шувалов в Лондоне также предпринимал меры для достижения соглашения с англичанами. Он специально ездил к Солсбери в местечко Пюи, близ от Лондона, где отдыхал лорд, для беседы с ним. Казалось, Шувалов забыл о прежних требованиях к англичанам — соблюдать независимость Афганистана. Он выдвинул свое предложение, но просил считать его сугубо личным. Оно сводилось к тому, что Россия обещала никогда не вмешиваться в дела Афганистана и не иметь никаких связей с ним, а Англия резервировала за собой право назначать посла в эту

---

[381] Д. А. Милютин. Дневник, т. III, стр. 172—175.

[382] Там же, стр. 168.

[383] Plunkett to Salisbury, 24 September 1879, Confidential, F. O. 539, v. 16, N 400, p. 367.

[384] Plunkett to Salisbury, 8 October 1879, Private, Salisbury's Papers, v. 14.

страну в том случае, если Россия нарушит свое обещание. Шувалов пытался обосновать свое предложение тем, что единственной целью британского посла было бы наблюдение за действиями России, об этом, действительно, говорили прежде британские официальные лица и поскольку Россия сдерживала бы слово, Англия могла воздержаться от отправки посла. Однако от прежних заверений лорда Солсбери не осталось и следа, он довольно нагло заявил Шувалову, что «обязанность наблюдать за действиями России является далеко не самой важной функцией британского посла в Афганистане», разъяснив, что основное его назначение — «руководство внешней политикой эмира». Своим ответом Солсбери отклонял всякую дискуссию по этому вопросу[385]. В то же время его речь в Манчестере, выдержанная в резко антирусском духе и утверждавшая «враждебность, возведенную в систему»[386], являлась доказательством того, как мало английские министры заботятся о сохранении хороших отношений с Россией и об урегулировании противоречий в Средней Азии. Но и после этого русские дипломаты продолжали униженно добиваться от Англии урегулирования отношений в Средней Азии, будто Россия, а не Англия потерпела поражение в Кабуле и стояла перед перспективой долгой и обременительной войны в Афганистане. Политика русского Министерства иностранных дел в этот период не была совместима ни с достоинством России, ни с тем положением, которое она занимала в мировой политике, несмотря на серьезные осложнения по отдельным вопросам. Видимо, по настоянию Министерства русская печать вскоре после разгрома ахал-текинской экспедиции внезапно сменила тон и подключилась к домогательствам Министерства о «дружбе» и «понимании» с Англией. Планкетт внимательно следил за русской прессой, и по его требованиям атташе английского посольства в Петербурге Митчелл составлял меморандумы о выступлениях русских газет за тот или иной период. В меморандуме, представленном 5 ноября 1879 г., Митчелл писал: «Тон «Нового времени» прежде был очень воинственным, требуя энергичных действий как на Балканах, так и в Средней Азии. С тех пор как произошли некоторые события, особенно такие, как откровенное изложение лордом Солсбери мотивов политики правительства Ее Величества на Востоке, обнаружение существования пакта между Германией и Австрией и недавнее поражение русской экспедиции в Ахале, «Новое время» вместе со всеми другими русскими органами славяно-

[385] Plunkett to Salisbury 4. X 1879, F. O. 539, v. 16, N 410, p. 374.

[386] Горчаков — Шувалову, 19/31. X 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 80, л. 78.

филов и воинственной частью прессы значительно изменило свои взгляды. Хвастовство и бравада исчезли и вместо них отмечается максимум мира и примирения»[387].

«Санкт-Петербургские ведомости» считали, что уже, вероятно, не удастся добиться независимости Афганистана и в качестве компенсации предлагали добиваться раздела страны, при котором территория к югу от Гиндукуша должна была отойти к Англии, а к северу — к России (включая весь бассейн Амударьи и северные княжества — Балх, Хулум, Кундуз и др.)[388]. В таком же духе высказывались газеты «Голос» и «Новое время» в статьях, посвященных разгрому английской миссии в Кабуле[389]. Планкетт вырезал эти статьи и отправил их лорду Солсбери, обращая его внимание на постоянно звучащую в обеих газетах нотку о необходимости соглашения с Англией для практического раздела Азии. Планкетт отмечал также, что Джомини в беседе, состоявшейся 9 сентября 1879 г., в свою очередь подчеркнул этот вопрос, и английский поверенный в делах считал, что эти статьи были инспирированы Министерством иностранных дел[390].

Английские дипломаты, однако, отказывались вести какие бы то ни было разговоры о Средней Азии и тем более об Афганистане. В письме к Дафферину Солсбери, рекомендуя воздерживаться от бесед на эти темы с русскими представителями, писал: «В любой такой беседе вы должны тщательно остерегаться использования каких-либо выражений, которые могли дать русскому правительству основание спрашивать вас об этом предмете или дать ему возможность надеяться на достижение соглашения в отношении Афганистана»[391].

Русские дипломаты, с надеждой ожидавшие приезда Дафферина из отпуска, были глубоко разочарованы, натолкнувшись на ледяное молчание[392]. Шувалов по возвращении из Лондона нанес первый визит Дафферину и в течение всего вечера безуспешно пытался убедить английского посла в том, что у России и Англии нет никаких оснований для расхождений[393].

---

[387] Plunkett to Salisbury, 5. XI 1879, F. O. 539, v. 16, N 503, p. 461.

[388] Санкт-Петербургские ведомости, 19 сентября 1879 г.

[389] Голос, 29 августа/10 сентября 1879 г., «Новое время», 29 августа 1879 г.

[390] Plunkett to Salisbury, 10. IX 1879, F. O. 539, v. 16, N 369, p. 343.

[391] Salisbury to Dufferin, 31. XII 1879, F. O. 539, v. 16, N 563, p. 530.

[392] «Санкт-Петербургские ведомости» писали 12 декабря 1879 г., что долгая отсрочка приезда Дафферина и поспешное прибытие Шувалова вселяют надежды на новый тур переговоров между правительствами с целью заключения соглашения по Средней Азии. Однако эта долгая отсрочка, за которой газета видела особое значение, была вызвана лишь визитом английского посла в Варзин к Бисмарку.

[393] Dufferin to Salisbury, 31. XII 1879, F. O. 539, v. 17, N 20, p. 21.

После Шувалова к Дафферину заезжал Лобанов, назначенный на пост посла России в Лондоне, который также доказывал, что между обеими странами нет причин для разногласий и уверял его, что русское правительство не имеет никаких намерений и возможности расширять свою империю на восток. Дафферин и на этот раз молчал и лишь после того, как Лобанов стал рисовать заманчивые картины соглашения двух правительств в Средней Азии и его отражения на международной обстановке, Дафферин намекнул, что в руки английского правительства попала переписка Кауфмана с Шир Али Ханом и это является достаточным доказательством намерений русского правительства в отношении Афганистана. Пусть теперь русское правительство не думает, что Англия по-прежнему будет считать химерой русскую агрессию в этом районе, подчеркнул Дафферин[394]. Гирс, пытаясь действовать окольными путями, несколько раз посылал к Дафферину французского посла генерала Шанзи и итальянского посла М. Нигра, которые заверяли его точно так же, как и русские официальные лица, в желании русского правительства прийти к дружескому соглашению с Англией[395]. В частности, генерал Шанзи сообщил, что если между двумя правительствами будет достигнуто соглашение до отъезда генерала Скобелева в предстоящую экспедицию, то он получит строгие инструкции ограничить операции наказанием туркмен и остановиться недалеко от Мерва[396]. Однако английский посол отлично знавший, с какой целью явились к нему послы, потребовал от русского правительства прекратить бесчисленные попытки нарушать спокойствие английских властей в Индии, если оно желает убедить в искренности своих намерений[397].

Возбужденный разговор состоялся у Дафферина с Горчаковым, которого он навестил 14 января 1880 г. по случаю нового года. Горчаков был резок, настойчиво расспрашивал, почему британское правительство так подозрительно в отношении русского правительства, почему оно не откликается на его бесчисленные предложения. Но Дафферин не стал вступать в дискуссию. Сославшись на прежние заверения Горчакова по поводу Афганистана, он отметил, что британское правительство вправе решать афганский вопрос по собственному усмотрению, чтобы не повторились события, возникшие из-за «злонамерного посольства генерала Кауфмана»[398]. Горчаков, видя бесполезность

[394] Dufferin to Salisbury, 25 December 1879, F. O. 539, v. 17, N 21, p. 22.
[395] Dufferin to Salisbury, 16 March 1880, Confidential, F. O. 539, v. 17, N 119, p. 124.
[396] Dufferin to Salisbury, 11 January 1880, F. O. 539, v. 17, N 82, p. 82.
[397] Dufferin to Salisbury, 16 March 1880, Confidential.
[398] Dufferin to Salisbury, 14 January 1880, F. O. 539, v. 17, N 35, p. 28.

разговоров на эти темы, просил Дафферина сделать все, что в его силах, чтобы «способствовать пониманию между Россией и Англией в отношении среднеазиатских дел, которые он считал возможным уладить к взаимному удовлетворению, без ущерба достоинству или интересам какой-либо из них»[399].

Политика Горчакова в отношении Англии по вопросу о Средней Азии наиболее полно была изложена в инструкциях Лобанову в связи с назначением его российским послом в Лондоне. Новому послу предписывалось сделать максимум возможного для улучшения отношений с Англией и ликвидации начинающегося конфликта между обеими странами. Лобанов должен был убедить английских министров, что у России нет никакого желания вредить господству Англии в Индии (ей там нечего приобретать), и в сохранении ее господства в Индии русское правительство видит поддержку для своей цивилизаторской миссии в Азии, где достаточно места для обеих держав, для развития их влияния в своих «естественных сферах». Лобанов должен был неустанно внушать эти мысли во всех своих беседах, официальных и частных. «Рано или поздно,— надеялся Горчаков,— они могли проникнуть в сознание публики, а пока они могли с пользой противодействовать противоположному направлению»[400].

Что касается вопросов практического осуществления нового соглашения, Горчаков не предсказывал точно, какими должны быть основные его черты, поскольку он ничего не знал о политике английского правительства. На основании выступлений английских министров на публичных митингах и нескольких официальных документов он предполагал, что после возмездия за разгром британского посольства в Кабуле правительство Англии вновь обратится к Гандамакскому договору и «научной границе» с возможным включением в британские владения Кандагара. Кроме того, Горчаков считал, что если война в Афганистане окончится для Англии успешно, английское правительство может изменить планы, возможно решит аннексировать или по крайней мере оккупировать Афганистан. Наконец, Горчаков допускал различные комбинации англичан в отношении Герата, включая прямой захват его или управление им совместно с Персией, чтобы привлечь шаха на свою сторону.

Русский канцлер предполагал три возможных варианта результата англо-афганской войны и, соответственно, три варианта русской политики:

---

[399] Ibid.

[400] Projet d'instructions au pce Lobanoff, 31 декабря 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 108, л. 38.

1) Если британское правительство под давлением оппозиции и «миролюбивой части общественного мнения», удовлетворенное восстановлением своего престижа, решит установить научную границу (в оригинале проекта инструкций было отмечено: «Кроме оккупации Кандагара»,— но потом Горчаков вычеркнул эти слова, и в утвержденном императором варианте их не было, видимо, решил отдать Англии и Кандагар)[401] и оставит Афганистан в состоянии анархии, Россия не станет вмешиваться в дела Англии и займется урегулированием своих собственных вопросов.

2) Если Англия решится оккупировать Афганистан полностью, не посягая лишь на независимость Герата, который остался бы в качестве промежуточного государства между английскими и персидскими владениями, русское правительство будет резервировать за собой право принять такие меры, диктуемые необходимостью обезопасить русские владения в Туркестане ввиду приближения английских вооруженных сил. «Мы не допустим в этом отношении никаких условий или ограничений»,— воинственно отмечал Горчаков[402].

3) Если английский кабинет решится поглотить Афганистан путем непосредственной аннексии, либо военной оккупации, императорское правительство «будет действовать своими средствами, которые оно сочтет полезными, не останавливаясь никакими соображениями, кроме тех, которые проистекали бы из его собственных интересов»[403].

Таким образом, политика русского Министерства иностранных дел строилась в зависимости от английской политики. Однако если бы английское правительство смогло осуществить свои намерения, оно наверняка позаботилось бы о нейтрализации ответных действий русского Министерства иностранных дел, и все угрожающие предостережения Горчакова оказались бы пустыми угрозами и не испугали англичан, поскольку они были прекрасно осведомлены о состоянии финансовых и военных дел России после русско-турецкой войны[404]. Все хитроумные сплетения Горчакова были условны. Слово «если» сопровождало буквально каждую фразу его предписаний: «Если бы английское правительство предложило бы исключить оккупацию Мерва», «если бы английские министры проявили склонность в отношении Персии возобновить дух старых соглаше-

[401] Projet d'instructionce au pce Lobanoff. Там же, л. 27.
[402] Projet d'instructionce au pce Lobanoff. Там же, л. 28.
[403] Там же, л. 29.
[404] Планкетт писал Солсбери: «Россия чувствует, что она не может нанести Англии большого вреда». Plunkett to Salisbury, 8 October 1879, Salisbury's Papers, v. 14.

ний» и т. д. Таковы были столпы, на которых строились инструкции Лобанова.

Старый канцлер явно не постиг нового духа внешней политики эпохи империализма: все прежние догмы, все каноны старой царской дипломатии теперь устарели. Горчаков слишком наивно подходил к оценке британской внешней политики, хотя большой опыт работы в Англии, казалось, должен был помочь ему. Лобанов вскоре убедился, насколько неправильны представления Горчакова об английской политике и насколько шаткую линию он должен проводить.

Дизраэли принял Лобанова очень любезно, даже прислал к нему своего секретаря с просьбой назначить время встречи[405]. Но в ходе беседы премьер-министр не сказал ничего конкретного и ограничился лишь пустыми стереотипными заверениями о своем стремлении к «откровенному и лойяльному согласию с Россией». При попытке Лобанова поднять вопрос о Средней Азии и убедить в возможности урегулировать его в духе взаимного согласия, Дизраэли отказался продолжать разговор[406].

Статья Роулинсона в «Девятнадцатом столетии» на многое раскрыла глаза Лобанову. В депеше к Горчакову он писал, что в этой статье намечена линия политики английского правительства в Афганистане[407]. Кроме того, заявление Дизраэли в парламенте о том, что Персия обратилась к английскому правительству с просьбой помочь в решении вопроса о северо-восточных границах, наталкивало Лобанова на мысль, что между Лондоном и Тегераном уже идут переговоры по подготовке аннексии Англией Герата. Наконец, выступление Дизраэли при закрытии парламента в конце февраля 1880 г., его сообщение об окончании афганской кампании и захвате английскими войсками главных позиций в Афганистане, заявление о том, что теперь ничто не может помешать Англии решать афганский вопрос как ей заблагорассудится, окончательно убедило Лобанова в бесполезности разговоров с английским правительством об урегулировании среднеазиатского вопроса. «План английского правительства, должно быть, окончательно разработан и я не думаю, чтобы наши переговоры с ним могли что-либо изменить,—писал он Горчакову.—Этим равно объясняется, почему не были даны какие-либо инструкции Дафферину, когда он вернулся на свой пост»[408]. Подчеркивая невозможность изме-

[405] Лобанов — Горчакову, 31 января/12 февраля 1880 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 106, л. 19.

[406] Лобанов — Горчакову, 21 января/12 февраля 1880 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 106, л. 21.

[407] Там же, д. 106, л. 34.

[408] Лобанов — Горчакову, 12/24 февраля 1880 г., Там же, д. 106, л. 50.

нить решение английского правительства, Лобанов в заключение своей депеши писал, что России остается в Средней Азии лишь руководствоваться собственными интересами. «Я не вижу,— подчеркивал он,— другого средства для самозащиты, чем материальные средства, которыми мы располагаем»[109].

Еще одно доказательство нежелания английского правительства урегулировать положение в Средней Азии Лобанов получил при первой же встрече с Солсбери, который до этого был на лечении. Лорд Солсбери считал согласие между двумя правительствами «очень желательным», но подчеркивал, что еще не настало время для заключения соглашения. По его мнению, обе стороны еще слишком возбуждены сообщениями из Средней Азии и Индии.

Лобанов стал уверять, что в России нет подобных «подогретых» чувств по отношению к Англии, ее правительство относится к таким сообщениям совершенно спокойно и в доказательство этого он доверительно заявил, что уполномочен вступить в переговоры для того, чтобы убедиться в наличии у британского правительства таких же «примирительных» намерений, как и у императорского правительства[410]. «Вся эта беседа, по-видимому, была неприятна лорду Солсбери, — писал Лобанов.— Он казался стесненным и желал избежать обязанности отвечать мне»[411]. Русский посол не стал настаивать и прекратил свои расспросы.

По мнению Лобанова, британское правительство, считая преждевременным вести переговоры о соглашении по среднеазиатскому вопросу, имело в виду главным образом положение в Афганистане, особенно переговоры между Англией и Персией. Оно хотело добиться здесь максимума возможного и только после этого вести переговоры с Россией. «Только после окончания этих переговоров,— писал Лобанов,— и после установления твердого положения в старой афганской империи, где положение еще непрочно, английское правительство хотело бы, быть может, поладить с нами на основе свершившегося факта»[412].

Российское Министерство иностранных дел оказалось несостоятельным перед лицом значительных событий в международной жизни, осложнившихся в связи с афганской войной. Горчаков был дряхл, слабое здоровье мешало ему глубоко вникать в вопросы внешней политики. Формально он оставался еще канц-

---

[409] Там же.

[410] Лобанов — Горчакову, 3/15 марта 1880 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 106, л. 63.

[411] Лобанов — Горчакову, 3/15 марта 1880 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1880 г., д. 206, л. 63.

[412] Там же.

лером и министром иностранных дел, фактически же не оказывал на русскую внешнюю политику почти никакого влияния. Император все меньше доверял ему ведение дел, полагаясь больше на Гирса и, главным образом, на энергичного Милютина, который отражал интересы растущего класса русской буржуазии. Милютин и Шувалов открыто насмехались над Горчаковым, считая его «выжившим из ума»[413], иронизируя по поводу его мании разыгрывать роль великого дипломата. Основные вопросы внешней политики решались без его участия, а иногда даже в тайне от него, например, переговоры с Германией в сентябре 1879 г.[414] Во главе министерства фактически оставался Гирс, но будучи очень умным, обладая широким диапазоном в решении сложных дипломатических вопросов, он в то же время был робким по характеру. Его бедность, постоянная нужда в деньгах, его материальная зависимость от положения делали его лишь исполнительным служакой императора и его воли, а не дипломатом с собственными воззрениями[415].

Наиболее значительное влияние на внешнюю политику России в этот период оказывал военный министр Милютин. Энергичный, волевой, с независимым характером, обладающий незаурядными военными и дипломатическими способностями, он воплощал в себе новый тип русского государственного деятеля, в котором сочетался военный и дипломат с широким кругозором[416]. Вместе с Кауфманом он играл главную роль в определении среднеазиатской политики русского правительства. Милютин и Кауфман не посвящали в свои планы ни Горчакова, ни представителей Министерства иностранных дел, предоставляя им возможность вести утомительные переговоры с англичанами. Они были практиками и важнее всего ценили практическую сторону политики, а не разговоры о соглашениях, о свободе действий и прочих дипломатических терминах.

Именно под влиянием этих двух деятелей император принял единственно правильное решение — спасти положение в Средней Азии, отправив Абдурахман-хана в Афганистан и оказав ему помощь в утверждении в Северном Афганистане. В сентябре 1879 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали о прибытии в Ливадию (резиденцию императора) посла в Константинополе князя Лобанова военного министра Милютина,

---

[413] Милютин. Дневник, стр. 170.

[414] Касаясь этих переговоров, Милютин записывал в своем дневнике: «Вообще признано все это дело держать в тайне от нашего канцлера и Министерства иностранных дел». Там же, стр. 167.

[415] См. В. М. Хвостов. История дипломатии, стр. 146.

[416] Там же. См. также предисловие П. А. Зайончковского к I т. «Дневника» Милютина.

генерала Скобелева и начальника главного штаба Гейдена и выражали надежду, что съезд высокопоставленных лиц будет обсуждать в присутствии императора программу России по внешним делам в сложившихся условиях[417]. План отправки Абдурахман-хана был разработан по инициативе Кауфмана, который еще в начале года решительно выступал против такой меры, считая, что Якуб-хан в состоянии противодействовать англичанам[418]. План, принятый в Ливадии, сводился к тому, чтобы помочь Абдурахман-хану утвердиться в северном Афганистане, в Афганском Туркестане, где имелась сильная партия его сторонников, и создать здесь самостоятельное княжество, которое, разумеется, находилось бы под влиянием русского правительства. Оно стало бы оплотом всех патриотических сил страны и главным препятствием осуществлению планов британского правительства.

Появление в Афганистане одного из претендентов на кабульский трон должно было внушить надежду афганскому народу и усилить его сопротивление наступлению англичан. В Северном Афганистане с большой симпатией относились к Абдурахман-хану и ждали его появления. Абдурахман-хан происходил по материнской линии от узбеков, превосходно писал и говорил по-узбекски и, несомненно, нашел бы поддержку у населения.

Русская печать глухо предсказывала возможность использования Абдурахман-хана в Афганистане, очевидно, с целью испытания реакции англичан. Газета «Голос», касаясь намерений английского правительства расширить наступательные операции и посадить на престол Якуб-хана, давала понять, что подобные затеи можно обречь на провал. Она отмечала, что в Афганистане всегда было много претендентов на кабульский трон и указывала на возможность появления соперников и у Якуб-хана. Явно намекая на Абдурахман-хана, газета писала: «Явись один из таких соперников в Герате или Афганском Туркестане, где его народ помнит и любит по сие время,— около него соберутся недовольные нынешним эмиром и его дружбою с англичанами. Афганистан, в силу Гандамакского трактата

---

[417] Санкт-Петербургские ведомости, 19 сентября/1 октября 1879 г.

[418] А. А. Семенов отмечает, что Кауфман в начале 1879 г. категорически противился намерениям Абдурахман-хана бежать в Афганистан и даже принял меры предосторожности, перевезя его из Самарканда в Ташкент, но во второй половине 1879 г. после подписания Гандамакского договора он резко изменил свое отношение и теперь сам стал способствовать переходу Абдурахман-хана в Афганистан. См. А. Семенов. Бегство Абдурахмана из Ташкента в Афганистан, Кауфманский сборник, М., 1910, стр. 106.

потерявший политическую самостоятельность, распадется тогда на две части, и если в Кабуле должен царствовать верный союзник Ее британского Величества, то справедливость требует, чтобы в Балхе и Герате, местах ближайших к русским границам властвовал ставленник русского царя»[419].

Спустя некоторое время газета «Санкт-Петербургские ведомости» намекала о тех территориях, которые должны остаться под властью Абдурахман-хана после его бегства. В них включались независимые владения — Майменэ, Андхой, Акча, Балх, Кундуз, Хулм, Бадахшан и Систан[420]. Газета считала эти княжества непосредственным и «естественным» продолжением русского Туркестана, как по составу населения, так и по географическому положению страны, и, объявляя Абдурахман-хана «истинным и законным наследником афганского престола», выражая уверенность в том, что народ этих провинций призовет его. Она подчеркивала, что России не следует ему препятствовать: «Оружие, порох и деньги, да два-три умных вожака в таких случаях делают более, чем многочисленные отряды». Указывая на значение, которое придавали русские правящие круги появлению Абдурахман-хана в Афганистане, Л. Н. Соболев писал в «Русском Инвалиде»: «Едва ли можно сомневаться в том, что Афганский Туркестан отделится от Кабула и сделается или одним самостоятельным государством, или, что вероятнее, группою отдельных ханств, причем быть может, Майменэ достанется бухарскому эмиру. Едва ли можно сомневаться в том, что весь Северный Афганистан от Амударьи и вплоть до Гиндукуша силою обстоятельств будет включен в сферу непосредственного влияния России. Сама Англия создала положение дел, в силу которых Россия получит в Средней Азии действительно «научную границу»[421].

Утверждение Абдурахман-хана на севере Афганистана лишило бы Дизраэли накануне сессии парламента его главного козыря—победоносного завершения афганской войны. Это событие могло уничтожить моральный и политический эффект захвата Робертсом Кабула, и перед депутатами парламента разверзлась бы пучина дальнейшего продолжения афганской войны. Перед английскими войсками стояла бы уже не деморализованная толпа войск Шир Али Хана, а сильная вооруженная

---

[419] Голос, 28 сентября/10 октября 1879 г.

[420] Санкт-Петербургские ведомости, 18/30 октября 1879 г. В газете приводится название Систан, очевидно, подразумевается Сеистан. По-видимому, редактор газеты что-то спутал, эта область никогда не играла большой роли в русских планах из-за своей удаленности.

[421] Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря, вып. I, СПб., 1881, стр. 46.

группа, пользующаяся поддержкой населения и получавшая оружие из русских владений Туркестана[422]. Роль Абдурахман-хана повышалась в связи с тем, что Айюб-хан прочно утверждался в Герате, и, по английским сведениям, обращался к русскому послу в Тегеране с предложением сдать России Герат и предоставить свои войска в распоряжение русских для укрепления Герата[423].

Айюб-хан решительно отказался от предложения англичан прибыть в Кандагар для переговоров относительно передачи ему кабульского трона[424]. По всему Афганистану развертывалась партизанская война, в самом Кабуле было неспокойно. В течение целой недели (с 16 октября 1879 г.) здесь слышались взрывы, погибли десятки английских офицеров и солдат[425]. 12 декабря 1879 г. на газнийской дороге афганские повстанцы напали на колонну генерала Масаме и отбили у него всю артиллерию. Одновременно несколько племен, объединившись в один отряд, атаковали британские войска у холмов Бала-Гисар. В связи с этим «Таймс» писала, что «все те, кто в какой-либо мере были знакомы с афганской политикой или с афганским характером, знали, что восстания по всей стране должны ожидаться»[426]. 13 декабря 1879 г. Айюб-хан поднял знамя священной войны против англичан в Герате и выступил на Кандагар. В тот же день вокруг Кабула появился отряд, объединявший несколько племен. Он закрепился в пригородах Кабула[427].

Войска Робертса были отрезаны от внешнего мира, почту приходилось сопровождать усиленным конвоем, атаки афганских повстанцев следовали одна за другой в самых различных местах и генералу Робертсу приходилось часто перебрасывать свои войска, дробить силы[428]. Собственно, в декабре англичане контролировали лишь треугольник Кабул — Али Мусжид — Кандагар, в остальных районах они не смели появляться. Но даже в оккупированных областях их власть распространялась

---

[422] Этот фактор, несомненно, играл решающую роль. Газета «Голос» сообщала об организации Абдурахманом нового очага сопротивления англичанам и отмечала: «Все это, конечно, будет поставлено на вид парламенту либеральной оппозицией. Новые продолжительные прения об афганской политике делаются почти неизбежными и трудно ожидать, чтобы на этот раз консервативный кабинет встретил поддержку того многочисленного большинства, которое санкционировало в конце прошлой парламентской сессии его афганскую политику в том виде, в каком выразилась она Гандамакским договором», «Голос», 22 декабря 1879 г.

[423] F. O. 539, v. 17, N 125, p. 132.

[424] F. O. 539, v. 17, N 125, Inclosure I, p. 132.

[425] The Times, 22 October 1879.

[426] The Times, 13 December 1879.

[427] The Times, 15 December 1879.

[428] The Times, 25 December 1879.

лишь на равнины, горные же территории контролировались афганцами[429].

Ввиду сложившегося в Афганистане положения англичане не имели возможности помешать утверждению Абдурахман-хана и воспрепятствовать распространению его влияния, хотя своевременно узнали о намерении русского командования в Туркестане использовать его в Афганистане[430].

Кауфман, прибыв в Ташкент, сразу начал подготовку к отправке Абдурахмана в Афганистан. С разрешения Милютина он выделил ему 20 тыс. руб. на приобретение снаряжения и оружия для отряда и, кроме того, разрешил губернатору Амударьинского отдела генералу Иванову выдать 12 тыс. руб. двум братьям Абдурахман-хана — Исхак-хану и Сервер-хану, которые должны были выехать раньше его[431]. Получив деньги и закупив оружие, Абдурахман-хан сразу выехал в Ура-Тюбе, якобы навестить своих родственников, и здесь закончил последние приготовления к отъезду. 11 декабря 1879 г. генерал Иванов докладывал Кауфману: «Ура-тюбинец (т. е. Абдурахман-хан.— *Г. Х.*) выезжает сегодня. Самаркандцы (т. е. его братья—*Г. Х.*) едут завтра. Две тысячи выдал. Гости, изготовившись, через три дня выедут»[432]. 14 декабря 1879 г. Кауфман докладывал Милютину о бегстве Абдурахман-хана, когда тот был уже далеко. По следам «бежавших сердаров» была брошена погоня, однако поиски беглецов оказались безуспешными. Кауфман заботливо охранял Абдурахман-хана до самой Амударьи и с каждого пункта, стоявшего на их пути, ему докладывали о его

---

[429] The Times, 25 December 1879.

[430] В начале октября 1879 г. «джентльмен, который имел возможность знать правду», информировал Планкетта о письме Кауфмана из Ливадии к своему начальнику канцелярии, приказывая ему срочно готовиться к отъезду в Ташкент. По сообщению этого «джентльмена», Кауфман писал, что разработан план отправки Абдурахман-хана в северные провинции Афганистана, с целью поднять там восстание и с помощью России создать независимый ханат, в который входили бы полунезависимые афганские ханаты, расположенные севернее Гиндукуша. Этот ханат должен был стать противовесом английскому влиянию южнее Гиндукуша. Разумеется, Планкетт поставил в известность об этом лорда Солсбери. Plunkett to Salisbury, 7. X 1879, F. O. 539, v. 16, N 425, p. 386. Кроме того, в личном письме Планкетт писал: «Я не сомневаюсь, что Россия предполагает использовать Абдурахман-хана против нас и я ожидаю, что новый толчок будет дан также Закаспийской экспедиции» (Plunkett to Salisbury, 8. X 1879, Salisbury's Papers, v. 14). Русские газеты открыто писали о скорой отправке претендента на кабульский престол, подтверждая сообщение «джентльмена».

[431] Кауфман — Милютину, 11. XI 1879 г., Кауфман — Милютину, 16 ноября 1879 г. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 428, л. 1, 2.

[432] Иванов — Кауфману, 11 декабря 1879 г., ЦГИА УзССР, Там же, л. 19.

продвижении. 29 декабря 1879 г. генерал Иванов сообщал Кауфману: «Имею сведения, что вчера глава (т. е. Абдурахман-хан.—*Г. Х.*) благополучно проехал Яккобак»[433], 30 декабря 1879 г. он же телеграфировал: «По имеющимся сведениям глава прибывает к Пянджу тридцать первого»[434].

Абдурахман-хан в письме из Шахрисабза 31 декабря 1879 г. уведомлял Иванова о своем благополучном прибытии и просил не задерживать его людей[435]. Через 10 дней Абдурахман-хан с отрядом в 300 человек переправился через Пяндж и вступил на территорию Афганистана. Одновременно в другом месте перешли Амударью Исхак-хан и Сервер-хан. Абдурахман-хану довольно быстро удалось утвердить свою власть в Северном Афганистане (Афганский Туркестан)[436]. Его главный претендент Гулям Хайдар-хан бежал в Бухару, не вступив в сражение, так как его войска перешли на сторону Абдурахман-хана.

Русские власти оказывали Абдурахман-хану значительную материальную и политическую поддержку. Между Абдурахман-ханом и генералом Ивановым существовала постоянная связь. Гулям Хайдар-хан увез с собой все казенные деньги, на которые рассчитывал Абдурахман-хан. Исхак-хан в связи с этим в письме просил своего брата Мухсин-хана, оставшегося в Самарканде, присматривать за семьями сардаров, предписывая ему обратиться к русским властям с просьбой выслать Гулям Хайдар-хана в Мазари-Шериф, а также купить оружие, прислать ему, «если найдутся в магазинах карманные револьверы, ружья, заряжающиеся с казенной части, сколько бы таковых ни было, взяв свидетельство от генерала (очевидно, генерала Иванова.—*Г. Х.*), скупите все и отправьте нам», — писал он[437]. Со своей стороны Кауфман, опасаясь попытки эмира бухарского осуществить давно вынашиваемые планы аннексии левобережья Амударьи, боясь, что он испортит все дело, ввязавшись в ссору с афганскими сардарами, отправил с миссией в Бухару капитана Арендаренко с поручением смотреть за тем, чтобы эмир бухарский не смел посягать на Чарвилайет и не вздумал вредить Абдурахман-хану[438]. Обо всех попытках бухарских властей ка-

---

[433] Иванов — Кауфману, 29 декабря 1879 г., Там же, л. 41.

[434] Иванов — Кауфману, 30 декабря 1879 г., Там же, л. 42.

[435] Абдурахман-хан — Иванову, 31 декабря 1879 г., Там же, л. 56.

[436] См. об этом подробнее: В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. II, стр. 260—262.

[437] См. оригинал письма (перевод), ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 463, л. 46.

[438] Эта мера была своевременна. Кауфман предотвратил столкновение между эмиром бухарским и Абдурахман-ханом. В первой же беседе с эмирским сановником Рахматуллой Арендаренко выяснил, что «виды бухарского правительства на Чарвилайет не окончательно потухли» и ожи-

ким-либо образом вмешаться в дела Афганского Туркестана Исхак-хан докладывал в Ташкент чиновнику по дипломатической части, а тот сообщал капитану Арендаренко в Бухару[439].

Победа Абдурахман-хана в Афганском Туркестане пробудила у афганцев надежду на избавление от англичан. В Абдурахман-хане народ видел единственного человека, способного вести успешную борьбу. В письмах, рассылаемых в центральные и южные области страны, Абдурахман подчеркивал свое намерение бороться против англичан и приглашал всех стать под его знамена. В Ханабад, где находилась его резиденция, шли посланцы со всего Афганистана, они доставляли письма с выражением решимости продолжать борьбу против англичан и изъявлением желания видеть Абдурахман-хана эмиром Афганистана. «Как из Кабула, так и из Кохистана, в особенности, приезжают к нам по-прежнему ежедневно и приглашают к ним приехать поскорее», — писал в апреле 1879 г. Исхак-хан Мухсинхану[440].

Гулям Хайдар, один из влиятельных старшин в Кохистане, сообщал о согласии всех племен, ханов и старшин выступить под руководством Абдурахман-хана против англичан; в другом письме с печатью «начальника Кохистана Мухамед Афзал-хана», а также трех старшин кишлаков выражалось согласие во всем следовать указаниям Абдурахмана и содержалось приглашение прибыть скорее; в письме из Газни, скрепленном 38 печатями, открыто выражалось желание видеть Абдурахман-хана на кабульском троне; особенно важным было письмо от группы кабульских офицеров, сообщавших, что они ожидают прибытия Абдурахман-хана для того, чтобы собрать зурматский народ и напасть на англичан. «Весь народ уповает на бога и на вас»,— писали офицеры[441].

С утверждением Абдурахман-хана в Афганском Туркестане, в Афганистане сложились три главных группы сопротивления англичанам: 1) группа Айюб-хана в Герате; 2) Абдурахман-

---

дание неблагоприятного исхода планов Абдурахман-хана поддерживает в эмире надежду получить разрешение воспользоваться предложениями Гулям Хайдар-хана» присоединить Чарвилайет (Журнал № 1 капитана Арендаренко, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6931, л. 6).

[439] В одном случае Арендаренко использовал свои полномочия и сделал представление эмиру. Получив сообщение о постоянных нападениях людей керкинского бека на жителей Чарвилайета и солдат Исхак-хана, Арендаренко потребовал от эмира через кушбеги удовлетворить все претензии чарвилайетцев и гарантировать им безопасность от нападений керкинского бека. Журнал № 21, там же, л. 121.

[440] Письмо Исхак-хана, апрель 1880 г., ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 463, л. 208.

[441] Все письма, направленные с мест Абдурахман-хану, приводятся в переводе. См. ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 463, л. 214—256.

хана на севере; 3) газнийские сардары во главе с Мухамеджаном. Англичане вынуждены были бороться на три фронта и, кроме того, в каждом кишлаке, каждом городе, каждом поселке невидимый враг на каждом шагу подстерегал английских солдат и английские обозы. Если бы все силы афганцев удалось соединить и выставить их единым фронтом против англичан, несомненно, английскую армию постигла бы та же участь, что и в 1839 г., когда она была полностью истреблена. Но, к сожалению, между руководителями этих групп не было не только согласия, но даже и связи. Все трое видели друг в друге своего соперника в борьбе за кабульский трон. Но как бы то ни было, положение англичан оставалось чрезвычайно опасным.

Правящие круги России, послав Абдурахман-хана в Северный Афганистан и обеспечив ему поддержку, начали подготовку к решительному наступлению в Закаспии, рассчитывая на то, что Англия, в связи с новым поворотом дел в Афганистане, окончательно увязнет там и не сможет помешать русскому наступлению.

В записке «О предстоящих военных действиях в Закаспийском крае», представленной в январе 1880 г., кавказское начальство настойчиво призывало, не теряя времени, начать наступательные операции в Закаспии с целью завоевания Ахал-Текинского оазиса[442]. Оно указывало на угрозу русским владениям в Средней Азии, которую влекла за собой победа Англии в Афганистане и ее утверждение в Герате. Обосновавшись в Герате, англичане, по его мнению, вступят в прямой контакт с туркменскими племенами и получат возможность снабжать их оружием и деньгами, воздействовать на них через своих офицеров. Кроме того, они неизбежно займут Туркестанский Афганистан, и тогда русским властям нелегко будет сохранить свое господство в Бухаре и Хиве. «Ханства эти подчиняются нам только вследствие нашей силы,— говорилось в докладной записке,— англичане же будут действовать золотом, нет сомнения, что для сохранения за собою первенствующего влияния в Средней Азии нам придется усилить значительно войска в Туркестане, занять окончательно Бухару и Хиву и вступить в серьезную борьбу с туркменами, вооруженными не хуже нас и руководимыми английскими инструкторами»[443].

Командование Кавказского военного округа считало, что задача России в Средней Азии заключается в том, чтобы поставить англичан в положение обороняющейся стороны. Для этого

[442] См. «Записку о предстоящих военных действиях в Закаспийском крае», ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 57—98. Отрывок записки опубликован в сборнике «Присоединение Туркмении к России», стр. 465—470.

[443] Присоединение Туркмении к России, стр. 466.

нужно было добиться, чтобы граница русских владений пролегала по водоразделу Гиндукуша, Паропамизского хребта и по гребню Копет-Дага. Для достижения этой цели оно предлагало два варианта плана действий: 1) построить к 1 марта 1881 г. железную дорогу от Красноводска до Кзыл-Арвата, которая стала бы плацдармом для наступления на Ахал-Текинский оазис весной того же года; 2) к концу 1880 г. собрать в Ходжам-Кала довольствие на пять месяцев, и весной 1881 г. начать операции по захвату оазиса и завершить их к концу 1881 г.[444]

По расчетам, представленным полковником Петрусевичем, расходы на операции должны были составить 13,6 млн. руб.[445] Скобелев, который был вызван с Балкан для обсуждения проекта кавказского начальства, представил свой план, предусматривавший те же сроки наступления, но рассчитанный на договор с Персией о предоставлении продовольствия русским войскам, стоящим в оазисе. По расчетам Скобелева, предстояли расходы на 9,5 млн. руб.[446]

Особые совещания, на которых обсуждались проекты завоевания Ахал-Текинского оазиса (31.I. 1880 г., 6.II. 1880 г., 11—12.1880 г., 25 и 27.II. 1880 г.) стали ареной резкого столкновения сторонников активных действий, а ими были в основном военные (Милютин, Скобелев, Горлов, Обручев, Гродеков, Гурчин, Глуховский, Анненков и др.), и тех, кто требовал проведения выжидательной политики и доказывал необходимость соглашения с Англией. Сторонниками политики соглашения были представители Министерства иностранных дел и Министерства финансов, в частности министр финансов Грейг, и единственный из военных — начальник Главного Штаба граф Гейден.

Гейден считал, что план кавказского начальства основан на «гадательных предположениях» и рассчитан на «благоприятные случайности». Кроме того, по его мнению, колоссальные издержки, сопряженные с экспедицией и постоянной оккупацией края не могли быть возмещены политическими достижениями. «Мне кажется,— писал он,— гораздо более выгодным при настоящем положении дел вовсе бросить Закаспийский край, оставив лишь небольшой гарнизон в Красноводске, и ограничиться мирными торговыми сношениями с туркменами»[447]. Гейден наивно полагал, что избавившись от страха перед русским нашествием, туркмены заставят Персию стремиться к улучшению отношений с Россией и только в будущем после улучшения фи-

[444] Там же, стр. 467.
[445] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 98.
[446] Присоединение Туркмении к России, стр. 136.
[447] Гейден — Милютину, 7. II 1880 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 108.

нансового положения страны, смягчения напряженности в отношениях с европейскими государствами он допускал поход против текинцев[448].

Позиция Министерства иностранных дел была изложена в записке барона Жомини, переданной участникам совещания 11—12 февраля 1880 г. заместителем директора Азиатского департамента Мельниковым. Жомини считал наиболее выгодным для России занять «оборонительное положение», т. е. заняться укреплением позиции в Туркмении и созданием операционной базы для активной обороны. Категорически высказываясь против похода на Мерв, который, по его мнению, был бы не столько полезным, сколько «славным», он считал даже целесообразным «допустить персиян восстановить по собственному усмотрению их права над ним»[449]. Жомини предлагал выжидать и наблюдать, и, обнаруживая подлинные замыслы англичан, создавать для них препятствия на Амударье, в Бадахшане, Кохистане, Кашмире или даже в самой Индии. Все затруднения России в Азии, по его мнению, объяснялись слишком поспешным движением вперед, без обеспечения коммуникаций и основных баз.

Министр финансов Грейг, выступая на совещании 25 февраля 1880 г., напомнил о тяжелом финансовом положении страны и грозил уйти в отставку, поскольку не может взять на себя ответственность за подобные непроизводительные расходы. Он говорил, что русская экспедиция возбудит против России все английское общество и даст лорду Биконсфилду новый повод для проведения враждебной России политики. «Англия искренне желает мира,— утверждал он,— но дрожит за Индию. Если мы не пойдем вперед, она успокоится. Если же будем действовать вызывательно, то неизбежно приведем к войне и тогда все прибрежья наши подвергнутся величайшему бедствию»[450]. Грейг пугал призраком европейской коалиции, которую, по его мнению, Англии легко было сколотить и которая была чревата гибельными для России последствиями.

Фактически во всех представлениях Гейдена, Грейга и Жомини высказывалась точка зрения Министерства иностранных дел, т. е. Горчакова, но она была уже скомпрометирована и ее не могли принять. По-видимому, император уже убедился в бездеятельности Горчакова и его сотрудников, и на совещание 11—12 февраля 1880 г. был приглашен из Министерства иностранных дел лишь Мельников; подавляющее большинство присут-

[448] Там же.

[449] Материалы совещания 11—12. II 1880 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 161.

[450] Материалы совещания 25—27. II 1880 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 2, л. 1.

ствующих были военными. Очевидно, император, боясь помех со стороны представителей МИД, пытался отстранить их от среднеазиатских дел и положиться на военных, главным образом, на Милютина.

На всех совещаниях преобладала точка зрения сторонников активных действий в Средней Азии, и решения, принятые на них, соответствовали планам кавказского командования. Главным аргументом представителей этой группы была угроза русским владениям в Средней Азии со стороны Англии. Развитие британской политики в Афганистане, неуклонный отказ Англии от соглашения с Россией по среднеазиатским проблемам и очевидное бессилие Министерства иностранных дел усилили их позиции и сделали решающим их влияние на императора, хотя все понимали, что не избежать крупных расходов. На совещании 11—12 февраля 1880 г. серьезное внимание уделялось агрессивной политике Великобритании, которая, как указывалось в решении совещания, при бездействии русского правительства «может совершенно поколебать положение России в Азии и повести там в скором будущем к жертвам, несравненно большим, чем те, какие ныне предвидятся»[451]. Кроме того, принимая во внимание политические события, происшедшие после подписания мира в Сан-Стефано, совещание указывало, что только в Азии Россия может подготовить базу, с которой, производя давление на Афганистан и Индию, можно «хотя бы отчасти парализовать враждебные действия Англии»[452]. В решении совещания отмечалась абсолютная необходимость и неизбежность нового наступления в Закаспии как первого шага для противодействия политике Англии в Азии. Было решено подготовить прочную базу для последующего постепенного подчинения всего оазиса. Операцию намечалось проводить по линии Красноводск—Кызыл-Арват. По предложению генерала Анненкова совещание приняло решение построить широколейную железную дорогу между этими городами. Основной базой операций новой экспедиции избрали Кызыл-Арват[453].

На совещании 25—27 февраля 1880 г. были отвергнуты соображения Грейга и Гейдена и подтверждена необходимость немедленной экспедиции в Закаспий для покорения Ахал-Текинского оазиса. Призывая правительство ускорить подготовительные работы к наступлению, совещание ссылалось на оккупацию англичанами Кветты и Кандагара и быстрое строительство в этом районе железной дороги, как подготовку ими важ-

---

[451] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 154.
[452] Там же, л. 155.
[453] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. I, л. 168—169.

нейшего пути, где они рассчитывают на столкновение с Россией. Решительный удар намечалось нанести в 1881 г., посвятив весь 1880 г. подготовительным мероприятиям — концентрации войск, заготовке продовольствия, фуража и перевозочных средств. Однако было решено отложить постройку железной дороги в Закаспии до мая, т. е. до окончания всеобщих выборов в Англии, чтобы лишить лидеров консервативной партии возможности возбудить английское общественное мнение против России и нажить на этом политический капитал, а также отказаться от действий против Мерва, которые были сочтены малополезными, так как не нанесли бы решительного удара текинцам[454]. Подготовка экспедиции сохранялась в строжайшей тайне. Было отдано распоряжение не помещать в газетах и журналах никаких статей о Закаспийской области, ограничиваясь лишь перепечаткой сообщений, которые публиковались в «Правительственном вестнике» и «Русском инвалиде». Было установлено строжайшее наблюдение за всеми телеграфными пунктами по Каспийскому побережью с целью изымать сведения, из которых можно было узнать о подготовке экспедиции[455].

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1880 г. ПРИХОД К ВЛАСТИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ.

До тех пор, пока газеты были заполнены победными реляциями об успехах английского оружия в Афганистане и Робертс шел триумфальным маршем от Кандагара до Кабула, пока английский обыватель упивался сознанием собственного могущества, читая, как его армия громит безоружные отряды афганцев, ничто не предвещало политических осложнений внутри страны. Однако в конце 1879 г. обнаружилось, что кризис, начавшийся в 1878 г., продолжает разрастаться и принимает угрожающие размеры, охватывая одну отрасль за другой. Особенно резко ощутили кризис судовладельцы и судостроители[456]. Это был первый толчок к критическим выступлениям в адрес правительства Дизраэли. «Таймс» в конце года оценивала период правления кабинета Дизраэли как «шесть лет беспримерного истощения в торговле, промышленности и сельском хозяйстве»[457].

---

[454] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 2, л. 3.
[455] Там же, л. 114, 115, 116.
[456] The Times, 12 April 1880.
[457] The Times, 17 December 1879.

Серьезную тревогу внушало финансовое положение Индии. В середине 1879 г. стало известно о громадном дефиците в финансовом балансе Индии, вызванном англо-афганской войной. По официальным данным[458], война обошлась в 2,6 млн. фунтов стерлингов, из которых лишь 600 тыс. фунтов оплачивало индийское казначейство, и 2 млн.— английское казначейство[459]. Указывая на эти факты, Фоукетт писал: «При существующих финансовых условиях Индии нет опасности более серьезной, чем проведение политики, которая рано или поздно сделает необходимым увеличить налогообложение»[460]. Чтобы заделать прорехи в финансах, правительство Индии сократило расходы по государственному бюджету на 1 млн. фунтов стерлингов в год, что привело к увеличению безработицы, приостановлению ирригационных работ. Были повышены налоги. В 1879 г. правительство Индии увеличило налог на соль в Мадрасе и Бомбее на 40%, хотя в этих провинциях в том же году от голода умерло 1 млн. человек; был введен новый налог «лисенз такс», который фактически равнялся подоходному налогу в 5%, накладываемому на доходы до 4 шиллингов в неделю, т. е. фактически на все население Индии[461]. Приняв чрезвычайные меры, британское правительство не добилось цели. Английские войска находились в Афганистане, но народ не был покорен, на севере страны появился Абдурахман-хан, в Герате утвердился Айюб-хан, во всей стране шла партизанская война.

Экономический кризис в Англии и обнаружившийся дефицит финансов при тяжелом положении дел в Афганистане привели к поражению консервативной партии на выборах в апреле 1880 г. и к приходу к власти либеральной партии во главе с Гладстоном.

---

[458] Fawcett. The New Departure in Indian Finance, The Nineteenth Century, 1879, Oct., N 32, p. 640.

[459] Ibid.

[460] Ibid, p. 647.

[461] S. Laining. The Crisis in Indian Finance, The Nineteenth Century, June 1880, v. 40, p. 1066.

Глава IV

ЗАВОЕВАНИЕ РОССИЕЙ ТУРКМЕНИИ. РУССКО-ПЕРСИДСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ КОНВЕНЦИЯ 1881 г. И УПРОЧЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Британское правительство, начиная англо-афганскую войну, рассчитывало одним ударом изменить политическую обстановку на Среднем Востоке и добиться подавляющего влияния в странах, смежных с Афганистаном. В частности, результаты войны должны были неминуемо сказаться на ситуации в Персии и отразиться на ее внешней политике. Английский посол Томсон перевел на персидский язык прокламацию Литтона и распространил ее в Тегеране среди государственных и политических деятелей, а также купечества[1]. Большое количество прокламаций он отправил в Мешхед, где Аббас-хан стал рассылать их в различные районы Персии и в прилегающие районы Афганистана. Один экземпляр он отправил своему резиденту в Герате, два — в Мерв с последующей передачей в Балх и Бухару[2].

Лорд Солсбери считал, что с разгромом Афганистана появится возможность передать часть афганской территории Персии, чтобы с помощью этого «подарка» добиться расположения шаха и сделать его своим союзником, который в благодарность за этот акт британского правительства должен стать послушным исполнителем его воли и превратиться в орудие британской политики в Средней Азии. Позиция, занятая шахом по отношению к экспедиции Ломакина, создавала впечатление, что шах «еще не совсем потерян для Англии»[3].

В связи с предстоящим наступлением русских войск в Туркмении роль Персии должна была значительно возрасти: отказ Персии снабжать русские войска продовольствием мог вызвать

---

[1] F. O. 539, v. 15, N 238, p. 348.

[2] Meshed Agent to Thomson, 14 December 1878, F. O. 539, v. 16, N 61, p. 58.

[3] Tenterden to Malett, 14 January 1879, F. O. 539, v. 16, N 24, p. 28.

провал русского наступления. По мнению лорда Солсбери, это обстоятельство должно было стать решающим в отношениях Англии и Персии. Лорд Солсбери указывал, что в этом деле должна сыграть важную роль характерная черта восточных соверенов — страсть к увеличению собственных территорий. Он считал, что передача шаху Сейистана гарантировала бы его верность союзу с Англией и послушное исполнение ее желаний. Сейистан примыкал к Кандагару и Келату, которые после англо-афганской войны должны были стать английскими владениями, и Англия в любое время могла бы угрожать владениям шаха. «Невероятно,— писал Тентерден от имени лорда Солсбери,—чтобы он отказался от такого подарка, но, приняв его, он на самом деле передал бы в наши руки гарантию его собственного хорошего поведения»[4]. Лорд Солсбери считал этот шаг чрезвычайно важным и актуальным и предупреждал, что если упустить момент, то в будущем Англии придется пойти на гораздо большие жертвы для обеспечения союза или нейтралитета Персии[5].

Шах давно уже с жадностью взирал на соседние с Ираном провинции Афганистана — Герат и Сейистан. Первой он лишился, когда по Парижскому договору после англо-персидской войны Ирану запретили присоединять к своим территориям Герат; часть второй он потерял в результате решения английской комиссии по разграничению под руководством генерала Голдсмита в 1872 г., которая передала часть Сейистана Афганистану, другую часть — Персии. С обострением англо-афганских отношений у шаха появилась надежда, что, нуждаясь в союзниках против Афганистана, Англия обратится к Персии и будет вынуждена расплатиться за это, если не обеими провинциями, то уж во всяком случае одной из них.

Малколм-хан еще в 1877 г. зондировал почву у герцога Дерби относительно намерений Англии в отношении этих провинций[6]. Такая разведка была произведена шахом и Мирзой Хусейн-ханом в конце 1877 г., когда на специальной аудиенции шах говорил Томсону о том, что афганцы собираются напасть на иранский Сейистан и он (шах) вынужден предпринять ответные действия, которые будут диктоваться интересами защиты своих границ. Конечно, заявление о подготовке афганцами нападения на Иран было не обосновано и английские представители могли принять его как официальное предложение услуг Персии в борьбе Англии против Афганистана[7]. Из-за военных

[4] Ibid, p. 28.
[5] Ibid.
[6] Malcolm Khan to Derby, 8 March 1879, F. O. 539, v. 14, N 210, p. 208.
[7] Thomson to Derby, 27 December 1847, F. O. 539, v. 15, N 12, p. 15.

демонстраций Персии на границах с Афганистаном, афганские власти вынуждены были оставить в Герате крупные части, которые они намеревались перебросить на юг страны для борьбы с англичанами и даже подтянуть часть войск из Кандагара в Сейистан. Таким образом был ослаблен важный пункт, где ожидался один из главных ударов британских войск[8].

За несколько дней до перехода границы Афганистана английскими войсками шах вновь пригласил Томсона на аудиенцию и вел с ним разговор о послевоенных судьбах Афганистана. Осуждая Афганистан за его неблагодарность по отношению к Англии, шах и его первый министр утверждали, что будет ужасной ошибкой, если Англия сохранит монолитность Афганистана. Лучшим вариантом послевоенного устройства они считали раздел Афганистана на три отдельных государства. Шах выразил надежду, что по окончании войны с Афганистаном, Англия учтет интересы Персии и вернется к «старому соглашению», выгодному для обеих стран, которое предусматривало создание на территории страны трех малых отдельных княжеств в Кабуле, Кандагаре и Герате[9].

По предложению лорда Солсбери Литтон обратился к Томсону с телеграммой, в которой спрашивал, имеется ли реальная возможность с помощью территориальных уступок Персии за счет Афганистана улучшить отношения между Англией и Персией[10]. Томсон считал, что уступка части Сейистана Персии и формальное признание ее прав на округ Кохук, несомненно, улучшат отношения между Персией и Англией. Томсон считал этот шаг полезным, но для максимального использования его в интересах Англии предлагал оговорить уступку такими условиями, которые позволили бы британскому правительству в любое время вмешиваться во внутренние дела Персии[11].

Из телеграммы Литтона, посланной через несколько дней, видно, что он склонен отложить решение этого вопроса и запросил Томсона относительно отсрочки, чтобы окончательно разделаться с Афганистаном, а уж затем решать вопрос с Персией. Кроме того, он не был уверен в том, что территориальная уступка Персии может обеспечить ее симпатии и освободит Пер-

---

[8] Томсон писал лорду Солсбери 20 января 1879 г.: «До меня дошла информация из Герата, датированная 25. XII 1879 г., в которой докладывается, что местное правительство проводит интенсивные военные приготовления, но так как оно не уверено в планах персидского правительства, оно не намерено направить в помощь Кандагару больше чем один отряд кавалерии». Thomson to Salisbury.20 January 1879, F. O. 539, v. 16, N 112, p. 100.

[9] Thomson to Salisbury, 14 December 1878, F. O. 539, v. 16, N 11, p. 7.

[10] Lytton to Thomson, 24 January 1879, F. O. 539, v. 16, N 38, p. 40.

[11] Thomson to Lytton, 25 January 1879, F. O. 539, v. 16, p. 40.

сию от русского влияния[12]. Томсон, напротив, полагал, что передача Сейистана Персии на тех условиях, о которых он писал ранее, по крайней мере установила бы удовлетворительные отношения и позволила бы Англии конкурировать с Россией. Томсон категорически возражал против передачи Герата Персии, считая, что персидские государственные деятели не заслуживают доверия. «Чтобы гарантировать себя против России,— писал он,— мы должны господствовать абсолютно в Герате, но персы так не заслуживают доверия и так податливы русским насилиям и обольщениям, что их присутствие там неизбежно закончится тем, что они откроют дверь России. Поэтому не стоит делать Персии такой территориальной уступки, которой в конечном счете могла бы воспользоваться Россия, так как хотя мы и смогли бы получить от этого временный выигрыш, реальный выигрыш остался бы за Россией»[13].

Томсон терпеливо дожидался, когда персы сами обратятся к Англии с просьбой о присоединении части Афганистана и вновь предложат услуги, как они это делали прежде. Ждать пришлось недолго, 13 февраля 1879 г. Мирза Хусейнхан пригласил Томсона на беседу и официально попросил информировать его о намерениях Англии в отношении Герата. «Конфиденциально» персидский министр иностранных дел отметил, что, по мнению шаха, Англия лишила Персию Герата, и это единственная причина утраты Англией доверия персов. Теперь, когда близок час победы Англии в Афганистане, появилась возможность устранить недоверие, передав Герат Персии. Мирза Хусейнхан сказал, что в случае удовлетворения ее просьбы Персия будет очень признательна и даст любые обязательства для заключения союза с Англией, не станет предпринимать никаких политических действий без ее совета и санкции, добьется преобладающего влияния Англии у себя в стране, предоставит ей различные привилегии и запретит русским и другим иностранным агентом, за исключением английских, посещать Герат[14].

В соответствии с инструкциями, полученными из Тегерана, персидский посол в Лондоне Малколм-хан беседовал с лордом Солсбери по тому же вопросу. Он заявил, что Персия должна раз и навсегда решить вопрос об ориентировке своей внешней политики, взять курс на Россию или на Англию, По его мнению, шах готов обеспечить Англии подавляющее влияние при персидском дворе и подчинить ей свою внешнюю политику, при

---

[12] Lytton to Thomson, 7 February 1879, F. O. 539, v. 16, N 67, p. 62.
[13] Thomson to Salisbury, 8 February 1879, F. O. 539, v. 16, N 67, p. 62.
[14] Thomson to Salisbury, 15 February 1879, F. O. 539, v. 16, N 73, p. 65.

условии, если британское правительство передаст ей Герат. Малколм-хан пугал лорда Солсбери быстрым продвижением России в Туркмении и предстоящим наступлением ее на Мерв, утверждая, что только Персия может остановить ее, но для этого Англия должна пойти навстречу ее интересам. Лорд Солсбери уклонился от прямого ответа, сославшись на незнание пунктов договора 1857 г., но подчеркнул, что индийские власти придают огромное стратегическое значение Герату и не могут пустить туда державу, которая не в состоянии полностью исключить там влияние русских. Он спросил также, имеются ли другие средства, способные усилить сопротивление Персии России. «Тысячи способов» — воскликнул Малколм-хан, и в качестве одного из них назвал необходимость предоставить Персии деньги для покупки современного оружия[15]. Лорд Солсбери пообещал рассмотреть эти вопросы, намекнув, что результат будет зависеть от того, насколько персидское правительство докажет искренность своих обещаний[16].

Правительство Персии предприняло энергичные меры для того, чтобы внушить доверие Англии. Лэйярд сообщал из Константинополя, что министр иностранных дел Турции Сафвет Паша сообщил ему о депеше турецкого посла в Иране Фахриbея, отмечавшего готовность Персии вступить в союз с Англией, с расчетом на ее поддержку. Вместе с тем, заместитель министра иностранных дел Турции Хайретдин Паша говорил ему, будто, по рассказу посла Персии Мухсин-хана, Персия встревожена русским наступлением и начинает понимать, что интересует Россию на северных границах Персии[17]. В связи с сообщениями Лэйярда и представлением Малколм-хана лорд Солсбери решил обратиться к Томсону за рекомендациями по этому вопросу.

Томсон мало верил в искренность подобных утверждений персидских сановников[18] и решительно исключал какие-либо изменения в политике шахского правительства. Он утверждал, что при сложившихся обстоятельствах Персия не может объединиться с Англией в союзе против России, и вообще он сомневался в выгодности такого союза для Англии[19]. По его мнению,

---

[15] Salisbury to Thomson, 19 February 1879, F. O. 539, v. 16, N 80, p. 70, Secret.

[16] Ibid.

[17] Layard to Salisbury, 3 December 1878, Layard to Salisbury, 16 December 1878, F. O. 539, v. 15, N 270, p. 394.

[18] В депеше лорду Солсбери от 22. II 1879 г. Томсон писал по этому поводу: «Персидские заявления подобного сорта не могут приниматься с тем доверием, с которым обычно воспринимаются подобные заверения от европейцев идентичного положения», Thomson to Salisbury, 22 February 1879, F. O. 539, v. 16, N 146, p. 134.

[19] Ibid.

Персия за это объединение запросила бы два условия: 1) гарантию со стороны Англии независимости и целостности ее владений; 2) передачу ей Герата. Первое условие было бы весьма обременительным для Англии, так как Россия, узнав о совершенном предательстве Персии, не преминула бы наказать ее, и тогда Англии пришлось бы вступать в конфликт из-за столь «незначительного» дела[20]. Обладание же Персии Гератом фактически открыло бы для России дверь в эту страну, так как чувство благодарности у Персии скоро прошло бы и русские прочно утвердились бы там. Наиболее выгодным Томсон считал не давать Персии Герат, тогда она будет страстно добиваться его и надеяться получить его, и эти надежды могут повлиять на отношение Персии к Англии: Герат должен был стать постоянной приманкой для Персии[21]. Чрезвычайно низко оценивая возможности Персии и искренность ее сановников, Томсон вместе с тем считал, что было бы ошибкой оттолкнуть Персию и допустить ее присоединение к России. Он предлагал, не утруждая себя объединением со столь сомнительным союзником, «ждать случая», когда понадобятся ее услуги, а затем сделать ей предложение, твердо определив, что требуется от нее и что она выигрывает, присоединившись к Англии[22].

Очень скоро Томсону представился случай убедиться, как трудно рассчитывать на прочный союз с Персией в борьбе против России. Получив сообщение о подготовке русскими властями на Кавказе экспедиции в Закаспий[23], Томсон попытался использовать Персию, чтобы сорвать эту экспедицию. Он спросил у Мирзы Хусейнхана, пришел ли ответ на его меморандум относительно Кари-Кала, отправленный в русское посольство летом 1878 г. Получив от персидского министра отрицательный ответ, Томсон предложил ему вновь предъявить свои права на Кари-Кала, долину Аттрека и всю территорию, населенную ахал-текинскими племенами, т. е. на Ахал-Текинский оазис. Томсон вместе с тем предупредил Мирзу Хусейнхана, что отказ шаха предпринять меры против русского наступления, британское правительство расценит не только как потворство продвижению России в Закаспии, но и как поддержку русского наступления против Индии с враждебными Англии намерениями. Первым шагом демонстрации лояльности персидского правительства к Англии должны были стать «строжайшие» приказы правителям Хорасана, Буджнурда, Кушана и Астрабада, за-

[20] Ibid.
[21] Thomson to Salisbury, 21 February 1879. F. O. 539, v. 16, N 145, p. 133.
[22] Thomson to Salisbury, 22 February 1879, F. O. 539, v. 16, N 146, p. 134.
[23] F. O. 539, v. 16, N 175, p. 151.

прещающие снабжение русских войск, которые наступали в Закаспии.

Перепуганный Мирза Хусейнхан обещал срочно отправить такой приказ в Буджнурд, а в отношении остальных обещал уговорить шаха сделать то же самое[24]. В свою очередь персидский министр запросил Томсона, согласится ли Англия заключить с Персией оборонительный союз для защиты ее от возможной агрессии России, в случае отказа Персии помогать русским в Закаспии[25]. Томсон уклонился от прямого ответа, обещав лишь довести этот вопрос до сведения британского правительства. Тогда и Мирза Хусейнхан отказался отвечать на вопрос о конкретных мерах персидского правительства против русского наступления, также пообещав сообщить о нем шаху[26].

При ближайшей встрече Томсон и Мирза Хусейнхан вновь обменялись этими вопросами. Томсон не смог сдержать своего гнева, узнав, что персидский министр еще даже не сообщил шаху о требовании англичан, ссылаясь на необходимость подождать ответа от английского правительства. Он стал утверждать, что персидские опасения необоснованны и абсурдны, а предложения персидского правительства неопределенны, и он не мог их передать в таком виде своему правительству. Томсон повторил свои прежние угрозы и без всяких дипломатических ухищрений заявил: если Персия без единого возражения позволит русским войскам наступать на Мерв и Герат через территорию, на которую она претендовала, а также окажет им материальную помощь, то этот акт будет расцениваться как враждебный по отношению к Англии[27]. Речь шла не только о персидской территории, но и о той, на которую она претендовала. Персия должна была протестовать против продвижения русских войск, независимо от того, в ее интересах это или нет.

Мирза Хусейнхан не смог дать отпор этим далеко не дипломатическим представлениям английского посла. Очевидно, правительство Персии все еще надеялось получить Герат или Сейистан. Персидский министр иностранных дел стал горячо убеждать, что Россия еще не обращалась с запросом по этому предмету и ей не дано никакого обещания. Этот ответ удовлетворил Томсона, и он согласился выслушать конкретные предложения персидского правительства относительно условий англо-персидского союза. Мирза Хусейнхан предложил в качестве основных свои пункты. Если Англия обязуется защищать

---

[24] Thomson to Salisbury, 1 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 176, p. 152.
[25] Thomson to Salisbury, 2 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 177, p. 153.
[26] Ibid.
[27] Thomson to Salisbury, 6 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 179, p. 155.

Персию от атаки и агрессии России, то Персия в свою очередь обещает: 1) консультироваться с Англией и вести себя в соответствии с ее советами во всех политических и коммерческих отношениях с Россией; 2) действовать в согласии с Англией и в соответствии с ее желаниями во всяком предприятии, военном или дипломатическом, которое британское правительство сочтет необходимым, чтобы остановить русское продвижение в направлении Афганистана или Индии; 3) обеспечить все условия для английской торговли, в частности, открыть для Англии навигацию по р. Карун и установить коммерческие отношения с Англией на самой благоприятной для нее основе[28]. Очевидно, персидский министр, стремясь избежать конкретного обязательства препятствовать русскому наступлению, хотел отделаться этим абстрактным «союзом».

Томсон продолжал переговоры об этом пресловутом «союзе» лишь с целью выяснить насколько далеко могут пойти персы. Каково было его удивление, когда при следующей встрече он узнал, что Мирза Хусейнхан забыл о своих предложениях и не смог восстановить пункты предложенного им «союза». Этот факт утвердил Томсона во мнении, что предложения персидского министра отражали лично его мнение, и шах не был в курсе дела. Однако Томсон не собирался так легко выпускать из рук Мирзу Хусейнхана. Он вынул записи предыдущей беседы и заставил его на их основе правильно изложить на бумаге в деталях эти предложения и добился от него обещания показать их в таком виде шаху[29].

Кроме того, Томсон требовал от персидского правительства на деле доказать серьезность своих предложений. Доказательства должны были заключаться, во-первых, в выражении официального протеста русскому правительству против готовившегося похода русских войск в Закаспии, и, во-вторых,— в обещании не предоставлять русским войскам продовольствие с персидской территории. 13 марта 1879 г. он передал Мирзе Хусейнхану меморандум, в котором требовал ответить, намерено ли персидское правительство предпринять какие-либо меры для того, чтобы не допустить снабжения русских войск, наступающих на Мерв[30]. Но прямого ответа на свой вопрос Томсон так и не получил. В ответном меморандуме персидское правительство ссылалось на то, что русские представители пока еще не обращались с таким запросом к персидскому правительству, и с другой стороны, оно считало необходимым воздерживаться от

[28] Thomson to Salisbury, 6 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 179, p. 150.
[29] Thomson to Salisbury, 13 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 183, p. 158.
[30] Thomson to Salisbury, 18 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 192, p. 166.

таких обещаний, ссылаясь на свое бессилие контролировать действия пограничных правителей. Персидское правительство считало главным вопросом заключение «союза» на основе его предложений и отказывалось обсуждать «частные» вопросы, такие, как снабжение русских войск продовольствием, до тех пор, пока он не будет решен положительно[31].

Фактически отказавшись вести переговоры с Томсоном, правительство Персии вступило в непосредственные переговоры с лордом Солсбери. Малколм-хан в середине марта 1879 г. несколько раз посетил английского министра иностранных дел и вновь настаивал на передаче Герата Персии за обещание шахского правительства осуществлять контроль над Мервом и туркменами и тем самым воспрепятствовать их переходу под власть России[32]. В меморандуме на имя лорда Солсбери Малколм-хан писал о намерениях Персии: «Она имеет возможность захватить Герат сейчас же и без затруднений, но имеется лишь одно препятствие, заключающееся в том, что по договору она обязалась Англии не делать этого. Если Англия разрешит нарушить обязательство договора, Персия не допустит оккупации Мерва Россией, подчинит свою внешнюю политику английской, примет английского агента в Герате и даст Англии право держать в городе гарнизон на случай наступления русских[33]. На какое-то время лорд Солсбери заколебался и в письме в Индийский департамент даже склонялся к мысли о целесообразности при сложившихся условиях разрешить Ирану оккупировать Герат, что, по его мнению, было бы эффективным противодействием наступлению России. «Вопрос заключается в том,— писал лорд Солсбери,— зашла ли наша политика в Кабуле настолько далеко и настолько ли она важна, чтобы оправдывать отклонение нами союза Персии»[34].

Литтон высказался против передачи Герата Персии. В телеграмме лорду Кранбруку он выражал беспокойство по поводу того, что передача Герата персам разрушит перспективы договориться с Якуб-ханом, который, по его мнению, более надежен с точки зрения английских интересов, чем шах. Литтон считал, что в случае неудачи переговоров с Якуб-ханом последует расчленение Афганистана и тогда можно будет пойти на изменение договора 1857 г., но и в этом случае все должно зависеть от того, насколько будут заслуживать доверия обещания Персии и насколько действенны средства, имеющиеся в распоряжении

---

[31] Ibid, Inclosure 2.
[32] Salisbury to Cranbrook, 20 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 101, p. 91.
[33] Ibid.
[34] Salisbury to Granbrook, 20 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 101, p. 91.

британского правительства, чтобы заставить ее выполнять свои обязательства[35].

В связи с телеграммой Литтона лорд Солсбери ответил отказом Малколм-хану относительно просьбы персидского правительства о Герате[36]. Тогда персидский посол представил записку, в которой выражал просьбу шаха о разрешении оккупации персидскими войсками Сейистана[37]. Литтон выступил и против передачи Сейистана Персии. Он опасался, что в случае такого шага Англия потеряет доверие Якуб-хана и переговоры с ним будут чрезвычайно затруднены[38]. В связи с этим и в присоединении Сейистана Персии отказали.

Рушились все надежды шаха и его министра на овладение Гератом или Сейистаном в обмен на пустое и абстрактное предложение союза. Британское правительство требовало более конкретных дел и более реальных доказательств верности этому еще не существующему союзу, а уж потом только собиралось говорить о территориальных вопросах. Кстати, Солсбери в переговорах с Малколм-ханом не закрывал двери перед возможностью дальнейшего более благоприятного рассмотрения этих вопросов.

Шах и его министр решили формально уступить требованиям Томсона не снабжать русскую экспедицию фуражом, хотя понимали, что выполнить это невозможно хотя бы потому, что шахское правительство не пользовалось влиянием даже в пределах собственных территорий, не говоря уже о районах, населенных туркменскими племенами. В середине апреля Мирза Хусейнхан пригласил к себе английского посла и заявил ему о «глубоком впечатлении», произведенном на шаха английским меморандумом, переданным в ноябре 1878 г. По поручению

---

[35] Lytton to Granbrook, 22 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 104, p. 94.
[36] Salisbury to Thomson, 3 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 127, p. 120.
[37] Salisbury to Thomson, 31 March 1879, F. O. 539, v. 16, N 128, p. 121.
[38] Lytton to Granbrook, 5 April 1879, F. O. 539, v. 16, N 156, p. 163.
Литтон считал, что если Персия и выполнит свои обязательства, то это вызовет обиду России и она объединится с Афганистаном, тогда русские все-таки захватят Мерв, а Афганистан — Сейистан. Поэтому Литтон предлагал не уступать никаких территорий Персии до окончания переговоров с Якуб-ханом. «Возможно,— писал он,— что неудачный исход наших нынешних переговоров мог бы привести к ситуации, при которой мы не были бы заинтересованы в единстве территорий, прежде зависимых от Кабула». Только в таком случае Англия могла бы предложить Персии кое-какие территории за счет Афганистана. Крэнбрук передал Солсбери письмо Литтона лишь после того, как в Лондоне было получено сообщение о подписании Гандамакского договора, и в связи с этим в сопроводительном письме, указывал, что этот факт исключает «в настоящий момент» всякую возможность обсуждать какой-либо вопрос, связанный с изменением границы между Персией и Афганистаном, Stanhope to Tenterden, 11. VI, 1879, F. O. 539, v. 16, N 243, p. 207.

шаха он заверил Томсона, что персидское правительство сделает все, что в его силах для предотвращения оккупации Ахал-Текинского оазиса русскими. Мирза Хусейнхан обещал предпринять демарши и письменные протесты против вступления русских войск в район Кари-Кала и сообщил об отправке в Мазандеран строгих приказов не допустить продажи продовольствия русским представителям или туркменскому племени огорджели, которое закупало его для русских. Такие же приказы он обещал отправить в Буджнурд и Хорасан[39].

Томсон незамедлительно сообщил лорду Солсбери об этой беседе, но тот просил лишь «поблагодарить» персидского министра за любезность и не сказал ничего конкретного по вопросам, интересующим персидских представителей, ради которых собственно они и пошли на этот шаг. Столь же безразличным было и отношение лорда Солсбери к меморандуму Малколм-хана. В ответе, переданном 20 апреля 1879 г. лорд Солсбери не оставил Персии ни малейшей надежды на получение Сеистана и более того, обращаясь к персидскому правительству, он выражал уверенность, что Персия будет по-прежнему придерживаться границ и обязательств, принятых по договору 1857 г., т. е. воздержится от притязаний на Герат[40].

Британское правительство получало обнадеживающие сообщения из Гандамака от майора Кавеньяри об успешном ходе переговоров с Якуб-ханом, и теперь уступка какой-либо части территории Афганистана Персии угрожала отношениям, складывающимся у Англии с новым афганским эмиром. При тех приобретениях, которые сделали англичане согласно договору, это означало бы затруднить осуществление его. Именно поэтому британское правительство приняло к сведению сообщение Мирзы Хусейнхана, но отказалось пойти навстречу персидским пожеланиям.

Отказ британского правительства вызвал глубокое недовольство в Тегеране, и Мирза Хусейнхан заявил об этом Томсону. Он показал ему депешу Малколм-хана, которая достаточно красноречиво свидетельствовала о том, как мало английские министры считаются с интересами и просьбами Персии и как равнодушны они к ее представлениям[41]. В ответ Томсон подтвердил недоверие британского правительства к обещаниям Персии и потребовал доказательств лойяльности Персии к Англии. Мирза Хусейнхан обратился к Томсону с вопросом, поддержит ли ан-

[39] Thomson to Salisbury, 17. IV 1879, F. O. 539, v. 16, N 162, p. 146.
[40] Salisbury to Malkolm Khan, 20. IV 1879, F. O. 539, v. 16, N 165, p. 146—147.
[41] Thomson to Salisbury, 30. IV 1879, F. O. 539, v. 16, N 250, p. 213.

глийское правительство претензии Персии на Мерв. В случае удовлетворительного ответа персидское правительство послало бы письменный протест против русского наступления на Мерв, расценивая его как «агрессию по отношению к неотделимой части персидской территории»[42]. Персидский министр иностранных дел заявил также, что при поддержке британского правительства по согласованию с шахом он отправит в Мерв агента для возобновления переговоров с мервскими шейхами, прерванных в 1878 г.

Лорд Солсбери считал необходимым поддержать эти претензии Персии на Мерв. Томсон должен был информировать персидское правительство в том, что Англия признает право Персии на Мерв лишь по получении письменного заверения, что Персия никогда не согласится, чтобы его заняла какая-либо держава[43]. Со своей стороны, британское правительство решило предпринять демарш и в Петербурге, надеясь заставить русское правительство не наступать на Мерв пока не будет достигнуто удовлетворительное решение вопроса с Персией. По поручению лорда Солсбери Дафферин в беседе с Джомини в Петербурге коснулся вопроса о Мерве и получил заверение, что русские войска остановятся в 200 верстах от города и брать его не будут[44]. Гирс также заверил Дафферина, что русские офицеры, возглавляющие экспедицию, получили строжайшее предписание не нарушать персидскую границу и экспедиция ограничится лишь наказанием туркмен, живущих близ Каспия[45].

Поддержка персидских претензий на Мерв вполне устраивала британское правительство, так как могла компенсировать персидскому правительству отказ передать Герат или часть Сейистана и ничего не стоила Англия. Кстати, она могла ухудшить отношения между Россией и Персией и изменить внешнеполитическую ориентацию персидского правительства. Пользуясь новыми отношениями, складывавшимися между персидским и британским правительствами, Томсон принудил Мирзу Хусейнхана отправить в Буджнурд и другие пограничные районы строгие приказы, запрещавшие продажу русским представителям зерна и прочих продовольственных товаров и заодно пригрозить, что в случае нарушения приказов, правители этих районов будут уволены[46]. Он вменил в обязанность астрабадскому и мешхедскому агентам тщательно следить за выполне-

---

[42] Thomson to Salisbury, 10. VII 1879, F. O. 539, v. 16, N 325, p. 287.
[43] Tenterden to Mallett, 12. VII 1879, F. O. 539, v. 16, N 289, p. 252.
[44] Dufferin to Salisbury, 15. VII 1879, F. O. 539, v. 16, N 302, p. 266.
[45] Dufferin to Salisbury, 16. VII 1879, F. O. 539, v. 16, N 304, p. 267.
[46] Thomson to Salisbury, 29. VII 1879, F. O. 539, v. 16, N 307, p. 270.

нием приказов местными властями и о нарушениях сообщать в Тегеран[47].

Под нажимом Томсона Мирза Хусейнхан направил своего заместителя Мирзу Ханлерхана в Буджнурд для того, чтобы не допустить вывоза оттуда продовольствия в русский лагерь. Мирза Ханлерхан выехал из Тегерана 18 июля 1879 г., т. е. за две недели до начала наступления русских войск. Перед отъездом он побывал в английском посольстве, и Томсон просил его постараться достигнуть Буджнурда максимум за 15 дней. Но Мирза Ханлерхану удалось добраться до места уже 30 июля 1879 г. Он объездил весь Буджнурд и строжайше приказал местным крестьянам и коммерсантам не давать русским ни зерна, ни транспортных средств. «Я делаю, все, чтобы не допустить ими (т. е. русскими представителями. — *Г. Х.*) закупок ни зерна, ни вьючных животных»,— писал он Мирзе Хусейнхану, который показал его письмо Томсону, как свидетельство выполнения обещания персидским правительством[48].

За короткий срок Мирза Ханлерхан побывал у правителя Буджнурда Яр Мухаммеда, правителя Кучана Шуджа-уд-Доуле и правителя Дерегеза Мухаммед Али Хана, ознакомив их с инструкциями персидского правительства. При обращении русских представителей к местным правителям за помощью они должны были заявить, что без разрешения персидского правительства они не могут вступать ни в какие сделки с иностранными коммерческими агентами.

Сопротивление русским войскам на местах должен был организовать астрабадский агент Томсона. У него на службе находилось большое число туркмен, которые пробирались в русский лагерь и регулярно информировали о состоянии русских войск и их маршруте[49]. Кроме того, туркмены готовы были по первому сигналу поднять панику среди погонщиков и угнать из русского лагеря всех верблюдов, дезорганизовав русский тыл. Мешхедский агент должен был организовать непосредственное сопротивление туркменских племен в Ахал-Текинском оазисе. Благодаря Тадж Сирдару ему удалось установить связь с неко-

---

[47] Thomson to Salisbury, 5. VIII 1879, F. O. 539, v. 16, N 311, p. 274.

[48] Mirza Khanler Khan to Mirza Hoossein Khan, 5. VIII 1879, F. O. 539, v. 16, N 374, p. 348.

[49] 26 мая 1879 г. астрабадский агент писал Томсону: «Лазутчик, которого я послал в Баят-Хаджи пошел туда с девятью атабаями под предлогом служить им» (т. е. русским — *Г. Х.*). F. O. 539, v. 16, N 297, p. 261.

21 июня 1879 г. мешхедский агент сообщил: «Я виделся и договорился с лицом, назвавшимся Хаджи Мухамедом, погонщиком верблюдов в Буджурде, который занимается доставкой продовольствия в Чат и Чикишляр, информировать меня о русских движениях раз в месяц любым способом». F. O. 539, v. 16, N 326, p. 289.

торыми туркменскими племенами, главным образом с теми, которые проживали в окрестностях Мерва. Как сообщал Томсону мешхедский агент, 25 июля 1879 г. к нему прибыли четыре старейшины из Мерва за «советом» и трое из них вернулись назад для того, чтобы уговорить мервское население направить 20 тыс. кавалеристов и пеших в помощь ахал-текинцам[50]. В середине июля Аббасхан отправил к Токма Сирдару, пользовавшемуся огромным влиянием среди мервских туркмен, своего слугу Пайгамбар Кули с письмом, содержание которого осталось неизвестным, но в ответном письме заверялось, что Токма Сирдар будет выполнять все приказания английского агента и сообщалось: «Народ Ахала и Мерва готов служить»[51]. Аббасхан получил также письмо и из Сарахса от Тадж Сирдара, сообщавшего, что жители этой местности также готовы были подчиняться приказам англичан, если их примут в английское подданство[52].

В помощь астрабадскому агенту Томсон направил английского консула в Реште Черчилля, который должен был на месте организовать саботаж русским представителям и нападение туркменских племен на русские войска. Черчилль поселился у местечка Зиарет, недалеко от Астрабада, и послал своего сына Сиднея в русский лагерь к майору О'Доновану, который находился там в качестве корреспондента газеты «Дейли Ньюс», с просьбой познакомить его с генералом Лазаревым и князем Витгенштейном (командовавшим кавалерией), с которым он якобы был знаком[53]. 15 августа 1879 г. к консулу прибыл некий Мулла Килич, которого Томсон характеризовал как одного из агентов, «используемых посольством Ее Величества для получения информации о движениях русских по Аттреку»[54]. Он представил сведения о выступлении русских войск, о порядке их движения, о туркменских родах, связанных с русским командованием и даже сообщил имена наиболее активных из них[55]. Через туркмен Черчилль установил постоянную связь с О'Донованом, который будучи близок к генералу Лазареву ,мог не только сообщать сведения о русских войсках и планах их продвижения, но и указывать наиболее уязвимые места для нанесения удара. Так, в письме от 13 августа 1879 г. О'Донован указывал, что

---

[50] F. O. 539, v. 16, N 432, p. 393.
[51] Ibid., p. 394.
[52] Thomson to Salisbury, 19 May 1879, F. O. 539, v. 16, N 259, p. 224.
[53] Как выяснилось впоследствии, Витгенштейн понятия не имел о Черчилле.
[54] F. O. 539, v. 16, N 431, p. 391.
[55] Ibid.

русское командование более всего опасается ударов туркмен по коммуникациям[56].

Меры, предпринятые британскими представителями в Персии, не сыграли решающей роли в судьбе русской экспедиции в Ахал-Текинский оазис в августе 1879 г., однако косвенно отразились на ее результатах. Установление непосредственных связей между английскими агентами и предводителями туркмен породило у ахал-текинцев надежду на помощь Англии и вселило в них уверенность, что она не допустит победы русских над ними. Это усиливало их сопротивляемость. В докладе о ходе ахал-текинской экспедиции генерал Ломакин, сменивший умершего Лазарева, писал о невероятном сопротивлении туркменских племен, ожесточенности, с которой они сражались против русских войск[57].

С другой стороны, в решающий момент русский отряд остался без продовольствия и транспорта, это сделало невозможным наступление русской армии после неудачного сражения при Геок-Тепе 28 августа 1879 г. Великий князь Михаил в телеграмме Александру II, объясняя причины отступления экспедиционного отряда от Геок-Тепе, писал: «К дальнейшему же обратному движению отряд был принужден ввиду полного расстройства перевозочных средств от огромного падежа верблюдов до половины их числа»[58]. Генерал Ломакин констатировал, что «на приобретение довольствия на месте или из Персии нечего было и рассчитывать»[59].

БОРЬБА ЗИНОВЬЕВА ПРОТИВ УСИЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ТЕГЕРАНЕ

Томсон не верил, что английским представителям удастся воспрепятствовать снабжению русских войск с персидской территории, так как знал, что персидские власти не в силах осуществлять контроль над местным населением и, тем более, над местными правителями, которые даже при строжайших запретах стали бы продавать русским войскам все необходимые товары из-за личной выгоды[60]. Главной задачей Томсона было ухудшение отношений между Персией и Россией, поэтому он так настойчиво пытался добиться от персидского правительства приказов, запрещающих снабжение русских войск продовольствием, и требований протестовать против тех действий русского командования, в которых он усматривал угрозу Индии.

[56] O'Donovan to Churchill, 13. VIII 1879, F. O. 539, v. 16, N 442, p. 405.
[57] Присоединение Туркмении к России, стр. 454—455.
[58] Там же, стр. 458.
[59] Там же, стр. 460.
[60] Thomson to Churchill, 12. VIII 1879, F. O. 539, v. 16, N 361, p. 332.

Подтверждая правильность этой тактики британской дипломатии в Персии, Роулинсон писал, что основная задача Англии — вырвать Персию из рук России «во что бы то ни стало»[61]. Обращая внимание Зиновьева на эту статью Роулинсона, Горчаков отмечал, что представления Томсона и его действия по отношению к персидскому правительству соответствуют высказыванию Роулинсона. «Это новое доказательство огромного авторитета, которым пользуется Роулинсон в Форин Оффис, и следовательно, нужно полагать, что политика, которую он рекомендует, будет проводиться британским правительством»,— писал Горчаков[62]. В связи с этим деятельность русского посла в Тегеране в этот период проводилась в двух направлениях: 1) борьба за нейтрализацию попыток Томсона не допустить снабжение русских войск с персидской территории; 2) стремление удержать влияние и позиции России в Персии. Главной своей задачей в этот период Зиновьев считал поддержание «дружественных отношений» с шахским правительством для того, чтобы, во-первых, обеспечить его «искреннее содействие» русским экспедициям в Закаспий, во-вторых, противодействовать происках британского правительства, «имевшим целью вовлечь Персию во враждебные России комбинации», и, наконец, в-третьих, добиться удовлетворительного решения пограничного вопроса у Каспийского моря[63]. Зиновьев отмечал, что часто вынужден был ради благополучного решения этих задач воздерживаться от представлений по другим вопросам и равнодушно смотреть на происки Томсона, зная о них.

На основе решения Особого совещания от 22 января 1879 г., касавшегося положения Закаспийской области и с учетом мнения начальника штаба Кавказского округа генерал-лейтенанта Павлова[64], в Главном штабе разработали план предстоящей экспедиции с разбором основных принципиальных вопросов. Главный штаб указывал: «Овладение текинским оазисом и прочное там водворение» не цель экспедиции, а только «главнейший шаг» к окончательному решению вопроса о Мерве и установлению русских границ вдоль фактических владений Персии, Афганистана и Бухары[65]; он считал, что для подчинения всего Ахал-Текинского оазиса России необходимо овладеть

---

[61] The Nineteenth Century, 1879, N 30 Aug., p. 399.

[62] Горчаков — Зиновьеву, 14. VIII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, д. 119, л. 53.

[63] Зиновьев — Гирсу, 31. XII 1881 г., ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1880 г., д. 68, л. 32.

[64] Присоединение Туркмении к России, стр. 376.

[65] Об экспедиции в Текинский оазис. Доклад Главному штабу, 19. II 1878 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 686, ч. I, л. 49.

районами Геок-Тепе и Ашхабада, имея ввиду их важность в административном и политическом отношении. Наиболее подходящими для наступления признавались два пути: 1) по долине Атрека на персидские районы Буджнурд, Ширван, Кучан и далее через хребет Копет-Даг к Ашхабаду; 2) по долине Атрека и далее через курдские поселения по долине Мана с последующим выходом к текинским поселениям Янги-Кара и Баб-Араб через хребет Копет-Даг. Однако принимая во внимание, что использование этих путей привело бы к осложнениям с Персией, Главный штаб избрал для наступления русской экспедиции несколько другое направление, проходившее вдали от курдских и персидских поселений. Оно пролегало по маловодной реке Сумбар через Ходжи-Кала на Беурму, откуда до Геок-Тепе оставалось лишь 8—10 переходов. Снабжение отряда предполагалось осуществлять частично коммерческим путем, т. е. закупками фуража, муки, перевозочных средств в Персии.

Овладение Мервом считалось «невыгодным» в политическом, особенно в экономическом, отношении, поэтому движение из Ахал-Текинского оазиса к Мерву строго воспрещалось и начальнику экспедиции вменялось в обязанность любыми средствами предотвратить дальнейшее движение в глубь туркменской степи. Главный штаб выделял две основные идеи, которыми должен был руководствоваться начальник экспедиции: «1) Цель предполагаемой экспедиции необходимо ограничить Текинским оазисом с положительным воспрещением движения на Мерв; 2) Пути движения войск не должны касаться персидской территории»[66].

Милютин, ставя в известность Министерство иностранных дел о предполагаемой экспедиции в Закаспий, просил Гирса добиться того, чтобы русский посол в Тегеране вступил в соглашение с персидским правительством и определил примерный район действия русских войск, добившись разграничения персидских владений, чтобы избежать неприятных осложнений с Персией. Кроме того, Военное министерство стремилось заручиться согласием персидского правительства о представлении персидским подданным права доставлять в русский отряд продовольствие, фураж и перевозочные средства[67].

Зиновьев в Тегеране настойчиво подготавливал персидское правительство к перспективе занятия Ахал-Текинского оазиса русскими войсками, усиленно подчеркивая выгоды, которые по-

[66] Об экспедиции в Текинский оазис. Доклад по Главному штабу 19. II 1879 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, ч. I, л. 54. На экземпляре в ЦГВИА резолюция Милютина: «Высочайше повелено исполнить согласно изложенным соображениям, 20. II 1879 г.».

[67] Милютин — Гирсу, 24. II 1879 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, ч. I, л. 66.

лучит оно с установлением русской власти в оазисе. В ответ он неизменно получал заверения лично от шаха и от его министра в том, что персидское правительство не только не станет мешать русским войскам, но и по мере своих возможностей окажет им помощь[68]. Однако министр иностранных дел Персии, получив сообщение о подготовке русской экспедиции в феврале 1879 г. в связи с представлениями Томсона просил Зиновьева рассказать о ее цели.

Во избежание подозрений со стороны шаха и его министров Зиновьев откровенно рассказал о намечаемой экспедиции. Мирза Хусейнхан не стал вникать в подробности и задал лишь один вопрос: не намереваются ли русские захватить Мерв? Получив от Зиновьева отрицательный ответ он удовлетворился и прекратил свои расспросы[69]. В конце марта 1879 г. Зиновьев ездил в Баку для переговоров с великим князем Михаилом и командующим экспедицией генералом Лазаревым. Целью его поездки была координация действий, уточнение задач русского посольства в Тегеране в связи с предстоящим осуществлением планов русского командования.

Накануне отъезда из Тегерана Зиновьев был приглашен во дворец шаха, где показали копию меморандума Томсона от 13 марта 1879 г. Английский посол требовал ясного заявления о позиции персидского правительства в связи с предстоящим наступлением русских войск в Закаспии. Выслушав заверения Зиновьева, что цель экспедиции в установлении спокойствия в Ахал-Текинском оазисе, Насретдин-шах подтвердил свое прежнее обещание оказать помощь в успешном наступлении русских войск, но попросил ответного заверения, что русское правительство постарается оградить Персию от враждебных действий английского правительства и не даст Англии повода для подобных действий[70]. Это был тревожный симптом, показавший Зиновьеву усиление воздействия Томсона на персидское правительство и убедивший его в необходимости осторожной тактики.

Из бесед с Ломакиным в Красноводске и с шахом в Тегеране Зиновьев уяснил как важна для русских войск помощь продовольствием, фуражом и транспортными средствами с территории Персии, и с другой стороны, понял необходимость тщательного соблюдения осторожности в действиях русских войск, чтобы не вызвать недовольства персидского правительства. Он

---

[68] Зиновьев — Горчакову, 27. II 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 164. Документ имеется также в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, ч. I, л. 85.

[69] Там же.

[70] Зиновьев — Горчакову, 27. III/8. IV 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, 1879 г., д. 27, л. 180.

отчетливо представлял себе свою задачу, заключавшуюся, во-первых, в обеспечении всем необходимым с территории Персии наступающих русских войск, и, во-вторых, в недопущении таких действий со стороны русского командования, которые дали бы основания персидскому правительству подозревать правительство России в ущемлении суверенных прав персидского шаха. В письме к Горчакову Зиновьев подчеркивал, что потребность в помощи Персии будет возрастать по мере углубления русских войск на территории, сопредельные с Хорасаном, и считал необходимым в будущем закупать продовольствие в Буджнурде и Кучане. Он указывал также на значительную роль, которую Персия может сыграть после покорения Туркмении при установлении там русских порядков. В связи с этим он просил дать указание русскому командованию тщательно избегать нарушения границ Хорасана там, где власть шаха не подлежит сомнению[71].

Зиновьеву не удалось полностью решить первую задачу, ее осуществление во многом усложняли нечеткие, а порой неправильные действия русского командования, в частности, генерала Лазарева. Лазарев то обращался за содействием в закупке продовольствия с персидской территории и посылал своих представителей в Тегеран[72], то отменял свои распоряжения и прерывал уже начатые Зиновьевым переговоры в Тегеране[73]. Главным же препятствием в решении этой задачи было поведение персидского правительства, в особенности Мирзы Хусейнхана. Несмотря на обещания шаха предоставить помощь наступающим русским войскам, Мирза Хусейхан в ответ на запросы Зиновьева давал уклончивые ответы и, казалось, был мало склонен выполнять это обещание. Более того, он уведомлял Томсона о требованиях русского посла и руководствовался его рекомендациями относительно линии действия. Так, когда Зиновьев спросил разрешения послать русского торгового агента в Буджнурд для закупки продовольствия, английский посол предложил отвергнуть эту просьбу, указывая, что под видом торгового агента едет платный служащий русского командования[74]. Каждый раз, когда Мирза Хусейнхан намеревался выполнить обещание шаха, Томсон угрожал ему серьезными политическими осложнениями.

---

[71] Зиновьев — Горчакову, 27. III/8. IV 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, 1879 г., д. 27, л. 183.

[72] См. его письмо Зиновьеву от 5. IV 1879 г. (копия), АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 248—249.

[73] Телеграмма Лазарева Зиновьеву от 14. VI 1879 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6861, ч. I, л. 219.

[74] Thomson to Salisbury, 12. VII 1879, F. O. 539, N 328, p. 292.

Случалось так, что утром под давлением Зиновьева персидский министр давал распоряжение разрешить русским закупку продовольствия в Хорасане, а через несколько часов под нажимом Томсона отменял его[75]. Зиновьев знал, чьих рук это дело, он писал генералу Лазареву: «Английские агенты не перестают прибегать к самым энергичным усилиям и даже угрозам с тем, чтобы заставить шахское правительство отказывать в каком бы то ни было содействии нашей экспедиции[76]. Пытаясь ускорить решение вопроса об оказании содействия русским войскам, Зиновьев иногда угрожал шаху аннулированием всех прежних заверений русского правительства и требовал конкретного ответа и выполнения им своих обещаний. 20 июня 1879 г. он попросил Мирзу Хусейнхана заехать в русское посольство для очень «серьезного» и «важного» разговора в присутствии Петрова, посланного генералом Лазаревым для закупок продовольствия из Персии. С раздражением он говорил о двуличной политике Персии, о недовольстве русского правительства поведением шаха, нарушающего свое обещание. «Независимо от того, поможет Персия или нет,— заявил Зиновьев,— результат экспедиции будет тот же, но что касается Персии, то из-за своей недружественной позиции ей придется в будущем раскаиваться»[77]. Мирза Хусейнхан передал содержание разговора Томсону и просил его совета. Томсон рекомендовал ему требовать от русского посла письменное заверение в том, что русские войска не нарушат территориальных прав Персии в Ахал-Текинском оазисе и настойчиво указывал, что Ахал-Текинский оазис принадлежит Персии.

Зиновьев отказался давать письменное заверение, о котором говорил Томсон, и это вызвало новые подозрения шаха и его министра, а также основания для новых инсинуаций английского посла[78]. Английский посол стал убеждать Мирзу Хусейнхана в том, что русские пытаются расторгнуть прежние соглашения и ликвидировать гарантии границ по Атреку[79].

---

[75] Thomson to Salisbury, 14. VII 1879, F. O. 539, v. 16, N 331, p. 297.

[76] Зиновьев — Лазареву, 7. VII 1879, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз., 1879, д. 27, л. 317.

[77] Thomson to Salisbury, 27. VI 1879, F. O. 539, v. 16, N 320, p. 280.

[78] Томсон писал лорду Солсбери: «Министр иностранных дел дальше информировал меня, что отказ русских дать какие-либо письменные заверения вызвал подозрение шаха и его министров, так как это совершенно очевидно свидетельствовало, что они, должно быть, преследуют какие-то скрытые намерения, опасные по отношению к Персии». Далее Томсон сообщал, что заявления Зиновьева, отказавшего в этих заверениях, вызвали неблагоприятное впечатление в персидских правящих кругах и произвели совсем другой эффект, чем он рассчитывал. Ibid, p. 280.

[79] Thomson to Salisbury, 27. VI 1879, F. O. 539, v. 16, p. 280.

Горчаков, которому Зиновьев сообщил о происках английского посла, одобрил его отказ дать письменное заверение, которого от него требовали. «Ясно,— писал он,— что лондонский кабинет пытается вдохновить страстное желание Персии и возбудить ее претенциозное право на туркменскую степь с тем, чтобы, расширив ее границы, вклинить персидскую территорию между Россией и Мервом»[80]. Горчаков отмечал, что русское правительство могло бы дать шаху лишь общие заверения «благожелательности», с которой император будет оценивать «потребности, пожелания и интересы Персии», когда придет час определять на месте границы обеих стран[81].

Таким образом, вопрос о продовольственных поставках русской армии с персидской территории выходил за рамки обычной коммерческой сделки и в руках английской дипломатии превращался в важное средство ухудшения русско-персидских отношений. Правда, персидский министр был очень осторожен и не хотел окончательно рвать с Россией. Он представил дело таким образом, будто Мирза Ханлярхан едет осуществлять фирман шаха о предоставлении продовольствия русским войскам с персидской территории. Все было настолько искусно обставлено, что Зиновьев, прекрасно знавший нравы персидских государственных деятелей, поверил в эту уловку и сообщил Лазареву, что персидский чиновник Мирза Ханлярхан направлен в Буджнурд и Кучан для обеспечения продовольственных поставок русским войскам[82]. Но в результате такого «обеспечения» после поражения под Геок-Тепе 28 августа 1879 г. русские войска остались без продовольствия и транспортных средств и были вынуждены отступить[83].

---

[80] Горчаков — Зиновьеву, 14. VIII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1879 г., д. 119, л. 55.

[81] Там же, л. 55.

[82] Зиновьев — Лазареву, 7. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 318—321. Правда, в конце письма Зиновьев все-таки предупреждал: «Что касается нравственных качеств Ханляр-хана, то, конечно, нет оснований предполагать, чтобы в этом отношении он особенно выдавался между своими соотечественниками. Ввиду этого было бы, конечно, весьма желательным иметь близкий надзор за образом действий названного комиссара».

[83] Русское командование обратилось к Зиновьеву с просьбой добиться от персидского правительства разрешения нанять в Персии 200 мулов. Шах разрешил русским нанимать мулов в требуемом количестве, но в этот же день направил хорасанским властям секретный приказ, запрещавший давать мулов русским представителям. Сообщая об этом Томсону, шах заявил, что погонщики мулов не будут работать без разрешения властей, а такое разрешение, как он подчеркнул, им не будет дано. Thomson to Salisbury, 16. VI 1879, F. O. 539, v. 16, N 299, p. 263.

Томсон выиграл важный тактический бой, но это не означало выигрыша всего сражения. Главной цели — ухудшить отношения между Персией и Россией, сделать их враждебными и установить подавляющее британское влияние, превратить таким образом Персию в орудие своей политики в Средней Азии — ему не удалось добиться. Зиновьев потерпел поражение в этом бою, зато ему удалось выиграть главное сражение и сохранить прежнее влияние России, несколько омраченное раздражительными откровенными беседами с персидскими министрами.

Зиновьев с момента получения сообщения о готовящейся экспедиции, энергично убеждал свое правительство воздержаться от мер, которые могли бы вызвать недовольство или подозрение персидских министров. Прежде всего он рекомендовал тщательно избегать нарушения границ владений шаха там, где его власть не подлежала сомнению[84]. Зиновьев неоднократно пресекал попытки генерала Лазарева под тем или иным предлогом включить в сферу операций русских войск и часть персидской территории, особенно по долине р. Атрек[85]. Зиновьев избегал всяких разговоров о претензиях персидских представителей, подстрекаемых английским послом[86], на Кари-Кала, хотя как видно из доклада полковника Петрусевича, персидские власти не имели права на эту важную в стратегическом отношении местность. Более того, русский посол бдительно следил за тем, чтобы генерал Лазарев не касался этой местности в своем движении и избегал действий, которые могли расцениваться как попытки овладеть ею. В письме к генералу Лазареву Зиновьев рекомендовал воздерживаться на время от захвата Кари-Кала, указывая на деликатность отношений с персидским правительством, связанных с территориальным вопросом[87]. В депеше к Гирсу от 9/21 июля 1879 г. он подчеркивал, что оккупация русскими войсками Кари-Кала вызовет «громкие жалобы» со стороны персидского правительства и убеждал в необходимости воздержаться от этого шага[88]. «В сущности, несомненно,— указывал Зиновьев в другой депеше,— что персидское правительст-

---

[84] Зиновьев — Горчакову, 27. III 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз., 1879 г., д. 27, л. 183.

[85] См. в частности, Зиновьев — Горчакову, 7. IV 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз., 1879 г., д. 27, л. 189.

[86] Так один из меморандумов, написанный Томсоном для Мирзы Хусейн-хана с целью отправки в русское посольство в мае 1879 г., был целиком посвящен вопросу о Кари-Кала. В нем утверждалась принадлежность Кари-Кала Персии.

[87] См. письмо Зиновьева 7. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 325.

[88] Зиновьев — Гирсу, 9/21. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 307.

во понимает трудности, которые оно встретит позже, когда захочет заставить императорское правительство принять его претензии[89]. В связи с этим, по его мнению, оно энергично настаивало на этом вопросе в данный момент, мало рассчитывая на успех, но надеясь в будущем, когда наступит время для окончательного урегулирования положения в Туркмении, получить основание для новых представлений[90].

Дело обстояло гораздо сложней, чем думал Зиновьев. В сущности персидское правительство выдвигало претензии на Кари-Кала лишь по настоянию Томсона, который постоянно провоцировал персидское правительство сделать представления по поводу Кари-Кала, подчас используя лживые сведения. Это ему нетрудно было сделать, поскольку он был гораздо лучше осведомлен о событиях на границах Персии, чем само персидское правительство. Так, 22 августа 1879 г. он заехал в Министерство иностранных дел Персии и сообщил, что, по его сведениям, русские оккупировали Кари-Кала или часть района и внушал Мирзе Хусейну, что этот акт является прямым нарушением территориальных прав Персии и свидетельствует о пренебрежении русских интересами персов[91]. Он советовал не терять времени и послать протест по этому поводу. Персидский министр иностранных дел колебался, поскольку у него не было сведений, но в конце концов он согласился с Томсоном. Этот протест был написан и передан через персидского посла в Петербург барону Жомини, который замещал уехавшего Гирса. Послание было выдержано в резких тонах: персидское правительство требовало смещения русского главнокомандующего, виновного, якобы, в нарушении территориальных прав Персии[92]. Жомини, не веря, что подобное заявление могло быть сделано по приказу шаха, просил Зиновьева выяснить это и выразить крайнее неудовольствие русского правительства в связи с подобным заявлением. Это заявление лишний раз доказывало правильность позиции Зиновьева в вопросе о Кари-Кала, и Жомини сообщал ему, что его точка зрения одобрена императором[93].

---

[89] Зиновьев — Гирсу, 25. IX/7. X, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 438.

[90] Там же.

[91] Thomson to Salisbury, 23. VIII 1879, F. O. 539, v. 16, N 376, p. 349. Как выяснилось впоследствии, в Кари-Кала зашел лишь небольшой отряд русских солдат, преследовавший группу туркменских всадников, которая произвела набег на расположение русских войск и отбила стадо баранов у туркмен-иомудов, помогавших русским войскам. Письмо генерала Лазарева Зиновьеву, 21. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 385—386.

[92] Жомини — Зиновьеву, 22. IX 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 135, л. 50.

[93] Там же.

Зиновьев рекомендовал тщательно избегать действий, которые могли вызвать недовольство шахского правительства[94], тем более, что назначенный в Астрабад английский консул Черчилль зорко следил бы за действиями русских в этом районе и воспользовался бы любым случаем для ухудшения отношений между Россией и Персией. «Ввиду установления в скором времени британского консульства в Астрабаде,— писал Зиновьев,— в наших интересах было бы не допустить всего того, что даст мистеру Черчиллю правдоподобный предлог для обоснования недоверия персидских властей»[95].

Ему зачастую приходилось разъяснять генералу Лазареву необходимость быть сдержанным во взаимоотношениях с пограничными племенами, особенно там, где персидское правительство могло расценивать действия русского командования как посягательство на его суверенные права. Дело в том, что русские генералы мало считались с вопросами дипломатических отношений и в своих действиях выходили за рамки правил подобных отношений, ссылаясь на интересы успеха военных действий против туркмен[96]. Касаясь заявления персидского правительства относительно попыток русского командования привлечь йомудские племена к себе на службу (причем указывалось, что русское командование прибегло к телесным наказаниям туркмен, отказавшихся отправиться на работы, к которым привлекало их русское командование[97]), Зиновьев писал генералу Лазареву: «Нельзя обвинять правительство шаха в том, что оно неблагоприятно отнеслось к распоряжениям нашим относительно йомудов». Он просил учесть обстоятельства, которые, по его мнению, делают распоряжения русского командования посягательством на права персов, считая йомудов своими подданными[98]. Зиновьев разъяснял, что нельзя винить персидское правительство в подозрительности и постоянных жалобах на нарушение его суверенитета, исходивших из полного незнания обстоятельств и укоренившихся с давнего времени предубеждений[99].

Благодаря своей настойчивости и осторожности Зиновьеву удалось лишить британского посла возможности спекулировать

---

[94] Зиновьев — Гирсу, 30. VI/12. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 296.

[95] Там же, л. 297.

[96] См. в частности, донесение управляющего консульством в Астрабаде посланнику в Тегеран от 23. VI 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 298—299.

[97] Там же, л. 299.

[98] Зиновьев — Лазареву, 7. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 316.

[99] Зиновьев — Лазареву, 7. VII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 318.

на действиях русских властей и внушать недоверие персидскому правительству по отношению к России. Он сумел предотвратить усиление влияния при шахском дворе проанглийской группировки, которая стояла за сближение с Англией и изменение внешнеполитической ориентации.

Шах, несмотря на колебания, оставался верен дружественным отношениям, которые у него сложились с Россией и упорно не желал идти на поводу у английского посла. Правда, иногда, пытаясь извлечь для себя пользу из англо-русских противоречий, он готов был согласиться на некоторые меры, рекомендуемые английским послом, но в целом он отверг антирусский курс, предложенный ему Англией. Так, он отклонил проект меморандума, написанный Томсоном в резких выражениях и предназначенный для отправки в русское посольство. Боясь вызвать недовольство и раздражение правительства России, шах велел составить совершенно другой меморандум. Кроме того, он послал Томсону записку, в которой выражал возмущение по поводу постоянных попыток настроить Персию против России[100].

Зиновьев, подчеркивая неизменное расположение Насретдин-шаха к России, писал в одной из депеш: «Что бы ни произошло в будущем, в настоящий момент мне кажется Насретдин-шах почти убежден, что вмешательство Великобритании не принесет ему какой-либо пользы и что именно развивая нашу дружбу, он самым наилучшим образом гарантирует безопасность интересов своей страны»[101]. Эту мысль он впоследствии неоднократно подчеркивал и на практике все более убеждался в обоснованности своих предположений[102].

В феврале 1879 г., несмотря на упорное противодействие Томсона, русский посол и Мирза Хусейнхан подписали соглашение о поступлении на службу в иранскую армию с целью обучения ее кадров четырех казачьих офицеров и пяти урядников. Шах пожелал приобрести в России 1000 казачьих винтовок системы Бердана и 300 тыс. патронов[103]. Кроме того, 24 июня 1879 г. в Тегеране была подписана телеграфная конвенция между Россией и Персией, по которой русский телеграф в Чикишляре присоединялся к англо-индийской телеграфной сети,

---

[100] Shah to Sepeh Salar, 5. V 1879, F. O. 539, v. 16, N 258, p. 221.

[101] Зиновьев — Гирсу, 30. VI 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 293.

[102] См. в частности, Зиновьев — Гирсу, 25. IX 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, л. 437.

[103] Зиновьев — Гирсу, 19. II 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 135, л. 73.

доходившей до Астрабада[104]. Все это красноречиво свидетельствовало о том, что попытки британского посла ухудшить русско-персидские отношения и разжечь вражду между двумя соседними странами провалились. Русские войска потерпели поражение в Туркмении в 1879 г. не по вине персидского правительства, а главным образом из-за бездарности русского командования, допустившего грубые промахи, и несогласованности его действий. Позиция Персии не могла повлиять на ход операций, хотя в какой-то мере и усложнила положение русских войск после поражения, понесенного при Геок-Тепе[105].

ПРОВАЛ «ГЕРАТСКОГО ВАРИАНТА» АНГЛИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ПЕРСИИ

Разгром английского посольства в Кабуле в сентябре 1879 г. и развернувшиеся затем операции британских войск в Афганистане, в ходе которых оказалось, что английские войска не в состоянии удержать его под своей властью, вызвали необходимость перенести центр тяжести английской политики в Средней Азии из Афганистана в Персию. К концу ноября 1879 г. после долгих обсуждений британский кабинет наметил новый курс внешней политики. Литтон предлагал превратить Афганистан

---

[104] Эта конвенция также была заключена вопреки упорному противодействию Томсона. Узнав о переговорах, ведущихся между Зиновьевым и Мирзой Хусейнханом (о них ему по секрету доложил сам Мирза Хусейнхан), он стал отговаривать персидское правительство от заключения подобной конвенции, утверждая, что она таит в себе угрозы безопасности Персии. Эта опасность, по его утверждениям, заключалась в том, что телеграфную линию надо было защищать, а Персия не сможет этого делать по своей слабости и это предоставит России многочисленные предлоги для постоянного вмешательства русских во внутренние дела Персии. Thomson to Salisbury, 6. III 1879, F. O. 539, v. 16, N 180, p. 156.

[105] Томсон придерживался на этот счет другого мнения, считая, что отказ Персии снабжать продовольствием русские войска сыграл важную роль в исходе русской экспедиции. «Этот результат,— писал он,— имел огромное значение для правительства Ее Величества. Если бы русская экспедиция была успешной, что и случилось бы, если бы она получила всецелую помощь, обещанную тогда Персией, и, если бы русские войска утвердились таким образом в Мерве или где-либо еще, получив доступ к границам Герата, весь Афганистан был бы в брожении, тогда трудности нашего положения в нем и наших переговоров выросли бы в огромной степени». Thomson to Salisbury, 28. XI 1879, F. O. 539, v. 17, N 6, p. 6.

Это заявление — явная попытка английского посла, не отличавшегося излишней скромностью, приписать себе незаслуженные лавры. Во-первых, перед русской экспедицией не ставилась цель — достичь Мерва; во-вторых, вплоть до Геок-Тепе у русских войск было достаточно продовольствия; в-третьих, если бы русские войска овладели Геок-Тепе, Зиновьев нашел бы способ заставить персидское правительство обеспечить их продовольствием.

в группу полунезависимых княжеств, находящихся под влиянием английской короны. Британские войска должны были на некоторое время оккупировать всю страну. При условии оккупации Кандагара и сооружения в двухгодичный срок железной дороги между Кандагаром и Гератом, Литтон считал возможным передать Герат шаху как феодальное владение, примерно на тех же правах, что и князьям, владевшим Кандагаром, Кабулом, Газни, тогда шах полностью зависел бы от правительства Индии[106].

Лорд Солсбери высказывался за установление «самой тесной связи с Персией», выражая опасения, что в противном случае Россия опередит Англию. В целом он одобрял предложения Литтона[107]. Лорд Крэнбрук, считая расчленение Афганистана неизбежным, также поддерживал предложения Литтона, но говорил о необходимости ускорить заключение конвенции с Персией относительно Герата[108].

После обмена мнениями в начале декабря 1879 г. кабинет принял решение одобрить точку зрения лорда Крэнбрука и предложил лорду Солсбери продолжить переговоры, начатые с персидским правительством относительно Герата. Дизраэли, представляя королеве соображения кабинета, указывал причину столь спешного решения: Россия в настоящий момент не могла проводить активной политики в Персии, так как после разгрома экспедиции в Туркмении оказалась в затруднительном положении. По мнению Дизраэли, она могла выступить против Персии не ранее чем через два года, а за это время Англия проложит железную дорогу от Кандагара до Герата и быстро выдвинет по этой дороге свои военные силы, которым Россия не сможет противостоять. Дизраэли подчеркивал, что лорд Солсбери в своем проекте конвенции предусматривает множество обязательств для Персии, которые «практически сделали бы шаха держателем феодальным»[109]. Он отмечал наличие гарантий, которые заставят шаха выполнять эти обязательства: угроза военного разгрома, военная слабость Персии и доступность Персидского залива для английского флота[110].

Наиболее четко планы британского правительства в отношении Персии и Герата излагались в статье Роулинсона, опубликованной в журнале «Девятнадцатое столетие» в феврале

---

[106] Disraeli to Queen Victoria, 5. XII 1879; W. Monypenny, G. Buckle. Op. cit., p. 485.
[107] Ibid.
[108] Ibid.
[109] W. Monypenny, B. Buckle. Op. cit., p. 485.
[110] Ibid.

1880 г.[111] В ней раскрывалась новая ситуация, сложившаяся в Персии в связи с событиями в Афганистане и Туркмении, в результате которой шах решил реализовать старые претензии на Мерв и весь Мургабский оазис. Роулинсон допускал возможность оккупации Персией Герата и считал этот вопрос очень «важным» и «серьезным». В случае, если бы Персия вздумала злоупотреблять доверием английского правительства и использовать владение Гератом в ущерб интересам Англии, он считал нужным оккупировать Герат английскими войсками. Для того чтобы гарантировать в будущем устойчивый проанглийский курс политики шаха, он предлагал заключить между Англией и Персией военный союз, направленный против России. И лишь после этого можно было бы говорить о предоставлении Персии «материальной помощи». По мнению Роулинсона, в договоре о передаче Герата Персии следовало оговорить также, что английские власти получают право на границе Персии с Кандагаром установить аванпосты, которые при случае («угрозы с севера») можно было бы перебросить в Герат[112].

Лорд Солсбери верил в успех переговоров по этому вопросу. Он считал, что, несмотря на попытки России сорвать намерения Англии, шах не в силах будет отказаться от соблазнительного предложения Англии[113]. Вместе с тем, лорд Солсбери замышлял гораздо более широкое предприятие, чем то, о котором шла речь в письме Дизраэли к королеве. В одном из личных писем к лорду Дафферину он писал: «Я не считаю, что оккупация Персией Герата намечается быть постоянным соглашением. Россия будет разгневана этим и воспользуется ближайшей возможностью, чтобы наказать Персию. Эта возможность не замедлит наступить, и, возможно, одним из результатов этой операции будет распад Персии на части. Но к этому времени наша железная дорога пройдет в Джуише, и Россия будет совершенно неспособна атаковать Герат до тех пор, пока не проведет свою железную дорогу по крайней мере до Мешхеда, а я думаю смогу отсрочить этот день за пределы жизни этого поколения. Мы должны будем также, я думаю, коммерчески утвердиться на р. Карун и иметь возможность защитить южную Персию в случае угрозы»[114]. Таким образом лорд Солсбери намеревался вызвать военный конфликт между Персией и Россией, который привел бы к развалу персидской монархии и установлению полного господства Англии над Персией, поскольку Россия, не имея железной дороги

[111] H. Rawlinson. The Situation in Afghanistan, The Nineteenth Century, 1880, Feb., N 36.

[112] The Nineteenth Century, 1880, Feb., N 36, p. 211—212.

[113] Salisbury to Dufferin, 4. II 1880 (private), Salisbury's papers, v. 31.

[114] Salisbury to Dufferin, 4. II 1880 (private). Salisbury's papers, v. 31.

в Туркмении, не смогла бы соперничать с английскими войсками, переброшенными в Герат с индийских баз.

Герат становился приманкой для шаха, он должен был сыграть роковую роль в судьбе его королевства. «Мы должны быть готовы к взрыву русского гнева и увеличению русской активности, как только эта конвенция, если только она пройдет, станет достоянием публики»— подчеркивал лорд Солсбери, указывая на последствия замышляемой им конвенции. Единственное, чего он опасался — как бы не заподозрили его в стремлении связать себя помощью Персии, которую он не собирался оказывать ни в коем случае[115].

Замышляя этот коварный план, британское правительство преследовало цель коренного изменения положения на Среднем Востоке. Спровоцировав военный разгром Персии при помощи России, оно могло бы решить и остальные проблемы, связанные с политикой в этом районе. В то же время передача Персии Герата могла превратить ее в послушное орудие британской политики в Средней Азии. Претензии Персии на Ахал-Текинский оазис, попытки установить свое господство над Мервом и над всеми туркменами Мургабского оазиса, безудержное стремление шаха к расширению территориальных владений должны были иметь реальные основания. Будучи держателем Герата, шах превратился бы в проводника английской политики, и Герат стал бы плацдармом для дальнейшего развития наступательной политики Англии в Средней Азии. Главным вопросом затем стали бы отношения с туркменами. Англичане, войдя в непосредственный контакт с ними, могли обрести широкий простор для своей деятельности, которую они так энергично развивали, даже не имея никакого контакта.

Незадолго до событий в Кабуле, 30 августа 1879 г. Кавеньяри излагал Литтону свои соображения относительно того, как обратить туркмен в средство борьбы против России. Он предлагал предупредить переход Мерва в руки России, установив над ним протекторат Афганистана или Персии. В связи с внутренними беспорядками и неустойчивостью политической ситуации в Афганистане Кавеньяри считал предпочтительным персидский протекторат. Затем, по расчетам Кавеньяри, следовало вооружить туркмен для борьбы против России. Он писал Литтону: «Многочисленные силы текинцев и их природная отвага дают возможность полагать, что получив помощь оружием и деньгами, они смогут оказать длительное сопротивление, которого даже русские войска, ныне сконцентрированные, но разбросанные по всей линии и при растянутых коммуникациях, не смогут лег-

[115] Ibid.

ко преодолеть. Русская пресса утверждала, что к текинцам проникает много огнестрельного оружия через гератскую долину, так ли это на самом деле или же это ложь, это указывает средства косвенной помощи туркменам, если бы решили сделать так»[116]. Гератская долина представлялась британским советникам удобным каналом для прямого контакта с туркменами и обеспечения их необходимыми средствами борьбы против русских войск. Как показали события в Афганистане, Англии трудно было бы самой утвердиться в Герате, к тому же приходилось считаться с Россией, которая могла прибегнуть к решительным мерам для овладения Мервом с целью нейтрализации последствий захвата Герата Англией[117]. Передача Герата персидскому шаху сделала бы Персию зависимой от Англии и предоставила Герат в полное распоряжение Англии до того времени, когда Персия будет разрушена Россией, после чего благодаря железной дороге Англия рассчитывала открыто установить свой протекторат над Гератом.

Уверенность лорда Солсбери, что шах непременно польстится на территориальные приобретения, была обоснована. Как только в Тегеран поступило сообщение о разгроме в Кабуле британской миссии, шах вновь обратился к Томсону с вопросом о Сейистане. В письме к английскому послу он обещал, что в случае положительного решения вопроса, Персия будет очень «обязана»[118]. Передавая это письмо Томсону, Мирза Хусейнхан отметил: персидское правительство понимает, что Гандамакский договор не предусматривал отделение Сейистана от Афганистана, но просит учесть желание шаха при заключении нового договора с Афганистаном[119].

Лорд Солсбери телеграфировал Томсону о согласии британского правительства удовлетворить просьбу шаха и об указании, данном Литтону, учесть ее «при заключении любых будущих соглашений, которые могут быть достигнуты вследствие недавних событий в Афганистане»[120]. Таким образом, он давал аванс и одновременно собирался выяснить, насколько далеко может пойти в этом направлении персидское правительство. Результаты оказались обнадеживающими. Через несколько дней после получения его телеграммы шах передал Томсону записку, в ко-

---

[116] Cavagnari to Lyall, 30. VIII 1879, F. O. 539, v. 16, N 471, p. 430. Это письме Кавеньяри Литтон направил в Лондон на рассмотрение лорду Солсбери.

[117] Британское правительство в этом не сомневалось и понимало, что не сможет воспрепятствовать ей. См. указанное выше частное письмо Солсбери Лофтусу от 24. XII 1878 г.

[118] F. O. 539, v. 16, N 420, p. 384.

[119] Ibid.

[120] Salisbury to Thomson, 22. X 1879, F. O. 539, v. 16, N 460a, p. 420.

торой заверял, что даст разрешение на плавание английских кораблей и торговлю на р. Карун, если его просьба о Сейистане будет удовлетворена[121]. Кроме того, как телеграфировал полковник Росс, губернаторы Фарса, Арабистана и Хузистана (пограничные с Афганистаном области) получили инструкции шаха продать английским представителям необходимое количество мулов, предназначенных для предстоящего похода в Афганистан[122].

Томсон начал неофициальные тайные переговоры с Мирзой Хусейнханом по вопросу о передаче Герата. Однако шах и его министр хорошо знали, что соглашение, заключенное против воли России или противоречащее ее интересам, вряд ли может быть осуществлено. Поэтому они пытались осторожно выведать реакцию русского правительства, чтобы в случае благожелательного отношения со стороны России заручиться и ее поддержкой в этом вопросе. 1 ноября 1879 г. Зиновьев телеграфировал в Ливадию о просьбе шаха информировать его о намерениях России в Афганистане в связи с наступлением английских войск. В конце телеграммы имелась коротенькая приписка: «В Герате господствует волнение, и народ высказывается в пользу Персии»[123]. Зиновьев передавал телеграмму со слов Мирзы Хусейнхана, очевидно, сведения о Герате были ему продиктованы персидским министром сознательно, для выяснения реакции Горчакова. Но Горчаков, видимо, не обратил внимания на эту реплику и просил лишь сообщить шаху, что, по его сведениям, англичане не рассчитывают утвердиться в Афганистане и что во всяком случае «интересы России и Персии сходятся в этом вопросе»[124].

Через несколько дней шах вновь сделал попытку, теперь уже более открыто, прощупать мнение русского правительства относительно Герата. Мирза Хусейнхан сообщил Зиновьеву, что лорд Солсбери заявил Малколмхану: политика Англии в Афганистане будет зависеть от политики России, и окончательный образ действий английского правительства еще не решен. Кроме того, в Тегеране Томсон заявил персидскому министру, что в случае движения русских войск на Мерв, Англия не остановится перед захватом Герата, но если Россия откажется от завоевания Мерва, она в свою очередь согласится признать независимость Герата и вступит в соглашение с Персией относительно уста-

---

[121] F. O. 539, v. 16, N 528, p. 484.

[122] F. O. 539, v. 16, N 529, p. 484.

[123] Зиновьев — Гирсу, 20. X/1. XI 1879 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 135, л. 103.

[124] Гирс — Зиновьеву, 26. X 1879 г., тел. Ливадия, АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 135, л. 43.

новления там системы правления. Русского посла убедительно просили сообщить о видах его правительства на Мерв. Зиновьев посоветовал Мирзе Хусейнхану не очень доверять заманчивым обещаниям англичан и обратился к Горчакову за указаниями по этому поводу[125]. В ответной телеграмме Гирс сообщал: «В настоящее время не имеем видов на Мерв. Вопрос этот будет находиться в зависимости от положения, которое примут англичане в Афганистане и в особенности относительно Герата. Продолжайте остерегать персиян от заманчивых обещаний англичан. Мы можем лишь сочувствовать, как и прежде, видам Персии на Герат»[126].

Неопределенный ответ не удовлетворил шаха, и он решил объясниться с Зиновьевым, рассчитывая благодаря личным дружеским отношениям с ним узнать побольше о позиции России в гератском вопросе. 10 декабря 1879 г. Зиновьев получил личную аудиенцию у шаха, на которой были затронуты последние события в Афганистане и возможные последствия наступления англичан. Основной темой беседы стал гератский вопрос и тот обмен мнениями, который происходил с Томсоном. Напоминая Зиновьеву об условии, при котором англичане заявили о своей готовности отказаться от оккупации Герата, шах пытался узнать о намерениях России в отношении Мерва. Зиновьев ответил, что в настоящий момент русское правительство не намерено брать Мерв, но, как он считает, оно не может брать на себя определенные обязательства, поскольку ему неизвестны планы Англии в Средней Азии. Тогда шах заявил, что он не отказывается от своих прав на Мерв, которые он, якобы, унаследовал от предков, однако не стал утаивать, что население Мерва не признает над собой его власти.

Шах утверждал также, что английское наступление в Афганистане — угроза Хорасану, и считал необходимым принять меры для предотвращения ее. В связи с этим он поставил вопрос о защите персидских владений, которая сводилась к тому, что Персия должна была освободиться от VI пункта Парижского договора 1857 г., запрещавшего ей всякое вмешательство в дела Герата.

Зиновьев был очень осторожен и признал, что в этом вопросе шах сам себе лучший советчик. Россия всегда относилась благосклонно к расширению персидского влияния в пограничных районах Афганистана, заявил он, и искренне сожалела, когда события 1857 г. заставили Персию отказаться от своих прав на

---

[125] Зиновьев — Гирсу, 29. X/9. XI 1879 г., тел. ф. Канцелярия, 1879 г., л. 70.

[126] Гирс — Зиновьеву, 30. X 1879 г., тел. Ливадия, АВПР, ф. Канцелярия, 1879 г., д. 135, л. 56.

Герат. Зиновьев подчеркнул, что мнение русских государственных деятелей не изменилось в этом отношении, и Россия будет приветствовать установление такого порядка, который дал бы возможность Персии избавиться от ограничений, наложенных на нее англо-персидским договором 1857 г. Однако аннексия Герата будет целесообразна только в том случае, если выгоды от обладания им не будут меньше принесенных жертв (в частности тяготы, налагаемые на Персию управлением Гератом, будут очень ощутимы в стране). Шах ответил, что имеющихся в Гератской области ресурсов достаточно для возмещения расходов по административному управлению им. Вместе с тем, он высказал мнение, что «Россия и Персия в одинаковой степени были заинтересованы в предотвращении утверждения англичан в Герате» и обе страны должны объединиться, чтобы воспрепятствовать англичанам, если британские войска сделают попытку захватить эту область. Зиновьев промолчал, отметив лишь необходимость заранее подготовить действенные средства для того, чтобы не быть захваченными врасплох[127].

Персидский шах, серьезно увлеченный проектами англичан, предпринял меры, которые должны были постепенно усилить его влияние в Герате и утвердить его фактическую власть. В конце декабря 1879 г. он отправил в Герат своего представителя Нур Мухамедхана с заданием сообщить Айюб-хану, что он должен считать себя губернатором, состоящим на службе шаха, подобно губернаторам Нишапура и Себзевара, и подчиняться его приказам. За это было обещано защищать Герат всеми имеющимися у Персии средствами. Томсон узнал об этом демарше шаха, но не стал препятствовать его увлечениям, так как знал, что у него нет ни денег, ни войск для выполнения своего обещания[128].

Зиновьев, полагая, что английское посольство и Мирза Хусейнхан начали официальные переговоры и достигнута определенная договоренность в отношении Герата, стал усиленно добиваться откровенного разговора с персидским министром. Мирза Хусейнхан долгое время удачно избегал его и только на приеме, устроенном в турецком посольстве 16.I.1879 г., русскому послу удалось поговорить с ним и спросить, как отнеслось британское посольство к назначению персидского комиссара в Герат[129]. Мирза Хусейнхан пытался уклониться от ответа, сбивчиво объяснял положение, приводил невнятные доводы. Зиновь-

---

[127] Содержание беседы приводится на основе депеши Зиновьева. См. «Зиновьев—Гирсу», 11/24. XII 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1879 г., д. 27, 192, л. 526—530.

[128] Meshed Agent to Thomson, 17. I 1880, F. O. 539, v. 17, N 125, p. 133.

[129] Зиновьев — Горчакову. 11/23. I 1879 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 1, л. 1.

ев не стал слишком допытываться, но потребовал принять его для откровенного разговора. Через день (18.I 1879 г.) он заехал в Министерство иностранных дел Персии и потребовал ясного и прямого ответа. Мирза Хусейнхан заявил, что Томсон сначала возражал против назначения комиссара в Герат, но затем согласился и даже вызвался добиться на это разрешения собственного правительства. Это дало основание Зиновьеву думать, что на переговорах о Герате сделан шаг вперед, и он потребовал рассказать ему все о ходе переговоров.

По словам Мирзы Хусейнхана, утром 16 января 1879 г. к нему зашел Томсон и выразил желание сообщить нечто очень важное по гератскому вопросу. Он стал говорить о трудностях, лежавших на пути решения этого вопроса и о нежелании индийских властей, да и лондонского кабинета, уступать Герат Персии без ясного и четкого заявления с ее стороны, что она никогда не будет солидаризироваться с планами России. Томсон обещал «помочь» в этом деле персидскому правительству, но прежде он выразил пожелание узнать его мнение, и в связи с этим представил проект соглашения о Герате, который в случае одобрения его шахом он собирался отправить в Лондон на утверждение британскому правительству.

Мирза Хусейнхан передал Зиновьеву проект соглашения, который Томсон дал ему под строгим секретом.

Проект соглашения по Герату, разработанный Томсоном

Ст. 1 Великобритания **временно** (подчеркнуто нами. — *Г. Х.*) отказывается от строгого применения статьи VI англо-персидского договора 1857 г., который запрещал персидскому правительству вмешательство во внутренние дела Герата. Она соглашается передать Персии временную администрацию над этой провинцией, но Персия не может присоединить Герат к своей территории до тех пор, пока персидское правительство не завоюет доверия Великобритании.

Ст. 2 Персия обязуется никогда не служить орудием происков, ведущих к волнениям в Афганистане или в Индии.

Ст.. 3 Персия обязуется не допускать в Герат иностранных агентов, за исключением английских.

Ст. 4 Уровень налогов, которые Персия будет иметь право собирать в Герате, будет фиксироваться особым соглашением между Персией и Великобританией.

Ст. 5 В случае, если британское правительство сочтет необходимым установить телеграфную линию или железную дорогу между Кандагаром и Гератом, Персия обязуется

оказать помощь в осуществлении этого предприятия. Она равно возьмет свою долю издержек в строительстве и эксплуатации железной дороги, и эта доля будет взиматься из доходов Герата.

Ст. 6 В случае, если Великобритания сочтет необходимым послать офицеров в Герат для укрепления города, либо для совершенствования подготовки персидского гарнизона, правительство шаха немедленно разрешит этим офицерам пройти в Герат и окажет им помощь и поддержку.

Кроме того, по мнению Томсона, не менее важно было, чтобы шах обязался осуществить в Персии реформы, которые давно уже назрели и стали необходимы в интересах иностранной коммерции[130].

Приняв этот договор, персидский шах фактически превратился бы в нечто подобное обычному индийскому радже. Он обязывался содержать Герат в интересах Англии, но не мог распоряжаться его доходами, предоставляя часть их на строительство английской железной дороги. Персия должна была поступиться последними препонами в своей внутренней политической и экономической жизни, которые еще сдерживали ее от закабаления иностранными компаниями и позволяли сохранять остатки политической независимости. Герат должен был стать ловушкой, которая сделала бы ее послушным орудием британской политики в Средней Азии.

Зиновьев, ознакомившись с проектом соглашения, заметил, что принятие этих условий противоречит достоинству независимой державы и выразил уверенность, что тегеранский кабинет без колебаний немедленно отвергнет его. «Совокупность английских условий — говорил он персидскому министру,— имела, очевидно, целью связать Персию с планами Великобритании и сделать ее орудием, предназначенным для борьбы против русского влияния»[131]. Он напомнил Мирзе Хусейнхану, как необоснованны были подозрения англичан, утверждавших, будто Россия пыталась превратить Персию в орудие своей агрессии против Индии, и разоблачил их лживость. «Никогда мы не считали эту страну орудием. Никогда мы не вдохновляли персидское правительство устраивать интриги, направленные на создание затруднений для Великобритании. Наоборот, мы всегда заботились сохранить Персию вне всяких осложнений»[132]. Зиновьев напом-

---

[130] Полный текст проекта соглашения был передан в депеше Зиновьева. См. «Зиновьев — Горчакову», 11/23. I 1880 г., ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 1, л. 4.

[131] См. «Зиновьев — Горчакову», 11/23. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 1, л. 5.

[132] Там же, л. 6.

нил о двух случаях — во время русско-турецкой войны и в период обострения англо-русских отношений в связи с англо-афганской войной, когда русское правительство рекомендовало Персии сохранять нейтралитет, чтобы не доставлять персидскому правительству затруднений и не обременять его, хотя персидское правительство выражало готовность принять активное участие в войне против Турции на стороне России. Кроме того, Зиновьев напомнил о Туркманчайском договоре и доказал, что Россия никогда не нарушала его и Персия со своей стороны неоднократно имела возможность оценить значение моральной поддержки России. «Именно этому положению она обязана безопасностью, которой она пользуется и вниманию, которым она окружена»,— подчеркивал Зиновьев. «Неужели персидское правительство желает потерять эти неизмеримые выгоды и связать себя с проектами, которые не имеют ничего общего с его интересами»,— спрашивал он[133].

Мирза Хусейнхан стал уверять, что лично он ни на минуту не забывал об опасности, грозящей Персии, в случае если она уступит Англии, и подчеркнул, что как бы сильно ни было желание владеть Гератом, шах не согласится на условия, втягивающие его в комбинации, враждебные России. С другой стороны, он указал на опасность, грозящую персидским владениям в связи с английским наступлением, которое может привести англичан в Герат и вызвать гибельные для Персии последствия. Его правительство не может предотвратить осложнений, которые английские агенты будут создавать в Хорасане, и тех трудностей, которые, возможно, возникнут в связи с этим в Келате, пункте, представляющем для Персии огромную стратегическую и политическую важность. Речь шла, по словам персидского министра, о предотвращении этой угрозы. «Именно для того, чтобы избежать ее,— отмечал Мирза Хусейнхан,— Персия предпочла бы аннексировать Герат, чем видеть его попавшим под власть англичан»[134].

Зиновьев заметил, что опасения Персии лишены основания. Английские войска, хотя и находились под Кабулом, однако не в состоянии были так быстро начать экспедицию в Герат. Отсрочка гарантировала безопасность персидскому правительству, и не было необходимости поспешно принимать меры, о которых в будущем можно пожалеть. Тем более, что искренность предложений Томсона сомнительна. «Очень вероятно, что предложения, которые он сформулировал, были лишь маневром, направ-

---

[133] См. «Зиновьев — Горчакову», 11/23. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 1, л. 6.

[134] Там же, л. 7.

ленным на то, чтобы усыпить бдительность персидского правительства для того, чтобы лучше обеспечить осуществление секретных планов Англии»,— говорил Зиновьев. Только сохраняя достойную и твердую позицию, Персия, по мнению русского посла, могла расстроить эти планы и получить Герат на приемлемых условиях, если английское правительство в самом деле заинтересовано передать ему эту провинцию[135].

Зиновьев был прав, выражая сомнения в искренности предложений Томсона. Проект соглашения английского посла не был согласован с правительством. Томсон не послал лорду Солсбери даже копию его. Лондонское правительство могло отвергнуть этот проект, сославшись на то, что он составлен лично Томсоном. Позже, 21 января 1880 г., английский посол неожиданно заехал в Министерство иностранных дел в Тегеране и попросил вернуть ему проект, не показывая его шаху. Он сослался на то, что правительство Англии не примет его[136].

Гирс, поблагодарив Мирзу Хусейнхана за сообщение об английском проекте, просил Зиновьева передать ему мнение русского правительства, которое считало, что принятие персидским правительством условий, предлагаемых Томсоном, поставило бы Персию в положение вассальной страны по отношению к Англии и сделало бы ее солидарной с интересами Англии, вызвав со стороны России решительное противодействие этой политике, явно враждебной по отношению к ней[137]. «Если Персия желает искренне поддерживать дружественные отношения к нам,— подчеркивал Гирс,— она не должна поддаваться на приманку, представляемую ей Англией, тем более потому еще, что императорское правительство с удовольствием увидело бы Герат в руках Персии, но не под опекою Англии, как предлагает Томсон, а при условии самостоятельного и бесконтрольного владения этой областью. Такой исход дела был бы вполне согласен и с интересами Персии и с нашими»[138].

В обычной депеше, направленной 15 января 1879 г. (ст. стиля), отрывки из которой Зиновьев мог по собственному усмотрению показать шаху, Гирс блестяще разоблачил английские затеи с Гератом и показал шаху неразумность его двойственной политики. Он заявил, что, приняв предложение Томсона, шах будет низведен до положения ординарного индийского раджи, а

---

[135] См. «Зиновьев — Горчакову», 11/23. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 1, л. 7.

[136] Гирс — Зиновьеву, 11/23. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 6, л. 36.

[137] Гирс — Зиновьеву, 10. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1880 г., д. 120, л. 2.

[138] Там же.

Персия превратится в орудие английских агрессивных планов против России. «Пусть Его Величество шах оценит, насколько эта роль будет совместима с достоинством, спокойствием и процветанием Персии»[139]. Если бы англичане преследовали лишь цель обороны Индии,— писал Гирс,— они просто могли бы передать Герат в полное владение Персии, не связывая ее условиями, которые наносят вред ее отношениям с Россией. По мнению российского правительства, Персия должна быть государством «нейтральным, промежуточным, находящимся как тампон между Англией и Россией», и именно таким образом она может сохранить свое спокойствие и обеспечить себе процветание[140]. Вместе с тем, Гирс показал абсолютную несостоятельность претензий шаха на Мерв, о которых он говорил Зиновьеву. Персия никогда не сможет управлять туркменскими племенами, они будут продолжать свои нападения на нее и на Россию, а в этом случае шах будет нести ответственность перед Россией.

Зиновьеву поручалось заявить официально, что Россия не имеет «в настоящий момент» никакого интереса ни политического, ни военного, ни материального к взятию Мерва. Единственная цель ее — усмирить туркмен, а это, видимо, в интересах Персии[141]. Под давлением Зиновьева персидское правительство заколебалось, и Мирза Хусейнхан в переговорах с Томсоном стал неуступчивым и придирчивым ко всем пунктам проекта соглашения о Герате. Он выдвигал возражения одно за другим, и Томсон делал видимые уступки, которые, однако, не меняли существа дела. Он согласился изменить конец первой статьи, по которой Герат мог быть передан окончательно Персии лишь после того, как она завоюет доверие правительства Великобритании, заменив его указанием, что для завоевания доверия Великобритании персидское правительство будет точно исполнять пункты соглашения, относящиеся к Герату[142]. Наконец, Томсон согласился исключить из соглашения вторую и четвертую статьи[143].

Благодаря предупредительности Мирзы Хусейнхана, Зиновьев был в курсе всех переговоров. По поводу уступок Томсона он заметил, что они слишком незначительны, чтобы изменить мнение русского правительства относительно этого проекта.

---

[139] Гирс — Зиновьеву, 15. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1880 г., д. 120, л. 4.

[140] Гирс — Зиновьеву, 15. I 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1880 г., д. 120, л. 5.

[141] Там же, л. 6.

[142] Зиновьев — Гирсу, 7/9. II 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 55.

[143] Там же, л. 55.

Тогда Мирза Хусейнхан пустился на уловки, пытаясь добиться согласия русского правительства на измененный вариант проекта соглашения. По его мнению, Герат, оккупированный персидским гарнизоном превратился бы фактически в русский аванпост. «Как бы тягостны ни были условия, которые Англия пожелала бы наложить на Персию,— говорил он,— последняя не замедлит найти средства уклониться от них и вернуть себе свободу действий»[144]. Зиновьева не убедили эти доводы. Он считал их ложными и предупредил, что долг Мирзы Хусейнхана, как министра, предостеречь шаха от опасного увлечения «коварными» предложениями британского посла[145].

На аудиенции у шаха 31 января 1880 г. руский посол решительно отверг все попытки персидского правительства под тем или иным предлогом продолжать переговоры с Томсоном и отклонил просьбу шаха дать ему гарантию, что Россия поддержит оккупацию Герата персидскими войсками без согласия на то британского правительства. Зиновьев напомнил ему о прежних обещаниях русского правительства, считая их достаточными гарантиями благосклонного отношения.

Шах откровенно признался в затруднительном положении, в котором он оказался. С одной стороны, он боялся подписывать договор, опасаясь недовольства России, а с другой — не хотел отвергать его сразу. Он предложил следующую комбинацию: не отвергать сразу предложений Томсона, а выяснить мнение русского правительства в связи с изменениями, которые внес Томсон в свой проект соглашения. Но Зиновьев и здесь остался непреклонным. Он предупредил: с англичанами нельзя играть в прятки, и, если они получат обещание шаха подписать соглашение, то, несомненно, предусмотрят все средства, чтобы не допустить его нарушения[146].

Зиновьев потребовал новый проект соглашения, представленный Томсоном, и шах после некоторого колебания распорядился дать ему копию. Статья 1 нового варианта соглашения оставалась неизменной с тем дополнением, о котором говорил Томсон. Статья 2 предусматривала право персидского правительства содержать в Герате своего агента с вооруженным эскортом. По статье 3 Англии разрешалось посылать в Герат британских офицеров, инструкторов для обучения персидских солдат и специалистов по укреплениям. По статье 4 британское правительство получало право посылать войска для оккупации Герата и всей провинции, если оно решит, что Герату угрожает

[144] Там же, л. 56.
[145] Там же, л. 57.
[146] Зиновьев — Гирсу, 7/19. II 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 11, л. 61.

опасность извне. Следующие две статьи сохранились в прежнем виде, и к ним были добавлены две новых. По статье 7 шах предоставлял возможность для проведения телеграфной линии в Герат, а по статье 8 — обязывался заключить торговый договор с Англией и открыть р. Карун для навигации[147].

После беседы шаха с Зиновьевым переговоры между персидским правительством и Томсоном были прерваны и не возобновлялись в течение длительного времени. Тем временем Гирс в телеграмме от 16 февраля 1880 г. уполномачивал Зиновьева сделать решительный демарш с целью окончательного срыва происков британского правительства[148]. В связи с этим Зиновьев прочитал шаху телеграмму Гирса от 10/22 января 1880 г., которая должна была служить ответом русского правительства на его запрос и сомнения относительно Герата.

Шах заявил, что Герат жизненно необходим Персии и именно поэтому он не отверг сразу предложения Томсона, но, поскольку они неприемлемы для русского правительства, он их отклонит. Вместе с тем шах добивался обещания России прийти к нему на помощь в случае возникновения опасности, о которой он говорил ранее, и предоставить ему средства для осуществления его планов относительно Герата.

Зиновьев заверил шаха, что русское правительство в этом вопросе не отделяет своих интересов от интересов Персии, и он вполне может рассчитывать на него. Однако оно должно быть убеждено в позиции Персии и уверено в том, что она никогда не вступит во враждебные России соглашения, подобные тем, которые предлагал Томсон. «Только на этом условии нам будет можно защищать Персию и привлечь ее к участию в нашей политике,— говорил Зиновьев.— В противном случае, мы окажемся вынужденными ограничиться мерами, направленными на заботу о наших собственных интересах»[149].

Шах просил передать российскому правительству, что он никогда не станет входить в комбинации, враждебные России или же направленные против ее интересов. Через Мирзу Хусейнхана шах велел передать Томсону о своем отказе оккупировать Герат на условиях, предложенных английским правительством. Он выразил желание установить вначале свое влияние на Герат и надеялся, что британское правительство аннулирует статью VI парижского договора 1857 г. для облегчения

---

[147] См. приложение к депеше Зиновьева от 7/20. II 1880 г., за № 13, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 71.

[148] Зиновьев — Гирсу, 28. II/11. III 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 85.

[149] Зиновьев — Гирсу, 28. II/11. III 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 18, л. 85.

его задачи[150]. Правда, на вопрос Томсона окончателен ли ответ шаха, Мирза Хусейнхан ответил, что у него лично имеется еще один вариант, который предусматривает аннулирование пунктов III и IV проекта договора. Томсон не стал даже говорить на эту тему и в знак протеста, вопреки своему обычаю, несколько дней не появлялся в персидском Министерстве иностранных дел[151]. Но вскоре он возобновил свои попытки договориться, заявив Мирзе Хусейнхану, что в случае подписания Персией соглашения о Герате, Англия не только употребит свое влияние для утверждения ее власти в этой области, но и окажет ей денежную поддержку[152].

В Лондоне Дизраэли в личной беседе с Малколмханом выразил готовность британского правительства заменить в статье I проекта соглашения слова «временный» на «окончательный». Он пугал персидского посла тем, что, отказываясь подписать договор о Герате, Персия навсегда лишится моральной и материальной поддержки Англии и останется незащищенной перед лицом русской опасности[153].

В это время Томсон в связи с приближением выборов в Англии предпринимал отчаянные попытки добиться принятия персидским правительством проекта соглашения о Герате. Он убеждал Мирзу Хусейнхана в возможности новых уступок и изменений в соответствии с желаниями персидского правительства, если оно согласится с основными принципами проекта. В конце марта он снял возражения против изменения формулировки статьи 1 договора и в ответ на вопрос Мирзы Хусейнхана о его замечании относительно статьи 3 и 4 дал понять, что их можно было бы смягчить, если бы Персия доказала свою искренность. При условии подписания соглашения Томсон от имени британского правительства обещал Персии 250 тыс. фунтов стерлингов на возмещение издержек либо по оккупации Герата, либо по осуществлению строительства коммуникаций, предусмотренных статьей 8 соглашения[154]. Несмотря на соблазнительность этих аргументов шах категорически отверг это предложение и отказался уступать в этом вопросе[155].

С приходом к власти в Англии либеральной партии персидское правительство само уже поднимало вопрос о Герате, и

---

[150] Зиновьев — Гирсу, 28. II/11. III 1880, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 17, л. 81.

[151] Там же, л. 81.

[152] Там же, л. 83.

[153] Зиновьев — Гирсу, 21. III/2. IV 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 25, л. 106.

[154] Зиновьев — Гирсу, 21. III/2. IV 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 26, л. 108.

[155] Там же, л. 108.

Малколмхан в Лондоне попытался начать новые переговоры по этому вопросу. При встрече с лордом Гренвиллем персидский посол заявил, что Персия не считает себя больше связанной со статьей VI персидского договора[156]. Но к этому времени ситуация резко изменилась. Британское правительство признало Абдурахман-хана эмиром Афганистана и готовилось выводить оттуда свои войска. В этих условиях вопрос о передаче Герата Персии отпал. Лорд Гренвилл заявил Малколмхану, что британское правительство не считает Персию свободной от договора 1857 г. и не собирается возобновлять переговоры о Герате. Члены кабинета, по словам лорда Гренвилла, решили оставить дело по-прежнему. Вместе с тем, новый английский министр иностранных дел упрекнул персидское правительство в том, что оно, начав переговоры с предыдущим правительством королевы, прервало их в тот момент, когда, казалось, соглашение было достигнуто и, кроме того, сообщало о них России[157].

Таким образом, Россия сорвала агрессивные планы британских дипломатов, их попытки воспользоваться результатами англо-афганской войны для коренного изменения политической ситуации в Средней Азии, превратив Персию в орудие своих агрессивных замыслов. Вместе с тем, не допустив увлечения персидских государственных деятелей заманчивой перспективой приобретения Герата по английскому проекту соглашения, Россия предотвратила резкое ухудшение отношений между Россией и Персией и подрыв политических позиций Персии на международной арене и, в частности, на Среднем Востоке. Причем, по расчетам лорда Солсбери, Персия в результате овладения Гератом неминуемо подверглась бы военному нападению со стороны России, результатом которой было бы военное поражение и распад персидской монархии. Отбив атаку британской дипломатии в гератском вопросе, России удалось сохранить свои позиции и свое политическое влияние в Персии.

ПОПЫТКИ АНГЛИИ РАСШИРИТЬ СВОЕ ВЛИЯНИЕ В ТУРКМЕНИИ И ОРГАНИЗОВАТЬ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ РОССИИ

Одновременно с переговорами о Герате британские представители вели подготовку к расширению связей с туркменскими племенами, утверждению среди них своего прочного влияния, к организации антирусских выступлений, рассчитывая превратить их также в орудие своей политики в Средней Азии. Прež-

[156] Granville to Shomson, 18. V 1880, F. O. 539, v. 17, N 164, p. 180.
[157] F. O. 539, v. 17, p. 180.

ние связи с туркменскими племенами и их предводителями носили эпизодический характер и оживлялись лишь по приезде на северные границы Персии английских офицеров. Теперь намечалось установление регулярных сношений с определенными лицами и племенами. Британские представители стремились вселить в туркменские племена надежду на помощь Англии и в связи с этим на победоносное завершение войны против России.

Консул Черчилль, находясь в Астрабаде, руководил туркменскими племенами, располагавшимися между Гурганом и Аттреком через своего агента Мулла Килича. Он указывал ему основное направление действий, наиболее уязвимые места русских войск, и, по-видимому, сам разрабатывал планы атак туркменских всадников на русских. Мулла Килич большую часть времени проводил среди туркменских шейхов, совершая вместе с ними рейды на расположения российских войск, и возвращался в Астрабад лишь для доклада о происходящих событиях и получения инструкций. В ноябре 1879 г. он вернулся от Нурберды-хана и сообщил, что «текинцы вскоре будут атаковать русских»[158]. В частности, он сказал, что Нурберды-хан направил крупный отряд всадников к Красноводску.

Достоверность этого довода подтверждается тем, что незадолго до поступления сообщения партия текинцев до 400 человек проникла в окрестности Красноводска и напала на аул ишхских туркмен, служивших русским, перебила 25 человек, угнала в плен 100 женщин и захватила несколько стад баранов[159]. 28 ноября 1879 г. Черчилль докладывал Томсону о нападении туркмен у Хорулума на русский конвой, сопровождавший обоз с продовольствием в Дуз-Олум. Караван был разграблен, а верблюды (свыше 3,5 тыс.) вместе с продовольствием угнаны[160]. Через несколько дней туркмены разграбили еще один караван в 1000 верблюдов между Чикишляром и Чатом[161].

Подводя итоги этим акциям туркмен, Черчилль писал Томсону, проявляя удивительно точное знание положения: «К ахалтекинцам присоединились салоры, сарыки и эрсари; командует ими Мурад Берды-хан, сын Нурберды-хана, и они намечают перерезать коммуникации между Чатом и Чикишляром в Боюн Баше, который они достигнут в три недели. По прибытии туда они предложат йомутам присоединиться к ним и накажут их,

---

[158] F. O. 539, v. 17, N 16, p. 20.

[159] См. «Присоединение Туркмении к России», стр. 461.

[160] Churchill to Thomson, Asterabad, 28. XI 1879, F. O. 539, v. 17, N 73, p. 77.

[161] Ibid.

если они откажутся»[162]. Как и намечал английский консул, в начале января 1880 г. крупные силы ахал-текинцев под командованием Нурберды-хана вышли к русскому лагерю в Даш Берды (60 *км* от Чикишляра), авангардный отряд перерезал дорогу между Чикишляром и Чатом и захватил большой караван с продовольствием, направлявшийся в Чат к русскому отряду. Сообщая об этом событии непосредственно лорду Солсбери, Черчилль ставил его в известность, что «открытый лагерь в Чикишляре будет атакован»[163]. Черчилль приводил также имена наиболее влиятельных ханов, участвовавших в вылазке против русских войск: Нурберды-хан, Худо Берды Бай, Софи-хан, Аваз Мурад Сирдар, Курбан Мурад Ишан, Ораз Мамед-хан, Кари Оу Беги, Аваз Дурды-хан, Мулла Турх Ахунд[164].

Зиновьев, сообщая в Петербург о нападении туркмен на русский лагерь и транспорт, подчеркивал значительность этого факта. Он писал 23 января 1879 г.: «Материальные потери, понесенные нами вследствие нападения текинцев на наш транспорт мало значительны, но нравственное впечатление, произведенное на йомудов последним набегом Нурберды-хана, не может не повлиять в ущерб нашего обаяния. Мнение, которым угрожал предводитель текинцев мирным туркменам в случае, если они будут помогать нашим войскам, побудило значительную часть кочевников уйти за Атрек. Следует опасаться, что с возобновлением наступления наших войск мы испытаем большие затруднения в доставке продовольствия и приобретении верблюдов»[165].

Черчилль предложил еще одно эффективное средство — воспрепятствовать снабжению русских войск продовольствием с персидской территории в период предстоящей русской экспедиции в Ахал-Текинский оазис. Он посоветовал Томсону убедить персидское правительство запретить вывоз риса и хлебных продуктов из Решта и Мазандерана, а также ввоз их из внутренних районов в указанные им, рассчитывая таким способом поднять цены на продовольственные товары в Астрабаде, Буджнурде и других пограничных районах, вызвать недовольство местного населения и затруднить закупки продовольствия русскими агентами[166].

---

[162] Ibid.

[163] Churchill to Thomson, Asterabad, 11. I 1880, F. O. 539, v. 17, N 77, p. 79.

[164] Churchill to Thomson, Asterabad, 11. I 1880, F. O. 539, v. 17, N 77, p. 79.

[165] Присоединение Туркмении к России, стр. 470.

[166] Churchill to Thomson, Asterabad, 5. XII 1879, F. O. 539, v. 17, N 74, p. 78.

Через пять дней после своего обращения Черчилль получил телеграмму Томсона, извещавшую о том, что персидское правительство начиная с 8 января 1880 г. запретило вывоз продовольственных товаров из Гиляна, Мазандерана и Астрабада. 10 января 1880 г. он уже доносил Томсону, что согласно полученным инструкциям правителям этих провинций запрещено вывозить продукты, а всем старейшинам деревень отправлены соответствующие «строжайшие» приказы. В результате осуществления этих мер он констатировал: «Цены на все виды продовольствия постепенно растут на рынке, а рис, главную пищу населения, трудно вообще достать»[167].

Для расширения и усиления английского влияния в начале 1880 г. в Туркмению были направлены капитан Джилл и полковник Стюарт. Полковник Стюарт более года жил в Теджене, Дерегезе и Атеке под видом армянского торговца лошадьми и вернулся в Тегеран в начале марта 1881 г. после взятия русскими Геок-тепе и закрепления их власти в Ахал-Текинском оазисе. Есть сведения, что оба англичанина посетили за это время Мерв и Ахал-Текинский оазис, очевидно, с целью непосредственной организации сопротивления туркменских племен русским войскам[168].

Основным связующим звеном между британским посольством в Тегеране и туркменскими предводителями, в частности с Нурберды-ханом, стал мешхедский агент Аббас-хан. Сразу же после избрания его единым ханом всех текинских туркмен в сентябре 1879 г. Нурберды-хан обратился к Аббас-хану, выразив дружеские чувства к английскому правительству, и заявил, что он будет бороться против русских пока он будет на это способен[169]. 11 октября 1879 г. Аббас-хан отправил посланца Нурберды-хана назад с дружеским письмом и с подарком[170]. В переписке, завязавшейся после этого с Нурберды-ханом, а позже с его сыном Махтум Кули-ханом, а также с другим его сыном жившим в Мерве — Юсуфханом, английский агент подавал надежды туркменским шейхам на английскую помощь, открыто утверждая, что Англия не оставит их в беде. Русский торговый

---

[167] Churchill to Thomson, Asterabad, 10. I 1880, F. O. 539, v. 17, N 78, p. 79.

[168] Насырбеков писал Зиновьеву из Мешхеда 14. VI 1880 г.: «Около первых чисел июня через Шахруд к туркменам в Мерв и Ахад проехали два англичанина, прибывшие из Тегерана». Выписка из донесения Насырбекова от 14. VI 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 232.

[169] Noorberdi Khan to Meshed Agent, Sept., 1879, F. O. 539, v. 16, N 492, p. 452.

[170] Meshed Khan to Noorberdi Khan, 11. X 1879, F. O. 539, v. 16, N 527, p. 470.

агент в Мешхеде Насырбеков, который был в курсе всех связей Аббас-хана, сообщал о его письмах туркменам: «Поздравительные письма, восхваляя дух и мужество туркмен, приглашают их поддержать славу предков и отстоять независимость свою и внушают им надежду на возможность поддержки со стороны Англии»[171].

Письма Нурберды-хана и других туркменских шейхов свидетельствуют о том, что они серьезно рассчитывали на помощь извне, и это помогало им поддерживать воинственный дух в своих соплеменниках, да, пожалуй, и в самих себе. В одном из писем к Аббас-хану Нурберды-хан сообщал: «Это племя предполагает подчиниться британскому правительству и, если оно даст нам деньги, оружие, пушки и одежды почета (т. е. поддержит — комментировал Аббас-хан) мы, конечно, сердечно поддержим и поможем ему. Народ Теке, как ахальский, так и мервский, надеется на британское правительство и верит в него»[172]. Более того, чтобы поддержать эту веру в искренность английского правительства и воинственный дух туркменских племен, сторонники Нурберды-хана в декабре 1879 г. обманули текинских шейхов, объявив им, что британские войска уже в пути и вышли из Герата[173]. Позже Аббас-хан уверял Томсона, что ничего подобного он им не писал, да и из его писем видно, что он не писал. Но дух писем, прозрачные намеки на близкую помощь были обманом не меньшим, чем обман Нурберды-хана о выезде посольства из Герата. Если Аббас-хан и не писал об этом прямо, то своими посланиями давал надежду на это. Так, в одном из писем текинского шейха Бей Мурад-хана говорилось, что туркмены «в надежде», что английское правительство скоро прибудет и спасет их от русских: «Мы все ждем их прихода»[174].

Махтум Кули-хан, который стал ханом текинцев после смерти своего отца Нурберды-хана в июле 1880 г., сообщая об объединении туркмен Мерва, сарыков и салоров с текинцами, отмечал, что «текинцы все еще надеются на Англию»[175]. В ноябре 1880 г. 11 текинских шейхов обратились к британскому послу в Тегеране, требуя обещанной помощи, заявляя, что «они впутались в борьбу с Россией в надежде на английскую помощь»[176]. Сам Нурберды-хан посылал некоего Исманла Эффенди в Индию

---

[171] Донесение Насырбекова от 14. VI 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 232.

[172] F. O. 539, v. 17, N 93, p. 95.

[173] Bey Moorad Khan to Meshed Agent, March 1880, F. O. 539, v. 17, N 176, p. 198.

[174] Thomson to Granville, 28. XII 1880, F. O. 539, v. 19, N 85, p. 58—59.

[175] Thomson to Granville, 28. XII 1880, F. O. 539, v. 19, N 85, p. 58—59.

[176] Ibid.

к вице-королю с посланием к английской королеве, в котором содержалась просьба — взять туркмен под свою протекцию. Этот факт свидетельствует о том, что и Нурберды-хан надеялся на помощь Англии[177]. Томсон также записывал в своем дневнике донесений из Туркмении 7 октября 1880 г.: «Текинцы все еще надеются на английскую помощь»[178].

Несомненно, надежды, которые питали туркменские предводители на английскую помощь, вселялись в них британскими представителями с целью организовать их борьбу против России и тем самым вызвать затруднения для русских войск и задержать их наступление. Майор О'Донован, который провел конец 1879 г. Северной Персии, после беседы с туркменским шейхом Дурды Бием в Кучане пришел к заключению, что «правительство лорда Биконсфилда дало им (т. е. туркменам.— *Г. Х.*) возможность надеяться на помощь, причем эта надежда была основана на чем-то более значительном, чем их собственные иллюзии»[179]. По мнению О'Донована туркменам не только позволили надеяться, что английские войска будут наступать от Герата в Туркмению, но и прямо сказали об этом[180]. Эти надежды, подчеркивал О'Донован, настраивали племена на сопротивление русским войскам, и лично он не сомневался, что если бы туркмен лишили их надежд и изолировали в оазисе, они очень скоро пришли бы к полюбовному соглашению с Россией[181].

Основная масса туркмен не представляла себе, кто такие англичане и почему они должны помогать им. Им все европейские нации представлялись русскими, и англичан, в отличие от русских, которых они называли «сарык рус» (т. е. желтый русский), называли «кара рус» (черный русский)[182]. Даже туркменские старшины, являвшиеся чем-то вроде средней прослойки туркменского населения, не представляли себе, что такое Англия и, когда О'Донован впервые появился в Мерве на меджлисе, они попросили его рассказать, что это за страна и показать сторону света, где она находится[183].

Майор О'Донован был послан в Мерв в мае 1880 г. с целью организации антирусского плацдарма. Его задача заключалась главным образом в том, чтобы превратить Мервский оазис в от-

---

[177] Письмо Нурберды-хана после долгих злоключений было доставлено в Константинополь и вручено Сулейману Эффенди, который передал его английскому послу Гошену. Goshen to Granville, 30. XI 1880, F. O. 539, v. 18, N 270, p. 253.

[178] F. O. 539, v. 18, N 268, p. 250.

[179] O'Donovan. The Merv Oasis, London, 1882, v. 1, p. 469.

[180] Ibid, p. 468.

[181] Ibid, p. 468.

[182] O'Donovan. Op. cit., v. 11, p. 93.

[183] Ibid, p. 136.

дельное карликовое государство, введя здесь самостоятельное управление с администрацией, армией и внутренней полицией, и затем побудить его обратиться к Англии с просьбой принять Мерв в английское подданство. Такая просьба дала бы возможность британскому правительству вмешиваться в дела Закаспия, превратив Мерв в важный политический фактор. Кроме того, существование самостоятельного Мерва под протекторатом Персии или Афганистана, или как независимого княжества должно было помешать политическому и административному устройству Закаспия, а также воспрепятствовать соединению Закаспийской области с Туркестаном и тем самым надолго ослабить положение России в Средней Азии.

Мервская знать и зажиточная прослойка приняли О'Донована как официального представителя британского правительства и, спекулируя его присутствием, стремились разжечь местный фанатизм и подбодрить своих сторонников надеждой на близкий приход английской помощи. О'Донован очень ловко сыграл на внутренних противоречиях среди богатых людей Мерва и произвел нечто вроде военного переворота, в результате которого к правлению в Мерве пришла наиболее воинствующая группа во главе с Баба-ханом и Аман Нияз-ханом[184]. Желая упрочить свое влияние, эти мервские ханы собрали вельмож и представили им О'Донована как посланца британского правительства. О'Донован заявил, что мервским туркменам нет основания бояться русских, поскольку Россия обещала английскому правительству не наступать дальше Ашхабада в ответ на обещание Англии не продвигаться далее Кандагара. Он советовал вельможам отправить петицию на имя «британского падишаха» с просьбой принять их в английское подданство и уверял их, что за это британское правительство окажет им помощь оружием и деньгами и пришлет солдат[185].

О'Донован обманывал туркмен. Поддерживая постоянную связь с британским посольством, он был в курсе всех политических дел, даже получал английские газеты через посла и знал, что британские войска уже оставили Кандагар, признав власть эмира Абдурахман-хана. Но туркменские предводители не знали этого. На общем меджлисе 15 мая 1881 г. Баба-хан торжественно заявил о принятии населением Мерва британского подданства и о его готовности следовать инструкциям и приказам британского правительства[186]. Все влиятельные люди Мерва объявлялись кетхудами Англии, а основная масса населения — их

---

[184] O'Donovan to Thomson, 7. V 1881, F. O. 539, v. 20, N 13, p. 15.
[185] O'Donovan. Op. cit., v. 11, p. 229.
[186] Ibid, p. 277.

пукерами. О'Донована назначали командующим и одним из главных ханов Мерва. Имея большой мешок персидских серебряных кранов[187], О'Донован подкупил часть влиятельных шейхов, и они не только поддерживали его, но и стали доставлять сведения со всего Мургабского оазиса. Особенно большой интерес английский майор проявлял к племенам джамшидов, живших вдоль северных границ Афганистана, с их предводителем Ялангтушем у него установилась регулярная переписка[188]. Столь же регулярные связи он имел с сарыками и салорами, населявшими Мургабский оазис от Мерва до оазиса Пенжде[189]. Вскоре, однако, ситуация в Мерве резко изменилась.

Утверждение русской власти в Ахал-Текинском оазисе способствовало развитию там торговли, установлению законности. В Мерв доходили слухи о хорошем отношении русских властей к туркменам, большое впечатление на население Мерва произвел теплый прием, оказанный в Петербурге туркменской делегации, возглавляемой Токма Сирдаром. Заколебались Махтум Кули-хан и его брат Юсуф-хан, бежавшие из Геок-тепе после его разгрома войсками генерала Скобелева. О'Донован почувствовал опасность, уверенный, что «в любой час прорусская партия может прийти к власти»[190]. «Зародыши такой партии,— писал он впоследствии,— уже существовали»[191]. Понимая безвыходность своего положения, О'Донован решил бежать. В начале июня 1881 г., буквально откупившись от своих прежних друзей Баба-хана и Аман Нияз-хана, он выехал из Мерва в Мешхед.

Так английское правительство безответственно играло судьбой туркменского народа ради осуществления своих корыстных целей, не имевших ничего общего с интересами широких масс Мерва. Даже если бы оно и желало помочь туркменам в борьбе против русских, у него не было реальных возможностей для этого. Прежде всего, оно не имело непосредственного контакта с туркменами. Единственно приемлемый путь к ним проходил через гератскую долину, но Герат вплоть до октября 1881 г. принадлежал Айюб-хану, находившемуся в состоянии войны с Англией. Кроме того, русское правительство авторитетно заявило, что наступление английских войск на Герат неминуемо повлечет за собой продвижение русских отрядов к Мерву.

Британскому правительству важно было использовать туркмен в своих политических замыслах и ради этого оно, привлекая к себе на службу верхушку туркменского общества — состоя-

[187] Ibid, p. 284.
[188] O'Donovan. Op cit., p. 478.
[189] Ibid, p. 481.
[190] Ibid, p. 355.
[191] Ibid.

тельную прослойку и родовую аристократию — с их помощью превращало туркменский народ в мишень для дальнобойных ружей русских солдат.

ЗАВОЕВАНИЕ РОССИЕЙ АХАЛ-ТЕКИНСКОГО ОАЗИСА

Генерал Скобелев, назначенный командующим экспедицией 1880 г., учитывая опыт предыдущих закаспийских экспедиций, придавал большое значение северным районам Персии как источнику снабжения войск продовольствием. Он считал необходимым создать дополнительную продовольственную базу недалеко от оплота сил ахал-текинских туркмен — Геок-Тепе, — куда направлял главный удар своих войск. Обращаясь к Зиновьеву с просьбой содействовать в обеспечении поставок с персидской территории, Скобелев отмечал, что если это окажется невозможным, то думать о покорении Ахал-Текинского оазиса в ближайшем будущем нельзя[192].

В первые месяцы наступления в Туркмении Скобелев рассчитывал главным образом на собственные ресурсы. Но за это время намечалось построить продовольственные склады в Буджнурде и Кучане, откуда русские войска, взявшие Геок-Тепе, получали бы продукты, которые трудно было доставлять из Красноводска. 30 июля 1880 г. Скобелев телеграфировал Зиновьеву о необходимости создать запасы продовольствия в северных районах Персии и своем намерении направить туда полковника Гродекова для организации складов и закупки продовольствия к моменту взятия Геок-Тепе. Речь шла о создании фланговой базы русских войск, наиболее близкой к главному объекту действий русских войск — Геок-Тепе[193].

Зиновьев поддержал просьбу Скобелева, но попросил, чтобы Гродеков и его спутники были прикомандированы в Хорасан не как военные офицеры, а как коммерческие представители[194]. Он считал необходимым соблюсти эту предосторожность, так как появление в Хорасане русских офицеров вызвало бы многочисленные запросы британского посольства и поставило шаха в затруднительное положение; с другой стороны, местные власти не преминули бы взвинтить цены на товары[195], чтобы вытянуть у русских больше денег. Зиновьев энергично взялся за дело и

---

[192] Телеграмма Скобелева Зиновьеву, 30. VII/11. VIII 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 266.

[193] См. указанную выше телеграмму Скобелева от 30. VII/11. VIII 1880 г.

[194] Зиновьев — Гирсу, 12. VIII 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 261.

[195] Там же, л. 262.

вскоре получил заверение Мирзы Хусейнхана в том, что в распоряжение русского командования будут предоставлены все средства, какими могут располагать пограничные округи Хорасана[196].

Гродеков с большой группой людей появился в Астрабаде 1 сентября 1880 г. и стал ждать указаний Зиновьева. В это время в Тегеране произошло событие, чуть было не опрокинувшее планы русского командования. Шах отстранил от должности Мирзу Хусейнхана, назначив на его место Мирзу Саидхана. Русский посол знал, что в Персии со сменой великого визиря обычно теряют силу все сделанные им распоряжения, а также все шахские фирманы, выхлопотанные им, поэтому он обратился лично к шаху и объяснил ему цель создания продовольственной базы в Северной Персии. Шах выразил полную готовность подтвердить все сделанные прежде распоряжения об оказании хорасанскими властями содействия русским представителям в приобретении нужного количества продовольствия и фуража и приказал составить соответствующие фирманы[197].

Томсон, разумеется, тотчас получил сведения о появлении Гродекова в Астрабаде, но в течение почти трех недель не обращался по поводу русской миссии к персидскому правительству. Однако он не замедлил поставить этот вопрос перед Зиновьевым. Заехав 26 октября 1880 г. в русское посольство, он осведомился о цели приезда Гродекова и поинтересовался, не тот ли это офицер, который в 1878 г. проехал из Ташкента в Астрабад через Герат и Мешхед.

Зиновьев счел бесполезным скрывать правду и, подтвердив догадку Томсона, подчеркнул, что Гродеков послан в Персию лишь для закупки продовольствия для русских войск в Закаспии. В связи с этим Томсон напомнил, что в 1878 г. английское посольство отозвало капитана Нэпиера из Хорасана по представлению персидского правительства, считавшего неудобным присутствие иностранных агентов в этой провинции. Томсон предупредил, что в связи с миссией Гродекова британское посольство считает себя свободным от запрета посылать английских представителей на северные границы Персии и намерено послать агента в Хорасан. На Зиновьева эта угроза не произвела впечатления, но он уточнил различие миссий капитана Нэпиера

---

[196] Зиновьев — Гирсу, 12. VIII 1880 г., Там же, л. 262.

[197] Н. И. Гродеков. Указ. соч., т. IV, стр. 138.

Когда Гродеков в конце сентября прибыл в Шахруд, там его уже ждали три совершенно одинаковых шахских фирмана на имя правителей Кучана, Буджнурда и Дерегеза, подтверждающие все прежние распоряжения об оказании содействия в создании продовольственных запасов для русской армии. (См. там же, стр. 143).

и Гродекова. Русский посол отметил, что цель поездки Нэпиера в 1878 г. до сих пор неизвестна, а между тем его продолжительное пребывание на границе территории, населенной туркменами, и многочисленные попытки завязать с ними связи вызывали подозрение русских властей. Что касается русской миссии Гродекова, то она не скрывает своих целей и посетит лишь те местности, где можно заготовить продовольствие для русских войск. Кроме того, Зиновьев заметил, что отношения Англии и России после 1878 г. значительно изменились, недоверие между ними ликвидировано[198].

Вскоре Томсон потребовал аудиенции у шаха. Он спросил, известно ли ему о поездке полковника Гродекова по Хорасану и имели ли хорасанские власти разрешение правительства обеспечить русскую армию продовольствием. Шах попытался увернуться от прямого ответа, но Томсон настаивал, и Насретдин-шах вынужден был признать, что знал о намерениях Гродекова и разрешил местному населению продать ему излишки продовольствия. Тогда Томсон указал на явную противоречивость поведения персидского правительства, которое, с одной стороны, запрещает вывозить продовольствие из Хорасана, а с другой стороны, разрешает продавать его русским представителям. Но шах заявил, что не имеет понятия о запрещении вывоза продовольственных товаров из Хорасана и закончил аудиенцию[199].

Гродеков блестяще справился со стоявшей перед ним задачей, и к концу ноября 1880 г. на складах, организованных им, было сконцентрировано 38 тыс. пудов муки и 67 тыс. пудов ячменя, которых было достаточно для обеспечения 8 тыс. человек на 3,5 месяца. Кроме того, он закупил большое количество масла, соли, стручкового перца, гороха и чечевицы[200]. Для максимального приближения складов к театру военных действий Гродеков расположил их в основном в северных частях буджнурдского и кучанского княжеств, близко прилегающих к территории, населенной текинскими туркменами. Причем самый крайний склад находился в селении Янги-Кала, расположенном всего в 60—70 верстах от Геок-Тепе. Продовольствия, заготовленного в Персии, было достаточно для войск, расположенных в Геок-Тепе, до октября 1881 г., о ценности его можно судить хотя бы по тому факту, что ко времени взятия Геок-Тепе у Скобелева почти не осталось верблюдов, а железная дорога, на которую возлагалось так много надежд, к этому времени имела протяженность

---

[198] Зиновьев — Гирсу, 16/28. IX 1880 г., ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 302.

[199] Thomson to Granville, 30. IX 1880, F. O. 539, v. 18, N 157, p. 160.

[200] Н. И. Гродеков. Указ. соч., т. IV, стр. 187.

лишь 64 версты от берега моря[201], так что доставлять продукты было не на чем.

Персия, несомненно, сыграла большую роль в успешном завершении экспедиции генерала Скобелева, и это было важной победой русской дипломатии, достигнутой в значительной степени благодаря энергии, проницательности, решимости и осторожности русского посла в Персии И. А. Зиновьева.

Зиновьев добивался тщательного соблюдения границ Персии и категорически возражал против любых попыток русских офицеров нарушить их или под каким-либо предлогом ущемлять суверенитет этой страны. Какие бы доводы ни приводило русское командование в своих попытках нарушить персидские границы, оно не могло убедить Зиновьева, ибо он считал главным сохранение дружественных отношений с Персией, услуги которой были необходимы России как для развития вновь приобретенных территорий, так и в международных отношениях, в частности с Англией. «На долю Персии,— писал Зиновьев Гирсу,— выпадает весьма видная роль в предпринятом нами деле. От ее доброго расположения к нам и искреннего содействия будет отчасти зависеть успех этого дела, и, следовательно, все старания наши должны быть направлены к поддержанию этого доброго расположения»[202].

Частые набеги туркменских отрядов на русские коммуникации и исчезновение их за Аттреком побудили Скобелева обратиться к Зиновьеву с просьбой добиться у персидского правительства разрешения преследовать эти отряды за Аттреком. В письме от 12 июня 1880 г. Скобелев отмечал значительную активизацию гоклан, живущих за Аттреком, которые, по его мнению, по подстрекательству текинских посланцев готовились напасть на русские войска[203]. 14 июня 1880 г. он переслал Зиновьеву письмо полковника Арцишевского, сообщавшего о столкновении с жителями Нохура, а также просил разрешения наказать их, для чего нужно было пересечь линию р. Аттрек[204]. Зиновьев запретил переступать границу. В письме к Скобелеву он указывал на «серьезные трудности», которые могут возникнуть в результате подобных действий, ибо они не замедлят отразиться на русско-персидских отношениях, а «британское правительство сможет восторжествовать в свою очередь для возбуждения претензий»[205]. Зиновьев считал лучшим способом

---

[201] Там же, стр. 187.

[202] Зиновьев — Гирсу, 12. VIII 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 260.

[203] Скобелев — Зиновьеву, 12. VI 1880 г. Там же, л. 237.

[204] Скобелев — Зиновьеву, 14. VI 1880 г., Там же, л. 240.

[205] Зиновьев — Скобелеву, 18. VI 1880 г., Там же, л. 242.

действий — представления персидскому правительству для предупреждения персидскими властями враждебных актов туркмен против русских войск, хотя и признавал отсутствие у Персии средств для осуществления этого. Одновременно он отправил депешу Гирсу, в которой просил воспрепятствовать осуществлению активных действий генералом Скобелевым, так как это дало бы основание энергичным протестам не только персидских властей, но и привело бы к представлениям со стороны правительства Великобритании[206].

Зиновьев, получая бесчисленные сообщения Скобелева о происках британских агентов и подстрекательстве ими туркменских предводителей, не считал нужным докучать шаху мелкими придирками и заурядными представлениями, которые могли оскорбить самолюбие шаха. В ответ на жалобы русского командования он ссылался на помощь и содействие, оказываемое персидским правительством русской экспедиции[207]. Зиновьев заставил генерала Скобелева считаться с суверенитетом Персии и воздержаться от нарушения ее границ. Скобелев стал очень осторожен в этих вопросах. Когда из-за телеграфной ошибки Гродеков, направленный в Хорасан, прибыл в Астрабад в военной форме, а не под видом коммерческого агента, как просил шах, и вызвал недовольство персидского правительства, генерал телеграфировал ему, приказывая готовиться к выезду из Персии[208].

Впоследствии Скобелев писал, оценивая успехи, достигнутые экспедицией под его командованием: «Ввиду таких блестящих результатов экспедиции, я вспоминаю с чувством беспредельного уважения и глубокой благодарности о нашем достойном представителе в Тегеране действительном статском советнике Иване Алексеевиче Зиновьеве. Его указаниям и содействию мы в значительной степени обязаны успеху экспедиции. С первых дней вступления моего в командование войсками в Закаспийском крае Иван Алексеевич направлял меня и поддерживал своим представительством в Тегеране. Без этого я, может быть, на многое не решился бы, что не могло не отразиться на всем ходе военных операций. А разрешение посланника произвести заготовку довольствия в Персии дало нам возможность по взятии Геок-Тепе прочно утвердиться в стране»[209].

Готовность персидского правительства и лично шаха оказать помощь России в завоевании Ахал-Текинского оазиса свидетельствовала о том значительном влиянии, которое приобрела

---

[206] Зиновьев — Гирсу, 8/20, VIII 1880 г., Там же, л. 235.
[207] Н. И. Гродеков. Указ. соч., т. 3.
[208] Н. И. Гродеков. Указ. соч., т. 4, стр. 142.
[209] Н. И. Гродеков. Указ. соч., т. 4, приложение № 107, стр. 116.

Россия в этой стране. Случай помог персидскому правительству лишний раз убедиться, насколько важны для него дружеские отношения с его великим соседом и как полезно для его внутреннего спокойствия заручиться его помощью и поддержкой.

Восстание в Курдистане под руководством шейха Убайдуллы в октябре 1880 г. грозило серьезно подорвать власть персидского правительства на западных границах. Шах через Зиновьева обратился за поддержкой к русскому правительству. Он просил сконцентрировать русские войска на границе Азербайджана с тем, чтобы в случае надобности они могли бы выступить против курдов и помочь персидским войскам подавить восстание. «В этом деле я могу рассчитывать только на помощь России»,— сказал шах Зиновьеву[210]. Шах был убежден, что восстание произошло по подстрекательству англичан и, в частности, сослался на поездку британского консула Эббота в Урумию и на его настойчивые попытки остаться там[211].

Секретной телеграммой 30 октября 1880 г. Гирс известил Зиновьева о том, что император отдал приказ сконцентрировать войска на границе Азербайджана «для оказания возможного содействия персидскому правительству»[112]. Шах, которому Зиновьев сообщил об этом приказе через Мирзу Саидхана, воспринял его с радостью и просил передать императору, что он «никогда не забудет благородную поддержку, которую Его Величество император соблаговолил ему оказать в столь тяжелое время»[213]. Шах выразил также свою признательность и лично Зиновьеву, сыгравшему, по его мнению, немаловажную роль в поддержке, которую получила Персия от России. «Я всегда считал русского посла человеком, преданности и доброжелательству которого можно довериться полностью,— писал он в записке, которую Мирза Саидхан должен был вручить лично Зиновьеву.— Это доверие не могло не увеличиться после того, как я мог констатировать, что посол верно передал императору нашу просьбу и после того, как он доставил нам столь благоприятный ответ»[214]. Спустя некоторое время шаху сообщили также, что русскому послу в Константинополе дано указание обратиться в Порту с энергичным представлением о необходимости положить конец беспорядкам, производимым курдами[215].

[210] Зиновьев — Гирсу, 20. X/1. XI 1880 г., ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, № 83, л. 339.

[211] Там же, л. 339.

[212] Гирс — Зиновьеву, 18/30. X 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1880 г., д. 120, л. 64.

[213] Зиновьев — Гирсу, 8/20. XI 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 378.

[214] Там же, д. 380.

[215] Гирс — Зиновьеву, 24. I 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1881 г., д. 121, л. 4.

В связи с курдским восстанием и проявленной русским правительством готовностью оказать поддержку персидскому правительству Персия примирилась с утверждением России на ее северных границах. В то же время участие англичан в подстрекательстве курдов вызвало резкое ухудшение отношения шаха к правительству Англии. Недоверие к английскому правительству сквозило во всех официальных встречах и у Томсона (особенно после беседы с шахом 23 ноября 1880 г.) сложилось мнение, что между Россией и Персией существует соглашение о совместных действиях[216].

Планкетта, встретившегося с персидским послом в Петербурге Мирзой Асауллаханом, удивило явное подозрение, которое он выказывал по отношению к Англии. Мирза Асауллахан утверждал, что персидские власти нашли у курдских повстанцев письма, адресованные британскому консулу Эбботу, из которых видно, что он знал о готовящемся восстании гораздо больше, чем подобало знать консулу «дружественной страны». Планкетт поинтересовался, что думают персидские власти о закаспийской экспедиции России, но в ответ, к его величайшему изумлению, персидский посол резко ответил, что он никогда не понимал, «по какому праву правительство Ее Величества вмешивалось в это дело» и отказался разговаривать на затронутую тему. Заверения Планкетта в дружеских чувствах англичан к Персии не убедили Мирзу Асауллахана, и Планкетт убедился, что персы считают Англию заинтересованной в создании независимого Курдистана под английским протекторатом[217] и причастной к курдскому восстанию.

Волнения на границах иранского Азербайджана, продолжавшиеся вплоть до конца 1882 г., с которыми шахское правительство с трудом справлялось собственными силами, были умело использованы русской дипломатией в интересах упрочения своего влияния в Персии. В частности, именно курдский вопрос, который, как дамоклов меч, висел над Персией, помог Зиновьеву успешно решить вопрос о персидских границах в Закаспии и добиться важных уступок в пользу России, несмотря на противодействие Англии[218].

---

[216] Thomson to Granville, 23. XI 1880, F. O. 539, v. 18, N 220, p. 206.

[217] Plunkett to Granville, 12. XI 1880, F. O. 539, v. 18, N 209, p. 159. Об этом говорил и шах в беседе с Зиновьевым. См. указанную выше депешу Зиновьева от 20. X/1. XI 1880 г.

[218] См. Зиновьев — Гирсу, 21. VII/2. VIII 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, № 69, л. 345; Зиновьев — Гирсу, 13. II 1882, № 12, Там же, д. 30, л. 66—68; Там же, № 13, л. 69; Аргиропуло — Гирсу, 21. VIII 1882 г., Там же, д. 30, л. 261; Аргиропуло — Гирсу, 4/16. IX 1882 г., Там же, л. 287; Аргиропуло — Гирсу, 2. X 1882 г., Там же, л. 305.

Успеху экспедиции русских войск в Закаспий в 1880 г., закончившейся присоединением Ахал-Текинского оазиса к русским владениям, способствовала большая помощь местного населения северных провинций Персии. Лично Скобелев придавал большое значение этому фактору и стремился заручиться симпатией местных жителей, погонщиков верблюдов, рабочих и пр. Он стремился уравнять их в положении с русскими подданными: запретил подвергать погонщиков верблюдов телесным наказаниям, определил им норму продовольствия, одинаковую с рядовыми солдатами, и приказал вовремя выплачивать полностью условленную плату; нарушители этого приказа наказывались[219]. «Надо требовать и постоянно напоминать о человеколюбивом обращении с верблюдовожатыми,— писал он в одном из своих приказов.— В Закаспийском крае, чем скорее мы отстанем от вполне ложной системы ласкательства разных кази, ханов и прочих и сблизимся с массой бедного народа, тем для нас лучше»[220]. Скобелев считал необходимым совместное проживание погонщиков верблюдов и русских солдат для укрепления связи между основной массой членов экспедиции. Эти меры во многом были продиктованы политическими соображениями, интересами скорейшего успешного завершения экспедиции.

Скобелев давно служил в Средней Азии и на опыте убедился, что без симпатий со стороны местного населения России с ее ограниченными ресурсами невозможно будет утвердить здесь свое господство[221]. Кроме того, англо-афганская война стала поучительным уроком значения взаимоотношений с местным населением в Азии в период войны, и русские генералы сделали для себя соответствующие выводы. Генерал Скобелев подчеркивал, что одной из причин кабульской катастрофы явилось жестокое обращение англичан с афганским населением. Он отмечал, что англо-индийское правительство своим жестоким обращением с людьми, защищавшими свои семьи и имущество, пренебрежением к их национальным обычаям подготовило почву для народного восстания[222].

Строжайшая дисциплина, установленная Скобелевым, гуманное отношение к местному населению и обслуживавшим экспедицию туркменам, помогли успешно завершить экспедицию, несмотря на активную деятельность английских агентов, стремившихся сорвать ее. Хотя Зиновьев в Тегеране и обеспечил

[219] Так, Скобелев приказал посадить на гауптвахту поручика К. за несвоевременную выдачу платы шести хивинским погонщикам верблюдов. См.: Н. И. Гродеков, Указ. соч., т. 2, стр. 307.

[220] Н. И. Гродеков. Указ. соч., т. 2, стр. 305.

[221] Там же.

[222] Русский инвалид, 24 октября 1879 г.

помощь правительства Персии и лично шаха и его главного министра, тем не менее ни одно из указаний правительства не обеспечило бы такую поддержку русским войскам, какая им была оказана, если бы не удалось добиться искреннего расположения местного населения.

О'Донован, который был свидетелем развернувшихся событий, так описывал обстановку, сложившуюся на границе Хорасана: «Во всем этом (наступление русских в Закаспии.— *Г. Х.*) Персия поддерживала в отношении России то, что может быть определено как благожелательный нейтралитет — очень благожелательный. Среди народа и чиновников по границе чувства были полностью прорусскими, они восхваляли с радостью возможность иметь на границе соседями русских вместо своих бывших беспокойных соседей»[223]. Один из корреспондентов Томсона сообщал ему с северных границ Буджнурда, что там «все от мала до велика помогают русским». «Все довольны русскими,— подчеркивал он,— и все служат русским изо всех сил»[224]. Даже правители северных провинций, боявшиеся утратить свою власть после покорения Россией Туркмении, помогали русским войскам, и им Гродеков был в значительной мере обязан успешным завершением своей трудной миссии. Они успели проникнуться уважением к русским и убедиться в огромном значении тех изменений, которые русские несли с собой. В письме к Зиновьеву Гродеков сообщал, что правитель Буджнурда Яр Мухаммед-хан заявил о своем горячем желании послать сыновей на воспитание в Россию[225].

Интересное свидетельство сделал военный атташе Англии в Тегеране подполковник Ловетт, специально посланный в 1881 г. в Астрабад для исследования причин успешных действий русской экспедиции. Он отмечал, что главной причиной победы русских войск явилась широкая симпатия населения Хорасана и правителей княжеств. Влиятельные торговцы, с которыми он беседовал, считали себя потенциальными русскими гражданами и утверждали, что охотно поменяли бы персидское гражданство на русское. На его вопрос, как бы они отнеслись к наступлению русских на Мешхед, торговцы ответили, что вместе со всеми стреляли бы из пушек в воздух в знак салюта русским войскам.

В результате своих наблюдений Ловетт докладывал лорду Гренвиллу: «Активная симпатия и поддержка, которую русские встретили не только от персидских князей, которых они купили, но и от широких масс Хорасана, явились результатом освобож-

---

223 O'Donovan. Op. cit., v. I, p. 471.

224 F. O. 539, v. 19, N 202, p. 176.

225 Гродеков — Зиновьеву, 17. IX 1880 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1880 г., д. 28, л. 362.

дения русскими после взятия Хивы широких масс хорасанских крестьян, испытывавших ужасы рабства в туркменском плену. Русские войска, наступавшие вдоль Копет-Дага, получали продовольствие от пункта к пункту из соседней дружеской страны и не испытали ни одной из тех трудностей, которые испытывали британцы, вторгаясь в Северный Афганистан, подверженные, с одной стороны, атакам момундов и кохистанцев, и, с другой стороны, афридиев, шинваров, гилзаев и других варваров, и вынужденные зависеть в своем снабжении от Индии»[226].

Какие бы цели ни преследовали русские представители, они сумели обеспечить себе поддержку местного населения, которую Ловетт называл «активной симпатией» народов Средней Азии. В то же время расовые предрассудки англичан, укоренившееся в них презрение к народам Азии исключали даже подобие гуманного отношения к азиатским народам, хотя бы из тактических соображений. Англичане считали, что проще и дешевле подкупать предателей, плести интриги, устраивать заговоры, чем отступиться от своих предрассудков. У них расизм становился профессиональной чертой. Даже такие, несомненно, умные дипломаты и государственные деятели, как лорд Солсбери, были заражены им и потому в своей политике в отношении азиатских народов зачастую допускали грубые промахи. Осенью 1879 г., захватив Кабул, английские войска предали его разрушению и огню, подвергли массовым репрессиям жителей; их зверства не имели себе равных в истории Афганистана[227]. «Мы являемся армией мщения — писал английский корреспондент Хенсмен,— и всякие угрызения совести должны быть отброшены»[228]. Поднялась народная война во всем Афганистане, каждый дом становился крепостью, каждое селение форпостом. Горные ущелья захватчикам приходилось брать в жестоких боях, а продовольствие они привозили из Индии.

Русские оказались неизмеримо снисходительнее к своим врагам. Взяв Геок-Тепе после ожесточенной двухнедельной битвы, они не думали о мщении. Вскоре была объявлена амнистия всем воевавшим против русских войск. Туркменским семьям, возвращавшимся в Геок-Тепе, выдавали из запасов хлеб, одежду, необходимые хозяйственные принадлежности, оказывали медицинскую помощь[229]. Для восстановления разоренных мельниц

[226] Lovett to Granville, 26. VIII 1881, F. O. 539, v. 20, N 102, p. 87.

[227] См. Н. А. Халфин. Провал британской агрессии в Афганистане, стр. 118—120.

[228] Там же, стр. 118.

[229] См. Соболев — великому князю Михаилу, 29. I 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6962, ч. 5, л. 154. Рапорт заведующего поселением Ахал-Текинского оазиса от 14. IV 1881 г.; Присоединение Туркмении к России, стр. 487—488.

и водопровода были закуплены в Персии необходимые строительные материалы. Всем жителям, участвовавшим в доставке материалов, уплатили за услуги. В Геок-Тепе был установлен порядок, введено управление по типу военно-народного управления, распространенного в Туркестане, и прибывавшим жителям, которые потянулись из Теджена, Мерва и других районов, оказывали материальную помощь зерном, одеждой, кибитками и пр.

Русским войскам был отдан строгий приказ дружелюбно обращаться с прибывшими жителями, запрещалось брать у них что-либо без денег. За нарушение приказа военно-полевой суд приговорил к расстрелу бомбардира Титова (10.II 1881г.), и на другой день приговор был приведен в исполнение[230]. Эти меры в корне изменили отношение текинского населения к русской власти, и все бежавшие постепенно начали возвращаться в Геок-Тепе. Уже 2 февраля 1881 г. Скобелев сообщал о прибытии 16 тыс. семейств[231]. По всей туркменской степи шла молва о гуманном отношении русских войск к туркменам. Томсону писали из Мерва 11 апреля 1881 г., что «некоторые беженцы ахалов вернулись, узнав о сдержанности и мягкости русских»[232].

Летом 1881 г. наблюдалось массовое возвращение туркмен, ахал-текинцев, бежавших в Мерв. Генерал Рерберг, назначенный начальником вновь образованной Закаспийской области, докладывал начальнику Главного Штаба генералу Обручеву: «Ежедневно в область прибывают мелкие партии, все они уже тронулись из Мерва, где осталось лишь несколько семейств»[233]. Бывший предводитель ахал-текинских туркмен Махтум Кули-хан, сын Нурберды-хана, остался в Мерве, но с ним было лишь несколько кибиток. Основная часть туркменских предводителей, среди них Токма Сырдар, Софи-хан, Куль Батыр Сардар, покинули Мерв и вернулись в Ахал-Текинский оазис.

В мае 1881 г. депутация текинских туркмен во главе с влиятельным и популярным Токма Сырдаром прибыла в Петербург и была принята Александром II. Зиновьев сообщал Гирсу о том глубоком впечатлении, которое произвел на население Мерва,— последнего оплота текинских туркмен,— прием, оказанный делегации туркмен в Петербург[234]. Главные ханы текинцев, в числе которых был и Махтум Кули-хан, посовещавшись, приняли резолюцию направить русскому царю петицию с просьбой

---

[230] См. «Присоединение Туркмении к России», стр. 529.

[231] Скобелев — Милютину, 2. II 1881 г., (тел.), ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, л. 160.

[232] F. O. 539, v. 19, N 302, p. 252.

[233] Рерберг — Обручеву, 9. IX 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, 6938, л. 14.

[234] Зиновьев — Гирсу, 23. VIII 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, № 78, л. 390.

взять их под свое покровительство. Резолюция была доставлена в Ашхабад Токма Сырдаром, которого сопровождали 24 мервских старшины и 110 конвоиров. Ее подписали представители восьми родов — векилей, отамышей, кокджа, ата, аманшахов, сичмазов, бахчи и султаназизов[235]. Представители тохтамышей и беков с аналогичной просьбой обратились к правительству России через хивинского хана. Наконец, генерал Рерберг получил и от Баба-хана, считавшегося предводителем мервских туркмен, письмо с выражением своей покорности русскому императору[236].

Таким образом, взятие русскими войсками Геок-Тепе и утверждение власти России в Ахал-Текинском оазисе сопровождалось важными последствиями, которые оказали большое влияние на дальнейший ход событий в этом районе и на соотношение сил между Россией и Англией: 1). Резкое изменение отношения туркменских племен к России, причем эти изменения касались не отдельного племени или социальной группы, а массы туркмен, не исключая и крупных предводителей, которые прежде были решительными противниками России. Токма Сырдар, который еще в начале 1880 г. говорил о своей преданности англичанам и готовности служить им, в середине 1881 г., т. е. всего через полтора года, отправился с визитом в Петербург и встретился с российским императором Александром II; Махтум Кулихан, бежавший от русских войск в начале 1881 г., подал петицию о принятии его в русское подданство. Туркмены массами шли из прилегающих районов, куда бежали от русских войск. Они возвращались целыми селениями, несмотря на то, что английские агенты продолжали рассказывать ужасы о русских[237]. Среди туркменских племен наметился перелом, возобладало стремление признать власть России над собой.

2). Изменение отношения шахского правительства к России. Правда, шах продолжал претендовать на район Мерва и часть туркмен, проживавших по р. Теджен и расположившихся вокруг Сарахса, тем не менее его правительство смирилось с утверждением в Туркмении господства России и постепенно превратилось в ее надежного союзника.

КОНВЕНЦИЯ 9 ДЕКАБРЯ 1881 г. И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Русские войска взяли Геок-Тепе 12 января 1881 г. Воодушевленный успехом Скобелев рвался вперед. Вскоре был занят Ашхабад, а 15 февраля 1881 г. Скобелев уже сообщал о своем

[235] См. оригинал резолюции, АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 429.

[236] Рерберг — Обручеву, 9. IX 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, 6938, л. 14.

[237] F. O. 539, v. 19, N 302, p. 252.

вступлении в Лютфабад, персидское селение в Атеке. 28 февраля 1881 г. он телеграфировал о вступлении русского авангарда в Каахку, расположенную в 130 верстах от Ашхабада и в 100 верстах от Сарахса[238]. Туркменские силы были разгромлены, и уже ничто не могло удержать русские войска от дальнейшего продвижения на восток. Однако Милютин приказал ограничиться занятием Ахал-Текинского оазиса и не переступать ранее намеченных границ[239]. Русский военный министр сообщал о намерении Зиновьева начать в Тегеране переговоры о разграничении с Персией и считал необходимым до их окончания воздержаться от дальнейших наступательных действий[240]. На повестку дня вставал вопрос о разграничении владений России в Туркмении и владений шаха.

Скобелев еще в конце ноября 1880 г. пришел к выводу о необходимости расширения районов операций и продвижения русских границ значительно далее Ахал-Текинского оазиса, вплоть до р. Герируд. После тщательного обсуждения этого вопроса в штабе Скобелев командировал в Тегеран к Зиновьеву полковника Кузьмин-Караваева с запиской, в которой излагались соображения членов штаба относительно будущих границ русских владений в Закаспии.

В записке указывалось, что поскольку цель русской экспедиции заключается в прочном овладении Ахал-Текинским оазисом, подчинении текинцев Ахала и Мерва русскому влиянию и в получении доступа к Афганистану в направлении Герата в основу определения будущей границы должны быть положены следующие условия: 1. Пространство от Ашхабада до Герируда должно навсегда остаться за Россией, в том числе Анау, Гяурс, Абиверт и другие пункты, которые не намечалось брать по первоначальному проекту экспедиции; 2. Выкроенная таким образом область — узкая полоса территории, идущей вдоль Копет-Дага до Сарахса на р. Герируд и совпадающая с областью Атек, должна была служить базой для дальнейших действий в Средней Азии. 3. Русскому правительству нужно было занять такую позицию, которая позволила бы держать под контролем как туркмен, кочующих в русских и персидских владениях, так и текинцев Ахала и Мерва; 4. России необходимо было взять в свои руки ключ к Герату и открыть доступ в Афганистан[241].

---

[238] Скобелев — Соболеву, 28. II 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, л. 263.

[239] Милютин — великому князю Михаилу, 24. II 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ф. ВУА, ч. 5, л. 233.

[240] Милютин — Скобелеву, 27. I 1881 г., ЦГВИА, д. 6862, ч. 5, л. 195.

[241] Записка полковника Кузьмин-Караваева, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, л. 284.

Командование закаспийских войск, указывая на необходимость занять всю территорию до Сарахса включительно, отмечало, какую выгоду сулит это предприятие. Во-первых, с точки зрения политической, удалось бы зажать Мерв в тиски и взять его под свой контроль. Утверждение на Герируде дало бы ключ к Герату и упрочило влияние России во всей Средней Азии; во-вторых, с точки зрения стратегической обладание Сарахсом обеспечило бы ближайший путь к соединению Туркестанского и Кавказского округов и возможность в случае необходимости быстро сосредоточить на Герируде значительную военную силу; в-третьих, с точки зрения экономической владение Сарахсом привело бы к значительному расширению русской торговли в Афганистане (особенно при условии проведения железной дороги от Михайловского залива до Кзыл-Арвата) и вместе с тем дало бы возможность вести торговлю не только с Хорасаном, но и с южными провинциями Персии. За Сарахс и Атек намечалось дать Персии награду — выделить ей территорию в юго-западной части Закаспия[242].

Командование закаспийской экспедиции исходило в основном из соображений военно-стратегического и политического характера и преследовало цель занять такие позиции, которые дали бы возможность России выдвинуть против Англии сильный стратегический плацдарм. Даже экономические выгоды, которые русское государство должно было получить в результате осуществления проекта разграничения с Персией, подчинялись главной цели. «Торговое движение здесь необходимо,— писали авторы представленной записки,— ввиду развития жизненности края и его самопитания (т. е. обеспечения себя продовольствием без подвоза с моря.— *Г. Х.*), что в свою очередь послужит упрочению русского владычества в Средней Азии и даст возможность России твердой ногой стать перед дверьми в Индию, захватив этим самым инициативу действий относительно своих интересов на Востоке»[243].

Зиновьев горячо поддержал идеи, изложенные в записке Кузьмин-Караваева, заметив, что представленный проект позволит преодолеть затруднения, которые, несомненно, возникнут в связи с проведением границы между Персией и русскими владениями на востоке от Каспийского моря[244]. Мнение Зиновьева значительно расходилось с мнением его шефа Гирса, который вообще не одобрял идею оккупации Ахал-Текинского оазиса и

---

[242] Записка полковника Кузьмин-Караваева, ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, л. 285.

[243] Там же, л. 289.

[244] Зиновьев — Скобелеву, 16. I 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, л. 294.

считал, что России следовало ограничиться лишь наказанием текинцев и покорением их[245]. Однако Зиновьев настаивал на своей точке зрения. Он подчеркивал важность сохранения военной силы в Ахал-Текинском оазисе по двум причинам: во-первых, закрепление России в оазисе упрочивало ее влияние в Средней Азии в целом; во-вторых, обеспечивало России средствами борьбы против Англии. Ахал-Текинский оазис мог стать удобным плацдармом. Отмечая, что экспедиция 1878 г. мотивировалась необходимостью произвести впечатление на Англию, Зиновьев предупреждал, что в будущем такая необходимость может повториться, но никакая мера не произведет на англичан должного впечатления до тех пор, пока на пути к их владениям будет находиться текинское племя.

Кроме того, Зиновьев выражал опасение в связи с английской политикой в Афганистане, не сомневаясь в том, что подчинив себе Афганистан, англичане попытаются поглотить его и установить прямую связь с туркменами. Намекая на тайные надежды российского Министерства иностранных дел на улучшение отношений с Англией в связи с приходом к власти правительства Гладстона, русский посол без дипломатических ухищрений доказывал их опасность и беспочвенность. «Если против такого оборота дела и восстает нынешнее либеральное правительство Англии,— писал он,— то английские консерваторы в случае возвращения их к власти не затруднятся найти в невозможности умиротворения Афганистана достаточно доводов, чтобы приступить к осуществлению их политической программы, клонящейся к распространению до крайних пределов владычества и влияния Англии в Средней Азии в ущерб России»[246]. Зиновьев считал, что передовой бастион на северо-восточной окраине Хорасана, связанный надежными путями с базой на Каспийском море, заставит англичан «быть более сдержанными в их честолюбивых замыслах», поскольку для России откроется путь на восток и юго-восток. Причем в случае столкновения с Англией эта база может стать исходным пунктом более широких действий, чем обычная диверсия[247].

В ответ Гирс сообщал о решении Александра II сохранить занятые позиции, но вновь предупреждал о необходимости воздержаться от дальнейшего продвижения. Он утверждал, что правительство Гладстона миролюбиво настроено в среднеазиатском вопросе и рекомендовал не вступать ни в какие переговоры с Персией относительно Сарахса, указывая, что русское прави-

[245] Гирс — Зиновьеву, 10. I 1881 г., ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6862, ч. 5, л. 273.
[246] Зиновьев — Гирсу, 26. I 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 26.
[247] Там же.

тельство сообщило уже Гладстону о своём решении не двигаться вперед, предупредив, однако, что оно ожидает прекращения всяких происков британских агентов в Мерве[248]. Признавая, что первоначально ахал-текинская экспедиция явилась мерой, принятой против агрессивной политики Англии, Гирс утверждал, что обстоятельства теперь значительно изменились и соответственно повлияли на характер самой экспедиции. «Политика Англии,— писал он,— изменилась с изменением в кабинете. Она больше не является агрессивной против Афганистана. Наступательная позиция, которую она занимала, теперь осуждена»[249]. Марш русских войск, по его мнению, мог привести к возобновлению агрессии, к оккупации Кандагара английскими войсками. «Настоящий кабинет,— утверждал Гирс, будет вынужден дать это удовлетворение общественному мнению или подать в отставку»[250]. Он считал, что оккупация Сарахса не принесет пользы в стратегическом плане, так как русское командование вынуждено будет содержать значительные силы для обеспечения безопасности своих коммуникаций под угрозой флангового удара со стороны Мерва[251].

Взятие Кандагара английскими войсками и сохранение его за Англией сократило бы расстояние, отделяющее обе империи от Герата и превратило этот город в арену ожесточенной конкуренции, которая отразилась бы на политическом положении России в Европе и Азии. Борьба за Герат сопровождалась бы активизацией деятельности английских агентов, которые, подстрекая, вооружая и организуя текинцев в Мерве, создали бы для России источник постоянных затруднений и непрерывных расходов. Имея в виду эти соображения, писал Гирс, русское правительство «в настоящий момент» считает необходимым ограничиться сохранением территории, уже оккупированной, утвердившись там твердо и как можно более экономично, «оставив на будущее определенные решения»[252]. Наконец, он выдвигал решающий аргумент в пользу прекращения дальнейшего расширения русских территорий к востоку от Ахал-Текинского оазиса: «Насколько мы знаем намерения английского кабинета,— если бы он имел уверенность, что мы не переступим наших нынешних границ оккупации, он приложил бы все усилия

---

[248] Гирс — Зиновьеву, 19. II 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1881 г., д. 121, л. 6.

[249] Гирс — Зиновьеву, 27. II 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, д. 121, л. 12.

[250] Там же, л. 13.

[251] Там же, л. 14.

[252] Гирс — Зиновьеву, 27. II 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, I—I, 1881 г., д. 121, л. 14.

к тому, чтобы добиться решения эвакуировать Кандагар и имел бы в таком случае надежду взять верх в палате общин»[253].

Гирс, таким образом, считал, что не следует принимать решительных мер, которые предлагали закаспийское командование и посол в Тегеране, а лучше подождать, пока английский кабинет добьется в парламенте решения о Кандагаре и выведет свои войска из этого города. Он надеялся помочь правительству Гладстона упрочить свое положение, ликвидировать последствия афганской войны и лишить возможности сторонников прежнего правительства оказывать давление на его политику. Однако, вскоре в связи с изменением обстановки появились новые аргументы в пользу точки зрения Зиновьева. Попытки персидского правительства выговорить себе право на Атек до Сарахса[254], возобновление интриг персидских представителей в Хорасане с целью склонить мервских туркмен принять персидское подданство и таким образом утвердить свою власть[255], сообщения генерала Скобелева о самовольном направлении шахом персидских «губернаторов» в атекские селения[256] во многом способствовали укреплению позиций сторонников присоединения к русским владениям Атека вплоть до Сарахса. К тому же правительство Гладстона провело в парламенте решение оставить Кандагар, и в апреле 1881 г. английские войска были выведены из города.

В связи с этими событиями Зиновьев настойчиво добивался начала переговоров, выражая опасение, что всякая затяжка с их открытием может ухудшить позиции России[257]. Гирс телеграммой от 20 мая 1881 г. известил его о проекте, предусматривавшем выделение Атека в отдельную область, в которой управлял бы независимый правитель, избранный местным насе-

---

[253] Там же.

[254] В конце февраля 1881 г. Мирза Сайидхан представил Зиновьеву докладную записку, составленную Мирзой Ханлер-ханом относительно принципов разграничения между Персией и Россией, в которой излагалась официальная точка зрения персидского правительства. Гяурс, расположенный на крайнем западе Атека, как указывалось в записке, считался принадлежащим Персии, о чем и сам Мирза Сайидхан устно заявил Зиновьеву. Когда Зиновьев отверг эти необоснованные претензии на селение, не имевшее никакого отношения к Персии, персидский министр выразил надежду, что русское правительство не станет оспаривать прав Персии на остальную часть Атека. Зиновьев — Гирсу, 1. III 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29 (Доклад Мирзы Ханлер-хана приложен к этой депеше).

[255] Зиновьев — Гирсу, 16/28. II 1881 г.; АВПР, ф. Главный архив, 1881 г., д. 29, л. 74—76. См. вложенный в депешу Зиновьева доклад Насырбекова от 31. I 1881 г., л. 78.

[256] Скобелев — Зиновьеву, 3. IV 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 187.

[257] Зиновьев — Гирсу, 26. V 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 245.

лением. Но Зиновьев счел этот проект нереальным, поскольку Атек был слишком мало населен, чтобы существовать самостоятельно, и трудно было подобрать человека, который бы в качестве правителя этой независимой промежуточной области мог удовлетворять обеим сторонам[258].

Лишь после настойчивых представлений Зиновьева Гирс 29 мая 1881 г. разрешил начать переговоры о разграничении. Персидское правительство пыталось втянуть в эти переговоры и Англию, полагая, что в этом случае ему удастся выговорить для себя более приемлемые условия.

2 марта 1881 г. Мирза Сайид-хан информировал Томсона о том, что Зиновьев предупредил его о намерении генерала Скобелева пройти через Абиверт и Келат к Теджену, где скопилось множество беженцев из Ахал-Текинского оазиса. В ответ на вопрос Томсона о принадлежности этих районов персидский министр заявил, что они никогда не принадлежали туркменам и составляли часть владений шаха. Мирза Сайид-хан сообщил также Томсону о представлении Зиновьева, в котором русский посол указывал на необходимость начать переговоры, чтобы прийти к соглашению относительно границ в Хорасане[259]. На самом же деле ни об Абиверте, ни о разграничении Зиновьев еще не поднимал вопроса. Во всяком случае ни в одной из своих депеш этого периода он не сообщал в свое министерство ничего подобного. Наоборот, из посланий видно, что разговор об этом начинало персидское правительство. 6 февраля шах передавал через Мирзу Сайид-хана о своем желании начать переговоры о разграничении в Хорасане и просил информировать о планах России[260]. Зиновьев не дал конкретного ответа, но обещал уведомить свое правительство об этом запросе.

Через несколько дней Мирза Сайид-хан пытался выяснить у русского посла, давая понять, что запрос исходит от шаха, не согласится ли русское правительство передать Персии Абиверт, о приобретении которого давно мечтал шах[261]. Зиновьев вновь уклонился от конкретного ответа, ограничившись лишь обещанием передать просьбу своему правительству. Персидское правительство явно провоцировало вмешательство Англии в переговоры с Россией о разграничении. Мирза Сайид-хан представил Томсону свою точку зрения относительно владений шаха

---

[258] Там же.

[259] Thomson to Granville, 2. III 1881, BFSP., 1880—1881, v. LXXII, London, 1888, p. 1073.

[260] Зиновьев — Гирсу, 26. I 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 19.

[261] Зиновьев — Гирсу, 16. II 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, 1881 г., д. 29, л. 72.

в Туркмении, которые, по его мнению, в результате разграничения должны были перейти к Персии. К ним он относил все территории, лежащие восточнее Ахал-Текинского оазиса, т. е. Атека, а также долину р. Теджен[262].

Лорд Гренвилл 22 июля 1881 г. обратился к лорду Хартингтону (министру по делам Индии) с просьбой высказать свое мнение по двум вопросам: 1) о позиции, которую должен занимать английский офицер, включенный в русско-персидскую комиссию по разграничению; 2) о линии границы, которую нужно было установить и о политике, которой следовало придерживаться в случае, если Россия будет настаивать на таком способе разграничения, который не удовлетворяет британское правительство [263].

Лорд Хартингтон понимал заинтересованность Англии в этом вопросе, тем не менее, реально оценивая сложившуюся обстановку, считал, что британскому правительству трудно добиться участия в переговорах о разграничении с правом решающего голоса. Если бы британского представителя и допустили к переговорам, едва ли можно было бы ожидать, что он получит право решающего голоса и еще меньше надежды на то, что он будет выступать в качестве арбитра. Лорд Хартингтон отводил британскому представителю роль «примирителя», уравновешивающего положение, сбивая «экстравагантные» требования с одной стороны и не допуская чрезмерных уступок с другой стороны; по его мнению, британский представитель должен был бдительно следить, чтобы Персия не сделала таких уступок, которые неприемлемы для Англии, не допуская расширения владений России за пределы Ахал-Текинского оазиса, ни на восток, ни на юг. Конкретно это условие можно было толковать очень широко и придираться к любому русскому проекту[264].

Лорд Гренвилл телеграфировал Томсону 2 сентября 1881 г. о доводах лорда Хартингтона и спрашивал его, насколько шах склонен будет поддержать их. В случае отклонения их персидским правительством, он просил Томсона высказать мнение относительно средств, которые могли обеспечить достижение главной цели, а именно «предотвратить расширение русской границы к югу и востоку от границ Ахальского оазиса и любое русское вмешательство в территориальные права шаха над Буджнурдом и Кучаном»[265].

После беседы с шахом Томсон сообщал лорду Гренвиллу, что персы не станут возражать против участия английского

---

[262] Thomson to Granville, 5. IV 1881, F. O. 539. v. 19, N 263, p. 217.
[263] L. Mallett to Tenterden, 26. VIII 1881, F. O. 539, v. 20, N 68, p. 56.
[264] L. Mallett to Tenterden, 26. VIII 1881, F. O. 539, v. 20, p. 56.
[265] Granville to Thomson, 2. IX 1881, F. O. 539, v. 20, N 72, p. 61.

представителя в переговорах по разграничению, но если шах узнает, что это вызовет недовольство России, он отклонит данный вопрос. Английскому послу удалось выяснить, что переговоры еще не начались и, по мнению шаха, русские требования должны ограничиться территорией Ахал-Текинского оазиса. Однако Томсон сказал ему, что, по его сведениям, русские, возможно, станут претендовать на Кари-Кала и Нохур, а также на северные склоны Дерегеза и Келата до Теджена и Сарахса. Он сообщил также, что получил информацию о посещении Сарахса русскими инженерами и топографами.

Более всего Томсон опасался, что русские начнут секретные переговоры непосредственно с шахом, минуя его министров, поэтому, запросив полномочия у своего правительства[266], он заявил шаху, что любая его попытка разрешить вопрос секретно или «сделать территориальные уступки в Хорасане без ведома британского правительства» будет рассматриваться в Лондоне с «чрезвычайным неудовольствием» и «неблагоприятно повлияет на дружеское расположение Англии к этой стране», т. е. к Персии[267].

Томсон убеждал шаха в необходимости скорее начать переговоры и завершить разграничение, ибо затягивание его на руку России, которая под предлогом изучения границ стремится установить прямую связь с туркменами в Теджене. Он высказывал мнение, что русские стремятся утвердиться там и лишить Персию территорий, на которые она претендовала[268]. Однако английский посол опоздал. Еще в июне 1881 г. Зиновьев добился от шаха обещания соблюдать статус-кво в Атеке до полного выяснения вопроса о нем и отказ возводить там какие-либо сооружения[269]. Это обязательство было равносильно признанию правительства Персии в том, что оно не считает себя полноправным владельцем Атека и, более того, признает за Россией право голоса в решении вопросов, касающихся устройства этой области. «Это есть шаг к осуществлению наших предположений»,— писал Зиновьев[270]. В случае, если предстоящие переговоры не привели бы к удовлетворительному результату, русское правительство могло потребовать от шаха неукоснительного соблюдения этого обещания (Зиновьев называет его даже «обязательством») и назначить особого представителя для на-

---

[266] Thomson to Granville, 4. IX 1881, F. O. 539, v. 20, 174, p. 62.

[267] Thomson to Granville, 25. X 1881, F. O. 539, v. 20, N 174, p. 119.

[268] Зиновьев — Гирсу, 16/28. VI 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 270.

[269] Там же.

[270] Зиновьев — Гирсу, 23. VI 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 282.

блюдения за его выполнением, выжидая удобный момент для возобновления переговоров. Вопрос об Атеке, таким образом, фактически был решен, и русской дипломатии оставалось лишь закрепить его документально. Шаху важна была поддержка Англии для того, чтобы добиться от России некоторых уступок. В конфиденциальной записке, переданной Томсону, он писал: «Моей целью является сообщить русскому правительству, что правительство Ее Величества имеет интерес в этом вопросе и в связи с этим русское правительство не может выдвигать чрезмерных требований»[271].

Переговоры между Зиновьевым и персидскими представителями велись в глубоком секрете и, несмотря на обещание шаха держать Томсона в курсе всех требований русского правительства, ему не сообщали ничего. Вплоть до заключения конвенции 9 декабря 1881 г. английский посол в Персии так и не знал толком, начались переговоры или нет. В то же время Мирза Сайид-хан на переговорах постоянно выдвигал страх Персии перед Англией как фактор, который не позволял ей идти на какие-либо уступки России в вопросе об Атеке.

На аудиенции 25 октября 1881 г. шах обещал Томсону информировать его о ходе переговоров, утверждая, что они еще не начались. Но еще 27 сентября 1881 г. Зиновьев вручил Мирзе Сайид-хану меморандум о разграничении, в котором были сформулированы условия России, сводившиеся к требованию отказа персидского правительства от своих притязаний на Мерв, Атек и долину р. Теджен[272]. Тон меморандума был решительным даже угрожающим. «Всякое распоряжение,— говорилось в нем,— которое будет в противоречии с этими принципами, не замедлит вызвать тяжелые препятствия к разграничению между двумя государствами и может вынудить императорское правительство отделить свои интересы от интересов Персии»[273].

Попытки персидского министра иностранных дел вновь выдвинуть свои претензии на эти территории ни к чему не привели, Зиновьев был непреклонен. На основании убедительных аргументов[274] он доказывал беспочвенность претензий персидского правительства и требовал отказа от них. Тогда Мирза

---

[271] Thomson to Granville, 30. X 1881, F. O. 539, v. 20, N 178, p. 126.

[272] См. «Меморандум российского посла в Тегеране министру иностранных дел Персии от 15. IX 1881 г., ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 440—444.

[273] Там же.

[274] Зиновьев вместе с присланным ему в помощь Янжулом все лето основательно изучал историю Туркмении, ее отдельных районов и имел в руках неоспоримые аргументы необоснованности претензий Персии на отмеченные в меморандуме территории.

Сайид-хан заявил Зиновьеву, что Англия никогда не простит персидскому правительству отказа от своих претензий на Тедженн и Атек, и предупредил, что Персии в таком случае придется уступить ей в вопросе об открытии навигации на р. Карун[275]. В подтверждение своих опасений Мирза Сайид-хан показал Зиновьеву заявление Томсона, сделанное им 25 октября 1881 г., а также телеграмму лорда Гренвилла, копия которой была передана шаху. В телеграмме говорилось: «Правительство Британии получило информацию, что между Персией и Россией начались переговоры относительно проведения пограничной линии между двумя государствами в Хорасане. Принимая во внимание интересы Англии, связанные с этим вопросом, оно считает долгом предупредить персидское правительство, что, если последнее вступит в переговоры с Россией без ведома Англии, или же, если оно согласится на отчуждение части территории Хорасана, эти обстоятельства не преминут вызвать в высшей степени недовольство Великобритании, что могло бы равно произвести неблагоприятное влияние на дружеское расположение, которое эта держава испытывает по отношению к Персии»[276].

Мирза Сайид-хан поставил также Зиновьева в известность, что шах отрицал факт начала переговоров и заявил Томсону о неточности его сведений. В свою очередь он просил совета у Зиновьева, что ответить английскому послу. Зиновьев рекомендовал и дальше отрицать факт ведения переговоров и посоветовал дать понять Томсону, что в случае их возобновления персидское правительство не допустит вмешательства в них Англии без согласия России, поэтому английское правительство при сложившейся ситуации должно обратиться непосредственно к русскому императору.

На Зиновьева этот шаг персидского правительства произвел впечатление, обратное тому, которого оно ожидало. Теперь русский посол был категорически настроен против уступок Персии и отсрочки решения вопроса о границах. Он считал, что всякий перерыв в начатых переговорах может вселить в шаха уверенность, что резкое заявление Томсона испугало Россию и русское правительство не будет настаивать на своих прежних требованиях. «Дозволять укореняться здесь подобному убеждению,— писал он,— значило бы не только вызывать затруднения в будущем, но и рисковать лишиться уже добытых резуль-

[275] Зиновьев — Гирсу, 3/15. X 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 455.

[276] Зиновьев — Гирсу, 17/29. X 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 476.

татов. Это значило умалять кредит наш, который в глазах азиатских правительств должен оставаться незыблемым»[277]. В связи с этим Зиновьев заявил Мирзе Сайид-хану, что, по его мнению, возможность утраты расположения России для Персии более опасна, чем угрозы Англии, и намекнул на затруднения, которые могли вновь возникнуть в Иранском Азербайджане[278].

Давление Зиновьева и его непреклонная решимость добиться желаемого результата вынудили шаха сдаться. 31 октября 1881 г. Мирза Сайид-хан объявил о решении персидского правительства согласиться на требования России при условии, что все статьи соглашения, касающиеся Атека, будут включены в секретную конвенцию и в Атеке на неопределенный срок установится такой порядок, при котором фактически сохранится прежнее положение безвластия. Персидский министр иностранных дел ссылался на угрозы Англии, подчеркивая, что она располагает средствами, способными повредить Персии, и не замедлит воспользоваться ими, как только узнает о заключении соглашения и уступке Атека России. Кроме того, Мирза Сайид-хан указывал на многочисленные внутренние затруднения, которые могли стать следствием открытого отказа шаха от своих прав на Атек[279]. Все усилия Зиновьева поколебать это мнение ни к чему не привели. Мирза Сайид-хан заявил, что его правительство готово даже пойти на срыв переговоров, но не уступит в этом вопросе.

Гирс прекрасно понимал, к чему клонит персидское правительство. Заключение секретной конвенции и установление в Атеке переходного периода, ограниченного твердыми сроками, при котором Атек фактически оставался бы безвластным, давало возможность шаху выиграть время в расчете на изменение условий при возвращении к власти консервативного правительства[280]. Но тем не менее он решил уступить шаху. Гирс писал в инструкции российскому послу в Лондоне барону Моренгейму: «Было бы более выгодным для нас решить раз и навсегда вопрос об Атеке, присоединив его к России. Мы не считали, что должны это делать. Аннексия Атека слишком натянула бы струну в наших отношениях с Англией. Она могла бы повести к осложнениям, которые наложили бы на нас неисчислимые расходы. Мы предпочли оставить этот вопрос вне определенно-

---

[277] Зиновьев — Гирсу, 31. X 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 495, № 106.

[278] См. там же, л. 496—500.

[279] Зиновьев — Гирсу, 31. X 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, № 107, л. 507—508.

[280] Projet d'instructions au Baron Morenheim, 15. VII 1882 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1882 г., д. 62, л. 193.

сти до тех пор, пока наше положение в Ахал-Теке не упрочится»[281].

Зиновьеву предоставили полную свободу решать вопрос по собственному усмотрению, и к концу ноября он закончил составление основных статей пограничной конвенции[282]. В решающий момент, когда персидские представители вновь попытались устроить проволочку, русский посол пригрозил, что прервет переговоры и уедет в Петербург для личных объяснений[283]. Только этой угрозой он заставил Мирзу Сайид-хана согласиться с его проектом, и 9 декабря 1881 г. была подписана конвенция о проведении разграничения между Персией и Россией.

Конвенция состояла из двух частей. Первая, открытая, включала девять статей. В ней намечалась граница от Каспийского моря до селения Баба-Дурмас, предусматривались правила пользования водами р. Фирузы и рекомендовалось содействие в развитии торговли между обеими странами[284]. По суть конвенции заключалась во второй, секретной части, касавшейся Атека. По статье 1 граница Персии проходила так, что все селения и территория Атека, за исключением Лютфабада и Шильгана, оставались к северу от нее. Она доходила до р. Теджен и Герируд, направлялась отсюда к руслу Теджена, не доходя до Сарахса 14 верст; статья 2 обязывала Персию не отводить воду рек, текущих с гор в Атек, в количестве, превышающем потребности персидского населения; по статье 3 секретной конвенции Персия обязывалась «ни под каким видом» не вмешиваться в дела туркмен, населяющих Мерв и Теджен, и по вопросам, касающимся их и имеющим отношение к интересам Персии, прибегать к посредству российского посольства. Статья 4 гласила, что каждый раз, когда русское правительство признает необходимым для обеспечения безопасности Закаспийской области или для упрочения порядка и спокойствия близ ее границы двинуть войска в Атек или провести их через эту область, Персия обязывается не препятствовать их движению через Лютфабад, Шильган и Сарахс; статья 5 предусматривала одинаковую силу секретных статей с открытыми[285]. К договору была приложена нота российского посланника в Тегеране, в которой говорилось, что российское правительство, идя навстречу поже-

---

[281] Там же, л. 190.

[282] Зиновьев — Гирсу, 17. XII 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, д. 29, л. 543.

[283] Там же, л. 544.

[284] См. эту часть конвенции в кн. «Присоединение Туркмении к России», стр. 602—605.

[285] См. «Конвенция 9. X 1881 г.», копия. Отдельные секретные статьи, АВПР, ф. «Дерегезо-Келатское агентство», оп. 549, д. 1167.

ланию шаха, согласилось отсрочить на пять лет выполнение статьи 3 секретной части, при соблюдении персидским правительством следующих условий: 1) персидские пограничные власти не будут притеснять живущих здесь (в Атеке) туркмен и не станут делать никаких сборов с них; 2) никаким сборам и притеснениям не будут подвергаться караваны, проходящие через Атек; 3) персидские пограничные власти не будут препятствовать поселению в Атеке туркмен, получивших на то разрешение от командования Каспийской области, причем русское посольство будет предупреждать о получении такого разрешения; 4) при надобности персидские пограничные власти могут посещать Атек в сопровождении лишь небольшой свиты, необходимой для них; 5) во всем, что касается поддержания порядка и безопасности, правительство Персии должно действовать только по предварительному соглашению с русским посольством[286]. Этой нотой Зиновьев фактически перечеркивал уступку, данную шаху в отношении отсрочки на пять лет действия статьей 3 секретной конвенции. Персидское правительство лишалось каких-либо прав в этом районе и низводилось до роли беспомощного наблюдателя за происходящими событиями.

* * *

Формально конвенция являлась соглашением о границах между Россией и Персией, фактически же это был неоформленный русско-персидский военный союз, направленный против Англии. Подписывая конвенцию, персидские представители понимали, для чего России нужен Атек. Мирза Сайид-хан, пытаясь убедить Зиновьева оставить Атек за Персией, неоднократно подчеркивал, что это не нарушит планов России, поскольку шахское правительство готово открывать для русских войск не только Атек, но и некоторые районы Хорасана[287]. По статье 4 конвенции персидское правительство обязалось пропускать русские войска через территорию, которая отходила к ней, именно через Лютфабад, Шильган и Сарахс. Кроме того, статья 5 открытой части, предусматривавшая «ввиду развития сношений между населением Закаспийской области и Хорасана» строительство удобных колесных дорог[288], рассматривалась русскими представителями исключительно с военно-стратегической точки зрения.

---

[286] Нота российского посланника в Тегеране шахскому министру иностранных дел от 9 декабря 1881 г., АВПР, ф. «Дерегезо-Келатское агентство», оп. 549, д. 1107.

[287] Зиновьев — Гирсу, 31. X 1881 г., АВПР, ф. Главный архив, V-Аз, 1881 г., д. 29, л. 506.

[288] Присоединение Туркмении к России, стр. 604.

Спустя две недели после подписания конвенции начальник Главного штаба генерал Обручев писал начальнику штаба Кавказской армии, указывая на важное значение проведения дорог для развития «торгового движения во вновь приобретенном крае», о необходимости как можно скорее составить на месте план производства работ, назначив для этого саперную роту и часть других войск и представив соображения о порохе и динамите[289]. По предписанию Главного штаба генерал Гродеков составил докладную записку, в которой представил свои соображения о наиболее целесообразном маршруте проведения дорог. Во вступительной части докладной записки он откровенно писал: «Героический период Туркестана, по-видимому, кончился. Но Туркестан не может служить нам в качестве плацдарма, ибо из него выхода нет и давление на Англию оттуда сделать нельзя. Завоевание Ахал-Текинского оазиса предпринято было с целью создать из него педаль, с помощью которой мы будем в состоянии видоизменять камертон нашей политики как относительно Великобритании, так и Персии и Афганистана[290].

Гродеков указывал четыре дороги от Ахал-Текинского оазиса в Герат, оценивая их с точки зрения возможности перехода по ним 50-тысячного корпуса с артиллерией: 1) Ашхабад — Сарахс и оттуда вверх по Герируду; 2) Анау — Келтечинар — Алаакберский перевал — Кунийский перевал — Бадхур — Чинаран — Мешхед и далее на Герат; 3) Анау — Келтечинар — Раман-Кулибек — перевал Даван — Табари и далее, как во втором варианте; 4) Геок-Тепе — Гярмаб — Ширван — Кучан — Мешхед — Герат. Второй и третий пути Гродеков считал неприемлемыми, потому что Алаакбарский и Даванский перевалы были недоступны для артиллерии. Наилучшим признавался четвертый маршрут, который предлагалось избрать для строительства колесного пути[291].

Военное министерство поддержало предложение Гродекова и, излагая свои соображения относительно осуществления статьи 5 договора с Персией, сообщало в Министерство иностранных дел, что «для удовлетворения на первое время потребностей сообщений Закаспийской области с Хорасаном Военное министерство признает совершенно достаточным проложение и разработку для колесного движения пути от Геок-Тепе через Гярмаб на Мешхед

---

[289] Обручев — начальнику штаба Кавказского военного округа, 24. X 1881 г., ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1882 г., д. 98, л. 1.

[290] Докладная записка генерала Гродекова от 30. V 1882 г., ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1882 г., д. 98, л. 6.

[291] Там же, л. 26.

при совместном участии персидского правительства согласно статье 5 конвенции, заключенной 9.XII 1881 г.»[292].

В оценке характера и направленности конвенции Министерство иностранных дел не расходилось с Военным министерством. Излагая соображения русского правительства относительно конвенции, Гирс отмечал ее политическое и военно-стратегическое значение. Он указывал, что наступление России в Туркмении, следствием которого явилось овладение Ахал-Текинским базисом, было вызвано необходимостью нейтрализировать политику Англии в Средней Азии, выразившуюся в агрессивных действиях в Афганистане и в вооружении и подстрекательстве туркмен. «Твердо обосновавшись в Ахал-Текинском оазисе, заложив железнодорожную связь с Каспием, мы приобрели базу операции, которая нам гарантирована против всякой агрессии внешней. Эта позиция, я повторяю, является абсолютно оборонительной», — писал он в инструкциях барону Моренгейму, не отрицая, что она могла быть и наступательной[293].

Утверждение России в Ахал-Текинском оазисе открыло доступ к Атеку и Мургабской долине, ведущей к Герату; кроме того, русские войска при случае могли беспрепятственно достигнуть Герата, не встречая на пути никакого сопротивления; наконец, установление в Ашхабаде базы операций и снабжения позволяло обеспечить продовольствием русские войска[294]. Таковы основные результаты конвенции, заключенной 9 декабря 1881 г.

Подписание конвенции явилось серьезной победой русской дипломатии, которой удалось таким путем сорвать замыслы Англии, использовать разгром Афганистана для изменения внешнеполитических позиций Персии и превратить ее в орудие своей политики на Среднем Востоке и в Средней Азии. С другой стороны, проведение границ с Персией и лишение ее оснований вмешиваться в дела Мерва и Атека укрепляло положение России в Туркмении и создавало чрезвычайно благоприятные условия для усиления ее политического влияния в Средней Азии и дальнейшего расширения владений в Туркмении. 6 мая 1881 г. Александр III утвердил проект административного устройства Закаспийской области, которая отныне становилась частью Российской империи и включалась в состав Кавказского военного округа[295]. В мае 1882 г. прошел первый поезд по железнодорожной

---

[292] Письмо в Министерство иностранных дел за подписью Обручева от 15. VII 1832 г., ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1882 г., д. 98, л. 36.

[293] Projet d'instructions au Baron Morenheim, 15. VIII 1882 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1882, д. 62, л. 184.

[294] Projet d'instructions au Baron Morenheim, 15. VIII 1882, АВПР, ф. Канцелярия, 1882, д. 62, л. 185.

[295] Присоединение Туркмении к России, стр. 532.

линии Красноводск—Кызыл-Арват; в том же году первый русский торговый караван появился в Мерве. В 1884 г. мервские туркмены объявили о своем желании присоединиться к России, и Мерв был присоединен[296]. В 1885 г. русские войска вступили в Сарахс, который стал крайней точкой востока Российской империи. Благодаря этим мерам, Россия приблизилась к Герату, навсегда утвердившись в Туркмении и укрепив свое военно-политическое положение в Средней Азии.

---

[296] См. об этом подробнее: М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Англо-русские противоречия в Средней Азии в конце XIX в. явились конкретным отражением колониальной политики великих европейских держав, распространившейся в это время по существу на все континенты. В них проявились характерные особенности развития капиталистической системы того периода, который, как указывал В. И. Ленин, отмечен громадным «подъемом» колониальных захватов, обострением «в чрезвычайной степени» борьбы за территориальный раздел мира[1].

Правящие круги Англии и России находили множество «веских» предлогов для захвата Средней Азии, оправдания своих агрессивных действий в этом районе земного шара или обоснования своих прав на отдельные его части. Однако, под какими бы вывесками ни проводилась так называемая среднеазиатская политика обеих держав, какие бы предлоги ни использовались для ее осуществления, сущность ее неизменно оставалась захватнической колониалистской. Обе империалистические державы неуклонно двигались навстречу друг другу, активно участвуя в борьбе за территориальный раздел мира.

Оправдание одной из сторон и утверждение, что политика, проводившаяся ею, была оборонительной, а политика другой — наступательной, агрессивной, по существу приводит к оправданию политики колониальных захватов империализма. Такая трактовка внешней политики грозит многочисленными злоупотреблениями и в ее практическом осуществлении уже не говоря о том, что ведет к неправильному толкованию и искажению исторических фактов.

Внешняя политика уходит корнями во внутреннее социально-экономическое и политическое развитие страны, она является продолжением внутренней политики правящих классов на внеш-

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 375.

не-политической арене. Внешняя политика, таким образом, отражает внутреннюю политику страны, классовые отношения, соотношение политических сил и экономическое положение государства. Это, конечно, не значит, что внешние факторы не оказывают влияния на внешнюю политику государства, но они определяют методы, формы ее проведения и направление, а не характер.

Продвижение Англии и России в Средней Азии явилось следствием экономического, социального и политического развития обоих государств и всей капиталистической системы в целом. Капитализм вступал в стадию империализма, когда борьба за раздел мира, а затем и за передел уже поделенного мира становилась его сущностью. По существу, обе страны преследовали в Средней Азии агрессивные цели; политика обеих держав была направлена на закабаление и угнетение местных народов.

Вместе с тем, неравномерность развития капитализма в Англии и России и ряд особенностей и характерных черт, присущих этим странам в период вступления мировой капиталистической системы в стадию империализма, наложили отпечаток на тактические приемы в их борьбе против своего опасного соперника и на отношения, складывавшиеся у них с населением азиатских стран. Англия вступала в стадию империализма зрелой капиталистической державой, с огромной колониальной империей, с начавшейся концентрацией капитала, при монопольном положении на капиталистическом промышленном рынке. У англичан за плечами был период почти столетнего господства в Индии; они подорвали самую основу индийского общества, ограбив индийский народ. К. Маркс писал о результатах этого господства: «Они уничтожили ее (индийскую цивилизацию.— *Г. Х.*), разрушив местные общины, искоренив местную промышленность и нивелировав все великое и возвышенное в индийском обществе. Страницы истории господства англичан в Индии едва ли говорят о чем-либо, кроме разрушения»[2].

Россия 60—70-х годов была страной помещиков, власть которых сохранялась до начала XX в., несмотря на быстрое развитие капитализма после реформы 1861 г. Российский империализм выступал как военно-феодальный и выражал главным образом интерес помещичьей военно-феодальной верхушки российского общества. В. И. Ленин в 1915 г. подчеркивал, что хотя по отношению к таким странам, как Персия, Манчжурия, Монголия, русский империализм проявил себя как империализм новейшего капиталистического типа, тем не менее в России пре-

---

[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 225.

обладал «военный и феодальный империализм»[3]. На практике это выражалось в том, что во всех завоеванных странах устанавливалось военно-феодальное господство российского царизма, который грабил и угнетал их народы с помощью помещичье-бюрократического аппарата. Через местных эксплуататоров (полуфеодальное байство) и самостоятельно организованную систему эксплуатации царизм грабил местное крестьянство, выполняя роль добавочного феодального сюзерена. В конце XIX в.— примерно в середине 90-х годов — в эксплуатации Средней Азии активную роль начинает играть и капиталистический империализм, но роль его все же была невелика по сравнению с военно-феодальным[4]. К. Маркс писал: если Англия своей торговлей разрушила первобытную общину в Индии, то «в противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства»[5]. Это делало господство российского империализма в Средней Азии внешне не столь жестоким и разрушительным, как английского. В дальнейшем, с развитием русского торгового и промышленного капитала в среднеазиатских колониях при сохранении военно-феодального империализма русский капитал вовлек и народы Средней Азии в оборот русского внутреннего рынка, а через него и мирового. Все это вместе с установлением политической стабильности в крае, проведением ряда политических мероприятий, в некоторой мере смягчивших беззаконие и произвол феодальных владетелей, сыграло, несомненно, положительную роль в исторических судьбах народов Средней Азии[6].

Завоевание Россией Средней Азии сыграло важную роль и в дальнейших судьбах других народов Азии и, в частности, Среднего Востока.

Утверждение России в Туркестане и в дальнейшем расширение ее границ до Кушки (1885 г.) и Памира (1895 г.) значительно изменило политическую ситуацию в Азии и прежде всего на Среднем Востоке. В самом сердце Азии, на территории, прилегающей к Афганистану, Персии и Китаю, появилась могущественная европейская держава, ликвидировавшая своим появлением вековую монополию Англии в этой части земного шара и попатнувшая устои британского владычества в Индии.

---

[3] В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 313.

[4] См. об этом более подробно: П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг., Алма-Ата, 1965.

[5] К. Маркс. Капитал, М., 1954, стр. 346.

[6] А. В. Пясковский. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, Вопросы истории, 1959 г., № 8; Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, М., 1965; А. М. Аминов, А. Х. Бабаходжаев. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России, Ташкент, 1966.

Ф. Энгельс, раскрывая политические последствия утверждения России в Туркестане, отмечал, что до тех пор пока английское владычество в Индии не имело соперников, жестокое подавление восстания 1857 г. можно было рассматривать как событие, укрепившее в конечном счете господство англичан. Но как только в Туркестане утвердилась мощная европейская военная держава, неуклонно продвигающаяся к Гиндукушу, английский колониализм переставал быть для Индии неумолимым роком. «Перед местным населением,— подчеркивал Ф. Энгельс,— открывается другая перспектива; то, что силой было создано, силой же может быть и разрушено»[7]. Апатия и неверие в свои возможности, наступившие после разгрома восстания 1857 г., сменились новыми надеждами на избавление от английского господства с помощью русских. Духовные лидеры пророчили индийцам близкий приход русских как сказочных богатырей, которые должны освободить индийский народ от ига англичан[8]. В политических кругах были твердо убеждены, что главная цель русского завоевания Туркестана — вторжение в Индию, и с ним связывали освобождение страны от Англии[9].

В Ташкент и Самарканд прибывали делегации и посланники из различных областей Индии с просьбой помочь в борьбе против английских империалистов[10]. Бирманские политические круги также связывали свои надежды на свободу с Россией, и бирманский император Мендун в 70-х годах неоднократно обращался к русскому правительству, прямо и косвенно, с просьбой об установлении дипломатических отношений, рассчитывая тем самым приобрести в лице России союзника в борьбе против Англии[11].

Русский путешественник Пашино, посетивший в 1877—1878 гг. Бирму и другие азиатские страны, писал о глубокой симпатии, которую испытывали народы этих стран к России, и о надеждах, которые они связывали с ней: «Основной факт, бросающийся в глаза каждому беспристрастному путешественнику, состоит в том, что Россия, могущественная в глазах Европы, имеет сверх того какое-то особенное, невероятное обаяние во

---

[7] Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма, В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс, соч., т. 22, стр. 45.

[8] См. ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 34, д. 462, л. 103. Также: П. Ч. Рой. Посольство Баба Рам Сингха в русский Туркестан. Проблемы востоковедения, 1959, № 4; также Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 445.

[9] И. П. Минаев. Дневники путешествий в Индию и Бирму, М., 1955, стр. 62, 72, 75, 80, 87, 90.

[10] См. Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 223, 278—279, ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, 1880—1881 г., д. 55.

[11] Телеграмма русского посла в Тегеране Бегера от 30. VIII 1874 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1874 г., д. 134, Также, ЦГВИА, ф. 431, д. 51.

всей внутренней Азии. Не знаю, откуда и с каких пор у большинства народов Азии родилось поверье, что они будут освобождены Россией от иностранного владычества»[12].

Царская Россия с ее деспотическим режимом, где десятки миллионов собственных крестьян беспощадно и жестоко угнетались помещиками и царскими чиновниками, где сотни тысяч рабочих влачили жалкое и нищенское существование в условиях бесправия и самодержавного гнета, становилась вдохновителем национального движения и надеждой в борьбе за свободу азиатских народов. Это звучит парадоксально, но таков исторический факт. Правящие круги Англии учитывали его при определении своей политики в Средней Азии.

Русские власти проявляли большую осторожность в отношениях с местным населением. Были терпимы к его обычаям, традициям и религии. Правящие круги России учли опыт колониальной политики, понимая, что жестокость приведет к многочисленным восстаниям, требующим значительных материальных затрат, которые России с ее подорванной экономикой не в состоянии выдержать[13].

Была сохранена политическая независимость Бухары и Хивы. В завоеванных областях Средней Азии создавались первые учреждения здравоохранения и народного образования, и главное, в русских колониях не было того духа расовой дискриминации, который стал атрибутом английской колониальной политики. Зарубежные исследователи, имевшие возможность непосредственно познакомиться с методами колониального управления России в Средней Азии, подчеркивали эту сторону русской политики и советовали именно в ней искать причины столь прочного положения России в ее окраинных владениях и того невероятного обаяния, которым она стала пользоваться в Азии. Английские историки Ф. Скрайн и Э. Росс указывали, что России в Средней Азии удалось избежать многих «ошибок», которые совершила Англия в Индии. В то время, как в Индии английская политика привела к вражде между англичанами и местным населением, русская политика в Средней Азии вызвала «скрытую и бессознательную симпатию, которая делает задачу управления легкой и обеспечивает его стабильность»[14].

---

[12] ЦГВИА, ф. 431, д. 54, л. 8.

[13] По словам генерала Соболева, русские правящие круги придавали этим вопросам большое значение и в своей практической деятельности очень считались с ними. См. Л. Н. Соболев. Англо-афганская распря (очерк войны 1879—1880 гг.), вып. VII, СПб., 1885, стр. 370.

[14] F. Scrine, E. Ross. The Heart of Asia, London, 1899, p. 413. См. также A. R. Colquhown. Op. cit., p. 77; Бенуа-Машэн. Путешествие через Туркестан, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 16, СПб., 1885, стр. 197.

Было бы серьезной ошибкой идеализировать политику России в Средней Азии и отношение русских военных властей к местному населению. Россия была страной капиталистической, и альтруистические побуждения были чужды ее правительству, как и правительству любой капиталистической страны. Оно преследовало здесь интересы правящих классов и его мало трогали судьбы местного населения. Выступление 1898 г. и грандиозное народное восстание 1916 г. свидетельствуют о том, что интересы среднеазиатских народов и правящих кругов Российской империи были в принципе противоположны, это были отношения эксплуатируемого и эксплуататора. Но именно собственные интересы вынудили российских колонизаторов проявлять до поры до времени сдержанность и видимую лойяльность, которые в сочетании с запоздалым вторжением русского монополистического капитала в Туркестан делали русское управление внешне не столь жестоким, как английское владычество в Индии.

Политические и экономические реформы в русских владениях в Средней Азии способствовали ускорению социальных и политических сдвигов в соседних азиатских странах. Контраст между порядками, установленными в русском Туркестане и существовавшими в этих странах, был настолько велик и пробуждал такие чувства симпатии к России у местного населения, что правители этих стран также вынуждены были и у себя провести кое-какие мероприятия, чтобы сохранить власть. Более того, английские дипломаты, опасаясь, что симпатии населения Азии окончательно перейдут к России (а это привело бы к решающему изменению в политическом соотношении сил в Азии), убеждали отдельных правителей восточных стран поспешить с некоторыми реформами для нейтрализации все расширяющегося влияния России.

Наконец, утверждение России в Средней Азии способствовало сохранению независимости соседних азиатских государств — Персии и Афганистана, подчинения которых Англия настойчиво добивалась в течение всего XIX столетия. Каждый раз, когда она получала очередной отпор народов этих стран, ее правящие круги принимались за подготовку к новому походу. Медленно, но неуклонно подбиралась она к жизненно важным центрам обоих государств, наращивая свои силы для решительного удара, накапливая их в стратегически важных районах, и, вероятно, со временем эти государства разделили бы участь многих стран, подпавших под английское владычество.

Появление России в Средней Азии изменило обстановку и принудило Англию сменить свою тактику, хотя цели оставались прежними. Английские империалисты уже не могли распоряжаться на Среднем Востоке по собственному усмотрению и ре-

шать судьбы здешних народов, ставя их в зависимость от собственных интересов. Они должны были считаться с утвердившимся на северных границах могущественным соперником, силы которого значительно увеличивались благодаря симпатиям местного населения. После неудачных попыток разгромить Афганистан (1878—1880 гг.) и спровоцировать военный конфликт между Афганистаном и Россией в 1885 г. Англия предприняла новые меры к подготовке решающего сражения за Среднюю Азию.

Договор 1907 г. о разделе Азии между Россией и Англией служил своего рода ширмой, за которой Англия подготавливала новую агрессию против народов Среднего Востока и Средней Азии. Английское правительство воспользовалось случаем, когда Россия, охваченная пламенем гражданской войны, по расчетам ее политиков, не могла оказать сопротивления. Британские империалисты в 1918—1919 гг. нанесли комбинированный удар, вторгшись почти одновременно на территорию Средней Азии и Афганистана, рассчитывая расчленить Советскую Россию, аннексировать Среднюю Азию и осуществить свой старый план закабаления Афганистана и Ирана[15]. Отпор, полученный английским экспедиционным корпусом в Туркмении, и нарастание национально-освободительной борьбы в Индии и Афганистане, сорвали их замыслы.

Ф. Энгельс предсказывал, что со временем, когда Россия перестанет стремиться к завоевательным планам, она выступит как носитель прогресса в Азии. Подчеркивая международную роль русского народа после свержения царизма, он указывал, что в этом случае «благородная великорусская нация будет стремиться уже не к завоевательным химерам на пользу царизма, а выполнит свою подлинно цивилизаторскую миссию по отношению к Азии»[16].

Великая Октябрьская социалистическая революция свергла в России эксплуататорские классы и установила диктатуру пролетариата, создала общество нового типа. Правительство первого в мире социалистического государства аннулировало все договоры и пакты, заключенные правительством Российской империи, направленные на грабеж и эксплуатацию других народов. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 3 декабря 1917 г. Советское правительство объявило о полной свободе для народов Востока устраивать свою

---

[15] А. Х. Бабаходжаев. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре, Ташкент, 1957, стр. 37—38.

[16] Ф. Энгельс. Письмо к румынскому социал-демократу И. Нэджде, 4. I 1888 г., Соч., т. 37, стр. 5.

национальную жизнь по собственному усмотрению. «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны,— говорилось в обращении.— Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках».

Величайшим проявлением дружеских чувств Советского правительства ко всем угнетенным народам явилось уничтожение всех тайных договоров царского правительства о разделе Турции и Персии, о грабеже Афганистана и заключение новых равноправных договоров с этими странами, которые сыграли огромную роль в укреплении их национального суверенитета и независимости, в их культурном и экономическом развитии.

Внешняя политика Советского государства и отношения, складывавшиеся между СССР и странами Азии, знаменовали собой появление в практике международной жизни отношений нового типа, основанных на равноправии, взаимном уважении и независимости. Советское правительство последовательно и неуклонно проводило эту политику и претворяло ее в жизнь.

Британским империалистам не удалось внушить азиатским народам страх перед СССР в рамках пресловутой «русской угрозы». Передовые круги азиатских стран видели в СССР друга и отвергли попытки колониалистов строить свою внешнюю политику на мнимых страхах перед «русской угрозой» и русским наступлением. В 1931 г. покойный премьер-министр Индии Джавахарлал Неру писал в ответ на утверждения о необходимости «обороны Индии» от русской угрозы, что СССР слишком занят строительством новой жизни и осуществлением своих пятилетних планов и не нуждается в завоевании Индии. Касаясь принципов внешней политики Индии в будущем, т. е. независимой Индии, он отмечал: «В прошлом столетии между Россией и Англией было традиционное соперничество и англичане нас заставляли бояться угрозы русского нашествия. Почему мы должны наследовать от Англии ненависть к России и страх перед ней. Это нас не касается. России нечего бояться свободной Индии, как и нам нет оснований бояться ее. Русская опасность, какой ее представляют нам, является исключительно результатом соперничества между ней и Англией и закончится как только будет ликвидировано британское владычество и мы станем свободными»[17].

С завоеванием Индией (1947 г.) независимости и утверждением свободной республики Индии между ней и Советским Сою-

---

[17] J. Nehru. The Defence of India, «Young India», 24. IX 1931, Cit. B. Prasad. The Origins of Indian Foreign Policy, Calcutta, 1960, p. 284.

зом установились дружеские отношения, основанные на равноправии и сотрудничестве. Дух бескорыстной симпатии и дружбы характеризует отношения двух государств на протяжении последних двадцати лет. Правительство Индии отвергло все догмы колониалистов о «русской угрозе», отклонило их попытки втянуть страну в антисоветские и антикоммунистические пакты и стало проводить независимую внешнюю политику.

Крепнут экономические и культурные связи СССР и Индии. Благодаря бескорыстной помощи Советского Союза в Индии создано несколько промышленных предприятий, жизненно важных для индийского народа, ускорен процесс достижения экономической независимости. Своим дружеским участием Советское правительство способствовало прекращению кровопролитной братоубийственной войны между Индией и Пакистаном и установлению мира на Индостанском полуострове.

В последнее время успешно развиваются дружеские отношения между Советским Союзом и Пакистаном. Расширение торговых отношений обоих государств, расширение культурных и политических связей, несомненно, станет значительным подспорьем для этой страны в борьбе за ликвидацию остатков колониализма, за экономический суверенитет и за укрепление политической независимости. С первых лет советской власти у Советского государства сложились дружественные отношения с Ираном и Афганистаном. С тех пор эти отношения развивались, и история показала, что именно отношения с великим северным соседом явились решающим фактором в сохранении суверенитета и национальной независимости этих стран. Советский Союз внес значительный вклад в развитие их национальной экономики и упрочение их безопасности.

Бескорыстная помощь Советского Союза азиатским странам способствует скорейшей ликвидации их вековой отсталости и экономическому прогрессу. При непосредственной помощи Советского Союза в Индии, Пакистане, Афганистане и Иране строятся металлургические и машиностроительные комбинаты, текстильные и химические заводы и фабрики, заново создаются различные отрасли промышленности, такие как нефтяная, которые уже играют большую роль в экономическом и культурном развитии этих стран. Выражением растущего стремления к сближению и сотрудничеству стран Среднего Востока с Советским Союзом явилось строительство автомобильной дороги Кушка—Герат—Кандагар, связавшей жизненно важные экономические центры Афганистана с Советским Союзом. Открытие этой дороги поможет еще более укрепить экономическое и культурное сотрудничество Афганистана с великой страной социализма.

Советский Союз стал оплотом мира и безопасности на Среднем Востоке. Политика Советского правительства, направленная на упрочение дружбы и сотрудничества всех стран независимо от их социального и политического строя, способствует развитию дружеских международных связей в этом районе и процветанию народов.

БИБЛИОГРАФИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Выборы в Англии. Тори и виги, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8.

Маркс К. Лорд Пальмерстон, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9.

Маркс К. Военный вопрос — парламентские дела — Индия, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9.

Маркс К. Ост-Индская кампания, ее история и результаты ее деятельности, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9.

Маркс К. Британское владычество в Индии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9.

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9.

Маркс К., Энгельс Ф. Укрепление Константинополя. Состав английского парламента, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10.

Маркс К. «Синие книги» — Парламентские дебаты 6 февраля — Миссия графа Орлова, в кн. К. Маркс Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10.

Маркс К. Военные планы Франции и Англии. Греческое восстание, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10.

Маркс К. Лэйярд, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11.

Маркс К. Новые разоблачения в Англии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 11.

Маркс К. Доходы англичан в Индии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Маркс К. Договор с Персией, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Маркс К. Англо-персидская война, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Маркс К. Английская фабричная система, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Энгельс Ф. Перспективы англо-персидской войны, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Энгельс Ф. Европа в 1853 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Энгельс Ф. Восстание в Индии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Маркс К. Французский Креди Мобилье, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Энгельс Ф. Успехи России на Дальнем Востоке, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22.

Энгельс Ф. Социализм в Германии, в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22.

Энгельс Ф. Интервью корреспонденту французской газеты «L'Eclair», в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22.

Энгельс Ф. Предисловие ко второму немецкому изданию работы «Положение рабочего класса в Англии», в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 22.

Маркс К. — Ф. Энгельсу, 9 февраля 1954 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28.

К. Маркс — Фрейлигграту, 31 июля 1849 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27.

К. Маркс — Ф. Энгельсу, 8 октября 1858 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29.

Ф. Энгельс — К. Марксу, 21 октября 1858 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29.

К. Маркс — П. Лафаргу, 4 февраля 1871 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33.

К. Маркс — Л. Кугельману, 18 октября 1874 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33.

К. Маркс — К. Либкнехту, 4 февраля 1878 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 34.

К. Маркс — К. Либкнехту, 11 февраля 1878 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 34.

Ф. Энгельс — К. Каутскому, 7 февраля 1882 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну, 25 февраля 1882 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35.

К. Маркс — Ф. Энгельсу, 8 апреля 1882 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35.

Ф. Энгельс — К. Марксу, 11 ноября 1882 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35.

Ф. Энгельс — К. Марксу, 12 сентября 1882 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35.

Ф. Энгельс — П. Лафаргу, 25—26 сентября 1886 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36.

Ф. Энгельс — И. Нэдежде, 4 января 1888 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37.

Ф. Энгельс — Ф. Зорге, 12 января 1889 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37.

Ф. Энгельс — Ф. Зорге, 7 декабря 1889 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37.

Ф. Энгельс — В. Засулич, 3 апреля 1890 г., в кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 37.

Маркс К. Хронологические выписки из истории Индии (664—1858 г.), М., 1947.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России, ПСС, т. 3.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу, ПСС, т. 24.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение, ПСС, т. 25.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма, ПСС, т. 27.

Ленин В. И. Социализм и война, ПСС, т. 26.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение, ПСС, т. 27.

Ленин В. И. Оппортунизм и крах II Интернационала, ПСС, т. 27.

Ленин В. И. О брошюре Юниуса, ПСС, т. 30.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. ПСС, т. 30.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм, ПСС, т. 30.

Ленин В. И. Соломинка в чужом глазу, ПСС, т. 32.

Ленин В. И. Есть ли путь к справедливому миру, ПСС, т. 32.

Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана, ПСС, т. 39.

Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам, ПСС, т. 41.

Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июня, II Конгресс Коммунистического Интернационала. ПСС, т. 41.

Ленин В. И. Тетради по империализму, ПСС, т. 28.

РУССКИЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Архив внешней политики России (АВПР), Канцелярия (переписка с послом в Лондоне и Тегеране, 1870—1885 гг.); Главный архив Министерства иностранных дел: 1—1, 1—9 и V-Аз; Дерегезо-Келатское агентство.

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР), Военно-ученый архив (ВУА), ф. 400; Азиатская часть, ф. 401, 431, 483.

Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 730. «Н. П. Игнатьев»; ф. 828 — «А. М. Горчаков».

Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. 1—Канцелярия туркестанского генерал-губернатора (КТГГ); ф. 2 — Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе; ф. 715 — Подготовительные материалы к составленной полковником Серебренниковым публикации документов «Туркестанский край», Сборник материалов к истории его завоевания.

ДОКУМЕНТЫ БРИТАНСКИХ АРХИВОВ

The Papers of mr. W. Gladstone. British Museum. Additional Manuscripts 44 151 — 44. 769.

The Papers of Sir A. H. Layard. British Museum. Additional Manuscripts 38 931—39 164.

The Papers of Morier. Private possesion of miss A. Ramm (Oxford).

Private Foreign Office Correspondence of Robert, third Marquis of Salisbury.

Christ Church College. Oxford. vs. 13, 16, 17, 18, 31, 33, 34, 36, 39.

Foreign Office. Confidential Correspondence about Central Asia. Public Record Office.

Foreign Office 539, vs 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18; 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25.

ДОКУМЕНТЫ ИНДИЙСКИХ АРХИВОВ

Punjab State Archives, Patiala, Travels in Central Asia.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ БРИТАНСКИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ И НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

British and Foreign State papers, v. LXIII, LXIX, LXXII.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commonce, v. 182, 214, 215, 225, 229.

Correspondence with Russia respecting Central Asia (1872—1873), London, 6, II, 1873.

Further Correspondence with Russia respecting Central Asia (1869—1873), London, 10. III, 1873.

Correspondence respecting Central Asia (1874). London, III, 1874.

Correspondence respecting Central Asia, London, 1878.

Further correspondence respecting affaires in Central Asia, London, 1881.

Further correspondence respecting affaires in Central Asia. London, 1885.

Historical Summary of the Central Asian Question, London, 1868 (written for the Secretary of State).

Report of a mission to Yarkund in 1873 under commnd of Sir T. D. Forsyth, Calcutta, 1875.

Reports from Her Majesty's Consuls on the Manufactures, Commerce etc. of their consular districts, London, 1880, p. I—VI.

Reports from Her Majesty's Consuls on the Manufactures, commerce etc. of their consular districts, London, 1885, p. I, II, IV.

Speeches and Documents on Indian policy 1750—1921. v. I—II.

The Political correspondence of mr. Gladstone and Lord Granville. 2 vols. 1868—1876, ed. A. Ramm, London, 1952.

The Political Correspondence of mr. Gladstone and Lord, Granville. 1876—1886, 2 vols. ed. A. Ramm, London, 1962.

Gladstone — Gordon Correspondence, 1851 — 1896, Philadelphia, 1961.

The Marquis of Ripon. Correspondence with persons in England [Confidential], London, 1884.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России, Ашхабад, 1946.

Присоединение Туркмении к России. Сборник архивных документов. Под редакцией А. Ильясова, Ашхабад, 1960.

Красный Архив, 1933, т. 56; 1939 г., т. 2 (93).

Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. Сборник документов, Спб., 1886.

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 12, Спб, 1898.

Исторический вестник, 1883, № 12; 1915 г., № 6.

Русский архив, 1872 г., № 2; 1882 г., № 5; 1889 г., № 11; 1899 г., № 11.

Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, Спб., изд. Главного Штаба 1880—1901 г.

Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркменским военным округом. Изд. штаба Туркестанского военного округа.

РУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абаза К. К. Завоевание Туркестана, Спб., 1902.

Алиханов М. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, Спб., 1883.

Арендаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874—1889 гг., Спб., 1889.

Артамонов Л. К. Покорение туркмен-текинцев русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1880—1881 гг., Спб., 1901.

Бакулин Ф. А. Очерки торговли с Персией (Мазандаран, Азербайджан, Астрабад). Спб., 1875.

Бакулин Ф. А. Заметка о путях на Восток от Мешхеда в Афганистан, Спб., 1879.

Бродовский М. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний, М., 1891.

Венюков М. И. Россия и Англия в Персии, Русский вестник 1877, № 6, 7, 10.

Венюков М. И. Поступательное движение России в Средней Азии, Сборник государственных знаний, т. 3, Спб., 1877.

Венюков М. И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей М. Венюкова. Спб., 1877.

Венюков М. И. Туркестанские вопросы, Русская мысль, 1899, № 9.

Венюков М. И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россией и Индией, Спб., 1879.

Гагемейстер Ю. А. О торговом значении Средней Азии в отношении к России, Русский вестник, 1862, № 10.

Григорьев В. В. Русская политика в отношении Средней Азии, Сборник государственных знаний, т. I, Спб., 1874.

Гродеков Н. И. Через Афганистан, Спб., 1880.

Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии, Спб., 1909.

Губаревич-Радобыльский А. Х. Значение Туркестана в торговле России с сопредельными странами, Материалы для изучения хлопководства, вып. II, Спб., 1912.

Дневник Д. А. Милютина 1873—1882 гг., т. I—IV, М., 1947—1950 гг.

Долгорукой Дм. Пять недель в Коканде, Русский вестник, 1871, № 1.

Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой в последнее трехсотлетие, II г., 1915.

Зиновьев И. А. Россия, Англия и Персия, Спб., 1912.

Иванов Д. Л. Туркестанские походы, Военный сборник, 1873, № 3, 5, 7, 9, 10.

Игнатьев Н. П. Миссия в Бухару и Хиву в 1858 г., Спб., 1897.

Идаров С. А. Значение Индии в политике России с Турцией и Англией, Русский вестник, 1884, № 6.

Каменский Г. Англия — страшный соперник России в торговле и промышленности, Вестник промышленности, т. I, 1859, № 2.

Колюбакин Н. А. Население Хорасана с Сеистаном, Кухистаном и земель, прилегающих к северо-восточным окраинам Персии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, 1884, вып. XI.

Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г., Спб., 1871.

Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, Спб., 1871.

Крестовский В. В гостях у эмира бухарского, Русский вестник, 1884, № 2—3, 5—8.

Кузьмин-Караев. Введение русского управления в Атеке. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXI, 1886.

Кузьмин-Караваев. Русско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XL, 1889.

Кун А. Очерк Кокандского ханства. Известия Русского географического общества, т. XII, 1877.

Куропаткин А. Н. Очерки Кашгарии, Спб., 1878.

Куропаткин А. Н. Завоевание Туркмении. С очерком военных действий в Средней Азии с 1859 по 1876 г., Спб., 1899.

Лессар П. М. Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882 г., Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VI, 1883.

Лессар П. М. Юго-Западная Туркмения, Спб., 1885.

Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода 1873 г., Спб., 1898.

Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношении, Спб., 1900.

Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1—2, Спб., 1911.

Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских, Спб., 1900.

Мартенс Ф. Ф. Россия и Англия в Средней Азии, Спб. 1880.

Маслов А. Н. Россия в Средней Азии. Очерк новейших приобретений, Исторический вестник, 1885 (май.)

Маслов А. Н. Завоевание Ахал-Теке, Спб., 1887.

Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Амударьи, Спб., 1879.

Минаев И. П. Дневники путешествий в Индию и Бирму, М., 1955.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства, Спб., 1886.

Небольсин П. И. Очерки торговли России со Средней Азией. Записки Русского географического общества, кн. X, 1865.

Очерк распространения русского владычества в Средней Азии в 1847—1862 гг. Морской сборник, 1862, № 6.

П. Р. Из путевых заметок о Нарыне и Кашгаре, Военный сборник, 1870, № 6.

Пашино П. И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки П. И. Пашино, Спб., 1868.

Путята. Очерк экспедиции Главного штаба капитана Путяты в Памир, Сарыкол-Вахан и Шугнан в 1883 г. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. X, 1884.

Петровский. Отчет о Кашгарии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. 22, 1886.

Семенов А. А. История Шугнана, Ташкент, 1916.

Семенов А. А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885 гг.), Ташкент, 1909.

Семенов А. А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. фон Кауфман I, Кауфманский сборник, М., 1910.

Семенов А. А. «Бегство» Абдурахман-хана из Ташкента, Кауфманский сборник, М., 1910.

Скальковский К. А. Внешняя политика России и положение иностранных держав, Спб., 1897.

Снесарев А. Е. Северо-индийский театр, ч. 1—2, Ташкент, 1903.

Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе, Спб., 1906.

Снесарев А. Е. Англо-русское соглашение 1907 г., Спб., 1908.

Стрельбицкий И. Земельные приобретения России в царствование императора Александра II с 1865 по 1881 гг., Спб., 1881.

Стрельбицкий И. Поездка по Восточному Хорасану в 1890 г. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VI, 1891.

Стремоухов Н. Отношения России и Англии в Средней Азии, Семейное чтение, 1888, № 9.

Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках, Спб., 1885.

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии, Спб., 1875.

Терентьев М. А. Россия и Англия в борьбе за рынки, Спб., 1876.

Федоров М. П. Соперничество торговых интересов на Востоке, Спб., 1903.

Хрулев С. А. Записка о походе в Индию, Русский архив, 1882, № 5.

Чарыков Н. В. Мирное завоевание Мерва, Исторический вестник, 1914, № 11.

Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории хивинского похода 1873 г., ч. I, Ташкент, 1879.

Эсадзе Б. С. Скобелев в Закаспии. Очерк ахал-текинской экспедиции 1880—1881 гг., М., 1914.

Южаков С. Н. Афганистан и сопредельные страны, Спб., 1885.

Яворский И. Л. Путешествие по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., Спб., 1880.

Янжул И. Исторический очерк русской торговли со Средней Азией, Московские университетские известия, 1869, № 5.

Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории, Ташкент, 1959.

Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период), Ташкент, 1959.

Аминов А. М. Торговые сношения Средней Азии с Россией в XVI—XIX вв., Ташкент, 1952.

Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России, Ташкент, 1966.

Бабаходжаев А. Х. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917—1920 гг., Ташкент, 1955.

Бабаходжаев А. Х. Провал английской антисоветской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре (1921—1924 гг.), Ташкент, 1957.

Бабаходжаев М. А. Русско-афганские торгово-экономические отношения во второй половине XVIII — начале XIX в., Ташкент, 1965.

Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России, М., 1957.

Байкова Н. Б. Роль Средней Азии в русско-индийских торговых связях, Ташкент, 1964.

Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, Вопросы истории, 1953, № 8.

Бунаков Е. В. К вопросу о политических связях России с Восточным Туркестаном в правление Якуб-бека 1865—1877 гг., Бюллетень АН УзССР, 1945, № 5.

Бунаков Е. В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в., Советское востоковедение, т. II, М.—Л., 1941.

Взаимоотношение народов Средней Азии и сопредельных стран Востока в XVIII начале XX в., Ташкент, 1963.

Гордон Л. Р. Борьба Афганистана против английской агрессии в XIX в. Очерки по новой истории стран Среднего Востока, М., 1952.

Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого. Труды историко-архивного института, т. 2, М., 1946.

Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России, М., 1959.

Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России, Фрунзе, 1963.

Ерофеев Н. А. Колониальный вопрос в политической жизни Англии 30—40-х годов XIX в. Ученые записки по новой и новейшей истории, вып. II, 1956.

Зайончковский П. А. Архив Д. А. Милютина, Вопросы истории, 1946, № 5—6.

Зайончковский П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России, М., 1952.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов, М., 1964.

Ильясов А. Авантюрная деятельность английских агентов в Мургабском оазисе в момент его присоединения к России, Ученые записки Марыйского женского педагогического института, вып. 1, Мары, 1957.

Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата, М., 1958.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии, М., 1958.

Искенова С. С. Из истории русско-английских отношений в Средней Азии в середине XIX в., Ученые записки историко-юридического факультета Киргизского университета, Серия историческая, вып. 8, 1964.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана, М., 1952.

История дипломатии, т. 2, М., 1945.

История Казахской ССР с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции, т. I, Алма-Ата, 1957.

История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1956.

История народов Узбекистана, т. 2, Ташкент, 1947.

История Туркменской ССР с начала XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции, т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957.

История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, 1956.

Кастельская З. Д. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с первой половины XIX в. до 1907 г.). На зарубежном Востоке, 1934, № 2.

Кушева Е. Н. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-х годах XIX в., Исторический сборник, вып. 3, Л., 1934.

Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии, Л., 1930.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, Ташкент, 1958.

Маннанов В. Из истории русско-иранских отношений конца XIX — начала XX века, Ташкент, 1964.

Маннанов В. Отношения Ирана со среднеазиатскими ханствами во второй половине XIX в. Краткие сообщения Института народов Азии, М., 1963, № 39 (Иранский сборник).

Мартиросов С. З. Англо-русские противоречия в Средней Азии в дореволюционной и советской исторической литературе, Ашхабад, 1962.

Мартиросов С. З. Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России, Ашхабад, 1966.

Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. II, М., 1965.

Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895 гг., М., 1956.

Низамутдинов И. Сейистанский вопрос. Ученые записки Ташкентского пединститута, вып. 14, ч. 2, Ташкент, 1958.

Перепелицина Л. А. Влияние русской культуры на культуру народов Средней Азии, Ташкент, 1960.

Пикулин М. Г. Белуджи, Ташкент, 1959.

Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, М., 1923—1924 гг.

Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М., 1947.

Попов А. Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм, Исторические записки, т. I, 1940.

Попов А. Л. Из истории завоевания Средней Азии, Исторические записки, т. 9, 1940.

Попов А. Л. Внешняя политика русского царизма в XIX в. в кривом зеркале М. Н. Покровского. Сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, М. — Л., 1940.

Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, Вопросы истории, 1959, № 8.

Раджабов С. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, Ташкент, 1955.

Раджабов З. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом, Душанбе, 1954.

Рожкова М. А. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй половине XIX в. и русская буржуазия, М.—Л., 1949.

Рожкова М. А. Экономические связи России со Средней Азией (40—60 год XIX в.), М., 1963.

Рустамов У. А. Пригиндукушские княжества Северной Индии в конце XIX в. начале XX в., Ташкент, 1956.

Сабиров Х. Р. Из истории государственных финансов Узбекистана, Ташкент, 1966.

Семенов С. Н. Горчаков — русский дипломат XIX в., М., 1962.

Сказкин С. Д. Дипломатия А. М. Горчакова в последние годы его канцлерства. Сб. «Международные отношения. Политика. Дипломатия XVI—XX века» (к 80-летию академика И. М. Майского), М., 1964.

Соколов Ю. А. К вопросу об исторических предпосылках присоединения Средней Азии к России. Труды САГУ, новая серия, вып. 142, историч. науки, кн. 30, 1958.

Соколов Ю. А. Ташкент, ташкентцы и Россия, Ташкент, 1965.

Соколов А. Я. Присоединение Средней Азии к России и развитие русско-афганских торговых отношений. Научные труды Ташкентского гос. университета им. В. И. Ленина, вып. 229, 1964.

Тарле Е. В. Крымская война, т. 1—2, М.—Л., 1950.

Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России, М., 1960.

Фадеев А. В. О некоторых чертах внешней политики царской России в период разложения крепостнической системы. Вопросы истории, 1958 г., № 1.

Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.), Ташкент, 1957.

Халфин Н. А. Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX в. в индийской историографии. Советское востоковедение, 1958, № 4.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.), М., 1960.

Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии. Труды Среднеазиатского гос. университета, вып. 94, серия историч. науки, кн. 14, 1957.

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане, М., 1959.

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России, М., 1965.

Хвостов В. М. История дипломатии, т. II, М., 1963.

Штейнберг Е. Л. Очерки истории Туркмении, М.—Л., 1934.

Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв., Исторические записки, т. 33, 1950.

Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке, М., 1951.

Юлдашбаева Ф. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70—80 годы XIX в.), Ташкент, 1963.

Яковлев Н. О так называемом «завещании» Петра Великого, Исторический журнал, 1941, № 12.

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Абдурахман-хан. Автобиография Абдурахман-хана, эмира Афганистана, ч. 1—2, Спб., 1901 (перев. с перс.).

Аргайльский (герцог). Ответственность Англии в Восточном вопросе, Факты и воспоминания за сорок лет, Спб., 1908.

Бартон В. Северо-Западная Индия, М., 1933.

Борнс А. Путешествие в Бухару, ч. 1—3, М., 1948.

Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—1874 гг., Спб., 1877.

Вамбери А. Путешествие по Средней Азии, М., 1967.

Вамбери А. Моя жизнь, М., 1914.

Вогак. Путешествие по Восточной Персии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LIX, 1891.

Дюранд А. Созидание границы (Северная Индия), Спб., 1905.

Иет С. Маршрут от Герата до Мешхеда. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX, 1888.

Керзон. Персия и персидский вопрос. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LII, 1893.

Лякост. Россия и Великобритания в Центральной Азии, Ташкент, 1908.

Мак-Грегор. Хорасан (путешествие по северо-восточным провинциям Персии), ч. 1, Спб., 1882, ч. 2, Киев, 1886.

Мак-Грегор. Оборона Индии. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XLIII, XLIV, 1891.

Мак-Гахан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы, М., 1875.

Маллесон. Герат — житница и сад Центральной Азии, Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XVI, 1885.

Риджуэй. Новая афганская граница. Сборник географических, топографических, статистических материалов по Азии, вып. XXXIX, 1889.

Ришгия С. К. Афганистан в XIX в., М., 1958.

Робертс Кандагарский. Сорок один год в Индии. От субалтерна до главнокомандующего, Спб., 1902.

Рупр. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в., М., 1924.

Сиха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии, М., 1954.

Скрин Ф. Г. Рост России с 1825 по 1900 гг., Спб., 1904.

Стюарт. Долина Герата и персидская граница от Герируда до Сеистана. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXI, 1886.

Тэйлор А. Дж. Борьба за господство в Европе 1948—1918, М., 1958.
Уальполь С. Иностранная политика Англии, Спб., 1885.

ПЕРИОДИКА, ПРЕССА

РУССКАЯ

«Биржевые ведомости» 1870—1879 гг., 1881—1885 гг.
«Молва», 1879—1881 гг.
«Военный сборник» (журнал), 1870—1885 гг.
«Голос», 1870—1885 гг.
«Московские ведомости», 1870—1885 гг.
«Новое время», 1870—1885 гг.
«Новости», 1870—1885 гг.
«Правительственный вестник», 1870—1885 гг.
«Русский вестник», 1870—1885 гг.
«Русские ведомости», 1870—1885 гг.
«Русский Инвалид», 1870—1885 гг.
«Санкт-Петербургские ведомости», 1870—1885 гг.

АНГЛИЙСКАЯ

«The Times», 1870—1885.
«The Morning Post», 1874—1876, 1880.
«The Nineteenth Century», 1876—1885.
«The Forthnightly Review», 1870—1885.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Alder G. J. British India's Northern Frontier, 1865—1895. London, 1963.
Andrews C. F. The Challenge of the North—West frontier, London, 1937.
Andrews W. P. Our Scientific Frontier, London, 1880.
Adye J. M. Russia in Central Asia, Gibraltar, 1885.
Adye J. M. Indian Frontier Policy: An historical Sketch, London, 1897.
Arghyll, Duchess (ed.) Autobiography and Memoirs of George Douglas, 8th Duke of Argyll. 2 vols. London, 1906.

Autobiography and reminsces of Douglas Forsyth, ed. by his daughter, London, 1887.

Baker Val. Clouds in the East, Travels and adventures on the perso-turkoman frontier, London, 1876.

Balfour B. The History of Lord Lytton's Indian Administration, New-York — Bombay, 1899.

Benjamin S. G. W. Persia and persians, Boston, 1887.

Barton W. India's North—West Frontier, London, 1939.

Boulger D. England and Russia in Central Asia, 2 vols., London, 1879.

Boulger D. Central Asian Portraits, London, 1880.

Boulger D. Central Asian Questions, London, 1885.

Berard V. British Imperialism and commercial supremacy, London, 1906.

Bruce R. J. The Forward Policy and Its Results, London, 1900.

Burnaby F. A ride to Khiva: travels and adventures in Central Asia, London—Paris — New-York, 1877.

Bloch. Ch. Les relations entre la Franc et la Grande-Bretagne 1871—1878, Paris, 1955.

Bradford G. Martin. German-Persian Diplomatic Relations 1873—1912, London, 1959.

Churchill R. P. The Anglo-Russian Convention of 1907. London, 1939.

Cecil A. The Life of Robert, Marquis of Salisbury, v. VI, London, 1921.

Cecil A. British Foreign Secretaries 1807—1916, London, 1927.

Colquhown A. R. Russia against India, London, 1900.

Curzon G. N. Persia and the Persian questionr vol. 1—2, London — New-York, 1892.

Curzon G. N. Russia in Central Asia, in 1889 and the Anglo-Russian question, London — New-York, 1889.

Cheshire H. T. The Expansion of Imperial Russia to the Indian Border. Slavonic and Eastern Europe Review, 1934, July, v. 13.

Curtis W. E. Turkestan: The Heart of Asia, London — New-York, 1911.

Dacosta. A scientific Frontier, London, 1891.

Dallin. The Rise of Russia in Asia, London, 1950.

David L. Is a Russian Invasion of India Feasible, London, 1887.

Dilke G. W. Problems of Greater Britain 2 vol, London, 1890.

Davies R. H. Report on the Trade of Central Asia, London, 1864.

D. B. Our Afghan Policy and the Occupation of Candahar, London, 1880.

Edwards H. S. Russian Projects Against India, From the Czar Peter to General Scobeleff, London, 1885.

Evans, De Lacy. On the Practitability of an Invassion of, British India, London, 1939.

Ensor R. C. K. England 1870—1914, London, 1936.

Fisher F. H. Afghanistan and the Central Asian question, London, 1878.

Fraser-Tytler W. K. Afghanistan. A study of Political developments in Central Asia, London—Oxford, 1950.

Frechtling L. E. Anglo-Russian Rivalry in Eastern, Turkistan 1863—1881, Journal of the Royal Central Asian Society, 1939, XXVI.

Fitzmaurice. The Life of Grenville, London, 1890.

Gail M. Persia and the Victorians, London, 1951.

Ghose D. K. England and Afghanistan. A phase in their relations, Calcutta, 1960.

Gleason J. H. The Genesis of Russofobia in Great Britain, Harward, 1950.

Greaves R. L. Persia and the defence of India 1884—1892. A study in the foreign policy of the third marquis of Salisbury, London, 1959.

Goldsmid F. J. Eastern Persia: an account of the Journeys of the Persian Boundary commision 1870—1872, London, 1872.

Gladstone W. Gleanings of past years 1843—1878, London, 1879.

Gladstone W. Lord Granville and Russia, Slavonic and Eastern Europe Review, V. 9, 1930 June.

Grenville J. A. S. Lord Salisbury and Foreign Policy. The Close of the Nineteenth Century, London, 1964.

Habberton W. Anglo-Russian relations concernign Afghanistan. 1837—1907, University of Illinois Press, 1937.

Hamley H. B. The Strategical Condition of our North—West Frontier, London, 1878.

Hanna H. B. Indian Problems, 3 vols., London, 1895—1896.

Hertslef E. Treatie's etc. concluded between Great Britain and Persia, London, 1891.

Hoffman. Great Britain and the German Trade Rivalry 1875—1914, Philadelphia, 1933.

Indian Officer. Russia's March towards India, v. I—II, London, 1894.

Jenks L. H. The Migration of British Capital to 1875, New-York — London, 1927.

Kaye J. W. History of the war in Afghanistan, London, 1890, v. II.

Kemp P. M. Bharat—Rus, Delhi, 1958.

Kerner R. J. The Urge to the Sea, Berkeley, 1942.

Kiernan V. G. Kashgar and Politics of Central Asia 1868—1878, Cambridge Historical Journal, 1955, v. II, N 3.

Krausse A. Russia in Central Asia, London, 1899.

Knaplund. Letters from the Berlin Embassy 1871—74, 1880—1885, New-York, 1942.

Lansdell H. Through Central Asia, London, 1887.

Langer W. L. The Diplomacy of Imperializm. New-York — London, 1935, II vols.

Loftus A. The Diplomatic Reminiscence of Lord Augustus Loftus. London, 1894, II vols.

Lee D. E. A Turkish Mission to Afghanistan in 1877. Journal of Modern History, 1941. v. XIII.

Lively J. K. Life and Career of Prince A. M. Gorchakov. A Political Biography, Georgetown, 1956.

Marvin Ch. Merv—the Queen of the World, London, 1881.

Marvin Ch. The Russian advance towards India, London, 1882.

Marvin Ch. The Russians at Merv and their Power of Invading India, London, 1883.

Marvin Ch. Reconnoitring Central Asia, London, 1884.

Marvin Ch. The Russians at the Gates of Herat, London, 1885.

Malleson G. B. The Russo-Afghan Question and the Invasion of India, London, 1885.

Menon K. S. «The Russian bogey» and British aggression in India and beyond, Calcutta, 1957.

Majumdar R. C., Raychandrv H. C., Datta K. An Advanced History of India, London, 1960.

Mahfuz Ali M. The Truth about Russia and England from a natives point of view, Lucknow, 1886.

Monypenny W. T. and Buckle G. E. Life of Benjamen Disraeli, earl of Beaconsfield. vol. I—VI, 1920.

Mohammed Ali. Afghanistan (the Mohammedzai Period), Kabul, 1959.

Moore R. J. Sir Charles Wood's Indian Policy, Manchester, 1966.

O'Donovan E. The Merv Oasis, II vols, London, 1884.

Maccarthy, M. M. Anglo-russian rivalry in Persia. The University of Buffalo, 1925.

Pal D. The North-West Frontier, 1843—1947, Bombay, 1947.

Panikkar K. M. Problems of Indian Defence, Bombay, 1960.

Panikkar K. M. A survey of Indian History, New-York, 1962.

Pierce R. Russian Central Asia, 1867—1917.

Prasad Bimal. The Origins of Indian Foreign Policy, Calcutta, 1960.

Prasad Bisheshwar. Our Foreign Policy Legacy. A study of British Indian Foreign Policy, Delhi, 1965.

Rawlinson H. C. England and Russia in the East, London, 1875.

Rawlinson G. A memor of major-general Sir Henry Rawlinson, London, 1898.

Smith V. The Oxford history of India, Part III., Oxford, 1958.

Seton-Watson R. W. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question, London, 1962, Sec. ed.

Skrine F., Ross E. D. The Heart of Asia. A histry of Russian Turkesan and the Central Asian Khanates, London, 1899.

Schuyler E. Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja, 2 vols, London, New-York, 1876.

Skrine F. Expansion of Russia 1845—1900, London, 1903.

Sykes P. A history of Afghanistan 2 vols, London, 1940.

Sykes P. A history of Persia, 2 vols, London, 1938.
Thornton A. P. Afghanistan in anglo-russian diplomacy 1869—1873. The Cambridge Historical Review, 1954, N 2.
Thornton A. P. British Policy in Persia, 1858—1890. The English Historical Review, Oct. 1954, N 273.
Thornton A. P. British Policy in Persia, 1858—1890, The English Historical Review, Jan. 1955, N 274.
Thornton A. P. The Reopening of the Central Asian Question 1865—1869, History, Feb. — Oct. 1956.
Trench F. The Russo-Indian Question, London, 1869.
Temperley H. The Victorian Age in Politics, War and Diplomacy. Cambridge, 1928.
Temperley H., Penson L. A Century of Diplomatic Blue Books. 1814—1914, Cambridge, 1938.
Thornton T. H. Colonel Sir R. Sandewan. His Life and Work on our Indian Frontier, London, 1895.
Toynbee A. J. Between Oxus and Jumna, Oxford, 1961.
Terenzio Pio-Carlo. La rivalite anglo-russe en Perse et en Afghanistan, Paris, 1947.
Urquhart D. Progress and present position of Russia in the East, London, 1838.
Urquhart D. Progress of Russia in the West, North and South, London, 1853.
Vambery A. Central Asia and the Anglo-Russian Question, London, 1874.
Walker E. A. The British Empire. Its Structure and Spirit 1947—1953, Cambridge, 1956.
Walsh W. B. The Imperial Russian General Staff and India, Russian Review, 1957, N 2.
Worms H. England's policy in the East, London, 1877.
Yeselson A. United States — Persian diplomatic relations. 1883—1921, New-York, 1956.
Younghusband F. E. The heart of continent, New-York, 1904.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Англо-русские отношения в Средней Азии в период правительства Гладстона (1870—1874 гг.) . 57

Англо-русское соглашение 1872—1873 гг. и его политические последствия 57

Подготовка Англии к активным действиям в Средней Азии 105

Превращение Ирана в важный узел англо-русских противоречий в Средней Азии 130

Глава II. Правительство Дизраэли (1874—1880 гг.) и начало открытой империалистической экспансии Англии на Среднем Востоке 150

Активизация английской политики на Среднем Востоке и обострение англо-русских противоречий в Средней Азии 158

Аннексия Россией Коканда и реакция Англии . . 174

Роль султанской Турции в осуществлении планов британского правительства в Средней Азии . 185

Британские происки в Туркмении и попытки превращения Персии в орудие английской политики в Средней Азии 197

Глава III. Вторая англо-афганская война. Дальнейшее обострение англо-русских противоречий в Средней Азии 217

Подготовка британским правительством второй англо-афганской войны 217

Турецкая миссия в Кабул в сентябре 1877 г. . . 253

Миссия Столетова в Кабул. Начало второй англо-афганской войны 258

Переговоры Шувалова и Солсбери в Лондоне в ноябре—декабре 1878 г. 293

Гандамакский договор и его политические последствия 311

Крах английских планов закабаления Афганистана 321

Парламентские выборы 1880 г. Приход к власти либеральной партии. 344

Глава IV. Завоевание Россией Туркмении. Русско-персидская пограничная конвенция 1881 г. и упрочение позиций России в Средней Азии 348
Борьба Зиновьева против усиления английского влияния в Тегеране 360
Провал гератского варианта английской дипломатии в Персии 371
Попытки Англии расширить свое влияние в Туркмении и организовать выступления туркменского населения против России 387
Завоевание Россией Ахал-Текинского оазиса . . 395
Конвенция 9 декабря 1881 г. и ее политическое значение 406
Заключение 423

Редактор *Л. Ф. Хаймаханова*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *А. И. Айрапетова*

Р-10427. Сдано в набор 23.IX-68 г. Подписано к печати 18.III-69 г. Формат 60×90¹/₁₆. 14,25 бум. л.—28,5 печ. л. Уч.-изд. л. 30,0. Изд. № 774. Заказ № 75. Тираж 1000. Цена 2 р. 47 к.

Типография № 8 Госкомитета Совета Министров УзССР по печати Ташкент, ул. Червякова, 66.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.